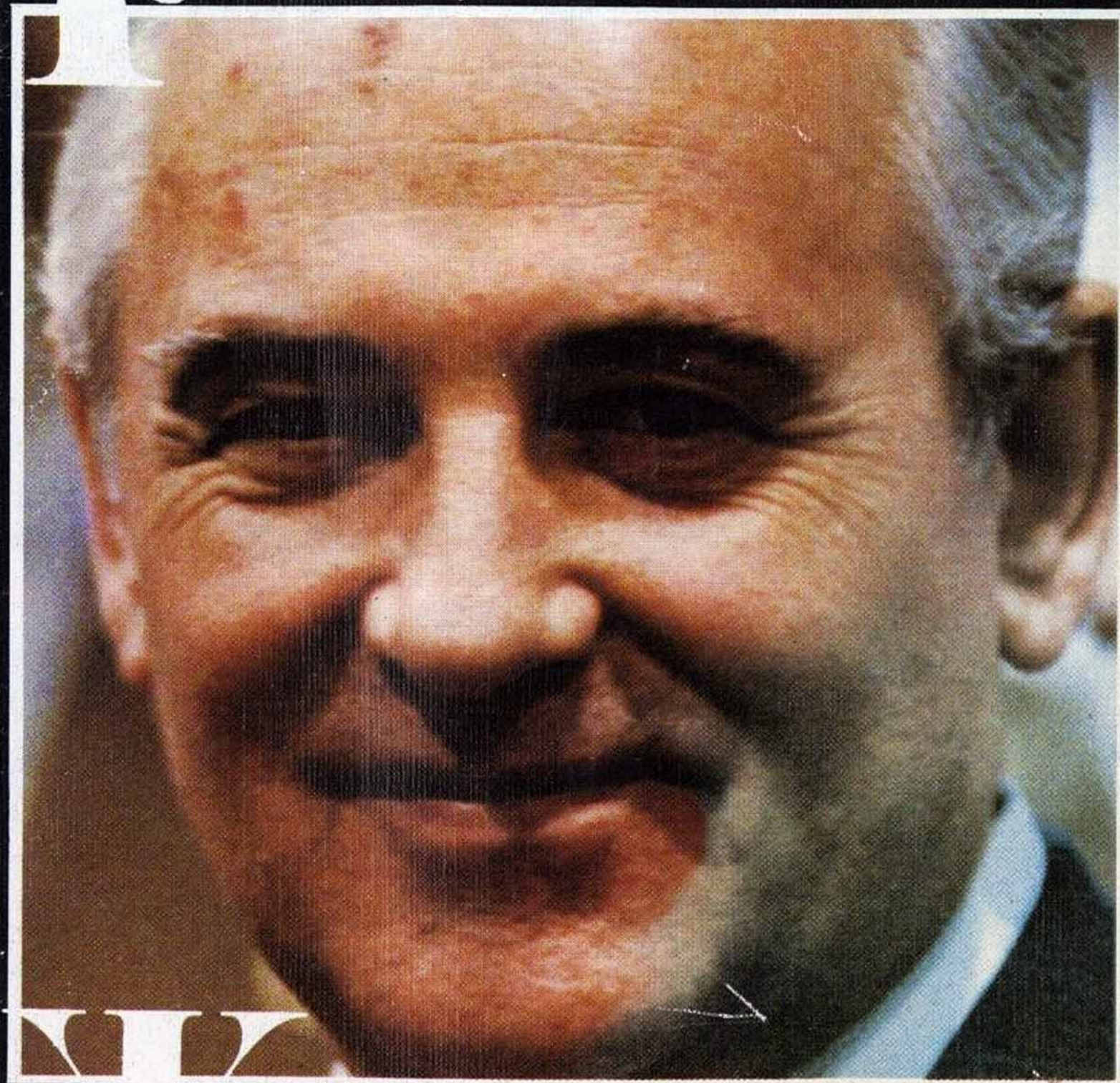

Михаил Горбачев

Книга 1

Жизнь и реформы

Новости

**Михаил
Горбачев**

**Жизнь и
реформы**

Михаил Горбачев

Жизнь и реформы

Книга 1

Новости

Москва, 1995

ББК 66.3
Г 67

В книге использованы фотографии ИТАР-ТАСС, РИА „Новости“, АО „Издательство «Новости»“, А. Годунова, из личного архива автора.

© М.С.Горбачев, автор, 1995

© В.В.Анохин, оформление, 1995

© АО „Издательство «Новости»“, 1995

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Обращение к советским гражданам Выступление по телевидению Президента СССР 25 декабря 1991 года

«Дорогие соотечественники! Сograждане!

В силу сложившейся ситуации с образованием Содружества Независимых Государств я прекращаю свою деятельность на посту Президента СССР. Принимаю это решение по принципиальным соображениям.

Я твердо выступал за самостоятельность, независимость народов, за суверенитет республик. Но одновременно и за сохранение союзного государства, целостности страны.

События пошли по другому пути. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства, с чем я не могу согласиться.

И после Алма-Атинской встречи и принятых там решений моя позиция на этот счет не изменилась.

Кроме того, убежден, что решения подобного масштаба должны были бы приниматься на основе народного волеизъявления.

Тем не менее я буду делать все, что в моих возможностях, чтобы соглашения, которые там подписаны, привели к реальному согласию в обществе, облегчили бы выход из кризиса и процесс реформ.

Выступая перед вами последний раз в качестве Президента СССР, считаю нужным высказать свою оценку пройденного с 1985

года пути. Тем более что на этот счет немало противоречивых, поверхностных и необъективных суждений.

Судьба так распорядилась, что, когда я оказался во главе государства, уже было ясно, что со страной неладно. Всего много: земли, нефти и газа, других природных богатств, да и умом и талантами Бог не обидел, а живем куда хуже, чем в развитых странах, все больше отстаем от них.

Причина была уже видна — общество задыхалось в тисках командно-бюрократической системы. Обреченное обслуживать идеологию и нести страшное бремя гонки вооружений, оно — на пределе возможного.

Все попытки частичных реформ — а их было немало — терпели неудачу одна за другой. Страна теряла перспективу. Так дальше жить было нельзя. Надо было кардинально все менять.

Вот почему я ни разу не пожалел, что не воспользовался должностью Генерального секретаря только для того, чтобы «поцарствовать» несколько лет. Считал бы это безответственным и аморальным.

Я понимал, что начинать реформы такого масштаба и в таком обществе, как наше, — труднейшее и даже рискованное дело. Но и сегодня я убежден в исторической правоте демократических реформ, которые начаты весной 1985 года.

Процесс обновления страны и коренных перемен в мировом сообществе оказался куда более сложным, чем можно было предположить. Однако то, что сделано, должно быть оценено по достоинству:

— Общество получило свободу, раскрепостилось политически и духовно. И это — самое главное завоевание, которое мы до конца еще не осознали, и потому что еще не научились пользоваться свободой. Тем не менее проделана работа исторической значимости:

— Ликвидирована тоталитарная система, лишившая страну возможности давно стать благополучной и процветающей.

— Совершен прорыв на пути демократических преобразований. Реальными стали свободные выборы, свобода печати, религиозные свободы, представительные органы власти, многопартийность. Права человека были признаны высшим принципом.

— Началось движение к многоукладной экономике, утвердятся равноправие всех форм собственности. В рамках земельной реформы стало возрождаться крестьянство, появилось фермерство, миллионы гектаров земли отдаются сельским жителям, горожанам. Узаконена экономическая свобода производителя, и начали

набирать силу предпринимательство, акционирование, приватизация.

— Поворачивая экономику к рынку, важно помнить — делается это ради человека. В это трудное время все должно быть сделано для его социальной защиты, особенно это касается стариков и детей.

Мы живем в новом мире:

— Покончено с «холодной войной», остановлена гонка вооружений и безумная милитаризация страны, изуродовавшая нашу экономику, общественное сознание и мораль. Снята угроза мировой войны.

Еще раз хочу подчеркнуть, что в переходный период с моей стороны было сделано все для сохранения надежного контроля над ядерным оружием.

— Мы открылись миру, отказались от вмешательства в чужие дела, от использования войск за пределами страны. И нам ответили доверием, солидарностью и уважением.

— Мы стали одним из главных оплотов по переустройству современной цивилизации на мирных, демократических началах.

— Народы, нации получили реальную свободу выбора пути своего самоопределения. Поиски демократического реформирования многонационального государства вывели нас к порогу заключения нового Союзного договора.

Все эти изменения потребовали огромного напряжения, проходили в острой борьбе, при нарастающем сопротивлении сил старого, отжившего, реакционного — и прежних партийно-государственных структур, и хозяйственного аппарата, да и наших привычек, идеологических предрассудков, уравнительной и иждивенческой психологии. Они наталкивались на нашу нетерпимость, низкий уровень политической культуры, боязнь перемен. Вот почему мы потеряли много времени. Старая система рухнула до того, как успела заработать новая. И кризис общества еще больше обострился.

Я знаю о недовольстве нынешней тяжелой ситуацией, об острой критике властей на всех уровнях и лично моей деятельности. Но еще раз хотел бы подчеркнуть: кардинальные перемены в такой огромной стране, да еще с таким наследием, не могут пройти безболезненно, без трудностей и потрясений.

Августовский путч довел общий кризис до предельной черты. Самое губительное в этом кризисе — распад государственности. И сегодня меня тревожит потеря нашими людьми гражданства вели-

кой страны — последствия могут оказаться очень тяжелыми для всех.

Жизненно важным мне представляется сохранить демократические завоевания последних лет. Они выстраданы всей нашей историей, нашим трагическим опытом. От них нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах и ни под каким предлогом. В противном случае все надежды на лучшее будут похоронены.

Обо всем этом я говорю честно и прямо. Это мой моральный долг.

Сегодня хочу выразить признательность всем гражданам, которые поддержали политику обновления, включились в осуществление демократических реформ.

Я благодарен государственным, политическим и общественным деятелям, миллионам людей за рубежом — тем, кто понял наши замыслы, поддержал их, пошел нам навстречу, на искреннее сотрудничество с нами.

Я покидаю свой пост с тревогой. Но и с надеждой, с верой в вас, в вашу мудрость и силу духа. Мы — наследники великой цивилизации, и сейчас от всех и каждого зависит, чтобы она возродилась к новой современной и достойной жизни.

Хочу от всей души поблагодарить тех, кто в эти годы вместе со мной стоял за правое и доброе дело. Наверняка каких-то ошибок можно было бы избежать, многое сделать лучше. Но я уверен, что раньше или позже наши общие усилия дадут плоды, наши народы будут жить в процветающем и демократическом обществе.

Желаю всем вам всего самого доброго».

К ЧИТАТЕЛЮ

В нынешнее бурное время люди у нас в России, в государствах бывшего Советского Союза, да и повсюду в мире задаются вопросами. Что произошло со всеми нами в последние годы? Была ли переживаемая драма predetermined ходом общественного развития или явилась результатом человеческой воли — доброй, по мнению одних, злой, как считают другие? Где глубокие корни и причины тех событий, которые второй раз в XX веке перевели в другое русло жизнь у нас в стране и вышли далеко за ее пределы? Наконец, в какой точке исторических координат мы сейчас находимся и что день грядущий нам готовит?

С 1985-го до конца 1991 года я был, можно сказать, в эпицентре событий. Теперь, освободившись от груза государственных обязанностей, считаю своим долгом сказать все, что знаю, дать свой ответ на вопросы, тревожащие современников. Само собой разумеется, речь пойдет прежде всего о политике, власти, новом мышлении, начатых нами реформах в стране, переменах на международной арене. Но не только. Меня часто спрашивают о тех или иных подробностях личной жизни, пытаюсь понять, из какого корня выросла перестройка, где, когда, при каких обстоятельствах сложилось намерение покончить с укрепившейся у нас тоталитарной системой. Расскажу я и об этом.

Впрочем, рассказ этот будет не столько о себе, сколько об условиях, в которых формировалось наше поколение, о людях, с кем я постигал жизненные и политические премудрости, общение с ко-

торыми оказало влияние на формирование моих убеждений, характера.

С университетской скамьи и до последнего времени пришлось мне встречаться с великим множеством людей. Особенно насыщенными в этом смысле были семь лет у власти. До конца сохраню чувство искренней благодарности всем, кто помогал мне в делах личным участием или поддерживал морально. Скажу о них как сумею.

Немало и противников встретилось на моем пути. Я не питаю к ним зла. По крайней мере, к тем, кто отстаивал свои убеждения не таясь, бросал перчатку, а не угодничал, чтобы потом предать, нанести удар из-за угла. Теперь всех нас рассудит история.

За эти годы я прочитал и услышал о себе, своей деятельности, моральных установках самые разные суждения. Наряду с честным описанием происшедшего в ходу немало домыслов, спекуляций, да и беспардонной лжи. К серьезным оценкам я отношусь соответственно — даже если они и неприятны для меня, и с ними не согласен, — они заставляют думать. На злопыхательство не считаю нужным реагировать.

Я начал свою деятельность в 1985 году с желания быть понятым. Хочу в этих книгах представить себя и свои искания с той же целью — объяснить не только свой выбор, но и то, как я шел к нему. Попытался рассказать о том, как трудно было реализовать замыслы, и о том, что многое пришлось кардинально менять по ходу перестройки.

Мне хотелось не впасть в какие-то преувеличения, избежать изображения событий в выгодном для себя свете. Не знаю, насколько это удалось, но я стремился к этому.

Стараясь объяснить те или иные свои решения и поступки, я во все не хочу все их оправдать. Не снимаю с себя ответственности за начатые реформы, потому что по-прежнему глубоко убежден: они были жизненно необходимы и в конечном счете послужат благополучию моей Родины, будут благотворны для мира.

Впрочем, мое дело рассказать, а читателю судить.

В работе над воспоминаниями я постоянно чувствовал помощь и поддержку моей жены. Пытливый ум и женская интуиция Раисы Максимовны, ее непосредственное участие во всех моих жизненных перипетиях имели при написании книги неоценимое значение.

Хочу выразить сердечную признательность всем, кто помог в подготовке этих книг. Среди них мои единомышленники и друзья, которые были со мной в годы перестройки, и те, кто сейчас трудится рядом со мной в Фонде, — А.С.Черняев, В.А.Медведев,

Г.Х.Шахназаров, В.Т.Логинов, Г.С.Остроумов, В.В.Загладин, А.Б.Вебер, В.Б.Кувалдин^{*}.

Душевно благодарен Т.П.Мокачевой и И.Г.Вагиной — моим постоянным помощницам на протяжении многих лет^{**}. Очень важную работу проделали Л.Н.Пучкова, Г.К.Прозорова, О.И.Дубровина, С.Л.Кузнецов, В.Н.Миронова^{***}.

* * *

Был момент, когда мысль написать этот «отчет» о моей жизни и реформах, таившаяся где-то в подсознании, превратилась в настоятельную потребность.

В последние дни декабря 1991-го — драматические для страны и, конечно, для меня самого — происходило нечто непостижимое. На глазах распадается Советский Союз, еще недавно могучее государство. Страну пускают «под нож», а люди воспринимают происходящее чуть ли не как благо?! Верховные Советы республик отбрасывают проект Договора о Союзе Суверенных Государств, подготовленный Госсоветом СССР в составе руководителей республик под руководством президента страны, и проглатывают ядовитые плоды беловежского сговора^{****}. Пресса растеряна. Интеллигенция молчит. Мои обращения к депутатам и народу, предупреждения о тяжелых последствиях распада СССР остаются без внимания — общество оказалось дезориентированным, не способным адекватно воспринимать происходящее. На этом сыграли раз-

* А.С.Черняев — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, а затем Президента СССР по международным вопросам. В.А.Медведев — секретарь и член Политбюро ЦК КПСС, занимавшийся вопросами идеологии и отношений между странами, в последние годы моей работы являлся советником Президента. Г.Х.Шахназаров — помощник генсека и Президента СССР по вопросам соцстран и политической реформы. В.В.Загладин — один из руководителей Международного отдела ЦК КПСС, советник Президента. Г.С.Остроумов — помощник генсека и Президента по вопросам внутренней политики. Профессора А.Б.Вебер, В.Б.Кувалдин, В.Т.Логинов — сотрудники и консультанты аппарата ЦК КПСС и Президента СССР.

** Т.П.Мокачева и И.Г.Вагина — стенографистки аппарата ЦК КПСС и Президента СССР.

*** Л.Н.Пучкова, Г.К.Прозорова, О.И.Дубровина, С.Л.Кузнецов, В.Н.Миронова — сотрудники Фонда в области архивного дела.

**** Речь идет о встрече в Беловежской пуще в Белоруссии в начале декабря 1991 г. Б.Ельцина, Л.Кравчука, С.Шушкевича, которая завершилась подписанием документов, положивших начало распаду СССР.

рушители страны, узурпировав право народов самим решать свою судьбу. Произошло то, чего я более всего не хотел допустить.

Сейчас, когда пишутся эти строки, за окном уже осень 1993-го. Многое, о чем так яростно спорили в 1990—1991 годах, прояснилось. Обещанного в рамках СНГ сохранения целостности экономического, политического, оборонного и, главное, «гражданского пространства» не получилось. С душевной болью я смотрю на ситуацию в бывших республиках СССР: экономическая разруха, войны, насилие, разгул преступности, попрание прав граждан и национальных меньшинств. Все это — расплата за авантюризм амбициозных политиков, столкнувших общество и государство с пути реформ на путь «великих потрясений».

Суровая штука — время, все расставляет по местам. Блеск вчерашних кумиров сильно потускнел, а крики одобрения толпы в их адрес сменились на проклятия. Кажется, мы начинаем понимать, что нельзя предаваться иллюзиям. А это — залог выздоровления и осуществления надежды. Я остаюсь при убеждении, что задуманные и начатые в 1985 году реформы были исторически необходимы. Пройдя полосу испытаний, наш народ сумеет достойно распорядиться главным результатом перестройки — свободой, демократией, гражданскими правами. Россия, другие бывшие союзные республики найдут путь к восстановлению своего союза — не в прежней унитарной, имперской форме, а в форме демократического объединения государств.

Верю я и в то, что, миновав период разлада и неустроенности, вызванных концом прежней биполярной системы, мировое сообщество сумеет выстроить новый миропорядок и общими силами одолеть угрозы, отовсюду нас обступающие, — военную, экологическую и другие. Начатое нами движение к безъядерному миру и глобальной безопасности, интеграции стран, относившихся в прошлом к враждующим военно-политическим блокам, будет, несомненно, продолжено.

С этими убеждениями и надеждами приглашаю читателя в путь.

Часть I

КТО Я И ОТКУДА

Глава 1

ИЗБРАНИЕ СЕКРЕТАРЕМ ЦК

1978 ГОД, 27 НОЯБРЯ

Такая надпись сделана на одном из блокнотов, который я обнаружил в своем архиве. Это знаменательная дата в моей политической карьере. 27 ноября 1978 года — понедельник, день Пленума ЦК КПСС, на котором меня избрали секретарем ЦК.

**Трапеза
с неожиданным
концом**

25 ноября я прилетел из Ставрополя в Москву. А в воскресенье часов в 12 оказался на юбилее у моего земляка и друга еще по комсомолу Марата Грамова. Ему исполнилось 50. Это, конечно, был повод для встречи друзей. На Малой Филевской улице в новом доме, в квартире на 4-м этаже, собрались несколько человек, в основном ставропольцы. Как у нас такие даты отмечаются, известно. По-русски — широко, с обильным угощением, дружеским разговором, с шуткой и песней. А на этот раз встретились к тому же люди, давно знавшие друг друга. Трапеза началась с традиционных тостов. Но поскольку это был круг друзей, то они звучали и искренне, и нестандартно. Настроение у всех было приподнятое, в том числе у юбиляра. Ну что такое 50 лет! Это еще даже не полдень!

За тостами пошел разговор. Говорили, в частности, о том, кто заменит скончавшегося Кулакова на посту секретаря ЦК КПСС.

Мы, областные секретари, члены ЦК, обычно знали, как говорили тогда, «кто на подходе». Иногда с нами по таким вопросам советовались. На сей раз консультаций не было.

В застолье прошло несколько часов. А в конце дня выяснилось, что меня тщетно целый день разыскивают сотрудники Черненко. Оказывается, со мной хотел встретиться Леонид Ильич Брежнев. Позвонили в гараж Управления делами ЦК, выяснили, что Горбачев вызывал машину, нашли шофера, который меня отвозил по адресу Грамова. В середине дня позвонили на квартиру. Никто из сидевших за столом не об-

ратил внимания на телефонный звонок. А сын Грамова на просьбу пригласить к телефону Горбачева ответил — «не туда попали»...

Прошло еще два-три часа. И уже где-то около 6 часов приехал еще один ставрополец и сказал, что в гостинице всех поставили на ноги — ищут Горбачева.

Я набрал номер телефона, который мне сообщил приехавший земляк. Ответили из приемной Черненко: «Вас вызывает Генеральный секретарь. Нас с работы повыгоняют...» «Хорошо, сейчас приеду», — успокоил того, кто звонил.

Надо сказать, нравы того времени были таковы, что выпивать приходилось не так уж редко. Правда, у меня пристрастия к алкоголю не было никогда. Поэтому и на сей раз мое состояние было вполне нормальным. Но все-таки известная, я бы сказал, неловкость присутствовала. Оказавшись в кабинете Черненко, я в шутливой форме сказал: «Знаете, сошлись земляки, посидели, поговорили...» Константин Устинович шутки не принял и без всяких предисловий сообщил: «Завтра на Пленуме Леонид Ильич собирается внести предложение об избрании тебя секретарем ЦК партии. Поэтому он и хотел встретиться с тобой».

Многозначительное напутствие Отношения у нас с Константином Устиновичем были на тот момент неплохие: как первый секретарь крайкома я поддерживал с ним регулярный контакт и решал многие вопросы, связанные с нашими заботами. Можно было надеяться на достаточно открытый разговор. Но эта беседа сильно отличалась от всех предшествующих.

В нашей среде знали Черненко как человека малоразговорчивого — многие называли его молчуном. Таких людей нередко воспринимают как сдержанных, даже скромных, на их фоне люди иного склада и темперамента, вроде моего, могут казаться претенциозными. Но все же симпатии мои на стороне открытых людей. «Тихонь» типа Черненко я воспринимаю настороженно, под их кажущейся скромностью может скрываться самое неожиданное.

Я высказал сомнение: достаточно ли продумано решение о моем избрании. Сказал, что знаю ситуацию в сельском хозяйстве, но не уверен, смогу ли сделать то, в чем сейчас нуждается деревня. Черненко выслушал и возразил своеобразно: «Леонид Ильич исходит из того, что ты на его стороне, лоялен по отношению к нему. Он это ценит».

Мои отношения с Брежневым были ровными, деловыми, но отнюдь не близкими.

Я намеревался продолжить разговор, но Черненко прервал:

— Раз Леонид Ильич пришел к этому выводу, никаких разговоров быть не может.

Я попытался сказать, что дело это тяжелое, надо очень многое менять. По Ставрополью знаю, как непросто даются перемены. На это прозвучал неожиданный для меня ответ:

— Да брось ты! 235 миллионов тонн хлеба собрали, а ты все — тяжело, тяжело! Знаешь что, делай то, что делал Кулаков, вот что я тебе скажу.

Я понял, что речь идет не просто о сельском хозяйстве. Роль Кулакова в Политбюро, его близость к Брежневу мне были известны.

— Вы знаете, Константин Устинович, с Кулаковым мы в последнее время много спорили. — Но эта реплика не изменила направленности беседы.

— Хорошо, я тебя понял. Решения по сельскому хозяйству ЦК принял крупные. (Он, видимо, имел в виду решения июльского Пленума ЦК КПСС 1978 г.) ими и займешься. А захочешь еще что-то новое сделать или изменить, тогда говори с Леонидом Ильичом, но сначала посоветуйся и со мной. Мы ведь давно знаем друг друга. Плохого совета не дам.

Желания у Черненко продолжать наш разговор дальше, как я понял, не было. Да и мне следовало знать меру. Спросил, будет ли Леонид Ильич беседовать со мной завтра до открытия Пленума.

— Не знаю. Об этом разговора не было. Он поручил мне сказать все то, что я тебе сказал. — Черненко торопился.

Последнее, что меня интересовало, не придется ли выступать на Пленуме.

— Твое выступление на Пленуме вряд ли потребуются. Предложение будет вносить сам Леонид Ильич. Значит, ЦК сразу поддержит... И потом ты не так давно выступал, — добавил с ехидцей Черненко.

На этом наш разговор окончился.

Почему выбор пал на меня?

Во время поездок в Москву я останавливался в гостинице «Россия». В гостинице «Москва» жил всего 2-3 раза. Многих интересовало почему. Ведь «по чину» мне была положена «Москва».

Но я как-то привык к «России». Там, на 10-м этаже, был номер, кажется, 98, окна которого выходили на Кремль. Придешь поздно вечером или ночью, усталый после дневной суеты, а тут тихо, далеко от шума улицы, от пьяных объяснений и полуночных драк у выхода из гостиничного ресторана. Перед глазами Кремль. Ночью, особенно когда он подсвечен, это не просто красивое зрелище — возникает какое-то особое состояние духа. Позднее Кремль стал местом моего постоянного пребывания, но и тогда я не стал равнодушен к его соборам, площадям, садам и парку. Мы любили семьей гулять по его территории. Иногда в праздничные дни ездили в Кремль, чтобы оттуда посмотреть салют.

В эту ночь мне заснуть не удалось. Не зажигая света, придвинул кресло к окну — прямо передо мной парили в ночном небе купола собора Василия Блаженного, величественное очертание Кремля... Видит Бог, о таком назначении я не думал!

Без малого четверть века я проработал на Ставрополье после университета, из них почти 9 лет — первым секретарем крайкома партии. Многого удалось сделать и понять, но немало проблем остались неразрешимыми. И дело тут было уже не только во мне, их решение упиралось в существующие порядки. Деятельность на посту секретаря краевого комитета партии меня удовлетворяла. Работал я, забывая обо всем, с желанием найти «архимедов рычаг», чтобы все переменить к лучшему в родном крае. Но время шло, и со мной стали заводить разговоры о переходе на другую работу.

В начале 70-х годов П.Н.Демичев интересовался, как бы я отнесся к предложению перейти на работу в ЦК заведующим отделом пропаганды. Ф.Д.Кулаков говорил о poste министра сельского хозяйства. Моя кандидатура, оказывается, обсуждалась и на предмет назначения генеральным прокурором СССР: состояние здоровья Руденко серьезно ухудшилось, встал вопрос о его замене, а дело это крайне непростое, если иметь в виду, какими критериями тогда руководствовались при принятии решений такого рода. Позднее заведующий административным отделом ЦК Н.И.Савинкин рассказал мне, что с моей кандидатурой не согласился А.П.Кириленко, сказав при этом: «Нашли топор под лавкой». Савинкин это понял так, что в отношении меня у них другие планы.

На все предложения подобного рода я реагировал негативно.

Впрочем, дело было, конечно, не только и не столько в моих настроениях. У членов Политбюро на мой счет были разные взгляды. Из доверительных разговоров с некоторыми работниками аппарата ЦК я знал, что кое-кому из руководства ЦК нынешний ставропольский секретарь с его независимым характером не по душе. Вот уж воистину, как говорил мой друг Николай Карпович Кириченко, первый секретарь Крымского обкома: «Не высовывайся из ряда, а то по роже дадут». Так что дальше обмена мнениями дело не продвигалось. Думаю, как раз это и было определяющим, так как при согласии в руководстве мое желание по тем временам мало что значило.

Кроме того, у нас на этот счет был безошибочный барометр — зарубежные поездки. Мне не раз звонили из отделов ЦК, спрашивая, не смогу ли я поехать в составе или во главе делегации в ту или иную страну. Бывало, я даю согласие, но в последний момент кто-то отводит мою кандидатуру. Объясняли так: «Знаешь, в руководстве считают, что край большой, нецелесообразно отрывать тебя от дел». Меня это не очень-то беспокоило. В таких случаях я задавал обычно ехидный во-

прос: «А что, у тех, кто ездит за рубеж, дел мало, или они вообще отпетые бездельники?» Смеялись, на том разговор и заканчивался.

Ну, ладно с этими поездками. Куда важнее было другое. За все годы работы секретарем крайкома — с начала 1970-го и до ноября 1978-го, то есть за восемь с половиной лет, мне лишь один раз дали слово в прениях на Пленуме ЦК и раз на сессии Верховного Совета СССР: многие из моих коллег выступали многократно. Впрочем, я находил способы публично изложить свои позиции: писал в центральные и местные газеты, журналы. Немало бесед состоялось с секретарями ЦК, членами союзного и российского правительства.

При добром взаимном расположении, все чаще и острее становились наши споры с Кулаковым. Особенно запомнился наш разговор с ним поздней осенью 1977 года. Запомнился, наверное, потому, что в тот раз дело не ограничилось обменом мнениями.

Началось вроде бы с частных вопросов — с кредита и гарантированной денежной оплаты.

— Ведь как мы кредиты даем? — говорил я. — Если хозяйство плохонькое, убыточное — ему побольше; а если крепкое, передовое — ему ни кредитов, ни стройматериалов, крутись как хочешь. Те, кто может развернуть свой потенциал, лишаются нашей поддержки. А теперь? Вместо того чтобы крестьянин, колхоз, совхоз зарабатывал или разорялся, ввели гарантированную оплату труда, которая всех подравнила. Деревня лишается стимула к работе.

— Эх ты, умник, — ответил Кулаков, — сидишь у себя в Ставрополе и дальше носа не видишь. Здесь, в центре России, деревня погибает, земля зарастает лесом. Надо хоть что-то дать людям, чтобы последние не разбежались.

Фраза насчет «собственного носа» раззадорила меня...

— Если смотреть на проблему в плане «неотложных мер», то вы правы, помочь надо. Но сколько можно «принимать меры», «спасать», «вести борьбу» за урожай, за скот, за головы и хвосты? Ведь в той же деревне центральной полосы, где и осадки и прочие природные условия в норме, результаты никудышные и земля погибает. А раньше-то крестьянин жил, работал, кормил... Значит, политику надо менять. Вы гордитесь мартовским Пленумом 1965 года. И я считаю, что им можно гордиться. Это был крупный шаг к тому, чтобы решать проблемы села политически, то есть с точки зрения взаимоотношений с крестьянством в целом. Ну а теперь? Мартовский Пленум погублен: нарушили нормальный взаимовыгодный обмен между промышленностью и селом. Вот крестьянин и рассуждает: раз вы мне не платите за продукцию как положено, то плевать мне на все. Тем более есть гарантированная оплата. Деваться вам некуда, кредиты дадите, а возвращать их не будет, потому что долг не за ним, а за вами... Перевернуто все вверх ногами...

Реакция Кулакова была бурной. По-человечески его можно было понять: и на Ставрополье, и на посту секретаря ЦК по сельскому хозяйству он за деревню стоял горой, выбивая для села трактора, комбайны, автомашины, запчасти, удобрения. И после всего этого — услышать такие слова. И от кого — от Горбачева!

И, не скрывая обиды, он рассказал, что идет подготовка нового Пленума ЦК по вопросам сельского хозяйства, однако председателем комиссии, вопреки ожиданиям, назначен А.Н.Косыгин, а не он, Кулаков, являющийся членом Политбюро и секретарем ЦК именно по этим вопросам. Его не ввели даже в состав комиссии.

Я был поражен. Ведь именно Косыгин в конце шестидесятых приложил руку к тому, что обернулось разрушением эквивалентного обмена между городом и деревней.

Хитровато улыбаясь, Кулаков предложил:

— А ты напиши обо всем, что сказал. — Он был уверен, что я откажусь. Но я согласился.

— Хорошо. Когда прислать?

— До первого января.

Работал я над запиской основательно. Получилось 72 страницы. Последнюю редакцию закончил в три часа ночи 31 декабря 1977 года и тут же отослал.

Кулаков прочел, показал помощнику Брежнева Голикову, а спустя два-три месяца позвонил мне:

— Слушай, Михаил, а что, если твою записку разослать членам комиссии Политбюро?

Я ответил, что писал ее лично ему, а для комиссии надо доработать. Он согласился, но просил сделать все побыстрее. Через неделю сокращенный вариант записки был отправлен в ЦК. В нем были сохранены все основные положения. В таком виде она и была разослана по комиссии Политбюро.

Сам июльский Пленум запомнился очень хорошо. С докладом «О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР» 3 июля выступил Брежнев. Начались прения. На второй день, 4 июля, выступали: министр сельского хозяйства СССР В.К.Месяц, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П.М.Машеров. После секретаря Амурского обкома слово предоставили мне. Это было мое первое выступление на Пленуме ЦК — на девятом году работы секретарем крайкома. Я твердо решил: хотя бы в спрессованном и «упакованном» виде сказать то, о чем писал в записке...

Обычно в зале заседаний обстановка рабочая. Если даже то или иное выступление не заинтересовало, присутствующие сохраняют спокойствие, может быть, даже чрезмерное. Однако определенный звуковой фон — от перешептываний и шуршания газет — все же был.

Началось мое выступление, и, по мере того как я развертывал свою аргументацию, в зале возникла какая-то напряженная тишина. За моей спиной в президиуме сначала тоже было тихо, а потом до меня стали доходить какие-то реплики.

Когда, закончив выступление, я сел на свое место, министр сельского хозяйства Российской Федерации Л.Я.Флорентьев, мой давний добрый друг, большой мудрец, шепнул:

— В общем-то, все хорошо. Но зря не послушался — я же советовал тебе кое о чем не говорить. Уж очень занервничали в президиуме.

Почему же в ноябре 1987-го выбор пал все-таки на меня? Что произошло? Вспомнилась фраза Черненко: «Леонид Ильич исходит из того, что ты на его стороне». Так что же, есть другая сторона, где она, что из себя представляет, и кто на «той стороне»?

Я знал о разных точках зрения по тем или иным проблемам, о спорах в руководстве страны. Но воспринимал это как обычное явление, стремление в дискуссиях найти оптимальные варианты решений. Уже работая в ЦК, понял, что это были не просто различия мнений, а нечто большее — наличие группировок в составе руководства и борьба между ними. И все же не следует заблуждаться на сей счет, думать, что речь шла о борьбе между «реформаторами» и «консерваторами». Нет, это были люди одной «веры» и приверженцы одной системы. Соперничество группировок означало не что иное, как борьбу за власть. Брежнев искал опору. Сначала это были Гречко и Кириленко, затем Громыко и Устинов и уж потом Андропов и Кулаков, а еще Щербицкий с Кунаевым, Рашидов и Алиев... Я не говорю о тех, кто находился на других ступенях иерархической лестницы и на кого также опирался Брежнев. Но сейчас я подумал, что ведь консолидация в ПБ вокруг генсека в конечном счете обернулась не столько позитивными, сколько негативными последствиями, реанимацией в новых формах сталинизма, ограничениями демократии. Так что не такое уж безобидное дело — подавление одной группы другой.

После скоропостижной смерти Кулакова в июле 1978 года Брежнев стал искать замену. Ему прежде всего нужен был человек, назначение которого не нарушило бы неустойчивое равновесие, существовавшее в «верхах». Тогда я понял это, но многого еще не знал, узнал позже. И сейчас догадываюсь, как трудно далось решение о рекомендации Пленуму моей кандидатуры. Боялись ошибиться. В структуре ЦК секретарь по сельскому хозяйству — ключевая должность, поскольку он постоянно связан со всей страной, с первыми секретарями республиканских ЦК, крайкомов и обкомов. А корпус первых секретарей — вотчина и опора генсека. Значит, и окончательный выбор на этот пост был за Брежневым.

**Андроповский
«фактор»**

В августе 1978-го мне позвонил в Ставрополь
Ю.В.Андропов.

— Как у тебя дела?

— Хлеба хорошие: год урожайный. Да и в целом
обстановка в крае неплохая.

— Когда в отпуск собираешься?

— В этом году хочу пораньше поехать.

— Вот и хорошо! Встретимся в Кисловодске.

Особого значения я этому звонку не придавал. Увидел в нем лишь подтверждение Андроповым наших добрых отношений — не больше. Теперь вспоминаю, что в этот раз на отдыхе в Кисловодске мы встречались чаще обычного, а говорили меньше о Ставрополье, больше о том, как складываются дела в стране. Особенно щедро Юрий Владимирович делился информацией и своими оценками по многим проблемам внешней политики. Из тех необычных бесед в моей памяти отложились и его рассуждения о решающем значении «фактора Брежнева» для сохранения единства в руководстве, консолидации страны, социалистических государств. Сейчас понимаю, что эти дружеские «воспитательные беседы» Андропов проводил не случайно. Очевидно, в то время в верхах уже «перемывали мои косточки», и с учетом этого он давал мне наставления. Я же на эти беседы смотрел как на продолжение нашего давнего спора, когда я в самой откровенной форме поделился с ним своими сомнениями.

Дело было так. В одном из разговоров еще в году 1975-м у меня вырвалось:

— Вы думаете о стране или нет?

— Что за дикий вопрос? — с недоумением ответил Юрий Владимирович, привыкший к моим «всплескам».

— Ведь в течение ближайших трех-пяти лет большинство членов Политбюро уйдет. Просто перемрет. Они уже на грани...

Надо сказать, что к этому времени в возрастном отношении ситуация в Политбюро сложилась довольно напряженная: средний возраст что-то около 70 лет. Людям претило, что многие из них, не отличаясь особыми талантами, по двадцать—тридцать лет находятся у власти и теперь уже в силу естественных причин не способны выполнять свои обязанности. И тем не менее все они продолжают оставаться на своих постах.

Андропов рассмеялся:

— Ну, ты уж нас совсем...

— Да я не о вас лично, но надо ведь думать об этом. Вы посмотрите — и среди секретарей то же самое, и на местах...

В ответ Юрий Владимирович стал излагать свою «концепцию», со-

гласно которой выходило, что, мол, когда двигаешь человека в годах, за его плечами жизнь, опыт, и нет у него амбиций. Делает свое дело без всяких карьеристских замашек. А все эти молодые только и думают о карьере, о том, чтобы перескочить повыше... В общем, суть концепции: «Старый конь борозды не портит».

Я шутя возразил:

— Это что-то новое в ленинском учении о кадрах. До сих пор я думал, что сочетание молодых и опытных работников — то, что необходимо всегда. Это дает синтез, сплав. Одни предостерегают от авантюризма, другие — от застоя и консерватизма.

— Это все теория, а в жизни другое, — отмахнулся Андропов.

— И все-таки тут я согласен с Лениным, — с азартом напирал я.

— С Лениным и я согласен, — иронически заметил Юрий Владимирович.

— Ну хорошо, пускай не Ленин... Помните, что в народе говорят: «Леса без подлеска не бывает».

До конца жизни Андропов не мог забыть мне этот «подлесок» и весь этот разговор. А страна уже просто не воспринимала и психологически отвергала «совет старцев». Безусловно, информация о настроениях в обществе доходила до «верхов». И в открытой, и в другой, «классической», форме — в виде анонимок, анекдотов. Один из них мне запомнился, правда, появился он позже, после XXVI съезда КПСС. Вся соль в ответе на вопрос: «Как будет открываться XXVII съезд партии?» «Делегатов попросят встать, а членов Политбюро внести».

Словом, «сигналы» доходили до Политбюро и генсека. И это их беспокоило. Так что сменщик Кулакова должен был быть еще и относительно молодым. Думаю, Андропов «приложил руку» к моему выдвижению, хотя мне не сделал и намека.

Этой осенью произошло еще одно событие. 19 сентября Брежнев выехал на поезде из Москвы в Баку для участия в торжествах, посвященных вручению столице Азербайджана ордена Ленина. Сопровождал его Черненко. Каждый раз, когда по пути следования поезд останавливался в каком-нибудь городе, встречать выходило местное начальство. В Донецке Леонид Ильич встретился с первым секретарем обкома Б. Качурой, в Ростове — с Бондаренко, на станции «Кавказская» Краснодарского края — с Медуновым.

Поздно вечером того же дня спецпоезд прибыл на станцию «Минеральные Воды». Встречали — Андропов, я и председатель Ставропольского крайисполкома И. Т. Таранов.

Сама станция «Минеральные Воды» очень уютная, симпатичная, но небольшая — проедешь и не заметишь... Ночь была теплая, темная-

темная. Силуэты гор-локалитов. Огни города. На небе огромные звезды. Такие только на юге можно увидеть. Тишина. И лишь шум самолетов, прибывавших в аэропорт «Минеральные Воды», нарушает ее. Состав плавно остановился, из вагона вышел Брежнев, а чуть позже, в спортивном костюме, Черненко. Таранов, поздоровавшись с генсеком, отошел, и мы четверо — Брежнев, Андропов, Черненко и я — стали прогуливаться по пустому перрону...

Об этой встрече много потом писали, и вокруг нее изрядно нагромождено всяких домыслов... Еще бы — четыре генеральных секретаря, сменившие в последующем друг друга!

Из Кисловодска мы ехали встречать Брежнева вместе с Андроповым, в одном ЗИЛе. Разговаривали, все было как обычно. Как бы между прочим Юрий Владимирович сказал:

— Вот что, тут ты хозяин, ты и давай, бери разговор в свои руки...

Но разговор не клеился. После приветствий и ничего не значивших слов о здоровье и нашем с Андроповым отдыхе воцарилось молчание. Генсек, как мне показалось, отключился, не замечая идущих рядом. Пауза становилась тягостной...

До этой встречи я не раз встречался с Брежневым, бывал у него на приемах в связи с решением проблем края. Брежнев каждый раз проявлял неподдельный интерес и оказывал поддержку. Поэтому я не удивился, когда, после затянувшейся паузы, он вдруг спросил:

— Ну, как дела, Михаил Сергеевич, в вашей овечьей империи?

Ставрополье давало 27 процентов тонкорунной шерсти в Российской Федерации. Ранним летом, после окота, в степях паслись тысячи отар — 10 миллионов овец. Картина, я вам скажу, впечатляющая. Действительно — «овечья империя». Кратко рассказал о наших делах. В том году был богатейший урожай — пять с лишним миллионов тонн — по 2 тонны на каждого жителя Ставрополья.

Последовал второй вопрос:

— Как канал? Очень уж долго строите... Он что, самый длинный в мире?

Постарался пояснить, в чем тут загвоздка. И снова молчание. Юрий Владимирович выжидающе поглядывал на меня, а Черненко был абсолютно нем — этакое «шагающее и молчаливо записывающее устройство».

— А как у вас с отпуском, Леонид Ильич? Не получается? — спросил я, стараясь хоть как-то поддержать беседу. Он покачал головой.

— Да, надо, надо бы...

К разговору подключился Андропов. Они обменялись репликами по поводу программы пребывания Брежнева в Баку. И опять наступило молчание. По всему было видно, что генсек не очень расположен вести беседу. Время остановки закончилось. Подошли к вагону. Уже

стоя в тамбуре и держась за поручни, он вдруг спросил Юрия Владимировича:

— Как речь?

— Хорошо, хорошо, Леонид Ильич, — быстро ответил Андропов.

В автомобиле я поинтересовался, о каком выступлении спрашивал генсек. Оказалось другое. Андропов пояснил: Леонид Ильич все больше чувствовал затруднения с речью. Возможно, этим во многом и объяснялась его неразговорчивость, хотя по натуре он был человеком общительным.

В общем, встреча мне показалась странной. А Юрий Владимирович, по всему видно, был доволен.

Были и вторые «смотрины». После встречи в Минеральных Водах неожиданно наведаясь в Ставропольский край Кириленко. Он отдыхал в Сочи и к нам прилетел на вертолете. В течение суток ездили мы с ним, побывали в Зеленчукской обсерватории АН СССР, в сельских районах. Я рассказывал ему о наших проблемах. Меня поразила его манера кстати и некстати цепляться за каждую мелочь... Увидел с дороги машинный двор и начал раздраженно отчитывать:

— Это сколько же там машин неиспользованных? Нахапали лишней техники... Или на металлолом сдавать будете? Заелись вы тут...

Он отвечал в Политбюро за машиностроение и считал, что у села непомерные требования. Его высокомерно назидательный тон бил по нервам, а косноязычие приводило к тому, что разговор с ним превращался в сплошную муку, никак нельзя было понять, что он хочет сказать. Вообще, весь диалог наш от начала до конца был крайне напряженным. Я внутренне чувствовал недоброжелательность и в ответ повел беседу жестко, давая понять, что наш гость не разбирается в предмете, о котором судит...

— Зерно у нас уже на седьмой день после биологического созревания теряет в весе, — объяснял я ему. — А мы с нашей техникой убираем его в лучших хозяйствах 15 дней, в остальных — месяц, а то и полтора. Несем колоссальные потери. Особенность села в том, что в отличие от завода многие машины здесь используются раз в год, в сезон. Вот они и стоят, ждут своего применения. И потом — для проведения многих работ вообще техники нет. Видели бы вы, как мы вносим органические удобрения. Вывозим на тележках, а потом бульдозером разгребаем. Нигде в развитых странах так бестолково не работают. Так что нужного набора и количества машин село пока не имеет.

Мои разъяснения вызывали у Кириленко еще большее раздражение:

— Деревня на июльском Пленуме отхватила треть капитальных вложений. В село уже столько набухали... Прорва какая-то, все как в дыру идет.

Мы явно не понравились друг другу. И это осталось навсегда. Потом, уже работая в ЦК КПСС, я увидел, что Кириленко был одним из тех, кто не желал моего появления в Москве. Ко всему он оказался властолюбивым и злопамятным человеком. Наши отношения переросли в противостояние, а затем и политическое противоборство.

И все-таки выбор пал на меня. Несомненно, Брежнев, боясь ошибиться, сомневался до последнего момента. Потому-то беседа со мной не состоялась раньше. В подборе людей в состав руководства Брежнев действовал очень осторожно, выбирая долго и трудно. Но, приняв решение, от него уже не отказывался.

Всю ту ночь я провел у гостиничного окна, перебирая в памяти многое из пережитого. Пришло утро, пора было собираться на Пленум. Еще раз подумав, решил: если придется выступать, обязательно скажу и о положении крестьян, и о необходимости перемен в государственной политике по отношению к деревне.

Из гостиницы я вышел пораньше, чтобы ни с кем не встречаться. Не хотелось объясняться.

Пленум ЦК КПСС открылся в 10 часов. Места в Свердловском зале Кремля заранее не распределялись, но каждый знал свое, некоторые восседали на них уже десятилетиями.

Все произошло, как и предсказывал Черненко. Начали с организационных вопросов. Первым Брежнев предложил избрать секретаря ЦК по сельскому хозяйству, назвал мою фамилию, сказал обо мне несколько слов. Я встал. Вопросов не было. Проголосовали единогласно, спокойно, без эмоций.

Затем Пленум столь же спокойно перевел Черненко из кандидатов в члены Политбюро, а кандидатами избрал Тихонова и Шеварднадзе. «По состоянию здоровья и в связи с его просьбой» был освобожден от обязанностей члена Политбюро Мазуров. Вся процедура заняла считанные минуты — ни одного выступления, вопроса, голоса «против».

Пленум заслушал и обсудил доклады председателя Госплана СССР Н.К.Байбакова «О государственном плане экономического и социального развития СССР на 1979 год» и министра финансов В.Ф.Гарбузова «О государственном бюджете СССР на 1979 год и об исполнении государственного бюджета за 1977 год».

В перерыве обступили в кулуарах знакомые, коллеги, министры — стали поздравлять. Однако продолжалось это недолго — меня пригласили в комнату президиума, где собирались члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК.

Я вошел. Все были там. Ближе всех оказался Андропов. Улыбаясь, шагнул навстречу:

— Поздравляю, «подлесок».

Подошел Косыгин и как-то очень доверительно сказал:

— Поздравляю вас с избранием, рад вашему появлению среди нас.

Я подошел к Брежневу, стал ему что-то говорить. Он, продолжая пить чай, только кивнул головой. Когда Пленум завершил работу, вернулся в гостиницу. Меня ждали: «В вашем распоряжении ЗИЛ, телефон ВЧ уже поставлен в номер. У вас будет дежурить офицер — все поручения через него...» Я воочию убедился в том, как четко работают службы КГБ и Управление делами ЦК.

Разговор с Брежневым

Позвонил домой Раисе Максимовне: «Вечером слушай сообщение». Утром следующего дня, без приглашений и не обратившись с просьбой заранее, пошел в Кремль к Брежневу, попросил доложить.

Прием у генсека мне был очень нужен. Я хотел поделиться с Брежневым своими мыслями. Без этого не считал возможным приступить к работе. Не знаю, хотел он этой встречи или нет, но меня сразу же пригласили в кабинет. Леонид Ильич сидел за большим столом. Я сел поближе, заметил, что настроение у генсека неважное, какое-то безразлично-подавленное. Оно сохранялось таким на протяжении беседы.

Я начал с того, что поблагодарил за избрание, сказал, чем является для меня село, земля, заверил, что немедленно включусь в работу.

— Не знаю, как мне удастся, но могу сказать одно, — завершил я, — все, что умею и смогу, сделаю. И, зная ваш неизменный интерес к селу, надеюсь на поддержку.

Идя в Кремль, хотел изложить Брежневу свои соображения относительно необходимости изменений в аграрной политике, но понял, вернее, почувствовал, что это бессмысленно. Он не только не втягивался в беседу, но вообще никак не реагировал ни на мои слова, ни на меня самого. Мне показалось, что в этот момент я был ему абсолютно безразличен. Единственная фраза, которая была сказана им:

— Жаль Кулакова, хороший человек был...

Я был поражен. А после встречи с Брежневым понял, что «попал как кур в ощи́п». На душе было муторно.

Из Кремля направился на Старую площадь. Там меня ждал управляющий делами ЦК Павлов. Мой предшественник Кулаков сидел на четвертом этаже в старом здании, недалеко от кабинета Брежнева, находившегося на пятом этаже. Меня посадили подальше — в новое здание (6-й подъезд).

Павлов обстоятельно доложил мне, что «положено» секретарю ЦК: 800 рублей в месяц («как у Леонида Ильича»), лимит на питание, по которому можно заказывать продукты на 200 рублей

(членам Политбюро — 400 рублей), стоимость питания и представительские расходы во время работы также берет на себя Управление делами.

— Предложения о квартире и даче, а также о персонале, который будет вас обслуживать, подготовим к моменту вашего возвращения из Ставрополя, — закончил Павлов.

Решил пойти по секретарям ЦК с визитом вежливости — поговорить, установить контакты, как-никак, а работать вместе. Побывал у Долгих, Капитонова, Зимянина, Рябова, Русакова. Когда зашел к Пономареву, то услышал советы по вопросам сельского хозяйства. Это, кстати, продолжалось и потом, вплоть до его ухода на пенсию. Борис Николаевич принадлежал к числу «аграрников-любителей»: проезжая на машине со своей дачи в Успенском, отмечал все, что попадалось на пути...

— Вчера видел у дороги поле. Хлеб созрел. Надо косить, но ничего не делается. Что же это такое?

Или:

— Вчера гулял недалеко от дачи, набрел на овраги — трава по пояс... Почему не косят? Куда смотрят?

Так вот и было: эксперт по международным делам, особо не смущаясь, выдавал «экспертные» рекомендации и по сельскому хозяйству.

Что меня больше всего поразило во время визитов к секретарям ЦК — поведение работников аппарата: помощников, консультантов и референтов. Многих я хорошо знал, во время наездов в Москву десятки раз разговаривали, шутили. Отношения, как мне казалось, были вполне нормальными. И вдруг... В каждой приемной встретил как будто других людей. Возникла некая «дистанция». Аппарат был вышколен, дисциплинирован, и я понял, что теперь вместо человеческих отношений в силу вступает «табель о рангах». Чинопочитание в КПСС было утвердившейся нормой.

Заведующего сельскохозяйственным отделом Владимира Алексеевича Карлова, с которым мы в хороших товарищеских отношениях, я попросил собрать всех, с кем теперь мне предстояло работать. И тут то же самое... Вчера они давали мне рекомендации и указания, вменялись в ставропольские дела. И каждый при этом многозначительно изрекал: «Есть мнение...» Чье — не говорят. И все-таки отношения были у меня нормальные. А теперь, когда собрал их, смотрят настороженно, как на «начальство», и тревога в глазах — «новая метла». Надо было вносить ясность, снимать беспокойство, и поэтому сразу же сказал:

— Устраивать чехарду с кадрами не намерен, будем работать как работали. — Все успокоились, и началась деловая беседа.

Правила игры

Следующий визит — к Андропову... Идея встречи принадлежала ему. Но мне показалось, что беседу со мной он назначил с ведома... Брежнев. В начале разговора была какая-то заминка. Да и вся беседа сильно отличалась от прежних, каких у нас было немало.

— Мне бы хотелось, Михаил, ввести тебя немного в курс дела. Ты понимаешь, единство сейчас — самое главное. И центр его — Брежнев. Запомни это. Были в руководстве... как бы тебе сказать... я имею в виду, к примеру, Шелеста или Шелепина, того же Подгорного. Тянули в разные стороны. Теперь такого нет и достигнутое надо крепить.

Говорить с Андроповым намеками было не в моем обычае, и я прямо сказал:

— Юрий Владимирович, вы лучше других знаете меня, мои взгляды и позиции. И я не собираюсь их менять в угоду кому-то.

Андропов улыбнулся.

— Ну, вот и хорошо. А то я смотрю — тебя уже Алексей Николаевич начал обхаживать. Держись.

Вот оно что!.. Во время перерыва на Пленуме, принимая поздравления в комнате президиума, я ловил на себе пристальный взгляд Андропова. Видимо, от него не ускользнула фраза Косыгина и тот доверительный тон, каким она была сказана.

Спросил:

— Юрий Владимирович, вы меня извините... До сих пор я считал, что мы с вами друзья. Теперь что-то изменилось?

— Нет, нет, — ответил он, — действительно так, мы с тобой друзья. — И Андропов был верен своему слову.

Затем позвонил Суслову, он пригласил меня к себе. Михаила Андреевича я знал давно, со Ставрополем у него были крепкие связи. В 1939 году он был направлен к нам из Ростова первым секретарем крайкома. На Ставрополье связывают с его деятельностью выход из периода жестоких сталинских репрессий 30-х годов. В беседе со мной он вспоминал, что обстановка была крайне тяжелой, а его первые шаги по исправлению ошибок встречали сопротивление части кадров. Конференция Кагановичского района города Ставрополя приняла решение, объявлявшее «врагами народа» все бюро крайкома во главе с Сусловым. Но обошлось.

К слову сказать, беседы с Сусловым были всегда короткими. Он не терпел болтунов, в разговоре умел быстро схватить суть дела. Сентиментов не любил, держал собеседников на расстоянии, обращался со всеми вежливо и официально, только на «Вы», делая исключение для очень немногих.

На сей раз он вызвал меня, чтобы обсудить вопрос о преемнике на посту первого секретаря крайкома. На столе лежали два личных дела:

Мураховского и Казначеева. Мураховский, 1926 года рождения, первый секретарь Карачаево-Черкесского обкома; Казначеев, 1935 года рождения, второй секретарь крайкома.

— Каково твое мнение? — спросил Суслов.

— Думаю, надо выдвигать Мураховского, — ответил я. — У него за плечами большой опыт. Это уже сложившийся человек. А Казначеева можно либо оставить вторым, либо направить его в Карачаево-Черкесский обком первым секретарем.

— Вот и договорились, — заключил Суслов вставая. — Езжай и проводи решение. Все бумаги отсюда пошлю вслед.

Вскоре я вылетел в Ставрополь.

Глава 2

СТАВРОПОЛЬ – МОСКВА – СТАВРОПОЛЬ

Из Ставрополя в Москву мне приходилось летать часто. Пленумы ЦК, сессии Верховного Совета СССР, совещания и семинары, поездки в столицу для решения проблем края...

Летал сначала через Минеральные Воды, а когда (не без моего участия) в окрестностях Ставрополя построили аэропорт и посадочную полосу для приема больших самолетов, дело совсем упростилось и экономия времени стала еще большей. Ритм жизни сложился такой, что беречь время приходилось постоянно, и я считал тех, кто ездил поездом, людьми, отлынивающими от работы, легально устраивающими себе дополнительный отпуск.

Сами полеты вызывали у меня всегда положительные эмоции. Я любил летать. Когда в пасмурный день или в снежную метель самолет взмывает за облака и ты оказываешься в лучах солнца, появляется непередаваемое чувство широты и свободы. А когда еще зайдешь в кабину к пилотам, ощущение скорости, мощи полета многократно возрастает, и кажется, что мир перед тобой расширяется до бесконечности. Космонавты говорят, что оттуда, из космоса, наша планета видится не такой уж большой. Иное дело, когда наблюдаешь из самолета: земля поистине огромна.

На сей раз я летел в Ставрополь впервые на персональном самолете из специального авиаотряда, обслуживавшего руководство страны. Сопровождавшая охрана пересела в другой салон, и я остался один. Прислонившись к иллюминатору, я ожидал, что и этот полет даст мне ощущение свободы, полноты жизни. Увы, на душе было беспокойно. Вдруг понял, что расстанусь со Ставрополем надолго, если не навсегда. Из 47 лет своей жизни 42 я прожил на этой земле. Когда учился в университете, приезжал сюда каждые летние каникулы (для поездок зимой денег не хватало).

Чем был для меня этот край?

Здесь были мои корни, моя Родина. Я сросся с этой землей, и жизненные ее соки — во мне. Я любил Ставрополье.

Истоки

От москвичей, особенно в студенческие годы, мне не раз приходилось слышать: «У вас там, в провинции, темнота... Сонное царство. Тишь да гладь». Говорившие были убеждены в том, что вся многовековая история человечества творилась лишь в столицах. Но я знал, что это не так. И история моего родного края была лучшим тому подтверждением. Не «сонное царство», не периферия, а стык континентов, перекресток дорог разных цивилизаций, культур, религий, соприкосновение многих народов, языков, традиций и укладов жизни.

Я узнавал об этом не только из учебников и краеведческих исследований, которые тщательно собирал. В 1975 году недалеко от Пятигорска при проведении строительных работ в совхозе «Машук» вскрыли курган. Обнаружилось погребение — останки вождя и четырех его приближенных. Ученые установили, что возраст захоронения — около 40 веков.

Еще в первом тысячелетии до нашей эры Ставрополье, северо-западный Кавказ населяли племена, известные античным авторам под именем меотов, синдов, которые, как полагают некоторые исследователи, создали на территории Северного Кавказа рабовладельческое государство. В VIII–VII веках до нашей эры из Приднестровья и Крыма сюда вторглись скифы. Позднее эта земля оказалась в сфере греческой колонизации. В начале нашей эры сюда пришли аланы. Они создали свое государство, просуществовавшее сотни лет. Их разгромили гунны. Примерно с IX века из Византии и Грузии приходит христианство. В X веке появляются первые русы и возникает Тмутараканское княжество, тесно связанное с Киевской Русью. В XIII веке начинается татаро-монгольское нашествие.

По мере того как складывалось Русское государство, народы Кавказа стали искать в связях с ним спасение от всякого рода завоевателей. В августе 1555 года посол Ивана Грозного Андрей Щепетов вернулся в Москву с Северного Кавказа с посольством адыгейских князей. Иван IV объявил, что Пятигорское царство перешло в вечное русское подданство. Развернулось строительство оборонительных рубежей Российского государства, и во времена Екатерины II была сооружена так называемая Азово-Моздокская пограничная укрепленная линия из семи крепостей. В их числе был и Ставрополь. Первыми стражами были хоперские казаки (Воронежская губерния) и гренадеры Владимирского полка (Владимирская губерния).

И пошли сюда русские войска. Начали строиться казачьи станицы. Из неволи от жестоких помещиков на Юг бежали крестьяне. Потом их

стали направлять на поселение уже в принудительном порядке. И это переселение было тяжелейшей человеческой драмой, стоившей немалых жертв. Так оказались здесь и мои предки по линии отца — Горбачевы, переселенцы из Воронежской губернии, и по линии матери — Гопкало с Черниговщины.

Здесь, на южной окраине Российского государства, и характер-то формировался особый, я бы сказал, бунтарский. Недаром именно в этих местах собирали свое войско и зачинали походы предводители многих народных движений: Кондратий Булавин и Игнат Некрасов, Степан Разин и Емельян Пугачев. По преданию, и покоритель Сибири Ермак — тоже из этих краев.

Это, видимо, было у живущих здесь в крови и передавалось по наследству из поколения в поколение.

Прадед мой — Моисей Горбачев — поселился с тремя сыновьями, Алексеем, Григорием и Андреем, на самом краю села Привольное. Жили они поначалу все вместе, одной большой семьей — 18 душ. А рядом — близкие и дальние родственники, тоже Горбачевы. И когда у направлявшегося к ним односельчанина спрашивали: «Куда идешь?» — он отвечал: «На Горбачевщину». Порядок в семье был жесткий и ясный: прадед всему голова, слово его — закон. Позже сыновьям с их семьями отстроили хаты, и дед мой Андрей Моисеевич, женатый к тому времени на бабушке Степаниде, зажил своей семьей. В 1909 году у них родился мой отец — Сергей Андреевич Горбачев.

Прошлое во мне Прошлое сохранялось в народных легендах, пропитывало устную молву, становилось частью жизненного уклада, окружавшего меня, и я постоянно ощущал свою сопричастность с теми далекими событиями, которые происходили на ставропольской земле.

Меня глубоко взволновала судьба участников восстания 1825 года, сосланных в наши края. Обычно, когда говорят о декабристах, вспоминают офицеров-дворян, которые в благородном и смелом порыве бросили вызов самодержавию. На Кавказ были отправлены 11 из них. Потом число их выросло до 25, и жизнь многих оборвалась в бесчисленных стычках с горцами во время кавказских войн. Среди ссыльных декабристов был и поэт Александр Одоевский.

Приезжая в Пятигорск, я часто заходил в музей Лермонтова, где хранится дневник Одоевского. Его записи вводили в возвышенный духовный мир той среды и того времени. На пожелтевших страницах мелькали имена людей, известных по школьному учебнику. Здесь Одоевский сблизился с Лермонтовым, встретился с Огаревым — другом Герцена. И когда я читал в учебнике фразу: «... декабристы разбудили Герцена», она воспринималась мною как живая связь знакомых и близких мне людей, бывших здесь, на моей земле.

Я с волнением перечитывал строки Огарева:

И если б мне пришлось прожить еще года,
До сгорбкой старости, венчанной сединою,
С восторгом юноши я вспомню и тогда
Те дни, где разом все явилось предо мною...
И степь широкая, и горные хребты —
Величья вольного громадные размеры,
И дружбы молодой надежды и мечты,
Союз незыблемый во имя тайной веры...

Но меня волновала не только судьба декабристов-офицеров. Ведь за ними стояли простые солдаты. И как раз солдаты Черниговского и других полков, вовлеченных в заговор «Обществом соединенных славян», были этапированы приговором Белоцерковской военносудной комиссии в Ставрополь. За семьдесят пять дней шесть рот Черниговского полка прошли маршем более 1200 верст. Они шли по ставропольским степям через село Летницкое, в церкви которого в 1931 году меня крестил дед Андрей, сменив имя Виктор, данное мне при рождении, на Михаил. Черниговцы проходили через Медвежье, нынешнее Красногвардейское, наш районный центр. А между Летницким и Медвежьим как раз и лежит мое родное село Привольное.

Я живо представлял себе, как шли они по нашему бездорожью. Привольное находится от Ставрополя всего в 137 километрах, но даже в мое время добраться туда было нелегко. В распутицу или в метельные снежные зимы село оказывалось надолго отрезанным от всего остального мира, и в мои студенческие годы мать и отец постоянно жаловались, что писем из Москвы им приходилось порой ждать чуть ли не месяцами.

В общем, и на солдат-черниговцев смотрел я как на своих земляков. В самом центре Ставрополя сохранились остатки старой крепости. Долго еще стояло неказистое и ветхое одноэтажное здание, в котором когда-то размещались гарнизонные службы. Тут бывали Пушкин и Лермонтов, Одоевский и другие декабристы — офицеры и солдаты. Может быть, сюда заходил по «казенной надобности» и кто-нибудь из моих предков. К сожалению, реконструируя город, этот дом и старый базар по решению властей снесли, очистив место для центральной площади и целого комплекса зданий.

Родина

Когда иронизируют над «местным патриотизмом», нередко усматривают в этой любви к «малой Родине» чуть ли не признак провинциальной ограниченности. Мне кажется, наоборот, восприятие «большой Родины» через судьбу свою, своих предков, своего края — это и есть

не книжный, а подлинный, уходящий корнями в родную почву патриотизм.

Была у этого патриотизма своя очень важная особенность: он формировался не в мононациональной среде, а в условиях удивительного, я бы сказал, многоязычия, многообличия и многонародия.

Как река после весеннего паводка оставляет на берегах большие и малые озера (у нас их называли — мочаки), так и переселения и передвижения народов, проходившие на протяжении тысячелетий, оставили в Ставрополье множество самых различных этнонациональных групп. Едешь по дорогам края и кроме привычных русских названий то и дело встречаешь: Антуста, Джалга, Тахта — это от монгольских корней, а вот Ачикулак, Арзгир — это, скорее, тюркское.

Когда позднее я стал Президентом СССР и передо мной встали национальные проблемы страны, я не был новичком в этих вопросах.

На Ставрополье помимо русских, составляющих в крае 83 процента, жили карачаевцы, черкесы, абазины, ногайцы, осетины, греки, армяне, туркмены, представители других народов. В Карачаево-Черкесской автономной области книги, газеты, программы телевидения и радио выпускались на пяти языках. И каждая народность — это не только свой язык, но и свои обычаи, нравы, костюмы, даже тип застройки и компоновки усадеб. Сейчас облик населенных пунктов сильно изменился, я бы сказал, однообразно стандартизировался. Но еще недавно, в годы моей юности, вы могли въехать в типичный кавказский аул горцев с саклями и стенами, сложенными из камней, а совсем неподалеку увидеть казачью станицу или русское село с саманными хатами под соломенными или камышовыми крышами. И обязательно у каждой плетень, который вязался из прутьев молодых деревьев (и я в свое время делал это неплохо, точно так же, как не раз крыл крышу соломой, знал, каким раствором надо ее полить, чтобы не растащили воробьи и не промокала в дождь).

Жизнь в многонациональной среде приучала к терпимости, деликатному, уважительному отношению друг к другу. Обидеть горца, оскорбить его значило приобрести смертельного врага. И, наоборот, проявить уважение к его достоинству, обычаям — занять верного друга. Таких друзей у меня было множество, ибо уже тогда, не зная еще мудреных слов, я постепенно осознавал, что не вражда, а терпимость и согласие способны обеспечить мир между людьми.

Не только история человечества, но и вся история моего края говорила об этом. Бесчисленные нашествия завоевателей в древности, многолетние кавказские войны в недавнем прошлом стоили множества жизней. Страшный кровавый след оставила в наших местах Гражданская война.

Я уже упоминал, что центр нашего района — Медвежье — позднее назвали Красногвардейское. Почему? Потому, что Советская власть шла к нам со стороны Ростова. Места наши были первыми на этом пути, и именно у нас в районе сформировались первые отряды Красной гвардии.

Ставропольскую советскую республику провозгласили 1 января 1918 года. Избрали свой Совнарком. Полмиллиона крестьян получили землю. Установили восьмичасовой рабочий день и рабочий контроль над производством, бесплатное обучение в школе. Но уже в марте в Медвежинском уезде шли бои с офицерскими частями генерала Корнилова, в апреле — с Добровольческой армией генерала Алексеева. В июле 1918 года Ставропольская республика вместе с Кубано-Черноморской и Терской создали Северо-Кавказскую советскую республику, просуществовавшую до января 1919 года. Потом были генералы Деникин, Шкуро.

Для тех, кто знал о революции и Гражданской войне по кинофильмам и популярным брошюркам, они рисовались чем-то вроде грандиозного физкультурного парада, когда под красными или белыми знаменами стройными рядами шли с одной стороны рабочие и крестьяне, с другой — буржуи и помещики. Я знал, что это было не так. Общество раскалывалось не только по классовому, национальному, религиозному или территориальному признаку, но и внутри семей.

Борьба достигла крайнего ожесточения. Часть казачества вместе с «иногородними» шла в Красную Армию. Во второй половине 1918 года на Южном фронте действовали 14 красных казачьих полков, из которых потом формировали бригады и конные армии. Наши местные ветераны утверждают, что в знаменитой 1-й Конной ставропольцы составляли чуть ли не 40 процентов и без них не было бы ни самой Конармии, ни Буденного как красного командира.

Но другая, значительная, часть казачества влилась в белое движение. Схватка была смертельная. Когда в мае 1918 года на Дону произошел мятеж и генерал Краснов с помощью немецких войск установил военную диктатуру, около 45 тысяч казаков, сочувствовавших Советской власти, были расстреляны и повешены. Впрочем, и красные не церемонились: об ужасах «расказачивания» теперь написано немало. Мне же запомнился один эпизод.

Отмечалась очередная годовщина Советской власти, и, как было принято, проводились встречи с участниками революции и гражданской войны. Когда одному из ветеранов — генералу Василию Ивановичу Книге, отличившемуся и в годы Великой Отечественной войны (его родное село так и называли — Книгино), предложили поехать поделиться своими воспоминаниями в одно из дальних сел на севере края, он вдруг замялся:

— Охрану дадите?

— Охрану? Зачем?!

— Да было дело, — угрюмо пояснил Василий Иванович. — В гражданку мы там все село порубали.

— Как порубали?

— Да вот так. Порубали и все.

— Всех?

— Ну, может, и не всех. Я вот и думаю: вдруг остался кто... помнит.

Меня поразило этот разговор. Ну, понятно было бы — война, схватились две противоборствующие армии. Но ведь тут иное. Сколько же таких сел и станиц точно так было вырублено — и белыми и красными — под корень? Истребляли сами себя, свой народ. Василий Иванович Книга был профессиональным воякой — они иначе смотрят на смерть, но и у него, видно, не было покоя на душе, мучило, если помнил об этом все сорок лет до самой смерти.

И тогда и сегодня мне не раз приходилось читать «высокотеоретические» рассуждения о том, что при переходе к новому обществу насилие не только оправданно, но и необходимо. То, что при революциях очень часто действительно не удается избежать кровопролития, — это факт. Но видеть в насилии универсальное средство решения любых проблем, призывать к нему и способствовать ему ради достижения каких-то якобы «высоких» целей, то есть опять идти на «вырубку» семей, сел, народа, — такое недопустимо.

Семейные корни Мне кажется, справедливость этих рассуждений вполне доказала и история моей семьи, микромир которой, ее искания, испытания и потери вполне отразили макромир человеческой драмы, «большой истории». Во всяком случае, жизненные перипетии дальних и близких предков всегда давали мне импульсы для размышлений.

Дед мой Пантелей Ефимович Гопкало революцию принял безоговорочно. В 13 лет он остался без отца, старший среди пятерых. Типичная бедняцкая крестьянская семья. В Первую мировую войну воевал на Турецком фронте. Когда установилась Советская власть, получил землю. В семье так и звучало: «Землю нам дали Советы». Из бедняков стали середняками. В 20-е годы дед участвовал в создании в нашем селе ТОЗа — товарищества по совместной обработке земли. Работала в ТОЗе и бабушка Василиса Лукьяновна (ее девичья фамилия Литовченко, ее родословная своими корнями тоже уходила на Украину), и совсем еще молодая тогда моя мать Мария Пантелеевна.

В 1928 году дед вступил в ВКП(б), стал коммунистом. Он принял участие в организации нашего колхоза «Хлебороб», был его первым председателем. И когда я расспрашивал бабушку, как это было, она с

юмором отвечала: «Всю ночь дед твой организует, организует, а наутро — все разбежались».

В 30-е годы дед возглавил колхоз «Красный Октябрь» в соседнем селе, в 20 километрах от Привольного. И пока я не пошел в школу, в основном жил с дедом и бабушкой. Там для меня вольница была полная, любили они меня беззаветно. Чувствовал я себя у них главным. И сколько ни пытались оставить меня хоть на время у родителей, это не удалось ни разу. Доволен был не только я один, не меньше отец и мать, а в конечном счете — и дед с бабушкой.

В детстве я еще застал остатки быта, который был характерен для дореволюционной и доколхозной российской деревни. Саманные хаты, земляной пол, никаких кроватей — спали на полатах или на печи, прикрывшись тулупом или каким-нибудь тряпьем. На зиму, чтоб не замерз, в хате помещали и теленка. Весной, чтоб пораньше цыплят вывести, здесь же сажали наседку, а часто и гусынь. С нынешней точки зрения, бедность невероятная. А главное — тяжелый, изнурительный труд. О каком «золотом веке» российской деревни говорят наши современные борцы за крестьянское счастье, я не понимаю. То ли эти люди вообще ничего не знают, то ли сознательно врут, то ли у них отшибло память.

В доме деда Пантелея Ефимовича я впервые увидел на грубо сколоченной книжной полке тоненькие брошюрки. Это были Маркс, Энгельс, Ленин, издававшиеся тогда отдельными выпусками. Стояли там и «Основы ленинизма» Сталина, статьи и речи Калинина. А в другом углу горницы — икона и лампада: бабушка была глубоко верующим человеком. Прямо под иконой на самодельном столике красовались портреты Ленина и Сталина. Это «мирное сосуществование» двух миров несколько не смущало деда. Сам он верующим не был, но обладал завидной терпимостью. Авторитетом на селе пользовался колоссальным. Любимая его шутка: «Главное для человека — свободная обувь, чтобы ноги не давило». И это была не только шутка.

Большие чистки 1937—1938 годов

Тогда я, пожалуй, впервые пережил потрясение — арест деда. Его увезли ночью. Бабушка Василиса переехала в Привольное к моим отцу и матери.

Помню, как после ареста деда дом наш — как чумной — стали обходить стороной соседи, и только ночью, тайком, забегал кто-нибудь из близких. Даже соседские мальчишки избегали общения со мной. Теперь-то я понимаю, что нельзя винить людей: всякий, кто поддерживал связь или просто общался с семьей «врага народа», тоже подлежал аресту. Меня все это потрясло и сохранилось в памяти на всю жизнь.

Прошло много лет, но даже тогда, когда я был секретарем горкома, крайкома партии, членом ЦК и имел возможность взять следственное дело деда, не мог перешагнуть какой-то душевный барьер, чтобы затребовать его. Лишь после августовского путча попросил об этом Вадима Бакатина.

Все началось с ареста председателя исполкома нашего района: его обвинили в том, что он якобы является руководителем «подпольной правотроцкистской контрреволюционной организации». Долго пытались добивались назвать участников организации, и он, не выдержав пыток, назвал 58 фамилий — весь руководящий состав района, в том числе и деда моего, заведовавшего в то время районным земельным отделом.

Вот протокол допроса Гопкало Пантелея Ефимовича:

« — Вы арестованы как участник контрреволюционной правотроцкистской организации. Признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Не признаю себя виновным в этом. Никогда не состоял в контрреволюционной организации.

— Вы говорите неправду. Следствие располагает точными данными о том, что вы являетесь участником контрреволюционной правотроцкистской организации. Дайте правдивые показания по вопросу.

— Повторяю, что не был я участником контрреволюционной организации.

— Вы говорите ложь. Вас уличают ряд обвиняемых, проходящих по этому делу, в проводимой вами контрреволюционной деятельности. Следствие настаивает дать правдивые показания.

— Категорически отрицаю. Никакой контрреволюционной организации не знаю».

И подпись деда. Сохранилось и обвинительное заключение, в котором деду вменялось в вину:

«а) срывал уборку урожая колосовых, в результате чего создал условия для осыпания зерна. В целях уничтожения колхозного скотопоголовья искусственно сокращал кормовую базу путем распашки сенокосных угодий, в результате колхозный скот довел до истощения;

б) тормозил развитие стахановского движения в колхозе, практикуя гонения против стахановцев...

На основании изложенного обвиняется в антисоветской деятельности в том, что, являясь врагом ВКП(б) и Советской власти и будучи связан с участниками ликвидированной антисоветской правотроцкистской организации, по заданию последней проводил вредительскую подрывную работу в колхозе «Красный Октябрь», направленную на подрыв экономической мощи колхоза...»

Бакатин прислал мне и второе дело — на деда Раисы Максимовны — Петра Степановича Параду, арестованного на Алтае в 1937 году.

Между Ставрополем и Алтаем тысячи километров, но вопросы и обвинения писались как под копирку:

«— Следствие достаточно располагает данными, уличающими вас в том, что вы, находясь в колхозе, занимались контрреволюционной агитацией, направленной против всех проводимых мероприятий, против Советской власти...

— Находясь в колхозе, никакой контрреволюционной агитацией не занимался, виновным себя в этом не признаю.

— Будучи в колхозе после исключения из колхоза, находясь на производстве, вы систематически агитировали трудящихся, колхозников и рабочих, во-первых, против коллективизации, против стахановского движения, старались разлагать трудовую дисциплину в колхозе.

— Против Советской власти я никогда не выступал, также не выступал и не агитировал против коллективизации».

Это из протокола допроса П.С.Парады 3 августа 1937 года. Не правда ли, похоже? Только кончились эти дела по-разному. На обвинительном заключении по делу крестьянина Парады прокурор написал о своем согласии, и по постановлению «тройки» Петр Степанович был расстрелян. Справку о его реабилитации семья Раисы Максимовны получила лишь в январе 1988 года.

С делом моего деда Гопкало, к счастью, получилось по-иному. Следствие продолжалось 14 месяцев. Закончили его в сентябре 1938 года и послали в Ставрополь. Какой-то чиновник прокуратуры черкнул на нем «с заключением согласен». Но помощник прокурора края написал, что «не находит в деле Гопкало П.Е. оснований для квалификации его действия по ст.17, 58 пункт 7, 11, т.к. причастность Гопкало к контрреволюционной организации материалами следствия не доказана». Он предложил переквалифицировать обвинение со ст.58, означавшей в то время верный расстрел, на ст.109 — должностные преступления. Но тут началась чистка органов НКВД, начальник нашего райотдела застрелился, и в декабре 1938 года деда освободили вообще. Он вернулся в Привольное и в 1939 году был вновь избран председателем колхоза.

Хорошо помню, как зимним вечером вернулся дед домой, как сели за струганый крестьянский стол самые близкие родственники, и Пантелей Ефимович рассказал все, что с ним делали.

Добиваясь признания, следователь слепил его яркой лампой, жестоко избивал, ломал руки, зажимая их дверью. Когда эти «стандартные» пытки не дали результатов, придумали новую: напяливали на деда сырой тулуп и сажали на горячую плиту. Пантелей Ефимович выдержал и это, и многое другое.

Те, кто сидел вместе с ним в тюрьме, потом говорили мне, что после допросов отхаживали его всей камерой. Сам Пантелей Ефимович поведал обо всем этом только в тот вечер и только один раз. Больше, по крайней мере вслух, никогда не вспоминал. Он был твердо убежден: «Сталин не знает, что творят органы НКВД», и никогда не винил в муках своих Советскую власть. Прожил дед недолго. Умер в возрасте 59 лет.

Второй мой дед — Андрей Моисеевич Горбачев в Первую мировую войну воевал на Западном фронте, и от тех времен дома осталась фотография: сидит дед в картинной позе на вороном коне и в красивейшей фуражке с кокардой. «Что это за форма такая?» — спрашивал я. Однако дед, в ту пору уже согнутый годами, но сухой и поджарый, только отмахивался. Делались тогда такие фотографии просто: рисовали на щите коня с лихим всадником, а для лица вырезали дырку — оставалось просунуть в нее голову. (Кстати, эта традиция сохранилась и до наших дней. К ней добавилось, может быть, нечто новое, дань нынешним временам — возможность сфотографироваться рядом с любой нарисованной на щите знаменитостью.)

Судьба деда Андрея была поистине драматичной, но в то же время и типичной для нашего крестьянства. Отделившись от отца, он повел свое хозяйство. Семья росла — родилось шестеро детей. Но беда — только двое сыновей, а землю сельская община выдавала на мужчин. Надо было с имеющегося надела получить больше, и вся семья от мала до велика денно и нощно трудилась в хозяйстве. Дед Андрей характером был крут и в работе беспощаден — и к себе, и к членам семьи. Но не всегда работа приносила результаты, на которые надеялись, — засуха за засухой. Постепенно из бедняков дотянулись до середняков. Подходило время замужества трех дочерей, значит, нужно приданое готовить. Нужны деньги, а в крестьянском хозяйстве источник их получения один — продажа выращенного зерна и скота. Выручал еще сад. Дед любил заниматься садоводством и со временем вырастил огромный сад — что только в нем ни росло. Он знал толк в прививках, и на одной яблоне вдруг вырастали яблоки трех сортов. Сад приносил много пользы и был источником радости для семьи.

В 1929 году старший сын Сергей, мой отец, женился на дочери соседа — Гопкало. Сначала молодые жили в доме деда Андрея, но скоро отделились. Пришлось делить и землю. Коллективизацию дед Андрей не принял и в колхоз не вступил — остался единоличником.

В 1933 году на Ставрополье разразился голод. Историки до сих пор спорят о его причинах — не был ли он организован специально, чтобы окончательно сломить крестьянство? Или же главную роль сыграли погодные условия? Не знаю, как в других краях, но у нас действительно была засуха. Дело, однако, заключалось не только в ней. Массовая

коллективизация подорвала прежние, складывавшиеся веками устои жизни, разрушила привычные формы ведения хозяйства и жизнеобеспечения в деревне. Вот что, на мой взгляд, было главным. Плюс, конечно, жестокая засуха. Одно наложилось на другое.

Голод был страшный. В Привольном вымерла по меньшей мере треть, если не половина села. Умирали целыми семьями, и долго еще, до самой войны, сиротливо стояли в селе полуразрушенные, оставшиеся без хозяев хаты.

Трое детей деда Андрея умерли от голода. А его самого весной 1934 года арестовали за невыполнение плана посева — крестьянам-единоличникам власти устанавливали такой план. Но семян не было, и план выполнять оказалось нечем. Как «саботажника» деда Андрея отправили на принудительные работы на лесоповал в Иркутскую область. Бабушка Степанида осталась с двумя детьми — Анастасией и Александрой. А отец мой взял на себя все заботы: семья оказалась никому не нужной. Ну а дед Андрей в лагере работал хорошо, и через два года, в 1935 году, его освободили досрочно. Вернулся в Привольное с двумя грамотами ударника труда и сразу вступил в колхоз. Поскольку работать он умел, то скоро стал руководить колхозной свинофермой, и она постоянно занимала в районе первое место. Опять дед стал получать почетные грамоты.

Перед самой войной жизнь как-то начала налаживаться, входить в колею. Оба деда — дома. В магазинах появился ситец, керосин. Колхоз начал выдавать зерно на трудодни. Дед Пантелей сменил соломенную крышу хаты на черепичную. Появились в широкой продаже патефоны. Стали приезжать, правда редко, кинопередвижки с показом «немного» кино. И главная радость для нас, ребятишек, — откуда-то, хотя и не часто, привозили мороженое. В свободное от работы время, по воскресеньям, семьями выезжали отдыхать в лесополосы. Мужчины пели протяжные русские и украинские песни, пили водку, иногда дрались. Мальчишки гоняли мяч, а женщины делились новостями да присматривали за мужьями и детьми.

В один из таких воскресных дней, 22 июня 1941 года, утром, пришла страшная весть — началась война. Все жители Привольного собрались у сельского Совета, где был установлен радиорепродуктор, и, затаив дыхание, слушали выступление Молотова.

Война

Войну я помню всю, хотя кому-то это покажется преувеличением. Много, что пришлось пережить потом, после войны, забылось, но вот картины и события военных лет врезались в память навсегда.

Когда война началась, мне уже исполнилось 10 лет. Помню, за считанные недели опустело село — не стало мужчин. Повестки о мобили-

зации привозили из райвоенкомата ближе к ночи, когда все возвращались с работы. Сидят за столом, ужинают, вдруг — лошадиный топот. Все замирают... нет, на этот раз посыльный проскакал мимо. Отцу, как и другим механизаторам, дали временную отсрочку — шла уборка хлеба, но в августе призвали в армию и его. Вечером повестка, ночью сборы. Утром сложили вещи на повозки и отправились за 20 километров в райцентр. Шли целыми семьями, всю дорогу — нескончаемые слезы и напутствия. В райцентре распрощались. Бились в слезах женщины и дети, старики, рыдания слились в общий, рвущий сердце стон. Последний раз купил мне отец мороженое и балалайку на память.

К осени кончилась мобилизация, и остались в нашем селе женщины, дети, старики да кое-кто из мужчин — больные и инвалиды. И уже не повестки, а первые похороны стали приходиться в Привольное. Опять по вечерам со страхом ждали конского топота. Остановится посыльный у чьей-то хаты — тишина, а через минуту — страшный, нечеловеческий, невыносимый вой.

В дом получали единственную газету «Правда». Ее выписывал отец. Читал теперь ее я. А вечерами читал вслух для женщин — о горьких новостях. Врагу сдавали город за городом, появились в наших краях эвакуированные. Мы, мальчишки, лихо распевавшие перед войной песни тех лет, с энтузиазмом повторявшие: «чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим», надеялись, верили, что вот-вот фашисты получат по зубам. Но к осени враг оказался у Москвы и под Ростовом.

Первая зима военной поры была ранней и суровой. Такой зимы я в своей жизни больше не видел. Снег выпал 8 октября — для наших южных краев явление необычное. И какой это был снегопад! Мощным слоем метель накрыла село. Часть хат — вместе с постройками, скотом, птицей — оказалась под сугробами. Те, кто очутился в домах, из которых можно было выбраться, делали проходы, тоннели, откапывая соседей.

Снег пролежал до весны — настоящее «снежное царство». Только жить в этом царстве было тяжело. С питанием, правда, было еще терпимо. Но вот топить было нечем — рубили сады. Трудно было ухаживать за скотом. Совсем плохо — с кормлением колхозных животных: сено осталось на полях, а дороги замело. Что-то надо было делать. С большим трудом пробили все же дорогу, начали возить сено. Все это делали молодые женщины, и среди них моя мать.

Но в один из метельных дней она и несколько других женщин из поездки не вернулись. Прошли сутки, двое, трое, а их нет. Лишь на четвертый день сообщили, что женщин арестовали и держат в районной тюрьме. Оказалось, они сбились с пути и нагрузили сани сеном со стогов, принадлежавших государственными организациям. Охрана их и за-

брала. Вот такая случилась история. Она едва не обернулась драматическим финалом: за «расхищение соцсобственности» суд в ту пору был скорый и строгий. Спасло одно — все «расхитители» были женами фронтовиков, у всех — дети, да и брали они корма не для себя, а для колхозного скота.

Изнурительный труд в колхозе и домашнем хозяйстве, недостаток во всем, полураздетые и полуголодные дети, страх за мужей. Трудно перечесть все тяготы, свалившиеся на женщин. Но они находили в себе силы каждый день снова и снова делать дело, стойко нести свой тяжкий крест.

Обильные снега нарушили связь. Почта приходила редко. Радиоприемников в селе тогда еще не было. Но когда газеты все-таки получали, их прочитывали от строчки до строчки. Поздними вечерами женщины часто собирались в чьей-то хате, чтобы побыть вместе, поговорить, обсудить новости, читали полученные от мужей письма. На этих встречах и держались. Но часто такие вечера превращались в неистовый плач, и тогда становилось невыносимо жутко.

Хорошо помню, с какой радостью встретили мы известие о том, что Москва устояла, немцы получили отпор. И еще — пришла с «Правдой» совсем маленькая книжица под названием «Таня» — о партизанке Зое Космодемьянской. Я читал ее собравшимся вслух. Все были потрясены жестокостью немцев и мужеством комсомолки.

С уходом на фронт отца многое по дому пришлось делать и мне. А с весны 1942-го прибавились заботы по огороду, с которого кормилась семья. Мать засветло встанет, начнет копать или полоть, затем передает начатое мне, а сама — на колхозное поле. Потом моей главной обязанностью стала заготовка сена для коровы и топлива для дома. Лесов в наших краях нет: из прессованного навоза готовили кизяк, но он шел на выпечку хлеба и приготовление пищи. Для обогрева хаты заготавливали степной колючий курай. Так вот все круто изменилось. И мы, мальчишки военной поры, перешагнув через детство, сразу вошли во взрослую жизнь. Забыты забавы, игры, оставлена учеба. Целыми днями — один, по горло всяких дел. Но иногда... Иногда, вдруг, забыв обо всем на свете, замороженный зимней метелью или шелестом листьев сада в летнюю пору, мысленно я переселялся в какой-то далекий, нереальный, но такой желанный мир. Царство мечты, детской фантазии.

С конца лета 1942-го от Ростова через наши места покатила волна отступления. Брели люди — кто с рюкзаками или мешком, кто с детской коляской или ручной тачкой. Меняли вещи на еду. Гнали коров, табуны лошадей, овечьи отары.

Собрав свои пожитки, ушли неизвестно куда бабушка Василиса и дед Пантелей. На сельской нефтебазе открыли цистерны и все горю-

чее спустили в мелководную речушку Егорлык. Жгли неубранные хлебные поля.

27 июля 1942 года наши войска оставили Ростов. Отступали беспорядочно. Шли хмурые, усталые солдаты. На лицах — печать горечи и вины. Бомбовые взрывы, орудийный грохот, стрельба слышались все ближе, как бы обтекая с двух сторон Привольное. Вместе с соседями выкопали на спуске к реке траншею, откуда я впервые увидел залп «катуш»: по небу со страшным свистом летели огненные стрелы...

И вдруг — тишина. Два дня тишины. Ни наших, ни немецких войск. А на третий день со стороны Ростова в село ворвались немецкие мотоциклисты. Федя Рудченко, Виктор Мягих и я стояли у хаты. «Бежим!» — крикнул Виктор. Я остановил: «Стоять! Мы их не боимся». Въехали немцы — оказалось, разведка. А вскоре вступила в село и немецкая пехота. За три дня немцы заполнили Привольное. Стали маскироваться от бомбежек и ради этого почти под корень вырубали сады, на выращивание которых ушли десятилетия. Вырубали и знаменитый сад деда Андрея.

А через несколько дней вернулась бабушка Василиса. С дедом она дошла почти до Ставрополя, но немецкие танки опередили: 5 августа 1942 года город был занят. Дед кукурузными полями, оврагами пошел через линию фронта, а бабушка со своими пожитками вернулась к нам — куда же еще!

Да, от Ростова и до Нальчика немцы двигались, практически не встречая сопротивления. Наши войска были дезорганизованы. Как-то, когда мы познакомились, А.А.Покрышкин, наш знаменитый летчик, рассказал, что в августе 42-го ему удалось взлететь с аэродрома на окраине Ставрополя в момент, когда немцы уже подходили к нему.

Но за Нальчиком начали действовать заградительные отряды, в задачу которых входило выполнение приказа Сталина, известного под названием «Ни шагу назад». Действовали они решительно. Из отступавших быстро формировались части, которые тут же направлялись на передовую. В результате огромных усилий под городом Орджоникидзе немецкие войска, рвавшиеся к бакинской нефти, были остановлены, и, как оказалось, уже окончательно.

После того как немецкие части ушли дальше на восток, в Привольном остался небольшой гарнизон, потом и его заменили каким-то отрядом — запомнились нашивки на рукавах и украинский говор. Началась жизнь на оккупированной территории.

Первая новость — вылезли на поверхность те, кто дезертировал из армии и по несколько месяцев прятался в подвалах. Многие из них стали служить немецким властям, как правило, в полиции. После возвращения бабушки Василисы нагрянули к нам полицейские. Учинили обыск, все перевернули. Не знаю, что они искали. Потом уселись на

линейку, а бабушке приказали идти за ними в полицейский участок. Так она и шла через все село. Там ее подвергли допросу. Но что могла она сказать? Что муж ее — коммунист, председатель колхоза, что сын и зять — в Красной Армии. Об этом и так все знали. Мать во время обыска и ареста вела себя мужественно. Смелость ее была не только от характера — женщина она решительная, — но и от отчаяния, от незнания, чем все это кончится. Над семьей нависла опасность. Возвращаясь домой с принудительных работ, мать не раз рассказывала о прямых угрозах со стороны некоторых односельчан: «Ну, погоди... Это тебе не при красных». Стали приходиться слухи о массовых расстрелах в соседних городах, о каких-то машинах, травивших людей газом (после освобождения все это подтвердилось: тысячи людей, большей частью евреи, были расстреляны в городе Минеральные Воды), о готовящейся расправе над семьями коммунистов. Мы понимали, что первыми в этом списке будут члены нашей семьи. И мать с дедом Андреем упрятали меня на ферме за селом. Расправа как будто намечалась на 26 января 1943 года, а 21 января наши войска освободили Привольное.

Четыре с половиной месяца село было оккупировано немцами, срок по тем временам долгий. Старостой немцы назначили престарелого Савватия Зайцева — «деда Савку». Долго и упорно он отказывался от этого, но односельчане уговорили — все-таки свой. В селе знали, что Зайцев делал все, чтобы уберечь людей от беды. А когда изгнали немцев, осудили его на 10 лет за «измену Родине». Сколько ни писали мои односельчане о том, что служил он оккупантам не по своей воле, что многие лишь благодаря ему остались живы, ничего не помогло. Так и умер дед Савка в тюрьме как «враг народа».

Все-таки спасло нас наступление Красной Армии. О разгроме немцев под Сталинградом в селе узнали от самих немцев. А вскоре их войска, боясь попасть в новый «котел», стали спешно уходить с Северного Кавказа. С каким восторгом встречали мы красноармейские части!

...Фронт еще раз, теперь уже на запад, прокатился через наши края. И надо было снова налаживать жизнь, восстанавливать колхоз. Но как? Все разрушено, ни техники, ни скота, ни семян. Пришла весна. Землю пахали на коровах из личного подворья. До сих пор помню эту картину: женщины в слезах и тоскливые коровьи глаза. Но корову еще жалели — ведь для многих, особенно у кого дети, она в ту пору была единственной кормилицей, чаще пахали на себе. Страшную эту картину невозможно описать: одни надевали ремни и, надрываясь, волокли плуг, другие что было сил толкали его сзади. Себя не жалели.

Потом начали собирать семена, сдавали кто сколько может. Осенью урожай собрали небольшой и все отдали государству. Зимой и весной 1944 года начался голод. Выжили мы с матерью ее стараниями и благодаря случаю. Ранней весной, в распутицу, она вместе с другими

односельчанами — было ей тогда 33 года — на повозке, запряженной парой уцелевших быков, отправилась на Кубань: говорили, там урожай кукурузы. Из крестьянского сундука мать вытащила вещи отца: две пары новых хромовых сапог и костюм, так ни разу и не надетый, для обмена на кукурузу. Дом оставался на мне. Уезжая, мать отмерила мне на каждый день по горстке кукурузы, из последних в доме остатков. Я делал крупу и варил кашу.

Проходит неделя, идет вторая, а матери нет. Лишь на пятнадцатый день вернулась она с мешком кукурузы. Это и было наше спасение!

Оказывается, отцовы вещи в обмен пошли хорошо, и мать выручила мешок кукурузы — целых три пуда. Но перед отъездом был уговор — на каждого едока везти по пуду. Нас с матерью двое — значит, два пуда, 32 килограмма. Вот и пришлось ей «лишний» пуд пешком, по непролазной грязи на себе тащить. Это действительно было спасение. А тут еще и корова отелилась — значит, были мы и при молоке, и при кукурузе. И стали есть уже не раз, а два-три раза в день. В других семьях недоедали — пухли от голода. Бывало, придут мои приятели — соседские ребятишки — и стоят молча в дверях. Среди них — Федя Рудченко, наш родственник. Мать побряхтит-побряхтит и даст всем понемногу поесть. Вот так и выжили...

А потом, как послание от Бога, на всеобщую радость, пошли дожди. И все вокруг — и в поле, и на огородах — стало расти. Земля нас выручила и на сей раз.

Поступление товаров в деревню практически прекратилось. Не то что техники — ни одежды, ни обуви, ни соли, ни мыла, ни керосиновых ламп, ни спичек...

Сначала научились сами ремонтировать обувь и одежду. А когда это заплатанное старье окончательно расплзлось, нашли другой выход — стали выращивать коноплю. Убирали вручную. Вязали снопы, мочили в реке, сушили, трепали, получали нитку — суровье. На «бабушкиных» ручных ткацких станках, спущенных с чердаков, чуть ли не в каждой хате ткали, а потом отбеливали полотно. Из него шили рубахи, а для красоты вышивали по краям черным мулине. Наденешь такую рубаху, а она колом стоит.

Овечью шерсть мыли, чесали, а потом на веретене крутили нить и ткали примитивное грубое сукно для изготовления верхней одежды. Из шкур, которые предварительно квасились, очищались от шерсти, сушились, мялись и пропитывались мазутом, делали примитивную обувь. Соль добывали из Соленого озера, находившегося в пятидесяти километрах от Привольного. Непонятным способом доставали кальцинированную соду, используя которую, научились делать мыло. Огонь получали, высекая искры из кремня, разжигая пропитанную золой вату, «спички» делали из тола противотанковых гранат. Для освещения ис-

пользовали лампы, «коптилки» из снарядных гильз. Когда понемногу стал появляться керосин — сами начали делать лампы. Всему пришлось научиться, и делал я это в совершенстве. Удивительно живуч и вынослив наш народ. Хотя сейчас иногда думаю: а смог бы я теперь заново выдержать все это?

В конце лета 1944 года с фронта пришло какое-то загадочное письмо. Открыли конверт, а там документы, семейные фотографии, которые отец, уходя на фронт, взял с собой, и короткое сообщение, что погиб старшина Сергей Горбачев смертью храбрых в Карнатах на горе Магуре...

До этого времени отец уже прошел долгий путь по дорогам войны. Когда я стал Президентом СССР, министр обороны Д.Т.Язов сделал мне уникальный подарок — книгу об истории войсковых частей, в которых в годы войны служил отец. С огромным волнением читал я одну из военных историй и еще яснее и глубже понял, каким трудным был путь к победе и какую цену наш народ заплатил за нее.

Многое о том, где воевал отец, я знал по его рассказам — теперь передо мной документ. После мобилизации отец попал в Краснодар, где при пехотном училище была сформирована отдельная бригада под командованием подполковника Колесникова. Первое боевое крещение получила она уже в ноябре—декабре 1941 года в боях под Ростовом в составе 56-й армии Закавказского фронта. Потери бригады были огромны: убито 440, ранено 120, пропал без вести 651 человек. Отец остался жив. Затем до марта 1942 года держали оборону по реке Миас. И опять большие потери. Бригаду отправили в Мичуринск для переформирования в 161-ю стрелковую дивизию, после чего — на Воронежский фронт в 60-ю армию.

И тут его могли убить десятки раз. Дивизия участвовала в битве на Курской дуге, в Острогожско-Россошанской и Харьковской операциях, в форсировании Днепра в районе Переяслава-Хмельницкого и удержании известного Букринского плацдарма.

Отец рассказывал потом, как под непрерывными бомбесжками и ураганным артогнем переправлялись они через Днепр на рыбацких лодчонках, «подручных средствах», самодельных плотках и паромах. Отец командовал отделением саперов, обеспечивающим переправу минометов на одном из таких паромов. Среди разрывов бомб и снарядов плыли они на огонек, мерцавший на правом берегу. И хотя это было ночью, казалось ему, что вода в Днепре красная от крови.

За форсирование Днепра получил отец медаль «За отвагу» и очень гордился ею, хотя были потом и другие награды, в том числе два ордена Красной Звезды. В ноябре—декабре 1943 года их дивизия участвовала в Киевской операции. В апреле 1944 года — в Проскуровско-Черновицкой. В июле—августе — в Львовско-Сандомирской, в освобож-

дении города Станислава. Потеряла дивизия в Карпатах 461 человека убитыми, более полутора тысяч ранеными. И надо же было пройти через такую кровавую мясорубку, чтобы найти погибель свою на этой проклятой горе Магуре...

Три дня плач стоял в семье. А потом... приходит письмо от отца, мол, жив и здоров.

Оба письма помечены 27 августа 1944 года. Может, написал нам, а потом пошел в бой и погиб? Но через четыре дня получили от отца еще одно письмо, уже от 31 августа. Значит, отец жив и продолжает бить фашистов! Я написал письмо отцу и высказал свое негодование в адрес тех, кто прислал письмо с сообщением о его смерти. В ответном письме отец взял под защиту фронтовиков: «Нет, сын, ты напрасно ругаешь солдат — на фронте все бывает». Я это запомнил на всю жизнь.

Уже после окончания войны он рассказал нам, что же произошло в августе 1944-го. Накануне очередного наступления получили приказ: ночью оборудовать на горе Магуре командный пункт. Гора покрыта лесом, и только макушка была лысой с хорошим обзором западного склона. Тут и решили ставить КП. Разведчики ушли вперед, а отец со своим отделением саперов начал работать. Сумку с документами и фотографиями он положил на бруствер вырытого окопа. Внезапно внизу из-за деревьев раздался какой-то шум, выстрел. Отец решил, что это возвращаются свои — разведчики. Он пошел им навстречу и крикнул: «Вы что? Куда стреляете?» В ответ шквальный автоматный огонь... По звуку ясно — немцы. Саперы бросились врассыпную. Спасла темнота. И ни одного человека не потеряли. Просто чудо какое-то. Отец шутил: «Второе рождение». На радостях и написал письмо домой: мол, жив и здоров, без подробностей.

А утром, когда началось наступление, пехотинцы отцову сумку на высоте обнаружили. Решили, что погиб при штурме горы Магуры, и послали часть документов и фотографии семье.

И все-таки война оставила старшине Горбачеву свою отметину на всю жизнь... Как-то после трудного и опасного рейда в тыл противника, разминирования и подрыва коммуникаций, после нескольких бессонных ночей группе дали недельный отдых. Отошли от линии фронта на несколько километров и первые сутки просто отсыпались. Кругом лес, тишина, обстановка совсем мирная. Солдаты расслабились. Но надо же было случиться, что именно над этим местом разыгрался воздушный бой. Отец и его саперы стали наблюдать — чем все это кончится. А кончилось плохо: уходя от истребителей, немецкий самолет сбросил весь свой бомбовый запас.

Свист, вой, разрывы. Кто-то догадался крикнуть: «Ложись!» Все бросились на землю. Одна из бомб упала неподалеку от отца, и огромный осколок рассек ему ногу. Несколько миллиметров в сторону — и отрезало бы ногу начисто. Но опять повезло, кость не была задета.

Это случилось в Чехословакии, под городом Кошице. На том фронтовой жизни отца кончилась. Лечился в госпитале в Кракове, а там уже скоро и 9 мая 1945 года подоспело, День Победы.

Война стала страшной трагедией для всей страны. Поручено было все, что с таким трудом создавалось. Поручена надежда на счастливую жизнь. Поручена семья — дети остались без отцов, жены — без мужей, девушки — без женихов.

Самые трудные и страшные испытания выпали на долю фронтовиков. Перед этим поколением мужчин и женщин в долгу люди Земли. До конца своих дней отец не мог освободиться от пережитого в годы войны. Он много рассказывал о войне. Каким тяжелым было ее начало, не хватало оружия, да и воевать-то не умели.

Под Таганрогом дали их участку фронта подкрепление — несколько тысяч моряков Черноморского флота. Ребята молодые, отборные — кровь с молоком: «Ну, пехота, мы вам покажем, как это надо делать». В один из дней, разгоряченные водкой, густыми цепями, со штыками наперевес моряки пошли в атаку. А немцы встретили их огнем пулеметов и минометов. Так и остались они почти все на этом поле. Земля покрылась телами в черных бушлатах и тельняшках.

Под Таганрогом и отец участвовал в рукопашном бою. Потом рассказывал. В голове одно: немец тебя или ты его. И никаких других мыслей. Бьешь, колешь, стреляешь, как зверь. И рык какой-то звериный. Не все выдерживали. Да и остальные только через несколько часов с трудом возвращались в нормальное состояние. Я видел, что даже много лет спустя отцу тяжело было рассказывать обо всем этом.

В военные годы я, как и все, пережил многое. И все-таки, когда заходит речь о войне, чаще всего вспоминаю одну кошмарную картину. В конце февраля—начале марта 1943 года, когда сошел снег, я с другими ребятами в поисках трофеев забрел на дальнюю лесополосу между Привольным и соседним селом Белая Глина. Там мы наткнулись на останки красноармейцев, принявших здесь последний свой бой летом 1942 года. Описать это невозможно: истлевшие и изглоданные тела, черепа в стальных проржавевших касках, из прогнивших гимнастерок — выбеленные кости рук, сжимающие винтовки. Тут же ручной пулемет, гранаты, кучи стреляных гильз. Так лежали они, непогребенные, в грязной жиже окопов и воронок, взирая на нас черными зияющими дырами глазниц... Мы окаменели. Вернулись домой потрясенные.

Тех безымянных солдат схоронили в братской могиле. И никогда я не воспринимал их как чужих, сторонних людей. В центре Привольного сейчас стоит скромный обелиск. На нем высечены фамилии тех, кто не вернулся с войны. Среди них — целый столбец — Горбачевы.

Когда война кончилась, мне было 14 лет. Наше поколение — поколение детей войны. Она опалила нас, наложила свой отпечаток и на наши характеры, на все наше мировосприятие.

Возвращение в школу

Учебу в школе я возобновил в 1944 году, после двухлетнего перерыва. Никакого особого желания учиться я не испытывал. После всего пережитого это казалось слишком «несерьезным» делом. Да к тому же, честно говоря, и идти-то в школу было не в чем. Отец прислал матери письмо: продай все, одень, обуй, книжки купи, и пусть Михаил обязательно учится. А тут еще дед Пантелей — надо учиться, и все тут. В общем, пошел в школу перед самыми ноябрьскими праздниками, когда уже первая четверть кончалась.

Пришел, сижу, слушаю, ничего не понимаю — все забыл. Не досидев до конца занятий, ушел домой, бросил единственную книжку, которая у меня была, и твердо сказал матери, что больше в школу не пойду. Мать заплакала, собрала какие-то вещички и ушла. Вернулась вечером без вещей, но с целой стопкой книг. Я ей опять: все равно не пойду. Однако книжки стал смотреть, потом читать, и увлекся... Мать уже спать легла, а я все читал и читал. Видимо, этой ночью что-то в моей голове произошло, во всяком случае, утром я встал и пошел в школу. Год закончил с похвальной грамотой, да и все последующие годы — с отличием.

О школе тех лет, о ее учителях и учащихся нельзя писать без волнения. Да, в общем-то, это и не школа была, если говорить правду. Мало того, что она размещалась в нескольких зданиях села, построенных совсем для других целей. Школа имела в своем распоряжении мизерный запас учебников, всего несколько географических карт и наглядных пособий, мел, с трудом где-то добываемый. Вот практически все. Остальное было делом рук учителей и учащихся. Тетрадей не было вообще — мне их заменяли книги отца по механизации. Сами мы делали и чернила. Школа должна была обеспечить себя топливом, поэтому держали лошадей, повозку. Я запомнил, как зимой вся школа спасала от голода лошадей: они настолько были истощены и обессилены, что не могли стоять на ногах. Откуда мы только ни тащили корм для них! А добыть его было непросто: все село было занято тем же — спасало личный скот. Я уже не говорю о скотных дворах колхоза, откуда каждый день увозили трупы животных.

Трудно жили и наши учителя в годы войны: холодно, голодно, тоскливо. Но надо отдать им должное: даже тогда они — можно только догадываться, как им это давалось, — старались быть верными своему долгу и делали все, что могли. И страна смогла уже через несколько

лет после войны получить специалистов, в которых испытывала настоящий голод.

Наша сельская школа была восьмилеткой. Прошло еще почти 20 лет, прежде чем в Привольном построили современную среднюю школу. А в те годы 9 и 10 класс пришлось кончать в районной средней школе. Это примерно километрах в двадцати. Жил я на квартире в райцентре, как и другие ребята-односельчане, раз в неделю ездил или ходил за продуктами. Так что в старших классах был уже вполне самостоятельным человеком. Никто не контролировал мою учебу. Считалось, что я достаточно взрослый, чтобы свое дело делать самому, без понуканий. Лишь один раз за все годы с трудом удалось уговорить отца пойти в школу на родительское собрание. И еще помню, когда пришла юность и я стал ходить на вечеринки и ночные молодежные гулянья, отец попросил мать: «Что-то Михаил стал поздно приходить, скажи ему...»

Учился с азартом. Весь интерес базировался на неусмном любопытстве и стремлении до всего докопаться. Нравились физика, математика. Увлекался историей и особенно, до самозабвения, литературой.

Еще в Привольном в нашей скудной библиотеке взял новенький одностомник Белинского. Он стал моей библией, я был восхищен им. Перечитывал много раз и носил с собой повсюду. Когда уезжал в Москву учиться, мне подарили эту книгу как первому из наших сельчан, поступившему в МГУ.

Вот и теперь эта книга передо мной: «Подписано к печати 28 декабря 1946 года. Тираж 100 000 экземпляров». Смотрю на пометки, сделанные тогда, когда учился в 7—8 классе и было мне 16—17 лет. Что интересовало? Подчеркнутое говорит о том, что особым вниманием пользовались философские высказывания критика.

От статей Белинского я шел потом к Пушкину, Лермонтову, Гоголю. Особенно увлек меня Лермонтов — своей непокорностью и возвышенным романтизмом. Не только стихи его, но и поэмы знал наизусть. Потом наступила пора увлечения Маяковским, особенно его ранними стихами. Меня поражало, поражает и ныне, как эти молодые люди в своих произведениях поднялись до философских обобщений. Такое — от Бога!

В те годы повальным было увлечение художественной самодеятельностью и спортом, хотя условий для занятий практически не было. Я был не только неизменным участником выступлений и соревнований, но и их организатором как комсомольский секретарь. Наши концертные бригады бороздили села и хутора, места производственной деятельности селян. Но чаще всего роль сцены выполняли спортивные залы школ, а то и просто коридоры. Что же тянуло в эти кружки само-

деятельности? Пожалуй, прежде всего желание общения со сверстниками. Но и стремление реализовать себя, узнать то, с чем незнаком. Увлечение это приобрело в моей школе такой размах, что в драматический кружок не могли попасть все желающие — шел отбор! Какие пьесы мы играли? В отличие от профессиональных театральных коллективов у нас не возникал вопрос — посильно ли? Играли драматургов всех времен — чаще, конечно, русских. Можете представить, как это получалось, но нас не смущало, и нравственных мук мы не испытывали. Одно могу сказать: старались изо всех сил. И что-то все-таки выходило, так как на наши постановки шли и взрослые. А однажды драмкружок совершил турне по селам района, давая платные спектакли. На собранные деньги купили 35 пар обуви для ребят, которым не в чем было идти в школу.

Так или иначе, но о нашем драмкружке узнали в Ставрополе, и как-то к нам нагрянули, в ходе гастролей, актеры краевого драмтеатра. Мы им сыграли «Маскарад» Лермонтова, продемонстрировав все свои таланты. Они нас похвалили, сделали замечания, одно из которых я помню и сейчас, а об остальных забыл через неделю. Так вот профессионалы, поддержав наш темперамент при объяснении между героями лермонтовской драмы Арбениным и Звездичем, все-таки посоветовали не хватать друг друга за рукава — в высшем свете даже острые объяснения проходят несколько иначе.

Рядом с отцом

А между тем реальная жизнь беспощадно предъявляла счет ко всем, в том числе и ко мне.

С 1946 года каждое лето стал работать с отцом на комбайне. В Привольном, где школа была километрах в двух от нашей хаты, после окончания занятий я забегал к деду Пантелею, который жил в центре села, надевал рабочую робу и бегом в МТС — помогать отцу чинить комбайн. Вечером с работы домой шли вместе.

А потом уборка хлебов. С конца июня и до конца августа работать приходилось вдали от дома. Даже когда из-за дождей уборка приостанавливалась, мы оставались в поле, приводя в порядок технику и выжидая погожих часов. Много было с отцом разговоров в такие дни «простоя». Обо всем — о делах, о жизни. Отношения у нас сложились не просто отца и сына, но и людей, занятых общим делом, одной работой. Отец с уважением относился ко мне, мы стали настоящими друзьями.

Отец отлично знал комбайн и меня обучил. Я мог спустя год-два отрегулировать любой механизм. Предмет особой гордости — на слух мог сразу определить неладное в работе комбайна. Не меньше гордился тем, что на ходу мог взобраться на комбайн с любой стороны, даже там, где скрежетали режущие аппараты и вращалось мотовило.

Сказать, что работа на комбайне была трудной, — значит не сказать ничего. Это был тяжкий труд: по 20 часов в сутки до полного изнеможения. На сон лишь 3—4 часа. Ну а если погода сухая и хлеб молотится, то тут уж лови момент — работали без перерыва, на ходу подменяя друг друга у штурвала. Воды попить было некогда. Жарища — настоящий ад, пыль, несмолкаемый грохот железа... Со стороны посмотришь на нас — одни глаза и зубы. Все остальное — сплошная корка запекшейся пыли, смешанной с мазутом. Были случаи, когда после 15—20 часов работы я не выдерживал и просто засыпал у штурвала. Первые годы частенько носом шла кровь — реакция организма подростка. В 15—16 лет обычно набирают вес и силу. Силу я набирал, но за время уборки каждый раз терял не менее пяти килограммов веса.

Тяжким был труд крестьян. Но достатка в колхозные дома он не приносил. Вся надежда была на приусадебный участок. Выращивали на нем все, и можно было бы кое-как свести концы с концами. Но каждый крестьянский двор облагался всяческими налогами и поставками государству. Не имело значения, держишь ты скот или нет, все равно сдай 120 литров молока, сдай масло, сдай мясо. Налогам облагались фруктовые деревья, и, хотя урожай они давали не каждый год, налоги ты должен был платить ежегодно. И крестьяне... вырубали сады.

Бежать — не убежишь, не давали крестьянам паспорта. А без паспорта — до первого милиционера. Да и не возьмут никуда на работу в городе. Один шанс: завербоваться через «оргнабор» на какую-нибудь «великую стройку». Чем же это отличалось от крепостничества? Даже спустя годы, выступая с докладами об аграрной политике, я с трудом удерживался от самых резких оценок и формулировок, потому что знал, что это такое — крестьянская жизнь.

Наша семья все-таки жила полегче, чем другие: механизаторам платили натурой и деньгами. Но все равно это мизерные заработки; чтобы купить хоть что-то из одежды или домашней утвари, приходилось продавать выращенное в личном хозяйстве. А для этого ехать на рынок в Ростов, Сталинград, Шахты. Одним словом, всего и всегда не хватало.

Даже в поле во время уборки еду привозили нам скудную. Зато уж если за сутки 30 гектаров обмолотил, тут тебе, по установленным правилам, полагалась «посылка». Специально для тебя что-то готовили — вареники с маслом, мясо вареное или, еще лучше, давали банку меда и обязательно две поллитровки водки. Хотя водка меня не интересовала, был такой обед вкуснее всего на свете. Не «посылка», а дар Божий... Праздник!

Ну а насчет водки сыграли со мной однажды в бригаде злую шутку. Это было в 1946 году. Закончилась уборка, и механизаторы решили «обмыть» окончание первой после войны страды — хоть и неудачный

был год, а как-никак дело сделано. Купили ящик водки, где-то достали спирт. Собрались в полевом вагончике, сидят, выпивают, закусывают, всякие байки рассказывают.

Надо сказать, мужики наши в бригаде все крепкие были, молодые, но бывалые — в большинстве своем фронтовики. Отцу в то время было 37 лет. Я самый младший — мне 15. Сижу, ем да слушаю их разговоры.

Тут бригадир стал приставать ко мне: «Ты что ж так сидишь? Уборка закончена. Пей давай! Пора уж настоящим мужиком быть». Смотрю на отца — он молчит, посмеивается. Поднесли мне кружку... Думал — водка, оказалось — спирт. А для его питья существовала особая «технология»: надо было на выдохе выпить, а потом сразу же, не переводя дыхания, запить холодной водой. А я так.

Что со мной было! Механизаторы покатываются от смеха, и больше всех смеялся отец. Урок действительно пошел на пользу — никакого удовольствия от водки или спирта я потом не получал. Тут же, в отместку, сговорились подшутить над бригадиром, устроившим мне это испытание. Налили ему в кружку спирта, а вместо воды для заправки подсунули вторую, и тоже со спиртом... Бригадир выдохнул, хватил первую кружку, потом вторую... Все опять от хохота покатились. А он — только крикнул. Крепкий мужик. Вообще, все они хорошими товарищами были, можно сказать, друзьями. В трудной жизни помогали друг другу. И работать умели как надо.

Потом, спустя годы, став Генеральным секретарем ЦК КПСС, приезжая в родные места, я всякий раз встречался с теми, кто работал в нашей бригаде, — трактористами и комбайнерами, уже постаревшими. Встречались без всякой официальщины, как старые добрые друзья, которые могут откровенно высказать друг другу все. Тракторная бригада навсегда оставила в моей душе глубокий след. Мне близки эти люди и сейчас, хотя, к сожалению, многих уже нет в живых.

Кстати, после работы в поле учеба была уже не в тягость, а в радость и удовольствие. Первые недели после работы на комбайне пальцы сгибались с трудом из-за мозолей. Я даже гордился этими мозолями, хотя ни в малой мере не испытывал непочтительного отношения к людям умственного труда, которым нередко грешат те, кто называет себя «работягами». У настоящих работяг, если судить по нашей бригаде, такого не было. По крайней мере, к нашей сельской интеллигенции — учителям, врачам, агрономам, к ученым — относились уважительно. А главное даже в другом. Кем бы ты ни работал, люди быстро, по известным им одним критериям, определяют, чего ты на самом деле стоишь.

Трудно, очень трудно давался хлеб в те годы. 1946 год был неурожайным. Как раз в хлебоборodных районах случилась засуха. Если ве-

рить официальной статистике, в стране собрали зерновых всего 39,6 миллиона тонн (государство заготовило из них 17). А в 1940-м — 95,7 миллиона тонн (при заготовках в 36,4). Драматичность тогдашней ситуации очевидна. Во многих областях уже в который раз разразился голод.

На Ставрополье тоже не уродились хлеба. И весной 1947-го хлынули к нам сталинградцы — голод гнал людей, — предлагали в обмен на хлеб все, что имели. Менять-то нечего было, сами еле-еле концы с концами свели. И все-таки меняли.

1947 год для страны стал более удачным. Собрали 65,9 миллиона тонн зерновых (заготовили 27,5). Сразу после окончания войны народу было обещано, что через год карточную систему снабжения продовольствием и промтоварами отменят. Засуха 1946 года вынудила отложить это мероприятие на год. И вот в декабре 1947-го карточки были наконец отменены. Событие действительно праздничное, но у нас по этому поводу особой радости не было. Для Ставрополья и этот год оказался неурожайным. Кое-как перезимовали. Вся надежда была на урожай 1948 года.

И вдруг ранней весной, в апреле, загуляли пыльные бури, страшные спутники засухи. «Опять беда, — говорит отец, — после войны, считай, третий год подряд». Но через несколько дней пошел теплый-теплый дождь. Идет день, второй, третий... Хлеба пошли в рост.

Это был первый настоящий урожай. Собрали на круг по 22 центнера с гектара. В те времена — особенно после неурожайных лет — результат небывалый. А тогда с 1947 года действовал Указ Президиума Верховного Совета СССР: намолотил на комбайне 10 тысяч центнеров зерна — получай звание Героя Социалистического Труда, 8 тысяч — орден Ленина. Мы намолотили с отцом 8 тысяч 888 центнеров. Отец получил орден Ленина, я — орден Трудового Красного Знамени. Было мне тогда 17 лет, и это самый дорогой для меня орден. Сообщение о награде пришло осенью. Собрались все классы на митинг. Такое было впервые в моей жизни — я был очень смущен, но, конечно, рад. Тогда мне пришлось произнести свою первую митинговую речь.

Можно сказать, что 1948 год был для нашей семьи если и не счастливым, то, во всяком случае, удачным. Хорошим он стал и для страны: первый послевоенный год без карточек. И хотя при их отмене цены на продукты и промтовары выросли в несколько раз, все-таки создавалось ощущение, что жизнь постепенно налаживается.

В 1947 году 7 сентября, когда мне уже было шестнадцать лет, родился мой младший брат. Помню, ранней зарей отец разбудил меня и попросил перейти в другое место. Я это сделал и опять заснул. Когда проснулся, отец сказал, что у меня теперь есть брат. Я предложил назвать его Александром. Жизнь сложилась так, что уже с 1948 года я

жил фактически отдельно от семьи. Брат рос, получая сполна внимание и любовь отца и матери. Другими были его детство и юность. Все это сказалось и на характере, на отношении к жизни. У Александра все было иначе. Мне кажется, проще и легче. Мне это не очень нравилось, и я пытался подогнать под свои жизненные установки. Долго я с ним «воевал», кое-что удалось. Но все же Сашка остался самим собой.

После страшной войны страна поднималась из развалин. Когда несколько лет спустя мне приходилось ездить в Москву и обратно, я побывал в Ростове, Харькове, Воронеже, Орле и Курске. И везде — руины, следы чудовищных разрушений, оставленных войной. Несколько раз в Москву я ездил через Сталинград. Специально делал так, чтобы туда попасть утром, а выехать в Москву вечером или ночью. Ходил по городу, поднимался на Мамаев курган, усыпанный, даже спустя 7—8 лет после Сталинградского сражения, осколками бомб, мин, снарядов. Побывал на местах самых тяжелых боев. И осталось в памяти, как постепенно, год от года поднимался новый город.

Трудно жила страна. Не жизнь, а борьба за выживание. В годы войны люди понимали: надо спасти землю свою, свое отечество. И думали: вот кончится война, победим, тогда заживем. Но и с окончанием войны, особенно в первые годы, мало что изменилось. Опять тяжкий труд и опять мечта: вот отстроимся, восстановим все и заживем наконец по-людски. Надежда одухотворяла даже самую изнурительную, унижающую человека работу, придавала ей смысл, помогала переносить все тяготы.

Так и сводили концы с концами. Все было в том времени — и тяжкое, и радостное, и горе, и надежда. Это было противоречие самой жизни. И тем, кто сегодня обращается к нашей истории, надо уметь поставить любой ее период, каждый факт в более широкий контекст. Иначе ничего понять невозможно. Ни тех событий, ни тех людей.

Сейчас, оглядываясь на прошлое, я все более убеждаюсь в том, что отец, дед Пантелей, их понимание долга, сама их жизнь, поступки, отношение к делу, к семье, к стране оказывали на меня огромное влияние и были нравственным примером. В отце, простом человеке из деревни, было заложено самой природой столько интеллигентности, пытливости, ума, человечности, много других добрых качеств. И это заметно выделяло его среди односельчан, люди к нему относились с уважением и доверием: «надежный человек». В юности я питал к отцу не только сыновние чувства, но и был крепко к нему привязан. Правда, никогда друг с другом о взаимном расположении мы не обмолвились даже словом — это просто было. Став взрослым человеком, я все больше и больше восхищался отцом. Меня в нем поражал неугасающий интерес к жизни. Его волновали проблемы собственной страны и

далеких государств. Он мог у телевизора с наслаждением слушать музыку, песни. Регулярно читал газеты.

Наши встречи превращались нередко в вечера вопросов и ответов. Главным ответчиком теперь стал уже я. Мы как бы поменялись местами. Меня в нем всегда восхищало его отношение к матери. Нет, оно было не каким-то внешне броским, тем более изысканным, а наоборот — сдержанным, простым и теплым. Не показным, а сердечным. Из любой поездки он всегда привозил ей подарки. Отец сразу принял близко Раю и всегда радовался встречам с ней. И уж очень его интересовали Раины занятия философией. По-моему, само слово «философия» производило на него магическое воздействие. Отец и мать были рады рождению внучки Ирины, и она не одно лето провела у них. Ирине нравилось ездить на двуколке по полям, косить сено, ночевать в степи.

Я узнал о внезапном тяжелом заболевании отца в Москве, куда прибыл на XXV съезд КПСС. Сразу вылетел с Раисой Максимовной в Ставрополь, а оттуда автомобилем отправились в Привольное. Отец лежал в сельской больнице без сознания, и мы так и не смогли сказать друг другу последние слова. Его рука сжимала мою руку, но больше он уже ничего не мог сделать.

Отец мой, Сергей Андреевич Горбачев, скончался от большого кровоизлияния в мозг. Хоронили его в День Советской Армии — 23 февраля 1976 года. Привольненская земля, на которой он родился, с детских лет пахал, сеял, собирал урожай и которую он защищал, не щадя жизни, приняла его в свои объятия...

Всю жизнь отец делал добро близким людям и ушел из жизни, не докучая никому своими недомоганиями. Жаль, что пожил он так мало. Каждый раз, бывая в Привольном, я в первую очередь иду к могиле отца.

Глава 3

МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Зачислен с общежитием

Школу я окончил в 1950 году с серебряной медалью. Мне исполнилось 19 лет, возраст призывной, и надо было решать — что дальше?

Хорошо помню слова отца: «После школы — смотри сам. Хочешь — будем работать вместе. Хочешь — учись дальше, чем смогу — помогу. Но дело это серьезное, и решать — только тебе».

У меня настроение было вполне определенное — продолжать учебу. Настроение, характерное для многих моих сверстников тех лет. Страна восстанавливалась, строилась, инженеров, агрономов, медиков, учителей не хватало. В вузы шли целыми классами. Даже самые слабенькие, и те выискивали институты, где был меньший конкурс при приеме, и поступали.

Мои одноклассники подавали заявления в вузы Ставрополя, Краснодара, Ростова. Я же решил, что должен поступать не иначе как в самый главный университет — Московский государственный университет им. Ломоносова на юридический факультет.

Не могу сказать, что это был всецело выношенный замысел. Что такое юриспруденция и право, я представлял себе тогда довольно туманно. Но положение судьи или прокурора мне импонировало. Направил документы в приемную комиссию юрфака, стал ждать. Проходят дни, никакой реакции. Посылаю телеграмму с оплаченным ответом, и приходит уведомление: «зачислен с предоставлением общежития», то есть принят по высшему разряду, даже без собеседования. Видимо, повлияло все: и «рабоче-крестьянское происхождение», и трудовой стаж, и то, что я уже был кандидатом в члены партии, и, конечно, высокая правительственная награда. Во всяком случае, для «оптимизации» социального состава студенчества, достигавшейся тогда главным образом за счет фронтовиков, подошла и моя кандидатура.

Итак, я — студент Московского университета. Первые недели и месяцы чувствовал себя не очень уютно. Сопоставьте: село Привольное и... Москва. Слишком велика разница и слишком большая ломка. От новых знакомых впервые услышал: «Москва — большая деревня». Особенно любили это повторять ленинградцы. Но для меня, выросшего в деревне, Москва представлялась громадиной, гигантским городом. И сегодня живо охватившее меня тогда чувство волнения.

Все для меня было впервые: Красная площадь, Кремль, Большой театр — первая опера, первый балет, Третьяковка, Музей изобразительных искусств имени Пушкина, первая прогулка на катере по Москве-реке, экскурсия по Подмосковию, первая октябрьская демонстрация... И каждый раз ни с чем не сравнимое чувство узнавания нового.

Все-таки прежде всего память возвращает к неказистому зданию университетского общежития на Стромьинке в Сокольниках. Ежедневно колесили мы по семь километров в один конец — на метро, трамвае и пешком — к нашей *alma mater* и обратно. Каждый такой маршрут открывал для нас новую черточку города, к которому мы все больше привязывались. Конечно, старую Москву с ее исконной «русскостью», с персплетением сотен улочек и переулков не познаешь не только за пять, но, наверное, и за пятьдесят лет. Но все улицы и переулки вокруг университета, все островки студенческого архипелага вокруг общежития — кинотеатр «Молот» на Русаковской и Клуб имени Русакова, неповторимый колорит старой Преображенской площади, старинные бани на Бухвостовской, парк в Сокольниках — остались в памяти навсегда.

Это потом, уже на четвертом курсе, мы переберемся на Ленинские горы, будем жить по два человека в блоке, по неделе, а то и по две не выбираясь в город из «дворянского гнезда». А тогда на Стромьинке жили мы, первокурсники, 22 человека в одной комнате, на втором курсе — 11, на третьем — 6.

Здесь же была своя столовая с буфетом, где можно было за копейки взять стакан чаю и съесть с ним сколько угодно хлеба, лежавшего в тарелках по столам. Тут же парикмахерская и прачечная, хотя стирать частенько приходилось самому по причине отсутствия денег и лишней смены белья. Была тут своя поликлиника. И она для меня была новостью, так как в нашем селе таковой не имелось, существовал лишь фельдшерский пункт. Здесь же находилась и библиотека с вместительными читальными залами, клуб со всевозможными кружками и спортивными секциями. Это был совершенно особый мир, студенческое братство со своими неписаными законами и правилами.

Жили мы по-студенчески бедно. Стипендия на гуманитарных факультетах — 220 рублей (в ценах до 1961 года). Правда, одно время я, как отличник и общественник, получал персональную, повышенную,

так называемую «Калининскую», стипендию — 580 рублей. Кроме того, 200 рублей ежемесячно присылали из дома. Цену этим деньгам я хорошо знал: у себя на подворье отец с матерью выращивали овощи и всякую живность везли на городские рынки.

В Москве приходилось экономить на всем. Но, как и у всех моих приятелей, на последнюю неделю перед стипендией никак не хватало. Приходилось переходить на «сухой паек», в ход шла банка консервированных бобов или что-то в этом роде стоимостью не более рубля. И тем не менее последний рубль тратился не на еду, а на билет в кино.

С самого начала учеба в университете захватила меня. Она поглощала все время, учился я жадно, азартно. Друзья-москвичи подтрунивали: многое, что для меня было новым, им было известно со школьной скамьи. Но я-то заканчивал сельскую школу.

Любопытство и самолюбие

Мои однокурсники-москвичи часто боялись показать свое незнание каких-то проблем или фактов. Им, видимо, казалось, что спрашивать, выяснять — значит проявлять свою неполно-

ценность. Но во мне горел огонь любопытства и желания узнать и понять все. К третьему курсу я мог на равных участвовать в студенческих дискуссиях с самыми способными однокурсниками.

Чем был примечателен наш юридический факультет? Прежде всего, он давал обширные и весьма разносторонние знания. На первое место я ставлю цикл исторических наук — история и теория государства и права; история политических учений, история дипломатии; политическая экономия в объеме почти таком же, как на экономическом факультете, история философии, диалектический и исторический материализм; логика; латинский и немецкий языки. Наконец, целая гамма юридических дисциплин: уголовное и гражданское право, криминалистика, судебная медицина и психиатрия, административное, финансовое, колхозное, брачно-семейное право, бухгалтерский учет. И, конечно, международное публичное и частное право, государство и право буржуазных стран и т.д.

Идея заключалась в том, что усвоение собственно юридических предметов требовало основательного знания современных социально-экономических и политических процессов и должно было происходить поэтому в контексте овладения основами всех общественных наук.

В моих глазах университет был храмом науки, средоточием умов, составлявших нашу национальную гордость, очагом молодой энергии, порыва, поиска. Здесь ощущалось влияние вековой русской культуры, несмотря ни на что, жили демократические традиции русской высшей школы. Многие знаменитые ученые, академики считали за честь преподавать в МГУ, вести там лекционные курсы. За каждым из них —

научные направления, десятки книг и учебников. Их лекции открывали новый мир, целые пласты человеческого знания, неведомые мне ранее, вводили в логику научного мышления. Даже в самые мрачные годы в стенах здания на Моховой чувствовалось биение пульса общественной жизни. Пусть в значительной мере подспудно, но сохранялся дух творческих исканий и здорового критицизма.

Конечно, не следует и приукрашивать реальной ситуации в университете. Первые три года моей учебы совпали с годами «позднего сталинизма», нового витка репрессий, знаменитой кампании против «безродного космополитизма» и т.д.

Атмосфера была предельно идеологизирована. Как и повсюду, господствовали беспрекословные схемы сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», признававшегося эталоном научной мысли. Учебный процесс, казалось, был нацелен на то, чтобы с первых недель занятий сковать молодые умы, вбить в них набор непререкаемых истин, уберечь от искушения самостоятельно мыслить, анализировать, сопоставлять. Идеологические тиски в той или иной мере давали о себе знать и на лекциях, семинарах, в диспутах на студенческих вечерах.

Как-то на собрании я сделал критическое замечание в адрес одного из преподавателей по поводу методологии, которую он применил для анализа проблемы. Тогда мой товарищ по общежитию, бывший фронтовик и староста курса (теперь профессор и автор многих работ) Валерий Шапко сказал: с такими речами надо выступать после сдачи экзамена. Я посмеялся над его расчетливостью. Но вот пришло время экзамена. Отвечать я стал уверенно, в одном месте сослался на книгу, сказав ее название. Экзаменатор сделал удивленное лицо. Я тут же поправился, но было поздно.

С ехидной улыбкой он пометил что-то в своем блокнотике и продолжения моего ответа уже не слушал. Когда я закончил, он, не скрывая злорадства, произнес:

— Ну что же, Горбачев, твердая четверка... — и тут же, не мешкая, поставил оценку в зачетку.

Пересдавать этот экзамен, хотя на остальных получил пятерки, не стал. Так потерял я персональную стипендию. Удар по моему самолюбию и особенно бюджету был ощутимый.

Как мне представляется, именно по отношению к университету — и к профессуре, и к студенчеству — проявлялась особая бдительность. Судя по всему, там действовала отлаженная система всеобщего контроля за состоянием умов. Малейшее отклонение от официальной позиции, попытка что-то не принять на веру были чреватые в лучшем случае разбором на комсомольском или партийном собрании.

Доходили до нас отголоски и новой волны чистки среди университетской профессуры. Абсурдность обвинений была порой настолько

очевидна, что вынуждала власти предрержащие отступить. Например, профессора С.В.Юшкова, крупнейшего ученого, всю жизнь посвятившего изучению Киевской Руси, зачислили в... «безродные космополиты»!

На заседании Ученого совета, где Юшкова подвергли проработке, он в расстроенных чувствах поднялся на трибуну и, вместо того чтобы развернуть контраргументацию в свою защиту, произнес только одну фразу: «Посмотрите на меня!» Серафим Владимирович стоял перед аудиторией в своей рубахе-толстовке, подпоясанной шнурком, держа в руках поношенную соломенную шляпу, как бы олицетворяя всем обликом своим старого добропорядочного русского интеллигента.

По залу прокатился смех. Вместо разбирательства туманных псевдонаучных обвинений здравый смысл подсказал разгоряченному собранию простой вопрос: «Мы что, с ума сошли, какой же это космополит?» Проработка Юшкова была сразу же прекращена.

Мы любили лекции Серафима Владимировича. Это были даже не лекции, скорее, беседы в гостиной, увлекательные рассказы о далеких временах, о жизни наших предков. Предметом своим профессор Юшков владел блестяще. Но мы не раз и по отношению к нему допускали своего рода идеологические розыгрыши, вроде такого — а почему, уважаемый профессор, вы избегаете в своих лекциях ссылок на классиков марксизма-ленинизма? И тогда он лихорадочно открывал громоздкий и весьма вместительный портфель, извлекал из него одну из своих книг и, надев очки, искал соответствующие высказывания.

Я погрешил бы перед истиной, если бы стал утверждать, что массивная идеологическая обработка, которой подвергались питомцы университета, не затрагивала нашего сознания. Мы были детьми своего времени. Если некоторая часть профессуры, как мне сегодня кажется, вынужденно следовала «правилам игры», то мы, студенты, принимали многие положения изучаемых дисциплин как данность, искренне и убежденно.

Система образования, казалось, делала все, чтобы предупредить овладение критическим методом мышления. Но вопреки ей само накопление полученных знаний подводило — где-то на третьем курсе — к этапу, когда мы начинали всерьез задумываться над тем, что вроде бы уже было изучено и усвоено.

Кто-то из современных читателей, прежде всего из числа молодых соотечественников, возможно, поморщится, прочитав, что первыми авторами, заставившими меня усомниться в непреложности преподносимых нам «истин в последней инстанции», были К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин. Но это так. И вот почему.

Несмотря на всю (иногда чрезмерную) полемическую остроту, их труды содержали обстоятельный разбор положений оппонента, систе-

му контраргументов, обоснование выводов, что явно контрастировало с «дискуссионными» приемами Сталина, имевшего склонность заменять аргументацию бранью, в лучшем случае провозглашением непреложных истин. И, наверное, главное: чем больше я вчитывался в «классиков», тем больше задумывался над соответствием их представлений о социализме нашей реальной действительности.

В 1952 году я вступил в партию. Накануне передо мной встала проблема: что писать в анкете о своих репрессированных дедах? Хотя дед Пантелей судим не был, но 14 месяцев отсидел. Да и деда Андрея высылали в Сибирь без всякого суда. При вступлении в кандидаты это никого не волновало — земляки знали обо мне все. Написал письмо отцу, ведь ему при приеме в партию уже пришлось отвечать на такой же вопрос. Когда летом мы встретились, отец сказал:

— Ничего я не писал. Не было у нас этого на фронте, когда в партию перед боем принимали. На смерть шли. Вот и весь ответ.

Ну а мне, сыну его, пришлось в парткоме, а потом в Ленинском РК КПСС долго объяснить всю историю моих предков.

Постепенное интеллектуальное возмужание, стремление к осмыслению происходящего в жизни делали невыносимым схоластическое, начетническое отношение к учебному процессу, чем грешили некоторые преподаватели, видевшие в студентах лишь объект идеологического натаскивания. Было в этом что-то оскорбительное, унижающее человеческое достоинство.

Помню, осенью 1952 года, после выхода в свет работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», один из преподавателей не нашел ничего лучшего, как зачитывать нам на лекции одну страницу за другой из этого труда. Я не выдержал и послал ему записку, смысл которой сводился к тому, что с книгой мы знакомы, а ее механическое зачитывание на лекции свидетельствует о неуважении к аудитории.

Реакция была незамедлительной. Разгневанный наставник высказался в том духе, что некоторые смельчаки, которые боятся свою подпись поставить, возомнили, что уже освоили «все богатство положений и выводов, содержащихся в произведении товарища Сталина».

Я встал и сказал, что авторство записки принадлежит мне. И началось... Информация об этом инциденте прошла по комсомольским и партийным организациям, дошла до Московского горкома партии. А я был в то время заместителем секретаря комсомольской организации факультета по идеологии (секретарем был Борис Спиридонов, позже ставший секретарем парткома МГУ). Последовало разбирательство, но в конце концов вопрос был замят: кажется, опять помогло «рабоче-крестьянское происхождение».

Повседневная действительность вторгалась в учебный процесс, заметно корректируя наши книжные представления и о «самом справедливом строе», и о «нерушимой дружбе народов». Глубоко отложился в памяти эпизод, относящийся к зиме 1952/53 года, когда общество потрясло «дело врачей», послужившее поводом для разнузданных антисемитских выходов, огульных обвинений евреев в предательстве.

Мой приятель Володя Либерман, за плечами которого были тяжкие фронтовые годы, однажды не пришел к первой лекции. Появился он лишь несколько часов спустя. Никогда прежде не видел я его в таком удрученном, подавленном состоянии. На нем буквально лица не было. «В чем дело?» — спросил я. Он не мог сдержать слез. Выяснилось, что улюлюкающая публика, обдав бывшего фронтовика градом оскорблений и ругательств, выбросила его из трамвая. Я был потрясен.

Много лет спустя, в тяжелые для меня дни декабря 1991 года, произошла у меня встреча с писателем Беляевым — студентом МГУ того же времени. Вспомнили и эти эпизоды. И тогда мой собеседник сказал, что в те годы Горбачева считали, пользуясь современным языком, чуть ли не «диссидентом» за его радикализм. Но, конечно, никаким диссидентом я не был, хотя критическое отношение к происходящему уже «входило» в меня.

Летом 1953 года, в промежутке между сессией в МГУ и работой в МТС, я проходил юридическую практику в нашей районной прокуратуре в Ставрополье. Тогда впервые столкнулся с довольно типичным для той поры «руководящим районным звеном». И смотрел на вещи и на нравы начальства своего родного района иначе, чем раньше.

Раиса Максимовна в своей книге «Я надеюсь...» опубликовала одно из моих писем тех дней: «...Угнетает меня здешняя обстановка. И это особенно остро чувствую всякий раз, когда получаю письмо от тебя. Оно приносит столько хорошего, дорогого, близкого, понятного. И тем более сильнее чувствуешь отвратительность окружающего... Особенно — быта районной верхушки. Условности, субординация, предопределенность всякого исхода, чиновничья откровенная наглость, чванливость... Смотришь на какого-нибудь здешнего начальника — ничего выдающегося, кроме живота. А какой апломб, самоуверенность, снисходительно-покровительственный тон!» В душе уже зрел протест.

Смерть Сталина

И все-таки диссидентом я не был... Морозное утро 5 марта 1953 года. В аудитории № 16, где обычно читались общекурсовые лекции, — мертвая тишина. Входит преподаватель и трагическим голосом, сквозь слезы сообщает о последовавшей на 74-м году безвременной кончине...

Среди студентов были люди из числа тех, чьи родственники пострадали от репрессий, кто тогда уже — в той или иной мере — осознавал

тоталитарную сущность режима. Однако основная масса студенчества глубоко и искренне переживала эту смерть, воспринимая ее как трагедию для страны. Примерно такое чувство, не буду кривить душой, охватило тогда и меня.

Свое выпускное сочинение в школе я писал на тему «Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полет». Получил высшую оценку, и потом еще несколько лет оно демонстрировалось выпускникам — как эталон. А я ведь знал реальную жизнь и кое-что из того, что творилось в годы его правления.

Недавно прочитал письмо академика Андрея Дмитриевича Сахарова, относящееся к этим мартовским дням 1953 года: «Нахожусь под впечатлением смерти Великого Человека. Думаю о его человечности...» Значит, не одному мне это было свойственно.

В те дни, казалось, не было задачи более важной, чем проститься со Сталиным. Мы пошли с группой сокурсников. Медленно, с трудом продвигались целый день, часами стоя на одном месте. Успешно обошли переулками Трубную площадь, где произошла страшная давка, стоившая жизни многим участникам скорбного похода. Квартал за кварталом двигались целую ночь. Наконец дошли до гроба.

Раньше во время праздничных демонстраций мне не приходилось даже издали видеть Сталина. Теперь в Колонном зале впервые увидел его вблизи... мертвым. Окаменевшее, восковое, лишенное признаков жизни лицо. Глазами ищу на нем следы величия, но что-то из увиденного мешает мне, рождает смешанные чувства.

«Что будет с нами?» — таков, разумеется, был главный вопрос, который в мартовские дни 1953 года вставал перед всеми, независимо от отношения к Сталину. Вопрос был неизбежен, ибо усопший олицетворял собой всю систему.

«Оттепель» Вскоре появились первые симптомы перемен. Было прекращено «дело врачей». Летом, находясь на Ставрополье, узнал об аресте Берии. В «Правде», а затем в других газетах стали появляться статьи о «культе личности» (правда, пока безадресно), о его несовместимости с марксизмом-ленинизмом. Обозначилась «оттепель» в сфере культуры. Все это, конечно, не могло не отозваться в университетской среде. Все более интересными становились лекции, живее шли семинарские занятия, работа студенческих кружков. «Оттепель» затронула деятельность наших общественных организаций.

Политические кампании «позднего сталинизма», о которых я уже упоминал, глубоко травмировали психологию определенной части старшекурсников-фронтовиков, руками которых в значительной мере эти кампании и проводились. Их влияние стало заметно падать.

Помню трехдневное собрание по «делу группы Лебедева» — секретаря партбюро юридического факультета. Окружив себя «доверенными» и «приближенными», Валентин Лебедев фактически узурпировал на факультете всю власть, подмял и партбюро, и деканат. Он влиял на состав преподавателей, вмешивался во все стороны жизни и быта факультета. После жарких трехдневных дебатов сняли его с треском. Определились свои лидеры и на нашем курсе, причем это были уже не москвичи, главенствовавшие в первые годы моей учебы, а «периферия».

В последние два года учебы атмосфера в университете начала меняться. Вначале с опаской, постепенно все более свободно высказывались сомнения в правильности «устоявшейся» трактовки тех или иных исторических событий, да и некоторых явлений современной политической жизни. Конечно, до открытого плюрализма мнений было еще очень и очень далеко. Руководящие партийные и иные органы хотя и ослабили идеологические вожжи, но выпускать их из своих рук отнюдь не собирались.

Встреча

Годы учебы в университете были для меня не только необычайно интересными, но и достаточно напряженными. Аудиторные и самостоятельные занятия чуть ли не ежедневно занимали минимум 12 — 14 часов. Приходилось восполнять пробелы сельской школы, которые давали о себе знать — особенно на первых курсах, а отсутствием самолюбия я, честно говоря, никогда не страдал. Все новое воспринималось мною довольно быстро, но закрепление знаний требовало штудирования широкого круга дополнительной литературы. Этим, кстати, обучение в университете и отличалось от учебы во многих других вузах.

Человек я общительный, с однокурсниками, да и со многими студентами факультета, как того требовали комсомольские обязанности, поддерживал товарищеские отношения. Образовался и сравнительно узкий круг друзей. Это — Юра Топилин, Валерий Шапко, Василий Зубков, Володя Либерман, Зденек Млынарж, Рудольф Колчанов, Леня Таравердиев, Виктор Вишняков, Володя Лихачев, Наташа Боровкова, Надя Михалева, Лия Александрова, Саша Филипов, Люся Росслова, Элла Киреева, Валя Рылова, Галя Данюшевская, Володя Кузьмин-большой. С ними и с теми, кого я просто не смог здесь назвать, я входил в незнакомый огромный мир столицы.

Вместе бывали мы в театрах и кино, на концертах и художественных выставках. Часто вместе готовились к занятиям и экзаменам.

Московский университет был не только средоточием людей разного образа мыслей, разного жизненного опыта, национальностей. Здесь происходило скрещение человеческих судеб, иной раз мимолетное, но

нередко — на долгие годы. И был центр, где чаще всего случались такого рода встречи, — это наш студенческий клуб на Стромынке.

Скромное приземистое здание, кажется, бывшая солдатская казарма, стало для нас очагом подлинной культуры. Сюда приезжали знаменитые певцы и актеры — Лемешев, Козловский, Обухова, Яншин, Марецкая, Мордвинов. Цвет театральной Москвы. Сами актеры рассматривали свои выступления как обязанность прививать молодежи чувство прекрасного. Это было замечательной, уходящей в дореволюционную эпоху традицией художественной интеллигенции, к сожалению, сегодня почти утраченной. И нас, студентов из «разных городов и весей», такие встречи действительно приобщали к настоящему искусству.

Работали в клубе, как я уже говорил, и многочисленные кружки, начиная с домоводства, где могли научить жарить яичницу и перелицевать старое платье или брюки, кончая кружком бальных танцев, увлечение которыми было в те годы чуть ли не повальным. Время от времени в стенах клуба устраивались танцевальные вечера. Я бывал там довольно редко — предпочитал книги. Но друзья мои по курсу заглядывали туда частенько, а потом бурно обсуждали достоинства своих партнерш.

В тот вечер я сидел над какой-то книгой, когда в комнату заглянули Володя Либерман и Юра Топилин...

— Миша, — говорят, — там такая девчонка! Новенькая! Пошли!

— Ладно, — отвечаю, — идите, догоню...

Ребята ушли, я попробовал продолжить занятия, но любопытство пересилило. И я пошел в клуб. Пошел, не зная того сам, навстречу своей судьбе.

Уже от дверей зала увидел длинного, но как всегда по-военному подтянутого Топилина, танцевавшего с незнакомой девушкой. Музыка смолкла. Я подошел к ним, и мы познакомились.

Раиса Титаренко училась на философском факультете, который помещался в том же здании, что и юридический, жила в общежитии на той же Стромынке, и как я не увидел ее раньше — не могу понять.

Попав в Москву, я твердо решил, что все пять лет пребывания в МГУ будут отданы только учебе. Никаких «амуров». И надо отдать должное сокурсницам, они довольно быстро интуитивно почувствовали это, во всяком случае, к разряду «женихов» не относили. Да и я был абсолютно уверен в том, что выстою. И вот...

С этой встречи для меня начались мучительные и счастливые дни.

Мне показалось тогда, что первое наше знакомство не вызвало у Раи никаких эмоций. Она отнеслась к нему спокойно и равнодушно. Это было видно по ее глазам. Я искал новой встречи, и однажды все

тот же Юра Топилин пригласил девушек из комнаты, где жила Рая, к нам в гости. Мы угощали их чаем, говорили обо всем, как всегда в таких случаях, несколько возбужденно. Я очень хотел «произвести впечатление» и, по-моему, выглядел ужасно глупо. Она оставалась сдержанной и первой предложила расходиться...

Вновь и вновь я старался с ней встретиться, завязать разговор. Но шли недели, месяц, другой. Лишь в декабре 1951 года такой случай наконец представился. Как-то вечером, закончив занятия, я отправился в клуб. Там происходила очередная встреча с деятелями культуры, зал был заполнен до отказа. Объявили короткий перерыв, и, выискивая знакомых, я пошел по проходу к сцене. Продвигаясь вперед, скорее почувствовал, прежде чем увидел, что на меня кто-то смотрит. Я поздоровался с Раисой, сказал, что ищу свободное место.

— Я как раз ухожу, — ответила она, поднимаясь, — мне здесь не очень интересно.

Мне показалось, что с ней происходит что-то неладное, и я предложил пойти вместе. Она не возражала, и мы вдвоем вышли из клуба. Побродили по общежитию, разговаривая о том о сем. По студенческим меркам было еще рановато — около десяти часов, и я пригласил ее погулять по городу. Раиса согласилась, через несколько минут мы встретились и направились по Стромынке в сторону Клуба имени Русакова.

Гуляли долго, говорили о многом, но более всего о предстоящих экзаменах и студенческих делах. На следующий день встретились снова и скоро все свободное время стали проводить вместе. Все остальное в моей жизни как бы отошло на второй план. Откровенно говоря, и учебу-то в эти недели забросил, хотя зачеты и экзамены сдал успешно. Все чаще стал я посещать комнату общежития, где жила Рая, познакомился и с ее подругами и их друзьями — Мерабом Мамардашвили и Юрием Левадой (первый позднее стал известным философом, второй — столь же известным социологом). Собеседники они были интересные, но я интуитивно чувствовал, что Рае, как и мне, гораздо больше нравилось быть вдвоем. Поэтому предпочтение отдавали не «посиделкам», а прогулкам по улицам.

Но в один из зимних дней произошло неожиданное. Как обычно, мы встретились после занятий во дворике МГУ на Моховой. Решили на Стромынку идти пешком. Но всю дорогу Рая больше молчала, нехотя отвечала на мои вопросы. Я почувствовал что-то неладное и спросил прямо, что с ней. И услышал: «Нам не надо встречаться. Мне все это время было хорошо. Я снова вернулась к жизни. Тяжело перенесла разрыв с человеком, в которого верила. Благодарна тебе. Но я не вынесу еще раз подобное. Лучше всего прервать наши отношения сейчас, пока не поздно...»

Мы долго шли молча. Уже подходя к Стромынке, я сказал Рае, что просьбу ее выполнить не могу, для меня это было бы просто катастрофой. Это и стало признанием в моих чувствах к ней.

Вошли в общежитие, проводил Раю до комнаты и, расставаясь, сказал, что буду ждать ее на том же самом месте, во дворике у здания МГУ, через два дня.

— Нам не надо встречаться, — опять решительно сказала Рая.

— Я буду ждать.

И через два дня мы встретились.

Мы снова все свободное время проводили вдвоем. Бродили по московским бульварам, делились сокровенными мыслями, с удивлением и радостью находили друг в друге все то, что нас сближало.

В июне 1952 года, в одну из белых ночей, мы проговорили в садике общежития на Стромынке до утра. В ту июньскую ночь, может быть, до конца поняли: мы не можем и не должны расставаться. Жизнь показала: друг в друге мы не ошиблись.

Через год решили пожениться. Но вставали обычные в таких случаях вопросы: где будем жить, что скажут родители о «студенческом браке», а главное, на какие средства будут существовать молодожены? На две мизерные стипендии, на помощь (скорее символическую) из дома?

На отдельную комнату в общежитии на Стромынке рассчитывать не приходилось. Но молодость есть молодость. После окончания третьего курса поехал в родные края, сообщил родителям о своем решении, отработал весь сезон механизатором на машинно-тракторной станции. Трудился более чем усердно. Отец посмеивался: «новый стимул появился».

Перед отъездом в Москву продали мы с отцом девять центнеров зерна, и вместе с денежной оплатой получилась почти тысяча рублей — сумма по тем временам значительная, раньше я таких денег и в руках не держал. Так что материальная база под наши «семейные» планы была подведена.

В Москву приехал раньше на несколько дней, чтобы встретить Раю, ездившую на каникулы к родителям. Во время одной из первых совместных прогулок мы проходили мимо Сокольнического ЗАГСа. Я предложил: «Давай зайдем!»

Зашли, выяснил, какие документы необходимы для оформления брака. А 25 сентября 1953 года мы вновь переступили порог этого почтенного учреждения, где и получили за номером РВ 047489 свидетельство о том, что гражданин Горбачев Михаил Сергеевич, 1931 года рождения, и гражданка Титаренко Раиса Максимовна, 1932 года рождения, вступили в законный брак, что соответствующими подписями и печатью удостоверялось. Получилось несколько прозаично, но быстро.

В нашем семейном «фольклоре» сохранилась память о том, что именно в те дни Раисе приснился сон.

Будто мы — она и я — на дне глубокого, темного колодца, и только где-то там, высоко наверху, пробивается свет. Мы карабкаемся по срубам, помогая друг другу. Руки поранены, кровоточат. Невыносимая боль. Раиса срывается вниз, но я подхватываю ее, и мы снова медленно поднимаемся вверх. Наконец, совершенно обессилив, выбираемся из этой черной дыры. Перед нами прямая, чистая, светлая, окаймленная лесом дорога. Впереди на линии горизонта — огромное, яркое солнце, и дорога как будто вливается в него, растворяется в нем. Мы идем навстречу солнцу. И вдруг... С обеих сторон дороги перед нами стали падать черные страшные тени. Что это? В ответ лес гудит: «враги, враги, враги». Сердце сжимается... Взввшись за руки, мы продолжаем идти по дороге к горизонту, к солнцу...

Студенческая свадьба

Свадьбу сыграли немного позже — 7 ноября, в день революционной годовщины. К этому сроку на деньги, заработанные летом, в ателье на Кировской из итальянского крепа Райчонке сшили красивое платье. Выглядела она в нем просто потрясающе. Мне пошили первый в моей жизни костюм из дорогого материала, который назывался «Ударник». Так что к торжеству мы были готовы. Вот только на белые туфли невесте денег уже не хватило. Пришлось брать взаймы у подружки.

Праздновали свадьбу в диетической столовой на той же Стромынке. Собрались наши друзья-сокурсники. Стол был студенческий — преобладал неизменный винегрет. Пили шампанское и «Столичную». Тост следовал за тостом. Зденек умудрился посадить на свой роскошный «заграничный» костюм здоровенное масляное пятно. Было шумно и весело. Много танцевали. Получилась настоящая студенческая свадьба. Так что, как поется в песне, милой сердцу российских революционеров, «нас венчали не в церкви»...

Начался несколько «странный» период нашей семейной жизни. Почти целый день вместе, а поздно вечером каждый уходил в свою стромынскую густонаселенную «нору». Отдельные комнаты получили мы лишь осенью, когда переехали в общежитие на Ленинских горах, где разместили студентов естественных факультетов и старшекурсников — гуманитарных.

Получить отдельную «семейную» комнату не удалось. Наоборот. Беспокоясь о нашей нравственности, ректорат реализовал уникальный вариант размещения студентов. Все общежитие поделили на две части: мужскую и женскую. Раю поселили в «Зоне Г», а меня в «Зоне В». Вход в ту и другую «зону» ограничивался строгой системой пропусков.

С трудом удалось добиться разрешения на ежедневные посещения. Причем каждый раз я носил с собой паспорт с отметкой о регистрации брака. Но и это никак не помогало: ровно в 11 часов вечера у Раисы в комнате раздавался пронзительный телефонный звонок дежурной по этажу: «у вас посторонний».

Но пришел декабрь 1953-го, собралась первая после смерти Сталина университетская комсомольская конференция, и мы, делегаты-студенты, устроили членам ректората нещадный разнос за их ханжество. По ходу конференции выпускались сатирические плакаты по фактам жизни университета. И вот на одном из них (длиною в 4 — 5 метров) нога ректора, а под его ботинком свидетельство о браке.

Выступление комсомола было резким и решительным. Все было пересмотрено и изменено. Студенты стали жить по факультетам. Восстановилось нормальное общение. Жизнь вошла в естественное русло. Теперь уже у нас случались и семейные завтраки и ужины, а то и обеды. К нам заглядывали приятели. В общем, мы были счастливы, и я уже начинал себя чувствовать настоящим семьянином.

Летом 1954 года мы с Раисой поехали на Ставрополье. Мне казалось, что родители мой выбор примут с восторгом. Но у родителей (как я это понял потом, став отцом) существуют всегда свои представления о «выборе». Отец отнесся к Раисе с любовью, кстати, как и бабушка Василиса, мать — настороженно, ревниво. И что-то от этого первого знакомства осталось навсегда. Иными словами, «сентиментального путешествия» явно не получилось.

Сходили на могилу деда Пантелея. Скончался он поздней осенью 1953 года. В день его похорон шел проливной холодный осенний дождь. И все же проводить деда в последний путь вышли все жители села. Долго стоял я над дорогой могилой, думая о тяжелой судьбе, выпавшей на его долю, судьбе тысяч таких же, как он.

Учеба наша в университете близилась к концу. На последнем курсе я проходил практику в Москворецком районном народном суде и Киевском райисполкоме Москвы. Запомнилось и произвело большое впечатление одно из дел, слушавшихся в те дни в суде: о жестоком преступлении группы молодых людей, имевшем самые тяжкие последствия. Разбирательство шло долго, и оно стало для меня и моих коллег настоящей школой. В памяти осталось резкое противостояние сторон — обвинения и защиты. Худощавый, более чем скромно одетый, весь напряженный прокурор и целая группа респектабельных, самоуверенных адвокатов. Не скрою, я был всецело на стороне прокурора, адвокатам — не верил. Но как они умело вели защиту!

Пожалуй, наиболее интересным для меня было знакомство с деятельностью Киевского райсовета и его исполкома. Во-первых, там собрал часть материалов для написания дипломной работы на тему:

«Участие масс в управлении государством на примере местных Советов». Во-вторых, я получил возможность хоть в какой-то мере сопоставить свои знания по вопросам советского строительства с жизнью и деятельностью одного из столичных Советов. И наконец, мне хотелось попробовать силы в деле — ведь в районном суде нам отводилась лишь роль наблюдателей.

Дипломную работу я подготовил в срок. Защита прошла успешно. Оценка — «отлично». Немалая часть работы была посвящена показу (со ссылкой на Киевский райсовет) преимуществ социалистической демократии над буржуазной.

Хотя до осознания общечеловеческого содержания основных демократических принципов было еще очень и очень далеко, в студенческой среде упрощенное изображение пропагандой черно-белой картины мира вызывало определенное сомнение. Неожиданный импульс на этот счет я получил в июньские дни 1955 года, когда Москву посетил Джавахарлал Неру. Я присутствовал на его встрече с преподавателями и студентами в актовом зале университета на Ленинских горах. Этот удивительный человек с благородной осанкой, умными, пронизательными глазами и доброй обезоруживающей улыбкой произвел на меня сильное впечатление. Запомнились его теплые слова в адрес нашей alma mater, выраженная им надежда, что университет будет выпускать юношей и девушек, «великих умом и сердцем», которые станут «носителями доброй воли и мира».

Индийский гость связывал вопрос о мире с сохранением и прогрессом всей человеческой цивилизации, с использованием новейших научных и технических знаний на благо всего человечества, устранением всех преград и барьеров, мешающих росту нашего сознания и духа.

Для людей, воспитанных на «классовом подходе» к событиям и явлениям прошлого, настоящего и будущего, эти слова звучали по меньшей мере непривычно, они будоражили сознание. Много лет спустя, в декабре 1986 года, я вспоминал их, когда ставил свою подпись рядом с подписью внука Неру — премьер-министра Индии Раджива Ганди под Делийской декларацией о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира.

Что впереди?

Пять лет учебы прошли. Для выпускников наступали самые беспокойные дни — распределение на работу. Исход его, по существу, мог определить весь дальнейший жизненный путь.

У Раисы Максимовны все это было позади. Окончив университет на год раньше, она поступила в аспирантуру, сдала кандидатские экзамены, работала над диссертацией, и будущее сулило ей научную карьеру в столице.

Мне тоже сделали предложение — пойти в аспирантуру по кафедре колхозного права, но принять его я не мог по принципиальным соображениям. С так называемым «колхозным правом» мои отношения были выяснены до конца. Я считал эту дисциплину абсолютно ненаучной.

Впрочем, за будущее не волновался. Как секретарь комсомольской организации я входил в состав комиссии по распределению и знал, что судьба моя уже решена. В числе других 12 выпускников (11 из них были фронтовиками) меня направляли в Прокуратуру СССР.

Началась реабилитация жертв сталинских репрессий, и нас предполагалось использовать во вновь образованных отделах по прокурорскому надзору за законностью прохождения дел в органах госбезопасности. Бороться за торжество справедливости — так представлял я себе будущую работу, и это вполне соответствовало моим политическим и нравственным убеждениям.

30 июня сдал последний экзамен. Вернувшись в общежитие, обнаружил в почтовом ящике официальное письмо, приглашавшее меня на место будущей службы — в Прокуратуру СССР. Ехал я туда в приподнятом настроении. Ожидал разговора о моих новых обязанностях, формулировал свои предложения. Но когда, возбужденный и улыбающийся, переступил порог кабинета, указанного в письме, я услышал от сидевшего там чиновника лишь сухое, казенное уведомление: «Использовать вас для работы в органах Прокуратуры СССР не представляется возможным».

Оказалось, правительство приняло закрытое постановление, категорически запрещающее привлекать к деятельности центральных органов правосудия выпускников юридических вузов. Объяснялось это тем, что среди многих причин разгула массовых репрессий в 30-е годы была якобы и такая: слишком много «зеленой» молодежи, не имевшей ни профессионального, ни жизненного опыта, вершило тогда судьбы людей. И именно я, выросший в семье, подвергавшейся репрессиям, стал, как это ни парадоксально звучит, невольной жертвой «борьбы за восстановление социалистической законности».

Это был удар по всем моим планам. Они рухнули в течение одной минуты. Конечно, я мог бы отыскать какое-то теплое местечко в самом университете, чтобы зацепиться за Москву. И друзья мои уже перебирали варианты. Но не было у меня такого желания.

Мне предлагали работу в прокуратуре Томска, Благовещенска, потом в республиканской прокуратуре Таджикистана, наконец, должность помощника прокурора города с предоставлением жилья в Ступино, совсем недалеко от столицы. Размышляли мы с Раисой Максимовной над этими предложениями недолго. Зачем ехать в незнакомые ме-

ста, искать счастья в чужих краях? Ведь и сибирские морозы, и летний зной Средней Азии — все это в избытке на Ставрополье.

Решение было принято. И вот в официальном направлении, где значилось: «в распоряжение Прокуратуры СССР», вычеркнули «СССР» и поверх строки дописали — «Ставропольского края».

Итак, домой, обратно в Ставрополь. Предварительно решили съездить к родителям Раисы Максимовны. Надо было «замаливать грехи».

Встретили нас соответственно: не то чтобы недоброжелательно, но обиды своей не скрывали — ведь мы сообщили им о нашей женитьбе лишь постфактум. Сегодня, как отец, я это вполне понимаю. А тут мы еще добавили и новую весть — московская аспирантура дочери срывается, увожу я ее в неизвестность, в какую-то ставропольскую «дыру».

С младшим поколением семьи, братом и сестрой Раисы Максимовны — Женей и Людой, которая как раз окончила 10-й класс, — все было в порядке, сразу же возникла взаимная симпатия. С родителями было сложнее. Отец держал себя более спокойно, а вот с матерью, Александрой Петровной, сначала не получалось. Это у нас потом сложились добрые и сердечные отношения. Особенно подружились наши отцы — Максим Андреевич и Сергей Андреевич.

Оставив на месяц Раису Максимовну у родителей, я вернулся в Москву. Последние дни июля заняла подготовка к отъезду. Все наши вещи были уложены в два чемодана. А вот для главного груза — книг — раздобыл огромный ящик, набил его доверху, на грузовом такси отвез на вокзал и отправил в Ставрополь «малой скоростью» — так дешевле.

В ночь должен был отправиться и я сам. Вернулся в общежитие. Принял душ. Лег на кровать, закрыл глаза и, наверное, впервые задумался над вопросом, к которому впоследствии обращался неоднократно: что значил в моей жизни Московский университет?

Для меня было ясно, что тот «рабоче-крестьянский» парень, который летом 1950 года впервые переступил порог здания на Моховой, и выпускник МГУ, который спустя пять лет готовился к отъезду в Ставрополь, были уже во многом разными людьми.

Конечно, семья дала важнейший нравственный импульс моему становлению как личности и гражданина. Конечно, дальнейшему моему формированию во многом способствовали школа и учителя. Я благодарен и своим старшим товарищам — механизаторам, которые научили меня работать и помогли осознать систему ценностей человека труда. И все-таки именно Московский университет дал основательные знания и духовный заряд, определившие мой жизненный выбор. Именно здесь начался длительный, растянувшийся на годы процесс переос-

мысления истории страны, ее настоящего и будущего. Твердо могу сказать: без этих пяти лет Горбачев-политик не состоялся бы.

Заданная университетом интеллектуальная высота надолго избавила меня от самомнения и самоуверенности. Она помогла мне выстоять в самые трудные дни последующей жизни, когда жизненная среда моя, сфера общения стала совершенно другой, где ценилась не интеллигентность, а совсем иные «добродетели».

Читая биографические повести и романы, я обратил внимание на то, что некоторые их герои ужасно гордились испытаниями, которые выпали на их долю. Своими «университетами» они считали саму жизнь. В моей жизни было разное, хватало и невзгод. Но все-таки я считаю, что университет за моими плечами только один — это Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова.

Глава 4

ПРОБА СИЛ

Провинциальный город

В Ставрополе меня никто не встречал. Вещи оставил на вокзале в камере хранения и пошел искать пристанище. Город знал плохо, бывал в нем до этого лишь наездами. Нашел гостиницу, называлась она «Эльбрус». В ней я и расположился. Уплатил за койку и пошел бродить по улицам.

Город поразил меня роскошной зеленью и своим классически провинциальным обликом. Редко трех-четырёхэтажные, в основном одно- и двухэтажные дома, облепленные пристройками и надстройками той самой непонятной архитектуры, которая характерна для многих городков российской глубинки. Над каждым домом труба как свидетельство отсутствия централизованного отопления. Пётютом я узнал, что в городе нет и централизованного водоснабжения, и канализации.

Центр расположен на возвышенной части. Там же — остатки старой крепостной стены. Рассказывали, что до войны здесь же стоял великолепный старый собор, но в 1942 году, когда нависла угроза оккупации, его взорвали. Огромную часть старого города до 60-х годов занимали центральная площадь и Верхний рынок, куда съезжались торговать сельскохозяйственной продукцией со всего края и соседних областей.

По периметру площади уникальные здания, составляющие местную достопримечательность: бывшая гимназия, где учился Герман Лопатин — яркая, крупная личность, первый переводчик «Капитала» Маркса на русский язык; бывший Институт благородных девиц (ныне Педагогический институт); приземистый, будто пришитый к земле одноэтажный дом, где когда-то «стоял» командующий Кавказскими войсками; здание бывшего Дворянского собрания (Дом офицеров); Драматический театр (первый на Кавказе) и дом губернатора, в котором разместился крайком партии. На спуске к прудам стоит искореженный временем 700-летний дуб. Из поколения в поколение передавалось, якобы

это было одно из любимейших мест М.Ю.Лермонтова. И вспомнилось мне его стихотворение «Выхожу один я на дорогу...». В конце звучит тема, возможно, навеянная встречами со ставропольским дубом.

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной, чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

От центра вниз, на восток, тянулся широкий проспект, заканчивавшийся когда-то крепостными воротами. Назывались они Тифлисскими. Дорога на Тифлис... И, наконец, еще одна запоминающаяся местная «достопримечательность» — огромная лужа у здания пединститута. В общем, точная картина провинциального города, описанная Гоголем.

Рядом с гостиницей «Эльбрус» располагался Нижний рынок. Поражал он своей грязью и баснословной дешевизной овощей и фруктов. За копейки можно было купить целую кучу помидоров. Но деньги я расходовал экономно, берег для другого — необходимо было к приезду Раисы снять хоть какое-нибудь жильё.

С пятого августа началась моя стажировка в краевой прокуратуре. По вечерам бродил по городу в поисках жилья. Прошел день, второй, заходил в десятки домов, но каждый раз неудача. Наконец коллеги по работе посоветовали: обратись к маклерам. Прокуратура и милиция вели с ними отчаянную борьбу и многих держали на учете. Дали адрес опытного маклера, женщины, — улица Ипатова, 26 (такие «важные» сведения врезаются в память). Пришел, и она сразу поняла, что явился не для «борьбы», а за помощью. Взяла с меня 50 рублей и дала адреса трех домов. Один из них — на улице Казанской — и стал нашим жильём на ближайшие годы.

В доме жили симпатичные интеллигентные супруги-учителя, вышедшие на пенсию, их дочь и зять — Люба и Володя. Потом появился и внук — назвали Анатолием. Хозяева сдали мне одиннадцатиметровую комнатку, одну треть которой занимала печь. Из трех небольших окон открывался вид на прекрасный старый сад. Правда, сами окна

приходилось закрывать с большим трудом — настолько все перекошилось. Из мебели — длинная, узкая железная кровать с сеткой, провисавшей чуть ли не до самого пола. Да и вся комнатка была запущена до крайности, но лучшего выбора по моим деньгам, видимо, не существовало. С хозяевами договорились, что буду платить за комнату 250 рублей в месяц*. О дровах, угле, керосине должны сами заботиться. В центре комнаты, в качестве стола и шкафа для книг одновременно, я поставил тот самый фанерный ящик, который хоть и «малой скоростью», но прибыл в целости из Москвы. Соорудил вешалку для одежды. А перед самым приездом Раисы Максимовны купил два стула. На этом мебельровка была завершена.

Разрыв с прокуратурой

Бесцеремонность, проявленная работниками Прокуратуры СССР, безразличие к моей семейной ситуации и вся история с моим распределением зародили у меня серьезные сомнения относительно работы по специальности. Не развеяла их и стажировка в Ставрополе. И я принял решение порвать с прокуратурой.

Вступил в контакт с крайкомом комсомола. Встретил знакомых, помнивших меня по прежним временам. Поделился своими мыслями. Значок Московского университета и рассказ о моей общественной деятельности на юридическом факультете, видимо, произвели впечатление. Через несколько дней я был приглашен на беседу к первому секретарю крайкома комсомола Виктору Мироненко: познакомились, поговорили, и я принял предложение перейти на работу в крайком — на должность заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды.

Кажется, все шло хорошо. Но это только на первый взгляд. Как молодой специалист, я должен был прибыть к месту распределения и выполнять ту работу, которая будет поручена. Теперь надо было как-то уладить дела в прокуратуре края. Мою ситуацию облегчало то, что Мироненко вопрос о моем переходе на комсомольскую работу согласовал с крайкомом партии. Но я решил не обходить прокурора края и напросился к нему на разговор. Василий Николаевич Петухов пользовался большим авторитетом, репутацией весьма самостоятельного и принципиального человека. В правоте такой оценки не раз смог убедиться потом, работая в комсомоле.

— Вы вправе решить, отпускать меня или нет. Но я прошу пойти навстречу моему желанию, — этими словами я закончил свое обращение к прокурору края.

* В ценах до 1961 года.

Об этой беседе в тот же день написал Раисе Максимовне: «Был длинный неприятный разговор с прокурором края». А на другой день в следующем письме: «Со мной еще раз побеседовали и, обругав кто как хотел, согласились на мой уход в крайком комсомола».

Спустя десятилетия, уже в 80-х годах, я получил от Василия Николаевича две его книги с дарственными надписями и письмо: «Сегодня я с огромным удовлетворением думаю о том, что поступил тогда правильно, не встав на Вашем жизненном пути». Но это было позже, а тогда беседа с Петуховым все-таки оставила в моей душе неприятный осадок.

В комсомоле

В 50-х годах после суровых лет войны и восстановления молодая энергия, живой дух товарищества еще сохранялись в комсомольской среде. Но вся работа в комсомоле держалась на энтузиазме, и не так легко было сделать даже самое простое дело.

Приступив к работе в крайкоме, я старался как можно быстрее войти в курс дела, вникнуть в свои новые обязанности, побывать в местных организациях. Начались мои регулярные поездки по районам Ставрополя. До отдаленных пунктов надо было добираться на поезде или на попутных грузовиках, а внутри районов более всего пешком. С первой же зарплаты (на руки — 840 рублей) пришлось купить кирзовые сапоги, другая обувь просто не подходила в условиях нашего бездорожья.

Еще более трудной в те времена для командировочных была проблема питания. Весь день на ногах, устанешь, проголодаешься, а поесть негде, закусовых, кафе, столовых, просто буфетов — ничего этого не было. Пожалее, позовет к себе кто-либо из коллег или просто сельчан, угостит — стакан молока, кусок хлеба — и уже хорошо. А когда окажешься в гостях у кого-то из местного начальства, то это уже целое событие.

Еще большая проблема — ночлег. Гостиниц или домов приезжих в большинстве сел не было, разве что в районных центрах. И тут выручали ребята-комсомольцы: либо устраивали к какой-нибудь «тете Мане», либо приглашали в семью.

В каждой поездке завязывались все новые и новые знакомства, делались какие-то открытия. Узнавание людей, узнавание жизни в ее самом натуральном виде стало для меня главным.

В одну из первых своих поездок я оказался на юго-востоке края в селе Горькая Балка Воронцово-Александровского района. Целые дни проводил в мастерских, на фермах, в бригадах — положение ужасающее, бедность и разорение полное. Вечерами засиживались в правлении колхоза, проясняя бесконечное множество проблем. О многом те-

перь уже и не вспомнишь — сколько лет прошло. Но вот что врезалось в память. В один из дней мы с секретарем комсомольской организации решили добратся до самой отдаленной животноводческой фермы, встретиться с работающей на ней молодежью. С трудом выдирая сапоги из непролазной грязи, шаг за шагом двигались вперед. В какой-то момент, с усилием преодолев подъем, оказались на пригорке, остановились.

Картина, открывшаяся перед нами, была поистине фантастичной. Внизу, в долине, по обе стороны речушки Горькая Балка, раскинувшись километров на двадцать, лежало село. Насколько хватало глаз виднелись хаотично разбросанные низкие мазанки, курившиеся дымком, черные корявые плетни... Где-то там, внутри этих убогих жилищ, шла своя жизнь. Но на улочках (если их можно так назвать) не было ни души. Будто мор прошел по селу и будто не существовало между этими микромирками-хатами никаких контактов и связей. Только лай и перелай собак. И я подумал — вот почему бежит из этого Богом забытого села молодежь. Бежит от заброшенности, от этой жути, от страха быть похороненным заживо.

Я стоял на пригорке и думал: что же это такое, разве можно так жить?

В командировках впечатления буквально захлестывали меня. Хотелось поделиться с близким человеком, и я стал чуть ли не каждый вечер, когда оставался один, писать письма Раисе Максимовне в Ставрополь. Приходили они к ней, как правило, через неделю, а то и дней через десять, нередко уже после моего возвращения. Но иллюзию постоянного общения эта переписка создавала.

Как оказалось, Раиса Максимовна сохранила многие из этих писем 35-летней давности. В книге «Я надеюсь...» она опубликовала отрывки из некоторых. Вот один из них: «...Сколько раз я, бывало, приеду в Привольное, а там идет разговор о 20 рублях: где их взять, при том что отец работает круглый год. Меня просто захлестывает обида. И я не могу (честное слово) удержать слез. В то же время думаешь: а ведь они живут еще неплохо. А как же другие? Очень много надо еще сделать. Как наши родители, так и тысячи таких же заслуживают лучшей жизни».

Люди заслуживают лучшей жизни — это то, что все больше волновало меня.

А жизнь шла своим чередом. Командировки следовали одна за другой — и по делам молодежным, и с поручениями крайкома партии. Выступал много и на самые разные темы.

Собирались дружно и слушали с вниманием, и дело заключалось не столько в моих ораторских дарованиях. Села в то время большей частью были не электрифицированы и не радиофицированы, о телевиде-

нии слыхом не слыхивали, газеты приходили с большим опозданием, книг не доставало. Поэтому, как только объявляли, что приехал лектор из «центра», люди шли в клуб. Радовались общению, устраивались на лавках поудобнее, в задних рядах потихоньку грызли семечки и готовы были сидеть и слушать хоть до утра.

Но постепенно «просветительство» в комсомольской работе стало все больше вытесняться хозяйственными кампаниями, разворачивавшимися одна за другой по инициативе Хрущева. Я очень скоро начал понимать, что работа в партийно-комсомольском аппарате по-своему коварна. Она предлагает готовые «правила игры», втискивает в определенные жесткие рамки. Опасность скатиться от работы действительно общественной к чисто чиновно-бюрократической, от которой я бежал из прокуратуры, была крайне велика и здесь, в комсомоле.

Никакой самостоятельностью эта политическая организация молодежи, по существу, не располагала, действуя практически на «субподряде» у КПСС. Более того, всякие попытки комсомола на любом уровне поступать самостоятельно рассматривались как не только нежелательные, но и опасные. Партийные организации, взяв на себя функции прямого руководства экономикой, сами действовали как хозяйственные органы и от комсомола ожидали того же. Все оценивалось через призму хозяйственных успехов. Есть они — хорошо работают и партийные организации, и комсомол. Ну а нет — так и политическая работа ничего не стоит.

Самое удивительное, что поиск живых, человеческих форм работы нередко встречал, мягко говоря, непонимание со стороны партийных комитетов. Я рассказывал о своих впечатлениях от поездки в село Горькая Балка и тамошний колхоз, по иронии судьбы носивший имя Ленина. За несколько дней своего пребывания жалоб я наслушался предостаточно — на развал хозяйства, на беспросветную жизнь. Но более всего угнетало молодежь ощущение полной оторванности от всего на свете. Что-то надо было делать.

Я решил обо всем этом поговорить со специалистами, тоже в основном молодыми людьми. Все были согласны — молодежь нуждается в общении. Решили организовать несколько кружков политического и всякого иного просвещения, прорубить, как говорится, «окно в мир». Провели первые встречи — пришли на них не только люди молодые, но и пожилые. Выказали пожелание о регулярных встречах — лед тронулся. По завершении командировки я поехал в райком партии к первому секретарю Дмитриеву. Рассказал ему о том, что видел и чем занимался в Горькой Балке, выложил все жалобы и вернулся в Ставрополь.

Буквально через день-два вызывают меня в крайком партии — что, мол, там у тебя случилось?

— Ничего чрезвычайного, — говорю, — но впечатления тяжелые.

— А вот тут сигнал поступил от секретаря райкома, что приезжал какой-то Горбачев из крайкома комсомола и, вместо того чтобы наводить порядок, укреплять дисциплину и пропагандировать передовой производственный опыт, стал создавать какие-то «показательные кружки».

Я был буквально ошарашен, а потом понял. Дмитриев рассуждал так: придет Горбачев в крайком, расскажет о жизни села, о невнимании к людям. Вот и решил многоопытный Сергей Афанасьевич нанести «упреждающий удар». О нуждах и бедах крестьян Горькой Балки он, естественно, и словом не обмолвился.

И вторая стычка с Дмитриевым носила такой же характер. Это было позже, когда я работал секретарем крайкома комсомола. Началась очередная кампания укрупнения районов, и он постарался использовать ее для расстановки на всех сколько-нибудь ответственных постах своих протеже. Из района посыпались жалобы — пришлось немедленно выехать. Встретился с комсомольцами, успокоил их, а потом зашел к Дмитриеву и твердо заявил, что реорганизация — это не повод для разрушения работающих общественных структур и назначения «удобных» людей. Вернулся в Ставрополь, и снова приглашают в крайком партии. Дмитриев, оказывается, уже звонил: опять, мол, приезжал этот Горбачев, присмотритесь к нему — явно мешает.

Не все гладко получалось с моими комсомольскими коллегами. Мой университетский багаж давал, безусловно, определенные преимущества, и, когда возникали споры и дискуссии по общим проблемам, я по студенческой привычке сразу же ввязывался, выдвигал какие-то, может быть, и неожиданные для собеседников аргументы, показывая несостоятельность их позиции. Делал это исключительно ради истины, в запале дискуссии.

И вот однажды, на совещании аппарата крайкома комсомола, мне открыто бросили упрек в том, что я «злоупотребляю» своим университетским образованием. Потом в узком кругу мне сказали:

— Знаешь, Миша, мы тебя любим, уважаем и за знания, и за человеческие качества, но многие ребята в аппарате очень обижаются, когда в споре выглядят как бы неучами или хуже того — дураками. Разве это их вина, что кончали они лишь вечернюю десятилетку?

Я отнесся к замечанию серьезно. А главное — помог многим из них продолжить учебу в вузах.

XX съезд КПСС

Пришла весна 1956 года. XX съезд КПСС, доклад Хрущева на закрытом заседании съезда стали для страны своего рода политическим и психологическим шоком.

Информационное письмо ЦК, почти дословно излагавшее этот доклад, мне довелось прочесть в крайкоме партии. Я поддерживал мужественный шаг Хрущева. Своей позиции не скрывал, выражал ее публично. Но обнаружил довольно смешанную реакцию на доклад в аппарате, даже растерянность.

Понять эти чувства можно. Десятилетиями вся партийная работа, устройство нашей жизни базировались на авторитете Сталина. Этим все освящалось и оправдывалось. А теперь «устои» рушились. Дух железной дисциплины, прочно сидевший в каждом аппаратчике, требовал подчинения новому курсу ЦК, но осмыслить и принять его оказались способными далеко не все. Многие затаились, выжидая дальнейшего развития событий и дополнительных инструкций.

Встал вопрос — как реагировать комсомолу? Пришли к общему мнению — наиболее подготовленные работники должны включиться в разъяснительную работу итогов XX съезда среди молодежи. План наших действий согласовали в крайкоме партии. Меня направили в Ново-Александровский район. Ситуацию я застал там, можно сказать, типичную. Секретарь райкома партии по идеологии Н.И.Веретенников, к которому зашел по приезду, узнав о моей миссии, выразил искреннее сочувствие. Он, как я понял, считал, что меня просто «подставили». Во всяком случае, сам находился в полнейшем смятении и абсолютно не знал, что делать. «Откровенно скажу тебе, — заметил он, — народ осуждения «культы личности» не принимает».

Что скрывается за ссылкой на народ, я уже знал — чаще всего это настроения аппарата. И решил, что необходимо самому почувствовать настроения людей. Две недели я провел в районе, ежедневно встречался с комсомольцами, беседовал с коммунистами. Впечатления сложные. У части моих собеседников, особенно в молодежной, интеллигентской среде, а также тех, кого в той или иной мере коснулись сталинские репрессии, тема «культы» находила живой отклик. Другие просто отказывались верить приведенным в докладе фактам, категорически не принимали оценки деятельности и роли Сталина. Третьи — и таких было немало, — не сомневаясь в достоверности фактов, задавали один и тот же вопрос: «зачем?». Зачем публично выносить «сор из избы», зачем открыто говорить об этом и будоражить народ?

Меня поразила и та версия объяснения репрессий, которая сформировалась в сознании многих простых людей. Мол, наказаны в 30-х годах Сталиным были те, кто притеснял народ. Вот им и отлились наши слезы. И это говорилось в крае, который прошел через кровавую мясорубку тех страшных тридцатых годов!

В «верхах», кто интуитивно, кто вполне осознанно, сразу поняли, что критика Сталина — это критика самой системы, угроза ее сущест-

вованию, а стало быть, благополучию власть имущих. Это стало особенно очевидным, когда на первых же собраниях, посвященных XX съезду, руководство всех уровней услышало в свой адрес: «А где же вы тогда все были?»

Андропов, являвшийся в то время послом СССР в Венгрии, позже рассказывал, что сразу же после XX съезда его неожиданно пригласил на охоту тогдашний венгерский лидер Матиас Ракоши. Когда остались одни, Ракоши по-русски сказал (явно рассчитывая на то, что разговор будет передан в Москву): «Так делать нельзя. Не надо было торопиться. То, что вы натворили на своем съезде, это — беда. И я еще не знаю, во что она выльется и у вас, и у нас».

Уже в первые дни пребывания в районе я понял, что нужны не публичные речи, а откровенные дружеские беседы. Свои наблюдения и предложения после этой командировки передал в крайком партии, и они вызвали интерес. Казалось, все прошло сносно. Но удовлетворения я не почувствовал. У меня самого вопросов только прибавилось, многие из них оставались без ответа. И я понял, что одной из главных причин этого является сам доклад Хрущева. Он носил не аналитический, не «рассуждающий», а, я бы сказал, сугубо личностный, «эмоционально-обличающий» характер. Не доказывал, а бил по нервам. Сводил причины многих сложнейших политических, социально-экономических, социально-психологических процессов к дурным чертам личности самого «вождя». Надо было идти по пути более глубокого анализа. Но, увы...

Сумятица и неудовлетворенность еще более возросли, когда вскоре после XX съезда стали появляться признаки «обратного хода». Стало известно, что отозвано Информационное письмо ЦК по докладу Хрущева. «Правда» перепечатала из китайской газеты «Жэньминь жибао» статью «Об историческом опыте диктатуры пролетариата», в которой говорилось, что Сталин «выражал волю народа и был выдающимся борцом за марксизм-ленинизм».

Наконец 30 июня принимается постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий», указывавшее на заслуги и «преданность Сталина марксизму-ленинизму», а также на то, что никакой «культ» не мог изменить «природы нашего общественного строя».

Так или иначе, толчок обществу XX съезд дал мощный, он положил начало переоценке внутренней и внешней политики, анализу исторических фактов. Но процесс этот шел противоречиво, старые силы не собирались уступать.

Тяжесть ответственности возрастает

В августе 1956 года исполнился год моей работы в крайкоме комсомола. Большая часть его прошла в командировках. За это время у меня установились довольно тесные контакты с интеллигенцией, со студенчеством Ставрополя.

Во всяком случае, я был в курсе их проблем. И все-таки разговор на предмет моего возможного избрания первым секретарем Ставропольского горкома комсомола для меня — человека для города нового — был весьма неожиданным. Тем не менее кандидатура моя на выборах была поддержана, и уже в сентябре я приступил к исполнению новых обязанностей.

Долго размышлял, с чего начать. Проблем было много. Трудно было с работой для оканчивающих не только школы, но и вузы. Неудовольствие жизнью, вынужденное безделье и сопутствующие им негативные проявления — все это было в Ставрополе. В то же время после XX съезда в обществе, и особенно среди молодежи, усиливалось брожение умов, росли ожидания. Необходимость перемен в содержании и в формах работы была очевидна.

Начал с того, что создал городской дискуссионный клуб. Позднее, в 60-е годы, подобные клубы и «устные журналы» появились во многих городах, стали в какой-то мере стандартной формой идеологической работы. Но когда мы вместе с заведующим кафедрой пединститута Ларионом Анисимовичем Руденко взялись за создание такого клуба у себя в Ставрополе, это, во всяком случае для нашего края, было новшеством неслыханным.

Тема первого диспута была вроде бы достаточно безобидной: «Поговорим о вкусах». Но мы так расшифровали ее в дополнительных вопросах, что она затронула самые острые проблемы молодежной жизни. Пригласили всех желающих принять участие в диспуте прийти в Дом учителя. Реакция последовала незамедлительно. Секретарю горкома партии сразу стали звонить бдительные доброхоты: «В самом центре... Какой-то цит... Явная провокация!»

Первая дискуссия прошла удачно. Спорили живо, задиристо, порой не жалея голосовых связок. Затем последовали вторая, третья встречи. Помещение набивалось до отказа, сидели в проходах, на ступеньках. Те, кому не хватило места в гардеробе, держали пальто на руках. Пришлось искать более вместительное помещение. Им стал Клуб милиции!

Я председательствовал на всех заседаниях клуба, и одно из них запомнилось на всю жизнь. Спор шел о культуре. Затрагивались разные аспекты проблемы. И вот какой-то молодой парень, ужасно волнуясь, стал говорить о культуре при социализме. О том, что культура — это прежде всего сам человек со всей его многовековой историей, а мы

сводим ее лишь к одной форме — к идеологии. И то, что нам вбивают в головы, искажает само понятие культуры.

Руденко и я бросились в атаку — «защищать социализм». Говорили, что именно социализм унаследовал и воспринял все богатство духовного наследия человечества, только он открыл дорогу к культуре миллионам. Приводили множество других аргументов, в которых действительно были убеждены. Наш «идейный противник» был не очень опытен в публичных дискуссиях, и победа осталась за нами.

Но в тот момент я больше всего думал о том, что могут прикрыть дискуссионный клуб, которым все мы так дорожили.

Для думающей молодежи города наш клуб стал излюбленным местом встреч. Стали устраивать подобные дискуссии в студенческих и заводских коллективах. Расширялся круг обсуждавшихся проблем. Но все это затронуло преимущественно интеллектуальную сферу жизни, а я прекрасно знал, что значительная часть молодежи жаждет не столько споров, сколько конкретных практических действий. И вслед за клубом мы создали Оперативный комсомольский отряд — ОКО. Не знаю, стал ли он одним из первых в стране, во всяком случае, ни о чем подобном до того я не слыхал.

Родилась эта идея не только потому, что мы искали способ реализовать энергию комсомольцев. Как я уже сказал, часть молодежи Ставрополя оставалась «невостребованной», не находила для себя места, полезного дела. Безделье неизбежно порождало пьянки, хулиганство, воровство. Милиция пыталась пресечь их своими обычными методами, но толку от них было мало. И вот в городе появляется мобильный оперативный отряд — дисциплинированный, смелый, решительный, сформированный на добровольной основе из самих ребят. Через исполком городского Совета депутатов на три дня недели — среду, субботу, воскресенье — мы добились выделения предприятиями и учреждениями дежурных автомашин. Как только где-то возникала «буза», отряд выезжал на место происшествия. Эффект был потрясающий. ОКО завоевал огромный авторитет, вырос с 30 до 130 человек, и нам уже приходилось принимать добровольцев из числа старшеклассников и студентов по строгому отбору.

Казалось бы, прекрасная иллюстрация для тех, кто верит в спасительность исключительно «силовых методов» решения любых проблем. Но очень скоро мы убедились, что уповать только на них — глупо и опасно. Во-первых, под видом нашего оперативного отряда в городе стали действовать хулиганы и грабители. Во-вторых, участились случаи, когда и наши ребята, почувствовав вкус к «силовым методам», шли на задержание и мордобой, явно нарушая элементарную законность. Пришлось усилить контроль за ОКО, придавать каждой группе по опытному милиционеру-работнику. Но основное внимание обратили на трудоустройство и организацию досуга молодежи.

Поскольку давно было провозглашено, что в стране безработица ликвидирована окончательно и бесповоротно, никакой государственной системы, через которую можно было бы помочь ребятам, не существовало. Поэтому функции «биржи труда» горком взвалил на себя. На учет были взяты все рабочие места в городе. Приходилось бесконечно спорить с директорами предприятий. И я уже тщательно следил не столько за тем, сколько добровольцев идет в ОКО, сколько за тем, какое количество юношей и девушек удалось пристроить на работу.

Формально у комсомола не было никаких прав, но я использовал то обстоятельство, что меня ввели в состав бюро горкома партии. Это позволило с большим успехом отстаивать интересы молодежи на заседаниях бюро, пленумах, на собраниях в трудовых коллективах. Из репертуара «синеглазников» и «легкой кавалерии» 20-х годов мы позаимствовали «Окна сатиры». Фотографии, помещавшиеся на улицах города, демонстрировали загаженные заводские дворы и улицы, вороватых продавцов, подвыпившее, распоясавшееся, «гуляющее» начальство. Возле стендов постоянно толпился народ, действовали они сильно. Словом, мы искали и находили способы заставить считаться с комсомольскими комитетами, интересами молодежи.

Ирина

Происходили перемены и в личной жизни. 5 января 1957 года Раисе Максимовне исполнилось 25 лет, а 6 января родилась дочь Ирина. Мы радовались дочке, так как оба этого хотели, но очень переживали. Дело в том, что после тяжелого ревматического заболевания, перенесенного в студенческие годы, Раисе врачи запретили идти на такой шаг. Жизнь наша теперь значительно осложнилась. Квартировали по-прежнему на Казанской улице. Магазины, рынок — далеко, в центре города. За водой, как и раньше, приходилось бегать к водоразборной колонке, туалет во дворе, уголь и дрова там же.

По случаю рождения ребенка в те времена отпуск матери составлял всего 55 дней. Жить на одну мою зарплату мы не могли. Надо было идти работать. Стали искать няню. С трудом на время нашли. Ох, как трудно было Раисе Максимовне. Чтобы покормить дочку, надо было бежать домой по ходу дня, оставить грудное молоко на последующие кормления. Никакого детского питания не было и в помине — что могли, изобретали сами. Недоставало всего, бедствовали по-настоящему. Когда Иринке исполнилось два года, стали носить ее на день в детские ясли.

Насмотревшись на нашу масть, коллеги стали хлопотать о квартире. И мы получили две комнатки в так называемом «административно-жилом» доме, в котором два верхних этажа были построены под жилье, а нижний — для расположения всякого рода учреждений, сейчас

бы сказали — под офисы. Но городу не доставало жилья, и первый этаж тоже был использован для проживания людей. После заселения он превратился в огромную девятикомнатную коммунальную квартиру с общей кухней и туалетом. Мы прожили там три года до того, как получили отдельную двухкомнатную квартиру.

Эти годы мне хорошо запомнились. Жили здесь с семьями газосварщик, отставной полковник, механик швейной фабрики, холостяк-алкоголик со своей матерью и четыре женщины-одиночки. Уникальный мир, где переплеталось все — и раздражение, злость от тесноты, неустроенности, и искренняя взаимопомощь, если хотите — своеобразный коллективизм: дружили, ссорились, выясняли отношения, мирились, вместе отмечали дни рождения, праздники, вечерами играли в домино.

Донашивали вещи, приобретенные родителями еще в студенческие годы.

Время от времени приезжал отец, привозил нам кой-какую деревенскую снедь. Подолгу беседовали с ним о сельских делах, о событиях в крае, в мире. Изредка, по большим религиозным праздникам, гостевала у нас бабушка Василиса (в Привольном церкви не было). Жаловалась на здоровье, на невнимание к ней родных, сердилась, что не крестили дочь, но говорила это не зло. Очень она привязалась к Раисе Максимовне, к Иринке и каждый раз, отправляясь в церковь, ласково приговаривала: «Помолюсь за всех троих, чтобы Бог простил вас — безбожников». Спустя годы мы узнали, что в одну из поездок в Привольное Иринку, тайно от нас, покрестили.

Новое назначение Весной 1958 года меня избрали делегатом на XIII съезд ВЛКСМ. В конце съезда мы узнали, что наш первый секретарь Виктор Мироненко введен в состав бюро ЦК ВЛКСМ и отныне будет работать в Москве.

25 апреля 1958 года на расширенном пленуме Ставропольского крайкома комсомола бывшего второго секретаря Николая Махотенко избрали первым, меня — вторым секретарем. А когда в марте 1961 года Николай перешел на партийную работу и возглавил Изобильненский райком КПСС, я стал первым секретарем крайкома ВЛКСМ и пробыл на этом посту до апреля 1962 года.

Теперь при дальних поездках по краю я уже пользовался машиной — знаменитым «газиком». Но как только кончалась автомобильная дорога, в ход опять шли мои издавшие виды кирзовые сапоги.

Эти четыре года моей жизни были до предела заполнены каждодневной будничной работой, что постепенно становилось все более характерным для комсомола тех лет. Одна массовая кампания следовала за другой. Часть из них была связана с шефством ВЛКСМ над отраслями производства. Шефствовали мы над стройками «большой химии»,

к примеру над Невинномысским азотно-туковым комбинатом; над животноводством, и прежде всего овцеводством, затем птицеводством и кролиководством; над выращиванием кукурузы и сахарной свеклы; садами и виноградниками и прочим.

Не успевал закончиться месячник по заготовке грубых и сочных кормов, как начинался двухмесячник по распространению книги. Заканчивались рейды по проверке хода уборки урожая и начиналась кампания по подготовке к зимовке скота. Все это сопровождалось бесконечной отчетностью, подведением итогов, поездками за опытом.

На мой стол ежедневно ложились бесчисленные постановления и указания, поступавшие из ЦК ВЛКСМ. Складывалось впечатление, что там, «наверху», твердо убеждены: без их бюрократических инструкций и трава не вырастет, и корова не отелится, а экономика вообще может функционировать лишь в режиме «мобилизационной модели», напрочь лишена способности к саморазвитию, хотя я, конечно, понимал, что комсомол — это часть системы.

Соприкосновение с «верхами»

Моя новая должность вывела меня, между прочим, на новый круг общения — с «верхами» региональной политической элиты, секретарями крайкома партии. Мне кажется, в каждом из них по-своему отражалась эпоха.

С 1946 года десять лет проработал у нас первым секретарем Иван Павлович Бойцов — один из руководителей партизанского движения в Калининской области. Это был человек, оставивший после себя в крае самые противоречивые суждения. Он был довольно сухим, жестким, влиянием и авторитетом обладал огромным. Но авторитет этот в значительной мере держался на страхе, который был характерен для сталинских времен. После XX съезда положение Бойцова пошатнулось. Со стороны ЦК его упрекали в том, что он вяло разворачивает новые дела. Все те, кто еще вчера трепетал перед ним, предъявили свой счет. И его перевели в Москву, на работу в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС.

На смену в марте 1956 года пришел Иван Кононович Лебедев. До этого он был вторым секретарем ЦК Компартии Латвии, первым секретарем Омского и Пензенского обкомов партии. Последний пост перед приходом в Ставрополь — первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР.

Лебедев был человеком совершенно необузданной энергии, мог заставить работать любого. Мне кажется, в момент страды он и мертвого поднял бы и заставил убирать хлеб или заготавливать сено. Но спроси его: зачем, ради чего? — и Иван Кононович затруднился бы ответить.

В 1956 году в Ставрополье под давлением сверху широко пошли на отдельный метод уборки хлебов — сначала надо было скосить хлеб в валки, а потом уже подобрать и обмолотить. Для сухого лета этот способ был хорош, но в том високосном году лето выдалось дождливое. Тем не менее, вопреки здравому смыслу, специалистов и механизаторов принуждали убирать новым методом. Никаких доводов о выборочном его использовании Лебедев не принимал. Многие поплавились должностями. А вот за то, что в результате этого своеволия сотни тысяч гектаров хлеба сгнили в валках, никто не понес ответственности.

Поначалу мне казалось, что характер Ивана Кононовича вполне индивидуален. Но когда в октябре 1958 года к нам в Ставрополь для вручения краю ордена Ленина приехал Хрущев, я понял, что дело тут не только в «самобытности» Лебедева... Тогда я впервые имел возможность присмотреться к Хрущеву. Наблюдая за манерой поведения Никиты Сергеевича, я отметил его открытость и искренность, своеобразную народность, желание идти на контакты со всеми. «Стиль» Хрущева создавал своего рода эталон, и многие руководители рангом ниже старались подражать ему.

Беда в том, что, будучи заимствованным, да еще при общей низкой культуре, стиль «лидера» приобретал часто вульгарные формы. Непосредственность и народность выливались порой в откровенное хамство, не говоря уже о сквернословии и пьянстве. Видимо, желание походить на Хрущева где-то в глубине души сидело и у Лебедева, но результат чаще всего получался карикатурный. Он мотался по краю, сталкиваясь с непорядками, устраивал разносы, матерился. В крайком от него потоком шли телефонограммы, а там уже весь аппарат сидел наготове: молниеносно писались решения, объявлялись выговоры, сочинялись телеграммы с требованием поднять организованность и усилить партийный контроль.

Перед высшим начальством, наезжавшим из Москвы, Иван Кононович откровенно заискивал. Но стоило кому-то «сорваться» с вершин власти, как готов был чуть ли не пинать его ногами. Так случилось с Николаем Александровичем Булганиным. После разгрома «антипартийной группы» в 1958 году он был освобожден с постов Председателя Совмина, члена Президиума ЦК КПСС и «сослан» к нам председателем краевого совнархоза. Встретили его ставропольчане тепло. По утрам, когда Булганин приезжал на работу, у здания совнархоза собиралась толпа — иногда до нескольких сот человек. Но это лишь взъеривало Лебедева.

— Подыгрываешь отсталым настроениям? — кричал он с трибуны партактива Булганину. — Ты что, приехал сюда демократию разводить?

Лебедев буквально третировал его, собирал о нем сплетни и слухи, вытаскивал на бюро за малейший промах, пытался снять с поста председателя совнархоза и направить директором небольшого заводика. Только вмешательство самого Хрущева спасло Булганина от этого «перемещения» — перевелся на пенсию, уехал из Ставрополя.

Характерен для того времени и конец карьеры Лебедева. Он жестко проводил в жизнь все решения «вышестоящих инстанций», и все складывалось для него блестяще. В 1956 году «за внедрение передового метода раздельной уборки» наградили орденом Ленина; в следующем, к своему 50-летнему юбилею, получил второй орден Ленина. В 1958 году у нас был хороший урожай, сдача зерна государству превысила 100 миллионов пудов, край наградили орденом Ленина, и Лебедев получил свой третий, такой же орден. Потрясающе — три ордена Ленина за три года! А через год его сняли.

Погубила Лебедева безоглядная ретивость. В конце 1958 года, когда эйфория от первых успехов сельского хозяйства окончательно вскружила Хрущеву голову, он публично провозгласил задачу догнать и перегнать США по производству животноводческих продуктов на душу населения. Никита Сергеевич не скрывал от партийных руководителей, что ждет результатов быстрых и ощутимых. А поскольку задача эта была абсолютно нереальной, он тем самым, независимо от субъективных намерений, стимулировал прямое очковничество.

Те, кто хотел выслужиться, рьяно взялись за дело. Под нажимом проводились массовая скупка скота в личных крестьянских хозяйствах, закупки в соседних регионах. Особенно отличился в этом рязанский секретарь Ларионов. В 1959 году Рязанская область выполнила три годовых плана по мясу, а Ставрополье — два с половиной. Но какой ценой! Под нож пустили отары овец, рабочих волов, табуны лошадей. Начисто снесли личные подсобные хозяйства крестьян.

Пресса подняла шумиху о «первых ласточках», звала остальных равняться на передовиков. Обман вскоре разоблачили. Ларионов застрелился, Лебедева в январе 1960 года сняли с поста «по состоянию здоровья». Но дело, как говорится, было сделано: эта «мясная кампания» нанесла индивидуальному сектору страны такой удар, последствия которого ощущались до последнего времени.

Как и многие другие, я разделял ожидания, которые пробудились в нашем обществе после XX съезда, воспринимал их как новый жизненный шанс для себя, своих сверстников. Вместе с тем я видел, что перемены идут с большим трудом, проводятся непоследовательно, импульсивно.

На XXII съезде КПСС

Противоречия того времени ярко отразились и в работе XXII съезда КПСС — первого партийного съезда, в работе которого мне довелось участвовать. Я аккуратно записывал в блокнот свои впечатления, но и без этого многие перипетии двухнедельных заседаний прочно вошли в память. Прежде всего запомнились эпизоды, связанные с критикой «культа личности» Сталина. После разгрома «антипартийной группы» Хрущев, видимо, создал ситуацию, при которой многие члены тогдашнего руководства вынуждены были так или иначе публично, в выступлениях на съезде, зафиксировать свою позицию по этому вопросу.

Своего апогея возбуждение в зале достигло 30 октября, когда на утреннем заседании на трибуну поднялась старая большевичка Д.А.Лазуркина. От ее выступления повеяло мистикой. Во всяком случае, факт общения с загробным миром был налицо: «Я всегда в сердце ношу Ильича, — сказала она, — и всегда, товарищи, в самые трудные минуты, только потому и выживала, что у меня в сердце был Ильич, и я с ним советовалась, как быть. Вчера я советовалась с Ильичем, будто он передо мною как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии». Съезд единогласно принял постановление о выносе из Мавзолея саркофага с телом Сталина и захоронении его у Кремлевской стены. В Ставрополе, когда глубокой ночью начали с помощью тракторов снимать огромную скульптуру Сталина, стоявшую в самом центре, собралась толпа, настроенная явно неодобрительно. Но все обошлось, «работу» довели до конца. Скульптуру сняли, а проспект Сталина переименовали в проспект Маркса.

Критика культа личности воспринималась нами тогда как подтверждение и продолжение линии XX съезда партии. Но все сильнее давали о себе знать и настораживающие моменты. В зале вновь зазвучали дифирамбы в адрес Хрущева. В особенности это проявилось при обсуждении новой Программы партии. Документ этот радовал своей обращенностью к нуждам и потребностям человека, провозглашаемой заинтересованностью в обеспечении мира и мирного сосуществования. Но многое в нем отдавало шапкозакидательством, легковесностью отличалась постановка сложных общественных проблем.

Тем не менее ряд делегатов, известных в партии людей, буквально соревновались в восхвалении и превознесении Хрущева. Довольно сумбурный доклад Никиты Сергеевича В.Ю.Ахундов сравнил со звучанием «могучей симфонии». А Рашидов говорил о Хрущеве как о «выдающемся ленинцем, замечательном знатоке глубинных процессов жизни и страстном борце за мир». Меня неприятно поразило, что все это славословие Никита Сергеевич выслушивал с явным удовольствием.

Повеяло чем-то старым и до боли знакомым. А что мы, делегаты? Аплодировали, хотя многие чувствовали себя неловко.

Драма Хрущева

Память человеческая весьма капризна, особенно когда ею манипулируют средства массовой информации. Все помнят «кукурузную эпопею» или то, как стучал Никита Сергеевич башмаком на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, стычку его с художниками на выставке в Манеже. Но за этими лежащими на поверхности фактами скрывалось нечто гораздо более значимое. Думаю, история никогда не забудет разоблачения Хрущевым «культа личности Сталина». Действительно, в его закрытом докладе на XX съезде было слишком мало анализа и слишком много субъективных моментов. Сводить проблему тоталитаризма к внешним причинам и дурному характеру диктатора — дело нехитрое и к тому же эффектное, но не вскрывает его глубоких корней. Достаточно прозрачными были и личные политические расчеты Хрущева: выступив первым с разоблачением «культа», он сразу же блокировал своих ближайших конкурентов и противников — Молотова, Маленкова, Кагановича, Ворошилова, которые вместе с ним как раз и составляли ближайшее окружение Сталина.

Все это верно, но для истории и большой политики огромное значение имеют реальные последствия его политических действий. Критика Сталина, олицетворявшего собою режим, не только выявила тяжелейшее состояние нашего общества в целом, извращенный характер политической борьбы, происходившей в нем, но и полное отсутствие элементарной законности. Она морально дискредитировала тоталитаризм, породила надежды на реформирование системы, дала импульс развитию новых процессов как в сфере политики и экономики, так и в духовной жизни. И это должно быть поставлено в заслугу Хрущеву, тем, кто поддержал его.

Я уж не говорю о том, что позиция Хрущева в данном вопросе привела к массовым реабилитациям, сохранившим доброе имя сотням тысяч безвинно погибших в сталинских застенках и лагерях.

В разоблачении Сталина наиболее ярко проявилась противоречивость исторической роли Хрущева — с одной стороны, смелость и мужество, решительность, готовность пойти против течения, а с другой — ограниченность политического мышления рамками определенных стереотипов, неспособность и нежелание вскрыть глубинные основы явлений, с которыми он вел борьбу.

Видеть причину трагических событий в истории советского общества только лишь в личных качествах «злодея» Сталина — значит оказаться в плену «культа личности» наоборот. Если дело в этом, то достаточно сменить плохого руководителя на хорошего, и мы гарантиро-

ваны от повторения ошибок. Хрущев как бы обращался ко всем: вот я честно говорю о прошлом, ничего не скрывая, верьте мне, идите за мной и все будет хорошо. Иными словами, приглашал сменить один культ другим, не посягая на устои системы.

Углубиться в анализ причин тоталитаризма Хрущев не хотел, да, вероятно, и не смог бы, потому что это требовало преодоления стереотипов, ставших для него символом веры. Поэтому критика культа личности, резкая по словам, была половинчатой по существу, ей был поставлен определенный предел, а процесс реальной демократизации остановлен в самом начале.

Такая же противоречивость была характерна и для внешнеполитической линии Хрущева. Его активный выход на международную арену, приглашение к мирному сосуществованию, первые попытки наладить нормальные контакты с ведущими капиталистическими державами; новые отношения с Индией, Египтом и другими государствами «третьего мира»; наконец, стремление более демократично подойти к союзническим связям с социалистическими странами, отказ от вражды с Югославией — все это получило широкий отклик у нас и за рубежом, имело, безусловно, положительное значение.

А наряду со всем этим — жестокое подавление восстания венгерского народа в 1956 году; элементы авантюризма, приведшие к Карибскому кризису 1962 года, который поставил мир на грань военной катастрофы; ссора с Китаем, перешедшая в длительный период вражды и противостояния с ним.

На всех перипетиях внутренней и внешней политики того периода, безусловно, сказались не только уровень понимания проблем и настроения самого Хрущева, но и влияние различных политических сил, с которыми ему нельзя было не считаться. Особенно мощное давление шло со стороны партийно-государственных структур. Оно заставляло лавировать, облекать те или иные шаги в приемлемую для влиятельных общественных сил форму.

По моим наблюдениям, Хрущев с его взглядами и намерениями мог пойти значительно дальше, если бы не обстановка, в какой ему приходилось действовать. Не могу принять упрощенную схему, согласно которой он вначале выступал как последовательный реформатор, а потом, устранив «старую сталинскую гвардию и укрепив собственное положение», стал насаждать волюнтаризм и субъективизм. При всей противоречивости Хрущев представляется мне более последовательной в своих действиях фигурой. С самого начала, как уже говорилось, его реформизм не был однозначным, равно как и второй этап нельзя сводить к бессмысленным импровизациям. В них, с моей точки зрения, прослеживается продолжение реформистской линии.

Взять, к примеру, вопрос о совнархозах. После снятия Хрущева совнархозам давалась однозначно негативная оценка, писали о том, что они нанесли экономике страны серьезный ущерб, нарушив сложившиеся связи между предприятиями различных регионов, породив местничество, раздробленность в руководстве отраслями, в проведении единой государственной технической политики.

С такой односторонней оценкой согласиться нельзя. Мне кажется, что в ряду многих постановлений тех лет, расширявших права республик, краев, областей, местных органов Советской власти и отдельных предприятий, переход в 1957 году к совнархозам, к управлению по территориальному принципу на базе экономических районов был нацелен прежде всего против бюрократического централизма. Совнархозы ломали ведомственные перегородки в нашей экономике, смягчали диктат центра, создавали большой простор для местной инициативы, для кооперирования производства и более эффективного использования ресурсов в пределах регионов.

Другое дело, что было нелепым столь характерное для Хрущева стремление найти универсальные методы решения любых проблем, одинаково пригодные для всей страны. Если в крупных индустриальных центрах совнархозы, может быть, действительно выглядели излишней надстройкой, то в республиках и областях менее развитых они дали мощный толчок экономическому прогрессу. Так было и у нас в Ставрополье, где в значительной мере именно благодаря совнархозам удалось модернизировать пищевую и легкую промышленность, создать новые химические и машиностроительные предприятия, энергетическую базу.

Не менее важно разобраться и в реорганизации партии, которую Хрущев предпринял после ноябрьского Пленума ЦК 1962 года, разделив краевые и областные организации по производственному принципу — на промышленные и сельские. На опыте края я видел, насколько искусственным являлось это разделение, какую дезорганизацию, склоки и дразги оно рождало. Крайком являлся реальной властью в своем регионе, в его руках концентрировались все рычаги и нити государственного управления. В случае необходимости он мог сосредоточить силы и ресурсы края на решении какой-то задачи. После разделения положение сложилось иное. Мне, например, приходилось наблюдать драчку, которая постоянно шла между первым секретарем сельского крайкома Кулаковым и первым секретарем промышленного крайкома Н.В.Босенко. Со стороны, глядя на это чуть ли не ежедневное «перетягивание каната», взаимную слежку и конкуренцию, можно было подумать, что они никогда не работали вместе, а всю жизнь были ярыми противниками.

Но уже тогда закрадывалась мысль: замысел Хрущева отнюдь не так прост, как это казалось на первый взгляд. В самом деле, первые се-

кретари многих обкомов входили в состав ЦК. Появление в регионе двух первых секретарей открывало возможность на ближайшем съезде сильно обновить состав Центрального Комитета. Это не все: не собирался ли Никита Сергеевич таким шагом, созданием совнархозов, производственно-территориальных органов управления на селе, вообще как-то ослабить монополию партии на власть, ликвидировать все-силие прежних «губернаторов» и «удельных князьков», дать возможность людям знающим, специалистам и профессионалам квалифицированно вести дело?

Хрущев, конечно, не был против руководящей роли партии, он просто хотел ее модернизировать, ослабить ее монополию на все и вся. Но тут-то он и натолкнулся на мощное сопротивление, которое в конце концов и привело его самого к поражению.

Правда, первый раунд, когда борьба вспыхнула в верхушке политического руководства, он выиграл. В 1957 году ЦК, то есть в основном первые секретари республиканских ЦК, обкомов и крайкомов, не дали съесть Хрущева. Отстранение старых партийных «маршалов», привыкших смотреть на региональных секретарей, как на пешек, расширение Хрущевым прав республиканских и местных органов власти — все это воспринималось рядовыми членами ЦК, «партийным генералитетом» с явным одобрением, и они решительно поддержали Никиту Сергеевича против «антипартийной группы». Поддержала его и армия.

Но дальнейшие шаги Хрущева в отношении партии изменили обстановку. Разделение областных организаций, кадровая чехарда, постоянные переброски с места на место в целях обновления кадрового состава заделали их интересы и создали нестабильную ситуацию в этом эшелоне власти. Иными словами, стало назревать недовольство и в «генеральской» среде. Ну а решение о ежегодном переизбрании секретарей в низовых организациях, которое должно было ускорить ротацию кадров, не дать им возможность пускать «корни» и засиживаться на своих местах, вызвало негативную реакцию и среди «офицерского корпуса» партии, тянувшего на себе тяжкий груз непосредственной работы в трудовых коллективах.

И это не все. Хрущев растерял авторитет в народе. Опасения Суслова, высказанные им накануне октябрьского Пленума 1964 года, что отстранение Хрущева от власти может вызвать народные волнения, оказались напрасными. По интересам трудящихся в конечном счете ударила денежная реформа 1961 года. Наступление на личные приусадебные хозяйства крестьян вызвало ропот на селе. Неурожай 1963 года обострил продовольственную ситуацию и привел к «временному» повышению цен на продукты питания. Испортились у Хрущева и отношения с армией, наукой, творческой интеллигенцией.

Критических аргументов в адрес Хрущева вполне хватало, чтобы оправдать «дворцовый переворот». Но за словами о «благе народа» все-таки стояло прежде всего желание партийных «генералов» и «офицеров» сохранить себя у власти. Центральный Комитет КПСС, поддержавший Хрущева в 1957 году, свалил его в октябре 1964 года.

На мой взгляд, главная особенность «хрущевского периода» в целом заключалась в том, что Никита Сергеевич хотел заставить работать систему, применяя ее же методы.

Стремление Хрущева добиться реальных перемен, особенно в сфере экономики, сделать ее более эффективной, придать динамику развитию общества было вполне оправданно. Но система не воспринимала новации, мало того, противилась им.

Сегодня, оглядываясь назад, я думаю, что период, последовавший после смерти Сталина (особенно после XX съезда партии) примерно до середины 60-х годов, является особым и крайне важным для истории нашей страны. По своему смыслу, независимо от субъективных намерений самого Хрущева, это был первый приступ к демонтажу тоталитарного режима, первая попытка повернуть наше общество к демократии.

Глава 5

НАЧАЛО ПАРТИЙНОЙ КАРЬЕРЫ

Кулаков в Ставрополе

В январе 1960 года Лебедева сменил Н.И.Беляев — до этого член Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. Пришел он к нам после драматических событий в Темиртау, где в ответ на недовольство и волнения рабочих против них были направлены войска, введены танки. Беляев прибыл вроде бы как в «ссылку». Производил он впечатление человека совершенно потерянного, выбитого из колеи, и всего лишь через полгода покинул Ставрополь, первым секретарем крайкома КПСС стал Федор Давыдович Кулаков.

Кулаков родом из крестьян Курской области, жизнь деревни знал хорошо.

Приняли Кулакова в крае по-доброму, с надеждой. Было ему тогда 42 года. От предшественников его отличали не только молодость, но и завидные решительность, открытость характера, человеческое обаяние. По крайней мере, таковы были мои первые впечатления, и не только мои.

С приходом Кулакова краевая партийная машина заработала с большими оборотами. Это сказывалось на всем, прежде всего на работе кадров. Много изменилось и в моей жизни. После избрания первым секретарем крайкома комсомола и кандидатом в члены бюро крайкома партии я стал теперь все больше заниматься и партийной работой: поездки в районы, участие в подготовке решений, в обсуждении на пленумах и активах разнообразных вопросов. Особенно много времени уходило на заседания бюро крайкома. Кулаков, давая все новые и новые поручения, как бы присматривался ко мне, изучал, на что способен.

В январе 1962 года на отчетно-выборной конференции меня вновь избрали первым секретарем крайкома ВЛКСМ, а всего через несколько недель Федор Давыдович вызвал к себе и предложил перейти с ком-

сомольской на партийную работу. Создавался новый институт — парторгов крайкома КПСС в территориальных производственных колхозно-совхозных управлениях. И в марте 1962 года я стал парторгом крайкома по Ставропольскому управлению, объединившему три пригородных сельских района: Шпаковский, Труновский и Кочубеевский. Отбору на должности парторгов придавалось настолько важное значение, что меня, как и других, в этой связи приглашали на беседу в ЦК КПСС.

Новое дело захватило меня полностью. Целыми днями, часто прихватывая и ночи, я колесил по хозяйствам и трудился над созданием новых структур управления, веря в то, что ставка на профессионалов обязательно даст свои плоды. Оставаясь кандидатом в члены бюро крайкома, я довольно часто встречался с Кулаковым, и он, как и прежде, давал мне различного рода задания, приглашал в поездки по краю.

Тем неожиданней был эпизод, произошедший летом 1962 года.

На бюро крайкома обсуждался вопрос об Обращении ЦК КПСС и Совета Министров СССР к труженикам сельского хозяйства. Таких обращений тогда было бесчисленное множество. Со стороны заведующего отделом пропаганды и агитации И.К.Лихоты, о котором кто-то из его недоброжелателей запустил шутку: «мудр, как кирпич, падающий на голову», на меня вдруг посыпались упреки в недооценке соревнования и других подобных грехах. Я возразил — возникла перепалка. Кулаков предложил создать комиссию по проверке моей работы, а на состоявшемся 7 августа собрании краевого партийного актива Кулаков «выдал мне» сполна. Говорил о «безответственности в работе с Обращением ЦК», высказывался несправедливо, резко, грубо.

Я рвался ответить, но слова для выступления так и не получил. Когда возвращался в район, мой попутчик, старый заслуженный агроном, бывший «синеглазник» Владимир Петрович Чачин, видя, что я продолжаю негодовать, спросил:

— Переживаешь, Михаил Сергеевич, что не дали выступить?

— Конечно, — ответил я. — Ведь это был не просто разнос, а бесцеремонное затаптывание. Разве такое допустимо? При всем моем уважении к Кулакову мириться с подобным я не намерен.

Владимир Петрович снисходительно посмотрел на меня.

— Ну, хорошо, предположим, ты выступил и произнес свою речь. Думаешь, тебе удалось бы убедить всех, что ты прав, а Кулаков не прав? Чепуха. Ладно, ладно, — продолжил он, покосившись на меня, — давай другой вариант: ты выступил, и актив, несмотря ни на что, все-таки тебя поддержал. Ну а Кулаков? Неужели ты всерьез полагаешь, что он бы тебе это забыл? Ты же знаешь его характер. Так что послушай моего совета и запомни: самая лучшая речь — произнесенная.

После этого эпизода некоторые коллеги стали посматривать на меня как на конченого человека. Каково же было мое изумление, когда

работники аппарата крайкома со ссылкой на Кулакова попросили написать справку об опыте моей работы.

— В ЦК КПСС обобщают наиболее интересные материалы о партийных организациях колхозно-совхозных объединений, — было заявлено мне, — и Федор Давыдович полагает, что твои соображения придутся кстати.

А в конце ноября по решению Пленума ЦК началось «великое» разделение партийных организаций по производственному принципу, о котором я уже рассказывал. Кулаков пригласил меня к себе и — как гром среди ясного неба — предложил перейти на работу в аппарат формировавшегося сельского крайкома заведующим отделом партийных органов. С 1 января 1963 года я приступил к новым обязанностям.

Поскольку КПСС, подменяя все и вся, фактически осуществляла не только руководство, но и функции управления обществом, отдел партийных органов играл в этом существенную роль по сравнению с другими отделами. Круг вопросов, которым занимались его работники, был достаточно широк: организационная работа в парторганизациях края, «курирование» Советов, профсоюзов, комсомола.

Но главное — в компетенции отдела находились кадры, та самая номенклатура, в которую входили все сколько-нибудь значимые должности, начиная с постов сугубо партийных и кончая директорами предприятий и совхозов, председателями колхозов. То, что на партийном сленге называлось «подбор, расстановка и воспитание кадров». Это в первую очередь обеспечивало крайкому реальную власть.

В представлении стороннего человека работа с кадрами — это кляузная бумажная волокита, разбирательство аппаратных склок, прочие малопочтенные и малоприятные занятия. В какой-то мере это справедливо — в орготделах нередко плелись интриги, ломались человеческие судьбы. Но для себя я ставил иную «сверхзадачу»...

Моя «сверхзадача» Семь лет работы после университета дали мне многое. Я исколесил все Ставрополье, познакомился с тысячами людей, имел возможность наблюдать работу многих из них в городах и районах, краевом центре. К когорте маститых руководителей колхозов относился Семен Васильевич Луценко. В далекие годы он работал шофером у председателя небольшого колхоза «Пролетарская воля», человека в деловом отношении абсолютно бездарного и к тому же беспробудного пьяницы. В конце концов колхозники не выдержали, выгнали его, а новым председателем выбрали Луценко. Логика была предельно проста:

— Ты, Семен, на полуторке повсюду с ним ездил, все его безобразия видел, вот и делай наоборот. Что-нибудь да получится.

И надо сказать, не ошиблись в нем люди. Поднял хозяйство, поставил на ноги. А потом «Пролетарская воля», объединившись с десятком

других небольших колхозов, превратилась в крупное хозяйство. Луценко и его сделал одним из лучших в крае, известным в стране. «Пролетарцы» умело использовали благоприятные условия предгорной зоны, стали получать хорошие урожаи, да и в животноводческих делах преуспели. Но понадобилась находчивость Луценко, чтобы получить максимум выгоды от произведенной продукции. У него хватило характера действовать по Уставу колхоза, который давал все-таки определенные права руководителям коллективных хозяйств. Излишки колхоз продавал на рынке и выручал значительно больше, чем платило государство. Луценко построил небольшие заводы по переработке фруктов и овощей, масличных культур, пекарню; их продукцию реализовывали через кооперацию и колхозные рынки, все это увеличивало доходы. За свою предприимчивость Луценко не раз подвергался публичным разносам, были попытки сместить его, но колхозники не дали в обиду своего председателя.

Ценили, конечно, в первую очередь как хозяина, но не менее — его человеческие качества. Человек он был самобытный, несомненно, талантливый, с большим природным умом и изрядной долей чисто крестьянской хитрецы. Долго учиться ему не пришлось, хоть и писал он в анкетах, что закончил семь классов. Но дома у него было на удивление много книг. Читал их по ночам и, по собственному его признанию, особенно любил «про крестьянство». В общем, человек из народа, так и оставшийся в нем, в отличие от тех, кто выходил из народа, чтобы никогда в него не возвращаться.

В бытность мою парторгом крайкома судьба свела меня еще с одним удивительным человеком — Василием Андреевичем Рындиным.

В отрогах Ставропольской возвышенности, неподалеку от краевого центра, в совершенно изумительной природной зоне раскинулись поля колхоза «Заветы Ильича». Здесь из-под земли били родники чистой воды, потому и село называлось Бешпагир, что в переводе с тюркского означает «пять ключей». Но при всей красоте здешних мест и хороших землях колхоз хирел на глазах.

Председательствовал в нем некто Чижов — человек бездарный и крайне непорядочный. А на председательском кресле ему удалось отсидеть несколько лет благодаря поддержке кучки подпевал, конечно, небескорыстной. Видя все это, колхозники занялись своими индивидуальными хозяйствами — жить-то надо. Выращивали зелень, овощи, скот, птицу. Везли на продажу в Ставрополь, заодно прихватывая что можно с колхозных полей. В конечном счете колхозное хозяйство было дезорганизовано, пришло в полный упадок и запустение.

Тогда вместе с начальником районного управления сельским хозяйством Александром Будыкой мы и решили сменить председателя колхоза. Им стал Василий Рындин.

Работал Рындин в Кочубеевском районе главным агрономом одного из колхозов. Образование у Василия Андреевича было заочное, но он знал хлеборобское дело досконально и обладал редкой способностью налаживать контакты с людьми, сплачивать их. В общем, человек был интересный, и я твердо знал — дай ему простор, самостоятельное поле деятельности, он развернется по-настоящему.

Прошло несколько лет, и хозяйства уже нельзя было узнать. Ввел Рындин хозрасчет, новую систему стимулирования труда, основанную на бригадном подряде. По-другому люди стали относиться к делу, начали расти доходы. Ну а с ростом доходов стало обустроиваться и село. О «Заветах Ильича» пошла добрая слава, сюда стали приезжать за опытом.

За годы своей работы на Ставрополье я не раз заезжал к своему «крестнику», видел: колхозники на Василия Андреевича, что называется, молятся. Так что все «пять ключей» Бешпагира забили во всю свою силу.

Эти и другие примеры говорили о том, что очень многое упирается в кадры. Свою «сверхзадачу» я видел в том, чтобы поддерживать, если нужно — защищать способных, часто строптивых работников и решительно добиваться замены руководителей некомпетентных, малообразованных, не умеющих, да и не стремящихся строить уважительные отношения с людьми.

Этим определились и методы работы. Менее всего она была кабинетной, бумажной. Я много ездил, встречался с людьми. Такой подход восприняли сельские райкомы. Кулаков не только поддерживал, но высказался за придание этой работе планомерного характера. Так родился перспективный план подготовки кадров.

И вот я снова оказался в Горькой Балке. Теперь меня сюда привел интерес к работе Александра Алексеевича Блескова. Он приехал сюда в 1958 году после ликвидации местной машинно-тракторной станции, директором которой являлся. Избрали председателем колхоза — было тогда Блескову 36 лет. Фронтовик, после тяжелого ранения лицо изборождено глубокими шрамами. Но легко угадывалось — Александр Алексеевич не просто симпатичный, а красивый мужчина.

С приходом Блескова началось новое летосчисление в истории Горькой Балки. Новый председатель свой разговор с колхозниками начал не с производства, он предложил заняться обустройством села. Никто ему на первом собрании не поверил — чужак какой-то. Тогда Блесков подготовил план благоустройства и застройки, договорился о кредитах, нашел подрядчиков на проведение работ, обошел дворы, поговорил с наиболее влиятельными колхозниками и вторично вынес вопрос на собрание. На сей раз поверили, поняли, что не «временщик» пришел, а настоящий хозяин. И план утвердили.

Познакомившись с Блесковым еще в те годы, мы постоянно поддерживали с ним добрые товарищеские отношения. А кое в чем я помог ему — поддержал его подвижнический труд в Горькой Балке. Прошли годы, и колхоз имени Ленина стал одним из передовых в крае. Прежней «мерзости запустения» как не бывало. Не подслеповатые хаты с ссломенными крышами, а добротные дома со всеми удобствами, улицы асфальтированы, школа, библиотека, больница, прекрасный Дворец культуры. И вот те, кто в прежние годы бежал отсюда куда глаза глядят, стали возвращаться. А потом и очередь появилась желающих вступить в знаменитый колхоз. Блесков дважды избирался в состав ЦК КПСС, а в 1973 году присвоили ему звание Героя Социалистического Труда, и было за что.

А бывало так, что знакомство с интересным человеком начиналось с персонального дела. На бюро сельского крайкома возник вопрос об исключении из партии Николая Дмитриевича Терещенко. Кулаков поинтересовался: что там случилось?

— Говорят, какой-то сумасшедший председатель по ночам домашнюю скотину колхозников из винтовки расстреливает.

— Поезжай, Михаил Сергеевич, разберись на месте.

Колхоз «Путь к коммунизму», который возглавлял Терещенко, находился километрах в трехстах от Ставрополя на границе с Дагестаном и Чечено-Ингушетией, в полупустынных бурунных степях. Добрался туда, познакомился с председателем. Смотрю, симпатичный парень лет тридцати с небольшим, почти мой ровесник.

Поведал он мне свою историю. В 1953 году демобилизовался из армии, работал ветфельдшером и зоотехником в овцесовхозе «Артезианский»; в 1955 году вступил в партию, заочно окончил сельхозинститут и в 1961 году избрали его председателем колхоза. Когда принимал он хозяйство, видел — люди разуверились во всем и во всех. Попробовал Терещенко начать, как и Блесков, с благоустройства села. Стал строить современный поселок, сажать деревья, розы выращивать. Но не шло дело. Большинство колхозников — ногайцы, предки которых вели кочевой образ жизни, и не было у них в традиции благоустройства быта и мест поселения.

Чтобы как-то сплотить людей, организовал Терещенко хор, решением правления обязал всех ходить на спевки. Сам тоже пел. И хотя стали вокруг него постепенно группироваться единомышленники, дела в колхозе никак не ладились, перемены давались трудно. Люди не верили в колхоз, на работу выходила лишь половина членов колхозных семей, остальные трудоспособные и, конечно, старики занимались индивидуальным хозяйством. А по ночам — воровством. Расхищение колхозного добра стало обычным и привычным делом.

— Так вот и живут, — с грустью сказал Николай.

В тот год стараниями Терещенко и его соратников удалось вырастить хороший урожай люцерны, кукурузы, однолетних трав, но все это стало добычей участников ночных набегов. Терещенко терпел, уговаривал, стыдил, однако дело приобрело угрожающие размеры. Николай Дмитриевич не выдержал, сорвался, схватил старенькую «тулку»-мелкокалиберку и давай палить по ишнякам, на которых перевозилось ворованное.

Конечно, Терещенко был не прав. Не только потому, что прибег к такому методу решения проблемы. Как руководитель он должен был заботиться о семьях колхозников, оказывать поддержку в ведении личного подсобного хозяйства. Тем более что колхоз не мог обеспечить крестьян надлежащими доходами и продовольствием. Как ни крути, но без подсобного хозяйства не получается. Об этом я и сказал ему, порекомендовав самому урегулировать конфликт и на будущее иметь в виду: без заботы о крестьянских семьях ничего у него не получится. Николай был согласен со мной и в то же время надеялся на поддержку.

Вернулся я в Ставрополь, говорю Кулакову:

— Терещенко, конечно, крестьян обидел: надо же им где-то свой скот пасти. Но если мы этого парня не поддержим, там все прахом пойдет. И несправедливо это будет чисто по-человечески...

Кулаков задумался:

— А как поддержать его, чтобы нас поняли? Что, кукуруза у него, — спросил вдруг Федор Давыдович, — действительно хороша?

— Чудо какое-то. Посреди выжженной степи, как оазис. И стебли метра в три.

— Ну, даже если не три, а два, — рассмеялся Кулаков, — и то дело. Давай проведем у него краевой семинар по обмену опытом.

Так и сделали. Собрали в этом колхозе специалистов со всего края и обсудили проблему выращивания кукурузы на орошаемых землях. Терещенковская кукуруза «Ли» не подвела. Помню, была у меня фотография: секретарь крайкома комсомола Василенко, сидя на плечах Кулакова, пытается дотянуться до верха стебля. Опыт Николая Дмитриевича одобрили, написали об этом в газетах.

Но и сам Терещенко не терял времени. У себя в колхозе они объяснились, с того времени как-то по-другому начала складываться жизнь. Ему удалось изменить настроение колхозников, увлечь своими планами. Хозяйство с годами стало преуспевающим, а сам он все время был в поиске — вводил новые технологии, малые формы производства, сумел уклониться от дорогостоящих комплексов, по-новому взглянул на севообороты, восстановил пары, перевел на орошение кормовые культуры. С участием московских ученых была разработана своя система стимулирования. Кстати, Терещенко много сделал, чтобы поддержать личные хозяйства колхозников, и село отстроилось,

преобразилось. Дважды присваивали звание Героя Социалистического Труда Николаю Дмитриевичу, избирали кандидатом, затем — членом ЦК КПСС. Прекрасный был человек. Умер внезапно — в мае 1989 года — не выдержало сердце.

Работа в отделе партийных органов сблизила меня с Кулаковым. По установленному в партийном аппарате порядку заведующего этим отделом курировал непосредственно первый секретарь крайкома. Встречались мы с ним чуть ли не ежедневно, и постепенно между нами установились ровные деловые взаимоотношения.

Был Кулаков человеком сильным и щедрым. Мне не раз приходилось сопровождать его в поездках по краю, я видел, как легко находил он общий язык и с колхозниками, и со специалистами, ибо досконально разбирался в их делах. Ум у него был своеобразный, я бы сказал, крестьянский.

Когда в октябре 1964 года Кулакова перевели на работу в ЦК КПСС, мы расстались друзьями и сохраняли близкие отношения все последующие годы.

Очередной опальный

Появление у нас Ефремова было совершенно неожиданным. Кулаков, как я узнал позднее, принимал самое непосредственное участие в «подготовительном процессе» смещения Хрущева. Он входил в группу секретарей, которых вызвали в Москву накануне октябрьского Пленума для выполнения особой задачи. Они должны были предъявить свой счет Хрущеву в случае, если у членов Президиума ЦК не хватит аргументов, убеждающих его добровольно уйти в отставку. И эту готовность Кулакова Брежнев оценил. Сразу после октябрьского Пленума Федора Давыдовича утвердили заведующим сельскохозяйственным отделом ЦК, а через одиннадцать месяцев, в сентябре 1965 года, избрали секретарем ЦК КПСС.

Леонид Николаевич Ефремов был известным в партии и стране человеком. За его плечами был многолетний опыт второго секретаря и председателя облисполкома в Куйбышеве, первого секретаря обкома в Курске и Горьком. В 1962 году он стал первым заместителем председателя бюро ЦК КПСС по РСФСР. Возглавлял бюро сам Хрущев, но вся текущая работа лежала на замах — Ефремове и Кириленко, которые находились как бы на равном положении и как кандидаты входили в состав Президиума ЦК КПСС.

Участия в подготовке октябрьского «дворцового переворота» Ефремов не принимал. Позднее он рассказывал мне, что события застали его в командировке, кажется, в Улан-Удэ. О Пленуме его заранее не известили, а когда узнал и бросился в аэропорт, ему сказали, что само-

лет не в порядке, отлет откладывается. Нет сомнения, что это была запланированная задержка.

Дело в том, что за Ефремовым прочно закрепилась репутация рьяного сторонника Хрущева. Незадолго до этих событий Хрущев совершил поездку по ряду областей России. Ефремов сопровождал его. О поездке успели сделать документальный фильм, где позади Никиты Сергеевича постоянно маячила фигура Леонида Николаевича. Такие кадры запоминались.

Многие рассказывали: стоило зайти к Ефремову в кабинет с каким-либо деловым вопросом, как он тотчас же брал со стола аккуратно расставленные томики Хрущева с многочисленными закладками, обильными подчеркиваниями и начинал цитировать. Заканчивал беседу так:

«Вот что сказал по этому вопросу товарищ Хрущев. Из этого вы и исходите».

Судя по рассказам самого Ефремова, вернувшись в Москву, он присоединился к критике Хрущева, но, как и Микоян, высказался за то, чтобы оставить Никиту Сергеевича на прежнем посту.

Наверное, именно из этого и исходили в Президиуме ЦК после снятия Хрущева, когда решили направить Леонида Николаевича к нам в Ставрополь, оставив его кандидатом в члены Президиума ЦК. В ноябре 1964 года Пленум ЦК КПСС по докладу Н.В.Подгорного постановил вновь объединить промышленные и сельские областные и краевые партийные организации. И с 1 декабря Ефремов возглавил оргбюро, которому предстояло решить эту задачу на Ставрополье.

Начались «страстные» недели. Хотя со времени раздвоения крайкома прошло всего два года, но отчуждение и «перетягивание каната» между ними, как я уже говорил, порой доходило до неприличия. Теперь же, когда надо было вновь создавать единый аппарат, интегрируя кадровый состав обоих крайкомов, за новое перераспределение постов начался буквально бой. Я, как заведующий отделом партийных органов бывшего сельского крайкома, оказался в его эпицентре. Каждый боролся за себя, для каждого речь шла не просто о личном интересе, месте работы, а о положении, о власти. Интересы дела многим были глубоко безразличны.

Ефремов вызвал меня с предложениями по составу бюро и аппарата объединенного крайкома. Посмотрел, что я ему принес, и, не найдя моей фамилии, удивился:

— А сам-то где собираешься работать?

Я ответил, что мое желание — вернуться в район или в город.

— Ладно, посмотрим, — сказал Ефремов и предложил со всеми материалами выехать в Москву.

Едва я приехал в Москву, зашел в орготдел ЦК, мне говорят:

— Ефремов просил позвонить ему до всяких бесед и обсуждений. Я набрал номер.

— Ты еще нигде не был? — сразу же спросил Леонид Николаевич. — Очень хорошо. Я тебя прошу иметь в виду: мы тут договорились, что ты пойдешь на секретаря Ставропольского горкома партии.

— Это вполне совпадает с моими намерениями, — ответил я.

После этого разговора я приступил к согласованию новых назначений. Но поздно вечером вновь раздался звонок от Ефремова:

— Михаил Сергеевич, слушай, мы тут поговорили, и я решил, что все-таки будем с тобой работать вместе.

— Конечно, — не понял я, — будем работать вместе.

— Да нет же, — перебил Леонид Николаевич. — Я имею в виду, что ты будешь заведующим орготделом в крайкоме.

— Почему?

— Ты понимаешь, тут такое идет, задержали со всех сторон...

Я живо представил себе, что творилось в кабинетах крайкома, как давят наши аппаратчики на Ефремова и после каждой беседы он начинает колебаться.

— Леонид Николаевич, — сказал я, — не надо этого делать. Я прошу вас — не меняйте позицию.

— Все, — оборвал Ефремов. — Вопрос закрыт, я уже со всеми договорился.

22 декабря 1964 года состоялась краевая партийная конференция. Ефремов был избран первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС. Бывший первый секретарь промышленного крайкома Босенко стал вторым секретарем. Меня избрали членом бюро и утвердили в должности заведующего отделом партийных органов.

Первые два года работы с Ефремовым стали периодом нашего взаимного узнавания, «притирки», и я бы даже сказал — сближения. От своего предшественника Ефремов отличался широтой политического кругозора, эрудицией, общей образованностью и культурой. Личностью он был, несомненно, крупной, и в то же время — рафинированный продукт системы, яркий представитель аппаратной школы КПСС. В этом смысле годы работы с ним были для меня поучительными.

Тяжело, очень тяжело переживал Ефремов свое перемещение в провинцию. Отчасти поэтому и в дела края он входил довольно трудно. У него, видимо, еще сохранялась иллюзия, что Брежнев вот-вот призовет его обратно в Москву. Поэтому на первых порах события в столице интересовали его куда больше, чем ставропольские проблемы.

Обычно перед тем, как идти к Ефремову с какими-либо соображениями или документами, я звонил по телефону. Но однажды так получилось, что я вошел к нему в кабинет без предупреждения. Он сидел за

столом, подперев кулаками подбородок, и смотрел прямо перед собой. Я подошел ближе, сел, но тягостная пауза продолжалась. Целиком погруженный в свои думы, он просто не видел меня.

— Леонид Николаевич, что с вами? — негромко спросил я.

Как бы очнувшись, но продолжая думать о своем, он стал говорить:

— Как же так? Ты понимаешь, ведь я все-таки выступил в поддержку Кириленко, защищал его, а он ни одного слова не произнес в мою поддержку.

— О чем вы, Леонид Николаевич? — не понял я.

Он, как бы окончательно придя в себя, усмехнулся и махнул рукой.

— Да так... Это я вдруг вспомнил о заседаниях Президиума в октябре 1964 года... Вот ведь как, Михаил, в жизни происходит.

Ефремов ждал XXIII съезда и очень волновался. Ему все еще казалось, что он сможет сохранить свое положение кандидата в члены Президиума ЦК. Каждый раз, когда Брежнев выезжал отдыхать к морю, он стремился попасть туда же. Они встречались, иногда даже семьями, и в глубине души у Леонида Николаевича теплилась надежда, что удачное выступление на съезде поможет ему вернуться в Москву. В том, что слово ему предоставят, он не сомневался ни на минуту.

В конце марта 1966 года, как раз накануне открытия съезда, я оказался по делам в Москве. Ефремов попросил задержаться и помочь ему в работе над текстом выступления. Нервничал он ужасно, и я, видя его переживания, даже какую-то затравленность, хотел его как-то поддержать. Все дни, пока шел съезд, мне пришлось сидеть в его номере в гостинице «Пекин» и работать над возможным выступлением, внося в него коррективы с учетом дискуссии на съезде. Каждый перерыв Леонид Николаевич звонил в гостиницу, делал очередные замечания, уточнял какие-то неуловимые для меня оттенки и акценты.

Но чуда не произошло, слово Ефремову так и не предоставили. Как секретарь крайкома, он остался в составе ЦК, о большем помышлять уже не приходилось. И надо отдать должное Леониду Николаевичу, он действительно целиком погрузился в ставропольские проблемы.

Секретарь Ставропольского горкома

26 сентября 1966 года пленум Ставропольского горкома КПСС единогласно избрал меня первым секретарем. По номенклатурной шкале (а соответственно и по зарплате) эта должность была ниже поста заворга крайкома. Но меня привлекала большая самостоятельность в работе. Встретили меня в горкоме хорошо. Многие помнили еще по работе в комсомоле, да и в последующие годы связи с городским активом я не терял: знал большинство руководителей, работников науки и культуры, партийного аппарата.

Забот навалилось великое множество. Я уже говорил, что Ставрополь тех лет являл собой образчик провинциального города, который был столь характерен для всей нашей российской глубинки. До середины 60-х годов вся городская инфраструктура была убогой — это касалось здравоохранения, образования, культуры, сферы быта, транспорта, водо- и теплоснабжения и особенно канализации. Нечистоты нередко сливались прямо в канавы, тянувшиеся вдоль улиц. Промышленность города была представлена заводом деревообрабатывающих станков, швейной, текстильной и обувной фабриками, ликеро-водочным заводом, небольшими молоко- и маслозаводиками.

Мысль о необходимости изменения всего облика города, что называется, витала в воздухе. Его неповторимый ландшафт — с возвышенностями и прудами в низинах, лесами, подступавшими к окраинам, — создавал для этого великолепные возможности. И как раз в сентябре 1966 года, когда я стал секретарем горкома, городской Совет утвердил генеральный план развития Ставрополя на 25 лет, предусматривавший реконструкцию центра и освоение новых свободных территорий, особенно на его западе, между двумя лесными массивами.

Вечный вопрос: где взять деньги на реконструкцию и строительство? Помимо весьма ограниченных общегосударственных, централизованных источников финансирования их могли дать только городские промышленные предприятия, которых, как я уже говорил, раз-два и обчелся. Однoboкая политика размещения производительных сил по стране, проводимая многие годы Госпланом, закрепляла это положение, и только с созданием совнархозов в городе появилась возможность построить современные заводы — электроаппаратуры, автоприцепов, химических реактивов и люминофоров и т.д.

Свои планы развития города мы связывали с реализацией «косыгинской реформы», расширением хозяйственной самостоятельности предприятий, в том числе получением ими права распоряжаться значительной частью получаемых доходов. Судьба реформы в значительной мере зависела от ее восприятия кадрами, инженерно-техническим корпусом. Работой с ними в первую очередь и занялся горком партии. Состоялись встречи в горкоме и на предприятиях, силами партийного аппарата и научных работников провели социологическое исследование. Собранные материалы свидетельствовали, что само положение инженеров и техников на производстве было достаточно неопределенным, приниженным. Единственное, что требовали от них, так это выполнения плана любой ценой.

Весь комплекс проблем, связанных с осуществлением реформы, мы обсудили на пленуме горкома в апреле 1967 года. Искали свою роль как могли, действовали в пользу продвижения реформы, но существенных изменений не происходило. Ключ к переменам находился за пре-

делами Ставрополя. Складывалось впечатление, что союзные министерства и ведомства, выхватывая отдельные проблемы и избегая комплексных решений, менее всего заботились о реальном переходе к новой системе планирования и стимулирования труда. Да и крайком партии, как и ЦК КПСС, по-прежнему больше заботились показатели выполнения плана.

Все-таки шаг за шагом реализация генерального плана развития Ставрополя продвигалась вперед. Город покрылся строительными лесами, которые стали его своеобразной визитной карточкой. А мы, работники горкома, чуть ли не поголовно превратились в прорабов. Возводились новые предприятия промышленности, возрастала потребность в квалифицированных работниках. Если в бытность мою секретарем горкома комсомола для молодежи города не хватало рабочих мест, она уезжала в другие регионы, то теперь надо было приглашать специалистов со стороны. Встал вопрос о техническом вузе. Сначала открыли филиал Краснодарского политехнического института. Расширились действующие институты и техникумы.

Значительно возросли масштабы жилищного строительства: поднимались кварталы, создавались новые микрорайоны. Действовал новый домостроительный комбинат. В городе асфальтировались улицы, появился троллейбус, построили цирк, плавательный бассейн, Дом книги. Заложили парк в районе Круглого леса и еще один в самом центре — на Комсомольской горке.

Свои перемены шли и в семье. Ирине исполнилось 10 лет, мы ей подарили фотоальбом — история ее жизни в фотографиях. В 1967 году Раиса Максимовна защитила диссертацию по социологии, ей была присвоена ученая степень кандидата философских наук. Она с увлечением занималась лекционной, педагогической работой, проводила социологические обследования в районах края. В том же году я окончил экономический факультет сельхозинститута. Успешную защиту диссертации и мое завершение учебы мы отпраздновали с друзьями.

Жизнь наша была чрезвычайно наполненной и, как нам казалось, имеющей большой смысл и значение. Жили дружно, помогая во всем друг другу. Наши доходы выросли, стало лучше жить материально. Появилась возможность обустроить двухкомнатную квартиру, полученную в 1960 году. Купили телевизор «Электрон», до того обходились радиолой.

Но забот не стало меньше. Как раз в это время в наших отношениях с Ефремовым как бы появилась трещина, стали возникать недоразумения по различным, иногда никчемным поводам. В частности, причиной недоразумений стали мои контакты — по телефону — с Кулаковым. К подобным контактам Леонид Николаевич относился очень ревниво. Он по-прежнему надеялся на возвращение в Москву, зондировал

почву и опасался утечки любой информации, которая могла бы помешать его планам. На этой слабости, подозрительности и играли те шептуны и подхалимы, которые после моего ухода из крайкома стали группироваться вокруг Ефремова.

Я ожидал, вот-вот недовольство выплеснется наружу. Так оно и произошло вскоре. В один из дней Ефремов пригласил нескольких членов бюро крайкома для обсуждения ситуации в Невинномысской городской парторганизации. Тамошний первый секретарь бесконечными пьянками возбудил недовольство коммунистов, жителей города. Предстояла городская партийная конференция, и Леонид Николаевич хотел предварительно посоветоваться. Поскольку мнение Ефремова еще не определилось, все приглашенные высказывались осторожно, не фиксируя своей позиции. Я же, наоборот, высказался за обновление на предстоящей конференции руководства горкома, ибо другое решение будет компрометировать крайком партии в глазах людей. И вдруг Ефремова как прорвало — наговорил кучу обидных и несправедливых слов, хотя по существу высказанных мною суждений не сказал ничего. Это был срыв. Ну а подхалимам только сигнал нужен — они тут же, как по команде, пошли на меня в атаку.

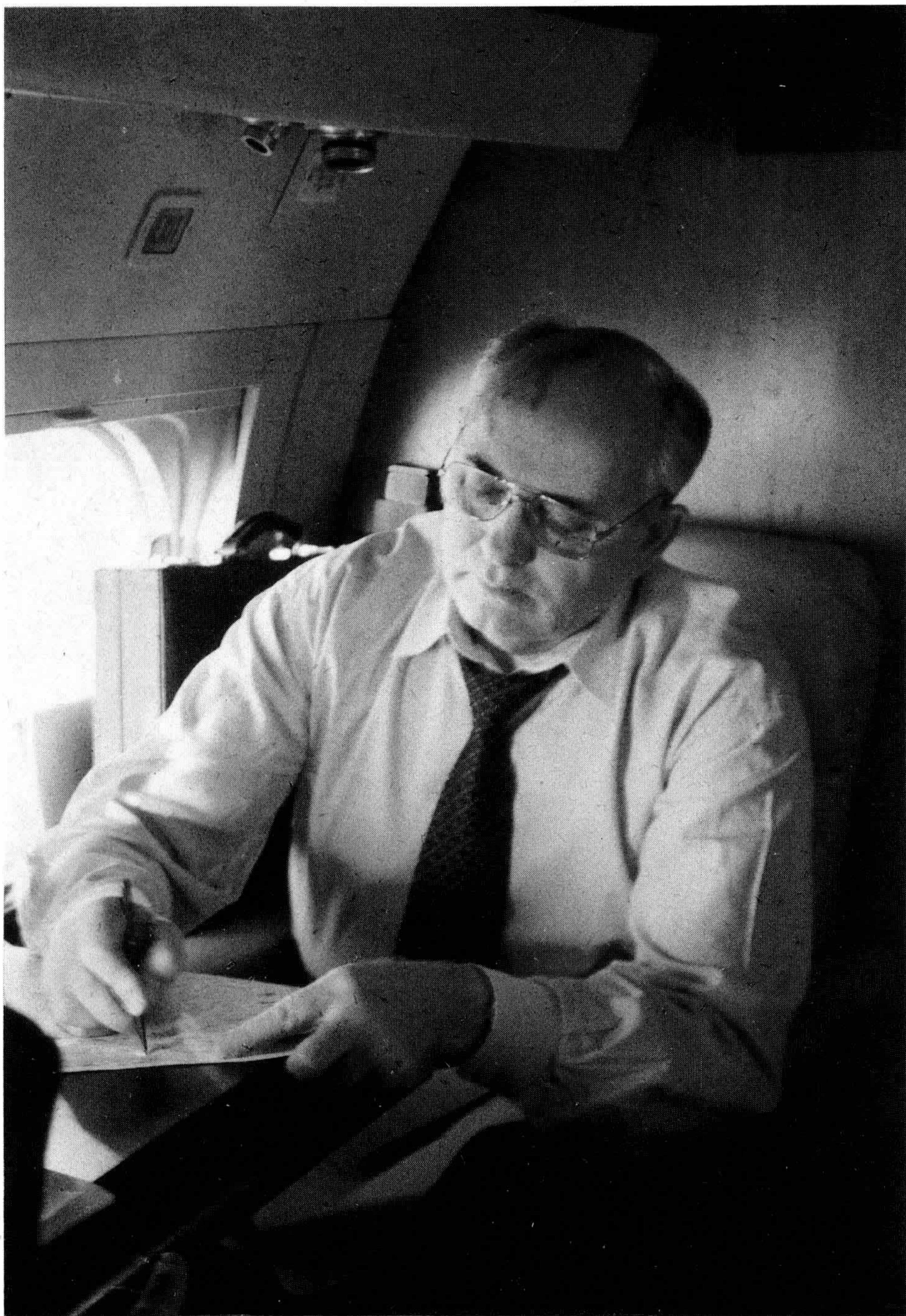
Но это было уж слишком, с подобным я не мог мириться и прервал очередного оратора:

— Леонид Николаевич, если вам не интересны и, более того, бесполезны мои суждения и оценки, то прошу больше меня сюда не приглашать. Обсуждайте в «своем кругу». У вас тут, я вижу, сложилось «прочное» единство и полное совпадение взглядов.

Ефремов не ожидал такого поворота. Разговор оборвался, создавалась неловкая ситуация. С трудом закончили встречу и разошлись. С тех пор отчуждение в наших отношениях с Ефремовым нарастало. Мы стали реже общаться. Я сосредоточился на городских делах.

Аппаратные игры Летом 1968-го в крайкоме начались «большие аппаратные игры»... с перестановкой лиц. Все из-за того, что первый секретарь Карачаево-Черкесского обкома партии Лыжин демонстративно оставил семью и переехал на жительство к другой женщине. Общественность негодовала. Лыжина освободили от занимаемого поста, вместо него избрали Ф.П.Бурмистрова, который работал вторым секретарем крайкома.

Окружение Ефремова пришло в движение. Я не только был от всего этого в стороне, у меня зрели свои планы. К тому моменту внутренний выбор для себя я сделал: надо разворачиваться в сторону науки. Сдал кандидатские экзамены, выбрал тему, связанную с проблемами специализации и размещения сельскохозяйственного производства в

Я начал свою деятельность в 1985 году с желания быть полезным. Хочу в этих книгах представить себя и свои искания с той же целью, объяснить не только свой выбор, но и то, как я шел к нему

Отец — Сергей Андреевич Горбачев

*С дедом Пантелеем Ефимовичем и бабушкой Василисой Лукьяновной
в Привольном*

С матерью и Раисой Максимовной у дома родителей

*Студентка философского
факультета МГУ, 1951 г.*

*Студент юридического
факультета МГУ, 1953 г.*

*В Самарканде, 1975 г.
У могилы деда*

Любимый портрет жены

Здравствуй, Раисочка!
Вчера от тебя получила письмо.
су. Подражалю тебе с охотой
ищи 4²⁰ курса. Сталоко подумать, мой уже
кстати уреница.

как ушибаю ищи зоричев обидков-
на. И это особенно охоту зоричеву вс-
кий раз, когда получаю твою о сит не-
бз. Оно зоричевы стоеко зоричеву, зоричеву,
близко, ионичеву. И тем более емочев
кучеву ситивичеву охотичеву

Спасибо рис, и ^{было} зоричеву
В Кривалево, а там ищи зоричеву
зоричеву о 20 зоричеву; зоричеву и зоричеву,
кучеву том, ищи зоричеву зоричеву зоричеву
зоричеву том, зоричеву и зоричеву. зоричеву зоричеву
сво зоричеву зоричеву зоричеву и зоричеву
зоричеву (зоричеву зоричеву) зоричеву зоричеву

В то же время зоричеву, о зоричеву
зоричеву. зоричеву зоричеву зоричеву. зоричеву
зоричеву?... зоричеву зоричеву зоричеву зоричеву зоричеву
зоричеву. Как наши родители, так и
зоричеву таких же, зоричеву зоричеву
зоричеву зоричеву.

Хорошее настроение. 1989 г.

В Японии

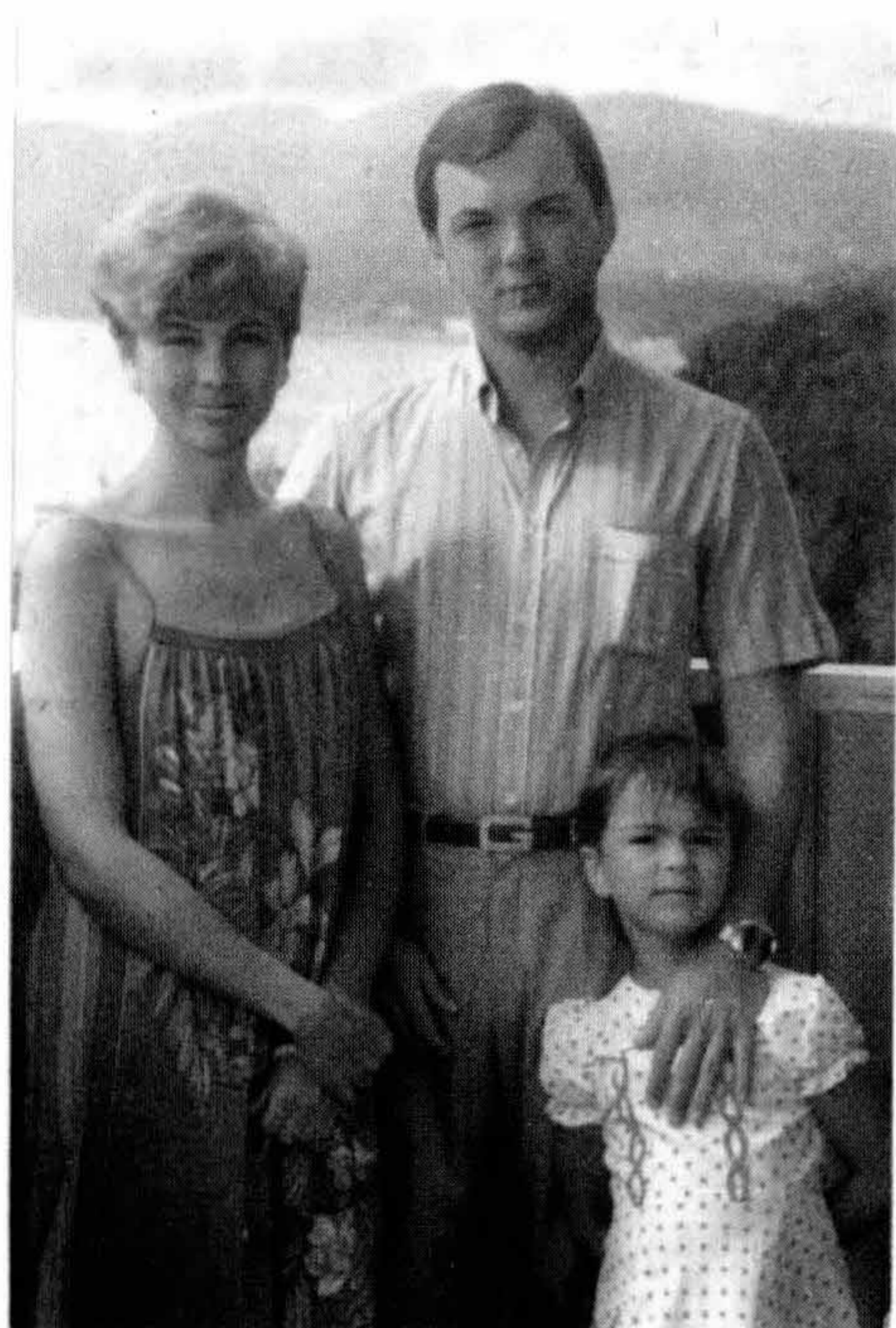
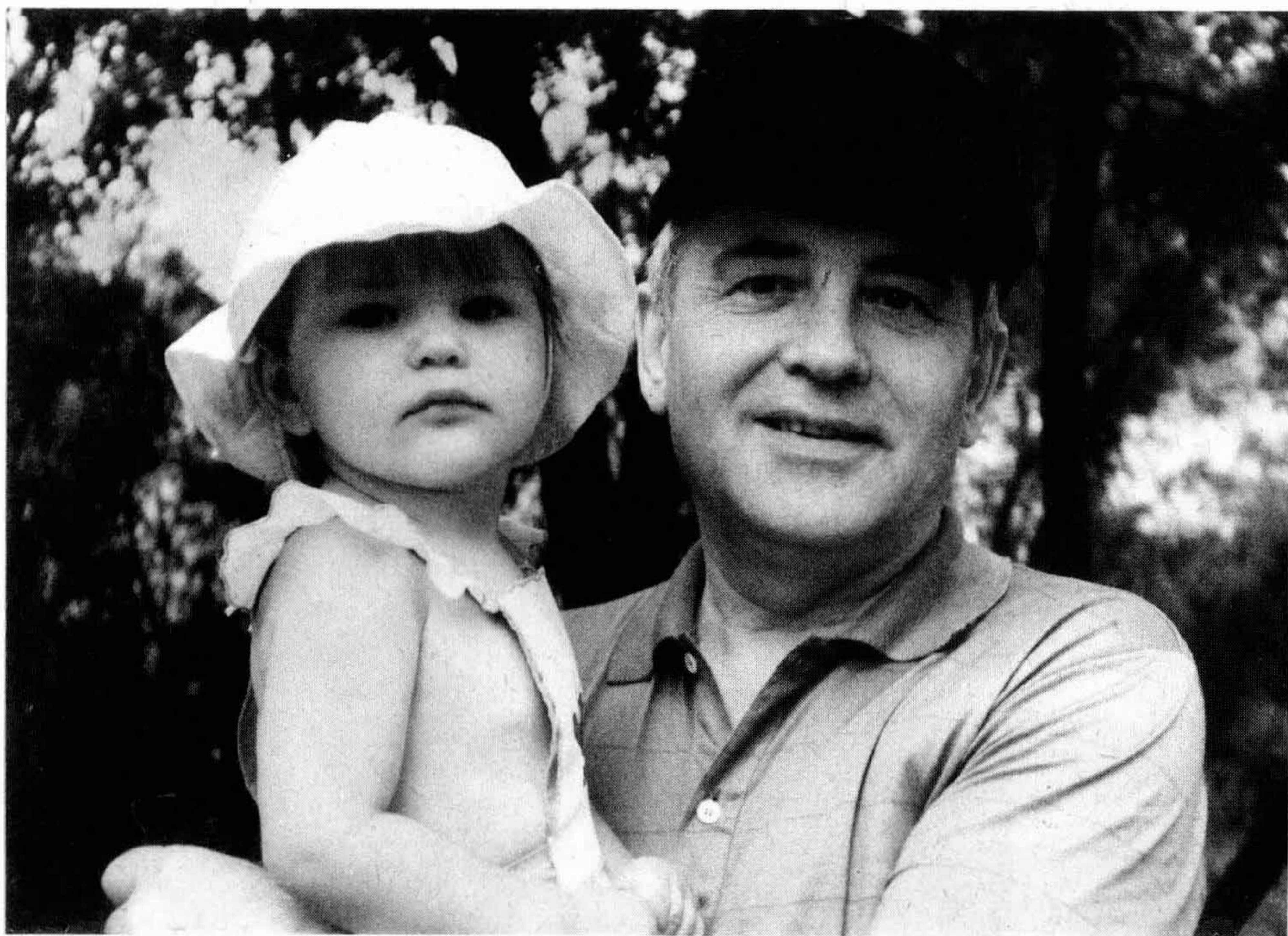
В детском доме. Латвия, 1987 г.

Семейная фотография. Сидят: Раиса Максимовна, внучка Ксения, мать Мария Пантелеевна. Стоят: Светлана (жена брата), Людмила (дочь брата), Анатолий и Ирина, брат Александр

По грибы, 1990 г.

С внучкой Анастасией

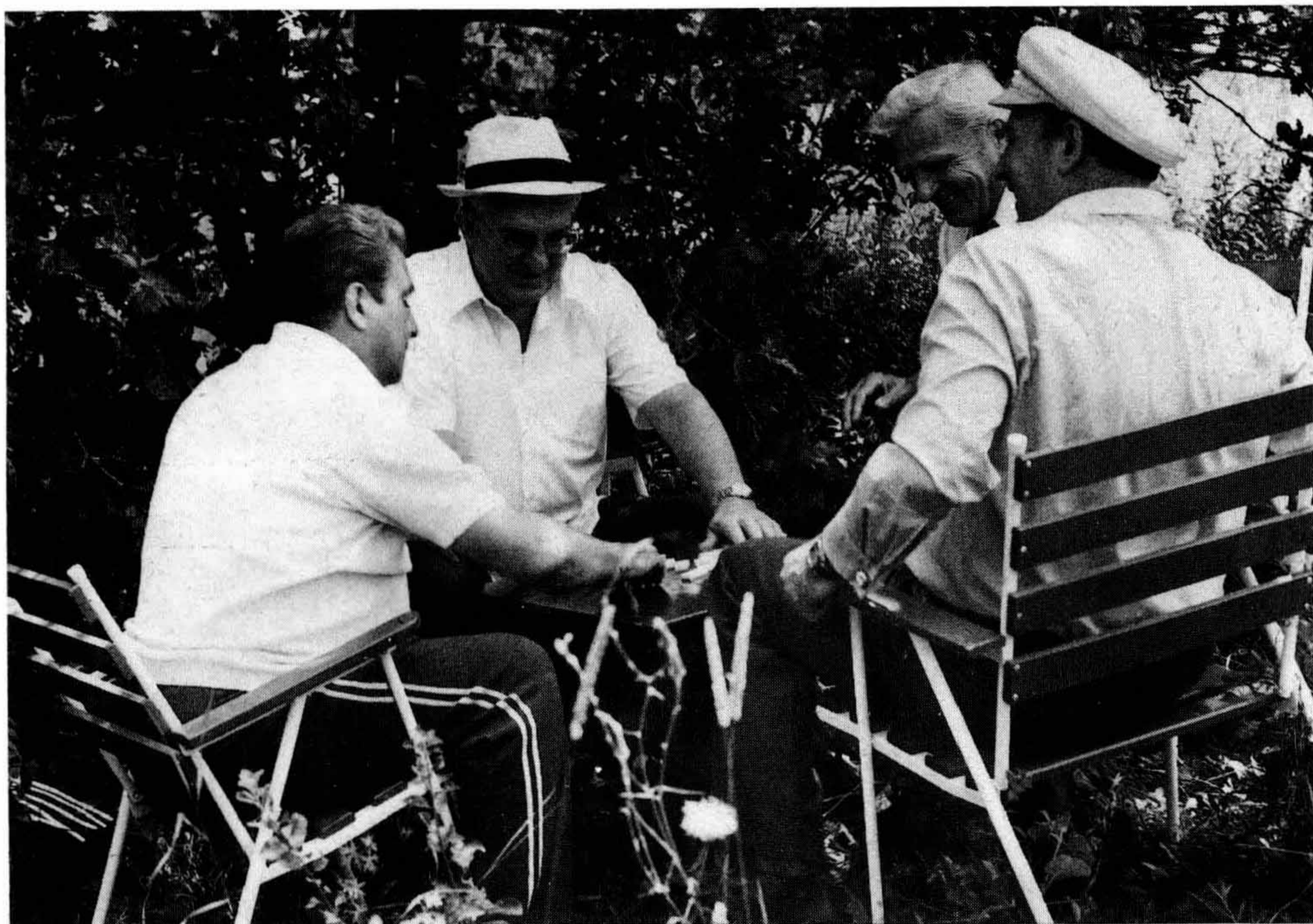
На отдыхе: Ирина, Анатолий и Ксюша

С внучками Ксенией и Анастасией на их первой экскурсии по Кремлю

Личные контакты с Д.Ф.Устиновым завязались при его посещении строительства радиотелескопа в Карачаево-Черкесии

С А.Н.Косыгиным, который нередко проводил свой зимний отдых на Кавказе

*Даже в игре в домино мы с Ю.В. Андроповым всегда были партнерами
С Э.А. Шеварднадзе. Грузия, 1982 г.*

К началу 80-х годов средний возраст членов Политбюро перевалил за 70 лет. Ноябрь 1980 г.

Политическая карьера К.У. Черненко завершается. Москва. Кремль. 1985 г.

Ставрополье, стал собирать материалы для исследования. Когда страсти вокруг поста второго секретаря начали разгораться, я оформил отпуск, купил санаторные путевки для себя и Раисы Максимовны в Сочи.

Вдруг перед самым отъездом звонок от заведующего общим отделом Павла Юдина:

— Не уезжай, Михаил, задержись, указание Леонида Николаевича. Проходит день, два. Звоню Ефремову:

— Леонид Николаевич, мне передали ваше пожелание задержаться. Но «горят» путевки, срок уже идет, семья собралась. Прошу разрешить уехать в отпуск.

— Дождешься пленума, — резко ответил он.

— Пленум и без меня состоится, я заранее присоединяюсь к вашему предложению.

— Я тебе сказал, подожди. Все. — Ефремов положил трубку.

Прошло еще какое-то время. Наконец Ефремов приглашает к себе. Разговор пошел о моем выдвижении.

— Леонид Николаевич, — сказал я ему, — вы же со мной работать не хотите. И не надо себя насиловать. Претендентов много, а мне разрешите уехать в отпуск.

— Поедешь в Москву, — с явным неудовольствием ответил он.

Оказалось, вопрос о моем выдвижении на пост второго секретаря уже предрешен. Ефремов тут же собрал бюро крайкома, и оно... единодушно высказалось в поддержку моей кандидатуры. После заседания все разошлись, а я вновь стал ждать от первого секретаря крайкома приглашения на беседу. Когда же стало очевидно, что оно так и не последует, решил зайти к Ефремову сам.

— Езжай в Москву, — вот и все, что я от него услышал.

— Куда? К кому? Какие рекомендации?

— Сам знаешь куда — в орготдел ЦК. Там твоих заступников хватает. — И никаких напутствий.

В Москве на Старой площади в орготделе со мной беседовал заместитель заведующего отделом Е.З.Разумов, потом состоялись встречи с секретарями ЦК Капитоновым, Демичевым, Кулаковым, и вопрос о рекомендации меня на должность второго секретаря крайкома был решен. Любые мои сомнения буквально во всех кабинетах гасились одной и той же сакраментальной фразой: «необходимо сочетание старых и молодых кадров». Предысторию данного решения рассказали мне работники орготдела: Ефремов действительно упирался, тянул до последнего часа, использовал все свои старые связи, но Капитонов занял твердую позицию, его поддержал Кулаков, в ход пошла все та же формула о «сочетании», и Леониду Николаевичу пришлось уступить.

Передо мной протокол пленума Ставропольского крайкома КПСС, состоявшегося 5 августа 1968 года.

Всесторонне обсудив этот вопрос, посоветовавшись в ЦК КПСС, имея в виду ленинский принцип правильного сочетания молодых и старых кадров, бюро крайкома вносит предложение избрать вторым секретарем краевого комитета партии т. Горбачева Михаила Сергеевича.

Вопросов к Горбачеву не было. Избирают единогласно.

Когда читаешь этот протокол, складывается впечатление всеобщего и благостного единодушия. Будто не было за принятым решением ни человеческих страстей, ни борьбы. Но я-то и другие члены крайкома прекрасно знали, что среди дружно и дисциплинированно проголосовавших «за» были и те, кто решительно выступал «против». В их числе поначалу и сам Ефремов.

Сразу же после моего избрания он взял отпуск и, так и не побеседовав со мной, уехал в Кисловодск. Мне же, наоборот, от отпуска пришлось отказаться и включаться в работу. А когда Ефремов вернулся, ни он, ни я, ни разу не помянув прошлое, стали налаживать совместную работу.

После двух-трех месяцев взаимной адаптации у нас, как и прежде, сложились нормальные товарищеские отношения, которые даже при самых острых разногласиях оставались неизменными.

Второй секретарь И в мою бытность заворгом, и теперь, когда я стал вторым секретарем крайкома, приходилось уделять немало времени работе с первыми секретарями райкомов, роль которых в иерархической структуре партии была совершенно уникальна. Именно через первого секретаря райкома весь огромный партийный аппарат выходил к «массе», к «низам», то есть на первичные организации учреждений, предприятий, совхозов, колхозов, поселковые и сельские Советы. И от того, каков он — первый секретарь, в значительной мере зависела практическая реализация политики.

У Кулакова отношение к секретарям строилось на основе двух критериев — способности «сделать план» и личной преданности. Все остальное ему представлялось несущественным. Ну а совместные выпивки упрощали взаимоотношения до такой степени, что некоторые из секретарей, как говорится, потихоньку сели Федору Давыдовичу на голову. Многие из них чувствовали себя в районе чуть ли не удельными князьками.

Ефремов трудно, нехотя шел на обновление секретарского корпуса, хотя необходимость в этом была большая.

С мест приходило много писем с жалобами на произвол, неблагоприятные поступки и особенно пьянки. По установленному порядку по-

добная информация поступала непосредственно к первому секретарю крайкома. Это была его «епархия», от него зависел дальнейший ход такого рода писем. Однако от Ефремова в таких случаях, как правило, не следовало никакой реакции.

Я не раз заводил с ним разговор на этот счет, но безрезультатно, Ефремов обычно отмалчивался. Однажды при разговоре об одном из секретарей райкома задал такой вопрос:

— А какие отношения были у него с Кулаковым?

В конце концов я не выдержал и ответил:

— У Кулакова со всеми были хорошие отношения.

— И у тебя, конечно, — не удержался Ефремов.

— И у меня. Однако, хоть и связан я с Федором Давыдовичем, но не все приемлю, что было при нем.

— Ну и напрасно, — рассмеялся Леонид Николаевич. — Это-то как раз у Кулакова правильным было. Секретарь райкома — наша опора. Он должен чувствовать, что мы верим ему. Это самое главное. И мы обязаны всячески поддерживать и защищать его.

— От кого?

— От всякой напраслины. О тех, кто много работает и на виду, всегда много болтают.

— Защищать от напраслины — да, — сказал я ему, — но вы ведь прекрасно знаете, Леонид Николаевич, что речь идет совсем о другом. Нам кое-кого надо уже просто спасти...

Поставить секретаря райкома на место, предъявить ему принципиальные требования — не так просто. Тут нужны и воля, и твердость. А вот этого как раз Ефремову явно не хватало. После «низвержения с Олимпа» Леонид Николаевич побаивался любых конфликтов.

Опыт и чутье были у него колоссальные. Он понимал, что как-то реагировать надо. Ведь рано или поздно жалобы эти вылезут наружу. Но как реагировать? И Ефремов нашел простейший выход — перепоручил все эти дела мне. Приходит очередное письмо, он вызывает меня, и — из рук в руки — поезжай, мол, разберись, но письмо нигде не регистрируй, там посмотрим.

Особенно тяжело решались дела, связанные с «начальственными» пьянками. Помню, в одном из сел торжественно открывали новый Дворец культуры — событие для села, несомненно, неординарное. Председатель колхоза пригласил своих коллег и, конечно, руководителей района. Все в тот вечер было как обычно: сказали о строителях, об успехах колхоза, вручили подарки, отсидели концерт, потом... застолье. Ну а когда стали по домам разъезжаться, как раз туман спустился, произошла крупная авария. И о ней пошла молва, дошла и до Ефремова, мол, гуляет начальство.

Пришлось мне самому учинить проверку и устроить публичное разбирательство.

— Ну хорошо, — сказал Ефремов, когда я вернулся в Ставрополь. — А вообще, скажу тебе, Михаил, не дело это. Мы что, будем с тобой бегать по краю и определять — кому поднести, кому сколько выпить, а у кого и отнять бутылку. Нет, не дело...

Я возразил:

— Леонид Николаевич, вы знаете, я не святоша, но согласиться с вами не могу никак. Пьянки среди руководителей — самая большая сегодня беда.

— А-а, брось ты преувеличивать, — в сердцах ответил Ефремов. — Возьми любого секретаря райкома, день и ночь гоняет по полям, фермам, да под дождем, на ветру. Ну, поужинал где-то, выпил. Что из того? Позволяет ему здоровье — пусть выпьет.

И дело тут было не в личном мнении или пристрастии Ефремова, он тоже иногда мог выпить крепко, — а в общей терпимости к пьянству.

Масштабы пьянства не только в быту, но и на работе принимали угрожающие размеры. Нарастали человеческие беды, связанные с ним. В ноябре 1969 года, выступая на пленуме крайкома, Ефремов привел следующие цифры: за три с половиной года после XXIII съезда КПСС в краевой организации исключено 1743 коммуниста. Из них 743 (42,6%) — за пьянство, хулиганство и морально-бытовое разложение.

Статистика наводила на размышления. Монополизировав все более или менее руководящие должности, КПСС неизбежно становилась центром притяжения для самых разнородных элементов, в том числе для тех, кто вступал в партию не по идейным, а лишь по сугубо корыстным мотивам. Это, в частности, и порождало злоупотребления среди работников партийного и государственного аппарата.

Но ведь рядом с карьеристами, полагавшими, что партийный билет, занимаемая должность дают им право распоряжаться судьбами людей, я встретил сотни коммунистов, честно выполнявших свой долг. Наблюдая за деятельностью председателей колхозов типа Блескова, Рындина, Терещенко, убедился, как много могут сделать для улучшения жизни инициативные, компетентные, порядочные руководители. И мне казалось тогда, что достаточно подобрать и расставить такого рода кадры на ключевых постах, станет возможным решение многих насущных проблем.

Иллюзии? Пожалуй, да, ибо постепенно я осознавал, что существовавшая система создала достаточно жесткие рамки для любой формы деятельности и инициативы. Эти рамки определялись направленностью политики руководства страны.

В этой связи — о политике периода, получившего позднее название «застоя».

Поражение реформаторов

Тут следует сказать, что дух реформаторства, пробужденный в 50—60-е годы, обладал достаточным запасом силы и инерции. Да и необходимость преобразований во многих сферах жизни общества была слишком очевидной. Как я уже говорил, Брежневу приходилось искусно лавировать между различными группами в составе Политбюро. Свою приверженность консервативным идеям он тщательно маскировал. Вот почему, отменив ряд действительно волюнтаристских решений Хрущева, ЦК КПСС поддержал некоторые новации. И мартовский Пленум 1965 года по вопросам сельского хозяйства, сентябрьский Пленум того же года по проблемам планирования и экономического стимулирования промышленного производства были по своей направленности прогрессивны, нацелены на реформирование системы управления экономикой.

Но этим решениям на практике не суждено было осуществиться. Странная складывалась ситуация. В газетах и журналах бурно дебатировались различные проекты, публиковались статьи экономистов и публицистов, а в это же время в возрожденных министерствах «тихо делали свое дело», все туже завязывая узел бюрократической централизации.

Впрочем, и местные власти относились ко всем новациям довольно скептически: «Они там в Москве болтают, а нам тут надо план выполнять». В Ставрополье все это наглядно проявилось на так называемом «деле И.И.Баракова», случившемся еще до моего прихода на должность второго секретаря.

Иннокентия Баракова я знал хорошо. Человек энергичный, самостоятельный, но, может быть, излишне импульсивный. Он дружил с экономистом-реформатором Лисичкиным, был его ярким поклонником. Пока дело ограничивалось разговорами и выступлениями о необходимости «смягчения» государственного плана, расширении прав колхозов в реализации конечного продукта, его свободной продаже, это мало кого волновало. Когда же Бараков в своем Георгиевском районе попытался осуществить эти идеи на практике, тут уж стало не до шуток.

Как начальник районного управления сельского хозяйства Бараков перестал доводить жесткие планы до отдельных хозяйств, чтобы не сковывать их инициативу, — действуйте, мол, сами. Но в тех условиях в крайкоме это восприняли чуть ли не как открытую атаку против всей «системы». Баракова сначала предупредили на бюро, а 21 января 1967 года сняли с работы.

На том заседании меня не было, но мне потом стало известно, что Баракова обвинили в допущении «грубых ошибок в ряде своих высказываний по принципиальным политическим вопросам». Говорилось,

что его «настойчивые, путаные утверждения» о свободной реализации на рынке продукции колхозами и совхозами, об укреплении их экономики любыми методами и средствами «объективно наносили вред делу воспитания кадров в духе высокой ответственности за выполнение решений партии и правительства. Некоторые колхозы района, не выполняя государственных планов продажи зерна и других продуктов, допускали факты торговли ими на рынке...»

Ефремов, тонко чувствующавший конъюнктуру, видимо, решил, что с этим запасом идей «наша организация должна выступить» и на общесоюзной арене. 13 сентября 1967 года в газете ЦК КПСС «Сельская жизнь» за подписями Ефремова и еще нескольких работников края была опубликована статья «Фактам вопреки». Объектом разноса стала статья Геннадия Лисичкина «Спустя два года», напечатанная в № 2 «Нового мира» за 1967 год.

Автор обвинялся в том, что он «доходит до абсурдных, оторванных от жизни предложений: о свободной реализации колхозной и совхозной продукции, об отмене планирования госзакупок продуктов в натуральном выражении... третирует принцип социалистического планирования от достигнутого уровня». А главное — «в целях обоснования теоретически путаных и практически непригодных экономических рекомендаций... передергивает и искажает факты, относящиеся к жизни и деятельности колхозов и совхозов Ставропольского края».

Случай с Бараковым наводил на грустные размышления. Ведь это было время реализации решений мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 года, давшего импульс поискам в аграрном секторе. Казалось, начавшиеся «косыгинские реформы» должны были привести к углублению этих поисков. Увы, преобразования в сельском хозяйстве, как и в промышленности, проводились в заранее четко очерченных рамках. То, что предлагали Бараков или Лисичкин, выходило за эти рамки. Вот почему все «дело Баракова» так и осталось свидетельством, с одной стороны, назревших перемен, а с другой — жесткой реакции системы на самую возможность подобного рода изменений. Урок был серьезный.

В начале лета 1967 года я встретился со Зденеком Млынаржем, давним моим другом и сокурсником по МГУ, о котором уже упоминал. Он работал тогда в Институте государства и права Чехословацкой Академии наук и приезжал в Москву в связи с подготовкой предложений о проведении политической реформы. В столичных академических кругах его выступление встретили более чем прохладно. Затем он побывал в Грузии, а оттуда на несколько дней заехал погостить в Ставрополь.

Я уже говорил, что мы жили в двухкомнатной квартире на четвертом этаже. Это была первая в нашей семейной жизни отдельная квар-

тира, и нам она нравилась. Зденек же весьма скептически осмотрел наше жилище. Видимо, по чехословацким меркам для первого секретаря столичного горкома партии выглядела она весьма скромной.

Зденек расспрашивал о положении в Союзе, в крае, о нашей жизни. Много он поведал нам о процессах, происходящих в Чехословакии, падении авторитета Новотного. Я почувствовал, что Чехословакия стоит на пороге крупных событий.

Прошло полгода, и из газет я узнал, что Млынарж перешел на работу в аппарат ЦК КПЧ, стал одним из авторов известной «Программы действий КПЧ», а затем активным деятелем «Пражской весны». Я написал ему письмо, но ответа не получил. По намекам начальника краевого управления КГБ, входившего в состав бюро крайкома партии, мне стало ясно, что письмо мое пошло совсем по другому адресу.

О событиях 1968 года в Праге информация шла крайне односторонняя. Контроль за всякой информацией был жестким и тотальным, а уж за подобной — подавно. Чехословацкие события — я имею в виду акцию по вводу войск — начались 21 августа, а в начале этого трагического месяца, как я уже говорил, меня избрали вторым секретарем. В связи с отъездом Ефремова заседания бюро крайкома проходили под моим председательством. Перед заседанием, обсуждавшим сообщение Политбюро ЦК о вводе войск в ЧССР, позвонил Леонид Николаевич и, ссылаясь на беседы в ЦК КПСС, передал свои предложения. Бюро приняло резолюцию, одобрявшую «решительные и своевременные меры по защите завоеваний социализма в ЧССР».

Крайком поддержал ЦК, хотя, что же кривить душой, вопрос все-таки постоянно возникал: в чем смысл этой акции, насколько она соразмерна?

Подобные размышления питали мое стремление добраться до корней многих явлений внутренней и внешней политики, которые вызывали тревогу. По всему чувствовалось наступление реакции. После 21 августа началось «закручивание гаек» в идеологической сфере, жесткое подавление малейшего проявления инакомыслия. ЦК КПСС требовал от местных органов решительных действий в идеологии. Борьба с диссидентством приняла массивный повсеместный характер.

В начале 1969 года исполняющий обязанности заведующего кафедрой философии Ставропольского сельхозинститута Ф.Б.Садыков выпустил в краевом издательстве книгу «Единство народа и противоречия социализма». Написана она была раньше, на волне тех самых надежд и ожиданий, которые породили хрущевские, а отчасти и «косыгинские реформы». Рукопись книги за год до ее выхода обсуждали на кафедре, возил он ее в Москву, показывал даже кому-то из аппарата ЦК, напечатал статью в «Вопросах философии».

По существу, Садыков сформулировал ряд идей, которые стали находить свое решение лишь с началом перестройки. Но до перестройки надо было еще прожить более пятнадцати лет. А тогда... Даже то, что с грехом пополам могли принять в 1964—1967 годах, в 1969-м уже квалифицировалось как «крамола».

Из Москвы поступил сигнал — «проработать». И вот 13 мая состоялось бюро крайкома, рассмотревшее вопрос «О серьезных ошибках в книге доцента кафедры философии Ставропольского сельскохозяйственного института Садыкова Ф.Б.». Разделали мы его на бюро, что называется, под орех. Да, это был «долбеж». Главный наш «идеолог» Лихота требовал исключения из партии. Ефремов не поддержал. Остро критичным было мое выступление. Садыкову объявили строгий выговор, освободили от заведования кафедрой. Вскоре он уехал из Ставрополя, если память не изменяет, в Уфу.

Для меня то, что произошло с И.Бараковым, Ф.Садыковым, которых я знал лично, людьми, нестандартно мыслящими, стало не только причиной переживаний, но и началом поисков ответа на вопрос: «Что происходит с нами?» Мучила совесть, что мы, по сути, учинили над ними расправу, что-то неладное творилось в нашем обществе.

Дух реформаторства угасал на глазах. Дельные и разумные решения по экономическим вопросам, которые принимались на пленумах ЦК в 1965—1967 годах, все более блокировались. Был свернут курс мартовского Пленума ЦК, «косыгинская реформа» выдыхалась. Письма специалистов и ученых аккуратно складывались в мешки и спускались в подвалы архивов. Чехословацкие события фактически поставили точку на всех дальнейших поисках по преобразованию системы управления народным хозяйством.

Начинался «застой»...

Глава 6

ИСПЫТАНИЕ ВЛАСТЬЮ

Весной 1970 года желание Ефремова наконец-таки осуществилось — его перевели в Москву.

Передо мной протокол заседания пленума Ставропольского крайкома от 10 апреля. Ефремов утвержден первым заместителем председателя Государственного комитета по науке и технике СССР и поэтому освобождается от поста первого секретаря крайкома. Предложение избрать на пост первого секретаря Ставропольского крайкома партии Горбачева встречается аплодисментами.

Избрание единогласное. Члены крайкома, естественно, знали меня хорошо и, помимо прочего, были довольны тем, что впервые за все годы этот пост занимает не «приезжий», а свой, ставрополец.

С моим избранием первым секретарем создалась уникальная ситуация. Дело в том, что все остальные секретари и члены бюро крайкома были значительно старше меня.

Феномен особого рода

Мне кажется, чтобы осмыслить внутреннюю структуру и механизмы существовавшей в стране системы, очень важно понять особую роль первых секретарей республиканских ЦК, обкомов и крайкомов партии. Они являлись одной из главных опор режима. Через них, при всей отраслевой и административной раздробленности аппарата, связывались в единую систему все государственные и общественные структуры. Они составляли большинство в Центральном Комитете КПСС, фактически их голосами избирался Генеральный секретарь, и уже это как бы ставило их в особое положение.

Стоит еще раз напомнить, что именно они обеспечили победу Хрущева в борьбе с группой Молотова и Маленкова. И они же свалили его в октябре 1964 года.

Сегодня кое-кто удивляется тому, что при всех поворотах, перипетиях нашей истории последних лет многие первые секретари обкомов,

крайкомов и ЦК республик сумели органично вписаться в новые структуры — как государственные, так и коммерческие. Между тем удивляться здесь нечему. Система тщательно отбирала наиболее активных, энергичных руководителей повсюду — на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, в научных и учебных институтах, в самых различных социальных группах и слоях общества. Она действительно старалась снять сливки. Но если ты попадал в номенклатуру, то кто бы ты ни был — директор завода или талантливый инженер, выдающийся ученый или многоопытный практик, каждому отводилось определенное место в этой системе, он должен был следовать определенным правилам игры. И в конечном счете, пропуская кадры через этот «партийный сепаратор», система перерабатывала «сливки» в свое «масло».

На самый верх, как правило, поднимались руководители, я бы сказал, более толстокожие, особенно не переживавшие за моральные аспекты своих действий, те, у кого совесть запрятана глубоко-глубоко. Ибо качества руководителя оценивались главным образом с точки зрения способности достигать поставленной цели. О таком говорили: «рукастый», то есть ему можно поручить дело. О голове, тем более о совести претендента частенько забывали.

При выдвижении на пост первого секретаря обкома или крайкома действовали свои неписанные законы. Как правило, им становился второй секретарь, реже — председатель исполкома Совета, отраслевой секретарь того же обкома или же первый секретарь крупного горкома типа Свердловска, Харькова, Ташкента и т.п. По-иному бывало редко.

Опыт партийной работы считался обязательным. Исключения делались лишь для секретарей-идеологов, на должности которых приходили с заведования кафедрой, с поста ректора института, редактора газеты и т.п. Но крайне редко кто-либо из них избирался затем первым секретарем обкома или крайкома.

Считалось, что, поскольку партия отвечает за экономику, за жизнь страны в целом, руководителем крупного региона должен быть человек, специальность которого связана с народным хозяйством. Примечательно, что многие из первых секретарей — и по опыту работы, и по образованию — являлись аграрниками. И это была не только дань традиции (до недавнего времени с землей связывалась жизнь основной массы населения), в большинстве регионов аграрный сектор занимал преобладающее или очень важное положение. Были, впрочем, и гуманитарии, люди с педагогическим образованием.

Что касается роли первых секретарей, то ее можно сравнить разве что с положением прежних царских губернаторов. Вся полнота власти на местах практически была в их руках. Весь аппарат управления регионом, даже выборные органы они подгоняли под себя. Ни одно назна-

чение не могло пройти мимо них, любые мало-мальски руководящие должности входили в номенклатуру обкома или крайкома. Даже в тех случаях, когда предприятие или институт подчинялись союзному министерству, министр не мог обойти первого секретаря и назначить кого-либо без его ведома. Исключение составляли разве что предприятия оборонного комплекса — этого «государства в государстве». Но и там все-таки старались учесть мнение местного руководства.

В общем, первый секретарь — это своего рода феномен, ключевая фигура в системе власти. Свою должность и огромную власть он получал не от народа, не в результате альтернативных выборов, а из рук Москвы — Политбюро, Секретариата, лично Генерального секретаря ЦК КПСС. В этом была уязвимость, двойственность положения первого секретаря. Каждый прекрасно знал, что он тут же лишится и должности, и власти, как только о нем изменится мнение в указанных инстанциях, будет потеряно доверие генсека.

Окончательное решение по кандидатурам первых секретарей принадлежало именно генсеку. Брежнев сам занимался формированием их корпуса и отбирал их тщательно. Перед этим Капитонов, Черненко скрупулезно изучали досье претендента. Думаю, получали они информацию из разных источников. На этой основе формировалось предварительное мнение. Затем происходили встречи кандидата с секретарями ЦК и лишь после них — с «самим». Всю эту процедуру от начала до конца прошел и я. Как только встал вопрос об отъезде Ефремова, меня вызвали в Москву. Беседы имел поочередно с Капитоновым, Кулаковым, Кириленко, Суловым. Это был обязательный круг, через который проходили перед утверждением все первые секретари обкомов, крайкомов и республик.

Странный, если не сказать нелепый, характер носили эти встречи. Сидим, улыбаемся друг другу, ведем неспешный разговор. При этом я отлично знаю, зачем меня вызвали, но об этом никто не говорит, ибо произнести решающие слова — «мы вас рекомендуем» — мог только Брежнев.

Совсем по-другому происходила заключительная беседа с Генеральным секретарем ЦК КПСС. Брежнев, в этом я убедился и на той, и на последующих встречах, умел расположить к себе собеседника, создать обстановку непринужденности. В самом начале разговора он сказал, что ЦК рекомендует меня на пост первого секретаря крайкома.

— Ну что ж, — сказал он, — до сих пор работали чужаки, а теперь будет свой.

Потом Брежнев каким-то особо доверительным тоном стал рассказывать, как отступал в годы войны, двигаясь через Дон и Кубань к Новороссийску.

— Жара, пыль, безводье. Попить воды, утолить жажду — проблема. Тогда я обратил внимание, что люди собирают во время дождя воду с крыш в специальные емкости, — сказал он, вспоминая июль—август 1942-го.

Подтвердив правильность его наблюдений, я рассказал о Ставрополе, где все эти беды преследуют людей еще больше, нежели в донских и кубанских степях. И разговор наш вполне естественно переместился на ставропольские проблемы... Мне ясен был его нехитрый замысел — побольше слушать и через это составить мнение о собеседнике, его способностях анализировать местные и общесоюзные проблемы. Тут я рискнул использовать момент, чтобы решить один практический вопрос, о котором собирался говорить с Кулаковым. Дело в том, что 1969 год оказался на Ставрополе крайне тяжелым: сильные морозы, засуха, пыльные бури — все вместе. Погибли миллион гектаров озимых из двух миллионов посеянных, посевы многолетних трав. Зиму продержались, но надо дожить до нового урожая, а сейчас еще апрель, без помощи государства не обойтись.

— Помогите, иначе все пойдет насмарку, — взмолился я.

Он слушал внимательно, потом рассмеялся, снял трубку внутренней селекторной связи и соединился с Кулаковым.

— Слушай, Федор, — сказал он с нарочитой серьезностью, — кого же мы собираемся выдвигать на первого секретаря? Его еще не избрали, а он уже просьбы забивает, комбикорма требует.

Подобные номера, видимо, были у них уже отрепетированы, и я услышал, как в тон ему Кулаков ответил:

— Ну, так еще не поздно, Леонид Ильич, снять кандидатуру. Но независимо от этого Горбачев прав, край поддержать надо.

Далее разговор пошел на общие темы: об экономике — восьмая пятилетка сулила хорошие результаты; о внешней политике — уже вызревали идеи разрядки; о том, что с упрочением стабильности в стране уверенней и энергичней стали работать кадры. Обо всем этом Брежнев говорил подчеркнуто доверительно, будто именно со мной хотел поделиться своими сокровенными мыслями... Несколько часов мы беседовали в его кабинете на Старой площади. Мог ли я тогда подумать, что через 18 лет этот кабинет станет моим рабочим местом?

Хочу заметить, что Брежнев конца 60 — начала 70-х годов ничуть не был похож на карикатуры, которые рисуют на него ныне.

Планы развития края

На первом месте стояли на Ставрополе, конечно же, проблемы сельского хозяйства. На одном из первых заседаний бюро крайкома партии я поставил вопрос о разработке перспективного курса, который привел бы к росту специализации, внедрению промышленных технологий, ра-

дикальным изменениям в размещении сельскохозяйственного производства и в конечном счете к улучшению жизни ставропольчан.

Первым выступил заведующий сельскохозяйственным отделом крайкома Будыка.

Реакция этого толкового человека и моего друга была неожиданной. После заседания Александр упрекнул меня: надо ли было этот разговор сразу начинать с бюро крайкома.

Не поддержал меня на заседании бюро и второй секретарь Николай Жезлов, явно обиженный, что я с ним не посоветовался предварительно. Разумный выход предложил председатель исполкома Босенко:

— Знаете что, товарищи, такие вопросы требуют серьезного размышления. Я считаю, всем нам надо подумать над ними и продолжить разговор на эту тему.

Меня случившееся не обескуражило, я лучше увидел своих коллег, понял и свои тактические промахи. Потом было еще одно заседание бюро, к нему я уже изложил свои соображения в письменном виде. И развернувшаяся дискуссия закончилась согласованными решениями.

С этого эпизода и завязался процесс коллективных размышлений, совещаний и встреч с учеными, специалистами, практиками. Созданная таким путем долговременная программа развития сельского хозяйства края была осенью одобрена пленумом крайкома. Важнейшими ее элементами стали рациональное размещение сельскохозяйственных предприятий, их специализация, внедрение промышленных технологий, развитие обводнения и орошения земель, подготовка кадров, научные исследования. Почти десять лет я отдал работе по воплощению в жизнь этой программы, но и, покидая Ставрополье, видел, как много еще предстоит сделать.

Главная задача — придать устойчивость сельскому хозяйству. Ставропольский зональный научно-исследовательский сельскохозяйственный институт подсчитал, что за 100 лет — с 1870-го по 1970 год — в крае 75 лет были малоурожайными, из них 52 — засушливыми. Зона рискованного земледелия. Почти 50 процентов территории — засушливые и крайне засушливые степи. Настоящая беда нависает над югом страны, когда с востока от Астрахани начинают дуть мощные суховеи. Пройдя по всему Ставрополью, они идут далеко на запад.

Степень риска при ведении сельскохозяйственных работ была такова, что до тех пор, пока зерно не оказывалось в хранилищах, ничего предугадать было невозможно. В 1974 году ожидался большой урожай. Как раз в это время в Ставрополь приехал Кулаков для встреч с избирателями. Повезли его по степным районам, где рос главный наш хлеб. И тут же был его избирательный округ.

Ездили день, два, три. Хлеба вокруг... невиданные. Реакция Кулакова была неожиданной:

— Ну и друзья, ну и жулье! Я-то думал, вы мои воспитанники, а вы скрываете от меня хлеб!

— Почему же скрываем? — отвечал я. — Вот, показываем.

— Знаю, знаю, раздали бы тут все, — говорит Кулаков.

Уехал он в Москву, а вскоре звонит Карлов:

— Что же ты молчал? «Главный» говорит, что десять тысяч машин даст тебе на уборку. Надо с вас как следует качнуть хлеб в этом году.

Вскоре, с 29 июня по 2 июля, в Ставрополье прошли дожди, а потом установилась жара, задули суховеи. И собрали мы всего-навсего по 15 центнеров с гектара. Четыре дня свели на нет усилия года.

Проекты обводнения края появлялись и в конце прошлого — начале нынешнего века, но первые реальные шаги были предприняты лишь в 30-е годы, когда построили Терско-Кумскую систему и начали сооружение Кубань-Егорлыкского и Кубань-Калаусского оросительных каналов. В конце 1969 года оба они были переименованы в Большой Ставропольский канал (БСК), и по проекту Пятигорского филиала института «Южгипроводхоз» началось строительство его второй очереди.

Размышляя над перспективами развития края, мы подсчитали, что при существующих темпах сооружения БСК ни мы, ни наши дети не увидят зримых результатов. А ведь на майском Пленуме ЦК КПСС 1966 года, затем на июльском Пленуме 1970 года говорилось об ускорении водохозяйственных работ на Северном Кавказе. Я решил этим воспользоваться. Была подготовлена записка в ЦК КПСС, в ней обосновывалась возможность строительства канала длиной в 480 километров от Прикубанья до Калмыцких степей.

Осенью 1970-го, находясь на отдыхе в Кисловодске, познакомился с министром мелиорации и водного хозяйства СССР. Попросил его прочитать подготовленную записку и выкроить 2—3 дня для поездки по краю.

Евгений Евгеньевич Алексеевский записку прочитал, а затем пригласил спецов, задал им кучу вопросов. Но итог был таков — обещает поддержку. Посоветовал: в записке ставить вопрос не о программе на 15 лет, а на ближайшую пятилетку. В шутку сказал: «Я понимаю, вы — секретарь молодой, для вас это не срок, но для других уже недостижимый рубеж».

Теперь надо было добиваться приема у генсека. Помог случай. В Баку отмечалось 50-летие Советской власти, были приглашены гости из республик, в составе делегации РСФСР попал и я на торжества. Туда приехал и Брежнев.

На трибуне в какой-то момент у нас с Леонидом Ильичом состоялся короткий разговор, и я обратился к нему с просьбой о приеме. Назвал тему, получил согласие. Встреча состоялась в декабре, Брежнев опять слушал меня внимательно. Просмотрел все расчеты и схемы, за-

дал много вопросов и попросил оставить материалы, в том числе таблицу о засухах за последние 100 лет. Вскоре состоялось заседание Политбюро, на которое меня даже не стали приглашать, ибо сам Брежнев сделал информацию о планах строительства канала, заметив при этом, как мне передали, что «надо поддерживать новых, молодых руководителей, которые ставят вопрос крупно, по-государственному».

7 января 1971 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление об ускорении строительства Большого Ставропольского канала и оросительно-обводнительных систем. Были отпущены большие средства, стройку объявили Всесоюзной ударной комсомольской, в край двинулись десятки тысяч молодых людей, направлена необходимая техника. Особую задачу — строительство трех тоннелей — решали строители Метростроя. Темпы работ были высокими, уже в 1974 году мы праздновали первые успехи: в апреле — сбойку тоннеля под Крымгиреевскими высотами, в ноябре — пуск второй очереди БСК.

До завершения строительства канала — всех его шести очередей — было еще далеко. Но уже надо было думать и о других элементах перспективной программы, в частности о выборе оптимальной для наших мест системы земледелия. Разговор об этом на пленуме крайкома мы начали еще в ноябре 1970 года. И тогда казалось, что все обстоит достаточно ясно: используем поливные земли под пшеницу. Но было и другое предложение: разместить на поливе кормовые культуры, в частности люцерну, которая могла дать здесь за сезон до пяти урожаев. А для производства пшеницы перейти на так называемое «сухое земледелие», предполагавшее комплекс агротехнических мероприятий, основой которого было введение и грамотное использование паров. Эту позицию поддерживали и продвигали ученые Ставропольского научно-исследовательского института, который тогда возглавлял Александр Александрович Никонов, впоследствии ставший президентом Всесоюзной сельскохозяйственной академии им. В.И.Ленина.

Такого рода эксперимент проделал без всякого шума в своем колхозе Николай Терещенко. Как только орошение подошло к полям колхоза, он переместил на полив люцерну и кукурузу, а освободившуюся землю превратил в пары, доведя их до 15 процентов пахотных угодий. Результаты сказались довольно скоро. В засушливые годы, когда хлеб у всех горел, колхоз Терещенко собирал пшеницы примерно по 20 центнеров с гектара. А в более удачливые годы, когда хозяйства получали 20—25 центнеров, в колхозе Терещенко — минимум 35.

Казалось бы, все ясно, именно по такому пути мы и должны двигаться. Но стоило лишь завести разговор на этот счет, как тут же нам напомнили: это противоречит линии Центрального Комитета, в его решениях Северный Кавказ назван зоной выращивания пшеницы на оро-

шаемых землях. Возник непреодолимый по тем временам барьер, никакие аргументы в расчет не принимались. Но, как у нас говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло.

В 1975 и 1976 годах на Ставрополье вновь обрушились жесточайшие засухи. Редко случалось, чтобы засухи повторялись два года подряд, ну а чтобы оба года сопровождались еще сильными морозами и весенними пыльными бурями — такое на Ставрополье за 100 лет наблюдалось всего лишь три раза. 1975 и 1976 годы как раз вошли в это число. Особенно тяжким был 1976 год. На половине площадей посевы выгорели полностью: зерновые, кукуруза, бобовые, травы — сгорело все. В предчувствии беды крестьяне начали бросать дома, землю, переселяться в пригородные районы, в соседние республики. Встал вопрос о прекращении деятельности 127 колхозов, а это в крае — каждый третий.

29 мая я вылетал из Ставрополя в Арзгирский район — в зону засухи. Там я должен был встретиться с руководителями колхозов и совхозов. Летел с Тарановым на «кукурузнике» (АНТ-12) совсем низко над землей, и на протяжении почти всех трехсот километров под нами расстилались выгоревшие поля. Лишь там, где были какие-то локальные источники влаги, ярко зеленели небольшие оазисы, а вокруг и дальше до горизонта — сплошная чернота.

Тяжелые мысли не покидали меня. Что сказать людям? Степняки — народ особый, закаленный и прямой в суждениях. Не случайно из этих мест выходило много крепких руководителей: уж если здесь человек добивался успеха, ему можно было поручать любую работу. После приземления отправились на встречу в Дом культуры. Вошли в зал. Люди испытующе смотрели на нас.

Незадолго до этого состоялся тяжелый разговор с заместителем министра сельского хозяйства РСФСР Калининым. Был он из наших, ставропольских, до министерского кресла возглавлял краевое сельскохозяйственное управление. Не знаю, чем он руководствовался, возможно, желанием снять с себя ответственность, но после поездки в районы засухи явно запаниковал, твердил одно и то же — надо срочно сбрасывать поголовье скота.

Сидевший в кабинете мой друг — заместитель председателя крайисполкома Георгий Старшиков, малоразговорчивый, но весьма содержательный и решительный человек, моряк-фронтовик, вскипел:

— Юрий Петрович, ты что паникуешь? Приехал помогать или пугать? Нам и без тебя здесь тошно. Мы отвечаем за все и все берем на себя.

Калинин обиделся, уехал и соответственно доложил в ЦК. На следующий день звонит мне Карлов. Человек он был выдержанный, панике не поддавался, но и у него волнение в голосе:

— Слушай, Михаил Сергеевич, Калинин в растерянности. Считает, что вы недооцениваете ситуацию. По-моему, и Кулакова завел. Так что жди звонка.

Действительно, вскоре позвонил Федор Давыдович:

— О чем вы там думаете, Михаил?.. — раздраженно начал он.

В эти дни, когда работать приходилось буквально круглые сутки, нервы были напряжены до предела. Поэтому, чтобы не сорваться, никак не реагируя на тон разговора, я ответил подчеркнуто спокойно:

— Все, что мы делаем, обдумано, и обдумано серьезно. Пока еще июнь, лето впереди. Запас времени, хоть и небольшой, есть. Если сейчас перебить скот и овец, придется закрывать около одной трети колхозов и совхозов. Те, кто уходит, бросают все, покупают дома в пригородных зонах. Потребуется десятки лет, чтобы восстановить брошенные хозяйства. Я намерен действовать, чтобы это не произошло.

Кулаков долго молчал, потом сказал:

— Если ты уверен, бери всю ответственность на себя. Но смотри...

Федор Давыдович повесил трубку. Не знаю, почему так остро и болезненно реагировал на мои доводы Кулаков. Грешным делом я подумал, его недовольство объясняется тем, что в аналогичной ситуации в 1975 году он действовал в стране так, как предлагал Калинин, — пошел на сброс нескольких миллионов свиней.

Словом, внутренне я принял решение, его разделили мои ближайшие соратники. Это и определило содержание моего выступления в Арзгире.

— Вы сами знаете, — сказал я, — беда тяжелейшая. Но мы родились, выросли на этой земле, знаем ее капризы-сюрпризы, и хватит об этом, тут нам с вами все ясно. На одной половине территории края посева выгорели, но на остальной — обстановка нормальная. Вот и давайте думать, как сохранить хозяйство, спасти скот.

В зале одобрительно зашумели...

— Часть скота, особенно мясного, перегоним на горные пастбища. Там откормим и забьем. А на заготовку кормов немедленно поднимем население края — всех без исключения. Выделим для степняков площади кормовых в благополучной зоне. Поступим иначе — все погубим. В общем, за нами край. Уверен, и страна поможет...

Корм собирали в оврагах и лесополосах, в придорожных канавах и городских газонах, в соседних регионах. В эту всеобщую кампанию включались даже отдыхающие, прибывшие в санатории. Заготовленные корма отправляли в зону засухи. Я срочно вылетел в Москву, рассказал все Кулакову, потом пошел к Брежневу. Еще до нового урожая центр оказал ставропольцам срочную помощь, выделив 60 тысяч тонн концентрированных кормов. Не меньшей бедой стал недостаток воды,

прежде всего для населения, но также и для животных. Оставалось одно — завозить из другой части края. И это было сделано: на два месяца в городах исчезли водовозы, поливочные машины.

А вскоре дожди пошли. Быстро посеяли поздние травы, кукурузу на «зеленку». Проблема грубых и сочных кормов была решена. В конце года хозяйствам, попавшим в засуху, из государственных ресурсов выделили 700 тысяч тонн зернофуража. Край был спасен.

Летом 1976 года я окончательно утвердился в мнении, что без паров проблему устойчивых урожаев не решить. Убедил опять-таки опыт Терещенко и его последователей: у них пшеница и в это лето, хоть и частично, но выстояла. В августе я подготовил записку в Политбюро с обоснованием перехода в специфических условиях Ставропольского края к системе «сухого земледелия». Поехал с ней к Кулакову, хотя знал его как яркого противника паров: он ведь родился и большую часть своей жизни прожил в Курской, Пензенской областях. Но мы поставили вопрос так — пусть планы заготовок зерна остаются теми же, дайте право самим работникам сельского хозяйства решать, как работать на земле. Кулакова особенно смущало сокращение площадей под зерновыми.

— Показатели по площадям, — убеждал я его, — ни о чем не говорят. Вот посмотрите: мы сеем озимую пшеницу почти на двух миллионах гектаров, в том числе на 250 тысячах после уборки кукурузы и подсолнечника, — поздно. Всходы слабые, при первых же морозах погибают. То, что мы предлагаем, уже опробовано многими колхозами края. Скажу больше: некоторые колхозы и совхозы отчитываются, что посеяли озимые, но на самом деле это неправда: не хотят расходовать ресурсы, труд людей.

— Если сам хочешь рисковать, — сказал он в заключение, — выходи на Леонида Ильича. Даст он «добро», я возражать не буду.

Брежнев в этот момент отдыхал в Крыму. Туда я и направил ему свою записку.

Проходит день, два... На третьи сутки ночью звонок из крайкома:

— Михаил Сергеевич, очень важная шифротелеграмма.

Поехал. Оказалось совсем не то, даже наоборот: всем секретарям обкомов и крайкомов направлялась записка группы академиков ВАСХНИЛ, которые считали, что сложились благоприятные условия для расширения посевов озимых. А я послал Брежневу записку о сокращении! Конечно, рождение записки академиков не обошлось без участия Кулакова.

Проходит еще день, два. Наконец звонок от Брежнева:

— Прочитал я твою записку, Михаил Сергеевич. Думал над ней, советовался. И знаешь, вспомнил опять Казахстан. Мне Терентий Мальцев говорил тогда, что без паров не обойтись. Так что делай, я тебя поддержу.

Я понимал, что эти несколько фраз дались Леониду Ильичу после больших сомнений — слишком сильны были предубеждения против паров. Позднее узнал: как раз в это время в Крыму отдыхал Сергей Манякин, секретарь Омского обкома партии. Он родом из Арзгирского района нашего края, чуть ли не каждый день гулял с помощниками генсека и, когда его спросили о парах, ответил: прав Горбачев. Вот так иной раз решались жизненные вопросы.

Полетел я снова в Москву. Вместе с Кулаковым составили проект решения Политбюро и правительства о введении системы сухого земледелия в Ставропольском крае. Вскоре оно было принято. Впрочем, как не раз бывало и с другими постановлениями по сельскому хозяйству, его сразу же попытались заблокировать. Первыми «бдительность» проявили аппаратчики Российского Совета Министров. А скоро, чем я был удивлен до крайности, последовало постановление Политбюро... о дальнейшем расширении посевов зерновых во всех регионах страны. Но тогда я решил не отступать ни перед каким давлением. И устояли.

На следующий, 1977 год урожай был хороший и получили мы его не в последнюю очередь благодаря положительному воздействию паров и «ипатовскому методу», позволившему проводить уборку в сжатые сроки. А в 1978 году вообще небывалый урожай — по две тонны на каждого жителя Ставрополя. Зарубцовывались раны, нанесенные засухой, восстанавливалось утраченное. Даже те, кто уехал поближе к городам, стали возвращаться в родные места. И было это уже не результатом аврала или стечения обстоятельств, а естественным итогом наших нововведений.

Ставрополье — край тонкорунного овцеводства. Овцы содержались практически во всех хозяйствах. Два с половиной миллиона из них размещались на «черных землях» Калмыкии — зимних пастбищах. И речь шла не только о производстве шерсти и мяса, в крае занимались выведением новых пород. Время перемен и здесь пришло. Возможности экстенсивного развития овцеводства оказались исчерпаны. Современный крестьянин предпочитает иметь дело с новыми технологиями. В повестку дня встала интенсификация отрасли.

Став первым секретарем крайкома, я занялся и этой проблемой. Снова должен был со своими коллегами убеждать центр в необходимости инвестиций в овцеводство края. Пришлось прошагать немало километров по московским коридорам власти, доказывая очевидное. Конечным результатом стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии и укреплении материально-технической базы племенного тонкорунного овцеводства в Ставропольском крае». А за постановлением последовала трудная и необычная работа. Ведь на овцеводство смотрели как на отрасль, где все решается само собой: выпустил овец на пастбища, и вся забота. Обманчивое представление! Кто-то правильно сказал: занятие овцеводством требу-

ет профессорской эрудиции. И в этом нам пришлось еще раз убедиться.

Кажется, действовали осторожно, много лет экспериментировали, искали технологические решения, которые учитывали бы особенности отрасли, районов края и, конечно, специфику труда овцеводов. Но как только мы начали переводить маточные отары с пастбищ в механизированные овцекомплексы, а молодняк — на большие механизированные откормочные площади, почувствовали неладное. Оказалось, концентрация овец имеет свои пределы, без пастбищ не обойтись, и уж как минимум овцы большую часть времени должны находиться на воздухе и в движении. Не только это. Овцы, когда они на пастбищах, сами находят для себя лечебные травы. А на стойле — где их взять?! Пошли болезни, увеличился падеж. В общем, старая отрасль преподнесла нам суровый урок, результаты ухудшились. Нам стало ясно, что ошиблись. Хорошо еще, что опомнились, поняли свои ошибки в начале пути. Надо было быстро скорректировать планы. Удалось найти оптимальные типы овцеводческих комплексов, занялись организацией культурных пастбищ, выращиванием люцерны на орошаемых землях, производством качественного сена. Но, пожалуй, решающее значение имело налаживание племенной работы.

К концу 70-х годов удалось изменить ситуацию по развитию овцеводства к лучшему. За пределы края уже продавалось несколько сот тысяч голов племенных овец. Элитные животные продавались в Индию, страны социалистического содружества, арабские и азиатские страны. Это приносило хорошие доходы. Больше стали настригать шерсти, да и качество ее значительно повысилось, овцеводство стало прибыльным.

Продвигалось строительство Большого Ставропольского канала. В августе 1978 года тоннельный отряд московского Метростроя, возглавляемый Владимиром Николаевичем Осидаком, завершив проходку семикилометрового тоннеля у села Александровского, открыл путь водам Кубани в восточноставропольские степи. Вода пришла в села, на поля, фермы. И так уж получилось, что, пойдя против решений центра об использовании поливных земель исключительно для посевов пшеницы, мы создали свою достаточно эффективную систему. Благодаря парам урожай зерна в крае даже в засушливые годы стал более или менее стабильным — сначала около 5 миллионов тонн, потом и больше. Устойчивыми стали урожаи кормовых культур на орошении — до 80 центнеров кормовых единиц с гектара — самый высокий показатель в России*.

* В советской зоотехнике кормовая единица была равнозначной по питательности 1 килограмму овса.

Что нас еще донимало, так это мясное дело. Ставрополье было основательно нагружено планами поставок мясопродуктов в другие регионы. А в те годы ситуация на рынке продуктов животноводства обострилась до крайности, причем бедствовали не только индустриальные центры, но и такие районы, как Кубань, Дон, Ставрополье, сами крупные производители и поставщики товарного зерна, мяса, молока, овощей, фруктов. Наш край в те годы отправлял за свои пределы 75 процентов заготовленного мяса, краснодарцы — 80, ростовчане — 56. Планы были таковы, что для их выполнения использовался и скот, купленный в личных подсобных хозяйствах. Все шло подчистую — контроль был жестким и постоянным. Снабжение же мясными продуктами в крае становилось хуже и хуже. Все чаще в поездках по городам и селам приходилось объясняться с людьми на этот счет. На Невинномысском химическом комбинате рабочие обвинили меня в том, что я, выслуживаясь перед ЦК, все отправляю в другие районы страны, забывая о своей ответственности перед жителями Ставрополья.

Недовольство жителей края начало приобретать острые формы. Обдумав ситуацию, я решил написать записку в ЦК КПСС — поставил вопрос об упорядочении распределения продовольственных ресурсов. То же сделали кубанцы. Секретариат ЦК под председательством Суслова обсудил обе записки, призвал Совмин РСФСР рассмотреть сложившуюся ситуацию. В беседе с М.С.Соломенцевым мне было сказано: «Ваши просьбы обоснованны, но правительство России ничем помочь не может». Круг замкнулся.

Надо было что-то делать самим. Родилась идея — создать за 1,5—2 года новые мощности в птицепроме, сконцентрировав все птицеводство в 28 крупных хозяйствах. Переложить часть плановых заготовок на птицепром. А то, что заготавливается в личных подсобных хозяйствах, направить через кооперацию на снабжение населения края. Тогда я решил встретиться с Н.Ф.Васильевым — заместителем Председателя СМ РСФСР. Он ведал аграрными делами и был на всю страну известен как яростный приверженец строительства животноводческих комплексов. Мой расчет был такой — получить одобрение программы развития птицеводства, а корма придут вслед, поскольку птицепром — прерогатива России. Что это, хитрый маневр? Возможно. Но я не входил в конфликт со своей совестью, поскольку Ставрополье поставляло государству в больших количествах зерно.

Васильев горячо поддержал эту инициативу, и за два года на Ставрополье программа была осуществлена. Своими решениями крайком приостановил практически все производственное строительство в колхозах и совхозах, мощности строительных организаций были использованы на сооружении птицеводческих комплексов. Города края также были привлечены. К моему отъезду в Москву производство мяса пти-

цы увеличилось с 11 до 44 тысяч тонн. Одновременно начала осуществляться программа поддержки личных подсобных хозяйств, создания садово-огороднических кооперативов вокруг городов. Производимая ими продукция пошла населению края. И обстановка разрядилась, причем на много лет.

В те годы пришлось основательно заниматься индустриализацией края, развитием городов и райцентров. Ставрополье становилось регионом электронной, электротехнической, химической, цементной промышленности и машиностроения. Строительство новых электростанций и реконструкция старых избавили край от постоянного дефицита энергии, а позже она потекла в соседние области. И еще — газификация населенных пунктов, строительство дорог, соединивших не только города, райцентры, но и большинство сел между собой. Была завершена программа модернизации легкой и пищевой промышленности.

Производственное строительство обострило социальную сферу, хотя и создало новые возможности. Если на начальном этапе развития промышленности эти проблемы отодвигались на второй план, то со временем им стал отдаваться приоритет. На Ставрополье потянулись просители из министерств и ведомств о строительстве новых предприятий, расширении действующих, а мы со своей стороны ужесточили требования с акцентом на социальные вопросы. В решение социальных проблем села втягивались колхозы. Появилась необходимость в целевых программах, к разработке которых были подключены научные силы Ставрополья. Правда, их оказалось недостаточно. И тогда мы наладили сотрудничество с научными центрами столицы. Это поднимало весь уровень работы, делало нашу региональную политику более обоснованной, избавляло от просчетов в работе.

На Ставрополье расположены уникальные курорты Кавказских Минеральных Вод — старейшие в стране, пользующиеся заслуженной славой. К этому надо добавить туристические базы Карачаево-Черкессии, куда зимой и летом приезжают сотни тысяч людей. Это то, чем всегда гордились ставропольчане, но с этим всегда было и много хлопот: принять, обслужить два с половиной миллиона человек, приезжающих по путевкам, и в два раза больше — самостоятельно, как у нас говорили, «диким образом», дело непростое. Курорты лихорадило. Мало того, что они не удовлетворяли огромный спрос на услуги и курортная база нуждалась в расширении. При поддержке Косыгина, Мазурова, ВЦСПС стало возможным принятие крупных решений по реконструкции курортов Кавказских Минеральных Вод. Их выполнение значительно изменило облик городов, уровень благоустройства, а за этим последовала настоящая «курортная лихорадка». Как грибы стали расти новые санатории, кемпинги, туристические базы, начала формироваться современная инфраструктура. Была осуществлена дорогостоя-

щая реконструкция Минераловодского аэропорта, ставшего одним из крупных аэропортов страны.

Пишу я все это, а сам думаю — не надоел ли читателю производственными подробностями: урожаи, засухи, орошение, дороги, курорты и так далее. Бесконечные планы, разработки, пленумы, записки в ЦК, «обхаживание» высокого начальства, схватки с ретроgrадами...

Были, наверное, и на «губернаторских постах» люди, ухитрившиеся жить по-барски, передоверяя все подчиненным. Но, насколько я знаю, большинство «первых» трудились каторжно и быстро изнашивались на этой ответственной работе, требовавшей огромного напряжения и нервоотдачи.

Уже тогда меня все чаще посещали мысли: разумно ли такое устройство, если чуть ли не все зависит от «хозяина», его пробивной силы, изворотливости? Почему всякое начинание, вроде бы всецело отвечающее общественным интересам, встречается с подозрительностью, а то и принимается сразу в штыки? Чем объяснить, что система так мало восприимчива к обновлению, отторгает новаторов?

Бродили в голове и другие «бунтарские мысли». Но серьезно размышлять над всем этим было недосуг. Денно и ночью трудился я над тем, чтобы реализовать свои замыслы, задать другую динамику развитию края. Главное — создать предпосылки на будущее. От моих действий многое зависело, но замыслы остались бы благими пожеланиями, действуй я в одиночку.

Дать шанс

Мой подход в работе с кадрами — дать всем шанс проявить себя — оправдался. Одни действительно смогли реализовать свои способности, другие, почувствовав, что новые задачи им не по плечу, попросили о переходе на другую работу или ушли на пенсию. Не ручаюсь за каждый случай — обновление кадров захватило все сферы жизни края, но, мне кажется, произошло оно быстро и без особого драматизма.

С секретарями крайкома мои взаимоотношения строились на правиле: согласование по принципиальным вопросам, в остальном — полная самостоятельность. Контроль — за мной. Может показаться, настоящая вольница. Но только на первый взгляд. А на деле сразу проясняется, кто чего стоит.

Секретари это поняли, каждый из них скоро почувствовал свою роль и ответственность. Только Жезлов принял этот принцип за возможность использовать свое положение как заблагорассудится, действовал по-старому. До меня стал доходить ропот со всех концов. Пришлось объясниться. Мои беседы он воспринимал болезненно, продолжал катиться по наклонной: пьянки, охота, рыбалка. Пришлось его освободить и отправить на пенсию. На смену пришел 40-летний Виктор Казначеев.

В новой обстановке трудно было и Ивану Лихоте: обхаживания Кулакова и Ефремова, дававшие ему какие-то дивиденды, по отношению ко мне результатов не имели. Да и молодые кадры подпирали. Он это понимал, сам попросился на пенсию. Его заменил выпускник Академии общественных наук при ЦК КПСС Коробейников Анатолий, на 15 лет моложе своего предшественника.

По традиции, которой следовали во всех областях, я входил в состав краевого исполнительного комитета, избираемого на сессии крайсовета открытым голосованием. Отнюдь не этим, однако, определялось влияние первого секретаря по отношению к Советам, а тем, что все назначения в Советах осуществлялись с согласия крайкома партии. Простой и всеохватывающий механизм той системы.

Первые месяцы работы показали, что не обойтись без серьезного обновления первых секретарей горкомов и райкомов партии. Я не стал ждать новых выборов в краевой парторганизации. Не скажу, что это проходило просто, поначалу сказывалось на делах, но потом с лихвой окупилось. Секретари партийных комитетов разделили со мной трудности поисков, многие стали для меня не только опорой в делах, но и по-человечески близкими людьми.

Во всей партийной иерархии должность первого секретаря горкома и райкома наиболее трудная и ответственная. Она требует от человека быть политиком и практиком, духовным наставником и организатором, компетентным хозяйственником и тактиком, если хотите — стратегом, хотя и районного масштаба. Самое удивительное, что главному — психологии общения, умению работать с людьми — вообще нигде никого не учили. Приходилось рассчитывать лишь на природные человеческие качества руководителя, на понимание того, что люди гораздо больше и лучше сделают не по приказу и принуждению, а, во-первых, по интересу и, во-вторых, если с ними обращаются по-человечески. Секретарь райкома должен был обладать целой гаммой достоинств. Найти таких людей достаточно трудно. Вот почему подходящих кандидатов я продвинул на должность первых секретарей райкомов, прибегая к кооптации. Получал замечания от ЦК КПСС, но это не останавливало меня. Ведь речь шла о людях, позарез нужных делу.

На должность первого секретаря райкома Виктор Владимирович Калягин, кандидат ветеринарных наук, пришел с поста директора овцеводческого совхоза, а Яков Иванович Чумачев — председателя крупного колхоза. Георгий Савельевич Хуртаев и Иван Петрович Кошель были до этого начальниками районных сельхозуправлений, а Иван Антонович Толстой — председателем райисполкома. Каждый из них являл собой ярко выраженную индивидуальность, со своим характером, стилем и методами работы.

Калягин, руководивший Ипатовским райкомом, был человеком знающим, интересным, с большим организаторским талантом. Он умел

не только воодушевить людей, но и крепко нажать. В нем часто прорывался администратор, и ему пришлось немало поработать над собой, чтобы избавиться от «директорского стиля». А вот сила Якова Чумачева была в том, что он давал возможность людям проявить самостоятельность. Дела вел мягко, без нажима. Иным талантом руководства людьми обладал Иван Кошель. Я знал его по работе в крайкоме комсомола и до сих пор помню его спокойный, тихий голос, наши беседы.

Он встал во главе трудного Апанасенковского района, граничащего с Калмыкией и Ипатовским районом, и было интересно наблюдать, как по-разному Калягин и Кошель добивались высоких результатов. Виктор — за счет темперамента, размаха, напористости. У Ивана все выглядело спокойней, он двигался к цели шаг за шагом, действуя основательно, без внешних эффектов. Что самое важное — с приходом этих образованных и уже опытных людей утвердился и новый стиль руководящей, управленческой работы, новые приоритеты. С их именами связана реализация обширных программ социального развития степных районов.

Это были новые, молодые секретари. Но и среди старых встречались прекрасные организаторы, преданные делу без каких-либо карьерных замашек. Пожалуй, наиболее интересным среди них с чисто человеческой точки зрения был Григорий Кириллович Горлов. Участник войны, политрук, попал в окружение, был тяжело ранен. Лежал под танком, отстреливался, приберегая для себя последний патрон, чтобы не попасть в плен. Потерял сознание и уже не помнил, как подобрали свои, как в госпитале отрезали ногу.

Исключительно порядочный, мужественный человек и неутомимый труженик. Избрали его первым секретарем Изобильненского райкома — это неподалеку от Ставрополя. Район запущенный, тяжелый. Пыльные бури и эрозия почв доконали местные колхозы и совхозы. Горлов буквально поставил район на ноги. Вы только представьте: на протезе, с палочкой по бескрайним полям и оврагам! В 1973 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Калягин, Чумачев, Горлов — секретари сельских районных организаций. Одновременно с ними новые люди приходили в городские комитеты партии, в аппарат крайкома. По общему стилю поведения, культуре, крепкому базовому образованию и даже внешнему облику они как бы представляли новое поколение, улавливавшее импульсы времени.

Одним из первых моих «выдвиженцев» стал Всеволод Серафимович Мураховский. Сначала мы с ним работали в комсомоле, потом стали осваивать партийную работу. Мураховский возглавлял Кисловодский и Ставропольский горкомы, Карачаево-Черкесский обком партии, где более всего проявились его способности. У меня были все ос-

нования рекомендовать его секретарем крайкома в связи с моим избранием секретарем ЦК.

После отъезда Мураховского в Москву его сменил на посту первого секретаря крайкома Иван Сергеевич Болдырев. Родом он из кубанских казаков. Познакомился я с ним еще в 1956 году во время командировки в Новоалександровский район после XX съезда КПСС. Было ему тогда 19 лет, и работал он вторым секретарем райкома комсомола. Ну а после окончания финансово-экономического института и партшколы Болдырев вернулся в краевую парторганизацию, в 1978 году по моему предложению был избран секретарем крайкома. Человек больших способностей и сильного характера, он трудно пережил распад Союза. Политику российского руководства не принял, не пошел на сделку с совестью, как это сделали некоторые из моих земляков, ушел на пенсию. Ему и сейчас не дают покоя — как же, «остался на стороне Горбачева». Недавно узнал, что Иван Сергеевич тяжело болен, мы с Раисой Максимовной предприняли что могли. Кажется, беда отступила.

А вот с другим моим «выдвиженцем» Вениамином Георгиевичем Афониным пути наши на определенном этапе разошлись. На должность секретаря горкома он пришел с химкомбината. Трудным было вхождение Афонины в новую роль, действовал на новом месте как слон в посудной лавке. Но со временем Афонин нашел себя, много хорошего сделал для города и жителей. Когда его взяли в аппарат ЦК заведующим отделом, а потом избрали первым секретарем Куйбышевского обкома партии, я воспринимал это как признание его способностей. Жаль, что с разворотом перестройки стал он одним из ярых защитников старой системы.

В моих реформаторских делах на Ставрополье неоценимую помощь я получил от Владимира Ильича Калашникова. Это человек разносторонних знаний и интересов. Я выдвинул его секретарем крайкома по сельскому хозяйству. Затем он стал министром мелиорации и водного хозяйства РСФСР, а в 1984 году — первым секретарем Волгоградского обкома КПСС. Дела у него шли неплохо, потом возникли осложнения, и ему пришлось уйти с этого поста. Калашников имел свой взгляд на реформы, но я не считал это уж такой бедой. А как-то смотрю телевизор — сидит среди фундаменталистской коммунистической братии.

В секретарском корпусе

Моя работа в крае была тесно связана не только с центром, но и с другими регионами страны. Налаживание контактов я начал со своих ближайших соседей, в первую очередь — секретаря Краснодарского крайкома Григория Сергеевича Золотухина. Познакомились мы в 1969 году, когда он вместе с госкомиссией приехал

на Ставрополье для оценки ситуации, сложившейся после заморозков, засухи и пыльных бурь. На первый взгляд Золотухин производил впечатление не слишком симпатичное: невысокий рост, квадратное, будто рубленное топором, лицо, подчеркнутая резкость в суждениях и выражениях.

Но уже с первого знакомства за всем этим почувствовал я крупную, самостоятельную, в определенном смысле цельную личность. Это был прежде всего человек действия, причем действия, основанного не на тупой исполнительности, а на твердом убеждении, что все, что он делает, действительно необходимо партии и людям. Более десяти лет Золотухин работал первым секретарем Тамбовского обкома КПСС, а в 1966 году был переведен в Краснодарский край. Вскоре стала доходить до нас информация, что взялся он за дело круто. Надо сказать, кадры на Кубани, во всяком случае, немалая их часть, были не то что избалованны, а просто распущенны. Своей строгостью, высокой требовательностью, личным аскетизмом и скромностью Золотухин сумел быстро навести порядок в этом огромном крае.

После своего избрания я позвонил ему и напросился в гости, посмотреть своими глазами, как он решает схожие задачи. Золотухин встретил меня сердечно, отложил все дела и колесил со мной по краю несколько дней. Постепенно наши отношения из партнерских переросли в дружеские. Был он на 20 лет старше, но никогда не становился в позу ментора, поучающего «мальчишку».

— Ну, что молодая голова думает? Как ты это понимаешь и что делать будем? — часто спрашивал меня Золотухин.

Установил я тесные связи с другим моим соседом — Иваном Афанасьевичем Бондаренко, который после Соломенцева с 1966 года возглавлял Ростовский обком КПСС. Особенно близких отношений у нас с Бондаренко не сложилось, но нам удалось наладить плодотворные контакты в Северо-Кавказском треугольнике: Ставрополь — Ростов — Краснодар. А этот треугольник занимал важное место в стране и в промышленном производстве, и в прямых поставках Москве, Ленинграду, другим крупным городам хлеба, мяса, молока, фруктов, овощей. Если к этому добавить и крупнейшие всесоюзные курорты Северного Кавказа, легко понять, почему наш треугольник был всегда на виду.

Что такое хороший сосед и сколь многое зависит от того, кто возглавлял соседний край, я особенно понял позднее, когда в 1973 году Золотухина перевели в Москву министром заготовок СССР, а вместо него первым секретарем Краснодарского обкома избрали Сергея Федоровича Медунова.

Наш «равносторонний треугольник» стал разваливаться буквально на глазах. Регулярные телефонные звонки продолжались, но теперь,

когда звонил Медунов, он не жалел самых резких слов в адрес ростовчан, а когда раздавался звонок от Бондаренко, наоборот, вдоволь доставалось краснодарцам. Иными словами, сотрудничество постепенно замещалось соперничеством, а затем и завистливой ревностью, дипломатическим прикрытием которой служили казенные слова о соревновании и состязательности.

Сразу же хочу сказать, что подобные отношения порождались отнюдь не заботой о людях своего региона, были замешены лишь на амбициях и самых низменных чувствах. В этой связи вспоминается, может быть, и грубое, но довольно точное и откровенное изложение подобной «философии» одним председателем колхоза, который однажды сказал мне:

— Знаете, Михаил Сергеевич, мы все, конечно, ленинцы, но все-таки приятно, когда у соседа дела идут хоть немного хуже.

При Медунове стали реанимироваться и особые, я бы назвал их кубанско-местнические, настроения, с которыми Золотухин боролся довольно успешно. Любовь к своему краю — святое чувство. Иное дело — игра на нем, культивирование мысли о том, что кубанцы — люди особого склада, имеющие не только особые заслуги, но и особые права и преимущества по сравнению с другими. И хотя честным, способным, умеющим работать кубанцам все это не прививалось, в среде тамошних руководящих кадров вирус местничества, а у части и зазнайства находил благодатную почву.

Пройдут годы, и, когда придут трудные времена, станет очевидным, что подобного рода настроения не столь уж безобидны. Местничество, стремление любыми средствами сохранить свою власть, которые проявят и старые и новые региональные лидеры, переплетаясь с национализмом и сепаратизмом, явятся одним из факторов распада страны.

Но все это было еще впереди. А тогда, в 1970 году, Золотухин взял на себя инициативу моего «представления» наиболее влиятельным, или, как их иногда называли, ведущим руководителям районов, которое должно было означать неформальный процесс моего вхождения в «корпус первых секретарей». Делал он это, очевидно, с добрыми намерениями. А может быть, и по их просьбе. Не знаю. В середине июля состоялась сессия Верховного Совета СССР. При размещении секретарей, как я уже говорил, действовали неписаные, но четко соблюдаемые правила. Селились они в гостинице «Москва». Обычно первому секретарю полагался одноместный номер, а за «ведущими» закрепляли люксы. В один из таких люксов мы и пришли с Золотухиным. Не знаю, так было спланировано или мы просто опоздали, но по всему было видно, что присутствовавшие там оренбургский секретарь Александр Власович Коваленко, саратовский — Алексей Иванович Шibaев, ал-

тайский — Александр Васильевич Георгиев, кажется, ростовский — Иван Афанасьевич Бондаренко и сахалинский — Павел Артемович Леонов провели за столом изрядное время. Все они находились в достаточно разгоряченном состоянии, говорили громко и одновременно, как обычно, не очень слушая друг друга.

В КПСС были «особые» каналы информации, и все прекрасно знали о существовании замкнутых влиятельных групп. Была и своего рода «группа быстрого реагирования», пользовавшаяся особым доверием генсека. В нее входили волгоградский секретарь Куличенко, саратовский — Шibaев, тульский — Юнак, краснодарский — Медунов, кустанайский — Бородин, алтайский — Георгиев, оренбургский — Коваленко, сахалинский — Леонов. В большинстве своем все эти люди были тесно связаны с Кулаковым. Всякий раз, когда Брежнев нуждался в поддержке или затевалась какая-то интрига, «группа быстрого реагирования» немедленно включалась в дело. Ей отдавалось явное преимущество в прениях на пленумах и съездах партии. И если из их уст раздавалась критика правительства или вносилось какое-либо предложение, все понимали, откуда они исходят и в чьих интересах это делается.

Как только мы с Золотухиным вошли в люкс, я сразу понял, к кому и куда попал. Знакомство, как во времена Петра Первого, началось с того, что мне дали большой фужер, до краев наполненный водкой, и таким образом предложили присоединиться к общему застолью. Я немного отпил и поставил фужер на стол, чем вызвал всеобщую настороженность.

— Это что ж такое? — не скрывая неудовольствия, спросил Коваленко.

— А у меня своя система, — ответил я. — Постепенно, но неуклонно.

Все рассмеялись шутке и как-то сразу успокоились. А между тем вся моя «система» как раз была очень проста — я не испытывал к зелью особого влечения. Хотя под настроение иной раз и мог выпить не меньше других.

Разговор за столом возобновился, и первый вопрос, который был задан мне буквально в лоб: «Как у тебя складывается с Леонидом Ильичом?» Для присутствовавших это, видимо, было главным критерием доверия. Я рассказал о звонке Брежнева 1 мая, о содержании разговора с ним, и последние следы настороженности у собеседников исчезли.

Поднятыми бокалами приветствовали меня в своем кругу как самого молодого первого секретаря обкома в стране. Ну а дальше пошел разговор о правительстве, вернее — о Косыгине, и о Верховном Совете, то есть о Подгорном. Тем самым, наверное, возобновился прерванный моим появлением разговор. Это было время, я бы сказал, «похо-

рон» «косыгинской реформы», и в окружении Брежнева критика правительства всячески поощрялась.

В секретарском полку были люди и другого плана. Заметно выделялись П.М.Машеров, В.И.Воротников и Е.К.Лигачев. Их отличал энергичный, живой стиль руководства, да и не слишком распространённое в те времена стремление искать новые, нетрадиционные формы партийной работы. Ну а что произошло с ними, со всеми нами позднее — речь пойдет в последующих главах.

Периодически Брежнев проводил в своем кабинете встречи с первыми секретарями обкомов. Иногда они затягивались на несколько часов. Но со временем эти встречи становились все реже и реже, да и содержание их становилось другим — Брежнев угасал на глазах.

В условиях командной экономики

В те годы пришлось лицом к лицу столкнуться с системой принятия решений в условиях командной экономики и бюрократически централизованного государства. Едва ли не по любому вопросу надо было идти в Госплан, заручаться согласием десятков министерств и ведомств, сотен должностных лиц. Бесконечные командировки в столицу, уговоры, брань с управленцами, когда обращение чиновников принимало хамские формы и нервы просто сдавали. Мало ли что приходилось делать, чтобы ублажить московских чинуш. Страна ходяков и толкачей, хотя, казалось бы, в рамках плановой системы все должно было делаться разумно.

Да можно ли назвать ее плановой системой? Сложившаяся сверхцентрализованная система, пытавшаяся распоряжаться всем из центра в огромном государстве, сковывала жизненную энергию общества, а малейшие отклонения и попытки выйти за ее рамки решительно пресекались.

После войны начали развиваться промышленные кооперативы, особенно полезные там, где государственные предприятия мало что делали, — в мелком производстве, услугах населению, коммунальном хозяйстве. Многие изделия промкооперации пошли и на экспорт. Но именно эту подвижность, гибкость, относительную (!) хозяйственную и финансовую самостоятельность не захотела принять система, промкооперация была ликвидирована решением союзного центра.

На памяти у многих людей печально закончившийся эксперимент с применением аккордно-премиальной оплаты труда в целинных областях Казахстана в начале 60-х годов. Как ни старались журналисты «Комсомольской правды», общественные круги поддержать новшество и защитить пионеров (громкое «дело Худякова»), часть из них угодила в места заключения. Долго потом никто не осмеливался повторить этот опыт. Та же судьба постигла эксперимент на Щекинском хи-

мическом комбинате. Министерство не потерпело попытки расширить права предприятия и задушило эту инициативу в зародыше.

Подобные факты отторжения системой всяких новаций я расценивал как симптом затяжной болезни нашей экономики, требующей безотлагательного лечения. А наверху? В высших эшелонах власти и управления многие думали так же, но не хотели рисковать. С размышлений над «проклятыми» вопросами начинается второй период в моей работе первым секретарем крайкома партии. Поначалу я был склонен считать, что огромные затраты не приносят ожидаемого эффекта из-за нерадивости и некомпетентности кадров, несовершенства каких-то управленческих структур, пробелов в законодательстве. И свидетельств в пользу этого было предостаточно. Но постепенно у меня вызревало убеждение, что дело не сводится к этим факторам, причины низкой эффективности лежат глубже.

К тому времени в стране сложилась своеобразная ситуация: реальное положение все более ухудшается, а верхи декларируют о достижениях. Центр ожидал с мест соответствующей информации, быстрых, ошеломляющих результатов. Ну а раз есть спрос — будет и предложение. В начале каждого года обкомы партии проталкивали в центральную прессу обязательства трудовых коллективов своего региона. Обязательства декларировались, и о них забывали — и в центре, и те, кто их принимал. В героях ходили бойкие люди. На тех, кто корпит, посматривали с жалостью: отстаешь, брат, недотягиваешь...

Я уже говорил о Большом Ставропольском канале. Первые двести его километров проходили по благоприятной зоне, не нуждавшейся в орошении. Кубанскую воду ждали обширные засушливые степи Ставрополья. И пока строились эти километры, ставропольчан постоянно упрекали — деньги, мол, вкладываются, а ощутимых результатов не видно, да и затраты слишком велики. Приводили в пример Шibaева, развернувшего в Саратовской области масштабные оросительные работы при затратах на гектар 500, максимум 1000 рублей, а не 5000, как на Ставрополье. Уже тогда саратовские цифры казались мне сомнительными, и время это подтвердило. Спустя годы, когда я стал секретарем ЦК КПСС, министр мелиорации вдруг начал настойчиво просить моего согласия списать орошаемые земли в Саратовской области.

— Позвольте, — удивился я, рассмотрев принесенные бумаги, — что значит списать 120 тысяч гектаров? Это ведь сотни миллионов рублей...

Тут-то и выяснилось, что «шибаевское орошение» оказалось чистейшим надувательством: воду Волги по временным трубам подавали на поля — вот и все. Не полив, а обман, только землю, и хорошую землю, загубили. А ведь в том же Саратовском левобережье, где орошение строилось не по-шибаевски, а на основе грамотных проектов, лю-

ди подняли к жизни тысячи гектаров засушливых земель. Но все это выяснилось потом, а в 70-х годах липовое новаторство ставилось в пример.

Нечто подобное происходило и со строительством животноводческих комплексов, которое свели практически к возведению дорогостоящих зданий и сооружений. Неужели на местах были одни глупцы? Нет, конечно. Но центр жестко контролировал использование кредитов, отпущенных на строительство зданий, а остальное оставалось вне поля зрения. То есть и в данном случае поощрялись очковтирательство, показуха. Даже неискушенному человеку было ясно, что без решения проблемы кадров, кормов, отбора животных, создания инфраструктуры строительство зданий обернется бессмысленной тратой средств.

Такие вот безобразия сходили с рук, если «идея» рождалась наверху. Если же сам задумал что-то — будь готов ко всему. При полном соблюдении всех исходивших сверху постановлений и инструкций сделать что-либо путное было практически невозможно. Не случайно была популярна присказка: «Инициатива наказуема».

Один из знатных председателей долго возил меня по колхозным полям.

— Нравится орошение? — как бы между прочим спросил он, когда я собрался уезжать.

— Да, конечно. Но ведь водоем-то далеко. Откуда трубы?

Председатель замолчал, задумчиво стал разглядывать какое-то облачко на небе, нехотя сказал:

— Да вот, купил на «свободном рынке».

— Может, они краденые? — дожимал я.

— Может, и так, — почесывая затылок, отвечал председатель. — Я родословную этих труб не выяснял...

А бывало, действуя такими способами, руководители попадали в переплет, просили защитить. Единственное, что в этом случае секретарь обкома мог сделать, — сказать прокурору:

— Ты уж не будь формалистом, разберись по существу.

Эти слова тогда много значили. Но нередко толковые, честные руководители оказывались в положении людей, попирающих законы, а то и попадали на скамью подсудимых. Система, при которой все, вплоть до мелочей, определялось планом, фондами, не давала простора людям инициативным и предприимчивым. В то же время «верхи», недовольные низкой отдачей, пытались поправить дело перестановкой кадров или созданием новых управленческих структур. И без того громоздкая структура управления становилась еще более неповоротливой.

Жизнь, чем больше и глубже я соприкасался с ней, все больше побуждала меня к размышлениям, поискам ответа на эти и другие вопросы. Наши публикации на эти темы мало что содержали нового на этот

счет. Творческая мысль не только не поощрялась, наоборот, всячески подавлялась. Как член ЦК КПСС, я имел доступ к книгам западных политиков, политологов, теоретиков, выпускавшимся московским издательством «Прогресс». По сей день стоят на полке в моей библиотеке двухтомник Л.Арагона «Параллельная история СССР», Р.Гароди «За французскую модель социализма», Дж.Боффы «История Советского Союза», вышедшие позже тома фундаментальной «Истории марксизма», книги о Тольятти, известные тетради Грамши и т.д. Их чтение давало возможность познакомиться с другими взглядами и на историю, и на современные процессы, происходящие в странах по обе стороны от линии идеологического раскола.

Поездки по стране Мои интересы за годы работы секретарем крайкома сильно изменились. На первых порах они были связаны в основном с местными проблемами, а позже — с делами общегосударственными, внутренними и внешними. Все больше я испытывал потребность в получении более широкой и достоверной информации, в обмене мнениями с коллегами, деятелями науки и культуры.

Стремясь увидеть, что происходит в других регионах, я использовал в этих целях любые возможности: поездки на совещания, семинары, конференции, иногда торжества, а то и отпускное время. Кстати, из края я мог уехать только с разрешения ЦК КПСС. В разное время побывал в Ленинграде, Баку, Ташкенте, Алма-Ате, Ростове, Донецке, Ярославле, других городах и районах страны.

В 1975 году во время своего отпуска я отправился с Раисой Максимовной в Узбекистан, имея приглашение Шарафа Рашидова. Встретили нас в Ташкенте тепло, с подчеркнутым вниманием, по-моему, даже придали нашей туристической поездке полуофициальный характер. В день приезда Шараф Рашидович устроил ужин с участием всего состава бюро и секретарей ЦК Компартии республики, для меня это было неожиданным.

На ужине все вращалось вокруг Рашидова, а поскольку он усадил меня и Раису Максимовну рядом с собой и своей супругой, мы купались в лучах гостеприимства. Впервые пробовали удивительно вкусные узбекские лепешки, свежие и вяленые фрукты, поджаренные соленые орешки, узбекский плов.

С этого началось мое узнавание Узбекистана.

Весь следующий день был посвящен знакомству с Ташкентом — огромным, красивым, современным городом, поднятым к новой жизни после страшного землетрясения. Великолепные современные ансамбли, фонтаны, цветы... «Сияй, Ташкент, звезда Востока, — надежда мира и труда». Но тогда я узнал, что есть и другой Ташкент. Старые, убогие дома. Теснота, отсутствие удобств, запущенность, антисанитария.

Наше путешествие по республике началось с посещения Бухары и Самарканда. Друзья, а среди них мой старый товарищ по комсомолу Каюм Муртазаев, бывший в то время первым секретарем Бухарского обкома, с гордостью познакомили нас с шедеврами древнего зодчества: минаретами, мечетями, медресе. Не преминули напомнить о существовании самостоятельного Бухарского государства, пользовавшегося особым статусом при царе. В Самарканде впервые воочию мы увидели восточный базар: горы арбузов и дынь, винограда, крупных помидоров, урюк, изюм, много других фруктов, овощей, зелени.

Муртазаев был рад встрече, но опасливо поглядывал на секретаря ЦК, сопровождавшего нас по поручению Рашидова. В какой-то момент Каюм улучил минуту и с большой тревогой заговорил об обстановке в Узбекистане: Рашидов — опасный, двуличный человек, которого надо остерегаться, он и его подручные чинят расправу над способными, проявляющими самостоятельность кадрами... Вскоре и сам Муртазаев, в котором узбекский лидер усмотрел соперника, пал жертвой. Его перевели в Ташкент, назначили председателем Комитета по трудовым резервам, убрав таким образом из политической сферы. Потом и вовсе Каюм оказался в изоляции, все это подорвало его силы, и он ушел из жизни.

После Бухары и Самарканда мы побывали в Зарафшане и Навои — новых городах, где расположены оборонные и особо важные предприятия. Жизнь Навои, отстроенному в пустыне, дал золотодобывающий комбинат. Нас провели по технологической линии, показали руду, из которой добывается «желтый металл». Мы летели над пустыней, а потом ехали по пустыне Кызылкум (красные пески). Местами — небольшие зеленые оазисы; около ручья или колодца — отара овец, примитивное жилище.

В ту поездку мне довелось побывать в узбекских домах. Скромно живут узбеки, большими семьями. Как правило, рядом строят две хаты, часто саманные, с крышей из шифера, рубероида или глинобитной. Дома соединяются переходом, своеобразной верандой, в одном — старики, в другом — молодые. Многие дома приподняты, стоят как бы на сваях, чтобы не застаивался воздух при дневном зное и ночной духоте. Запомнились из первой поездки разговоры с простыми людьми, которые никак не могли понять, почему они хлопком снабжают всю страну, а им с перебоями поставляют продовольствие. «Мы всю землю отдаем под хлопок. Значит, и о нас не должны забывать».

Ставрополье, как и Кубань, тесно связано с Донбассом, а вот контактов по линии местных властей не было. И этим я занялся, когда стал первым секретарем крайкома. Тем более что с Владимиром Ивановичем Дегтяревым, секретарем тамошнего обкома, мои отношения установились давно. Дегтярев — заметная фигура на политическом попри-

ще того времени, по деловым качествам и кругозору не уступал Щербицкому, на протяжении многих лет был членом Политбюро КП Украины. Но, как я понял, он был близок к Шелесту, и с падением последнего карьера его пошла к закату. Сначала перевели на хозяйственную работу, затем отправили на пенсию.

Каждая наша встреча выливалась в долгий разговор «по душам», запретных тем не было. Его, как и меня, беспокоили те же проблемы. Мы почти физически ощущали, как общество теряет энергию. Надо действовать, но повязан по рукам замшелыми догмами и инструкциями.

— Знаешь, — говорил мне Дегтярев, — я сознательно иду на нарушение некоторых дурацких указаний, иначе гибель.

Его можно было понять. Донецкая область — это, по сути дела, государство: 5 миллионов жителей, 23 миллиона тонн стали, 100 с лишним миллионов тонн угля, крупное машиностроение, развитое сельское хозяйство, пароходство. Проблем невпроворот — жилье, продовольствие, экология, судьба старых неблагоустроенных шахтерских поселков, где теперь живут в основном пенсионеры. И нет возможности воспользоваться хоть частью того, что производит этот мощный район, для их решения.

Однажды в перерыве Пленума ЦК Дегтярев пригласил меня погулять по территории Кремля. Разговорились, вдруг он спрашивает:

— Слушай, Михаил, а зачем это все — Советы, исполкомы, бесчисленные союзные, республиканские ведомства? Ведь все решается в ЦК, республиканских и областных комитетах партии. Надо полностью передать им власть, все остальные структуры ликвидировать.

Я разделял пафос возмущения громоздкостью системы управления: новые структуры растут, как грибы-поганки, решение самой простой проблемы превращается в хождение по мукам. Но соображения Дегтярева показались неубедительными.

— Как же быть с тем, — возразил я, — что власть эту и ЦК, и обкомы не получают от народа? Выходит, они ее узурпировали. Если ликвидировать Советы, встанет вопрос об избрании партийных органов народом. А то ведь никакой управы не найдешь на людей типа Юнака (Тула), Куличенко (Волгоград), да мало ли их.

Названные мною секретари обкомов получили на партконференциях огромное количество голосов «против», но продолжали править как ни в чем не бывало. Диктатура партии.

Андропов, Косыгин, Кулаков Весьма важными были для меня контакты с Андроповым и Косыгиным.

С Андроповым я познакомился, будучи вторым секретарем крайкома. Августовские события 1968 года, видимо, не позволили ему воспользоваться отпуском в обычное время, и он неожиданно приехал в Железноводск в апреле 1969-го.

А поскольку Андропов деликатно отклонил визит вежливости Ефремова, последний с этой миссией послал меня.

Расположился председатель КГБ в санатории «Дубовая роща» в трехкомнатном люксе. Я прибыл в назначенное время, но меня попросили подождать. Прошло сорок минут. Наконец он вышел, тепло поздоровался, извинился за задержку, ибо «был важный разговор с Москвой».

— Могу сообщить вам хорошую новость: на завершившемся Пленуме ЦК КПЧ первым секретарем избран Густав Гусак.

Это, по мнению Андропова, свидетельствовало, что дело в Чехословакии идет к стабилизации.

Потом мы еще не раз встречались. Раза два отдыхали в одно и то же время: он — в особняке санатория «Красные камни», а я — в самом санатории. Вместе с семьями совершали прогулки в окрестностях Кисловодска, выезжали в горы. Иногда задерживались допоздна, сидели у костра, жарили шашлыки. Андропов, как и я, не был склонен к шумным застольям «по-кулаковски». Прекрасная южная ночь, тишина, костер и разговор по душам.

Офицеры охраны привозили магнитофон. Уже позднее я узнал, что музыку Юрий Владимирович чувствовал очень тонко. Но на отдыхе слушал исключительно бардов-шестидесятников. Особо выделял Владимира Высоцкого и Юрия Визбора. Любил их песни и сам неплохо пел, как и жена его Татьяна Филипповна. Однажды предложил мне соревноваться — кто больше знает казачьих песен. Я легкомысленно согласился и потерпел полное поражение. Отец Андропова был из донских казаков, а детство Юрия Владимировича прошло среди терских.

Были ли мы достаточно близки? Наверное, да. Говорю это с долей сомнения, потому что позже убедился: в верхах на простые человеческие чувства смотрят совсем по-иному. Но при всей сдержанности Андропова я ощущал его доброе отношение, даже когда, сердясь, он высказывал в мой адрес замечания.

Вместе с тем Андропов никогда не раскрывался до конца, его доверительность и откровенность не выходили за раз и навсегда установленные рамки. Он лучше других знал обстановку в стране и чем она грозит обществу. Но, по-моему, считал, как и многие: стоит взяться за кадры, наведение дисциплины, и все придет в норму. Насколько остро Юрий Владимирович реагировал на явления идеологического характера, настолько равнодушен был к обсуждению причин того, что тормозит прогресс в экономике, почему глохнут одна за другой реформы.

С Косыгиным наши отношения складывались несколько по-иному. Несомненно, это был крупный политик и интересный человек. Меня поражала его память — он свободно оперировал обилием цифр, фак-

тов, относящихся к реальной ситуации в стране и мире. Правда, в сельском хозяйстве не очень хорошо разбирался. Тем не менее, приезжая на Ставрополье, встречался с руководителями колхозов и совхозов, проявлял интерес к жизни села. У меня было ощущение, что он стремился понять, в чем дело, почему аграрный сектор хронически отстает.

Терпеть не мог, когда в поездках по краю ему докучало местное начальство, не любил ритуальные встречи. Не было у него склонности к трапезам, к пустопорожней болтовне за столом. Встречи с людьми, работа над документами, чтение, прогулки...

Держался Алексей Николаевич всегда подчеркнуто скромно, я бы даже сказал — жестко, напоминал своим аскетизмом Сулова. Приезжая на отдых, он всегда останавливался не на даче, а в общем корпусе санатория «Красные камни». Это тоже вроде бы свидетельствовало о скромности, хотя несколько своеобразной, ибо в таких случаях он сам и его службы занимали целый этаж. Контакт и общения с другими отдыхающими Косыгин никогда не избегал, вел себя непринужденно.

И все-таки даже тогда, когда мы оставались с Косыгиным вдвоем, он в еще большей мере, чем Андропов, оставался как бы в собственной скорлупе, между ним и собеседником даже при самом откровенном разговоре сохранялась дистанция. Эту его осторожность и сдержанность можно понять: слишком долго он был «наверху», в свое время работал с Вознесенским и Кузнецовым, расстрелянными по «ленинградскому делу». Косыгину, пожалуй, единственному из этой группы видных деятелей, удалось уцелеть. О сталинских временах говорить не любил. Но один разговор на эту тему мне запомнился.

— В общем, скажу вам, жизнь была тяжелой. Прежде всего морально, вернее — психологически. Ведь, по сути дела, осуществлялся сплошной надзор, и прежде всего за нами. Где бы я ни был, — с горечью заключил Алексей Николаевич, — нигде и никогда не мог остаться один.

Это говорил человек, входивший в состав высшего политического руководства страны, в окружение Сталина.

С первых встреч между нами завязалась дискуссия, которая продолжалась все последующие годы. Касалась она уже много раз упоминавшейся мною темы — функционирования экономики, механизмов, стимулирующих деятельность человека.

— Вот я, член ЦК, депутат Верховного Совета, на моих плечах огромная ответственность. А ведь я не имею ни прав, ни финансовых возможностей для решения самых простых проблем. Все налоги от предприятий и населения, за малым исключением, идут в центр. Я не могу даже изменить, скажем, штаты или структуру крайкома и крайисполкома, взять несколько толковых работников на хорошую зарплату,

вместо них держу пятнадцать низкооплачиваемых, из которых невозможно создать хорошую команду. И так повсеместно, для всех Москва установила жесткие рамки. В конечном счете это приводит к тому, что аппарат управления становится все более некомпетентным, — довольно эмоционально как-то высказался я.

Алексей Николаевич молча выслушивал, иногда улыбался моему задору, но особой готовности разрешить данный вопрос не проявлял. Косыгин вообще умел молчать как-то по-особому. Я видел, что он разделяет мое мнение, и, не услышав в ответ ни слова, был благодарен ему хотя бы за понимание.

Когда мы стали обзаводиться орошаемыми землями, к нам пожаловали корейцы, предложили на условиях подряда выращивать лук. По договору 45 тонн лука с гектара получал колхоз или совхоз, а остальной урожай — бригаде. Формировали эти бригады сами корейцы из людей приезжих. Весь сезон они жили в палатках прямо в поле, работали день и ночь, в любую погоду. Зарботки у них были очень высокие. Соблазнившись ими, некоторые из наших ставропольцев пытались подрядиться в эти бригады, но больше недели не выдерживали, уходили. Однако скоро в дело вмешались Прокуратура СССР и Комиссия партийного контроля ЦК КПСС: нарушение принципов социализма, рвачество. Некоторых наших хозяйственников основательно потрепали, наказали. В общем, корейцев выставили, все связи порвали, стали лук выращивать сами.

И как раз после всего этого приезжает отдыхать Алексей Николаевич. Прилетел он утром, часам к двенадцати приехали в Кисловодск. Я предложил позавтракать. Сели за стол, подали овощи, в том числе свеженарезанный лук.

— Как у вас «луковое дело» завершилось? — спросил вдруг Алексей Николаевич.

— Завершилось успешно, — нарочито бодро ответил я. — Теперь у нас полный порядок.

— А что значит порядок?

— А то, что, когда были корейцы, Ставрополье не только обеспечивало свои потребности в луке, но еще 15—20 тысяч тонн отправляло в другие области. Теперь от корейцев освободились, навели порядок. Правда, теперь лук завозим из Узбекистана.

Косыгин долго с аппетитом жевал лук и вопросов больше не задавал. Они и не нужны были. Он знал, что запретами проблемы экономики не решают. Понимал, что не о диком «корейском способе производства» сожалею я, а думаю о том, как найти столь же действенные, но более цивилизованные стимулы для труда.

Иногда беседы наши приводили и к кое-каким практическим последствиям. Он хотел познакомиться с Невинномысским химическим

комплексом, приехали на комбинат, походили, потом собрались в узком кругу специалистов. И здесь на председателя союзного правительства невинномысцы основательно поднажали — особенно за негативное отношение министра химической промышленности к внедрению опыта «щекинцев». Когда мы возвращались, я продолжил тему применительно к другим сферам народного хозяйства.

— Вы посмотрите на здравоохранение. При такой мизерной оплате, которую узаконили сверху, в поликлиниках и больницах не хватает врачей, медсестер, санитарок. Некому ухаживать за больными. Дайте право руководителям больниц в рамках установленного фонда заработной платы самим решить вопрос о зарплате медицинских работников, и они снимут эту проблему.

Спустя несколько месяцев, во время приезда в Москву, я зашел к Косыгину по какому-то делу.

— А знаете, — улыбаясь, сказал он, — вот здесь, у меня в кабинете, недавно сидели два московских врача, мужчина и женщина, оба — руководители крупных больниц. Я спросил их: ваш министр ставит вопрос о повышении зарплаты среднему медперсоналу на 10—20 рублей, но есть и другое мнение: дать возможность главным врачам самим решать вопрос о штатном расписании и окладах в пределах фонда заработной платы. Какой вариант вы бы предпочли? Женщина-врач сразу же высказалась за второй, да и мужчина, поразмыслив, присоединился к ней. Оказывается, ежегодный недокомплект персонала у них составляет 25 процентов и фонд зарплаты они никогда не использовали полностью. Я уже разговаривал с секретарем горкома Гришиным, и мы попытаемся реализовать такого рода подход в Москве.

Я видел, что он искренне радовался этой маленькой победе хотя бы в рамках столицы. Общее постановление на сей счет так и не вышло. И это в здравоохранении! Что уж тут говорить о химической промышленности, тесно связанной с всемогущим военно-промышленным комплексом. Но в чем корни беспомощности союзного правительства? Очевидно — в боязни вызвать цепную реакцию. А этого система не допускала.

И еще один разговор запомнился. Речь зашла о производительности труда. Я рассказал о том, что наблюдал во Франции при посещении предприятия: в аналогичном нашему подразделении работает вдесятеро меньше специалистов.

— Мы проигрываем не у станка, — сказал Косыгин. — У меня есть данные, что наш станочник мало уступает зарубежному на сопоставимых предприятиях. Но теряем из-за плохой организации внутризаводского транспорта, складского хозяйства, общей культуры производства. Главное — механизация вспомогательного и инженерного труда. А это требует больших перемен. Вот в чем дело.

Тут у меня сорвался «роковой» вопрос:

— Так почему же вы уступили, дали похоронить реформу?

Алексей Николаевич помолчал, а потом ответил встречным вопросом:

— А почему вы, как член ЦК, не выступили на Пленуме в защиту реформы?

— ??

На том разговор и кончился. К этой теме я потом возвращался не раз, она все больше и больше забирала меня. Вот почему, когда осенью 1977 года после пятичасовой дискуссии Кулаков предложил написать для Политбюро записку о проблемах аграрной политики, я согласился и выбрал главную проблему — экономические взаимоотношения сельского хозяйства с другими секторами экономики.

Даже человеку, далекому от экономики, ясно, что, если между производителями не установить паритета цен, ущемленной стороне грозит разорение. Это и происходило с сельским хозяйством. Закупочные цены были таковы, что чем больше продукции производили колхозы и совхозы, тем большие они несли убытки.

На моей памяти ситуацию пытались выправить дважды — в 1953 году после смерти Сталина и в 1965 году вскоре после смещения Хрущева. Как только колхозы и совхозы получали большую самостоятельность, а закупочные цены приближались к реальным издержкам, производство сельскохозяйственной продукции шло в гору. Но и в том и в другом случае импульсы оказались кратковременными. Проходили год-два, от силы три-четыре, эквивалентный обмен нарушался, крестьяне за бесценок продавали продовольствие и втридорога платили за промышленные изделия. Экономика колхозов и совхозов катилась вниз, хирела.

Я привел в записке подробные расчеты, из которых было видно, что за десять лет (1968—1977 гг.) цены на горючее повысились на 84 процента, трактора, сеялки стали стоить в 1,5—2, а то в 4 раза больше, закупочные же цены на продукцию сельского хозяйства остались прежними. В результате, несмотря на повышение урожайности, сокращение трудовых затрат и расхода горючего в натуре, себестоимость зерна, животноводческих продуктов резко повысилась, большинство хозяйств превратилось в низкорентабельные и убыточные.

Но даже в такой ситуации не пошли на кардинальные меры, а чтобы удержать людей от бегства из деревни, ввели гарантированную денежную оплату. Это окончательно разрушило остатки экономических, хозрасчетных отношений на селе и подорвало стимулы к труду.

Пафос записки состоял в необходимости изменить укоренившийся взгляд на село как на «внутреннюю колонию», иначе не избежать катастрофических последствий для страны. Реакция Косыгина на мою записку была многозначительной: «Это же бомба!»

В процессе работы над запиской многие доброхоты советовали мне «не связываться», «не лезть на рожон». Я не послушал их. Считал: разговор на Пленуме нужен серьезный, по существу. Ожидания не оправдались, первоначальный замысел был выхолощен до предела. Решения свелись к очередным заданиям по выпуску сельхозтехники, а экономическая сторона осталась без внимания. Гора родила мышь.

Пленум закончился 4 июля, а 17-го — Федор Давыдович Кулаков умер.

Как раз сразу после Пленума, 5 июля, семья Кулаковых на загородной даче отмечала 40-летие свадьбы. Мы с Райсой Максимовной были приглашены на это торжество. Было в тот вечер все как обычно. Строго выдерживая субординацию, каждый из присутствовавших произносил тост в честь хозяйки и хозяина, который, как правило, заканчивался категорическим требованием «пить до дна». Здоровье Федора Давыдовича уже не выдерживало его образа жизни и связанных с ним нагрузок (в 1968 году ему удалили часть желудка).

Он умер неожиданно: остановилось сердце. Мне рассказывали, что в последний день в семье произошел крупный скандал. Ночью рядом с ним никого не было. Факт смерти обнаружили утром.

Кулаков ушел из жизни, когда ему исполнилось 60 лет. Это была большая утрата. Тем удивительнее решение Брежнева и других членов Политбюро не прерывать отпуск для прощания с коллегой. Тогда я, может быть, впервые понял, как невероятно далеки друг от друга эти люди, чья судьба свела на вершине власти.

Я считал своим человеческим долгом быть на похоронах Кулакова, сказать у гроба слова прощания. На мой запрос последовало согласие, но при этом секретарь ЦК Михаил Зимянин попросил подготовить заранее текст моего выступления, «дабы избежать повторений и расхождений в оценках с другими, кто будет говорить на митинге». Смысл был предельно ясен — текст своего выступления я передал через стенографистку ЦК. Похороны Кулакова состоялись 19 июля у Кремлевской стены. Впервые я поднялся на Мавзолей и, волнуясь, сказал прощальные слова человеку, к которому питал теплые чувства, выразил искреннее соболезнование его родным и близким.

Острая схватка За годы моей деятельности на посту секретаря крайкома круг моих знакомств невероятно расширился. Уже в те годы я испытал удовлетворение от того, что многие замыслы мои воплотились и принесли пользу. Самое большое приобретение тех лет — взаимопонимание, дружеские отношения со многими людьми.

Но было и так, что установившиеся контакты обрывались — партнеры оказывались делягами, а в некоторых случаях разрывы происходили по принципиальным мотивам, как в случае с Н.А.Щелоковым.

В 1973 году на Ставрополье сложилась серьезная криминогенная ситуация: преступления, волна за волной, прокатывались по городам и поселкам. После нескольких жестоких убийств и изнасилований обстановка накалилась до предела. Люди были встревожены, напуганы и обоснованно ставили вопрос: есть в крае власть или нет? Всякие «накачки» и критика руководителей правоохранительных органов ничего не давали. Надо было срочно что-то делать. Десятки комиссий ничего вразумительного не дали, и тогда я собрал старых отставников-юристов — надежных, независимых ни от кого людей, попросил разобраться. Кстати, статистика по правонарушениям в крае была без особых отклонений. Комиссия, которую я создал, вскрыла грубейшие нарушения законности в самих органах внутренних дел края. Все вывернулось наружу — очковтирательство, сокрытие преступлений, должностные злоупотребления.

Тут надо иметь в виду следующее. Щелоковым при прямой поддержке Брежнева была осуществлена крупная реорганизация системы внутренних дел, ее службы укреплены кадрами, улучшено материальное обеспечение. Честолюбивый министр спешил поскорее продемонстрировать результаты своей работы, но не бывает так, чтобы общество вдруг разом «очистилось» — нет ни спекулянтов, ни ворюг, ни мафиози, ни хулиганов. И тогда Щелоков решил внести «коррективы» в статистику преступлений и пошел на явное послабление в применении законов. Причем последнее проводил продуманно, чтобы выглядеть в общественном мнении демократом, политическим деятелем с широким кругозором. Любил повторять: тюрьма никого не исправляет. В принципе, конечно, верно, но с его стороны это была демагогия. Щелоков добился принятия решений, по которым лишение свободы по многим статьям было заменено другими мерами. Это обернулось общим ослаблением борьбы с преступностью.

По итогам работы комиссии в крае мы приняли крутые меры: сняли всех генералов в управлении МВД с занимаемых постов, перешерстили уголовный розыск, отдел борьбы с хищениями собственности, следственный отдел, другие службы, подтянули партийную организацию. Все стало выходить наружу. Пытался застрелиться начальник следственного отдела, на совести которого были тяжкие должностные нарушения. Заменяли руководителей милиции в одной трети городов и районов. Это была жесткая операция по утверждению законности, прежде всего в самих правоохранительных органах. К охране порядка были подключены рабочие коллективы, комсомол, и за один месяц в населенных пунктах стало спокойней. Зато по числу зарегистрированных преступлений край с 11-го места опустился на 67-е в России.

Ставропольцы наступили на хвост Щелокову, в аппарате ЦК его недолюбливали, он ведь ни с кем не считался. Прокуратура СССР,

Верховный суд тоже мало что для него значили. Министр заволновался, начал лихорадочно действовать. Сначала звонил, затем послал в край бригаду МВД во главе со своим замом Б.Т.Шумилиным. Я его знал, причем с хорошей стороны. Тем неожиданнее для меня были его суждения, по сути, шантаж: «Как же так? Вокруг порядок, а у вас такое творится. Спросят ведь — где был крайком?» Мой ответ был резким: «Имей в виду, я от своей позиции не отступлю. Передай это и Щелокову». Неуютно было Шумилину, но все-таки он продолжал уговаривать меня. В этой встрече участвовал зам. прокурора России Александр Найденов, он поддержал меня. Когда развернулась борьба с преступными элементами на Кубани и Найденов возглавил ее, под давлением высоких покровителей его из прокуратуры убрали. Став генсеком, я предложил ему возглавить Арбитраж СССР. Он дал согласие, но внезапно скончался, так и не приступив к работе.

Небезынтересно, что, когда Прокуратура России (не союзная!) по нашему опыту учинила проверку в Свердловске, там были вскрыты еще более тяжелые преступления, в том числе сокрытие убийств. Как мне сказали, начальник городского отдела внутренних дел Свердловска застрелился. И пошло... Кончилась эпоха дутых цифр, рушилась «система Щелокова». Но тяжба с ним продолжалась до его снятия с поста министра. Позднее, когда я уже был Председателем Верховного Совета СССР и депутатская комиссия вела расследование по заявлениям следователей Гдляна и Иванова, попутно выяснилось, что в кругу своих присных Щелоков (во времена Черненко) заявил в мой адрес: этот человек должен быть уничтожен.

Не успел.

Как живут в других странах

Мои первые поездки за рубеж состоялись еще до избрания первым секретарем крайкома партии. В 1966 году — в Германскую Демократическую Республику, в сентябре 1969 года — в Болгарию, в ноябре — в Чехословакию.

В ГДР партийных работников послали знакомиться с опытом работы по осуществлению реформы. В Восточной Германии тогда испытывали новые методы планирования и управления экономикой, отлаживали систему стимулирования, дали большую хозяйственную самостоятельность предприятиям. Два дня нам читали доклады, а в промежутках, давая передохнуть, познакомили с Берлином.

Даже спустя 20 лет после войны, оказавшись в этом городе, я испытывал внутреннее волнение. Знакомство с Берлином будоражило душу, приводило в движение память. Разрушенные дома и памятники, груды обломков на пустыре, где когда-то стояло здание рейхсканцелярии. Бранденбургские ворота, а за ними воздвигнутая четыре года на-

зад Берлинская стена — символ разделенного послевоенного мира. Справа от ворот, за стеной, мрачное здание поверженного рейхстага. Да и весь город, как я увидел его тогда, показался мне мрачным, холодным. Совсем другое впечатление осталось от Котбуса, Дрездена, особенно тех мест, которые прилегают к Эльбе, на границе с Чехословакией, — Саксонская Швейцария. Но где бы мы ни были — в городах, на предприятиях, в сельской местности, — встречи с людьми проходили в хорошей атмосфере, хотя теплоты им не хватало.

Многое уже стерлось из памяти, но несколько ярких впечатлений осталось. В Дрездене нам показали свидетельства драмы этого города, подвергнувшегося массированным бомбардировкам в самом конце войны авиацией союзников. И на фоне этой трагедии — «Сикстинская Мадонна» в Дрезденской галерее — чистый, светлый образ женщины, как бы взывающий к нам: люди, будьте людьми!

В округе Котбус в воскресный день мы побывали в гостях у сорбов—славян, давно проживающих в Южной Саксонии. И там попали в переплет. Как и всех туристов, нас усадили в прогулочные лодки, а в качестве гребцов на них оказались женщины-сорбки, одетые в национальные костюмы. Все очень красиво, но получилась глупая ситуация: здоровенные, весьма упитанные мужики в качестве отдыхающих, а за веслами — женщины. Поскольку это был воскресный день и каналы заполнены прогулочными лодками, мы оказались предметом иронических восклицаний, насмешек. Настояли поскорее высадить нас на берег.

Программой была предусмотрена поездка в Потсдам. Посетили дворец Сан-Суси, побывали на месте встречи глав правительств стран-победительниц. Нам показали, кто где сидел, не забыли рассказать, что один из журналистов отколол от кресла Сталина кусочек дерева на память. И, конечно, о поведении Трумэна на этой встрече, в особенности когда он получил телеграмму о создании атомной бомбы: «ребенок родился здоровым».

Мы были в ГДР за пять лет до смены Ульбрихта Хонеккером. Последний уже тогда демонстрировал большую уверенность. С делегацией в конце пребывания беседовал Хонеккер, проявивший к нам в высшей степени дружеское расположение.

О нашей поездке мы написали записку в ЦК с выводом о том, что опыт проведения реформы в ГДР заслуживает самого пристального внимания. Да мало ли подобных записок было написано в те времена.

В Болгарию я ездил в рамках региональных связей — между Ставрополем и Пазарджикским округом. Мы приехали для участия в празднествах по случаю 25-летия социалистической Болгарии. Было много встреч, митингов, выступлений. Море теплых чувств и взаимных заверений в дружбе на вечные времена. Не забывали и о делах: обсудили

возможности сотрудничества. Выявилось, что болгары на уровне округа имеют больше прав, а мы должны по всем, даже самым незначительным вопросам просить согласия Москвы. Особенно этого не понимал пришедший вскоре на должность секретаря окружкома БКП Дмитрий Жулев, приехавший к нам на Ставрополье с визитом. Потом он стал послом Болгарии в СССР, и у меня с ним установились близкие отношения.

В 1974 году я снова побывал в Болгарии — в Софии, на Шипке, в Пловдиве, многих других городах и поселках. Заметно изменился облик страны, много новых жилых кварталов, особенно индивидуальных домов, предприятий, теплиц, дорог. Виноградники, плантации овощей, возделываемых по новой технологии, целое царство садов и цветов. Страна менялась на глазах. Мы подумали: болгары взяли верное направление. Еще не было известно, что появились тревожные моменты, страна жила не по средствам, и наступало время расплаты.

Пожалуй, самой трудной была поездка в Чехословакию в ноябре 1969 года. В делегацию вошли, в частности, Лигачев, бывший тогда первым секретарем Томского обкома, и секретарь ЦК ВЛКСМ Пастухов. Предстоял обмен мнениями о перспективах молодежного движения в Чехословакии. В момент нашего приезда там действовали 17 молодежных организаций, и ни одна не признавала руководство КПЧ.

У нас было множество встреч и горячих дискуссий в Праге, Брно, Братиславе о том, как властям завоевать доверие молодежи. Но разве можно было вырвать эту проблему из общего контекста сложившейся в стране ситуации в результате акции 21 августа 1968 года? Сказать, что мы себя чувствовали неуютно, скверно, — почти ничего не сказать. Мы ощутили всем нутром, что эта акция осуждена и отвергнута с негодованием народом. Конечно, в годы «холодной войны» противоборствующие стороны на многое происходящее смотрели через призму блоковых интересов и действовали адекватно, не останавливаясь перед использованием крайних мер. Целые страны оказывались разменной монетой в этой смертельной схватке. Все так. Но люди не мирились с подобным обращением, и в этом мы убедились тогда в ЧССР.

Сама Прага находилась в состоянии полупаралича, оцепенения, что ли. Коллеги не считали возможным вести нас в трудовые коллективы, да и сами не решались. Мы спрашивали: почему они не идут «в народ»? И слышали в ответ: «Сделаем анализ, пойдем». Они не только не знали, с чем идти к людям, но просто боялись их.

В канун Дня студентов мы оказались в Брно, там решились организовать нам посещение крупного завода. Когда пришли в цех, с нами никто не захотел разговаривать, рабочие на приветствия не отвечали, демонстративно отворачивались — ощущение неприятное. Большая

часть членов парткома завода резко негативно оценивала действия советского руководства. Оказывается, заводчане в августе 68-го выступили в поддержку правительства Дубчека, и для их нейтрализации на территорию завода были введены войска. В августе 69-го в Брно повторились массовые выступления против действующего режима и советского вмешательства. В общем, обстановка была накалена до предела, делегация круглосуточно находилась под охраной.

В Братиславе нас поразили общий вид города — практически все дома в центре сохранили следы обстрелов, стены — сплошь в антисоветских надписях. Делегацию принял первый секретарь ЦК КП Словакии Славик. Все началось мирно, но, когда кто-то с нашей стороны напомнил, что Ленин, выступавший за федерализм в государстве, с порога отвергал такой подход в строительстве партии, первый секретарь поднялся и ушел. Наутро никто из руководства не явился, выручил знакомый в аппарате ЦК. Пополудни поднялись на гору Девин, где покоится прах воинов Советской Армии, погибших при освобождении Словакии, поклонились, помолчали. Был солнечный теплый день. Внизу поблескивал Дунай, вдали золотились контуры Вены. Покинули Братиславу в раздумьях и тревоге.

К вечеру оказались — уже и не помню названия — в сельском населенном пункте. Жители встретили хлебом и солью, вином, музыкой. От всего этого с души камень свалился. Просидели там до глубокой ночи, выговорились и мы, и хозяева. Я вспомнил: где-то в этих краях, под Кошицами, был тяжело ранен мой отец.

Крестьяне, оказывается, приняли либеральные новшества, связанные с курсом на «социализм с человеческим лицом», с известной настороженностью и опаской за свое дело. А год спустя, когда я оказался в Чехословакии, между сельскими жителями и нашими воинами установились добрые отношения. Крестьяне тепло отзывались о помощи, которую получают от Советской Армии, во всяком случае, хотя тема обиды на Советский Союз и сохранялась, она была отодвинута на второй план.

К чему, собственно, сводилась аргументация советского руководства в оправдание акции 21 августа 1968 года? Во-первых, ее обосновывали внешней угрозой для стран Варшавского Договора и, во-вторых, утверждением, что внутренняя контрреволюция, используя поддержку Запада, намерена растоптать социалистические завоевания трудящихся. Получалось, однако, что сами трудящиеся не хотят такой защиты их интересов. А была ли в действительности угроза извне? То, что к середине 1968 года в прессе ЧССР стали появляться публикации о возможном выходе страны из ОВД, было отражением позиций определенных политических сил, иначе говоря, результатом внутреннего развития.

В поездке я узнал, что советское руководство приветствовало замену Новотного Дубчеком. На просьбу Новотного поддержать его последовал ответ — это внутреннее дело КПЧ. Новое же руководство восприняло ответ как признак намерения КПСС продолжить свернутые в свое время реформы. Вдобавок декларации октябрьского, ноябрьского Пленумов ЦК КПСС 1964 года, а в следующем году мартовского Пленума по аграрным делам, наконец, «косыгинская реформа» в промышленности вселяли надежду на серьезные перемены.

Но то, как развернулись процессы в ЧССР, какую они приобрели направленность и динамику, настолько напугало наших руководителей, что они сразу же отказались от своих скромных реформаторских намерений в экономике, а в политике и идеологии того больше — поторопились закрутить гайки.

Вернулся я домой во власти тяжких дум, осознавая прямую связь происходящего у нас с августом 68-го. После поездки был у меня разговор с Ефремовым. Он выслушал внимательно, но отреагировал сухо, формально:

— Ну что ж, новое руководство КПЧ во главе с Гусаком уже сформировалось, и с нашей помощью, будем надеяться, ему удастся страну вывести из кризиса.

В 70-е годы я также посетил Италию, Францию, Бельгию, Федеративную Республику Германии. В одном случае — в составе делегаций, в другом — на отдыхе по приглашению компартий этих стран.

Поездки на отдых были более продолжительны, давали широкие возможности для знакомства со страной и жизнью ее граждан. Первой была Италия в 1971 году.

У меня остались романтические впечатления еще от изучения истории Древнего Рима в школьные годы. В университете два года штудировал латынь, читал речи Цицерона, хотя и с трудом! Но особенно был увлечен римским правом. Поразительно, в те далекие времена люди смогли выработать правовые нормы, которые оказали неоценимую услугу последующим устроителям европейской цивилизации, послужили первоосновой регулирования рынка и гражданского общества. А мы в годы перестройки, в конце XX века, вынуждены доказывать необходимость того и другого.

Я встречался с итальянцами до поездки в страну, но это были мимолетные встречи. Однажды оказался участником встречи рабочих крупного машиностроительного предприятия с Луиджи Лонго.

На XXII съезде КПСС участвовал в короткой беседе делегатов с Пальмиро Тольятти. На Всемирном форуме молодежи в Москве в 1961 году я был прикреплен к итальянской делегации. Тогда, кстати, познакомился с Акилле Оккетто, представлявшим студенческое движение Неаполя. Меня приводило в изумление нежелание итальянцев

подчиняться организационным правилам — за все дни форума не было случая, чтобы они пришли к началу работы. Но при этом много сделали для его успеха. Я говорил Лучане Кастеллино:

— Помогай, не могу управиться с твоими соотечественниками. Успокаиваются они лишь к утру, а к началу дискуссии каждого надо краном поднимать.

Улыбаясь, она возразила: «Микеле, ну что ты сделаешь, ведь это же итальянцы. Ты понимаешь — итальянцы».

Вот весь ответ. Не обошлось без курьезов. В комиссии по культуре разгорелась дискуссия о свободе творчества. Столкнулись разные точки зрения, самую острокритическую занял редактор журнала «Техника молодежи» Василий Захарченко. Он рассказал, что недавно был в Париже в гостях у своего французского друга-художника и обратил внимание на портрет женщины, написанный в абстракционистском стиле. Спросил художника, хотел бы он с этой женщиной лечь в постель, на что тот ответил: а зачем, у меня прекрасная жена. Этот эпизод Захарченко и попытался использовать как самый убедительный аргумент против абстракционизма. Со стороны моих подопечных последовал ответ — советский товарищ выступил в духе нацизма, именно нацисты так относились к представителям абстрактного искусства, многие из которых были активными участниками борьбы с фашизмом. Решив, как говорится, забить последний гвоздь в этой дискуссии, итальянцы заявили, что рассматривают выступление Захарченко как свидетельство отсутствия в Советском Союзе свободы творчества, их делегация отказалась подписывать коммюнике комиссии. Надо было искать выход, и его нашел Лен Карпинский, в то время секретарь ЦК ВЛКСМ. Он предложил провести встречу итальянцев с художником Глазуновым.

Илья Сергеевич, наш ровесник, жил в то время с женой Ниной, представительницей рода Бенуа, в районе Лужников в маленькой двухкомнатной квартире.

Так вот, в июльскую ночь 1961 года мы оказались на квартире Глазуновых. Она была заполнена, вернее, переполнена картинами, даже не знаю, как они ухитрились там жить. Теперь Глазунов живет в другой квартире, имеет большую дачу и мастерскую. Но начало творческого пути было непростым, не все его поняли и приняли. Тем более не пользовался он особым вниманием со стороны официальных инстанций, я бы даже сказал, наоборот. Может быть, поэтому итальянцы, которые всегда были привержены свободе творчества, выпустили несколько открыток с репродукциями произведений Ильи Глазунова.

Встреча началась с показа. Сильное впечатление произвели блокадная серия картин и рисунков, иллюстрации к произведениям русских классиков, картины по мотивам русской истории. Показал он и

портреты Лоллобриджиды, Кардинале, Мазины, Феллини, Гуттузо. Разговор продолжался за столом — про запас мы прихватили с собой две или три бутылки грузинского вина. Встреча закончилась к утру, а днем итальянская делегация подписала коммюнике. В общем, инцидент был исчерпан. Мы попрощались, обменявшись небольшими сувенирами. От Лучаны я получил пластинку с записью песен Мильвы. А в 1971 году, спустя десять лет, мы с Раисой Максимовной слушали Мильву на фестивале в Турине.

Итак, в составе большой группы мы отправились в Италию. Запаслись всем необходимым, Раиса Максимовна блокнотиками — вести записи. В Риме нас встретили руководители ИКП Макалузо, Микини, Коссутта. Расположились в отеле «Палантин». Гостиница — частная, обычно сдается для размещения делегаций. Первое, что мы сделали, войдя в номер и закрыв за собой дверь, подошли к окнам и долго смотрели на Рим. Из окна виднелся большой массив 4-, 5-, максимум 7-этажных домов, очень старых, с обшарпанными стенами. Между окнами веревки с бельем, каскад крыш, приспособленных под площадки для отдыха, «для переговоров на разных уровнях». Спустя много лет, вновь оказавшись в Италии, я спросил, вспоминая первые впечатления от увиденного из окон гостиницы: что же произошло теперь с этими домами? Мне ответили, что эта часть города модернизирована, дома обустроены, в них созданы нормальные условия для жизни людей.

Наша первая экскурсия по Риму: Форум, Пантеон, Колизей, Капитолий, площади Республики, Испании, Венеции. Улицы узкие. Магазины — из автобуса подать рукой. Самая красивая улица — Венето, ее часто снимал Феллини. Огромное количество машин, много маленьких «букашек» — «фиатов» с открытым верхом. Остановившись, водители, высунувшись по пояс, обмениваются репликами. Среди автомобилей пробираются мотоциклы и мотороллеры. Воздух — надейся противозащитный. Многолюдие, все — в движении, кафе на тротуарах, площадях. Расхристанность в одежде. Полная раскованность, простота.

Улица, где были распяты Спартак и его соратники. Могила, где захоронен Рафаэль. Надпись на саркофаге: «Когда ты жил, природа ревновала. Когда ты умер, природа боится умереть сама» (в нашем переводе). Впечатление: ты идешь по улицам истории, шагая через века. Ужинали в ресторане в старом городе, за Тибром, с участием Коссутты, Макалузо, Феррари и тех, кто постоянно будет работать с делегацией. Прохожие останавливались, слушали наши беседы, иногда приветствовали и уходили. Простота общения, открытость, дружелюбие...

На следующий день экскурсия в Ватикан. Собор и площадь Святого Петра. Фрески Микеланджело в Сикстинской капелле.

Программа привела нас в собор Святого Петра-узника. Здесь — вторая скульптурная группа Микеланджело в Риме — «Моисей». Вот

мы у Священной лестницы. Ощущение такое, словно ты стал нескромным свидетелем некоего таинства. Какова степень грехопадения людей, поднимающихся по ступенькам крутой лестницы на коленях в надежде на прощение? Люди все не без грехов, кое для кого из нас тоже пришла уже пора их замаливать. Но мы протопали ногами быстро и легко. Не было времени. А главное — мы не католики.

Где-то к вечеру оказались на возвышенной части города, у памятника Гарибальди и его жене Аннете. Потрясающий вид открылся на Рим. Город на холмах. Оранжево-желтые краски. И как-то вызывающе выгледело на этом фоне белое здание — памятник королю Виктору Эммануилу. Пишу эти строки, а ощущение такое, как будто снова стою там и вижу Рим в лучах заходящего солнца.

Нас интересовали, конечно, памятники, но было большое желание понять и сегодняшнюю жизнь Италии: как люди одеты, как питаются, живут, лечатся, обучаются, проводят свободное время. Вполне понятное любопытство, сопровождаемое сравнением с собственной страной.

«Социологические» наблюдения. Лучшие вина в Италии — красные. Пара обуви стоила от 2,5 до 9,5 тысячи лир при 100 тысячах среднемесячного заработка. За двухкомнатную квартиру надо было тогда платить в месяц 60, за трехкомнатную — 90, самая дешевая — 30 тысяч лир. Диковинка для нас — во многих районах столицы стоят незаселенные дома, в то время как нуждающихся в жилье — тысячи. Частник держит цену, и квартиры остаются пустыми.

Потом мы отправились на Сицилию. До сих пор итальянские друзья не рисковали везти в эти места гостей, поскольку там хозяйничает мафия. Перелет короткий — всего час. В Палермо аэропорт прямо у моря, вокруг крутые скалы. Самое незабываемое впечатление — палящий, сухой ветер из Сахары — знаменитый сирокко.

Пока ожидали чемоданы, хозяева рассказали кратко о Сицилии. Автономный район, имеющий свой парламент. Население — 4 миллиона человек. Основное занятие — сельское хозяйство и все, что с ним связано. Острейшая проблема — 600 тысяч безработных. С острова идет большая миграция в Западную Германию, Аргентину, вообще в Латинскую Америку.

Мы провели четыре дня в приморском городке Читта дель Маре — в доме отдыха, построенном на средства Международного альянса кооператоров. Днем на Сицилии ехать на экскурсию — по сути, отправляться в пекло. Поэтому в Палермо отправились в десять часов вечера. Город основан в VIII веке до новой эры. Поразили нас контрасты: модерн и лачуги, благоустроенные районы богатых особняков и грязные улицы. Много бродяг. «Изюминка» ночного путешествия — поездка на гору паломников. Дорога в гору — движение по крутой спирали. Иногда было ощущение, как будто мы зависали над пропастью. Друзья, думаю, специально устроили нам такой сюрприз. И вот мы на

вершине. Далеко внизу город и его огни, как россыпь сверкающих звезд. Море, отдающее лунными отблесками. Знаменитый, вида подковы, залив у поселка рыбаков. Долго мы стояли, зачарованные этим зрелищем, боясь спугнуть прекрасный неповторимый миг.

Спустились с другой стороны в курортное местечко и столкнулись там с целыми «стаями» хиппи. Их вид нас буквально ошарашил. Долго бродили по улицам. Много бедного народа. Особенно поразили торгующие всякой всячиной дети — ведь была уже глубокая ночь.

Затем отправились автобусом через всю Сицилию в Таормино на берегу Ионического моря. Впечатления незабываемые: выжженные солнцем склоны гор, рощи оливкового, миндального дерева, кактусы, лимонные, мандариновые, апельсиновые плантации. Ехали целый день, пели песни. Под небом Сицилии и я спел свою любимую — «Россия»:

Когда иду я Подмосковьем, где пахнет мятою трава,
Природа шепчет мне с любовью свои заветные слова.
Вдали рассветная полоска осенним заревом горит,
Моя знакомая березка мне тихо-тихо говорит:
Россия, Россия, родные вольные края,
Россия, Россия, Россия — Родина моя!

На французской «Каравелле» покинули Сицилию и взяли курс на Рим. Из аэропорта автобусом — во Флоренцию. Здесь жили и творили Микеланджело, Леонардо, Данте, Петрарка, Макиавелли. Не перечить флорентийцев, прославивших свой город. Пребывание во Флоренции — это праздник. Картинная галерея Уффици, усыпальница Медичи, церковь Иоанна Крестителя, где захоронены Макиавелли, Галилей, Россини, Микеланджело. Побывали у здания, в котором Чайковский писал «Пиковую даму», в доме, в котором Достоевский заканчивал «Идиота».

10 сентября отправились в Турин, где состоялась встреча с членом руководства ИКП Минуччи и его коллегами. Нам рассказали, что бурный рост промышленности в области, прежде всего развитие ФИАТа, сопровождался обострением противоречий. Из приехавших на север 700 тысяч работников 500 тысяч с юга. И в самом Пьемонте значительная часть сельского населения ушла на ФИАТ. В Турине нехватка жилья, квартплата отбирает треть, даже половину месячной заработной платы.

Кто-то в нашем кругу заметил, что, собственно, то же происходит у нас в центре России, да и не только там. Гонка в строительстве промышленных предприятий сопровождается разорением деревни, города все больше оказываются перегруженными, люди бедствуют.

Приняли участие в празднике газеты «Унита». Это крупная политическая манифестация — выставки, дискуссии, митинги, концерты. Ве-

чером на концерте слушали песни протеста, выступление фольклорных коллективов и Мильвы — той самой Мильвы! В ее исполнении прозвучали песни Брехта, знаменитая «Белля-чао». Мильва — в красном, развевающемся, как знамя, платье.

На прощание в Риме нам вручили памятные золотые медали, выпущенные к 50-летию ИКП с весьма значительной надписью: «Мы идем издалека и пойдем далеко». Вечером в пригороде города состоялся ужин с участием группы руководителей. В их числе Джан Карло Пайетта, с которым мы тогда познакомились. Было много разговоров и за столом, и по завершении трапезы. В общем, это было еще время, когда на небосклоне отношений ИКП и КПСС изредка пробегали тучки, но не было сплошных облаков, тем более грозových разрядов. Все это еще было впереди.

В 1972 году я возглавил делегацию КПСС в Бельгию. БКП выходила из кризиса, вызванного расколом на две противоборствующие группы после нашего XX съезда. Мировое коммунистическое движение вступало в новый этап развития, но освобождение от груза прошлого шло болезненно. В первую очередь, думаю, потому, что в КПСС процесс перемен был прерван самим Хрущевым и окончательно остановлен во времена Брежнева. У нас не только постарались избавиться от «ереси» Хрущева, но и реанимировать сталинизм, адаптировав его к новым реальностям.

Мы приехали в Бельгию после смерти председателя Компартии Дрюмо, коммунистам предстояло решить вопрос о лидере. Им стал Луи Ван Гейт. Бельгийцы критически оценивали положение в СССР и в КПСС, особенно перспективы развития у нас демократии. А нам нелегко было рассеять сомнения собеседников. Мы говорили, что Советский Союз несет основное бремя борьбы с империализмом, это сказывается и на условиях жизни людей, и на характере общества. Приходится жертвовать многим, нельзя допустить расслабления. Нам надо быть бдительными, мобилизованными, дисциплинированными. Все это в интересах социализма и мира. Словом, обычный набор идеологических предрассудков, усердно вбивавшихся в наши головы агитпропом. Тогда еще над нашим сознанием довлел синдром капиталистического окружения, служивший безотказным аргументом против всяческого «гнилого либерализма».

В этой поездке я столкнулся со многими явлениями, которые помогли осознать общность проблем, стоящих перед разными странами. В Бельгии в тот момент остро обсуждались вопросы языка, социально-экономического развития, структуры и полномочий органов власти Валлонии и Фландрии. Тогда же мы увидели, к чему ведет пренебрежение к экологии. Реки Бельгии сплошь оказались загрязненными отходами промышленности и городов, стали источником болезней. Через

несколько лет мне рассказали, что большинство рек возрождено к жизни, в них снова появилась рыба. Значит, человек может остановить надвигающуюся экологическую угрозу.

Кроме Брюсселя делегация побывала в Льеже, Арденнах, Шарлеруа, Антверпене, Генте, Брюгге. В один из дней нам предложили съездить в Голландию. Ехали ранним утром и наблюдали интересную картину. На протяжении многих километров люди мыли фасады домов, тянувшихся вдоль дороги, расчищали асфальтовые подъезды, копались в садах. Я подумал, что нам ой как далеко до этого, если вообще достижимо.

Вот и граница; я достал паспорта, но никто не стал нас проверять, да и вообще никого не видно. Есть обменный пункт, где можно обменять франки на гульденны, — вот и все. Нашу реакцию угадать нетрудно: «Проклятый загнивающий капитализм. Даже границ у него нет». И еще один повод подумать, что мы искаженно представляем себе зарубежный мир.

Амстердам — это Северная Венеция с уникальной архитектурой, каналами, гаванью, заполненной десятками судов под всеми флагами. Прошлись по набережной, побывали на знаменитой площади, где обосновались хиппи — этот своеобразный сигнал надвигающегося на Запад кризиса 1973—1974 годов. Яркое впечатление произвел переезд Амстердам—Гаага, словно проходишь по выставочной галерее фламандской живописи: зеленые равнины, раскидистые деревья, ветряные мельницы.

Очень важной была для меня поездка во главе делегации в ФРГ в связи с 30-й годовщиной разгрома фашизма. Партийно-государственную делегацию в ГДР в то же время возглавил Кулаков. Мы прилетели во Франкфурт-на-Майне и затем отправились на автомобилях в Нюрнберг, где в двухтысячном зале состоялось заседание, посвященное этой дате. От делегации выступили я и генерал-майор Селезнев, участник штурма рейхстага. Как нам сказали, это было первое за послевоенные годы появление советского военного в мундире на территории Западной Германии. Для этого потребовалось согласие правительства ФРГ. Место, где проходило заседание, находилось под двойной охраной коммунистов и полиции.

Запомнилась встреча со студентами университета. Говорили об уроках истории, о будущем. Мы не почувствовали у юношей и девушек, профессоров недружелюбия — наоборот, они многое хотели узнать об СССР. В Штутгарте мы уже тогда соприкоснулись с проблемой, которая приобрела сегодня в Германии острый характер. Я имею в виду положение иммигрантов (заработная плата, жилье, гражданские права и т.д.). Они оказались людьми второго сорта, в этой среде зреет недовольство, а с другой стороны, чем больше иностранных рабочих, тем больше неприязни коренного населения. Когда я был в Германии в по-

следние годы, расистские проявления взбудоражили всю страну. Но меня порадовало, как решительно предприниматели, интеллигенция, политические партии выступили в защиту демократических сил и гуманистических ценностей.

И еще в той поездке нас поразила мощная антифашистская манифестация во Франкфурте-на-Майне. Шли коммунисты, социал-демократы, представители христианских демократов, солдаты бундесвера, делегаты профсоюзных, молодежных, ветеранских организаций — 250 тысяч человек.

Не могу не вспомнить о беседе у бензозаправочной станции под Мангеймом. Пока машины заправлялись, я решил приобрести сувенир для дочки. Владелец станции, услышав русскую речь, завязал с нами разговор.

— Вот видите, вы празднуете победу, а у нас это день траура.

Я сказал ему, что ведь войну развязали фашисты, люди дорого заплатили за победу над фашизмом.

Мой собеседник с горечью продолжал:

— Вы живете в одной стране — это хорошо, а немцы оказались разделенными. И это очень тяжело.

— Но кто виноват? — спросил я его. — Все это последствия войны. И тут уж ничего не поделаешь.

— Сталин говорил, что гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ, немецкое государство остается. А теперь вот разделили наше государство на две части.

Я спросил:

— Когда вы родились?

— В 1926 году.

— Вы, наверное, в той или иной мере участвовали в войне, в ее заключительной фазе?

— Да.

— Ну так вот, вы были человеком уже сознательным, видели, как развивались послевоенные процессы в Германии. Советский Союз выступал за единую Германию, за ее денацификацию, демилитаризацию и демократизацию.

А чтобы до конца восстановить историческую справедливость, я напомнил ему о планах расчленения Германии, которые разрабатывались не в Москве.

— Я знаю, что предполагалось расчленить Германию на несколько государств, — отметил мой собеседник.

— Но Советский Союз был против такого плана, — сказал я.

— Знаю, — последовал ответ.

В общем, это был откровенный разговор, расстались же мы по-хорошему, с надеждой, что отношения между нашими странами и ситуация в мире будут меняться к лучшему.

Встречи в Германии дали возможность почувствовать, как на самом деле немцы относятся к нам, Советскому Союзу. Я и мои коллеги сходились во мнении — в их сознании происходят глубокие перемены.

В 1976 году я впервые ездил во Францию. Возглавил делегацию в рамках партийного обмена на уровне городов и районов. Была середина ноября, тепло, мягкая осень.

В Тулузе встретились с семьей фермера. Сели за длинный крестьянский стол, проговорили часа три. Хозяева были польщены интересом, который мы проявили к их жизни и делу, а нам хотелось лучше узнать все особенности фермерского труда. Больше всего меня заинтересовало, как фермер интегрирован в сложнейшую систему кооперационных связей — техническое обслуживание, переработка, сбыт и т.д.

Побывали на оптовом рынке. Имея право продать скот сами, крестьяне, как правило, предпочитают заключить договора с перерабатывающим предприятием. Это более надежный и выгодный канал сбыта, опять-таки соединяет личный интерес с возможностью использовать высокие технологии и получать более качественную продукцию.

В той же поездке довелось познакомиться с организацией пастбищного животноводства. Я прекрасно понимал исторически сложившуюся разницу в условиях хозяйствования, различие в климате. И все-таки главным было иное — за всеми деталями производственного процесса просматривался личный интерес работника.

Второй раз я побывал во Франции в 1977 году. В отпуске мы с Райсой Максимовной совершили туристическую поездку в составе небольшой группы. За 21 день проехали на автомобилях 5 тысяч километров. Это было великолепное путешествие, которое накрепко привязало меня к этой великой стране и ее жизнелюбивому народу. Неповторимый Париж — Нотр-Дам, Лувр, Дом инвалидов, Эйфелева башня, Монмартр, Церковь-на-Крови, Музей Родена, Пантеон, церковь, где захоронены Гюго, Золя, Вольтер, Руссо, Ланжевен... Все соприкасается с вечностью.

Была у нас традиционная вечерняя прогулка по Сене на катере, угощение экзотическими блюдами, вроде лукового супа и лягушачьих лапок, превосходными французскими винами.

В празднике «Юманите» миллион участников. Трудно описать это зрелище. Долго ехали в потоке машин, потом пешком добирались до центрального места, где выступали Марше, другие ораторы.

Едем по автостраде Париж—Лион. Переводчик рассказывает, что Францию называют дачей Бога. Когда-то Всевышний распределял землю, закончив, сказал: «Ну, кажется, все, обиженных не будет». Вдруг послышалось всхлипывание. «Кто там?» Ангелы докладывают: «Да это француз жалуется, что о нем забыли». «А что-нибудь у нас ос-

талось?» — «Ничего не осталось, одна ваша дача». — «Так отдайте ее».

Столько я читал и слышал о Лионе — родине Сент-Экзюпери, что, кажется, знаю этот город давно. Любуемся его центром, фотографируемся у знаменитого фонтана со скульптурной группой лошадей. Утром продолжаем автопробег до Канн, а там, расположившись в гостиничном домике на берегу моря, совершаем выезды в Ниццу, в Монако, на границу с Италией. Великолепные архитектурные ансамбли, Лазурный берег, тысячи яхт в заливе, солнце и царство цветов.

Наконец, Марсель — древний и, если можно так сказать, космополитический город, кого только тут нет помимо самих французов — арабы, итальянцы, испанцы, шестьдесят тысяч армян. Главная улица упирается в старый порт, здесь и наша гостиница «Софитель».

В море недалеко от берега живописные острова, на одном из них угрюмый замок, где томился будущий граф Монте-Кристо. Поездка туда на катере доставила большое удовольствие, но на обратном пути усилился ветер, волны, качка, крики: «Тонем!». Капитан в духе французского юмора приговаривает: «Может быть, может быть». Обедали в районе боен, где нас угощали знаменитой марсельской ухой. Еще одна достопримечательность Марселя — ветер мистраль. У многих он вызывает головную боль.

Новые впечатления: присутствие на корриде в городе Ниме, поездка в город Арль, где самые древние памятники Франции эпохи Юлия Цезаря, выставка картин сюрреалиста Миро, знакомство с экспериментальной школой, крестьянским хозяйством, посещение музеев Леже и Пикассо, парфюмерной фабрики, швейного производства. Встречи, встречи и беседы обо всем — об истории и сегодняшней жизни, культуре, насущных нуждах наших стран и простых людей.

Покидаем Канны и через Арль, Авиньон, Бон, Дижон — с ночевкой в кемпинге — на исходе дня 25 сентября прибываем в Париж. Встречаемся с послом Червоненко. Делимся своими впечатлениями, обмениваемся мнениями о ситуации во Франции. Главная тема — каковы шансы на сотрудничество между социалистами и коммунистами.

Последний день в Париже. Встречи и беседы с депутатами Национального собрания. Прогулки по городу. Мы прощаемся с гостеприимной Францией.

Переживания, раздумья

Эти поездки, независимо от повода, были для меня поучительными прежде всего потому, что информацию из-за рубежа мы получали крайне скудную и к тому же подвергнутую тщательной обработке. Поступление газет, журналов, книг, кинофильмов жестко контролировалось,

радиопередачи глушились. Туризм в те годы расширился только в восточноевропейские страны, для поездки на Запад надо было пройти жесткую проверку на предмет идеологической надежности. Так что «железный занавес» — не только литературная метафора, хотя его опустили и с «той стороны». Все это имело следствием превратное представление и у нас, и на Западе друг о друге, питало взаимные страхи и недоверие.

Но вот что интересно — ни в одной стране не почувствовал я враждебности по отношению к советским людям. Да, вопросов было к нам много, но и мы ведь задавали их не меньше. Словом, ни стены, ни занавесы окончательно не развели людей. А главное — с обеих сторон было желание в прямых разговорах разобраться что к чему. Нас поражала открытость, раскованность собеседников, их свободные суждения обо всем, в том числе о деятельности своих правительств, тех или иных политиков национального или регионального масштаба. Часто они расходились в оценках и на этот счет, а вот мы как дома (кроме, конечно, дискуссий на кухне), так и за рубежом демонстрировали постоянную сплоченность и единство взглядов по всем вопросам. И говорили с оглядкой, как бы соотечественники не подумали Бог весть что.

В то же время многое, о чем мы узнали, вызвало у меня неприятие. Например, сравнивая, я укрепился во мнении (и сейчас его придерживаюсь), что народное образование и медицинское обслуживание были организованы у нас на более справедливых принципах. И наша ставка на общественный транспорт казалась предпочтительней перед другими способами решения транспортной проблемы в городах. Но вот что касается функционирования гражданского общества, политической системы, то априорная вера в преимущества социалистической демократии перед буржуазной была поколеблена. И пожалуй, самое важное, вынесенное мной из поездок за рубеж, — вывод о том, что люди живут там в лучших условиях, более обеспечены. Почему мы живем хуже других развитых стран? Этот вопрос неотступно стоял передо мной.

Явно обозначившееся отставание в уровне и качестве жизни, в области передовых технологий, казалось, не очень беспокоило наших руководящих старцев. Вместо того чтобы искать способы преодоления этого отставания, не допустить вползания страны и системы во все более глубокий кризис, в руководстве были озабочены сочинением новых искусственных идеологических концепций, которые должны были освятить существующие реальности и выдать их за достижения исторического масштаба. Так мы узнали, что живем в обществе «развитого социализма». Как не вспомнить о гегелевской абсолютной идее, нашедшей наиболее полное воплощение в прусской монархии.

Я понимал, что начать перемены у нас в стране можно лишь сверху. Это в значительной мере определило мое отношение к предложению перейти на работу в ЦК КПСС.

Прощай, Ставрополье

Мой приезд в Ставрополь для «сдачи дел» был кратким, как и решение, принятое 4 декабря пленумом крайкома: «Освободить т.Горбачева М.С. от обязанностей первого секретаря и члена бюро Ставропольского крайкома КПСС в связи с избранием секретарем ЦК КПСС».

Я почувствовал беспокойство секретарей райкомов, горкомов, партийного актива. Смена «первого» сопровождалась обычно крутыми переменами в расстановке кадров. Поэтому мы договорились с Мураховским сделать в своих выступлениях упор на преемственность, на развитие тех позитивных начинаний, которые стали осуществлять в крае. Ну а я, чтобы снять напряженность, прямо сказал членам пленума, что в главных кадровых вопросах у нас с Всеволодом Серафимовичем полное взаимопонимание, если же в дальнейшем и возникнут какие-то проблемы, он будет советоваться со мной.

Забегая вперед, скажу, что Мураховский так и поступал. Однако сам я избегал «опекунства»: люди, берущие на себя ответственность, должны располагать свободой действий.

Расставание с членами пленума крайкома, с работниками аппарата было сердечным. Прощальной поездки по краю я решил не делать, полагая это нескромным. Потом не раз думал, что зря я так поступил, все-таки надо было побывать у людей, с которыми столько связано и пережито, сказать им доброе слово, пожать руку.

47 лет — возраст зрелый, и я понимал, что с отъездом из Ставрополя завершается целая полоса моей жизни. Грустное чувство предстоящей разлуки овладело мною. Я не только здесь родился и вырос, все сознательные годы, все, что я до сих пор делал, было связано со Ставрополем.

И для Раисы Максимовны край стал родным и близким. После нескольких лет поисков работы по специальности она начала преподавать на экономическом факультете Ставропольского сельхозинститута. Читала лекции студентам и аспирантам по философии, эстетике, проблемам религии. Включившись в научную работу коллектива кафедры, всерьез занялась социологическими исследованиями жизни, быта, настроений людей. Сотни километров, исхоженных по станицам и селам, долгие откровенные беседы с жителями, стремление понять их заботы и дела — все оставляло свой след в душе, рождало ощущение причастности к народной жизни. По времени это совпадало с возрождением и становлением новой советской социологической школы. Результатами исследования социально-психологических проблем со-

временного крестьянства заинтересовались в Москве. Раиса Максимовна успешно защитила диссертацию. Кстати, и для меня ее исследования представляли интерес, подсказывали необходимость принятия тех или иных решений.

После защиты диссертации и нескольких лет работы в должности доцента Раисе Максимовне делались предложения возглавить кафедру, но на семейном совете было решено отказаться. Людская молва, с которой нельзя не считаться в провинциальном (и не только!) городе, связала бы данное назначение прежде всего с моим положением. Честно говоря, и сама она не рвалась в «начальники». Самостоятельная научная и преподавательская работа занимала ее время полностью и приносила моральное удовлетворение.

Моя работа, профессия Раисы Максимовны заставляли нас много трудиться над собой. И это осталось правилом навсегда. Использовали любые возможности. Особым «пунктиком» стало пристрастие к книгам, собственная библиотека, которую собирали всю жизнь. Одна из привилегий, которыми пользовались первые секретари — через книжную экспедицию ЦК заказывать по спискам литературу, — давала благоприятные возможности. Каждый заказ обсуждали, чтобы учесть общие потребности семьи и специфические интересы каждого.

Когда мне дают рефераты по некоторым книгам о Горбачеве, вышедшим в последние годы, читаю и поражаюсь: сколько легковесных суждений! Дело не только в незнании фактов моей жизни, но прежде всего — в вольной интерпретации мотивов тех или иных поступков и решений. Штампы в описании образа жизни в бывшем Советском Союзе переносятся и на описание жизненного пути Горбачева.

Особенно много невероятного придумано в попытках объяснить, как удалось человеку из народа возглавить государство, пройти все ступени иерархии. Тут фантазия некоторых авторов не знает удержа. Разрабатывая тему «покровителей», утверждают, якобы наша семья по линии Раисы Максимовны связана родственными узами с Громыко, Сусловым, знатными учеными и т.д. Все это досужие выдумки. Мы сами сотворили свою судьбу, стали теми, кем стали, сполна воспользовавшись возможностями, открытыми страной перед гражданами.

Домашний наш быт строился на активном участии всех, но с годами все меньше и меньше — на моем. Нелегко давалось Раисе Максимовне совмещение профессиональной деятельности, требовавшей большой самоотдачи, с ведением домашнего хозяйства, заботой о ребенке.

Наверное, наш пример для Ирины был решающим. Ирина — наша единственная дочь, хорошо училась все годы, среднюю школу окончила с золотой медалью, занималась музыкой. Не помню, чтобы мы применяли какую-то специальную методику воспитания. Нет, просто вели

активную, интересную трудовую жизнь. Мы доверяли дочери, и она пользовалась своей самостоятельностью во благо. К 16 годам прочитала всю отечественную и зарубежную классику в нашей библиотеке. Потом, уже будучи взрослой, призналась, что читала в основном по ночам.

В последний год нашей жизни на Ставрополье в семье произошло большое событие: Ирина вышла замуж. 15 апреля 1978 года сыграли свадьбу.

А свадебное путешествие молодожены провели в поездке на теплоходе по Волге. Вернулись, полные впечатлений и счастливые, за день до нашего юбилея — серебряной свадьбы.

Ирина и Анатолий, как мне показалось, легче, чем мы, расставались со Ставрополем. Москва их манила; по перешептываниям, нетерпеливым взглядам было видно, что мысленно они уже там, в столице.

В день отъезда мы с Раисой Максимовной решили попрощаться с городом, сели в машину и проехали от исторического центра до новых кварталов, где Ставрополь выплескивался за пределы старых границ к лесу. А дальше — поехали к Русскому лесу, где все было исхожено нами вдоль и поперек. В трудные моменты жизни природа была для меня спасительным пристанищем. Когда нервное перенапряжение на работе достигало опасного предела, я уезжал в лес или степь. Бежал к природе со своими бедами, как когда-то в детстве к ласковой материнской руке, способной защитить, успокоить. И всегда чувствовал, как постепенно гаснут тревоги, проходит раздражение, усталость, возвращается душевное равновесие.

Даже в черные, трагические для самой природы годы, когда беспощадный зной поражал все живое и красавица-степь выгорала буквально дотла, превращаясь в огромное, саднящее душу пепелище, даже тогда природа учила мужеству и самообладанию. Стоило на это пепелище пролиться первым благодатным дождем, как происходило чудо. Еще день-два назад казалось, что степь умерла, ничто не может вернуть ее к жизни. И вдруг она начинала дышать, оживать, возрождаться. Откуда только брались у нее силы? Глядя на это буйное цветение, человек невольно заражался надеждой.

Говорят, грандиозны и живописны Тянь-Шань и Гималаи, красив Горный Алтай. Согласен, видел это в кино и на полотнах живописцев. Я в восторге от природы Сибири — она навсегда покорила меня своей неповторимой суровой красотой. И все-таки, на мой взгляд, не могут они по красоте конкурировать с Кавказом. Пройдите через перевал к Сухуми или, наоборот, от моря к Красной поляне, к озеру Рица и в Архыз. Потрясающей красоты картины открываются одна за другой.

Кавказ — это вечные ледники, царственно величавые, безмолвные, мудрые горы, столько повидавшие на своем веку, такие далекие от сиюминутной людской суеты. Это и веселые, зеленые склоны, сплошь

покрытые пышной, многоцветной растительностью. Голые скалы и мрачные ущелья — это тоже Кавказ.

Пожалуй, никто не нашел лучших слов о Кавказе, чем Лермонтов:

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню Отчизны моей
Люблю я Кавказ.

Раиса Максимовна разделяла мою страсть к природе. Сколько километров мы с ней прошагали! Ходили летом и зимой, в любую погоду, даже в снежные метели. В такую метель и мы попали, думали уж, что и не выберемся. Слава Богу, вышли к линии электропередачи и по ней сориентировались.

И еще запомнилось, как однажды, в конце апреля—начале мая, пригласил нас с Босенко секретарь Калмыцкого обкома партии Басан Бадьминович Городовиков в Манычский заповедник. Раиса Максимовна до сих пор часто вспоминает эти удивительно красивые острова с пеликанами, множеством других птиц и бескрайние, на десятки километров, поля тюльпанов — красных, желтых. Есть примета: найдешь черный тюльпан — к счастью. И представьте — нашли.

Но пеликаны и тюльпаны — это все-таки экзотика. А мы больше всего любили нашу ставропольскую степь, особенно в конце июня. Уедем вдвоем подальше от города. До самого горизонта мягкие переливающиеся волны хлебов. Можно было заехать в глухую лесополосу и раствориться в этом безмолвии и красоте. К вечеру жара спадала, а ночью в созревающих пшеничных полях начинались перепелиные песни. Тогда-то и наступало ни с чем не сравнимое состояние счастья от того, что все это есть — степь, хлеба, запахи трав, пение птиц, звезды в высоком небе. Просто от того, что ты есть.

Единение с природой достигало такой ноты, что начинало казаться, будто мы уже в каком-то ином мире. Это невозможно передать словами. Наверное, именно такое ощущение испытывает истинно верующий человек в храме во время богослужения. Что ж, природа — тот же храм, никогда не была она для меня «окружающей средой» или «зоной отдыха», где горожанин собирает цветочки. Я всегда ощущал столь сильную органическую связь с природой, что могу с уверенностью утверждать: формировали меня не только люди, общество, но и она. Много во мне — в характере и, если хотите, в мироощущении — от нее, от того, что существую не только я в ней, но и она во мне.

Откуда это? Наверное, от тех самых истоков, с которых все начиналось. В давние довоенные годы, о которых я уже рассказывал, когда деда Пантелея из Привольного назначили председателем в дру-

гой колхоз — «Красная звезда», он оставил моим родителям огород и большой сад, занимавший, наверное, площадь более гектара. Это и был мой мир.

При закладке сада, очевидно, имелся план. Строго посередине возвышались пять или шесть огромных абрикосовых деревьев. Им было лет по тридцать—сорок, не меньше, и мне они казались гигантскими. Помню еще, что все абрикосы на них были со сладкими косточками, между деревьями росла низкостелющаяся алыча, а под ней — мягкая трава.

Справа от абрикосов красовался молодой вишневый сад. «Шпанка» — так называли вишневые деревья, что означало — испанские. Ягоды у них были либо крупные с кислинкой, либо средние, но очень сладкие. И не только вкус их запомнился, разве мыслимо забыть эти вишни, эту белоснежную пену в пору цветения!

Росли там яблони и груши, тоже разных сортов. Каких именно, меня тогда не интересовало. Помню лишь, очень вкусные, а главное — созревали в разное время, так что хватало их на все лето и осень. За яблонями и грушами сливы, черные и белые. Сад постепенно переходил в заросли карагача. Сначала шли большие деревья, потом сплошной кустарник. Настоящие джунгли, занимавшие чуть ли не треть территории сада. Были у меня там свои потаенные места, и, когда однажды попалась мне книжка «Всадник без головы», именно там исчез я почти на трое суток. Мать с ума сходила: не знала, что и думать. Но пока не дочитал до конца, не объявился. Ох уж и «воспитывала» она меня потом!

Глубокий когда-то ров, окружавший весь участок, со временем зарос и скорее напоминал широкую, плоскодонную канаву. По всему периметру сада росла алыча, дававшая самые разные по размеру, цвету, вкусу и сочности плоды. Их хватало и для нас, и для домашней живности. Рядом располагались посадки акации, но не той, колючей, которая может служить забором, а нежной, с белыми цветами, что вдохновляла поэтов. Помните? «Белой акации гроздь душистые...» Пять самых крупных и уже изрядно постаревших акаций окружали мое первое жилье на самой окраине Привольного.

Я вижу этот сад и поныне, но, увы, нет его больше. В снежную зиму 1941 года, когда из-под сугробов торчали лишь верхушки деревьев, я ползал в валенках по насту и рубил их — ведь надо было жить, значит, как-то обогреваться. Много садов за несколько дней пребывания в Привольном в 1942 году уничтожили немцы.

Все-таки что-то осталось, и этими остатками мы пользовались в первые послевоенные годы. Но то, что не погибло в войну, дорубил «зверевский налог» (так назван по имени министра финансов Зверева), по которому крестьяне за каждое деревце на усадьбе, неважно, давало

оно урожай или нет, должны были платить государству мзду. Вот тогда пришел конец нашим садам.

В годы моей учебы в МГУ родители построили новую хату — в центре села, ближе к месту работы отца. Туда я приезжал на каникулы, там состоялась первая встреча Раисы Максимовны с моими отцом и матерью. Старую хату продали. Новые хозяева в ней жили недолго. Привольное строилось, дома ставились по новому плану, окраина опустела.

Однажды, когда я вновь оказался в Привольном, поехал на край села. Теперь тут все распаханно, растут хлеба и травы. Нет ни нашей старой хаты, ни волшебного сада моего детства. Так что живут они теперь только в моей памяти...

Проехав через весь город и вырвавшись за его пределы, машина остановилась у края леса. Это было 5 декабря. Зима. Мы с Раисой Максимовной вышли из автомобиля и пошли пешком. Лес не был таким нарядным, как осенью. Сгущавшиеся сумерки придавали ему печальный вид, словно и он прощался с нами. Защемило сердце.

На следующий день, оторвав шасси от ставропольской земли, самолет взял курс на Москву.

Глава 7

НА СТАРОЙ ПЛОЩАДИ

**Новый,
непривычный мир**

Квартиру в столице мы получили не сразу. Нас временно поселили на даче в Горках-Х.

Ирина с Анатолием оставались в Ставрополе.

С первого дня возникло чувство одиночества — будто выбросило нас на необитаемый остров, и никак не сообразишь, где мы, что с нами и что вокруг. Одновременно ощущение душевного дискомфорта, оттого что мы «под колпаком». Дачка небольшая, подсобных помещений нет. Тут же обслуживающий персонал, офицер охраны. Обменяться мнениями, обсудить свои впечатления мы с Раисой Максимовной могли только на территории дачи, ночью на прогулке после возвращения с работы.

Вскоре нам предложили другую дачу — в Сосновке, неподалеку от Крылатского. Напротив, через Москву-реку, Серебряный бор. В 30-е годы на этой даче жил Орджоникидзе, а до нас — Черненко. Строение не отличалось особой архитектурной мыслью. Старый деревянный дом, изрядно износившийся, но уютный. Заботились о нем мало, поскольку на его месте хотели построить новый. Дача была своего рода перевалочным пунктом для вновь избранных. Раиса Максимовна съездила в Ставрополь, вернулась с ребятами и пожитками и начала обустроить новое местожительство. В кругу семьи встретили мы новый, 1979 год. Под звон курантов подняли бокалы, поздравили друг друга, в душе надеясь, что все образуется.

По мере того как менялось мое положение в партийной иерархии, менялись и дачные дома. По установленному порядку член Политбюро жил на даче побогаче той, в которой размещались кандидат в члены Политбюро или секретарь ЦК. Но при всех различиях на тех и других лежал отпечаток угнетающей казарменности. В первое время мы никак не могли отделаться от ощущения, что живем в гостинице. Лишь

постепенно усилиями Раисы Максимовны складывался близкий нам по духу микромир.

Квартиру получили позднее на улице Щусева в доме, который москвичи называли «дворянским гнездом». Там же поселились Ирина и Анатолий. Но жить продолжали на даче, так как обустройство нового жилья потребовало много времени.

В Москву я приехал, хорошо понимая, какие обязанности принял на себя. С первых дней весь ушел в работу и работал как каторжник, по 12—16 часов в сутки.

Почти девять лет проработал я первым секретарем в Ставрополе. На самом острие политики. И если в первые годы моей партийной карьеры нет-нет да и возникала мысль, не прибиться ли к другому берегу, то работа секретаря крайкома партии окончательно убедила в правильности сделанного выбора. Политика взяла верх. Ей были отданы лучшие годы жизни, я почувствовал ее вкус, и теперь уже этот мир захватил меня полностью.

Как члену ЦК и секретарю крайкома мне приходилось постоянно быть в контакте с «верхами». Казалось, порядки «царского двора» мне известны. Но лишь в столице я убедился, что все обстоит гораздо сложнее, чем я представлял. Только со временем удалось уловить тонкости и нюансы отношений «наверху».

На первых порах мое энергичное включение в работу Секретариата ЦК, обсуждение вопросов на его заседаниях вызвало у моих коллег не очень-то позитивную реакцию. Некоторые смотрели на меня как на «выскочку». Я всячески сопротивлялся тому, чтобы стать очередной жертвой этой машины, увязнуть в рутине субординации. Легко сказать, но выдержать такую линию поведения совсем не просто. В Ставрополе, будучи секретарем крайкома, я имел куда больше свободы, нежели здесь, оказавшись на самых верхних этажах власти в Москве.

Политбюро и Генеральный секретарь

Мой рассказ о работе в Секретариате ЦК и Политбюро будет более понятным и убедительным, если я хоть кратко коснусь истории возникновения этих институтов.

Сам термин «Политбюро» появился, как известно, в октябре 1917 года, когда понадобилось создать орган для политического руководства восстанием. Но как постоянную руководящую структуру Политбюро избрали лишь в марте 1919 года. До этого все, в том числе мелкие текущие вопросы, решал ЦК, заседания которого даже в разгар революционных событий проходили чуть ли не еженедельно.

Пока численность ЦК не превышала 10—20 человек, это было вполне возможно. Но по мере того как росла партия и расширялся ее

Центральный Комитет, куда стали избираться работники не только центральных учреждений, но и провинции, функционировать по-прежнему он уже не мог. Тогда-то создали Политбюро и Оргбюро, руководившие партией в промежутках между пленумами ЦК. В этих органах постепенно сосредоточилась вся полнота власти.

Первое Политбюро представляло собой ядро прежнего состава ЦК. Это были политические фигуры, известные всей партии и стране. Председателя формально не существовало, авторитет каждого члена зависел не от должности и занимаемого места, а, наоборот, — место зависело от реального авторитета. Председательствовал на заседании обычно Ленин — его лидерство было непререкаемым. Но заседание могли вести и другие, например Каменев.

На Политбюро старались выносить наиболее существенные политические вопросы, а на Оргбюро перекладывали «текучку», или, как говорили тогда, «вермишель». По отношению к Совнаркому и другим органам государственной власти и учреждениям постоянно проявлялись две противоположные тенденции. С одной стороны, Ленин не раз заявлял, что недопустимо наступать правительству на пятки, а с другой — как только возникала конфликтная ситуация, сразу же грозил наркомам «вытащить на Политбюро». Позднее, когда лидер партии перестал одновременно быть и руководителем правительства, эта тенденция приняла доминирующий характер.

Что касается Секретариата ЦК, то с годами менялись его функции, персональный состав. И между прочим, именно в этом четко проявилась зависимость места и роли учреждения от того, в чьих руках оно находится. С августа 1917 года возглавлял Секретариат Я.М.Свердлов, одновременно являвшийся председателем ВЦИК. При нем вся организационно-техническая, так называемая «аппаратная», работа носила сугубо вспомогательный характер и направлялась исключительно на обеспечение деятельности ЦК.

Но после того как Свердлова не стало, а объемы организационной работы продолжали нарастать, Секретариат расширили, и в 1919 году в него вошли Н.Н.Крестинский, Е.А.Преображенский, Л.П.Серебряков, являвшиеся членами ЦК и Оргбюро ЦК. Членом Политбюро из них был лишь Крестинский. Его даже называли иногда «первым секретарем», но, мне кажется, Крестинского гораздо больше интересовал Наркомат финансов, которым он продолжал руководить в эти годы. Вообще, у старых революционеров отношение к «секретарской» должности было несколько пренебрежительным. «Народный комиссар» — звучало куда весомее.

В 1921 году все трое секретарей очутились в рядах оппозиции, да и «аппаратчиками» оказались они никудьшными. Поэтому после X съезда РКП(б) в Секретариат избрали функционеров менее извест-

ных, но более склонных к аппаратной работе — В.М.Молотова, В.М.Михайлова и Е.М.Ярославского. Они также являлись членами ЦК и Оргбюро ЦК, но в состав Политбюро не входил никто.

Очень скоро стало ясно, что надо как-то поднимать авторитет Секретариата и вообще наводить порядок в партийном аппарате. Вот тогда-то и родилась идея направить в Секретариат члена Политбюро Сталина. До того был он единственным «дважды наркомом» — по делам национальностей и рабоче-крестьянской инспекции. Поэтому, чтобы не было ему обидно, новую должность назвали не просто «секретарь ЦК» или «первый секретарь». 3 апреля 1922 года Пленум ЦК избрал Сталина «Генеральным секретарем ЦК РКП(б)».

Не прошло и девяти месяцев, как Ленин 25 декабря 1922 года написал: «Тов.Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Сталин показал, что значит держать в своих руках аппарат, а главное — кадры, назначения на все более или менее видные посты в центре и на местах. Он стал влиять даже на формирование повестки дня и решения Политбюро, ибо проекты постановлений готовились в недрах Секретариата. Иными словами, из органа вспомогательного, оказывавшего организационно-техническую помощь Политбюро, Секретариат постепенно превращался в исполнительный орган политического руководства.

Влияние на властные структуры со стороны Политбюро, где председательствовал мягкотелый Каменев, а также Совнаркома, который возглавил Рыков, ослабевало. И наоборот, значение Секретариата, тесно связанного с региональными партийными лидерами, усиливалось. Сталину удалось наладить отношения с местными кадрами, продвинуть на ключевые посты своих людей и с их помощью нанести поражение соперникам.

Со временем Советы все более становились носителями местных интересов, а народные комиссариаты — выразителями отраслевых, ведомственных позиций. Партия стала выступать как интегрирующая сила, отстаивающая «общегосударственный интерес». Постепенно в центре и на местах партийные комитеты начинают подминать государственные органы. На заседаниях бюро и пленумов не только в Москве, но и в регионах решаются теперь уже не только политические, но и глубоко хозяйственные вопросы.

Менялась не только власть, приобретающая тоталитарный характер, менялась сама партия и ее функции. Она становилась не обычной общественно-политической организацией, а механизмом управления обществом, несущей конструкцией формировавшейся командно-бюро-

кратической системы. И любое покушение на изменение этой роли воспринималось как «подрыв устоев».

Косыгин не принадлежал к числу наивных людей. Когда при Брежнев в аппарате ЦК стали создавать мощные отделы по всем народно-хозяйственным вопросам, Алексей Николаевич попытался воспротивиться. Но без успеха. Их все-таки сформировали, и дело дошло до того, что в ЦК функционировал даже «сектор кремнийорганических производств». Отделы и сектора не отвечали непосредственно за результаты работы, но плотно контролировали министерства и предприятия, влезая во все дела и создавая нередко дополнительные помехи. В ответ на это в рамках управления делами Совмина насоздавали отделов по крупным отраслям. Возникали все новые и новые министерства.

Вот так и шла все время конкуренция со взаимным подсиживанием и подножками, эдакий «вечный бой» между партийным и правительственным аппаратом. Ее результатом явилось создание громоздкой, малоэффективной и насквозь забюрократизированной партийно-государственной системы управления.

По логике существовавших Конституций партия должна была выработать политику, Верховный Совет — принимать законы, а правительство — проводить эту политику в жизнь и исполнять законы. Схема вроде бы демократичная. Но поскольку партия вторгалась в функции и законодательной, и исполнительной власти, вся схема разваливалась на глазах. Получалась сплошная мешанина. С одной стороны, полное отсутствие разделения властей и какого бы то ни было контроля, с другой — концентрация власти без предела.

Брежнев извлек уроки из опыта Хрущева. Он восстановил сельские райкомы и прежнюю роль региональных партийных комитетов. На XXIII съезде возродил и занял пост Генерального секретаря. Главной его опорой опять стали первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК республик. Испытанная сталинская схема. Но если при Сталине она поддерживалась репрессиями, то при Брежнев это был своего рода «общественный договор» между основными носителями власти.

«Договор» этот никто не формулировал, его никогда не записывали и тем более не упоминали. Но он реально существовал. Смысл его состоял в том, что первым секретарям в их регионах давалась почти неограниченная власть, а они, со своей стороны, должны были поддерживать Генерального, славить его как лидера и вождя. В этом была суть «джентльменского» соглашения, и оно тщательно соблюдалось. Характерно, что Леонид Ильич лично держал связь с первыми секретарями даже тогда, когда был тяжело болен и ему трудно было вести разговор.

Аналогичное «соглашение» существовало и с правительством. За ним признавалось право на оперативное управление экономикой, соци-

альной сферой. Но любой мало-мальски крупный вопрос должен был предварительно получить одобрение в партийной инстанции. Ну а ряд ведущих министерств, таких, как МИД, Министерство обороны, госбезопасность, МВД, практически полностью находились в руках Политбюро и Секретариата, оставаясь при этом на бюджете и в структуре Совета Министров.

На протяжении десятилетий руководящая и всепроникающая роль высших партийных структур не имела четкого легитимного оформления. В сталинской Конституции содержалось упоминание о партии как руководящем ядре всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных. Но оно в тексте Конституции было где-то на отшибе, в главе X — об основных правах и обязанностях граждан, — воспринималось как некая общая декларация, а не конституционно-правовая норма. И только в брежневской Конституции появилась шестая статья, закрепившая положение КПСС как «ядра политической системы». Так пытались придать видимость легитимности, освятить конституционными нормами реальность, которая сложилась в стране.

Брежневские времена

К моменту моего переезда в Москву перегруппировка сил внутри высших партийных структур в основном завершилась. Я уже говорил, что приход Брежнева к власти в октябре 1964

года стал результатом компромисса между группировками, свергнувшими Хрущева. Брежнев казался фигурой не очень значительной, полагали, что им легко можно будет манипулировать. Но расчеты эти не оправдались. С помощью нехитрых приемов политической игры он сумел упрочить свое положение, стать практически недосыгаемым.

Пожалуй, главным из этих приемов являлось умение разъединять соперников, подогревать взаимную подозрительность претендентов на власть, оставляя за собой роль главного арбитра и миротворца. Со временем для меня стало очевидным и другое его качество — злопамятность. Нелояльного к себе отношения он не прощал, но при этом обладал способностью дожидаться удобного момента для замены неугодного лица. Никогда не прибегал к методам лобовой атаки, вел постепенно, шаг за шагом к развязке, вышибанию неугодных из состава руководства.

Отстранением Подгорного в 1977 году и Косыгина в конце 1980 года завершилось утверждение единоличной власти Брежнева. Ирония судьбы состояла в том, что это произошло уже после того, как Брежнев начал утрачивать работоспособность; власть его приобрела эфемерный характер.

Судя по воспоминаниям академика Чазова, болезнь генсека стала прогрессировать в начале 70-х годов. Роковую роль сыграли склероз

мозговых сосудов и злоупотребление успокаивающими препаратами, вызывавшими депрессию и вялость. Он менялся на глазах. Раньше был не только более энергичным, но и более демократичным, не чуждался нормальных человеческих отношений. Поощрял обсуждения, случались даже дискуссии на заседаниях Политбюро и Секретариата. Теперь ситуация изменилась коренным образом. О дискуссиях, уж тем более о какой-либо самокритичности с его стороны не могло быть и речи.

Казалось бы, общее состояние здоровья и интеллекта Брежнева требовало поставить вопрос о его уходе в отставку. Это было бы гуманно и целесообразно с точки зрения человеческой и интересов государства. Но Брежнев и его ближайшее окружение и думать не хотели о расставании с властью. И себя, и других убеждали, что-де уход Брежнева нарушит установившееся равновесие, подорвет стабильность. Словом, опять «незаменимый», хотя и полуживой.

Помню, как на одном из заседаний Политбюро председательствовавший «вырубился», потерял смысловую нить обсуждения. Все сделали вид, что ничего не произошло. Хотя все это оставляло тяжкое впечатление. После заседания я поделился своими переживаниями с Андроповым.

— Знаешь, Михаил, — повторил он почти дословно то, что и раньше мне говорил, — надо делать все, чтобы и в этом положении поддержать Леонида Ильича. Это вопрос стабильности в партии, государстве, да и вопрос международной стабильности.

Не только он, думаю, большинство членов Политбюро не хотели ухода Брежнева. Слабеющий генсек вполне устраивал первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК республик, устраивал он и премьер-министра, министров, ибо они становились полными хозяевами в своих епархиях. Иными словами, тут, как и при обретении Леонидом Ильичом власти, действовал упоминавшийся «общественный договор».

Удержанию шаткого равновесия должна была, по их мнению, способствовать и тщательно оберегаемая субординация, каждый должен был знать свое место, свой «шесток» и не претендовать на большее. Эта субординация доводилась порой до полного абсурда и предусматривала буквально все, даже рассадку в зале заседаний Политбюро. Я не шучу!

Казалось бы, собираются коллеги, соратники. Чего уж чиниться? Но нет, каждому надлежало занять за столом строго определенное место. Справа от Брежнева садился Суслов, слева — предсовмина Косыгин, а после его ухода — Тихонов. Рядом с Сусловым — Кириленко, затем Пельше, Соломенцев, Пономарев, Демичев. С другой стороны, рядом с Косыгиным, — Гришин, потом Громько, Андропов, Устинов, Черненко и, наконец, Горбачев. Стол большой, и когда Леонид Ильич

начинал советоваться с одной половиной, скажем, Суловым, то при его дикции нам, сидевшим в конце стола на другой половине, услышать и понять было просто трудно.

Соседство с Константином Устиновичем также создавало определенные неудобства. Он постоянно вскакивал с места, подбегал к Леониду Ильичу и начинал быстро перебирать бумаги:

— Это мы уже решили... Это вам надо зачитать сейчас... А это мы сняли с обсуждения...

В общем, картина тягостная. Делалось все это открыто, без всякого стеснения. Мне было стыдно в такие минуты, и я иногда думал, что и другие переживают аналогичные чувства. Так или не так, но все сидели, как говорится, не моргнув глазом.

Наблюдая эти «дворцовые игры», я понимал, что единственным спасением от того, чтобы не увязнуть в них по уши и не опуститься до подобных интриг, является дело, которому я посвятил себя и за которое нес персональную ответственность. Поэтому время свое старался тратить прежде всего на углубленный анализ и осмысление аграрной политики.

Вопросы, вопросы...

В 1978 году объявили о небывалом урожае — 237 миллионов тонн. Первые же оценки государственных ресурсов, однако, опрокинули эти цифры. У нас учет зерна ведется по бункерному весу, а во многих регионах уборка шла в условиях повышенной влажности. Когда его подсушили и довели до нормы, зерна оказывалось много меньше, как минимум на 20—25 миллионов тонн.

Но это никого не смущало. Наоборот, протрубили, что, мол, близится достижение заветной цели — тонна зерна на душу населения.

Почему не полторы тонны, как у венгров? На протяжении ряда лет, по официальным данным, мы производили на душу населения около 750 кг зерна. Примерно столько же, сколько Франция. По моей просьбе подсчитали, что в странах всего Европейского Экономического Сообщества, где проживает приблизительно столько же людей, сколько у нас, валовой урожай зерна был меньше. На производство концентрированных кормов там использовали 74 миллиона тонн, в то время как нам уже не хватало 100—110 миллионов тонн. А производство и потребление всех животноводческих продуктов в странах ЕЭС было значительно выше, чем у нас.

В чем же дело? На первый взгляд парадокс — при меньших затратах зерна больше продукции. Но все дело в том, что в западных странах кроме зерна на выработку комбикормов затрачивается более 30 миллионов тонн белковых добавок, и это сразу меняет дело, получается сбалансированный по питательным элементам корм, дающий высо-

кий эффект. Далее, пастбищные корма там составляют от 35 до 47 процентов, а у нас — примерно 17—20. В целом в расчете на одно животное в западных странах кормов расходуется в 1,5—2 раза больше. Наконец, селекция. У нас борьба «за хвосты», там — за высокопродуктивные породы. Скольких руководителей сельского хозяйства освободили за невыполнение плана по поголовью! Это делал и я на Ставрополье.

Первые дни моей работы в ЦК совпали с началом зимовки в животноводстве. Республики и области завалили просьбами выделить из госресурсов концентрированные корма. Урожай удалось получить не во всех регионах.

Что такое государственные заготовки, я и до того знал хорошо. Но теперь, когда поле зрения расширилось до пределов страны, увидел картину, которая наводила на самые грустные размышления. Заготовка зерна никогда не была у нас обычным, хозяйственным, что ли, делом. Нет, это всегда была массовая политическая кампания, завершающий этап «всемирной битвы за хлеб». Она стояла в центре внимания партии, от Политбюро до райкомов и первичных парторганизаций. Больше всего партработники теряли головы на заготовках. Тут уж пощады ждать не приходилось.

В ход шла жесткая машина выжимания, выгребания, вытряхивания зерна из каждого совхоза и колхоза. Любой, кто пытался смягчить эту кампанию или просто придать ей здравый смысл, квалифицировался как руководитель «с кулацким душком и настроениями». И надо было обладать очень большим искусством аргументации, чтобы объясняться с ЦК в тех случаях, когда установленные государством задания не удавалось выполнить.

О здравом смысле я упомянул не случайно. По традиции, идущей чуть ли не с времен Гражданской войны, считалось, что нужно заготавливать максимально возможное количество зерна. Если оно в руках у государства, то, во-первых, его не растащат, а во-вторых, им можно по-хозяйски распорядиться, поддержав тех, у кого есть нужда, и не давая возможности «разбазаривать» тем, кому в этом году повезло с урожаем. То есть даже колхозы и совхозы, полностью выполнившие план заготовок, не могли распорядиться оставшимся зерном — оно «выбиралось» для покрытия недостачи в других хозяйствах. Ясно, что тем самым заинтересованность в наращивании производства снижалась, фактически сводилась на нет.

Порой дело доходило до глупости. Планы заготовок пшеницы доводились, к примеру, до хозяйств Ленинградской, Ярославской, Калининской и других областей Нечерноземья, где зерно этой культуры было такого низкого качества, что не всегда годилось даже на кормовые цели. Сдавая государству десятки тысяч тонн такого зерна, эти области

получали от государства сотни тысяч тонн зернофуража для животноводства, не говоря уж о продовольственном зерне. При этом для стимулирования посевов зерновых здесь платили за тонну 24 рубля, а в Ставропольском и Краснодарском краях, где выращивалась высоко-сортная пшеница, за нее платили лишь 7—10 рублей.

Или возьмите Прибалтику и Белоруссию. Они являлись крупными потребителями зерна из государственных ресурсов: около двух миллионов тонн ежегодно направлялось в Белоруссию, от 700 тысяч до миллиона тонн — в каждую из Прибалтийских республик. Тем не менее все они имели план заготовок зерна. Считалось — каждый регион должен участвовать в наращивании его производства. Во всех республиках необходимость обеспечения общегосударственных заготовок доминировала над удовлетворением потребностей своих хозяйств и населения. И психология у многих руководителей республик, краев, областей складывалась соответствующая. Выгребали хлеб, рапортовали в надежде отличиться, опередить, быть замеченным, наконец, получить очередной орден. И тут же не моргнув глазом садились писать прошение в центр о выделении зерна и кормов из государственных ресурсов.

Таков был заготовительный ажиотаж, в котором я сам участвовал на протяжении многих лет — и в Ставрополе, и уже работая в Москве. Но и зерно, которое собирали, плохо хранилось и еще хуже использовалось, особенно та его часть, которая шла на выработку комбикормов. Не хватало заводов, техники, хранилищ, транспорта, белковых добавок. Создание всей этой инфраструктуры требовало огромных капитальных вложений и откладывалось до «лучших времен». А управленческие и партийные структуры наваливались на заготовки — забрать побольше и подешевле.

В заготовительном деле сложно переплетались государственные нужды и притязания бюрократов, реальная политика и элементарная бесхозяйственность, идеология и почти языческое обожествление хлеба, воспитанное годами голода и недоедания.

Взаимоотношения города и деревни, судьба крестьянства, земля и люди на земле, сохранение природы — эти извечные вопросы не давали мне покоя. Чем больше вникал я в них, тем больше одолевала тревога за положение в стране, тем больше возникало сомнений в разумности проводимой экономической политики.

Единая плановая система, опирающаяся на единую государственную собственность, вроде бы открывала гигантские возможности для учета реальных процессов в их взаимосвязи, рационального решения узловых проблем народного хозяйства. Теоретически так, но эта доктрина на практике давила инициативу. Сверхцентрализованная плановая система в огромной стране создавала сложнейшую многоступенчатую

иерархию чиновников, каждый из которых — по законам функционирования всех бюрократических систем — стремился извлечь какую-то выгоду из своего положения.

В руках центра в значительной мере концентрировалось все, что производилось в стране. Здесь же все распределялось. С первых дней, когда на меня обрушился поток просьб и ходатаев о «выделении фондов», «оказании помощи», я увидел, что на самых различных уровнях государственного и партийного аппарата чиновники различных рангов используют решение этих вопросов для укрепления своего влияния и власти. Дать или не дать корма, удобрения, технику, стройматериалы зависело от тех, кто был у власти или просто причастен к принятию решений. И тут личные интересы, связи, кумовство нередко значили куда больше, чем справедливость или деловой расчет.

Почва для коррумпированности создавалась самая благодатная. Формы ее были весьма многообразны: чтобы ухватить кусок от общего пирога, в ход шли все средства. Помимо вульгарной взятки, подношений и подарков существовали и более «тонкие» — взаимная поддержка и мелкие личные услуги различного свойства, совместные пьянки под видом охоты или рыбалки.

Идея, возникшая у меня в этой связи, могла показаться парадоксальной. В качестве чрезвычайной меры я предложил направлять все просьбы исключительно Генеральному секретарю ЦК КПСС. Сельхозотдел сводил заявки, поступавшие от ЦК республик и обкомов, собирал объективные данные о реальном положении в этих регионах с продовольствием и фуражом. Такого рода сводная записка докладывалась самому Брежневу. Готовились проекты решений. Генсек принимал окончательное решение — помощь исходила как бы непосредственно от него, ему это импонировало. Но достигался хоть какой-то порядок в распределении зерновых ресурсов.

Стычки с Косыгиным

В 1979 году хлеба собрали намного меньше, чем в предыдущем. Я пришел к печальному выводу, что план заготовок становится нереальным, разницу придется покрывать за счет закупок зерна за рубежом.

Предваряя окончательное решение, я подготовил предложение-прогноз и после возвращения из отпуска основного состава руководства разослал записку членам Политбюро. Однако произошло событие, опередившее ее официальное обсуждение.

7 сентября 1979 года в Кремле должно было состояться вручение наград космонавтам В.А.Ляхову и В.В.Рюмину за самый продолжительный по тем временам 175-суточный полет. Все члены руководства, находившиеся в Москве, пришли для участия в этой торжественной акции. Мы стояли у входа в Екатерининский зал, переговариваясь друг

с другом. Леонид Ильич, как обычно, поинтересовался урожаем. Я ответил, что надо срочно добавить автомашин Казахстану для перевозки хлеба и центральным областям на уборку свеклы. В разговор вмешался Алексей Николаевич Косыгин, довольно резко стал выговаривать мне: хватит, мол, попрошайничать, надо обходиться своими силами.

— Послушай, — прервал его довольно миролюбиво Брежнев, — ты же не представляешь себе, что такое уборка. Надо этот вопрос решать.

Но Алексей Николаевич не остановился, продолжил еще более раздраженно:

— Вот тут нам, членам Политбюро, разослали записку сельхозотдела. Горбачев подписал. Он и его отдел пошли на поводу у местных настроений, а у нас нет больше валюты закупать зерно. Надо не либеральничать, а предъявить более жесткий спрос и выполнить план заготовок.

Я понимал, что аппарат Совмина будет настраивать Косыгина негативно, но подобного рода реакции все-таки не ожидал. А поскольку обвинения были достаточно серьезны, то и сам не сдержался, заявил, что если предсовмина считает, что мною и отделом проявлена слабость, пусть поручает вытрясти зерно своему аппарату и доводит эту продрозверстку до конца.

Воцарилась мертвая тишина... Как-то надо было выходить из разразившегося скандала. Выручил кто-то из распорядителей:

— Леонид Ильич, — громко сказал он. — Все готово, пора идти.

В затылок друг другу потянулись мы за Брежневым в Екатерининский зал.

Вручили награды космонавтам, и я вернулся в свой кабинет. Настроение было подавленное. Не только потому, что конфликт произошел именно с Косыгиным, которого я глубоко уважал. В такие моменты я всегда старался проявить хладнокровие и трезво оценить — не допустил ли какую-то ошибку? В политике заготовок проводилась жесткая линия, но существовал предел, через который, как я считал, просто нельзя переступить. Вытряхнуть все до последнего, конечно, можно, для подобного рода акций партия обладала опытом более чем достаточным. Но это было бы бесчестным по отношению к крестьянам, да и противогосударственным. Надо было не давить, а искать разумный выход.

Минут через пятнадцать раздался телефонный звонок Брежнева.

— Переживаешь? — спросил он, видимо, желая подбодрить и успокоить меня.

— Да, — ответил я. — Но дело не в этом. Не могу согласиться с тем, что я занял негосударственную позицию.

— Ты правильно поступил, не переживай. Надо действительно добиваться, чтобы правительство больше занималось сельским хозяйством. — На этом разговор закончился.

Часа через два еще звонок. На прямом проводе Косыгин. И как ни в чем не бывало:

— Я хочу продолжить разговор, который мы начали.

— Алексей Николаевич, — ответил я уже без всякого раздражения и обиды, — может быть, вы в самом деле возьмете на этом заключительном этапе инициативу в свои руки. Для меня это первая такая кампания, да еще в такой тяжелый год.

Косыгин помолчал, потом ответил:

— Я еще раз перечитал вашу записку. Вносите свои предложения в Политбюро.

Он сказал это тоже без всякого раздражения, не отчитывая, но и не извиняясь. Ну что ж...

Кстати, забегаю вперед, скажу, что задание по заготовкам, которое оспаривал Косыгин, тоже не было выполнено.

Инцидент с Алексеем Николаевичем имел для меня совершенно неожиданные последствия. Определенная часть руководства, видимо, восприняла его однозначно — как мою жесткую позицию по отношению к Косыгину лично. Об этом я подумал, когда однажды поздней осенью Суслов сказал:

— Тут у нас разговор был. Предстоит Пленум. Есть намерение укрепить ваши позиции. Было предложение ввести вас в состав членов Политбюро. Но я выступил против и хочу, чтобы вы знали об этом. Будем рекомендовать вас кандидатом в члены Политбюро. Так будет лучше. Рядом с вами работают секретари по пять, десять, пятнадцать лет. Зачем вам создавать вокруг себя лишнее напряжение?

Он был прав.

Жизнь в столице Работа в ЦК оставляла мало времени для семьи, отдыха. Но надо было вживаться в столичную жизнь, налаживать новые отношения. Нам, естественно, хотелось понять атмосферу, в которой живут семьи моих новых коллег, да просто познакомиться с ними. Увы, все оказалось не так, как я предполагал.

Встречи и хождение в гости не поощрялось — мало ли что... Сам Брежнев звал к себе строго ограниченный круг — Громыко, Устинова, реже Андропова, Кириленко. Были, правда, исключения. Ранним летом 1979 года нашу семью пригласил провести вместе выходной день Суслов. Договорились поехать погулять по территории одной из дальних пустующих сталинских дач. Он взял с собой дочь, зятя, внуков. Провели там почти целый день — гуляли, разговаривали. Никакого

обеда устраивать не стали, но чай все-таки был. Это была встреча ставропольцев: старожил Москвы как бы проявлял внимание к молодому, прибывшему из тех мест коллеге.

Даже с Андроповым, несмотря на добрые отношения, так и не пришлось нам ни разу пообщаться в домашней обстановке. Однажды я попытался было проявить инициативу, но что из этого вышло — вспоминаю, до сих пор испытывая чувство неловкости. Когда в конце 1980 года я стал членом Политбюро, наши дачи оказались рядом. И вот как-то уже летом следующего года я позвонил Юрию Владимировичу:

— Сегодня у нас ставропольский стол. И как в старое доброе время приглашаю вас с Татьяной Филипповной на обед.

— Да, хорошее было время, — ровным, спокойным голосом ответил Андропов. — Но сейчас, Михаил, я должен отказаться от приглашения.

— Почему? — удивился я.

— Потому что завтра же начнутся пересуды: кто? где? зачем? что обсуждали?

— Ну что вы, Юрий Владимирович! — совершенно искренне попытался возразить я.

— Именно так. Мы с Татьяной Филипповной еще будем идти к тебе, а Леониду Ильичу уже начнут докладывать. Говорю это, Михаил, прежде всего для тебя.

С тех пор желания приглашать к себе или быть приглашенным к кому-либо у нас не возникало. Мы продолжали встречаться со старыми знакомыми, заводили новых, приглашали к себе, ездили в гости к другим. Но не к коллегам по Политбюро и Секретариату.

С трудом вписывалась в новую систему отношений и Раиса Максимовна, которая так и не смогла найти себя в весьма специфичной жизни, как их теперь называют, «кремлевских жен». Близкие знакомства ни с кем не состоялись. Побывав на некоторых женских встречах, Раиса Максимовна была поражена атмосферой, пропитанной высокомерием, подозрительностью, подхалимством, бестактностью одних по отношению к другим.

Мир жен — это зеркальное отражение иерархии руководящих мужей, вдобавок с некоторыми женскими нюансами. Дело доходило до курьезов. 8 марта 1979 года по традиции устроили очередной правительственный прием. Все жены руководителей выстроились при входе в зал, чтобы приветствовать иностранных гостей и соотечественниц. Раиса Максимовна встала там, где было свободное место, несколько не подозревая, что тут действует самая строгая субординация.

Одна из «главных» дам — жена Кириленко, рядом с которой оказалась Раиса Максимовна, обратившись к ней, без стеснения указала пальцем:

— Ваше место — вот там... В конце.

Раиса Максимовна все время повторяла: что же это за люди?

За пределами «избранного круга» все было проще. Ирина и Анатолий быстро вошли в новую студенческую среду, обзавелись друзьями. Возобновила свои научные связи и Раиса Максимовна. Она установила контакты со старыми знакомыми и коллегами в МГУ, Институте философии. Сразу же включилась в знакомый ей мир научных дискуссий, симпозиумов, конференций, просто дружеских встреч. Занялась английским языком.

Как только выдавалось свободное время, мы брали машину и ехали смотреть Москву. Первые маршруты пролегали по старым, близким сердцу местам. Моховая, Красные ворота, Красносельская, Сокольники с памятной пожарной каланчой, Клуб имени Русакова, Стромынка... Долго стояли. Подошли к Яузе. Проехав через мост, оказались на Преображенской площади. И не узнали ее — старой площади нет! Грустно до боли.

То же чувство испытал я и на Красной Пресне, где в 1951 году, будучи студентом и заместителем руководителя агитколлектива, проводил избирательную кампанию. Забросив учебу, я целый месяц метался по стареньким, полуразвалившимся домишкам на Большой Грузинской и Малой Грузинской улицах, ублажая избирателей и хлопоча о ремонте лестниц и крыш, кранов и выключателей, замков и дверей, ибо накануне выборов любая тишайшая старушонка могла твердо заявить:

— Сделай, милоч, а то не пойду голосовать!

Но то была Москва пятидесятых годов. А теперь на месте стареньких домишек возвышались многоэтажные здания. Изменился пейзаж и на Ленинских горах, где в наше время и сам университет, и лыжный трамплин у Москвы-реки выглядели на фоне окружающих пустырей и мелких строений как-то одиноко и сиротливо. На месте бывшей деревни Черемушки, где тогда жили строители и куда мы ездили получать посылки от родных, создан современный благоустроенный район.

После увиденного я испытывал двойственное чувство. В тех стареньких, ветхих домах жить, конечно, было нельзя. Но в них была своя душевная теплота, близость к природе, особый уклад жизни, с которым нелегко расстаться. Именно тогда впервые я подумал, какой же человеческой драмой для тысяч москвичей было прощание со Старым Арбатом. Когда создавался ансамбль высотных зданий на Калининском проспекте, москвичи этот комплекс называли по-своему — «вставная челюсть Москвы». И сейчас, когда слышу песню о Старом Арбате в исполнении Иосифа Кобзона, испытываю тоску по городу юности, старой Москве:

Ты, мой любимый Старый Арбат,
Неповторимый Старый Арбат,
Везде за мною
Ветры твои летят.

Сначала мы выбирали маршруты поездок по Москве спонтанно. Сели, поехали, где-то остановились, вышли погулять. И все окружающее вливалось в наши души, извлекая из дальних уголков памяти какие-то воспоминания. Но мы хотели узнать и Москву сегодняшнюю, в которой теперь суждено жить. Со временем родилась идея: выбирать маршруты поездок так, чтобы познакомиться с Москвой по векам ее становления. Сначала Москва XIV—XVI веков, потом XVII—XVIII и далее. Сопровождали нас обычно историки старой Москвы, с которыми успела познакомиться Раиса Максимовна.

Потом стали выезжать в Подмосковье. Побывали в Архангельском. Самое большое впечатление — пейзажи по берегам Москвы-реки. О Коломенском мы слышали и раньше, но то, что увидели, буквально поразило и заморозило. Храм Вознесения — устремленный ввысь, в небо, к Богу!

Мы воспользовались новыми возможностями и для того, чтобы удовлетворить свою давнишнюю страсть к театру. И раньше во время кратковременных наездов в Москву старались посетить наиболее интересные спектакли. По старой памяти стремились побывать во МХАТе и в Малом. Полюбили Театр им. Вахтангова, Театр сатиры, «Современник». Запомнились «Десять дней, которые потрясли мир» и «Антимиры» на Таганке. Однажды в Большом, совершенно потрясенные, смотрели «Спартак» с Васильевым, Максимовой, Лиепой.

Укоренясь в Москве, по мере возможности стали ходить в театры, как бы проверяя впечатления, оставшиеся от прежних лет. Опять на первом месте — театр Вахтангова; очень сблизилась с МХАТом, «Современником», театрами Моссовета, Маяковского. Чаще стали бывать в Большом. Ну и, конечно, Третьяковка, Музей изобразительных искусств им. Пушкина, Большой зал консерватории.

Перечитал я эти строки и удивился: странная штука память, о времени, событиях, людях хранит прежде всего хорошее, даже если его было совсем немного.

Афганская война и Продовольственная программа

После ввода наших войск в Афганистан США и другие государства предприняли против СССР ряд мер. В частности, американцы прекратили даже те поставки продовольственного зерна, по которым имелись подписанные соглашения.

Это эмбарго лишило нас возможности получить примерно 17 миллионов тонн.

В январе 1980 года Брежнев пригласил к себе Громыко, Устинова и меня. Впервые я оказался в столь узком кругу, где фактически принимались важнейшие решения, определявшие судьбы страны. Вначале Громыко и Устинов подробно и весьма оптимистично изложили свои оценки положения в Афганистане. Мне же пришлось докладывать о весьма тревожной продовольственной ситуации.

Сообщение обеспокоило всех присутствовавших. Мне дали поручение подготовить конкретные предложения о том, какой минимум необходимо иметь для нормального жизнеобеспечения и какие директивы в этой связи должны быть даны МИДу и Внешторгу. Тогда же впервые я поставил вопрос о необходимости разработки программы, которая освободила бы нас от импорта зерна. Я еще не называл ее «продовольственной», но речь шла именно о ней.

После этой беседы вместе с помощником Брежнева Г.Э.Цукановым написали текст выступления генсека на Политбюро. Предложения были одобрены, принято решение подключить к подготовке программы Госплан, министерства, научные учреждения.

Идея разработки Продовольственной программы, конечно, появилась не по наитию или под воздействием момента. Уже больше года, занимаясь оперативными делами, я пытался докопаться до корней продовольственной проблемы.

И что же?

Жуткая открылась картина. Земля, наша кормилица, как мы ее зовем, предстала истерзанной, неухоженной, а то и попросту покинутой. И я все более и более убеждался в том, что это варварство есть следствие проводившейся десятилетиями политики. Технократизм просто свирепствовал, подавляя всяческое нравственное начало. О земле долгие годы даже не задумывались, решая проблему сырьевых отраслей — угольной, горнорудной, нефтегазовой. Миллионы гектаров уходили в бесхозные «полосы отчуждения» железных, шоссейных дорог. 14 миллионов гектаров плодородных пойменных земель, способных давать высокосортные овощи, корма для животноводства, затоплены искусственными морями при строительстве гидроэлектростанций. Десятки миллионов гектаров отведены под полигоны армии и Государственную границу.

Конечно, выделять землю на все эти нужды было необходимо. Но не так, как это делалось, — сверх всяких норм и потребностей, бесконтрольно, исходя из того, что она «ничего не стоит».

А как использовали землю в сельскохозяйственном производстве? Фигурально выражаясь, тащили плуг по всей стране — от чернозема до песков. Изуродовали миллионы гектаров, с которых наиболее ценный слой почвы сдут ветрами. Миллионы гектаров «съедены» оврагами и

пустыней. А ведь для восстановления всего этого нужны многие десятилетия, если не столетия.

С этой проблемой я столкнулся в Ставрополье и знал, что каждой климатической, почвенной зоне нужны свои способы обработки земли. Да мало ли какие премудрости надо знать, чтобы поддерживать плодородие земли.

Оказалось, миллионы гектаров вышли из строя только потому, что мелиоративные системы строились без дренажа, по удешевленным проектам. Нет дренажа — соли выносятся в пахотный слой и начинается самое злое, так называемое вторичное, засоление почвы.

Стали повсеместно применять гербициды. Нужны они? Конечно, иначе сорняки одолеют. До 30 процентов урожая недобирают по этой причине земледельцы. Но машин для взвешенного внесения в почву гербицидов не создали, а в результате потравили на огромных территориях и самую землю, и реки, озера, нанесли непоправимый ущерб флоре и фауне.

Анализируя все эти явления, я попытался понять, почему мы не можем получить хороших урожаев сои в районе Благовещенска Амурской области — ведь она нам крайне необходима. Оказалось, не хватало только одного — не раскисляли почву, то есть опять-таки все упиралось в невнимание к земле.

В то же время в республиках Прибалтики и Белоруссии в результате двух-, трех- и четырехкратного известкования почв удалось снизить их кислотность, поднять урожайность. При Машерове в Белоруссии и Снечкусе в Литве села поднялись, обустроились. Изменилось и настроение крестьян. А рядом, в Латвии, где все было сконцентрировано вокруг проблем индустриализации, деревню обескровили.

Судьба некоторых районов страны поистине трагична. Варварские методы нефте- и газодобычи на Севере принесли чудовищный вред уникальной зоне тундры, где природа особенно чувствительна и баланс ее формировался миллионы лет. А Каспий, район Арала! А Средняя Азия, где бездумное расширение посевов хлопка, нарушение севооборотов привели к развитию болезней как самой земли, так и людей!

Следующей темой моего исследования стало положение людей на земле. Укоренившееся представление о крестьянине как человеке второго сорта убивало в сельском жителе, кормившем страну, сознание того, что он является полноправным членом общества и оно действительно в нем нуждается. Посмотришь на таблицы роста производства электроэнергии — душа радуется. А село, где проживали в те годы около 100 миллионов человек, получало лишь 10 процентов этой энергии. Сколько встреч и разговоров у нас состоялось с министром П.С.Непорожним — старым моим знакомым еще по строительству

электростанций на Ставрополье. Он принял мои доводы, но жаловался на Госплан, просил воздействовать на него.

А уголь? При огромном росте его добычи деревня доставала топливо одному Богу известными путями, так как через официальные каналы удовлетворялась лишь треть потребностей. Передо мной положили карту: газопроводы в самых разных направлениях пересекают страну. Города худо-бедно, но газифицировались, крестьянин же сидел без газа, и никакими планами пользование им не предусматривалось на ближайшую перспективу.

Сельские районы хуже обеспечены дорогами, школами, учреждениями медицины, бытовыми услугами, газетами и журналами, кинотеатрами и учреждениями культуры. Среди районов, где эти проблемы обострились до крайности, — Нечерноземье, 30 областей России. В результате ошибок, допущенных при размещении производительных сил, эти области оказались перегруженными промышленностью, а село предано забвению. И что же? Люди стали бросать деревни, уходить в манящие яркими огнями города, где и рабочее время нормировано, и платят побольше, и улицы асфальтированы, да и весь быт более благоустроен. Нечто подобное происходило и в других районах страны. Крестьянин покидал землю, а на смену ему пришли временщики. Временщики на посевах и уходе за сельскохозяйственными культурами. Временщики на уборке и перевозке урожая. Временщики на фермах. Временщики на ремонте техники и машин. Одни под видом «шефской помощи», другие по нарядам из близлежащих городов. Уму непостижимо, чтобы привести отношения между человеком и землей в такое состояние. Произошло раскрестьянивание села.

Степень запустения земли приобрела в Нечерноземье такой характер, что многие считали бессмысленным вкладывать сюда средства. И я, грешным делом, глядя со ставропольской колокольни, тоже считал, что лучше направлять инвестиции туда, где можно быстро получить отдачу. Только потом, размышляя над проблемой, убедился, что чисто экономический или сиюминутный расчет в этом случае неуместен. Речь идет о глубинных корнях России, государства, русской нации.

Кстати, когда стало ясно, что без обустройства села людей не удержат, часть ученых и практиков выдвинули идею укрупнить села и хозяйства, чтобы обеспечить их электричеством, топливом, школами, амбулаториями, дорогами и транспортом, поскольку для каждой деревушки сделать это невозможно. Но когда укрупнение началось, стало понятным, что оно чревато другой бедой — еще более разрывались незримые узы, веками связывавшие крестьянина с землей. Ведь земля — это не только место, где ты выращиваешь, скажем, рожь или картошку. Нет, это твой дом, твой неповторимый мир, твоя Родина.

Прежде всего захотелось выяснить, каковы наши потенциальные

возможности. Анализ работы 500 опытных хозяйств зональных научно-исследовательских институтов, разбросанных по всей стране и как бы в миниатюре отражающих ее географию и природно-климатические зоны, показал, что, если бы колхозы и совхозы достигли их уровня производства, мы просто не знали бы, куда девать молоко и мясо, а сбор зерна составил бы не менее 260 миллионов тонн.

После этого взяли в расчет энерговооруженность в этих хозяйствах, количество удобрений, вносимых на гектар пашни, размер земельного участка на одного работника. Сопоставили с обычными колхозами и совхозами, и получилось то, чего следовало ожидать: продуктивность земли прямо пропорциональна вложениям, которые в нее делаются. Отсюда напрашивается самый банальный вывод: данная система может работать хорошо, дайте нам технику, удобрения, обустройте деревню — и будет результат.

Между тем было совершенно ясно, что переносить показатели опытных хозяйств на всю массу колхозов и совхозов не вполне корректно. Там селекция, новые технологии, высококвалифицированные кадры. Они выращивают и продают элитные семена, племенной скот, а это двойная, тройная цена. Наконец, опытные хозяйства пользуются большой самостоятельностью в производстве и сбыте продукции. Всего этого недостает колхозам и совхозам. Тут-то и вставал главный вопрос: поддержать их за счет государственных субсидий или дать возможность самим лучше работать и больше зарабатывать? Ведь основная масса хозяйств страны страдала прежде всего из-за отсутствия экономических условий, которые побуждали бы к более эффективной хозяйственной деятельности, делали ее выгодной для людей.

Все, что дал мартовский Пленум 1965 года для решения проблемы закупочных цен, было давно исчерпано. Более того, «ножницы» цен продолжали раздвигаться в связи с нарастанием поставок на село техники, которая, мало отличаясь по производительности от предшествующей, была в 2—3 раза дороже. Долги колхозов и совхозов непрерывно нарастали, приближаясь к 200 миллиардам. Но вместо того чтобы менять экономические отношения на селе, прибегали к самой простой операции: сначала пролонгировали, а потом вообще списывали задолженность со всех хозяйств. Если положение с той или иной сельхозкультурой становилось критическим, на нее устанавливали повышенные закупочные цены. Так увеличили цены на хлопок, в другой раз на виноград, потом на табак.

На какое-то время подобные меры облегчали положение, но уже через 2—3 года все опять съедалось дальнейшим повышением стоимости машин, горючего, удобрений, стройматериалов. В конечном продукте сельского хозяйства около 60 процентов затрат стали связываться теперь с поставками промышленности на село.

К тому моменту прошло всего два года после июльского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС, где удалось зафиксировать удельный вес капиталовложений для села. Но после смерти Кулакова в правительственных кругах и особенно в Министерстве финансов начались разговоры, что решение это носило якобы «волюнтаристский» характер, его «навязали» правительству.

Я уже упоминал, что для усечения расходов на нужды села существовала своя «теория»: сельское хозяйство потребляет больше национального дохода, чем производит. Иными словами, это безнадежно убыточная отрасль экономики, своего рода бездонная прорва, поглощающая несметные ресурсы и ничего не дающая взамен.

Достоверность этой точки зрения не была никем доказана, но ее придерживались, и вполне официально, не только промышленники, плановики, финансисты, но и секретари ЦК. Отсюда следовал логический вывод: не широкомасштабная Продовольственная программа нужна стране, а наведение элементарного порядка в сельскохозяйственном производстве. Особенно активен был в подобных утверждениях Владимир Иванович Долгих. «Наведение порядка» — как часто и тогда и потом произносились эти слова, когда не существовало продуманной программы действий.

Так или иначе, но разработку реалистической Продовольственной программы надо было начинать с опровержения подобных «теоретических» предрассудков. Я углубился в изучение методологии исчисления национального дохода, полагая, что именно здесь зарыта собака. Как всегда, помогли ученые, особенно Владимир Александрович Тихонов. И когда первые расчеты, сделанные ими, я показал специалистам из аппарата ЦСУ и Госплана, их отвергли с такой яростью, что стало ясно — я нахожусь на верном пути.

Удалось настоять на создании комплексной группы под руководством председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова, куда вошли представители Академии наук, ВАСХНИЛ, ЦСУ и Госплана. Сколько словесных баталий произошло там, какие сражения велись буквально из-за каждой цифры — рассказывать не стану. Окончательные результаты я тут же опубликовал в официальном органе ЦК КПС журнале «Коммунист» (№ 11 за 1980 год.). «В сельском хозяйстве, — говорилось в статье, — сейчас создается значительная часть национального дохода — около 28 процентов его общей суммы (с учетом налога с оборота как части чистого дохода, реализуемого в ценах промышленной продукции). Более 2/3 розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли составляют продукты сельского хозяйства и товары, производимые из сельскохозяйственного сырья».

Фантастическими, но отнюдь не из области научной фантастики, а, скорее, из сферы чистой политики оказались и утверждения о «нерен-

табельности» сельского хозяйства. Все полученные данные свидетельствовали, что выкачивали из него гораздо больше, чем вкладывали, не говоря уж о всех прошлых успехах развития экономики страны, достигавшихся в значительной мере за счет деревни.

После публикации всех этих данных никто из моих оппонентов не сравнивал уже аграрный сектор с «бездонной прорвой». Появилась возможность вновь поставить вопрос о введении справедливых закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию. Оставалось решить — за счет чего?

Открытое повышение розничных цен на продукты питания отвергалось в ту пору начисто. Вопрос этот из сферы экономической изымался полностью и рассматривался как сугубо политический. Оставался второй путь — увеличение дотаций из госбюджета. Но к началу 80-х годов они уже составляли около 40 миллиардов и проявляли устойчивую тенденцию к дальнейшему росту.

Поэтому и шли так тяжело наши совещания, в которых принимали участие Байбаков, министр финансов В.Ф.Гарбузов, министр сельского хозяйства В.К.Месяц. Все соглашались, что нельзя больше держать колхозы и совхозы на голодном пайке, не имеющими порой условий даже для простого воспроизводства. В то же время Министерство финансов наотрез отказывалось идти на новые инвестиции.

— Денег у государства нет, — упрямо твердил Гарбузов в ответ на все мои доводы. — Бюджет на пределе. Откуда их брать, не знаю. Если знаете вы — подскажите. А до этого никакого согласия на повышение закупочных цен не даю. Только через мой труп.

— Дорогой Василий Федорович, — отвечал я ему, — наша задача дать анализ и предложения. А решать будут Политбюро и правительство.

— Нет, — упирался Гарбузов, — это моя работа. Политбюро и правительство меня поставили стоять на страже...

— На страже чего? — спрашивал я, и, как ни странно, этот простой вопрос ставил министра финансов в тупик.

— Я тебе все сказал, — раздражался он. — И больше в дискуссии вступать не желаю. Только через мой труп...

— Такая постановка вопроса для нас неприемлема, — напирал я. — К тому же, Василий Федорович, трудно нам будет через твой труп перешагнуть, — последние слова потонули в хохоте присутствующих, уж очень объемистым был Гарбузов.

Василий Федорович не был плохим человеком или противником села. Но он знал реальное состояние бюджета. Все держалось на таких источниках дохода, как скрытое повышение цен, наращивание производства водки и, наконец, нефтедоллары. Но Гарбузову уже не удавалось, как прежде, латать дыры и сводить концы с концами. Для покры-

тия дефицита Минфин прибегал к кредитам Госбанка за счет сбережений граждан.

К обсуждению подключился Байбаков:

— Ты хочешь добиться обеспечения каждого сельского работника мощностями на уровне шестидесяти лошадиных сил. Для сельхозмашиностроения это означает реализацию программы минимум на 12 миллиардов, а оптимально — на все 18. Между тем максимум, который мы смогли бы при очень большом нажиме наскрести для тебя, — 7 миллиардов и ни рубля больше.

— У нас не туда разговор пошел, — ответил я. — Речь не о том, кто кого загонит в угол, а о том, чтобы искать и находить решение. Продовольственный вопрос приобретает острейший характер.

— Ну а представьте себе, что будет, в том числе с продовольствием, если начнутся перебои с электроэнергией, горючим, металлом, — парирует Байбаков и рассказывает, как обстоят дела с добычей нефти в Сибири, на Севере. Новые, неосвоенные районы, труднейшие условия, колоссальные затраты.

С Николаем Константиновичем отношения у нас сложились самые добрые. Хотя по складу ума и принадлежал он к технократам высокого класса, но человеческую сторону любого вопроса чувствовал хорошо. Это давало возможность вести с ним самые откровенные разговоры. Кстати, он первым дал мне понять, что многие проблемы страны, в том числе финансирования сельского хозяйства, имели бы решение, если б не «заповедные зоны», доступ в которые запрещен.

Такой заповедной зоной являлся прежде всего оборонный комплекс. Вот уж где действительно можно было поджимать, урезать и выскребать, ибо темпы увеличения военных расходов намного опережали общий рост национального дохода. Но никто и никогда даже не пытался разумно проанализировать бюджет с целью оптимального перераспределения средств и ресурсов.

— Ты мог бы поставить этот вопрос? — спросил меня напрямую Байбаков после одного из заседаний, когда мы остались вдвоем. Не трудно было догадаться, что говорил он о сокровенной своей мечте.

— Нет, не поставлю, — ответил я.

— Ну вот видишь, и я не поставлю, — с сожалением заметил Николай Константинович. Мы оба прекрасно знали, что стоило кому-то лишь заикнуться о чем-то подобном, как уже на другой день его не оказалось бы на своем месте. Это была «закрытая зона» генсека.

В конце концов мы с Гарбузовым и Байбаковым постепенно продвигались к взаимопониманию, и я понял, что нужен какой-то встречный шаг, иначе все повиснет в воздухе. Пришла идея часть капиталовложений, направляемых в сельское хозяйство, использовать на развитие сельхозмашиностроения. Как бы сменить приоритеты.

На февраль 1981 года намечался созыв XXVI съезда КПСС. Работу над отчетным докладом Брежнева начали заблаговременно, и мне хотелось, чтобы в докладе было заявлено о необходимости общенациональной комплексной Продовольственной программы, обеспечивающей устойчивое снабжение населения продуктами питания. Если такое заявление Генеральный секретарь сделает на съезде, то чиновникам любого ранга «тянуть резину» и ставить палки в колеса будет уже куда труднее.

Я связался с группой Н.Н.Иноземцева, работавшей над докладом в Вольнском-2, рядом с бывшей дачей Сталина. Этот удобный комплекс зданий постоянно использовался для подготовки разного рода материалов, прежде всего, конечно, для нужд Генерального секретаря.

В его группе, которую курировал помощник Брежнева Цуканов, работали Арбатов и Бовин. Оказалось, впрочем, что аграрные проблемы и их допекли настолько, что к разговору были готовы буквально все.

Реализовал я, в частности, свое намерение сказать в докладе о разработке общенациональной комплексной Продовольственной программы. У меня это получилось на нескольких страницах, Арбатов сделал из них одну, и в таком виде она вошла в первоначальный текст.

Однако когда я получил уже смонтированный целиком проект доклада Брежнева, он весьма удивил меня. Бесконечные обкатки и согласования, которые приходилось делать его авторам, привели к тому, что текст стал безликим, выхолощенным, обтекаемым. Можно было лишь поражаться полному несоответствию затрат умственной энергии и масштаба авторских дарований со столь скудным «конечным продуктом».

Я сделал некоторые замечания по тексту доклада, а аграрный раздел изложил заново. Все то, к чему мы пришли в ходе дискуссий в группе Иноземцева, было восстановлено и использовано. Брежневу написал личную записку, в которой аргументировал необходимость такой структуры, объяснил мотивы переработки текста и просил поддержать данный вариант. В таком виде раздел и был принят.

Итак, в феврале—марте 1981 года XXVI съезд КПСС признал необходимым разработку специальной Продовольственной программы. Особо обращалось внимание на тесную увязку сельскохозяйственного производства с промышленными отраслями, прежде всего перерабатывающей промышленностью.

Чувство удовлетворения я, конечно, испытал, но как человек достаточно опытный прекрасно понимал, что главные трудности впереди. И тут не надо было быть пророком. Несмотря на решение съезда, многие крупные чиновники все еще не верили, что из этой директивы может родиться серьезная, широкомасштабная программа. Основания у них

для этого были: сколько раз важнейшие постановления, касавшиеся экономики страны, оставались на бумаге!

Агропромышленный комплекс был искусственно разодран по трем епархиям: собственно сельскохозяйственное производство на полях и фермах; промышленное производство, поставляющее в деревню материально-технические ресурсы; и, наконец, перерабатывающая промышленность, превращающая «дары природы» в продукты питания. В рыночной экономике это не имеет значения, так как отношения между партнерами строятся по определенным правилам игры, складываются под воздействием самого рынка и регулирующей роли государства: налоги, кредиты и т.д. В условиях же плановой экономики, при том, что «три епархии» входили в разные министерства и ведомства, курировались разными отделами в ЦК партии, правительстве, Госплане, не были связаны между собой ни экономически, ни организационно, управление было просто мукой мученической. Каждый «куратор» отстаивал сугубо ведомственные позиции, добиваясь капиталовложений в свою отрасль. Получались колоссальный разнороб, несогласованность, пустая трата средств, и все это — в «плановом» хозяйстве!

Когда я влез в эти дела, впервые уже не в рамках края, а всей страны, увидел истинные масштабы неразберихи, перекосов и диспропорций, честно говоря, в какой-то момент дрогнул. Распределение ресурсов шло по принципу — кто сколько урвет, у кого побольше пробивная сила, связи. В результате межотраслевые дисбалансы накладывались на внутриотраслевые, и все они обрушивались на село. Можно было лишь удивляться тому, что система еще не развалилась.

«Удастся ли мне что-либо изменить?» — думал я. Но отступить было поздно. С помощью ученых и специалистов начал разрабатывать проблему органической связи отраслей, взаимодействующих с сельскохозяйственным производством. Родилась идея объединить их в единый агропромышленный комплекс. Мы не предполагали включить в АПК все и вся. Речь шла лишь о предприятиях, целиком работающих на сельское хозяйство, где иная продукция составляла несколько процентов.

После долгих обсуждений сошлись на том, что в АПК необходимо включить помимо предприятий сельхозмашиностроения и переработки Сельхозтехнику, Агрохимслужбу, министерства заготовок, мелиорации и водного хозяйства. Получался мощный комплекс, в котором сосредоточивалось, если не ошибаюсь, 38 процентов основных производственных фондов страны. По примерным прикидкам он мог давать до 40 процентов национального дохода.

Во главе АПК должен был стоять общесоюзный Агропромышленный комитет, но ключевая роль должна была принадлежать областным и районным объединениям, призванным собрать «под одной кры-

шей» колхозы и совхозы, предприятия Сельхозтехники, молокозаводы, мясо- и птицекомбинаты, заводы по производству комбикормов и т.д. Предполагалось, что эти территориальные объединения получат достаточные полномочия, чтобы не испрашивать у Москвы разрешения на каждый свой шаг.

Естественно, что на решение и согласование всех вопросов, связанных с созданием агропромышленного комплекса, уходила уйма времени. Для подстраховки, дополнительной экспертизы и апробации намечаемой реорганизации я снова — уже по второму кругу — провел серию встреч с учеными, руководителями колхозов и совхозов, секретарями партийных комитетов разных уровней.

Встречи эти формировали «базу поддержки». Как только стало очевидным, что идея АПК становится реальной, все, кого волновали судьбы села, стали писать письма, звонить, проситься на прием. Основные позиции программы находили положительный отклик. Менялся взгляд и на личное подсобное хозяйство крестьянина. Оно рассматривалось уже не как зловредный, антагонистический «частный сектор», а как органическая составная часть нашего АПК, дополняющая колхозно-совхозное производство.

Особенно ценной была поддержка первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК республик. Раньше они приходили ко мне чаще всего для того, чтобы выбить дополнительные фонды на корма, мясо. Теперь — откровенно выкладывали свои идеи, делились планами. Их заинтересованность вселяла надежду, ибо решением Политбюро вопрос о Продовольственной программе выносился на обсуждение Пленума ЦК КПСС, намеченного на май 1982 года. Я прекрасно понимал, что для руководства партии голос первых секретарей будет иметь немаловажное значение.

Между тем обстановка в партийных сферах осложнилась.

Дворцовые игры 25 января 1982 года умер Сулов. Смерть Сулова обострила подспудную борьбу внутри политического руководства. Надо признать, что Михаил Андреевич, никогда не претендовавший на пост Генерального секретаря и абсолютно лояльный к Брежневу, в то же время был способен возразить ему. В составе руководства он играл стабилизирующую роль, в определенной мере нейтрализовывал противостояние различных сил и характеров.

И вот его не стало. Первый вопрос — кто заменит? По сути дела, речь шла о преемнике Брежнева, о «втором» секретаре, который по традиции со временем становился «первым», уже при жизни генсека постепенно овладевал рычагами власти, брал на себя руководство.

Очевидно, кандидатом на данный пост мог стать лишь человек, приемлемый для самого Брежнева.

Между тем Леонид Ильич находился уже в таком состоянии, что восприятие им и людей, и идей было неадекватным. Оно во многом зависело тогда от Черненко, неотлучно находившегося при Брежневе с утра до ночи, разве что кроме часов дневного сна генсека. После каждого четверга, когда проходило заседание Политбюро, Леонид Ильич уезжал в Завидово — охотничье хозяйство под опекой военных, — а с ним и Черненко. Если же требовалось как-то завершить и оформить дела Политбюро, Константин Устинович задерживался на пятницу, но в субботу и воскресенье был уже в Завидове обязательно.

Причину его влияния, помимо многих лет совместной работы с Леонидом Ильичом, я вижу в том, что именно Черненко сделал больше всех для создания имиджа Брежнева, его образа как выдающегося незаменимого политика. Вокруг Константина Устиновича сложилась группа людей, которая ориентировала соответствующим образом средства массовой информации, идеологические структуры партии, партийные комитеты.

Вот и стали звучать такие клише, как «общепризнанный лидер», «крупнейший теоретик», «непререкаемый авторитет», «выдающийся борец за мир и прогресс». Если учесть, что в последнее время Леонид Ильич мог работать, а вернее — присутствовать на работе всего несколько часов в день, то создавать видимость активной его деятельности было нелегко. Тщательно продумывалось каждое появление генсека на публике, каждая поездка, за него писали статьи, мемуары, выпускались тома сочинений. И Брежневу это нравилось.

Став доверенным лицом генсека, чуть ли не его душеприказчиком, Черненко явно рассчитывал на пост «второго лица». С этим связывали свои непомерные амбиции члены его «группы», чистые аппаратчики, не имевшие политического авторитета. Сам он в какой-то мере становился объектом их умелого манипулирования.

Анализируя расстановку сил после смерти Суслова, нельзя было сбрасывать со счетов и некоторых членов Политбюро — прежде всего руководителей крупнейших республиканских организаций, таких, как Кунаев или Щербицкий. Один из работников, помогавших Брежневу, поведал мне однажды следующий эпизод. Приехал в очередной раз к Леониду Ильичу Щербицкий. Долго рассказывал об успехах Украины, а когда стали расставаться, довольный услышанной информацией Брежнев расчувствовался и, указав на свое кресло, сказал:

— Володя, вот место, которое ты займешь после меня.

Шел тогда 1978 год, Щербицкому исполнилось 60 лет. Это была не шутка или минутная слабость. Леонид Ильич действительно питал к нему давнюю привязанность и, как только пришел к власти, сразу вы-

тащил Щербицкого из Днепропетровска, куда его отправил Хрущев, добился назначения Председателем Совмина Украины, а потом и избрания членом Политбюро — в пику Шелесту и для уже предreshенной его замены. Хотя параметры личности Щербицкого были не столь уж масштабны, он был по тем временам крупным политиком, уверенно «вел» республику и, главное, твердо стоял, как он сам выражался, «на позициях Богдана Хмельницкого». Это ценилось высоко.

Думаю, смерть Суслова пробудила кое-какие мыслишки и у других. Так, неожиданным для Андропова оказался звонок давнего его друга Громыко, который довольно откровенно стал зондировать почву для своего перемещения на место «второго». Он прекрасно понимал, что значило оказаться на этом посту теперь и кто будет принимать полномочия от Брежнева. Человек был опытный, способный просчитывать свои шаги весьма далеко. Не зря же 27 лет, при всех режимах, неизменно оставался министром иностранных дел.

Об этом звонке с удивлением и даже какой-то растерянностью поведал мне Андропов. Ответ Юрия Владимировича был сдержанным:

— Андрей, это дело генсека.

Между прочим, реакция Андропова на этот звонок выдала его собственные расчеты. Юрий Владимирович тоже метил на освободившееся место, и я был абсолютно убежден, что именно он должен его занять. Так же думал и Устинов, с которым у Андропова были самые близкие дружеские отношения.

Вопрос о возвращении Юрия Владимировича в аппарат ЦК КПСС обсуждался в наших с ним беседах неоднократно. Еще в Кисловодске, во время его отдыха, я как-то сказал ему:

— Вы уже достаточно долго поработали в госбезопасности, пора возвращаться в дом, из которого ушли.

Он сделал вид, что воспринимает это как шутку, лишь улыбнулся в ответ.

Юрий Владимирович рассказал мне, что вскоре после смерти Суслова генсек вел с ним разговор о переходе на должность секретаря ЦК, ведущего Секретариат и курирующего международный отдел. И добавил:

— Я, однако, не знаю, каким будет окончательное мнение.

Он все еще не был уверен, что контршаги Черненко не блокируют данное решение. Но при всем влиянии последнего, особенно усиливавшимся в моменты обострения болезни генсека, когда Брежнев начинал чувствовать себя лучше, он проявлял способность занимать и отстаивать свою позицию. В конечном счете 24 мая 1982 года Пленум ЦК избрал Андропова секретарем ЦК КПСС.

Мне кажется, выбор был сделан Брежневым где-то в середине марта. Тогда Андропов рассказал мне, что ему поручено выступить с до-

кладом на торжественном заседании по поводу 112-й годовщины со дня рождения Ленина. По критериям «кремленологии» это означало, что Брежнев определился окончательно.

Доклад получился. Впервые за много лет, казалось бы, рутинное выступление давало толчок для серьезных размышлений о важнейших вопросах реальной жизни. Именно тогда Андропов сказал, что мы плохо знаем общество, в котором живем.

Вполне возможно, что при выборе Андропова существовал еще один момент, о котором никто не упоминал. Переводя Юрия Владимировича на партийную работу, Брежнев вместо него поставил на госбезопасность Федорчука — человека, абсолютно себе преданного. Андропов к Федорчуку относился отрицательно и предполагал поставить на данный пост Чебрикова. Но когда Леонид Ильич спросил его напрямую, кого он видит в качестве преемника, от ответа ушел.

— Это вопрос Генерального секретаря, — сказал он.

Когда же Брежнев спросил о Федорчуке, Юрий Владимирович возражать не стал и поддержал данную кандидатуру.

Для меня важным было другое: концентрация внимания на «дворцовых играх» как бы оттеснила на второй план подготовку Продовольственной программы, которая к этому времени вступила в решающую фазу.

Уязвимым местом программы оставался вопрос об источниках ее финансирования. Если проблему модернизации сельхозмашиностроения мне удалось снять, то вопрос о повышении закупочных цен явно зависал, становился безнадежным. Это была моя головная боль. Тогда я занялся определением минимального объема средств, без чего нельзя было идти на Пленум ЦК КПСС. Министерство финансов и Госплан уклонялись от разговора на эту тему. Более того, мне рассказали, что состоялась встреча Тихонова, Байбакова и Гарбузова, на которой Председатель Совета Министров довольно жестким тоном заявил:

— Никаких обещаний по финансированию и ресурсам под Продовольственную программу Горбачеву не давать.

Дело дошло до того, что Гарбузов, который и ранее под разными предлогами уходил от прямого разговора, на собранное мною совещание просто не явился. Пришлось попросить помощника разыскать его и соединить по телефону со мной.

— Василий Федорович, — сказал я ему, — мы уже собрались, сидим, ждем вас.

— Михаил Сергеевич, — взмолился министр, — не пойду я к вам.

— Почему?

— Умру я у вас, — это было сказано с тяжелым вздохом и совершенно серьезно.

— Подождите, — удивился я, — неужели то, что происходит в моем кабинете, носит столь тягостный характер?

— Не в этом дело, Михаил Сергеевич, — говорит Гарбузов, — ведь вы опять начнете нажимать: “давай деньги, давай деньги”. А их нет и изыскать негде. А у меня сердце больное, один приступ в вашей приемной уже был. Ваши помощники меня и отхаживали.

Где взять средства? — эта мысль постоянно преследовала меня. Поиски вывели на такой феномен, как безвозвратный кредит. О неэквивалентных экономических отношениях между городом и селом я уже говорил. Но разорительный порядок, при котором машины, стройматериалы, топливо стоили дорого, а зерно и другие сельхозпродукты — дешево, неизбежно должен был породить какие-то компенсирующие механизмы. Иначе все сельское хозяйство вылетело бы в трубу. Одним из таких механизмов как раз и являлись государственные кредиты.

Ежегодно хозяйства аккуратно получали их, но отдавать полностью никто не собирался. Рассуждали так: «Коль скоро вы держите низкие закупочные цены, которые не дают нам нормально жить и работать, будете и впредь кредитовать нас, а потом списывать долги. Никуда от этого не денетесь, кормить страну все равно надо». Естественно, что в таких условиях не было смысла думать об экономии, реальных затратах, о том, нужна тебе новая машина или нет. Есть возможность урвать — хватай не глядя. Платить все равно из безвозвратного кредита.

Я посмотрел цифры по стране: даже по первой прикидке речь шла о 15—17 миллиардах рублей. Итак, безвозвратный кредит есть не что иное, как прямое финансирование колхозов и совхозов. Так почему же мы не можем выделить такие суммы для повышения закупочных цен? Если эти цены будут справедливыми, крестьянин начнет думать и об увеличении производства, и о реальных затратах, и о том, где и как сэкономить. Мне казалось, что решение найдено, но говорить об этом пока не стал, поручил детально проработать данный вопрос.

Существенный элемент Продовольственной программы — план социального развития села. В согласии с правительством мы в конечном счете его подготовили. Имелось в виду направить на эти цели, используя все источники, 140 миллиардов рублей.

В конце концов страсти улеглись, дискуссии в комиссиях закончились, главные элементы Продовольственной программы были сформулированы, отработаны и согласованы. Я зашел к Черненко и сказал, что, поскольку Пленум ЦК намечен на май, а на дворе уже апрель, пора организовать встречу с Леонидом Ильичом, представлять-то программу придется ему.

Кстати, вопрос о докладчике, который решался задолго до этого, обошелся без дискуссий. Поначалу само собой считалось, что доклады-

вать стану я. Горбачев готовит вопрос, ему и выступать. Но потом я почувствовал со стороны ряда членов Политбюро, особенно Тихонова, нечто похожее на ревность, что грозило новыми затяжками и проволочками в принятии программы.

Тогда я встретился с Брежневым и сказал ему, что, конечно, мог бы выступить с докладом, но, поскольку такая масштабная программа принимается в стране впервые, предлагать ее должен не Горбачев и даже не Председатель Совета Министров, а Генеральный секретарь.

Брежнев колебался. Я чувствовал, что в душе его происходит сложная борьба. Ведь уже на съезде он делал доклад с огромным трудом. Но соблазн оказался слишком велик, и на следующем заседании Политбюро Леонид Ильич дал согласие. И вот теперь пришла пора вводить его в курс дела.

Двум вопросам Леонид Ильич уделял всегда приоритетное внимание — аграрному сектору и военным делам. Причем мне казалось, что именно в таком порядке. Помню, как-то в Ореховой комнате перед началом заседания Политбюро зашла речь об очередном выделении армейских автомашин на уборку урожая. Устинов посетовал на то, что каждая полевая страда выводит из строя значительную часть техники. Тем самым он заранее нацеливался на то, чтобы выжать из Госплана новое пополнение автопарка вооруженных сил.

Толкуя об этом, Дмитрий Федорович как бы между прочим заявил, что понимает значение жатвы, ибо «оборона и хлеб — это главное и это неразделимо». Я счел нужным внести свои коррективы и заметил, что больше склоняюсь к формуле: «хлеб и оборона». Брежнев поддержал меня и улыбаясь сказал:

— Наверное, тут Горбачев прав.

Но Устинов стал говорить:

— Леонид Ильич, уж вы-то знаете, что оборона — это жизнь.

— А хлеб? — посмеиваясь, ответил Брежнев. — Разве это не жизнь?

И в Днепропетровске, и в Молдавии, и особенно в Казахстане Брежневу приходилось заниматься проблемами села. Был у него интерес к ним.

Интерес к военным делам Брежнев проявлял особенно активно в первый период своей деятельности. Он поддерживал тесную связь с командованием Вооруженных Сил, посещал войсковые части, испытательные полигоны, хорошо знал ученых и конструкторов, работавших на оборону. Лишь в последние годы, уже по причине физической немощи, Леонид Ильич меньше занимался военными вопросами, и даже заседания Совета Оборона стали проводиться все реже и реже, а потом и вовсе прекратились.

Так что вроде бы действительно получалось — «хлеб и оборона». Увы, это была лишь видимость. Из года в год военно-промышленный комплекс усиливал позиции и наращивал свою мощь. И дело тут было не только в личных пристрастиях Брежнева, Устинова или других членов Политбюро. Железная логика развития биполярного, расколотого надвое мира, смертельно опасная для человечества гонка дорогостоящих вооружений делали свое дело. Чтобы выдержать соперничество, необходимы были все большие средства и материальные ресурсы. Буквально из всех отраслей народного хозяйства оборонные расходы высасывали жизненные соки.

Когда я попадал на заводы, выпускавшие «оборонку», а параллельно и продукцию для села, меня всегда поражала одна и та же картина. Достаточно было заглянуть в цех, оснащенный новейшим оборудованием и выпускавший, скажем, самые современные танки, а затем зайти в другой, где на стародавних конвейерах собирали устаревшие модели тракторов, чтобы понять, что сельхозмашиностроение находилось в военно-промышленном комплексе на задворках, на положении падчерицы. Я уж не говорю о состоянии допотопных фабричек, перерабатывавших сельхозсырье. Многие из них давно побили все мировые рекорды долголетия.

Вот тебе — «хлеб и оборона»!

Видимо, был какой-то момент, когда Генеральный секретарь должен был задуматься и взвесить, куда ведет логика наращивания оборонного потенциала и соперничество с Соединенными Штатами Америки в гонке вооружений. Ведь в последние пятилетки военные расходы росли в полтора-два и более раз быстрее, нежели национальный доход. Этот молох пожирал все, что давалось ценой тяжкого труда и нещадной эксплуатации производственного аппарата, который старел, нуждался в модернизации, особенно в машиностроении и добывающих отраслях. Даже человек, не сведущий в экономике, понимает, что значит отставание в данной сфере.

Дело усугублялось тем, что не было никакой возможности проанализировать проблему. Все цифры, относящиеся к ВПК, хранились в строжайшем секрете даже от членов Политбюро. Стоило заикнуться о том, что какое-то оборонное предприятие работает неудовлетворительно, как Устинов коршуном набрасывался на «незрелого критикана», и никто в Политбюро не отваживался противостоять ему.

Кризис стучался в двери. Выход могли дать лишь новые решения в области внешней политики и диалог с американцами. Этого не случилось. Короче, руководство страны не имело стратегии, которая учитывала бы новые условия, все шло в русле старой политики, а она все чаще давала сбои. Мы действовали, как пожарная машина, мчавшаяся ту-

да, где валил дым. А дымком уже пахивало от многих регионов и сфер жизни общества.

Сделать выбор в пользу реформ это руководство было не способно. Не трогать систему — вот главное, за чем тщательно следил аппарат власти. Вот почему все ухватились за модные в то время «целевые программы». Они стали своего рода спасательным кругом, помогая «вытащить» тот или иной конкретный вопрос.

Страна теряла динамику развития, общество — социальную энергию, политика заходила в тупик. Могу с абсолютной убежденностью утверждать, что ни я, ни мои коллеги не оценивали тогда общую ситуацию как кризис системы. Но ощущение назревания кризиса, предчувствие его в обществе нарастали.

Идеологическая машина работала на полную мощь, но ей все труднее было справляться с проблемами, нарастанием недовольства в обществе, отбивать атаки оппонентов. В эти годы в театрах ставятся пьесы «Так победим» М.Ф.Шатрова, «Тринадцатый председатель» А.Абдулина, «Гнездо глухаря» В.С.Розова, в которых поднимаются большие вопросы нашего бытия. В обществе гуляет бесчисленное количество самиздатовской литературы, проводятся неформальные выставки художников, главный пафос которых заключается в протесте против существующего режима.

Как раз в это время Брежнев проходил очередную профилактику в больнице на улице Грановского. В его палате помимо лечебно-медицинского отсека был кабинет для приема посетителей. Там можно было удобно расположиться, побеседовать, выпить чаю. Туда мы и пришли — Черненко, Тихонов, Андропов и я.

Леонид Ильич встретил нас радушно, как бы в приподнятом настроении, словно желая продемонстрировать, что находится в полном порядке. Он и в самом деле не производил впечатления тяжелобольного. Даже одет был не по-больничному: модные брюки, коричневая спортивная куртка на молнии. И только тем, кто знал его, помнил его динамичность, бросалась в глаза какая-то заторможенность в поведении.

Мы поздоровались, устроились вокруг стола, поговорили на общие темы — о здоровье, о текущих делах. Потом Леонид Ильич спросил:

— Ну, что там у нас с Пленумом?

Все повернулись в мою сторону.

— Готовимся, выходим на завершающую стадию. Разработан пакет постановлений к программе. Что касается намечаемых показателей, они реалистичны. Осталось согласовать позиции по источникам финансирования.

Брежнев отреагировал сразу:

— Пленум проводить надо. Только вот одно — вы все меня уговаривали, утвердили докладчиком, а сами по финансированию не договорились. Что же, я пойду на трибуну с пустым карманом?

— Что вы, что вы, Леонид Ильич, — вскочил с места Черненко.

— Все будет в полном порядке, договоримся, — поддакнул и Тихонов, хотя прозвучало это у него не очень искренне.

Эта встреча почему-то вдруг напомнила мне 1978 год, перрон вокзала Минеральных Вод. Те же лица — Брежнев, Черненко, Андропов, Горбачев, — но на этот раз еще и Тихонов. И та же тревожная атмосфера ожидания предстоящих передвижек.

Андропов сидит спокойно, не говоря ни слова, только внимательно наблюдает за происходящим. Он уже знает, что на предстоящем Пленуме будет избран секретарем ЦК, станет второй фигурой в партии и государстве. Знает об этом и Тихонов, поэтому по ходу разговора все время суетливо поглядывает в сторону Юрия Владимировича. Черненко еще не знает, кто станет секретарем, но догадывается, что не он, ибо Леонид Ильич никаких намеков на этот счет ему так и не сделал. И Константин Устинович страшно переживает, нервничает...

А беседа тем временем идет дальше. Чтобы облегчить Брежневу выступление на Пленуме, договариваемся, что текст Продовольственной программы и весь пакет правительственных постановлений заранее раздадим членам ЦК и приглашенным. За генсеком останется лишь краткий доклад и представление этих документов. На том и расходимся.

От улицы Грановского до Старой площади едем с Черненко в одной машине.

— Спасибо за поддержку, — говорю я ему.

Константин Устинович погружен в свои мысли, но отвечает:

— Ладно, главное теперь — действуй и ни на кого не оглядывайся.

Я знал, что он недолюбливает Тихонова и намекает на него.

— Раз есть определенная позиция генсека, — откликаюсь я, — вряд ли кто будет мешать. Но и вы приготовьтесь: думаю, сейчас и у вас начнут звонить телефоны.

Настал момент решающего разговора с Тихоновым. Удовольствия это не сулило, но без его участия проект мог все-таки оказаться под угрозой.

Подошло время встречи. Она состоялась в Кремле и продолжалась часа четыре. Я подобрал обстоятельные справки по всему кругу вопросов, аргументы казались «непробиваемыми», но как только речь заходила о 16 миллиардах, Тихонов переставал слушать.

— Николай Александрович, вы же хозяйственник, человек от жизни. Вы прекрасно понимаете, что без этой суммы вся программа превращается в пустую бумагу.

— Нет, Михаил Сергеевич, — упирался Тихонов, — нет у меня таких денег.

И тут я ввел тему безвозвратного кредита.

— Посмотрите справку: за последние пять лет колхозы, совхозы берут и не возвращают кредиты до 17 миллиардов ежегодно, — положил перед Тихоновым справочные материалы.

— При чем тут это?

— А при том, что безвозвратный кредит — это тоже финансирование, но в его наихудшем виде. Хозяйства не зарабатывают, а просто берут и не отдают. Так формируется на селе рваческая психология, о которой вы сами говорили. И пока так будет продолжаться — никакого порядка в деревне не ждите.

Принесли чай. Лицо Тихонова остается непроницаемым, и трудно догадаться, что у него на уме. Беседа возобновляется. Все мои экономические доводы отлетают, как от стенки мячик, и постепенно исчерпываются. Тихонов неколебим, а главное — молчит. Попробуй поспорь с ним! Тогда, памятуя о совместном визите к генсеку, я перехожу от уговоров к более жесткой постановке вопроса:

— Вот записка в Политбюро, которую я подготовил после беседы с Леонидом Ильичом. Хочу, чтобы мы с вами подписали ее вместе: вы — как председатель правительства, я — как человек, которому поручили это дело. И вместе представили записку Политбюро.

Тихонов молчит.

— Но если вы не подписываете, подпишу один и сам внесу в Политбюро. Пусть оно решает. У Леонида Ильича я предупреждал — не решены вопросы финансирования, но Черненко и вы заверили Генерального, что все будет согласовано.

Тихонов слушает молча, что-то обдумывает. Опять приносят чай, опять пауза.

— Уверен, — нажимаю я, — Политбюро поддержит мои соображения. Судя по совещаниям, которые я провел, это — мнение, сформировавшееся в партии, в стране. Давайте вместе. Я не хочу, чтобы мы с вами вот так разошлись.

И наконец слышу:

— Давайте бумаги.

Он забирает записку, справки, расчеты, молча листает их и, видимо, решается:

— Я все это возьму, посмотрю еще раз, но давайте сразу исключим из документов создание Государственного агропромышленного комитета. В районах пусть будут, а в центре — нет. Что же, это у нас второе правительство будет?

«Надо же, — подумал я, — сидеть четыре часа и молчать о главном, что, оказывается, точило душу. А я-то напирал на экономический анализ, искал научные доводы, аргументы...»

Незадолго до этого Карлов как-то сказал мне, что с чьей-то «легкой руки» по аппаратам ЦК и Совмина пущен слухок, будто Агропромышленный комитет Горбачев создает «под себя», чтобы забрать под свое кураторство половину народного хозяйства страны. А главное — за этим стоят якобы далеко идущие претензии Горбачева на пост Председателя Совета Министров.

Тогда этому слуху я значения не придавал — обычные аппаратные сплетни, не более. А оказывается, кого-то они волновали всерьез. И как бы в противовес стали срочно создавать комиссию Совета Министров по аграрным делам.

— Не возражаю, — ответил я Тихонову без колебаний, — и тут же вычеркнул из записки в Политбюро упоминание о комитете.

Николай Александрович вздохнул с облегчением, явно повеселел. Вот такой торг произошел, как сказали бы сейчас — «бартер».

Все были в шоке: «Горбачев сломал Тихонова». Никто не верил, что он уступит. Мои «доброхоты» были просто убеждены, что «с Тихоновым у Горбачева не пройдет». Но на всю эту болтовню я уже никакого внимания не обращал. Долгий и изнурительный марафон был для меня закончен.

24 мая 1982 года Пленум ЦК КПСС заслушал доклад Брежнева «О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации». Были утверждены и сама программа, и «пакет» из шести постановлений по отдельным вопросам функционирования АПК. Теперь эти решения предстояло довести до сознания крестьянства, управленческого аппарата и всего общества. В «Коммунисте» (№ 10 за 1982 г.) была опубликована моя статья «Продовольственная программа и задачи ее реализации», а осенью в журнале «Проблемы мира и социализма» другая — об аграрной политике партии.

В августе того же года на Всесоюзном совещании в Харькове, где собрались специалисты-аграрники со всей страны, я поставил вопрос о решительном отказе от экстенсивных методов ведения хозяйства. Погоня за численным ростом поголовья скота вела к содержанию малопродуктивных животных: кормить их надо, а отдача мизерная. Селекционная работа, введение научного рациона кормления и другие приемы интенсивной технологии обеспечивали увеличение производства мяса и молока при меньшем поголовье.

Казалось, какая тут крамола? Но когда об этом доложили Щербицкому, он возмутился:

— Это что еще за путаные рассуждения? Генеральный секретарь требует сохранения и наращивания поголовья, а тут прямо противоположный призыв. Так ведь можно всех дезориентировать...

Подобным образом мыслили многие партийные и хозяйственные руководители. Их критерии успехов сельского хозяйства были пре-

дельно просты: размеры посевных площадей, численность голов и хвостов в стаде. Эти показатели и находились под их строжайшим контролем и неусыпным оком. Так что уже на первых порах стало ясно, сколь трудной будет реализация Продовольственной программы.

Читатель, особенно наш, российский, скажет: «Ну, и что дала эта программа? Какой была ситуация с продовольствием, такой и осталась, даже хуже стала. И зачем автор так подробно описывает все хитросплетения борьбы сторонников и противников программы? Не правильнее ли сказать, положив руку на сердце, что была очередная утопия, новые обещания, о которых тут же забыли».

На этот счет у меня своя позиция. Во-первых, я хотел обрисовать процесс принятия решений в тех условиях, в которых оказался, приняв обязанности секретаря ЦК КПСС. Во-вторых, разработка программы такого масштаба — это своего рода еще одна отчаянная попытка заставить работать систему на таком жизненно важном направлении, как продовольствие. И что-то ведь удалось сделать. В двенадцатой пятилетке по сравнению с предыдущей среднегодовое производство зерна увеличилось на 26,6 миллиона тонн, мяса скота — на 2,5 миллиона, молока — более 10 миллионов; количество убыточных хозяйств сократилось с 25 до 4 тысяч и составило менее 10 процентов.

В-третьих, работа по осуществлению программы показала, что стабилизация продовольственного рынка — это не только вопрос сельского хозяйства, но результат общей финансовой ситуации в стране, прежде всего соотношения темпов роста доходов и расходов населения. Вспоминаю, что в бытность вторым секретарем Ставропольского крайкома (1968—1969 гг.) мне приходилось решать проблему... куда девать мясо и масло: люди «отказываются» брать. А душевое потребление тогда составляло всего 42 кг мяса, молока — почти на 100 кг меньше уровня 1990 года.

Зачем возвращаться в прошлое — сейчас, в 1993-м, все продукты или почти все лежат, а их потребление только за 1992 год уменьшилось на 28 процентов в сравнении с предыдущим годом. Так что же это за фокус? Никакого фокуса: доходы съедает инфляция, люди не могут купить то, что хотят. Посмотреть могут. А власти утверждают, что решили продовольственную проблему, как будто все определяется тем, что лежит на прилавке, а не реальным потреблением продуктов питания.

Конечно, возникает еще один вопрос к автору: если так ему все ясно, так почему же он не использовал свое положение генсека и президента для решения этой проблемы уже в первые годы перестройки? Закономерный вопрос, и я на него постараюсь дать ответ в следующей главе.

**Андропов —
Черненко:
перетягивание
каната**

Перетягивание каната между Черненко и Андроповым, их конкурентная борьба за влияние на генсека продолжались. Черненко пытался изолировать Брежнева от прямых контактов, говорил, что только он может чисто по-человечески

понять Леонида Ильича, то есть не брезговал ничем, чтобы укрепить личные позиции.

Хотя Юрия Владимировича после Пленума посадили в сусловский кабинет, поручение ему вести Секретариат ЦК так и не было зафиксировано. Преднамеренно это сделали или нет, не знаю, но, воспользовавшись данным обстоятельством, Черненко, а иногда и Кириленко по-прежнему вели заседания Секретариата.

Так продолжалось примерно до июля 1982 года, когда произошел эпизод, поставивший все на свои места. Обычно перед началом заседания секретари собирались в комнате, которую мы именовали «предбанником». Так было и на сей раз. Когда я вошел в нее, Андропов был уже там. Выждав несколько минут, он внезапно поднялся с кресла и сказал:

— Ну что, собрались? Пора начинать.

Юрий Владимирович первым вошел в зал заседаний и сразу же сел на председательское место. Что касается Черненко, то, увидев это, он как-то сразу сник и рухнул в кресло, стоявшее через стол напротив меня, буквально провалился в него. Так у нас на глазах произошел «внутренний переворот», чем-то напоминавший сцену из «Ревизора».

Этот Секретариат Андропов провел решительно и уверенно — в своем стиле, весьма отличном от занудной манеры, которая была свойственна Черненко и превращала все заседания в некое подобие киселя.

Вечером я позвонил Андропову:

— Поздравляю, кажется, произошло важное событие. То-то, я гляжу, вы перед Секретариатом были напряжены и замкнуты наглухо.

— Спасибо, Михаил, — ответил Андропов. — Было от чего волноваться. Звонил Леонид Ильич и спрашивал: «Для чего я тебя брал из КГБ и переводил в аппарат ЦК? Чтобы ты присутствовал при сем? Я брал тебя для того, чтобы ты руководил Секретариатом и курировал кадры. Почему ты этого не делаешь?..» Вот после этого я и решился.

Зная состояние генсека в тот момент, особенно его волевые качества и нежелание ссориться с Черненко, я уверен, что сам он на такой звонок был неспособен. Видимо, как это бывало не раз, кто-то стоял рядом и, как говорится, «нажимал». Таким человеком мог быть только Устинов. Если учесть его влияние на Брежнева, его способность действовать напрямую, без всякой дипломатии, а также его давнюю дружбу с Андроповым, то можно утверждать это с достаточной уве-

ренностью. Замечу, что ни Юрий Владимирович, ни Дмитрий Федорович в беседах со мной этого эпизода не упоминали.

Вот так и сложилась новая «стабильность». Теперь уже довольно часто обсуждения носили не формальный, а сугубо деловой характер. Появились замечания в адрес отделов по качеству подготовки тех или иных вопросов. Принимавшиеся постановления приобретали более конкретное содержание. Главное — утверждалась требовательность и жесткость. Ну а по части персональной ответственности Юрий Владимирович нагонял порой такого страха, что при всей вине тех, на кого обрушивался его гнев, их нередко становилось по-человечески просто жалко.

У меня родилось ощущение, что в нем произошли перемены, которых я не замечал прежде. Возможно, тут сыграло свою роль то обстоятельство, что с обострением болезни Брежнева и усилением интриг в его окружении создавалась ситуация, которая угрожала полным безвластием. Видимо, Андропов решил предпринять некоторые шаги, которые повысили бы авторитет центральной власти, показали всем, что, несмотря на немощь генсека, рычаги управления находятся в твердых руках и никаких случайностей не произойдет. И прежде всего это надо было показать самим членам Политбюро.

В том же контексте я рассматриваю неожиданное поручение Андропова в летний период 1982 года, когда «на хозяйстве» в ЦК остались он и я, а в Министерстве обороны Устинов, разобраться, почему в разгар сезона в Москве нет фруктов и овощей. Была создана «пожарная команда» по снабжению столицы, но она столкнулась с решительным отказом торговых организаций Москвы брать продукцию под предлогом отсутствия торговой сети для ее реализации. Тут уж я сам надавил на столичные власти, чтобы понудить их заняться практическими делами.

Вечером того же дня последовала реакция Гришина:

— Нельзя же до такой степени не доверять городскому комитету партии, чтобы вопрос об огурцах решался в Политбюро, да еще через мою голову. Я решительно заявляю, что мне это не нравится!

Я прервал его:

— Послушайте, Виктор Васильевич, мне кажется, вы не ту тональность взяли. Чисто практический вопрос ставите в плоскость политического доверия. А речь идет о том, что лето в разгаре, в Москве — ни овощей, ни фруктов. Между тем продукция есть. Поэтому давайте говорить о том, как решить этот вопрос. А мне поручено держать его под контролем.

К слову, о Гришине. Будучи ординарной личностью, он имел весьма завышенные представления о себе и своих возможностях. К тому же, как многие люди такого рода, при общении с «нижестоящими» на-

пускал на себя столь значительный, «вождистский» вид, что решение с ним каких-то вопросов превращалось в сущую муку. Никаких критических суждений и замечаний не принимал, единственное исключение — генсек. Но и тогда ворчал, что кто-то неправильно информирует Генерального, чьи-то козни.

В «огуречной истории» он перечить не стал, сориентировался быстро. В городе вскоре появилось несколько тысяч овощных палаток, лотков, и вопрос был решен. По московским коридорам пошел шепоток: Андропов берется всерьез за наведение порядка.

Однако эта история имеет и другой подтекст. В сложной, закулисной борьбе между членами руководства Гришин котировался некоторыми как вероятный претендент на «престол». Подобного рода информация прошла через зарубежную прессу, и Андропов, естественно, знал об этом. Поэтому в его просьбе вмешаться в овощные дела столицы свою роль играло и желание показать неспособность московского руководителя справиться даже с проблемами городского масштаба.

Примерно в то же время в одном из разговоров Юрий Владимирович как бы мимоходом сказал:

— Леонид Ильич просит плотнее заняться кадрами. Думаю, надо бы нам посмотреть на некоторые фигуры, которые стали уж очень одиозными.

Он внимательно взглянул на меня.

— Что ты думаешь о Медунове?

— То же, что говорил вам год и два назад, — ответил я.

Действительно, разговор о бывшем моем соседе не раз возникал у нас и раньше. До центра доходили вести о явном неблагополучии в Краснодарском крае, в частности о том, что в курортной зоне сложились мощные мафиозные структуры, имевшие якобы прямой выход на партаппарат.

Я напомнил Юрию Владимировичу о своей беседе с Медуновым и высказанных ему советах: во-первых, отмежеваться от нечистоплотных людей, во-вторых, внимательно присмотреться к кадрам и взять их под жесткий контроль. Медунов тогда слушал меня, как говорится, вполуха. Он готов был прислушаться к словам Леонида Ильича, на худой конец — Сулова или Кириленко, не более. Считал, что я вмешаюсь не в свои дела, плету против него какие-то интриги.

Докладывая Андропову о результатах того разговора, я сказал:

— Надеюсь, вы понимаете, что о наших выводах вам придется докладывать Леониду Ильичу. Надо заранее предусмотреть реальный контекст всего разговора.

— Понимаю, — ответил Юрий Владимирович. — Но это дело пар-

тийное, государственное, значит, надо. А ты подумай, какой вариант можно предложить для перевода Медунова.

Я предложил должность заместителя министра заготовок по плодово-овощной продукции. Краснодарский край был одним из главных поставщиков овощей и фруктов.

На аппарат ЦК, на всех секретарей обкомов освобождение Медунова произвело сильное впечатление. Знали, что его опекал сам Генеральный секретарь, считали «непотопляемым», и вдруг... Авторитет Андропова стал расти буквально на глазах.

Если присмотреться к этим шагам Юрия Владимировича по-серьезному, станет очевидным, что носили они разовый, в большей мере демонстративный характер. Спертая атмосфера застоя сгустилась к тому времени настолько, что даже эти действия, словно чуть приоткрытая форточка, рождали иллюзию освежающего дуновения. К сожалению, противоречия, накопившиеся за годы правления Брежнева, были столь глубоки, что разрешить их только такими разрозненными мерами было невозможно.

Поскольку генсек не мог проявлять инициативы, не поощрялась она и у других членов Политбюро, дабы на этом фоне не бросались в глаза его ограниченные возможности. В частности, ему было не под силу совершать, как прежде, поездки по стране. Значит, и остальным, даже если того требовало дело, приходилось тщательно дозировать свои командировки на места.

Окружению Брежнева постоянно приходилось решать и другую задачу: имитировать бурную творческую и организационную деятельность генсека. А поскольку сам он генерировать новые идеи, писать или выступать уже не мог, от его имени и выступали доверенные лица, помощники, консультанты. Они постоянно и умело сочиняли какие-то доклады и записки, направляли письма и телеграммы. Каждое такое (естественно, «историческое») выступление должно было получить широчайший отклик. Все отделы ЦК сидели над изобретением подобного рода «откликов», демонстрировавших всенародный и всемирный «резонанс».

Кстати, знание этого механизма функционирования власти иногда позволяло провести разумные решения. Своих идей у брежневского окружения явно не хватало, и если туда поступала «памятная записка», предлагавшая постановку и решение того или иного крупного вопроса от имени Генерального секретаря, за такую возможность немедленно ухватывались.

Я уже говорил, что «стабильность» при больном генсеке устраивала многих членов руководства, они практически бесконтрольно властвовали в своих регионах и ведомствах. Заинтересованы были в подобной стабильности и ближайшее окружение Брежнева, часть аппарата

ЦК, ибо с ней связывалось и их благополучие. Все знали, что при смене генсека неизбежны кадровые перемены, вот и старались.

Естественно, при таком положении все нити власти и управления все более перемещались в бюрократический аппарат, и этот переход имел пагубные последствия. Он не только свел к нулю остатки внутрипартийной демократии, но и открыл простор для чиновничьего интриганства, которое зачастую стало играть решающую роль в принятии политических решений и особенно при кадровых назначениях.

В этот период то, что считалось мнением или позицией генсека, зачастую уже не являлось его личной точкой зрения, родившейся в результате самостоятельного анализа и сопоставления различных оценок. Это была всего лишь позиция той или иной группировки, которая в данный момент сумела оказать на него решающее влияние.

В последние годы пребывания Брежнева на посту генсека Политбюро пришло в немыслимое состояние. Некоторые заседания, дабы не утруждать Леонида Ильича, вообще продолжались 15—20 минут. То есть больше времени собирались, нежели работали. Черненко заранее договаривался о том, чтобы сразу после постановки того или иного вопроса звучала реплика: «Все ясно!» Приглашенные, едва переступив порог, должны были разворачиваться вспять, а считалось, что вопрос рассматривался в Политбюро.

Если на обсуждение ставилась действительно крупная проблема жизни страны, вся надежда была на ее проработку правительством. И в этом случае крайне редко начинался разговор по существу. Использовалась другая дежурная фраза: «Товарищи работали, предварительный обмен мнениями был, специалистов привлекали, есть ли замечания?» Какие уж тут замечания! Тот, кто решался «вклиниться», задать вопрос, достаивался косога взгляда Черненко.

Даже когда Брежнев чувствовал себя получше, ему трудно было следить за ходом дискуссии и подводить ее итоги. Поэтому при постановке крупных проблем он обычно брал слово первым и зачитывал подготовленный текст. После этого обсуждать что-либо считалось неприличным, и опять раздавалась реплика: «Согласимся с мнением Леонида Ильича... Надо принимать...» Брежнев сам иной раз добавлял, что в проекте упущены такие-то моменты, надо, мол, усилить тот или иной акцент. Все дружно и радостно соглашались, обсуждение на том заканчивалось.

Исключение по продолжительности и активности дебатов составляли заседания Политбюро, на которых утверждали проекты годовых планов и бюджета, ибо тут затрагивались интересы всех, кто курировал ту или иную отрасль либо регион. И в этих случаях заседание обычно начиналось с выступления генсека. Он довольно сбивчиво зачитывал текст представления, затем открывал прения.

Говорили всегда одно и то же. Щербицкий — о необходимости реконструкции основных фондов Донбасса, «иначе металлургия и шахты этого региона поставят на колени энергетику не только республики, но и всей страны». Кунаев беспокоился о состоянии целины, развитии Экибастузского энергетического узла, просил увеличить ассигнования. Гришин, как всегда, вещал нечто расплывчатое, обтекаемое и тоже просил дать больше денег столице. Столь же постоянной была тема Рашидова: одностороннее развитие Среднеазиатского региона, проблемы занятости, расширения числа рабочих мест и, конечно, орошение.

Хотя все эти вопросы являлись важными и сложными, никаких дискуссий, обмена мнениями, споров не возникало. Я уж не говорю, что не было ни одного случая, когда проект плана и бюджета завернули бы, отправив на доработку. Честно говоря, все это смахивало на профанацию и самообман.

В конце концов для проработки решений по отдельным вопросам было создано более двух десятков постоянных и временных комиссий, которые готовили заключения, а Политбюро просто утверждало их. Комиссия по Китаю, комиссия по Польше, комиссия по Афганистану, комиссии по другим внутренним и внешним проблемам. Все они обязательно заседали в ЦК, никогда не собирались за его пределами, дабы Черненко мог осуществлять надзор за их деятельностью. По существу, комиссии эти стали подменять и Политбюро, и Секретариат. Со временем заседания Политбюро становились все менее продуктивными.

А ведь это было время, когда многие негативные процессы в жизни страны можно было остановить и начать реформирование общества. Увы! Время уходило безвозвратно. Во всем мире под воздействием достижений научно-технической революции происходили грандиозные перемены в сфере производства, коммуникаций, быта, вносящие коренные изменения в жизнь общества. Получалось так, что другие страны через болезненные поиски шли по пути адаптации к вызовам времени, а наша система, опирающаяся, казалось бы, на научную теорию, плановый, системный подход и научные методы управления, отторгала новые веяния, противопоставляя себя общему потоку цивилизации.

Смерть Брежнева

Умер Леонид Ильич неожиданно. Может быть, это звучит странно — о его физическом состоянии благодаря телевидению знала вся страна, мы наблюдали всю клиническую картину здоровья генсека воочию. Но тянулось это настолько долго, что стало привычным, о возможности близкого конца никто не думал.

7 ноября 1982 года — в день Октябрьской годовщины — Брежнев, как Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Главнокомандующий и Председатель Со-

вета Оборона, принимал военный парад. Потом — торжественный прием, где он зачитал приветственную речь. В общем — все как обычно.

10 ноября я принимал делегацию из Словакии. Шла оживленная беседа, когда неожиданно из секретариата мне передали записку: «Вас срочно вызывает Андропов. Он знает, что вы принимаете делегацию, но просит извиниться, объявить перерыв и сразу же зайти к нему».

Когда я вошел в кабинет Андропова, Юрий Владимирович внешне выглядел достаточно спокойным. И вместе с тем за этим скрывалось огромное внутреннее напряжение. Ровным голосом он рассказал, что Виктория Петровна — жена Брежнева — попросила срочно сообщить ему о смерти Леонида Ильича и передать, что его ждут на даче в Заречье. Никого другого видеть она не захотела. Андропов уже побывал там, беседовал с Чазовым, сотрудниками охраны. Смерть наступила за несколько часов до приезда бригады «скорой помощи».

Мы помолчали. Потом я сказал:

— Что ж, для Старой площади наступил ответственный момент. Необходимо принимать решение, и думаю, оно будет касаться лично вас.

Андропов, видимо, погруженный в свои мысли, не ответил. Наши отношения позволяли мне не ходить вокруг да около, а вести с ним открытый разговор, и я спросил:

— Вы встречались в «узком кругу»?

Он кивнул головой. Да, они встречались и сошлись на кандидатуре Андропова. В его рассказе фигурировали Устинов, Громыко, Тихонов. Черненко не упоминался, так что не могу сказать, принимал ли он участие в этой беседе.

— Что бы ни случилось, — сказал я, — уклоняться вы не можете. Со своей стороны всеми силами буду вашу кандидатуру поддерживать.

В тот же день состоялось заседание Политбюро. Создали комиссию по организации похорон во главе с Андроповым. Приняли решения, связанные с проводами в последний путь лидера государства и партии. Постановили срочно созвать внеочередной Пленум ЦК КПСС и по предложению Тихонова единодушно одобрили кандидатуру Юрия Владимировича на пост Генерального секретаря. Выступить с этим на Пленуме от имени Политбюро должен был Черненко.

Откровенно говоря, кончина Брежнева, хотя и произошла внезапно, никого из нас не потрясла, не вывела из равновесия. Не была она воспринята как тяжкая потеря и в обществе, несмотря на все усилия пропаганды, а может, именно из-за нее. В те дни все мы, конечно, так или иначе размышляли о будущем, о том, в каком состоянии находится страна, что может ожидать нас впереди. Могу со всей определенностью сказать: уже тогда преобладало ожидание больших перемен.

О 18-летнем периоде правления Брежнева, как эпохе застоя, сказано и написано немало. Я думаю, эта характеристика нуждается в конкретизации и углублении. Тем более что в последнее время со стороны консервативно-фундаменталистских сил предпринимаются попытки реабилитировать брежневизм. Цель ясна — попытаться доказать, что надобности в перестройке не было, а основную тяжесть вины за нынешний кризис общества свалить на ее инициаторов.

В политическом плане брежневщина не что иное, как консервативная реакция на предпринятую Хрущевым попытку реформирования существовавшей тогда в стране авторитарной модели. Строго говоря, такая реакция началась при самом Хрущеве, и это приводило к противоречивости его действий внутри страны и на международной арене. Уступая давлению партийно-государственного аппарата, Хрущев не хотел полностью сдавать реформаторские позиции. Как я уже писал, даже в предпринятых им в последние годы сумбурных перестройках партии и хозяйственного управления угадывалось стремление ослабить всевластие партийной и государственной бюрократии. Такой лидер стал ей негоден, и он был убран.

Брежнев хорошо знал настроения партийно-государственной элиты, военно-промышленного комплекса, опирался на них и пользовался их неограниченной поддержкой, проводя, по существу, жесткую неосталинистскую линию.

Очень много при Брежневе говорилось о демократии, с огромной помпой была принята новая Конституция. И в то же время развернута беспрецедентная борьба против инакомыслящих — одних посадили в тюрьмы, других запрятали в психушки, третьих выдворили за кордон.

Не меньше заклинаний произносилось о необходимости «экономной экономики», интенсификации производства, ускорения научно-технического прогресса, расширения самостоятельности предприятий. Но даже очень скромная и робкая «косыгинская реформа» 1965 года встретила яростное сопротивление и была пущена под откос. Так и не смогли провести Пленум по научно-техническому прогрессу, перенося его из года в год. Экономике несло дальше и дальше по экстенсивному, затратному пути, ведущему к банкротству.

Под прикрытием мощной пропагандистской кампании за разрядку международной напряженности даже после того, как ценой огромных затрат был достигнут военно-стратегический паритет с США, продолжала наращиваться гонка вооружений. Не колеблясь раздавили «Пражскую весну». Впервые после Второй мировой войны вооруженные силы страны были втянуты в заведомо проигрышную военную авантюру в Афганистане.

Но главное, что определяет оценку брежневизма в политической истории страны, — брежневское руководство оказалось несостоятельным перед лицом вызовов своего времени. Слепо придерживаясь ста-

рых догм и представлений, оно проглядело наступление глубоких перемен в науке и технике, условиях жизни и деятельности людей, стран и регионов, всего мирового сообщества, знаменующих зарождение новой цивилизации. Переменам в стране был поставлен прочный шлагбаум, она оказалась загнанной в тупик, обреченной на длительное отставание и глубокий общественный кризис.

Со смертью Брежнева встал вопрос: останется ли все как есть, будет ли наше общество катиться дальше под уклон, или произойдут глубокие перемены, прежде всего — обновление политического руководства. Поскольку страна наша являлась одним из устоев всей мировой конструкции, этот вопрос волновал не только наших граждан, но и мировое сообщество.

Обращаясь к своим впечатлениям тех дней, должен сказать, что тогда у основных действующих лиц наметились две тенденции. Одна — превратить Брежнева в очередного «классика», величайший «авторитет», с помощью которого можно было бы сохранить его прежнее окружение, а новое руководство сразу же поставить в жесткие рамки. Другая — проявить сдержанность в оценке брежневского периода, чтобы открыть хоть какую-то возможность для радикальных перемен.

Как и до этого, подобные тенденции проявились не в публичных дискуссиях и не в открытых схватках, а в тончайших нюансах, уловимых лишь опытным слухом и глазом.

Сами похороны, их пышное и грандиозное оформление, организованное службами, которые курировал Черненко, были проведены, что называется, «по максимуму». Под стать была и речь Черненко на Пленуме 12 ноября. Он старательно зачитывал написанные ему помощниками патетические слова о «самом последовательном продолжателе дела Ленина», выдающемся теоретике, наделенном всеми мыслимыми дарованиями и добродетелями.

Кадровый застой, ставшее притчей во языцех старение руководства выдавались за величайшее достижение Леонида Ильича, создавшего столь мудрый, в высшей степени компетентный и сплоченный коллектив политических лидеров. Что касается заявления, будто именно Андропов лучше всех освоил брежневский стиль руководства и брежневское бережное отношение к кадрам, то для Юрия Владимировича этот комплимент являлся более чем сомнительным. А выражение уверенности в том, что брежневская коллегиальность будет Андроповым лишь упрочена, звучала вполне определенно: будем, мол, командовать вместе.

Общество чувствовало, что страна не только нуждается, но и находится накануне перемен. На этом фоне подобное славословие было явным перехлестом. Я находился в те дни рядом с Андроповым и видел, что он отдает себе отчет в необходимости и неизбежности отмеже-

ваться от многих черт «брежневской эпохи». И в этом смысле беспокоится о том, как будут восприняты его первые шаги.

Речь Андропова на Пленуме 12 ноября, где его избрали Генеральным секретарем, оказалась достаточно сдержанной. В ней не было открытого вызова, все подобающие слова по случаю смерти Брежнева были сказаны, но не более того. После этого выступления Черненко впал в полное уныние, хотя надо отметить, что в человеческом плане Юрий Владимирович относился к нему вполне терпимо.

По решению, принятому задолго до этих дней, 15 ноября должен был состояться очередной Пленум ЦК КПСС, на котором предстояло рассмотреть проекты государственного плана и бюджета на следующий год. Андропов понимал, что уже здесь он вынужден будет выйти за рамки намеченной повестки дня, обозначить хотя бы «курсивом» свой будущий курс. Договорились отложить Пленум на неделю.

Глава 8

АНДРОПОВ: НОВЫЙ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ДЕЙСТВУЕТ

Это были крайне напряженные дни. Андропов созванивался и встречался с людьми. Надо было решить в первую очередь, как поступить с докладом, подготовленным для Брежнева. Конечно, его следовало использовать лишь в качестве отправного пункта для идей и замыслов нового генсека. Но его тревожило, не будет ли это выглядеть претенциозно: вот, мол, недели не прошло, а ему все сразу стало ясно.

Я высказал мнение:

— Разработать за неделю какую-то цельную программу вам, конечно, не удастся. А вот расставить необходимые акценты, правильно вычленить главные вопросы, сказать так, чтобы всем стало ясно, какие решения созвучны вашим мыслям и имеют перспективу, вот это — вполне возможно.

Пленум состоялся 22 ноября. Выступление Андропова прошло удачно. При всех штампах и стереотипах, характерных для того времени, оно содержало новые подходы. Юрий Владимирович сказал о серьезных недостатках в экономике, о невыполнении двух пятилетних планов, о необходимости совершенствования хозяйственного механизма, управления и планирования, о самостоятельности предприятий, стимулировании производительности труда, инициативы и предприимчивости. Для того времени все это было в меру свежо и встречено аплодисментами. Еще громче прозвучали они, когда Андропов поставил вопрос об усилении требовательности, укреплении дисциплины и контроля за принимаемыми решениями. Всеобщая расхлябанность порядком надоела.

Конечно, многие важнейшие темы в выступлении были лишь заявлены, но и это производило впечатление. При его подготовке все были согласны, что нужна принципиально иная концепция руководства экономикой. Какая именно — ответа на этот вопрос у нас еще не было. И тогда Андропов своей рукой вписал в текст фразу о том, что готовых

рецептов на все случаи жизни у него нет. Это как бы приглашало партию и общество к совместному поиску необходимых решений.

Юрий Владимирович заявил нам, что не пойдет на Пленум до тех пор, пока в его выступлении не будет говориться об ответственности конкретных руководителей тех министерств, где дела идут особенно плохо. Поэтому в текст и были вписаны резкие критические пассажи о работе транспорта, о состоянии металлургии и строительства, которые из года в год не обеспечивали нужд народного хозяйства. А в скором времени руководителей этих министерств — Павловского, Казанца и Новикова — вообще отстранили от работы.

Над внешнеполитическим разделом выступления Андропов основательно поработал с Арбатовым, Бовиным и Александровым. Мне он передал эту часть, когда основной текст уже сложился.

Отметив беспокойство западной прессы, высказывавшей опасения, что со смертью Брежнева изменится к худшему наша внешняя политика, Андропов с сарказмом заметил, что совсем недавно именно эту политику они подвергли нещадной критике. Надо сказать, что все предшествовавшие годы Юрий Владимирович сам принимал участие в разработке внешнеполитического курса, был привержен «разрядке» и теперь прямо заявлял, что это не случайный эпизод в истории человечества, а путь, который еще предстоит пройти. Ибо мир без оружия, как писал еще Ленин, — это идеал социализма, и спор идей не должен превращаться в конфронтацию между государствами и народами.

Разъясняя позицию СССР по переговорам о разоружении, Андропов сказал, что видит задачу не в том, чтобы фиксировать имеющиеся разногласия, как это нередко делают наши партнеры на Западе. Для нас переговоры — способ соединения усилий различных государств для достижения результатов, полезных всем сторонам. Говорилось о необходимости обуздания гонки вооружений, замораживании арсеналов, но отнюдь не в одностороннем порядке. Высказался он и за изменение отношений с Китаем, для чего надо преодолеть «инерцию предвзвешенности».

Эти слова в его речи были встречены аплодисментами.

В первые дни и недели все внимательно присматривались к тому, какие практические шаги предпримет генсек. Андропов решил уже на этом Пленуме начать с кадровых изменений.

Еще летом, когда Брежнев находился в отпуске, мною была подготовлена записка по вопросам экономической политики. Я предложил создать комиссию Политбюро по вопросам экономической политики. Прежде чем отсылать в Крым, дал Юрию Владимировичу прочесть записку. Он внес кое-какие поправки и сказал, что поддержит предложение. После этого я переговорил с Черненко, с помощниками Брежнева. Они взяли мою записку, но дальше дело не шло. Вскоре до меня до-

шел слух, что кое-кто опять усмотрел в моем предложении претензии Горбачева через комиссию прибрать к рукам правительство.

От подобного рода домыслов и подозрений можно было сойти с ума. Никто не хотел думать о деле, вернее, за любым делом усматривали прежде всего какую-то личную корысть. Но надо было пробивать решение, и я переделал свое обращение в проект записки от имени Генерального секретаря. Только после этого ее передали Леониду Ильичу. Он позвонил мне из Крыма:

— Здесь вот записка твоя. Все правильно пишешь, но конец не тот — опять комиссия. Я их терпеть не могу, болтовня одна. Их уже черт знает сколько, и ты туда же. Так вот, у меня такое предложение: давай создавать в ЦК экономический отдел, и подумай, кого поставить. Надо, чтобы возглавлял толковый человек, который только этим бы и занимался. — О большем результате своей инициативы я и не мечтал.

Теперь, когда мы с Юрием Владимировичем стали обсуждать кандидатуру заведующего отделом, я настаивал на том, чтобы это был совершенно новый человек. Выбор пал на Николая Ивановича Рыжкова, работавшего тогда первым зампредом Госплана. Мне казалось, что при определенной склонности к технократическим решениям он способен заглядывать за горизонт, восприимчив к новым идеям. На Пленуме 22 ноября 1982 года Рыжкова избрали секретарем ЦК.

У Рыжкова с Андроповым сложились хорошие отношения. Николай Иванович боготворил Юрия Владимировича и каждый разговор с ним переживал очень эмоционально. С приходом Рыжкова в ЦК наше с ним сотрудничество стало тесным и постоянным. И за этим, кстати, внимательно смотрел Андропов, ему хотелось того, чтобы его окружение состояло не только из единомышленников, но и из людей, связанных товарищескими отношениями.

Тогда же Андропов решил осуществить перемены в идеологических структурах ЦК. По существу, вся их деятельность была приспособлена к решению одной задачи — апологетике Брежнева, его личности, стиля, политики. Секретарем ЦК по идеологии с 1976 года являлся Михаил Васильевич Зимянин, к продвижению которого на данный пост приложил руку Черненко. Они вполне «спелись».

Вначале я полагал, что Андропов намеревается осуществить довольно радикальные перемены в этой сфере партийной деятельности. Он не раз и прежде говорил, что нужен серьезный разговор по проблемам идеологии, упоминал о записке, которую сам подавал Леониду Ильичу по данному поводу.

Позднее Андропов прислал мне эту записку, и, скажу честно, она глубоко меня разочаровала. Никакой особой новизны в ней не содержалось. Указывалось на желательность изменения общего стиля пропаганды, отказа от устаревших стереотипов. Но о необходимости тео-

ретического осмысления новой реальности не было и речи. Мало того, будучи подготовленной в недрах аппарата КГБ, она в какой-то мере отразила и дух этого аппарата. Акцент делался прежде всего на «наведение порядка», усиление «наступательной позиции» в идеологии.

Может быть, поэтому я не удивился, что происшедшие в этой сфере перемены оказались незначительными. Зимянин остался на своем месте, а заведующего отделом пропаганды Е.М.Тяжельникова в декабре 1982 года заменили на Бориса Ивановича Стукалина. Он, конечно, был более основательным человеком, но и более осторожным, не игравшим самостоятельной роли. Иными словами, Юрий Владимирович хотел овладеть идеологическим аппаратом, не меняя механизма и сути его функционирования.

С.П.Трапезникова, заведовавшего другим важным отделом (его также курировал Зимянин) — науки и учебных заведений, заменили летом 1983 года. Пост этот в 1965 году он занял только благодаря Брежневу, с которым работал в Молдавии. И продержался в этой должности столько лет лишь при поддержке Леонида Ильича и Черненко, ибо умудрился до предела осложнить отношения между ЦК и Академией наук.

Дважды общее собрание академии проваливало его кандидатуру при баллотировании в члены-корреспонденты. Лишь в третий раз, в 1976 году, при сильнейшем нажиме со стороны ЦК, он добился избрания, но на следующих выборах, баллотируясь уже в академики, опять потерпел фиаско. Конечно, провалы на выборах были лишь следствием его крайнего догматизма и идеологической нетерпимости. Прочитав его книгу «На крутых поворотах истории», я убедился: такого фундаменталиста могли держать на руководстве наукой только те, кто никогда не помышлял даже о частичных преобразованиях и реформах.

Я предложил Вадима Андреевича Медведева, которого знал с начала 70-х годов. Он пользовался авторитетом среди коллег-экономистов как человек независимых прогрессивных взглядов. Андропов попросил меня встретиться с ним. Медведев, бывший в то время ректором Академии общественных наук, встретил предложение перейти на работу в ЦК без энтузиазма. Научная работа привлекала его куда больше аппаратной, амбиций у него не было. Зная о присутствии Вадиму Андреевичу чувстве ответственности, я сказал, что нужен руководитель отдела науки, сознающий необходимость перемен в жизни страны. Аргумент подействовал, Медведев заявил, что готов поработать с новым руководством.

После этой беседы состоялась встреча у Андропова. Вадим Андреевич, видимо, и на него произвел благоприятное впечатление. Юрий Владимирович подтвердил согласие на его назначение и, вспомнив Трапезникова, пошутил:

— Я вам очень советую: не старайтесь сразу же попасть в академики.

Впрочем, это была не только шутка. Стремление работников партийного аппарата, включая сотрудников ЦК КПСС, защитить диссертации принимало повальный характер. Среди них было немало людей, заслуживших научные степени, но больше тех, кто «пробивался» в науку благодаря своему служебному положению. Защищая диссертации, иные бюрократы «страховали себя» и при осложнениях уходили на руководящие должности в научные институты или учебные заведения.

Встал вопрос и о замене заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС Ивана Васильевича Капитонова. Он был чем-то вроде бледной тени Брежнева, вся политика кадрового застоя осуществлялась его руками. Помню, не раз заходил ко мне и, растерянно разводя руками, говорил:

— Ну вот, сколько уж ношу материалы на пяттерых, надо менять их, да не знаю, поддержит ли Леонид Ильич.

Трудно было найти человека более нерешительного. Посещая заседания Политбюро и Секретариата, Капитонов пытался уловить малейшие оттенки настроений, сориентироваться, куда дует ветер, и по возможности ублажить всех членов руководства.

Когда речь зашла о возможных кандидатурах, я сказал, что на этот пост нужен человек типа Лигачева. Мне нравились его энергия, напористость.

Работая в ЦК, я поддерживал с Лигачевым как секретарем Томского обкома постоянный контакт, видел его искреннее стремление больше сделать для своей области, особенно ее снабжения продуктами питания. Лигачев выделялся среди секретарей обкомов не только деловитостью, но и кругозором, общей культурой.

Свое мнение о Лигачеве я высказал. Громько поддержал, сказав, что знает Егора Кузьмича по зарубежным поездкам, у него сложилось мнение о нем как о человеке развитом, цельном, принципиальном.

— Так зачем же нам искать человека «типа Лигачева», — рассмеялся Андропов, — если есть Лигачев?

На том и сошлись. Я вызвал Егора Кузьмича. Он воспринял предложение с энтузиазмом, и буквально в несколько дней вопрос был решен. Летом 1983 года он был назначен заведующим отделом, а 26 декабря на Пленуме избран секретарем ЦК.

Тогда же произошла еще одна замена — сняли управляющего делами ЦК КПСС Павлова, занимавшего этот пост с 1965 года. Кто хоть немного знаком с внутренней жизнью партийного аппарата, знает, что управляющий делами — одна из самых влиятельных фигур, ибо в руках его сосредоточивались все материальные блага. Проведенные Андроповым проверки обнаружили в Управлении делами различные злоупо-

требления и махинации. Особенно много их было выявлено при строительстве таких дорогостоящих объектов, как гостиница «Октябрьская» на улице Димитрова в Москве и санаторий «Южный» рядом с Форосом. Много беспорядков и бесхозяйственности выявилось и в издательстве «Правда», работавшем под плотной опекой Управления делами ЦК.

Вопрос о преемнике Павлова решался трудно. Черненко хотел поставить верного ему человека. Я настоял на назначении Кручины, которого знал много лет. Это был порядочный, очень неглупый, инициативный и в то же время осторожный человек. На него можно было положиться, и я доверял ему.

Огромный резонанс имели перемещения, проведенные на министерском уровне. Я уже упоминал, что сразу после своего избрания Андропов добился снятия трех министров. При той «стабильности кадров», которая существовала два десятилетия, снять бездельника или человека, развалившего работу, считалось невозможным. Тем более если речь шла о таких людях, как Игнатий Трофимович Новиков, который при любом серьезном разговоре, стоило упомянуть о недостатках в строительстве, вроде бы ненавязчиво и доверительно сообщал собеседнику:

— А ты знаешь, что я с Леонидом Ильичом еще в школе за одной партией сидел?!

Вопрос о Новикове был поставлен в связи с тем, что в Волгодонске на недавно выстроенном «Атоммаше» вдруг началась просадка зданий и сооружений, которая показала, что при предварительных расчетах и самом строительстве проявили вопиющую безответственность. На заседании Политбюро, где обсуждалось это дело, поначалу повели разговор в обычном стиле: надо создать комиссию, провести анализ, а уж после этого оценить и решать.

Андропов резко прервал дискуссию, заявив, что все это чистейшая болтовня, все тот же безответственный разговор, который невозможно слушать. И предложил немедленно снять Новикова с работы. Потом это решение, правда, подкорректировали — Новиков подал заявление и ушел на пенсию. Но «взрыв» со стороны Юрия Владимировича, человека деликатного в обращении, все запомнили.

Еще более широкий резонанс, я бы даже сказал, почти шокового характера, имело смещение в декабре 1982 года Щелокова с поста министра внутренних дел. Юрий Владимирович и до этого не раз говорил о том, что система МВД коррумпирована, есть признаки ее срастания с мафиозными структурами и что в таком виде министерство не способно противостоять нарастающей преступности. Но тронуть Щелокова, которого всячески опекал сам Брежнев, Андропов тогда не мог.

Недовольство вызывала у него и деятельность нового председателя КГБ Федорчука. Когда я спрашивал Юрия Владимировича, как работает его преемник, он нехотя отвечал:

— Знаешь, я разговариваю с ним только тогда, когда он мне звонит. Но это бывает крайне редко. Говорят, поставил под сомнение кой-какие реорганизации, которые я провел в комитете. В общем, демонстрирует самостоятельность, хотя, как мне передают, очень сориентирован на руководство Украины. Но я не влезаяю.

И это было понятно, потому что председатель КГБ выходил прямо на генсека, да и выбор Федорчука был сделан самим Брежневым. И вот теперь, одним ударом, Андропов решил две задачи: Щелокова сняли и отправили в отставку, а Федорчука, дабы не конфликтовать с Украиной и Щербицким, назначили новым министром внутренних дел. На пост председателя КГБ утвердили бывшего первого заместителя Андропова Виктора Михайловича Чебрикова, через год избрали кандидатом в члены Политбюро.

Перемены, как видим, стали происходить и на самом высоком уровне.

22 ноября 1982 года завершилась затянувшаяся история с освобождением от обязанностей члена Политбюро, секретаря ЦК Кириленко. Его здоровье, а проще говоря, малярия достиг такой степени, что скрывать стало невозможно. Вследствие глубоких мозговых изменений процесс его личностного распада резко ускорился. Когда в марте 1981 года, на XXVI съезде ему поручили внести предложения о новом составе ЦК, он умудрился исказить фамилии многих кандидатов, хотя они были отпечатаны специально для него самыми крупными буквами. Зал на это реагировал, мягко говоря, с недоумением. Подобные эпизоды не забываются и производят гораздо большее впечатление, чем любые политические характеристики.

Тем не менее, даже после такого эпизода, памятуя о старой дружбе, Брежнев включил Кириленко в состав нового Политбюро. Но болезнь прогрессировала. На глазах у всех он стал терять нить разговора, не узнавал знакомых. И наконец, Брежнев поручил Андропову переговорить с Кириленко и получить от него заявление об уходе на пенсию.

Об этой беседе мне потом рассказал Юрий Владимирович. Пришел он в кабинет к Кириленко и, стараясь не обидеть, но вместе с тем достаточно твердо начал:

— Андрей, ты понимаешь, все мы — старые товарищи. Я говорю от всех, кто питал и питает к тебе уважение. У нас сложилось общее мнение, что состояние твоего здоровья стало заметно влиять на дела. Ты серьезно болен, должен лечиться, и надо этот вопрос решать.

Кириленко разволновался, плакал. Говорить с ним было очень трудно, но Андропов продолжил:

— Ты пойми, Андрей, надо сейчас решить в принципе. Ты поедешь отдыхать — месяц, два, сколько надо. Все за тобой сохранится — машина, дача, медицинское обслуживание, все. Разговор наш товарищеский, но надо все-таки, чтобы инициатива исходила от тебя. Вспомни, Косыгин чувствовал себя куда лучше, а написал...

— Ну хорошо, Юрий, — проговорил наконец Кириленко, — раз так, раз надо... Но ты мне помоги написать заявление, сам я не напишу.

Андропов быстро набросал короткое заявление. Андрей Павлович с большим трудом переписал его своей рукой. Дело было сделано. А 22 ноября, уже после смерти Брежнева, решили этот вопрос на Пленуме ЦК.

На том же Пленуме членом Политбюро избрали Гейдара Алиева. Когда потом я спрашивал Андропова, почему он остановил свой выбор на этой кандидатуре, Юрий Владимирович нехотя и уклончиво отвечал, что вопрос был предрешен Брежневым и он не захотел менять этого решения.

Алиев — несомненно, крупный политик. Умный, волевой, расчетливый. Поначалу, наблюдая за его деятельностью в Азербайджане, я не сомневался, что он является убежденным противником коррупции, теневой экономики. Он энергично взялся за решение многих вопросов развития республики, особенно касавшихся сельского хозяйства, реализовал ряд программ, и все это склоняло в его пользу.

Но постепенно, глубже вникая в азербайджанские дела, я понял, что в основе происходивших перемен лежали весьма неоднозначные мотивы. Иногда приходится слышать, что при оценке политической деятельности внутренние побуждения не имеют значения, важен, мол, лишь объективный результат. Ничего подобного. Весь мой опыт говорит о том, что мотивы, особенно если они не очень благовидные, всегда скажутся на результате. На смену прежнему клану руководителей, пронизавшему «подобно метастазам» все структуры управления республикой, изгнанному Алиевым за коррупцию и развал работы, стал внедряться другой клан, так называемая «нахичеванская группа». По-прежнему доминировали родственные связи чуть ли не до десятого колена. Создав таким образом мощную опору, основанную на клановом принципе, Алиев не возглавлял, не руководил, а правил республикой с помощью методов силового нажима. А разного рода советы, собрания, манифестации, встречи с прессой, с народом и прочие демократические атрибуты были лишь декорацией, нисколько не менявшей сути и способов правления.

Этого-то человека и вводили теперь в Политбюро. И дело было совсем не в обещании, данном Брежневу. Алиев долго работал в КГБ. Андропов был для него не только бывшим «шефом», но и непререкае-

мым авторитетом. Поэтому появление Алиева в составе Политбюро усиливало позиции Юрия Владимировича. Вот и все.

Точно так же Юрий Владимирович прекрасно знал личные качества Романова, знал, что это ограниченный и коварный человек с вождистскими замашками, видел, что на заседаниях Политбюро от него редко можно было дождаться дельной мысли или предложения. И тем не менее в июне 1983 года перевел его в Москву, рекомендовав Пленуму избрать Романова секретарем ЦК.

Дело в том, что к тому времени оборонные дела страны и по государственной и по партийной линии оказались сосредоточенными в руках Устинова. Юрий Владимирович считал, что подобная концентрация власти в столь важной сфере опасна, в интересах дела и самого Дмитрия Федоровича ее необходимо ослабить. Но решить вопрос нужно так, чтобы это было понято и принято самим Устиновым.

— Я не хочу, — говорил мне Андропов, — чтобы Дмитрий обиделся, поскольку он не только моя опора, но и мой товарищ.

Выбирать секретаря ЦК по вопросам оборонной промышленности предстояло из наличного состава руководства. И Андропов предположил, что Устинов ничего не будет иметь против Романова. Так оно и случилось.

Произошли и другие перемены в Политбюро. В 1983 году из Краснодара в Москву перешел Виталий Иванович Воротников, сменив Соломенцева на посту Председателя Совмина РСФСР. В июне на Пленуме ЦК его избрали кандидатом, а в декабре — членом Политбюро. В свою очередь Соломенцев после назначения председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС также был переведен из кандидатов в члены Политбюро.

Вся эта перегруппировка в высшем эшелоне власти воспринималась прежним руководством по-разному. Одни радовались, видя в новых назначениях и перемещениях залог предстоящих перемен в стране. Другие выглядели подавленными и расстроенными, опасаясь прежде всего за свою карьеру.

Что плохое настроение было у Черненко — понятно, он этого не скрывал. Формально он занимал пост «второго секретаря», но фактически многие важнейшие вопросы явно решались без него. Нервничали Тихонов, Щербицкий, Долгих.

Долгих являлся наиболее ярким представителем нашего «директорского корпуса» — серьезный, работоспособный, знающий специалист. Дело свое делал с большим рвением. Став секретарем ЦК, с 1972 года курировал тяжелую промышленность и любил показать, что его сфера — наиважнейшая. Вы, мол, конечно, тоже что-то там делаете, но без тяжелой промышленности не будет ничего.

Он спорил со всеми, курировавшими другие отрасли, напористо отстаивал свою позицию — и это вызывало уважение. Но нередко случался и «перебор». Какой документ ни пришлешь ему, тут же все перечеркнет, переделает. А потом смотришь: по существу, то же самое, что и было, но уже «при непосредственном участии Владимира Ивановича Долгих».

Видимо, пружина тщеславия оказалась у него закрученной достаточно сильно. Готов был браться за любое дело, лишь бы оно сулило политическое признание и повышение. Когда в мае 1982 года его избрали кандидатом в члены Политбюро, стал носить это звание с величайшей гордостью, не забывая о своем ранге даже в обыденном общении.

Начались разговоры о формировании экономического отдела ЦК, и Владимир Иванович не сомневался, что станет его руководителем. Кому же еще! Он стал развивать бурную активность, к каждому Пленуму готовил либо выступление, либо обширную записку. И вдруг — осечка, назначили Рыжкова. Долгих воспринял это как удар по себе лично, тем более что ранее они с Николаем Ивановичем достаточно тесно сотрудничали.

Очень трудно складывались у Андропова отношения со Щербицким, пользовавшимся на Украине, особенно в партийных кругах, большим авторитетом. В моральном плане Щербицкий являлся одним из порядочных людей. Технократ по складу ума, последовательно проводил в республике линию, которую считал верной: уделял много внимания экономике, особенно угледобыче и металлургии, не забывал и о селе. А главное — в определенной мере сумел утвердить на Украине дух высокой требовательности.

Для Владимира Васильевича была характерна нетерпимость к национализму. Как и другие республиканские лидеры, он мог бурчать и сетовать на то, что центр не дает прав и полномочий, «даже для того, чтобы послать телеграмму Живкову, надо получить разрешение Политбюро в Москве». Но, заняв с самого начала позицию осуждения «националистических шатаний и заигрываний Шелеста», от нее не отступал. Его интернационализм можно было бы только приветствовать, если бы не впадал он при этом в крайности. Достаточно вспомнить, как втянулся Щербицкий в дискуссию с писателем Олесем Гончаром по роману «Собор», которая только разожгла страсти и нарушила нормальные контакты с частью украинской интеллигенции.

Трудно решались со Щербицким и кадровые вопросы. Являясь, как я уже сказал, фигурой действительно крупной, он как бы подавлял людей вокруг себя. При нем так и не выросли на Украине сколько-нибудь заметные политические лидеры. Даже внешне выглядел он эдакой глыбой, которую трудно сдвинуть с места. Хотя это как раз и вызывало к нему уважительное отношение.

Все-таки помянутая мною фраза Брежнева о том, что во Владимире Васильевиче видит он своего преемника, по-видимому, «смутила дух» Щербицкого. Накануне смерти Леонида Ильича он развил большую активность, старался держать в поле зрения все события, происходившие в верхах, регулярно перезванивался и встречался с Федорчуком, который раньше работал председателем КГБ Украины.

После того как Генеральным секретарем избрали Андропова, их отношения внешне выглядели вполне нормальными. Но между ними происходило как бы некое соперничество, существовали невысказанные взаимные претензии. И ни один не хотел идти навстречу другому. Иначе чем объяснить, что за все время пребывания Юрия Владимировича на посту генсека Щербицкий так и не переступил порог его кабинета. Ни разу. Но я видел, каким мучением для той и другой стороны являлось даже редкое общение по телефону.

Что касается Тихонова, то он без всяких на то оснований почему-то решил, что именно ему более всех обязан Андропов своим избранием, и рассчитывал на полную и неограниченную поддержку. При этом вел себя несколько развязно, если не сказать — нахально.

— Давай так, — сказал он в те дни Юрию Владимировичу, — ты хорошо знаешь административные органы, идеологию, внешнюю политику. А уж экономику я тебе обеспечу.

Но когда Андропов поручил мне, Рыжкову и Долгих составить перечень неотложных проблем, связанных с совершенствованием управления экономикой, планирования и расширения самостоятельности предприятий, Тихонов забеспокоился не на шутку.

Поскольку наша «тройка» выходила на контакты с зампредами Совета Министров и специалистами Госплана, это сразу же создало обстановку нервозности. Дабы разрядить ее, Юрий Владимирович заявил, что доверяет Тихонову и поддерживает его. Но спустя некоторое время он сказал мне:

— Михаил, я тебя прошу, сделай как-то так, чтобы не портить отношения с Тихоновым. Ты же понимаешь, как мне это сейчас важно.

Я понял, что Юрий Владимирович опасался, как бы Тихонов не сблокировался с Черненко.

Андропову надо было взять ситуацию под контроль, и главным для него в тот момент являлось соотношение сил, их расклад. Подтянув к руководству Алиева, Воротникова, Чебрикова, Рыжкова, Лигачева, он серьезно укрепил свои позиции. Но одновременно Юрий Владимирович старался избегать обострения отношений и недовольства со стороны Черненко, Тихонова, Гришина, Щербицкого, добиться того, чтобы у всех членов руководства было ощущение сопричастности, соучастия в проводимом политическом курсе.

**«Поживешь с мое,
поймешь»**

Первые месяцы работы Андропова генсеком еще более сблизили нас. Я чувствовал его доверие и поддержку. В самом конце 1982 года в одном из наших с ним разговоров Андропов многозначительно сказал:

— Знаешь что, Михаил, не ограничивай круг своих обязанностей аграрным сектором. Старайся вникать во все дела. — Потом помолчал и добавил: — Вообще, действуй так, как если бы тебе пришлось в какой-то момент взять всю ответственность на себя. Это серьезно.

Первый вопрос, который нам пришлось решать сразу же после избрания Андропова, носил чрезвычайный характер. Дело в том, что еще при Брежневем Политбюро, учитывая плачевное состояние бюджета, приняло решение о повышении цен на хлеб и хлопчатобумажные ткани. Вместе с сопроводительными письмами оно было разослано на места и лежало в сейфах, в запечатанных пакетах у первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК республик, которые должны были вскрыть их накануне 1 декабря 1982 года.

Андропов попросил нас с Рыжковым еще раз все взвесить и свои выводы доложить ему. Пытаясь понять существо дела, мы попросили дать нам возможность разобраться с состоянием бюджета. Но Андропов лишь рассмеялся:

— Ишь, чего захотели. В бюджет я вас не пущу.

Забегая вперед, скажу, что многие «тайны» бюджета оберегались настолько строго, что некоторые из них я узнал лишь накануне ухода с поста президента. Главную же «тайну» — о том, что бюджет наш «дырявый», — я знал. Его постоянно дотировали за счет сбербанка, то есть сбережений граждан и увеличения внутреннего долга. Официально сообщалось при этом, что доходы всегда превышают расходы и все сбалансировано в наилучшем виде.

Наш с Рыжковым вывод был таков — повышение цен на хлеб и хлопчатку, взятое само по себе, мало что даст. Андропов поначалу и слушать об этом не хотел. Он считал, по-видимому, что подобного рода шаг может свидетельствовать о решимости и мужестве, «народ поймет и поддержит».

Мы тем не менее настаивали на своем: повышение цен в таком виде нецелесообразно ни по экономическим, ни по политическим соображениям. Политбюро, еще раз выслушав все доводы «за» и «против», отменило ранее принятое решение.

Следующим срочным вопросом, который нам пришлось решать, были закупки зерна за рубежом. Как всегда, мы натолкнулись на сопротивление правительства. Понять его было можно — средств не хватало, но и другого выхода никто предложить не мог. Генсеку пришлось занять позицию, и Андропов сам внес предложение о закупке,

предварительно заслушав представителей сторон. Да, это были трудные вопросы.

Сталкиваясь с делами подобного рода, Андропов иногда начинал реагировать на них очень остро:

— Ох уж эта твоя Продовольственная программа, — говорил он в таких случаях.

— Наша, наша, Юрий Владимирович. Мы же вместе ее пробивали, — отвечал я, переживая не меньше Андропова. — Меры, заложенные в ней, еще не заработали, рано!

— Да, я помню, — соглашался он. — Но пока вы модернизируете заводы, добавите удобрений, техники — столько времени пройдет...

— А вы думаете, мне не хочется быстрее увидеть результаты? — заключил я. — Четвертый год занимаюсь этим делом, а обстановка никак не улучшается...

Отсутствие «скорых» результатов стало подталкивать Юрия Владимировича на шаги, которые, по моему мнению, носили более чем спорный характер. Я имею в виду те формы, которые стала принимать борьба за повышение дисциплины и порядка, когда в рабочее время людей стали отлавливать в метро, магазинах, парикмахерских и банях. Причем характерно, что в проведении этой кампании Андропов опирался не на общественные организации, а прежде всего на органы безопасности и внутренних дел. Для него путь к ним был короче.

Пользуясь информацией, поставляемой Федорчуком, Юрий Владимирович искренне верил, что подобные меры привлекают на его сторону простой народ. Отмахиваясь от меня, он говорил:

— погоди, поживешь с мое, поймешь.

Минуло время, сколько всего забыто или вспоминается с большим трудом, а этот эпизод «борьбы за дисциплину» до сих пор остается у многих в памяти.

Доклад о Ленине

В марте 1983 года Андропов позвонил мне и сказал, что хочет предложить Политбюро утвердить меня в качестве докладчика на торжественном заседании, посвященном 113-й годовщине со дня рождения В.И.Ленина.

На протяжении своей жизни я многократно обращался к ленинским работам. И мне казалось, что подготовка доклада не составит большого труда. Между тем с первого захода сформулировать концепцию выступления не удалось. Тогда я стал заново просматривать ленинские тома, особенно относящиеся к послеоктябрьскому периоду. Одни перечитывал, другие лишь перелистывал. В конце концов настолько втянулся в логику событий послереволюционных лет, что в какие-то мгновения стал ощущать себя их участником, думать о том, как посту-

пил бы я, решая проблемы, которые вставали перед Лениным. В общем, как говорится, «дочитался»...

Но польза была. Мое внимание привлекли последние работы Ленина, особенно статьи, выступления, в которых, оценивая целый этап истории Советской власти, он открыто заявляет, что большевики «совершили ошибку»... Ее публичное признание, считал он, имеет важное практическое значение, ибо прошлые ошибки должны исправляться новой политикой. Без анализа ошибочности старого курса новой политики выработать невозможно.

Ко многим идеям, возникшим у меня при чтении Ленина, я возвращался в 1985 году и позднее. А произнесенный в 1983 году доклад оставался в политических и идеологических рамках своего времени: вопрос о критическом переосмыслении «старого курса» в нем не ставился. И тем не менее, если судить по нашей и зарубежной прессе и радио, некоторые акценты доклада вызвали оживленную реакцию.

Владевшие политическим языком тех лет обращали внимание на рассуждения о формировании в стране такой структуры общественного производства, которая была бы способна обеспечить не только прогресс тяжелой индустрии, но и создание комплекса высокоразвитых отраслей, ориентированных непосредственно на потребности населения. При невнимании к отраслям, которые работали на человека, сама постановка проблемы структурной политики указывала на непомерно разросшийся военно-промышленный комплекс, который и деформировал всю экономику.

В этом докладе появляется тема, связанная с ролью человека в современном производстве. Я сказал, что сам характер труда предъявляет совершенно новые требования к культурному, профессиональному уровню, мастерству и дисциплинированности работника, к тому, что мы называем человеческим фактором в экономике. В научном докладе это прозвучало бы банальностью, но в политическом выступлении мысль воспринималась по-иному: слишком сильна была еще старая традиция, при которой не сам человек, а лишь тонны и километры продукции являлись мерой успеха общества.

Уровень ожиданий был таков, что за словами о ленинских предостережениях против скоропалительности в решении экономических и социальных задач, о хозяйственном расчете и роли материальных и моральных стимулов в труде, о более полном учете объективных экономических законов и использовании товарно-денежных отношений, даже за толкованием демократического централизма как принципа, обеспечивающего максимум инициативы, максимум смелости и максимум самостоятельности, выискивались и угадывались конкретные адреса.

Подобное восприятие, конечно, возникало у тех, кто интересовался смыслом происходящего. Большинство же обращало внимание на сам

факт, что мне было поручено выступить с докладом. Вспоминали, что после аналогичного выступления год назад сам Андропов стал вторым лицом в партии и государстве.

Поездка в Канаду На середину мая 1983 года планировалась моя поездка в Канаду. В октябре 1981 года к нам приезжал оттуда министр сельского хозяйства Ю. Уэлан и передал приглашение своего правительства. Договорились о сроке — десять дней. Однако, когда подошло время ехать, Юрий Владимирович стал решительно возражать:

— В Канаду? Ты с ума сошел. Сейчас не время по заграницам ездить. Можешь обойтись и без Канады.

— Не могу, — возражал я. — Во-первых, это правительственное приглашение. Во-вторых, мне необходимо посмотреть сельское хозяйство Канады — по посевным площадям и климатическим условиям она к нам ближе, чем другие. Наконец, в-третьих, мне просто надо хотя бы на десять дней вырваться из нашей сутолоки. Больше толку будет потом.

— Десять дней много, — упирался Андропов. — Максимум семь.

16 мая я уже был в Канаде. Наш посол Яковлев подготовил поездку весьма основательно. Да и канадская сторона, при тех ограниченных контактах, которые существовали тогда между нашими странами, придала визиту подчеркнутое значение. Я заметил с их стороны и элемент любопытства по отношению ко мне как молодому члену Политбюро.

Между тем поездка оказалась очень содержательной. Я встретился с премьер-министром Канады Пьером Трюдо. Как всегда, он был в темно-синем костюме с розой в карманчике, олицетворявшей его принадлежность к Либеральной партии. Держался он поначалу несколько отчужденно, но потом разговорились так, что не хватило времени, отведенного протоколом.

С тех пор у нас с Трюдо установились самые тесные контакты, которые сохраняются по сей день. И не только с ним. Не зря канадские газеты писали потом, что именно они «открыли Горбачева».

Но главный интерес всего семидневного пребывания в Канаде заключался для меня в поездке по стране.

В окрестностях Оттавы мы побывали в государственном исследовательском центре животноводства, в тепличных хозяйствах, на фермах, предприятиях по переработке сельскохозяйственного сырья и заводе большегрузных самосвалов в районе Уинсора. Затем поехали в Торонто, в провинцию Альберта — крупнейший животноводческий и зерновой регион Канады, посетили крупные ранчо под Калгари, где круглый год на пастбищах под открытым небом выращивают мясной скот.

Знакомясь с тем, как фермеры работают на земле, я все время пытался понять, где же скрыта та пружина, которая позволяет добиваться столь высоких результатов.

Посетили мы довольно крупную ферму в Альберте. Более двух тысяч гектаров угодий. Стадо коров с надоем по 4 700 кг от каждой. Набор разнообразной техники. Под навесом приспособления для ремонта. Зернохранилища из алюминия. Два дома, автомобили. По всему видно — весьма состоятельный фермер. Разговорились.

— Сколько у вас работников? — поинтересовался я.

— Постоянных два-три, а когда сезон — беру еще.

Ходили мы, ходили, все посмотрели. Пора уходить. Уже у порога задаю последний, главный вопрос:

— Скажите, вот недавно закончился год. Вы уже знаете, какие были расходы, какие доходы. И каков же общий итог?

Хозяин смотрит на министра, как бы спрашивая: сказать ему или нет? А Уэлан смеется:

— Говори правду.

— Если правду, — отвечает фермер, — то без субсидий и кредитов не прожил бы.

Мой вопрос о том, как он проводит отпуск, удивил его — какой такой отпуск? Бывают праздники фермеров, всякие соревнования — на лошадях, на быках. Выкроим на это день-два, съездим семьей — вот и весь отпуск. Ферму не на кого оставить. Эдакое «добровольное самокабаление». И подумал я тогда, многие ли наши колхозники, механизаторы согласятся на нечто подобное.

Вот и пробуй найти решение, дающее возможность по-хорошему вернуть человека на землю и в то же время сохранить те преимущества, которые предоставляет ему крупное коллективное хозяйство.

— Как же так? — спросил я Уэлана. — При такой урожайности, при таких надоях — и вдруг субсидии?

— Михаил, — ответил министр, — аграрный сектор на современном уровне нигде без государственной поддержки существовать не может. Мы тратим на кредиты крестьянам десятки миллиардов, а в США — сотни миллиардов долларов. Именно поэтому, кстати, мы и стараемся компенсировать затраты с помощью экспорта зерна.

Итак, интерес собственника, но и поддержка государства.

Когда вернулся в Москву, мне предложили выступить 8 июня в Академии общественных наук перед представителями регионов с лекцией «Назревшие проблемы развития агропромышленного комплекса страны». Писать текст полностью было уже некогда, и на кафедру я вышел, имея в руках лишь тезисы. Но поездка в Канаду дала такой мощный импульс для размышлений, что прочел я эту лекцию с большим вдохновением. Говорил об ослаблении экономических стимулов к

наращиванию производства и рациональному использованию ресурсов. Об отсутствии эффективного хозяйственного механизма и разобщенном, ведомственном характере управления. О неэквивалентности обмена между сельским хозяйством и промышленными отраслями, необходимости государственной помощи колхозам, совхозам и личным подсобным хозяйствам. Наконец, о том, что «без стабильного, высокоразвитого аграрного сектора не может быть стабильной экономики страны».

О Канаде в этой лекции я почти не упоминал, не хотелось дразнить людей. Да и каждый из них знал — слишком велика разница в истории, экономических условиях, самом характере сельскохозяйственного производства у них и у нас. И в этом я еще раз убедился, поехав в начале июля в Курск для вручения городу ордена Отечественной войны I степени в связи с 40-летием знаменитого сражения на Курской дуге.

Я ездил и ходил по полям, где происходила эта величайшая в истории человечества битва, в которой сошлись, стенка на стенку, миллионы людей, тысячи танков, самолетов, артиллерийских орудий.

Побывал и на самом изгибе Курской дуги, где в 1943 году на одном из участков сражался мой отец. Тогда немцам казалось, что русские солдаты «в мешке», и они разбрасывали листовки, призывавшие сдаваться в плен. А кончилось все нашей победой, повернувшей ход Второй мировой войны.

Проехав по местам боев, я как-то по-новому ощутил и цену Великой Победы. Не было в этих краях деревушки или городка, где бы ни стояли скромные обелиски с перечнем сотен и тысяч погибших, пропавших без вести. Особенно жуткое чувство возникало тогда, когда шли списки целых семей или однофамильцев разных возрастов, будто злой рок решил истребить людское племя до седьмого колена. Сколько же сыновей и дочерей положила эта разоренная земля на алтарь Отечества! И разве не заслужила она другой, более счастливой доли?!

Рождение внучки Моя работа захватила не только меня самого, но и семью. Раиса Максимовна и ребята не были сторонними наблюдателями моих поисков и перипетий, которыми эти поиски сопровождались. Они видели, как трудно все идет, какое сопротивление приходится преодолевать, и всячески поддерживали меня, помогали, сохраняя в «нашей крепости» мир, согласие и взаимопонимание.

Конечно, не все сводилось к моим заботам. Семья жила и другими хлопотами, переживала каждое событие, приносящее и радости, и огорчения.

Самым радостным было рождение в 1980 году нашей первой внучки Ксении. Она, как Раиса Максимовна и Ирина, родилась в январе, 21-го дня. Началась новая жизнь. Прав поэт: «...Будут внуки потом, все опять повторится сначала».

Раиса Максимовна продолжала работу над докторской диссертацией. Ее приглашали провести новое исследование в тех селах и станицах Ставрополя, в которых она собирала материалы для кандидатской. Это была заманчивая идея, но наши московские заботы никак не позволяли заняться ее реализацией.

Нам нелегко вырваться из объятий Москвы, и мы настойчиво приглашаем мою мать и родителей Раисы Максимовны к нам в гости. Сначала они ездили часто и с интересом, но годы берут свое — им все труднее ездить. Болезни, недомогания. Стараемся помочь в лечении, снабжаем лекарствами, деньгами, одеждой, продуктами — всем, чем можем. Таков фронт забот: от внучек до родителей. А ко всему все хуже и хуже со здоровьем брата Раисы Максимовны Евгения — не смог справиться со своим старым недугом, пристрастием к алкоголю. Отверг все наши предложения о помощи, а теперь уже и поздно. Талантливый человек, сумевший за первые годы после Литературного института написать несколько рассказов, повестей, книжек для детей и юношества. Евгений — наша постоянная, не затихающая боль.

Ирина и Анатолий заканчивают мединститут, получив дипломы с отличием. Дочь решила продолжить учебу в аспирантуре, занялась исследованием причин смертности в больших городах (на примере Москвы). Оказалось, что все данные на этот счет засекречены, и поэтому диссертацию сделали закрытой. Причин для засекречивания у столичных властей было больше чем достаточно. Но все же Ирине удалось наладить сотрудничество с органами статистики и здравоохранения Москвы, поскольку в результатах такого исследования они тоже заинтересованы. Защита диссертации прошла весьма успешно, и скоро она получила диплом кандидата медицинских наук, стала преподавать на кафедре мединститута, который окончила. А затем решила целиком перейти на исследовательскую работу.

Анатолий после института был направлен в хирургическую клинику под началом академика В.С.Савельева, которая действует на базе 1-й Градской больницы столицы. Очень трудным оказался начальный период его деятельности, но постепенно он освоил дело и занялся в рамках кафедральных исследований научной работой. Продолжая работать в клинике, защитил кандидатскую диссертацию. Теперь это уже опытный хирург, доцент.

Словом, наша семья постепенно интегрировалась в столичную жизнь. Круг знакомых расширялся, мы все больше чувствовали себя москвичами. Хотя и поддерживали контакты с земляками.

Наконец состоялась встреча с выпускниками юрфака 1955 года. Я смог увидеть всех своих старых друзей и приятелей. На этой встрече для меня было важно все: как выглядят, где устроились, чем заняты сокурсники. Все-таки молодцы: десять человек уже стали докторами, около сорока — кандидатами наук. Да и остальные не потерялись, нашли свое дело. И горько, что многих уже нет: болезни, аварии и даже... самоубийства.

В общем, и радостно и грустно — такова жизнь. В памяти воскрешается изречение восточного мудреца: «Люди рождаются, страдают и умирают».

В отпуск, как и на Ставрополье, ездили после уборки урожая. Все годы — в Пицунду. В Грузии и Абхазии мы приобрели много знакомых. Пользуясь возможностью, лучше узнал эти края и людей, там живущих. Мы каждый раз о многом и подолгу говорили, как правило, по вечерам: с Эдуардом и Нанули Шеварднадзе в Пицунде и Тбилиси, в бывшем имении семьи Чавчавадзе, с жителями Абхазии и Кахетии в их домах.

Расставание с Андроповым

Летом 1983 года стало очевидным, что ожидания лучшего под угрозой: вдруг резко ухудшилось здоровье Андропова. Заболевание было связано с нарушением функции почек. Об этом какое-то время знали немногие. Но болезнь обострилась. И это сказывалось на его общем самочувствии, внешнем виде — лицо стало неестественно бледным, голос хриловатым. Раньше, принимая кого-либо у себя в кабинете, Юрий Владимирович выходил навстречу, здоровался. Теперь, не вставая из-за стола, лишь протягивал руку, передвигаться было все труднее.

Сначала раз, затем два раза в неделю, а потом и чаще он должен был подвергаться мучительной процедуре гемодиализа, когда его подключали к специальному аппарату, очищающему кровь. Скрывать это стало невозможным — от процедуры до процедуры особые приспособления оставались у него на руках, и все видели, что выше кисти они забинтованы.

Тогда и пустил кто-то по аппарату роковую фразу: «Нежилец». Активизировались вновь все те, для кого болезнь Андропова стала просто подарком судьбы. Сначала они перешептывались по углам, потом вообще перестали скрывать свою радость. Ждали своего часа. Особенно наглядно проявилось это в период подготовки июньского Пленума ЦК КПСС 1983 года.

Мысль о проведении Пленума по идеологическим вопросам принадлежала Андропову. Его беспокоило политическое, идейное и нравственное состояние общества, и он надеялся, что Пленум ЦК сможет

изменить подходы к идеологической работе, сделать ее более эффективной.

По существовавшему официальному раскладу за идеологию отвечал Черненко. Ему и было поручено готовить доклад. А поскольку сведения о состоянии здоровья генсека уже перестали быть тайной, «идеологическая братия» Зимянина, примыкавшая к Черненко, воспрянула духом, держалась сплоченной и уверенной и, видимо, стала рассматривать это выступление чуть ли не как официальное реанимирование «брежневизма».

Политбюро в подготовку доклада практически не вмешивалось. Когда он был разослан, я прочел его, пришел к Юрию Владимировичу и сказал:

— Этого просто нельзя допустить! Не проводили пленумов по идеологии четверть века. И выходим с подобным докладом?!

Самым нелепым было то, что весь текст — к случаю и без случая — обильно и демонстративно пересыпался цитатами и ссылками на Андропова. Тем самым его имя и его курс связывались с этим сводом застойных правил и запретов, сочиненных бригадой Зимянина. Открытый вызов — вот что, по моему мнению, означал данный доклад.

Я сказал, что, если он не возражает, мне надо попробовать переговорить с Черненко, но при любом исходе нашей встречи Юрий Владимирович должен выступить на Пленуме. Встретившись с Константином Устиновичем, соблюдая максимальную тактичность, я стал излагать ему свои соображения по докладу:

— В нем, безусловно, собран богатый материал. Но при чтении возникает такое чувство, что нет внутренней логики, связывающей текст с тем, что мы делаем в последние месяцы. Главное — пропадает глубокая и острая постановка вопросов. Мне думается, если сделать доклад на треть короче, сконцентрировать мысли на принципиальных положениях, он от этого только выиграет.

Уф! Тактичнее сказать было просто невозможно, и я надеялся, что Черненко предложит мне, как минимум, принять участие в окончательной доработке его выступления. Не тут-то было.

— Спасибо, что прочитал, — ответил он, глядя на меня абсолютно равнодушными глазами. — Вариантов доклада было много, но я остановился на этом. Над твоими замечаниями подумаю.

И все! Ничего не было изменено. Советы мои остались без внимания. А до меня дошла информация, что визит мой был вообще воспринят как нескромность, стремление учить и поучать. Я еще раз подтвердил Юрию Владимировичу, что в какой-то мере спасти дело сможет только его выступление.

От Пленума, состоявшегося 14—15 июня 1983 года, и прежде всего от доклада Черненко «Актуальные вопросы идеологической, массо-

во-политической работы партии», ощущение осталось тяжелое. Прения, подготовленные теми, кто составлял доклад, усугубили это впечатление. Выступления кроились по одному шаблону: сначала все отмечали важность вынесения на Пленум данной проблемы, затем следовали клятвенные заверения в верности новому руководству и поддержке Политбюро во главе с Андроповым, далее расшаркивались перед докладчиком, ну а потом — с некоторыми вариациями — следовали самоотчеты о проделанной работе.

Когда Черненко зачитывал текст доклада, я наблюдал за Андроповым. По мере того как Константин Устинович с большим трудом продирался сквозь зимянинскую схоластику, лицо Юрия Владимировича мрачнело. В какой-то момент он подозвал меня и сказал:

— После перерыва садись сюда, будешь председательствовать.

Надо знать, что это означало в те времена, чтобы понять, сколь тяжелым был удар для Черненко. Он сидел после перерыва в стороне, не слушая прений. Лишь на следующий день, когда вести заседание Пленума было поручено ему, начал приходить в себя.

Обменявшись мнениями с Юрием Владимировичем, мы пришли к общему выводу, что Пленум прошел в том ключе, как его подготовила черненковская команда. Иными словами, надежд не оправдал. И хотя в выступлении Андропова были в концентрированной форме поставлены действительно актуальные вопросы, ни о каком переломе в идеологической работе говорить уже не приходилось. Преодолеть рутину на этом архиважном участке партийной деятельности не удалось.

Оглядываясь назад, могу сказать, что июньский Пленум явился своего рода рубежом. После него мы вновь стали терять динамику.

В сентябре Андропов уехал в отпуск в Крым. Я регулярно перезванивался с ним по телефону, и по беседам мне показалось, что чувствует он себя гораздо лучше. Однажды, когда в очередной раз позвонил ему, мне ответили, что Юрий Владимирович уехал в горы, в «Дубраву».

Я несколько не удивился, ибо еще по Кисловодску знал, что горы нравятся ему куда больше, чем море. Да и купаться врачи теперь Андропову не разрешали, считая, что физическая нагрузка слишком велика.

А часа через два Юрий Владимирович позвонил сам:

— Искал меня?

— Да, хотел проинформировать о делах.

— А я в «Дубраву» перебрался на пару дней. Хорошо здесь, и погода просто замечательная.

Почувствовал я по тону, что и настроение у него прекрасное, давно такого не было. Видимо, горный воздух, тамошняя природа подействовали благоприятно. И никак не мог я подумать, что такого настроения у него уже никогда больше не будет.

Через два-три дня стало известно, что со здоровьем Юрия Владимировича стало совсем плохо. Что там произошло, как он простудился — все эти медицинские детали описаны у Чазова. Сначала Андропова перевезли на крымскую дачу, потом срочно на самолете в Москву, прямо в ЦКБ. И начался мучительнейший, сложнейший во всех отношениях этап...

Прежде всего чисто по-человечески было жаль Юрия Владимировича. Страдал он ужасно. Мы с ним перезванивались по телефону, а когда пускали врачи, ездил в больницу. Практически все перебивали у него. Одни реже, другие чаще, одни — чтобы поддержать, другие — чтобы еще раз проверить, в каком он состоянии. Так прошли октябрь, ноябрь. К страданиям, связанным с болезнью, прибавлялось у Андропова и другое: он стал ощущать общее изменение атмосферы в верхах, какую-то возню и интриги.

В связи с болезнью генсека заседания Политбюро и Секретариата вел Черненко. Лишь изредка он поручал мне вести Секретариат. Помоему, Тихонов предпринял попытку взять на себя председательствование на Политбюро, но это не прошло. Прежде всего из-за Юрия Владимировича, который, хотя и находился в тяжелом состоянии, ясности ума не потерял.

Как-то, еще в дни пребывания Андропова в Крыму, он сказал мне в телефонном разговоре, чтобы я обязательно выступил в качестве заключающего прения на Пленуме ЦК, который намечался на ноябрь.

— Надо ли? — спросил я, зная, сколь ревниво относятся к такого рода вещам коллеги по Политбюро.

— Надо, — настаивал Андропов. — Давай, готовься, и именно как заключающий обсуждение. Вернусь, обсудим.

Я стал обдумывать выступление, анализировать политические и практические итоги прошедших девяти месяцев. Как раз в этот момент из отпуска вернулся Тихонов. Узнав о том, что я намерен выступить на Пленуме, он тут же позвонил Андропову и заявил, что, поскольку слово предоставят Горбачеву, обязан выступить и он.

— Что я ему мог ответить? — рассказывал по телефону Юрий Владимирович. — Сказал: хочешь выступать, на здоровье. Готовься и выступай.

— Так, может быть, он и будет заключать? А мне не выступать? — спросил я, не желая идти на обострение.

— Нет, тебе обязательно надо выступить.

Во всей этой возне вокруг предстоящего Пленума появился какой-то нехороший оттенок — чуть ли не дележа власти. И разговоры, которые шли по этому поводу в Политбюро, вызывали неприятный осадок — будто хоронили человека заживо. Помощники Андропова Лап-

тев, Вольский, Шарапов, Владимиров, чье восприятие, безусловно, было еще более обостренным, давали ему соответствующую информацию, может быть, даже более «густую», чем на самом деле. Все это и привело к взрыву со стороны Андропова.

В один из дней декабря, едва я переступил порог своего кабинета, вбежал Рыжков:

— Только что позвонил Юрий Владимирович. Он в ужасном состоянии. Спрашивает: «Так вы на Политбюро приняли решение о замене Генерального секретаря?» Я ему: «Да вы что, Юрий Владимирович, об этом и речи никакой не было!» Но он не успокаивается.

Я немедленно созвонился с врачами, договорился, что на следующий день они пропустят меня к Андропову.

Когда я вошел в палату, он сидел в кресле и попытался как-то улыбнуться. Мы поздоровались, обнялись. Происшедшая с последней встречи перемена была разительной. Передо мной был совершенно другой человек. Осунувшееся, отечное лицо серовато-воскового цвета. Глаза поблекли, он почти не поднимал их, да и сидел, видимо, с большим трудом. Мне стоило огромных усилий не прятать глаза и хоть как-то скрыть испытанное потрясение. Это была моя последняя встреча с Юрием Владимировичем.

Помощники посещали Андропова почти ежедневно. Чаще всего, по-моему, бывали Лаптев и Вольский. Перед самым Пленумом он принял Лигачева, которого должны были избирать секретарем ЦК. Видимо, помощникам принадлежала идея подготовить выступление Андропова и текст его зачитать на Пленуме. Так и сделали.

История этого текста, по существу, стала мне известна лишь спустя годы, после публикации воспоминаний Вольского. До этого только ходили смутные слухи. А суть такова: в конце выступления содержался тезис о том, что в связи со своей тяжелой болезнью, исходя из государственных интересов и стремясь обеспечить бесперебойность руководства партией и страной, Генеральный секретарь предлагает поручить ведение Политбюро Горбачеву.

Когда накануне Пленума текст выступления Юрия Владимировича был роздан членам Политбюро, а затем — в красном переплете — членам ЦК, там этого тезиса и подобных слов не было. Сам я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть эту версию. Никакого разговора со мной со стороны ни Андропова, ни Черненко, да и того же Вольского не было. Да, слухи по аппарату поползли: мол, кое-что или исказили, или вычеркнули.

В преддверии 1984 года собрался Пленум ЦК. Заслушали доклады Байбакова и Гарбузова. Все делали вид, что ничего не происходит. Просто идет очередной Пленум. Утвердили план и бюджет. Избрали членами Политбюро Воротникова и Соломенцева, кандидатом в члены

Политбюро Чебрикова, секретарем ЦК Лигачева. В прениях на Пленуме выступили Тихонов и я.

Это была скрытая драма. Ведь все знали, что мы на пороге нового выбора, что уже в ближайшее время опять придется решать вопрос о руководстве страны.

Смерть Юрия Владимировича я пережил тяжело. Не было в руководстве страны человека, с которым я был бы так тесно и так долго связан, которому был бы столь многим обязан. На протяжении многих лет делился с ним своими мыслями, сомнениями. Со стороны Юрия Владимировича я всегда чувствовал неизменно доброе отношение. Он никогда не допускал снисходительности опытного политического лидера, который давно уже привык вершить людские судьбы. Не могу сказать, что он полностью раскрывался передо мной, делился всем, что лежало на душе. В какие-то «уголки» своей жизни меня он не посвящал. Может быть, потому, что они и у него самого не вызывали особой радости. А может, и потому, что не хотел он этой информацией никого связывать.

Потрясенная увиденным в день похорон, вернулась из Колонного зала Раиса Максимовна: горе и слезы, дань уважения и скорбь одних и нескрываемая радость, даже торжество в глазах других. В хорошем настроении пребывали некоторые секретари ЦК и не скрывали этого при встрече с Раисой Максимовной. Словно спешили сказать: «Ваше время кончилось». Циники у гроба.

Если попытаться охарактеризовать деятельность Андропова, то необходимо прежде всего четко разграничить две сферы и два понятия: первое — Андропов как реальный политик, второе — «феномен Андропова». Без этого вряд ли можно избежать путаницы, преувеличений или искажений, причем серьезных.

Что такое «феномен Андропова»? Это всеобщая атмосфера ожиданий и надежд на то, что с приходом нового лидера начнутся благие перемены. Если хотите, неприятие, отторжение того негативного, что связывалось в сознании людей с «брежневизмом», вера в необходимость и неизбежность реформ.

Андропов не обманул этих ожиданий. Прежде всего как человек: он был личностью яркой и масштабной, щедро одарен природой, настоящий интеллектуал. Решительно выступил против всего того, что мы связываем с «брежневизмом»: протекционизма, закулисной борьбы и интриг, коррумпированности, моральной распущенности, бюрократизма, бесхозяйственности, расхлябанности. Все это стало объектом его борьбы, отвечая ожиданиям людей.

Если верно, что в нашем народе глубоко сидит неприятие чиновничества, критическое отношение ко всякому начальству, то процессы, происходившие в последние годы правления Брежнева, еще более обо-

стрили эти чувства. Поэтому жесткую, иногда даже с перехлестом, позицию Андропова в этих вопросах воспринимали с надеждой, что будет наконец положен предел всем безобразиям и те, кто оторвался от народа, ответят за все.

Иными словами, действия его расценивали как начало общих и более глубоких перемен. И вот тут встает главный вопрос — пошел бы Андропов дальше, встал бы на путь радикальных преобразований, сложись его судьба по-иному? Думаю, что нет.

Некоторые из тех, кто был достаточно далек от Юрия Владимировича, рассказывают, что якобы задолго до прихода на пост генсека он вынашивал идеи реформирования системы. Ради этого, мол, шаг за шагом шел вверх, вступая в драматические компромиссы с собственными убеждениями и совестью, дабы не придавили его на полпути к цели.

Я не думаю, что это так. То, что он осознавал необходимость перемен, — верно. Понимал и то, что их отсутствие губительно для самой системы. Но Андропов всегда оставался человеком своего времени, принадлежал к числу людей, которые не могли вырваться за пределы старых идей и ценностей.

Я часто думаю: ведь он, как никто другой, знал о сталинских преступлениях. Но вопросов этих никогда не поднимал. Видел попытки Брежнева реанимировать и образ Сталина, и его модель организации общества. Но даже не пытался воспрепятствовать этому. А какова его роль в венгерских, чехословацких событиях, в афганской войне? В борьбе с «инакомыслием» и «диссидентством», когда сами попытки поставить вопрос о свободе и правах человека принимались за уголовщину?

Видимо, многолетняя работа в КГБ с ее «спецификой» наложила отпечаток на весь его облик, жизненные установки, сделала подозрительным и в определенной степени обреченным на служение системе.

Нет, не пошел бы Андропов на радикальные перемены, как не смог этого сделать Хрущев. И может быть, это его счастливая звезда так распорядилась, что умер он, не столкнувшись с проблемами, которые неизбежно встали бы на его пути и породили разочарования и у него, и в нем.

Хочу сказать, что все характеристики Андропова, в частности эта, пока еще весьма приблизительны и неполны. Они останутся такими, пока не будет изучен сложный и очень важный в его жизни 15-летний период пребывания на посту председателя КГБ. Многие остались скрытым за толстыми стенами Лубянки, в том числе для меня, бывшего главой партии и государства. А без этого трудно утверждать, что было бы дальше.

Время пребывания Андропова на вершине власти — короткое, но оно дало людям надежду. Все, что связывало нас с Юрием Владимировичем, навсегда останется в моей памяти. Никогда не забуду ту южную

ночь в окрестностях Кисловодска — небо, усыпанное звездами, ярко пылающий костер, Юрий Владимирович в каком-то мечтательно-просветленном настроении смотрит на огонь. А из магнитофона — озорная, особенно любимая Андроповым песенка Юрия Визбора:

Кому это нужно? Никому не нужно.
Кому это надо? Никому не надо.

Черненко: Наиболее подходящей кандидатурой на роль
больной человек преемника Андропова я считал Д.Ф. Устинова,
во главе державы хотя ему в то время было уже 75 лет.
Почему? На мой взгляд, он был, пожалуй, единственным, кто мог продолжить политическую линию Андропова. Они были близкими друзьями, и он мог сохранить и развить изменения, начатые Юрием Владимировичем за 15 месяцев пребывания на высшем руководящем посту. К тому же Устинов пользовался большим авторитетом в партии и стране.

Я «нажимал» на Дмитрия Федоровича, поскольку других вариантов не видел. Одни уже не могли, другие еще не могли принять на себя ответственные функции Генерального секретаря ЦК. И Устинов мог с пользой поработать какое-то время, подготовить новую смену в политическом руководстве.

Позднее я узнал, что не исключалась возможность выдвижения и моей кандидатуры. Такая информация до меня дошла из двух источников.

На второй или третий день после похорон Юрия Владимировича Раиса Максимовна навестила на даче его жену, желая поддержать ее морально. Татьяна Филипповна, больная, возбужденная, поднявшись в кровати, громко запричитала:

— Почему избрали Черненко, почему они так сделали?! Юра хотел, чтобы был Михаил Сергеевич.

Раиса Максимовна успокоила ее и постаралась прекратить этот разговор.

В какой-то мере это перекликается с упоминавшимися аппаратными слухами по поводу поправок, внесенных общим отделом в речь Андропова на декабрьском Пленуме.

И еще. Один из моих сотрудников, с которым нас связывают долгие годы совместной работы, передал содержание своего разговора с Г.М. Корниенко, бывшим тогда первым заместителем министра иностранных дел. Ссылаясь на Андрея Андреевича, тот рассказал, что сразу же после смерти Андропова Громько, Устинов, Тихонов и Черненко встретились в «узком кругу», но договориться о кандидатуре нового генсека якобы так и не смогли. Устинов при этом будто бы заявил, что

Политбюро придется самому сделать выбор, а что касается его личного мнения, то он будет выдвигать Горбачева.

Так это было или нет — не знаю. Есть и другие свидетельства.

Разговор в «узком кругу» происходил в кабинете одного из заместителей заведующего общим отделом ЦК. После окончания беседы Черненко остался в кабинете, а Громько, Устинов и Тихонов вышли в коридор. Здесь их ждали помощники и телохранители, у которых в такие дни буквально ноздри дрожали от любопытства. На их счастье, Тихонов был туговат на ухо и как все глуховатые люди имел обыкновение говорить громче обычного. Так вот, по словам очевидцев, Николай Александрович громко, так что все в коридоре оглянулись, вдруг сказал:

— Я думаю, мы все же правильно поступили. Михаил еще молодой. Да и неизвестно, как он поведет себя на этом месте. А Костя — это то, что надо.

Повторяю, какая из этих версий ближе к истине, договорились они в «узком кругу» о кандидатуре Черненко или нет, не знаю. Но о том, что Андропов и Устинов делали ставку на Горбачева, заявил мне спустя некоторое время сам Дмитрий Федорович. Почему получилось по-иному, он объяснять не стал. А я, естественно, никогда его об этом не спрашивал.

Так или иначе, но избрание нового генсека прошло предельно просто, я бы даже сказал, буднично. Все определила сверхактивность Тихонова. Едва только Черненко открыл заседание, Николай Александрович тут же, дабы предотвратить возможные неожиданности со стороны Устинова, попросил слово «по порядку ведения» и с ходу предложил избрать генсеком Константина Устиновича.

Возможно, Дмитрий Федорович ожидал отказа, самоотвода со стороны Черненко, который лучше других знал состояние собственного здоровья и должен был самокритично признать, что руководство страной вообще не для него, как говорится, «не по Сеньке шапка». Но ничего подобного не произошло. Выступления «против» в подобных случаях были не в традициях этого Политбюро. Все согласилось с предложением Тихонова, проголосовали «за», в том числе и я. И оправдание было наготове: «главное, не допустить раскола».

«Костя — это то, что надо», — якобы сказал Тихонов. Понимать это можно так: появилась надежда, что следующим генсеком вполне сможет оказаться он. Но для общества, при всей его специфичности, появление в роли лидера великой державы именно Черненко было шоком. Ну хоть кто-нибудь другой, хоть чуть поживее, хоть чуть помоложе, так нет же...

После заседания Политбюро и в последующие дни Устинов, который всегда отличался хорошим настроением, таким жизнелюбием, что

его трудно было выбить из колеи, выглядел подавленным, был молчалив и замкнут. А вот на Пленуме ЦК я увидел другие лица: те, кому уже пора было уходить, и те, кто ушел на пенсию, но оставались в составе ЦК, как будто оправились от испуга, от андроповских новшеств, воспрянули духом в надежде, что возвращается их время, спокойное, «стабильное», иными словами — «брежневское».

Кого же приобрели мы на посту Генерального секретаря? Во главе великой державы, ее лидером оказался не просто физически слабый, а тяжелобольной человек, фактически инвалид. Это не являлось секретом ни для кого, было видно невооруженным глазом. Его немощь, затрудненное дыхание, одышку (он страдал эмфиземой легких) невозможно было скрыть. Врач, сопровождавший Маргарет Тэтчер на похоронах Андропова, вскоре опубликовал прогноз о сроках жизни Черненко и ошибся всего лишь на несколько недель.

Черненко всегда был при Брежневеве, угадывал его желания, стал доверенным лицом, можно сказать, тенью. Я уже рассказывал — сила его влияния была и в том, что он много сделал для создания имиджа Брежнева. Мощным орудием Черненко, несомненно, был аппарат, от которого зависело практически все. Трудно объяснить, откуда у него, тихого, замкнутого, типичного кабинетного чинуши, зародились такие амбициозные планы. Думаю, его подталкивали к этому участники упомянутого «тайного круга», которые таким способом хотели реализовать свои собственные претензии.

Говоря о причинах восхождения Черненко на пост генсека, нельзя забывать и то, что сработал укоренившийся в Политбюро стереотип: второй человек в руководстве становился первым почти автоматически. Тяжелым было впечатление от первого же его публичного выступления в новой роли на траурном митинге при похоронах Андропова 14 февраля 1984 года. Оно вызвало горечь у всех нас, в стране и у зарубежных гостей. Черненко был обречен на такое восприятие.

Очень скоро выяснилось, что общество не воспринимает его всерьез, хотя идеологическая служба ЦК предпринимала невероятные усилия для пропаганды «образа генсека». Масштаб его личности, отсутствие самостоятельного опыта политической и государственной деятельности, поверхностные знания реальной жизни страны, слабые волевые качества — все это было очевидно.

В апреле 1984 года Черненко, как бы повторяя и продолжая путь Андропова, посещает московский металлургический завод «Серп и молот», встречается с рабочими. Но контакт не получился, напротив, встреча лишь подлила масла в огонь. Ему было трудно среди людей. А нам глядеть на все это было просто невыносимо.

Смерть Андропова и избрание генсеком Черненко породили новые надежды у противников каких-либо перемен. Они, уже не маскируясь,

усилили давление на Черненко, стремясь покончить с начинаниями Андропова, стилем его деятельности.

Раньше всех это почувствовали на себе сторонники Юрия Владимировича, в том числе и я. Для меня это не было неожиданностью. Еще в 1983 году, когда здоровье Андропова стало стремительно ухудшаться, мне сказали, что эти люди заняты поисками компрометирующих Горбачева данных. К «охоте» были подключены даже административные органы. И когда я стал генсеком, то узнал об этом со всеми подробностями.

Так что психологически я был подготовлен к подобным интригам, знал, что предпринимаются попытки реализовать давно вынашиваемый план устранения Горбачева. Это отражало настроения и «главных действующих лиц», проявилось сразу, на первом же заседании Политбюро, когда речь зашла о распределении обязанностей в Политбюро и Секретариате ЦК.

Как я и ожидал, в атаку бросился Тихонов:

— Мне непонятно, почему мы должны поручать ведение Секретариата Горбачеву, — заявил он в довольно резкой форме. — Михаил Сергеевич, как известно, занимается аграрными делами. Боюсь, Секретариат будет превращен в рассмотрение аграрных вопросов и использован им для давления. Неизбежно возникнут перекосы.

Я сидел тут же. Слушал. И молчал.

Ему возразил Устинов, сказав, что Горбачев уже руководил работой Секретариата и никаких «перекосов» не замечено. С ходу отклонить не получилось. Тогда Гришин и Громько пошли по пути затягивания решения вопроса, по сути, поддержав Тихонова. Но главное препятствие — Устинов — не было преодолено. Черненко пытался на чем-то настаивать, что-то говорить, но вяло, не энергично, нудно. У меня появилось ощущение, что роли в этом спектакле распределены заранее. Решение поручить мне ведение Секретариата так и не было принято.

Де-факто я продолжал руководить Секретариатом, при этом постоянно держал нового генсека в курсе дел. Заседания проводились регулярно, обсуждались разнообразные вопросы — партийные, хозяйственные, идеологические. И чем эффективнее функционировал Секретариат, чем больше повышался спрос с кадров за работу, тем больше это вызывало недовольство не только Тихонова, но и МИДа, особенно же генсековской челяди.

Тихонов последовательно, с завидной настойчивостью вел линию на ослабление Секретариата. Он пытался заигрывать с Лигачевым, хотя вряд ли имел здесь большие успехи. Что касается Долгих, то Тихонов перетянул его к себе проверенным приемом, назвав где-то в присутствии него самого своим будущим преемником. Теперь основное

время Долгих проводил в епархии премьер-министра на бесконечных встречах и беседах.

Как бы то ни было, через неполных три месяца Секретариат «почувствовали» в партии и особенно в центре, в Москве. Одни стремились попасть на заседания, другие боялись туда попасть. Тихонов бесновался, высказывал недовольство, пытался бросить тень на нашу работу.

В это непростое для меня время я почувствовал поддержку Устинова. Наши отношения становились все более близкими. Не могу не отметить деловую и моральную поддержку, которую мне оказывал тогда Лигачев. Очень много и эффективно работали мы с Рыжковым. Даже с Зимяниным удавалось конструктивно решать вопросы, он часто бывал у меня.

Одним словом, я чувствовал себя уверенно, относился ко всему в какой-то мере философски и уже не поднимал больше вопроса о том, чтобы моя роль в Секретариате была документально оформлена решением Политбюро. Следовал своему давнишнему принципу — жизнь все расставит по местам.

Эффект Горбачева И вдруг 30 апреля меня приглашает Черненко. Вхожу в его кабинет, полагая, что разговор пойдет о предстоящем Первоме. Однако диалог сразу принял какой-то нервный характер. Начал он не очень связно, сбивчиво, сказал, что не может больше откладывать решение вопроса, на него давят, это вносит раскол, разлад в работу и т.д.

Спрашиваю:

— Константин Устинович, о чем вы говорите, о каком вопросе?

— О руководстве Секретариатом.

— Напрасно вы так волнуетесь. Давайте этот вопрос решим на Политбюро, поскольку речь идет о доверии. И я хочу узнать от коллег, умудренных опытом, в чем мои слабости и промахи. Надеюсь, вопрос не стоит о моем пребывании в Политбюро?

— Нет, ну что ты, что ты, — растерянно забормотал Черненко.

И тут мои эмоции выплеснулись бурным монологом:

— А раз так, то я вправе знать, что хотят мне пожелать мои оппоненты, какие у них критические замечания. Мы должны оценить работу Секретариата ЦК. Кого-то не очень устраивает то, что после известного периода он набрал силу. Как генсек вы должны все обдумать и определиться. Я вижу, как пытаются растащить власть, а это уже чревато опасными последствиями. Поэтому я — за решение вопроса, но на принципиальной основе. Ситуация в руководстве сложная, и нужен разговор. Раз он назрел — не надо уклоняться.

Черненко попросил меня еще раз, не спеша изложить мои соображения, а сам делал записи. Договорились провести заседание Полит-

бюро 3 мая, поздравили друг друга с наступающим праздником и расстались. Я ушел с горечью на душе. Подумалось, что при такой нерешительной, аморфной позиции генсека можно ждать чего угодно.

В конце дня позвонил Устинов, поздравил с праздником, предложил пораньше отправиться домой. Дело в том, что несколько человек в руководстве — Устинов, Горбачев, Лигачев, Рыжков и некоторые другие — работали каждый день по 12—14 часов, до ночи. Я поблагодарил его и под настроение рассказал о только что состоявшейся беседе с Черненко.

Дмитрий Федорович встревожился, усмотрев в этом большую интригу, одобрил мою позицию, посоветовал твердо ее держать и не переживать, так как, по его мнению, затея против меня обречена.

3 мая собрались на заседание Политбюро, обсудили всю намеченную повестку дня. Но вопрос, который стал предметом нашего разговора с генсеком, так и не был внесен на обсуждение. Оказалось, Устинов посоветовал Черненко не идти на поводу у Тихонова и его компании. Через два-три дня Константин Устинович сказал мне:

— Я подумал и решил не вносить. Работай, как работал.

Уже, кажется, в 1989 году Тихонов прислал мне письмо с покаянием. И с предложением своих услуг в реформировании экономики. Но в те годы давление на меня через Черненко не прекращалось. Все это выматывало нервы до крайности, и поэтому каждый раз, когда удавалось вырваться из Москвы в поездку по стране, я испытывал чувство глубочайшего удовлетворения.

На протяжении всего 1984 года интриги, подсиживание, сплетни определяли общую атмосферу на Старой площади. Болезнь Черненко прогрессировала, ситуация в Политбюро обострялась, распри исподволь нарастали. Не хочу описывать все перипетии того времени. Да оно и ни к чему — всем все было ясно. Но какие формы это приобретало, показывает история с Всесоюзной научно-практической конференцией по идеологическим проблемам.

Тема ее была задана самим Черненко: как выполняются решения июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС по идеологическим вопросам. Зимянин обратился ко мне с просьбой выступить с основным докладом, поскольку я принял от Черненко прежнее направление его работы — идеологию.

Материалы к докладу, представленные отделом, полностью меня разочаровали: «зимянинская жвачка», идеологическая рутинка, набор прописных истин, пустословие. Такое впечатление, что меня просто хотели скомпрометировать. Но это лишь прибавило мне энергии.

Я сформировал группу, в которую вошли Медведев, Яковлев (он в то время руководил ИМЭМО), Биккенин и Болдин. Мне хотелось воспользоваться случаем, чтобы выйти за пределы июньского Пленума,

который, на мой взгляд, оказался очень слабым. Во время подготовки к совещанию нас заинтересовали такие важные теоретические и практические проблемы, как собственность, характер производственных отношений в нашем обществе, роль интересов, социальная справедливость, товарно-денежные отношения и т.п. Поработали хорошо, материал получился содержательный и серьезный.

Однако это понравилось не всем. Зимянин был недоволен, капризничал. Я дал ему подготовленный доклад. Мне он особых замечаний не сделал, лишь попросил дать более выпукло тезис о руководящей роли партии на нынешнем этапе, а вот в беседе с Медведевым прямо сказал, что доклад не получился.

Участники конференции съехались в Москву, все было готово. И вдруг, буквально накануне ее открытия, в 16 часов предшествующего дня, — звонок от Черненко.

Оказывается, он не считает целесообразным проводить идеологическую конференцию сейчас, ибо впереди партийный съезд и надо его готовить, набирать идеи. Я понял по тону разговора, что в кабинете он не один, и, наверное, задача тех, кто там был, состояла в том, чтобы удержать слабого, колеблющегося шефа на жесткой позиции.

Столь неожиданный зигзаг меня просто возмутил, и я выразил протест в довольно резкой форме. Как мне потом сказал Яковлев, бывший в кабинете, чуть ли не отчитал генсека. Наверное, я проявил несдержанность, но происки своры, крутившейся вокруг Генерального секретаря, вывели из равновесия. Напомнил ему, что проведение конференции, на которую уже приехали люди со всей страны, это не моя, а его идея, я всего лишь выполнил поручение. Не знаю, кто сможет объяснить мотивы ее отмены. Такой шаг недопустим, ибо означает публичный скандал. И кончил вопросом:

— Кто сбивает вас с толку?

— Ну ладно, — сказал он, — проводите, но не делайте из конференции большого шума.

На том разговор и кончился... Конференция состоялась и прошла успешно. Новизной подходов, творческим характером обсуждения она резко контрастировала с обычными идеологическими накачками прошлых лет. Сам заголовок доклада «Живое творчество народа» уже наводил на размышления.

Участники конференции настаивали на том, чтобы доклад был опубликован. Я сказал, что это будет сделано. Но, увы, только «Правда» опубликовала его сокращенное изложение. Чтобы свести на нет «эффект Горбачева» и всей конференции, тут же была подготовлена и срочно напечатана в декабрьском номере «Коммуниста» статья Черненко с претензией на последнее слово марксистской мысли.

В том же, 1984 году «эффект Горбачева» впервые проявился и на внешнеполитической арене.

12 июня 1984 года, когда я в составе официальной делегации СССР участвовал в экономическом совещании стран—членов СЭВ, в Москву пришло печальное известие о кончине лидера итальянских коммунистов Энрико Берлингуэра. Он умер неожиданно, во время одного из обычных для Италии митингов.

Было принято решение направить для участия в похоронах делегацию КПСС, и Пономарев, как руководитель международного отдела, заявил, что поедет он. Однако вся предшествующая история взаимоотношений Бориса Николаевича с лидерами Итальянской компартии была такова, что его приезд мог привести к публичному скандалу. Об этом прямо написали в Политбюро А. Александров и В. Загладин. И тогда, после консультаций с итальянскими товарищами, последовало решение о направлении на похороны меня.

С Берлингуэром мы не были лично знакомы, но я хорошо помнил его выступления на наших партийных съездах. Говорил он ровным, спокойным голосом, без эмоций, столь характерных для итальянцев, но в выступлениях сразу брал быка за рога.

Наша аудитория с ходу не ухватывала, как реагировать на его выступления, ибо все что-то слышали о «еврокоммунизме», знали о сложных отношениях с ИКП и об обмене «любезностями» между нашими партиями, нередко прорывавшимися и в открытую печать. Впрочем, вопрос о том, как реагировать на Берлингуэра, для нашего зала особого труда не составлял: делегаты смотрели, как реагирует президиум, и следовали его примеру.

Обо всем этом я вспоминал, когда 13 июня вместе с Загладиным и секретарем Донецкого обкома В.П.Мироновым летел на самолете в Рим. Отъезд наш оказался столь скоропалительным, что никаких особых инструкций от Политбюро не давалось, хотя пожелание обсудить общий контекст отношений между нашими партиями и было высказано.

То, что мы увидели в Риме, оставило в наших душах глубокое, неизгладимое впечатление. Траур был общенациональным. На похороны пришли сотни тысяч людей. Мы стояли с Пайеттой на балконе здания ЦК ИКП, и из проходивших колонн доносились приветствия в адрес делегации КПСС. Меня спросили тогда:

— Что ощущаете и думаете вы, глядя на то, как провожают итальянцы Берлингуэра в последний путь?

Ответить было не просто. По крайней мере, тогда.

С Берлингуэром прощалась вся Италия, руководители всех политических организаций. Президент страны Пертини от имени нации склонился у гроба лидера оппозиционной партии. Все это было проявлением не свойственного нам образа мышления, иной политической культуры.

Задолго до этого я читал программные документы итальянских коммунистов, знаменитую «Записку Тольятти», появившуюся вскоре после XX съезда КПСС. Основательно проштудировал «Тюремные тетради» Грамши. И все-таки урок, который был получен во время похорон Берлингуэра, побуждал к раздумьям.

В тот же вечер, 13 июня, в особняке нашего посольства мы встретились с членами руководства ИКП. Присутствовали П.Буффалини, Дж.Кьяромонте, А.Коссутта, А.Минуччи, Дж.К.Пайетта, У.Пеккиоли, А.Рубби, Дж.Черветти.

Разговор был откровенный, но все время он как бы вертелся по кругу. В конце концов я не выдержал и сказал:

— Ну, хорошо. Вы уже миллион раз сказали, что вы свободны, независимы, не признаете никаких команд и никакого центра. А мы два миллиона раз подтвердили, что вы свободны, независимы и никакого центра действительно нет. А дальше что?

Итальянские друзья смотрели на меня с недоумением.

— Может быть, начнем встречаться, — продолжил я. — Вместе анализировать новую ситуацию, сложившуюся в мире, вместе думать, обмениваться идеями.

Разговор продолжался всю ночь, и под утро, когда расходились, наметилось какое-то взаимопонимание.

На следующий день, 14 июня, меня принял Президент Итальянской республики А.Пертини. Он произвел на меня сильное впечатление прежде всего своей демократичностью, искренней расположенностью к нашему народу и уважением заслуг Советского Союза в победе над фашизмом. Сам Пертини участвовал в движении Сопротивления. Мне импонировала его раскованность, прямота суждений. Президент высказался за сотрудничество коммунистов и социалистов. Это была содержательная беседа, и, когда мы расставались, дружеские объятия были искренними.

В тот же день мы вылетели в Москву. Провожали нас в аэропорту Пайетта и Рубби. Видимо, за прошедший день ЦК ИКП уже выработал свою позицию, и тут, сидя за столиком, под рев самолетных турбин за огромными стеклянными окнами мы, как говорится, «ударили по рукам» — надо строить между нашими партиями товарищеские отношения, сотрудничать, взаимодействовать.

В таком же ключе прошел и мой отчет о поездке на заседании Политбюро.

Завершился этот год моим визитом в Великобританию, который состоялся вскоре после окончания идеологического совещания в Москве. 15 декабря я прибыл в Лондон во главе парламентской делегации, в состав которой входили Велихов, Замятин и Яковлев. В Англию

такие делегации не выезжали до нас лет пятнадцать, хотя отношения между обеими странами развивались в эти годы достаточно сложно, и нужда в подобных визитах была.

К визитам парламентских групп у нас относились как к акциям сугубо протокольным и формальным. И на сей раз мидовские чиновники, видимо, не придавали поездке особого значения.

Однако случилось нечто иное...

Именно здесь все те наблюдения и мысли, которые возникали у меня на протяжении последних лет по проблемам внешней политики и миропорядка, впервые были высказаны перед британскими парламентариями.

Текст речи публиковали и у нас, и за рубежом, и я лишь хочу напомнить, что в ней было сказано: ядерный век диктует необходимость «нового политического мышления»; военная опасность сегодня — это реальность; «холодная война» — ненормальное состояние отношений, несущее в себе военную угрозу; в ядерной войне победить нельзя; невозможно строить свою безопасность, к кому бы это ни относилось, за счет нанесения ущерба безопасности других; мы готовы в ограничении и сокращении вооружений, прежде всего ядерных, пойти так далеко, как далеко пойдут западные партнеры по переговорам.

Эти заявления вызвали в мировой прессе самые оживленные отклики. Особенно часто цитировали фразу: «Что бы нас ни разделяло — планета у нас одна. Европа — наш общий дом. Дом, а не «театр военных действий»».

Подробно освещалась наша встреча с М.Тэтчер, состоявшаяся на второй день пребывания делегации в Англии, в Чекерсе, где премьер-министр ждала нас вместе со своим супругом Дэнисом и министрами. У подъезда нас встретили корреспонденты, и фотография, где мы сняты вчетвером (госпожа Тэтчер вежливо показывает нам рукой, где и как встать), была сделана именно здесь. Забавно, что потом многие толковали этот снимок по-иному: якобы Маргарет Тэтчер внимательно разглядывает костюм Раисы Максимовны.

Встреча началась с ленча. Тэтчер и я сели по одну сторону стола, Дэнис и Раиса Максимовна — по другую. Все выглядело вполне респектабельно и чинно. Но разговор даже за ленчем принял довольно-таки острый характер.

Госпожа Тэтчер — человек уверенный, я бы даже сказал, самоуверенный, за внешним мягким обаянием и женственностью скрывается достаточно жесткий и прагматичный политик. Не зря же сами англичане называли ее «железной леди».

Но потом разговор возобновился и я сказал:

— Я знаю вас как человека убежденного, приверженного определенным принципам и ценностям. Это вызывает уважение. Но вы долж-

ны иметь в виду, что рядом с вами сидит такой же человек. И должен сказать при этом, что я не имею поручения от Политбюро убедить вас вступить в коммунистическую партию.

После этой фразы она от души рассмеялась, и разговор из формально-вежливого и немного колкого как-то сам собой перешел в откровенно заинтересованный. Содержание его целиком определили те мысли, которые через день я изложил британским парламентариям.

После окончания ленча была продолжена официальная беседа. К нам присоединились Замятин и Яковлев, разговор пошел о проблемах разоружения. Поначалу мы пользовались заранее подготовленными записями, но затем я отложил свои в сторону, спрятала в сумочку свои листочки и госпожа Тэтчер. Я разложил перед премьер-министром Великобритании большую карту, на которую в тысячных долях были нанесены все запасы ядерного оружия. И каждой из таких вот клеточек, говорил я, вполне достаточно, чтобы уничтожить всю жизнь на Земле. Значит, накопленными ядерными запасами все живое можно уничтожить 1000 раз!

Ее реакция была очень выразительной и эмоциональной. Думаю, что и вполне искренней. Во всяком случае, с этой беседы начался какой-то поворот к крупному политическому диалогу между нашими странами.

Во время официальной беседы, в соответствии с протоколом, Раиса Максимовна не присутствовала. Ее оставили «на съедение» трем или четверем министрам правительства, и, к их полному удивлению, она повела с ними речь об английской литературе, философии, к которым всегда испытывала глубокий интерес. Продолжался этот разговор все три часа, пока шла встреча с Тэтчер, и на следующий день лондонская пресса, у которой, видимо, были свои предубеждения против «кремлевских жен», весьма пространно и сочувственно рассказала своим читателям об этом эпизоде.

Мое выступление в парламенте 18 декабря прошло успешно. Правда, и здесь поначалу была предпринята попытка повести диалог в конфронтационном духе. Но я сразу же пресек ее, сказав:

— Если вы хотите строить беседу таким образом, то я достану привезенные мною бумаги и документы и начну инвентаризировать все то, что делалось английской стороной против Советского Союза, против налаживания нормальных отношений. Кому от этого польза?

После этого заявления беседа вошла в конструктивное и вполне дружественное русло.

Потом были встречи с министрами, лидерами политических партий, представителями деловых кругов. Мы посетили автомобильный завод «Остин-Ровер», штаб-квартиру компании «Джон Браун», исследова-

тельский комплекс «Джелоттс Хилл», торгово-промышленную палату, Британский музей, мемориальную библиотеку К. Маркса.

А вот на могилу Маркса, куда ходила часть нашей делегации, по стечению обстоятельств я не сходил. Сколько по этому случаю было потом спекуляций! Точно так же, как уже в годы перестройки наша «свободная пресса» запустила «новость» о «золотой карточке» — речь шла, видимо, о кредитной карточке, которой я как член Политбюро якобы располагал за рубежом! Стыдно было все это читать и стыдно было за тех «интеллигентов», которые писали весь этот вздор. И уж совсем стыдно, когда я увидел эту сплетню в мемуарах Ельцина. «У кого что болит, тот про то и говорит» — так, кажется, в пословице.

Тогда, в 1984 году, политическая борьба потребовала иного: всячески замолчать итоги поездки парламентской делегации в Великобританию.

Добрынин, наш посол в США с 1962 года, рассказывал мне, как широко откликнулись американская общественность и политические круги на лондонский визит. Он по этому поводу направил в МИД две телеграммы с подробной характеристикой выступлений солидной прессы по этому поводу. Обычно такая информация рассылалась членам руководства, но на сей раз такого не последовало. А когда сам Анатолий Федорович приехал в Москву, Громько устроил ему нахлобучку:

— Вы же такой опытный политик, умудренный дипломат, зрелый человек... Шлете две телеграммы о визите парламентской делегации! Какое это вообще может иметь значение?

В Лондоне меня застала печальная весть — скончался Устинов. Я прервал визит и вернулся в Москву. Смерть Устинова была тяжелой утратой, особенно чувствительной в то смутное время, каким был конец 1984 года. Да и весь этот год — не что иное, как агония режима.

Словом, огромная потребность в энергичной, инициативной политике и... плачевная ситуация в руководстве страны. Черненко и по калибру личности, и по состоянию здоровья не соответствовал роли генсека. Возникла проблема даже с еженедельными заседаниями Политбюро. Нередко случалось так: заседание назначено, но Константин Устинович прибыть не в состоянии, и за 15—30 минут до начала — звонок мне с поручением председательствовать.

Реакция членов Политбюро на сей счет была неоднозначной. У одних — подчеркнуто спокойная, то есть воспринимали это как само собой разумеющееся. У других — недоумение, а то и плохо скрываемое раздражение. От Тихонова не раз следовали бестактные вопросы:

— А он поручал вам вести Политбюро?

Я отвечал:

— Николай Александрович, неужели вы думаете, что я могу вот так, по своей воле прийти и начать заседание? У вас превратное представление обо мне.

Эта проблема к концу года разрослась до драматических масштабов, ибо Черненко вышел из строя окончательно. Политбюро, главный политический орган руководства, должно было работать, а никаких решений с поручением кому-либо — Горбачеву ли, Тихонову ли, или еще кому — постоянно вести заседания не было.

Доподлинно знаю, что некоторые товарищи в беседах с Черненко давали ему советы на этот счет — поручить «временно» вести заседания Политбюро Горбачеву. В то же время ближайшее окружение генсека рекомендовало ему сохранить за собой эту позицию. И всякий раз я оказывался в сложном положении. Но дело не во мне — это сказывалось на работе Политбюро, аппарата ЦК. В такой ситуации всегда вольготно чувствуют себя всякого рода интриганы. А для дела, для работы — это просто беда.

Обдумав все, я решил следовать нескольким правилам. Первое: вести работу спокойно, ставить вопросы твердо, никаких уступок «челяди», даже облеченной высокими званиями. Второе: лояльность Генеральному секретарю, согласование с ним всех важных вопросов. Третье: в Политбюро вести линию на объединение, не допускать развала центральной власти. И четвертое: держать в курсе событий секретарей ЦК республик, обкомов, крайкомов партии. Они должны видеть всю серьезность ситуации и понимать, в какой обстановке приходится действовать.

Думаю, эта линия в целом себя оправдала. Если говорить о деловой стороне, то я стремился, взаимодействуя с коллегами, держать под контролем текущие дела, принимать оперативные и не только оперативные решения. Было продолжено, хотя это и давалось непросто, обновление кадров, проведены два крупных Пленума: весной — о школьной реформе, в октябре — о долговременной программе мелиорации с докладом Тихонова.

А тут еще свалилась необычайной суровости зима. С разных мест посыпались телеграммы в центр о помощи. В уральской горловине метели создали такие заносы, что остановилось движение. Не десятки, сотни поездов оказались брошенными со всеми грузами, со всем, что составляет основу производства и жизнеобеспечения населения. Возникла угроза паралича народного хозяйства.

Правительству пришлось поработать много. Оперативными вопросами в то время занимался первый заместитель Председателя Совета Министров Гейдар Алиев. Включился в дело Егор Лигачев. Это было мое поручение, но оно совпадало с его желанием и вообще отвечало стилю его работы. Егор Кузьмич был недоволен, как решаются про-

блемы в республиках, на местах, и хотел доказать, что может справиться с такими задачами. К тому же при той ситуации, которая сложилась с генсеком, важно было показать, что ЦК действует. Эту миссию Егор Кузьмич вместе с другими выполнил.

Еще труднее стало работать, когда Константин Устинович оказался в больнице. Каждый старался аргументировать свою позицию ссылкой на разговор с Черненко. Нередко случалось: по одному и тому же вопросу один говорил одно, другой — нечто противоположное, и оба ссылались на генсека. Шло размежевание в руководстве и аппарате. Одни пытались осложнить мою работу, сбить с толку. Другие — и их становилось все больше — открыто брали линию поддержки Горбачева.

Мне приходилось предпринимать тактические шаги. Так было, в частности, с многострадальным планом проведения Пленума ЦК по вопросам научно-технического прогресса, на котором я должен был делать доклад. Для его подготовки была создана специальная группа, и дело быстро продвигалось.

Мы познакомились с двумя вариантами доклада — Иноземцева и отдела машиностроения ЦК, с целым мешком всевозможных разработок десятилетней давности, извлеченных из архива. Тогда, после известного высказывания Брежнева о роли научно-технического прогресса, в партии велась подготовка Пленума ЦК. Я подумал: Боже мой, сколько времени потеряно, а в этот период многие страны проделали огромный путь, обеспечивший им динамичное развитие в последующие годы.

Но чем ближе мы были к Пленуму, тем острее я чувствовал стремление Черненко, Тихонова, Гришина, Громыко отложить его проведение — все они считали, что это будет усиливать мои позиции. Словом, были против Пленума и этого не скрывали. Что делать? Я решил поговорить с Черненко и сам внести предложение о нецелесообразности проведения Пленума. Поехал к нему в больницу с Лигачевым.

— Константин Устинович, мы работаем над документами к съезду, наверное, уже ушло время для Пленума по научно-техническому прогрессу?

Мнение его мне было известно, так что согласие генсека было получить нетрудно.

Назавтра — заседание Политбюро. Я в самом начале подчеркнуто спокойно сказал:

— Вчера мы с Егором Кузьмичом были у Константина Устиновича, чувствует он себя неплохо. Побеседовали, ввели его в курс дел.

Последовала немая сцена, во время которой многие, наверное, подумали: «Так, значит, Горбачев с Лигачевым были у Черненко! Когда

тот и другой посещают его в отдельности, это уже само по себе что-то, а если еще и вместе? Что бы это значило?» Все наострили уши.

— Знаете, я посоветовался с Константином Устиновичем, и мы пришли к общему мнению снять с повестки дня Пленум по научно-техническому прогрессу.

Все дружно, я бы даже сказал, радостно, поддержали это предложение. Так второй раз была похоронена идея Пленума по самому актуальному вопросу. Забегая вперед, скажу, что своего рода компенсация все-таки состоялась. В июне 1985 года мы провели в ЦК КПСС крупное совещание по вопросам ускорения научно-технического прогресса с моим докладом «Коренной вопрос экономической политики партии».

Смерть Черненко Развязка стремительно и неотвратимо приближалась. В этом уже никто не сомневался. Стоило больших усилий поддерживать хотя бы видимость присутствия Генерального секретаря ЦК, Председателя Президиума Верховного Совета СССР в политической жизни.

У меня при взгляде на Черненко, которому не то что работать, но и говорить, дышать было трудно, не раз возникали вопросы: что же мешало ему отойти от дел и заняться своим здоровьем? Что заставило взвалить на себя непосильный груз руководства страной?

Ответ вряд ли лежит на поверхности.

Да, конечно, человек, отстраняемый от власти, — а по собственному желанию у нас от нее никто не отказывался, — чувствовал себя, мягко говоря, некомфортно, как и всякий уволенный.

Но просто сказать «человек слаб» — недостаточно. Проблема лежала глубже. Общество не располагало необходимой информацией, чтобы сделать выбор. Вот если бы знало оно о действительном состоянии Брежнева и Черненко, знало, что почти десятилетие у руля страны стояли люди, физически не способные к работе! Впрочем, само по себе такое знание еще ничего не значило. Ведь у нас не было нормального демократического механизма сменяемости власти. Система этого не предусматривала, она жила по своим законам, согласно которым на вершине пирамиды мог находиться и безнадежно больной, даже умственно неполноценный человек. Никто не смел посягнуть на этот порядок, и вдруг стараниями некоторых членов политического руководства, прежде всего Гришина, эта порочная практика внезапно обнажилась и предстала перед обществом во всей своей неприглядности.

Я имею в виду то, что произошло во время кампании по выборам в Верховный Совет Российской Федерации в феврале 1985 года. В соответствии с многолетней традицией сложился своего рода ритуал встреч членов Политбюро с избирателями в своих округах накануне выборов. Никогда ранее я не наблюдал такой схватки за место в графике вы-

ступлений. Все хотели выступать в самом конце, непосредственно перед генсеком, ибо считалось, что чем позже ты встречаешься с избирателями, тем выше твое положение в партийной иерархии. А уж если твое место в этом графике предпоследнее, значит, ты вообще всего на шаг отстоишь от генсека, выступающего всегда последним.

Выборы были назначены на 24 февраля. Заканчивались встречи кандидатов с избирателями. Поскольку Черненко был не в состоянии прийти на встречу, а отменить ее было нельзя, мы в своем кругу обговаривали, как решить эту задачу с наименьшими политическими потерями. Я полагал, что надо помочь ему подготовить письменное обращение. Избирательная комиссия должна организовать встречу, на которой будет оглашено его обращение. А поскольку речь идет о генсеке, необходимо присутствие на ней представителей ЦК КПСС.

Неожиданно для меня в дело вмешался Гришин, сепаратно выйдя на разговор с Черненко. Это уже было за рамками принятой этики и, видимо, говорило кое о чем. Во всяком случае, он начал неприличную политическую возню, решив, что подходящий случай наступил и этот шанс упустить нельзя.

Действовал Гришин, безусловно, не в одиночку. Часть руководства относилась к нему весьма благосклонно, прежде всего те, кто считал: «надо остановить Горбачева». Особенно он рассчитывал на окружение Черненко, которое понимало необходимость безошибочного выбора, с тем чтобы и после кончины генсека остаться на плаву. Именно в тот момент определенная, пусть небольшая, часть интеллигенции начала «рисовать» привлекательный портрет Гришина.

Понимая, что меня обойти никак нельзя, ибо работа Политбюро и Секретариата фактически проходила под моим руководством, Гришин позвонил мне и сказал, что по поручению Константина Устиновича он будет организовывать встречу и зачитает текст обращения. Звонить Черненко я не стал, но поинтересовался этим у его помощников, которые подтвердили изложенную Гришиным позицию генсека.

22 февраля на правах первого секретаря Московского горкома партии Гришин взял в свои руки бразды правления на встрече с избирателями и зачитал текст выступления Черненко. Я сидел в президиуме вместе с Лигачевым, Громько, Зимяниным, Кузнецовым и, честно говоря, очень переживал, что я участник этого фарса. А Гришин с присущей ему занудно-монотонной интонацией, пытаясь изобразить пафос, подъем и вдохновение, читал и читал текст. И было во всем этом что-то сюрреалистическое. Я не мог возразить, поскольку такова была воля самого Черненко, его последняя воля.

В конце концов, это еще можно было бы пережить. Но, по замыслу Гришина, закончился лишь первый акт трагикомедии. Впереди бы-

ло еще два: голосование Черненко и вручение ему удостоверения об избрании депутатом Верховного Совета РСФСР.

24 февраля привезли урну в соседнюю с его спальней комнату больницы, подготовили ее так, чтобы было непонятно, где происходит голосование. Черненко встал, преодолевая немощь, оделся (или его одели) и проголосовал перед телекамерой. Главное, по мнению Гришина, состояло в том, чтобы показать, что генсек еще в состоянии голосовать.

Апофеозом цинизма и безнравственности людей, выдававших себя за близких людей Черненко, но озабоченных лишь соображениями собственной корысти, было вручение ему депутатского удостоверения в присутствии Гришина, помощника генсека В.В.Прибыткова и первого секретаря Куйбышевского райкома партии Москвы Ю.А.Прокофьева.

Мало того, ему подготовили текст, с которым он, смертельно больной человек, должен был выступить. До сих пор у меня перед глазами согбенная фигура, дрожащие руки, срывающийся голос, призывающий к дисциплине и самоотверженному труду, падающие из рук листки. А я знаю, что и сам он падал... и был подхвачен Чазовым, но этот эпизод, разумеется, не показали.

Все это стало возможным вопреки категорическим возражениям Чазова, но с согласия или по желанию самого Черненко, которого подталкивали к этому Гришин и его ближайшее окружение. Это происходило 28 февраля. А 10 марта Константина Устиновича не стало.

Я только вернулся домой с работы, и сразу звонок Чазова с известием о смерти Черненко. Сразу после звонка я связался с Громыко, Тихоновым, Боголюбовым и назначил заседание Политбюро на 11 часов вечера.

По предварительной договоренности с Громыко, мы встретились минут на двадцать раньше назначенного времени.

Привожу по памяти состоявшийся тогда диалог.

— Андрей Андреевич, надо объединять усилия: момент очень ответственный.

— Я думаю, все ясно.

— Я исхожу из того, что мы с вами сейчас должны взаимодействовать.

Начали подъезжать другие члены Политбюро и Секретариата ЦК.

Открыв заседание, я сообщил о случившемся. Встали, помолчали. Заслушали приглашенного на заседание Чазова. Он кратко доложил историю болезни и обстоятельства смерти Черненко. Я сказал, что надо готовить документы, собирать Пленум ЦК КПСС.

На том и порешили. Лигачеву, Боголюбову, Соколову дали поручение обеспечить своевременное прибытие членов ЦК в Москву, с привлечением МПС и воздушного флота.

Создали похоронную комиссию, включив в нее всех членов Политбюро. Когда встал вопрос о председателе комиссии, вышла небольшая заминка. Тут надо сказать, что председателем комиссии по организации похорон умершего генсека, как правило, назначался будущий генсек. И Гришин вдруг говорит:

— А почему медлим с председателем? Все ясно. Давайте Михаила Сергеевича.

Я предложил не торопиться, назначить Пленум на 17 часов следующего дня, а Политбюро — на 14. У всех будет время — ночь и полдня — все обдумать, взвесить. Определимся на Политбюро и пойдем с этим на Пленум.

Так и решили. Стали подъезжать срочно вызванные работники аппарата ЦК. Создали группы для подготовки документов. С Медведевым, Яковлевым и Болдиным договорились о концепции моего выступления на Пленуме. Подход был такой: сразу заявить обществу и всему миру наши позиции.

Так дальше жить нельзя

Было уже около четырех утра, когда я приехал домой. Райса Максимовна меня ждала. Вышли мы с ней на территорию дачи: с самого начала проживания в Москве серьезные разговоры в квартире и на даче мы не вели — мало ли что. Долго ходили по тропинке в саду, обсуждая случившееся и возможные последствия.

Сейчас трудно в деталях восстановить тот наш разговор. Очень хорошо помню последние слова, сказанные мною в ту ночь:

— Понимаешь, ехал я сюда с надеждой и верой в то, что смогу что-то сделать, но пока мало что удалось. Поэтому, если я действительно хочу что-то изменить, надо принимать предложение, если, конечно, оно последует. Так дальше жить нельзя.

Уже подступало утро. Близился рассвет нового дня, поистине судьбоносного.

Утром позвонил Лигачев, сказал, что его буквально атакуют первые секретари, идут один за другим, допрашивают, каково мнение Политбюро по поводу будущего генсека. Я поехал в ЦК. Впереди — Политбюро и Пленум.

Много еще и сейчас гуляет всяких слухов по поводу заседаний Политбюро и Пленума. Суть их сводилась к тому, что якобы разразилась настоящая схватка, были предложены несколько кандидатур на пост генсека и Политбюро вышло на Пленум, так ни о чем и не договорившись. Все это просто байки, досужие домыслы. Ничего этого не было. И об этом известно участникам событий, многие из которых в полном здравии и сейчас.

Да, проблемы преемника в связи с резким ухудшением состояния здоровья Черненко обсуждались, кое-кто прицеливался, прояснял свой шанс. Партийный аппарат ЦК в те дни только этим и был занят.

То, что в самом составе руководства выкристаллизовались группировки, было фактом.

Были и те, кто не хотел Горбачева. Как-то незадолго до кончины генсека Чебриков, возглавлявший в то время КГБ, поделился со мной содержанием своей беседы с Тихоновым, пытавшимся убедить его в недопустимости моего избрания на пост Генерального секретаря. Чебрикова поразило, что Тихонов никого, кроме меня, не упоминал:

— Неужели сам претендовал на это место? — подумал он.

В то же время мои недоброжелатели не могли не знать о настроениях в обществе, о позиции первых секретарей, среди которых все больше созревала решимость не допустить, чтобы Политбюро вновь протащило на высший пост старого, больного или слабого человека.

Несколько групп первых секретарей обкомов посетили меня. Призывали занять твердую позицию и взять на себя обязанности генсека. Одна из таких групп заявила, что у них сложилось организационное ядро и они не намерены больше позволять Политбюро решать подобного рода вопросы без учета их мнения.

Не было Устинова, на поддержку которого можно было бы рассчитывать. Да и у Громыко по отношению ко мне появились какие-то новые, ревнивые нотки, особенно после моей поездки в Великобританию. Еще Андропов, как бы в качестве дани своему другу и партнеру, чтобы как-то его ублажить, сделал Андрея Андреевича первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Тогда Громыко занял кабинет в Кремле, сохраняя резиденцию на Смоленской площади. В окружении Андропова начали поговаривать о неумном стремлении Андрея Андреевича к власти, его большом тщеславии.

Интересно отметить, что при формировании внешнеполитических документов, заявлений четко просматривались две линии. Одна шла к Черненко от международного отдела ЦК, через А.М.Александрова, другая — мидовская. Первая содержала приглашение к переговорам, поискам соглашений, к либерализации и улучшению отношений. Вторая была более жесткой, можно сказать, железобетонной. Громыко открыто оказывал давление на Черненко, на беседах с иностранными делегациями нередко перебивал или бесцеремонно поправлял его. Он явно монополизировал внешнеполитическую сферу. Кстати, потому-то и возникло недовольство после моего визита в Англию.

Оказавшись де-факто у руководства Политбюро и Секретариата, я не допускал бесконтрольности за деятельностью МИДа. Потом мне стало известно, что вдруг заработал механизм по налаживанию взаимопонимания между мною и Громыко. Включились в это дело сын Гро-

мыко, Анатолий, и Крючков. Обо всем мне рассказал Александр Яковлев, бывший с Крючковым в близких отношениях. Громыко, реагируя на их соображения, вроде бы задумался и кое-что переосмыслил.

Ну а тогда, 10 марта, интуиция мне подсказывала, что ночь и полдня будут работать в нужном направлении: об этом свидетельствовала информация, поступавшая в ЦК. На Лигачева выходили партийные кадры, на Рыжкова другой клан — министры.

Хочу особо отметить, что никому, даже Лигачеву и Рыжкову, я не сказал определенно ни «да», ни «нет». Почему? Мне надо было выяснить все до конца. Я ведь понимал, о чем идет речь, в каком положении находится страна, что надо делать с кадрами. И если я пройду, получив только, как говорят, 50 процентов плюс один голос или что-то в этом роде, если избрание не будет отражением общего настроения, мне будет не по силам решать вставшие проблемы. Прямо скажу: если бы в Политбюро и в ЦК возникла дискуссия по этому вопросу, я снял бы свою кандидатуру, потому что для меня уже было ясно, что мы должны, выражаясь словами наших итальянских друзей, «пойти далеко».

В 14 часов я занял место председательствующего — в последнее время это было моим обычным местом — и, открыв заседание, сказал, что от имени Политбюро мы должны внести на Пленум ЦК предложение о Генеральном секретаре: была возможность все обдумать и взвесить.

Сразу встал Громыко и предложил мою кандидатуру, кратко аргументируя свое предложение. Некоторые мысли перекликались с тем, что он потом сказал на Пленуме. Вслед за ним взял слово Тихонов. Поддержали все. Было сказано, что мы уже фактически так и работаем, надо с этим выходить на Пленум.

Лигачев, выступая на XIX партконференции, говорил: «Надо сказать всю правду: это были тревожные дни. Могли быть абсолютно другие решения. Была такая реальная опасность».

Хочу вам сказать, что благодаря твердо занятой позиции членов Политбюро товарищей Чебрикова, Соломенцева, Громыко и большой группы первых секретарей обкомов на мартовском Пленуме ЦК было принято единственно правильное решение».

Не знаю, что хотел он этим сказать. То ли, что именно ему и названным им лицам обязан я своим избранием и что они предотвратили некую опасность, нависшую над страной? Ради прояснения истины приведу без комментариев выдержки из рабочей записи того заседания Политбюро.

«ГРОМЫКО. Скажу прямо. Когда думаешь о кандидатуре на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, то, конечно, думаешь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Когда заглядываем в будущее, а я не скрою, что многим из нас уже трудно туда заглядывать, мы должны ясно ощущать

перспективу. А она состоит в том, что мы не имеем права допустить никакого нарушения нашего единства. Мы не имеем права дать миру заметить хоть какую-либо щель в наших отношениях. Хочу еще раз подчеркнуть, что Горбачев обладает большими знаниями, значительным опытом, но этот опыт должен быть помножен на наш опыт. И мы обещаем оказывать новому Генеральному секретарю ЦК КПСС всевозможное содействие и помощь.

ТИХОНОВ. Что я могу сказать о Михаиле Сергеевиче? Это контактный человек, с ним можно обсуждать вопросы, обсуждать на самом высоком уровне. Это — первый из секретарей ЦК, который хорошо разбирается в экономике. Вы представляете, насколько это важно. Поэтому мнение мое безоговорочное: человеком, который годится быть Генеральным секретарем ЦК КПСС, является Михаил Сергеевич Горбачев.

ГРИШИН. Мы вчера вечером, когда узнали о смерти Константина Устиновича, в какой-то мере предрешили этот вопрос, договорившись утвердить Михаила Сергеевича председателем комиссии по похоронам. На мой взгляд, он в наибольшей степени отвечает тем требованиям, которые предъявляются Генеральному секретарю ЦК.

СОЛОМЕНЦЕВ. Он хорошо готовится к заседаниям Секретариата ЦК и Политбюро, вносит при рассмотрении вопросов новые предложения, высказывает интересные мысли. Этот дух новаторства очень ценен. Другой кандидатуры у нас просто нет.

КУНАЕВ. Я хочу доложить вам, мне поручено сказать на заседании Политбюро о том, что, как бы здесь ни развернулось обсуждение, коммунисты Казахстана будут голосовать за избрание Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева.

РОМАНОВ. Он эрудированный человек. Например, очень быстро разобрался во многих сложнейших вопросах научно-технического прогресса. Николай Александрович Тихонов говорил здесь о работе Михаила Сергеевича Горбачева в Комиссии по совершенствованию хозяйственного механизма. Тон в этой комиссии задает т. Тихонов, а Михаил Сергеевич, опираясь на отделы ЦК, тактично вносит свои предложения, которые в большинстве своем поддерживаются Комиссией. Считаю, что он будет полностью обеспечивать преемственность руководства в нашей партии и вполне справится с теми обязанностями, которые будут на него возложены.

ВОРОТНИКОВ. Сама логика жизни подвела нас к этому решению. Его важнейшие качества — ответственность, умение прислушиваться к мнению других, знание дела. Вот почему он завоевал большой авторитет среди партийного актива. И все товарищи (а мне пришлось встретиться сегодня с большим числом представителей областных партийных организаций России) высказываются за то, чтобы избрать т. Горбачева М.С. Генеральным секретарем ЦК КПСС.

ПОНОМАРЕВ. В последнее время мы много занимались новой редакцией Программы партии. И я лично убедился, что он глубоко владеет марксистско-ленинской теорией, умеет разбираться в самых сложных программных вопросах.

ЧЕБРИКОВ. Я, конечно, советовался с моими товарищами по работе. Ведомство у нас такое, которое хорошо должно знать не только внешнеполитические проблемы, но и проблемы внутреннего, социального характера. Так вот с учетом всех этих обстоятельств чекисты поручили мне назвать кандидатуру т.Горбачева М.С. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Вы понимаете, что голос чекистов, голос нашего актива — это и голос народа.

ДОЛГИХ. Все мы едины в том мнении, что у него за плечами не только большой опыт, но и будущее.

КУЗНЕЦОВ. В некоторых зарубежных журналах, особенно американских, делались самые невероятные прогнозы, высказывались самые различные домыслы по поводу противоречий внутри Политбюро. Но наше единство ничем не поколебать.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Я знал Михаила Сергеевича Горбачева еще до его работы секретарем ЦК КПСС. Скажу прямо — такое решение ждет сегодня вся наша страна и вся наша партия.

ЛИГАЧЕВ. Для М.С.Горбачева характерен большой азарт в работе, стремление к поиску в малых и больших делах, умение организовать дело. А это, как вы понимаете, имеет огромное значение для всей партийно-организационной работы... М.С.Горбачев пользуется большим уважением в партийных, профсоюзных, комсомольских организациях, в активе нашей партии, в народе в целом. Мне об этом сегодня говорили многие секретари обкомов и крайкомов партии. Выдвижение М.С.Горбачева вызовет чувство гордости в нашем народе, поднимет авторитет Политбюро ЦК КПСС.

ГОРБАЧЕВ. Мы переживаем очень сложное, переломное время. Нашей экономике нужен больший динамизм. Этот динамизм нужен и нашей демократии, нашей внешней политике. ...Вижу свою задачу прежде всего в том, чтобы вместе с вами искать новые решения, пути дальнейшего движения нашей страны вперед... Нам надо набирать темпы, двигаться вперед...»

На заседании Политбюро не было Щербицкого. Он во главе парламентской делегации был в Америке и вернулся уже к самому Пленуму. Арбатов, который был с ним в поездке, утверждал, что Щербицкий сразу принял решение возвращаться и твердо сказал, что будет поддерживать Горбачева. Думаю, он, будучи реалистом, понимал, что его шанс ушел.

Впереди был Пленум. Из обмена мнениями с товарищами, каждый из которых зондировал обстановку в ЦК, было очевидно: мнения чле-

нов Центрального Комитета настолько в пользу моей кандидатуры, что этот массовый настрой не дает возможности для какой бы то ни было дискуссии, не оставляет надежд на какие-либо другие варианты.

В пять часов начался Пленум, и я сразу почувствовал атмосферу полной поддержки, еще более утвердившейся под влиянием речи Громыко, который по поручению Политбюро предложил мою кандидатуру на пост Генерального секретаря ЦК. Произнесенная без письменного текста, она производила впечатление экспромта и оттого казалась особенно искренней, несла мощный эмоциональный заряд. Это было хорошо продуманное, взвешенное выступление, воздействие которого усиливалось тем, что оно было созвучно настроению зала.

Я был взволнован: никогда раньше мне не приходилось слышать о себе таких слов, такой высокой оценки.

Вся обстановка Пленума и овация, начавшаяся после того, как была названа фамилия Горбачева, единодушные члены ЦК при избрании меня генсеком — все это показало, что мы с ближайшими моими коллегами поступили правильно, когда после обмена мнениями решили, что в моей речи на Пленуме надо сразу серьезно заявить о наших стратегических позициях и замыслах. Все ждали, что же будет сказано новым советским лидером.

Интуитивно ощущая все это, я решил, что необходимо, не уходя от темы прощания с Черненко, уже в первых публичных выступлениях сказать о моей принципиальной позиции. Этого требовала ситуация.

На Пленуме я подчеркнул, что стратегическая линия, выработанная на XXVI съезде, последующих пленумах ЦК остается в силе. Это — линия на ускорение социально-экономического развития страны, на совершенствование всех сторон жизни общества.

Хочу признать, что в этом утверждении была сознательно допущена небольшая натяжка. Ссылка на XXVI съезд была необходима для соблюдения правил игры, но политическая линия была сформулирована иначе, чем на съезде, — не было упоминания о развитии социализме, зато говорилось об ускорении социально-экономического прогресса в соответствии с новыми представлениями.

Была уже подчеркнута главная мысль, что ускорение можно обеспечить лишь путем перевода народного хозяйства на рельсы интенсивного развития, выхода в короткие сроки на самые передовые научно-технические позиции, на высший мировой уровень производительности труда. А для этого необходимо настойчиво совершенствовать хозяйственный механизм и всю систему управления.

В связке с экономическими задачами было сказано об усилении внимания к социальной политике, совершенствованию и развитию демократии, формированию общественного сознания.

Не были обойдены вопросы порядка, дисциплины, законности. Подчеркнута необходимость гласности в работе партийных, советских, государственных и общественных организаций.

Что касается внешней политики — заявлена преемственность в осуществлении курса мира и прогресса. Наши позиции были изложены предельно ясно: «Мы хотим прекращения, а не продолжения гонки вооружений — и потому предлагаем заморозить ядерные арсеналы, прекратить дальнейшее развертывание ракет; мы хотим действительного и крупного сокращения накопленных вооружений, а не создания все новых систем оружия».

В отношении КПСС было отмечено, что партия — это та сила, которая способна объединить общество, поднять его на огромные перемены, которые просто необходимы. Именно исходя из этого мы должны провести подготовку к партийному съезду, на котором утвердить новую Программу партии и определить перспективы до 2000 года. Заканчивалась речь выражением твердой убежденности, что мы сможем полнее раскрыть созидательные силы социализма.

Таков смысл моего выступления на внеочередном Пленуме ЦК КПСС 11 марта 1985 года. По сути дела, это было нашим кредо, пусть в первоначальном виде и как декларация намерений.

Идеи эти не сразу, не вдруг пришли мне в голову. Многие из них уже содержались в предшествующих выступлениях, в частности, на декабрьском Пленуме 1983 года, на идеологической конференции в декабре 1984 года, на встрече с избирателями Киевского избирательного округа города Москвы по выборам в Верховный Совет РСФСР 20 февраля 1985 года.

В выступлении на Пленуме уже были расставлены более определенные акценты, вопросы ставились круче, чем раньше. Главная мысль — довести до сознания общества, что мы стоим перед серьезным выбором и перед необходимостью глубоких перемен. И что намерения у нас на этот счет самые решительные.

Что касается внешнеполитического раздела, то я не выходил за рамки проблематики, которую поднимал в последнее время. Тем не менее тональность была другой. И это тоже было сделано специально. Тут, прямо скажем, веяло миролюбием, приглашением к диалогу.

Читатель подумает: а что особенного сказал Горбачев в те мартовские дни 1985-го? Да, конечно, с позиций сегодняшнего дня можно на все это смотреть как на стереотипы. Но это с нынешних позиций. И совсем по-другому это оценивается, когда знаешь, что именно отсюда все начиналось.

Я надеялся, что все предложенное мною найдет отклик. Позиции по внутриполитическим проблемам да и вся речь получили поддержку Пленума. Люди этого не скрывали. Впервые за многие годы, может быть, чувствовалась атмосфера неподдельного энтузиазма.

Идеи внешнеполитического раздела речи тоже не остались без ответа. Когда по традиции проходило краткое представление зарубежных делегаций, прибывших для участия в похоронах Черненко, я почувствовал что-то вроде встречного движения, понял, что мои слова услышаны. Даже краткие реплики во время рукопожатий говорили об этом.

Тогда же состоялись важные встречи с «основными действующими лицами». Я решил, что буду беседовать в присутствии министра иностранных дел. Так мы и сделали. Встречи были содержательные, и было их много. С Бушем, Колем, Миттераном, Тэтчер. Интересная беседа состоялась с Накасонэ.

Менее чем за три года, один за другим, ушли из жизни три генеральных секретаря, три лидера страны, несколько наиболее видных членов Политбюро. В конце 1980 года скончался Косыгин. В январе 1982 года умер Сулов. В ноябре — Брежнев. В мае 1983 года — Пельше. В феврале 1984-го — Андропов. В декабре — Устинов. В марте 1985-го — Черненко.

Был во всем этом символический смысл. Умирала сама система, ее застойная, старческая кровь уже не имела жизненных сил.

Я понимал, какое бремя ответственности на меня возложено. Это было для меня самой большой нравственной нагрузкой.

Домой в тот день вернулся поздно. Все меня ждали, даже пятилетняя внучка Ксения, которой надо было уже спать. Так уж сложилась, сформировалась наша семья. Все были торжественны, взволнованны, но ощущалась и тревога за будущее. Раиса Максимовна вспомнила в своей книге (это у нее в дневниках было), что внучка сказала мне:

— Дедуленька, я тебя поздравляю, желаю тебе здоровья, счастья и хорошо кушать кашу.

Расхлебывать кашу мне действительно пришлось.

Да, время идет. На днях услышал от младшей, Настеньки, прямо-таки философское рассуждение:

— Дедуля, ты посмотри — зима, весна, лето, осень, и вот так годы возвращаются, все время одно за другим идет.

Да, время действительно шло...

Часть II

В КРЕМЛЕ

Глава 9

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

«Рукописи не горят»

На протяжении своей жизни я никогда не вел дневников, но постоянно пользовался блокнотами, которых за годы накопилось множество.

Это была моя личная рабочая лаборатория. После ухода с поста президента в декабре 1991-го, бесцеремонных в отношении меня действий российских властей я не исключал самых разных сценариев развития событий. Тогда, в частности, решили освободиться от значительной части огромной домашней библиотеки, а также бумаг «непервостепенной» важности, в том числе записных книжек.

Однако «рукописи не горят», не все они оказались уничтоженными. Некоторые сохранила Раиса Максимовна, одна обнаружилась в бумагах Черняева. Эти находки помогли восстановить в памяти события и факты того времени, многое из того, что определило замысел перестройки.

На первых страницах блокнота, сохранившегося у Черняева, пометки о беседах с жителями Пролетарского района Москвы и поездке в Ленинград, встречах с руководителями промышленности, колхозов и совхозов, учеными и специалистами, записи поручений членам Политбюро и правительства. Одни — короткие, другие — более подробные, как, например, разговор с Долгих о положении в нефтегазовой промышленности. Кунаев, Шеварднадзе, Щербицкий доложили по телефону об обстановке в республиках. Руководитель Компартии Киргизии Усубалиев и секретарь Башкирского обкома Шакиров жаловались на Госплан. На многих страницах записи по кадровым вопросам: об освобождении от должности Г.Романова, переводе на дипломатическую работу Б.Стукалина, назначении С.Колпакова министром черной металлургии, утверждении Б.Ельцина заведующим строительным отделом ЦК.

Чтобы дать представление о том, чем были заполнены первые дни и месяцы моего пребывания в роли генсека, приведу несколько записей, как они есть.

Мартовские: «Для беседы с Громыко: 1. О Женевских переговорах (за продолжение переговоров). 2. По письму Рейгана — дать ответ (рамки новые). 3. Снять расхождения сторон к подписанию протокола о продлении Варшавского Договора. 4. О 10-летию Хельсинкского соглашения. 5. Ответ президенту Миттерану (развернутое письмо). 6. Ответ Радживу Ганди (письмо с концепцией встречи. Время — конец мая — первая половина июня). 7. Обращение канцлера Коля о доверительном канале связи. 8. Афганистан. Нужен реалистический план. 9. Письмо президенту Сирии Х.Асаду. 10. КНР — конструктивная линия на переговорах. 11. Пакистан — продолжаем взятую линию».

И еще одна запись, касающаяся афганской темы: «Необходимо поэтапное урегулирование конфликта; провести беседу с афганским руководством (Бабрак Кармаль) о расширении базы режима; переговорить с Соколовым и Ахромеевым по военным аспектам проблемы. Очень важно: полная сдача позиций недопустима».

«27 марта 1985 года: 1. Качество. 2. Бой пьянству. 3. Малообеспеченная часть населения. 4. Земля под сады и огороды. 5. Медицина».

К встрече с Громыко, Чебриковым, Лигачевым: «1. О предстоящем Пленуме ЦК (договориться о Председателе Президиума Верховного Совета СССР, о членах Президиума, о председателе Комиссии по иностранным делам; о Романове Г. В.; о секретаре ЦК по оборонным делам). 2. О министре иностранных дел: не стоит ограничиваться рамками МИДа... Нужна крупная политическая фигура».

Пометки о беседе с редактором «Литературной газеты» А. Чаковским: «1. Аппарат Старой площади отторгает установку руководства на приведение пропаганды в соответствие с новыми задачами (намек на Зимянина и Стукалина). Все отделы ЦК, связанные с идеологией, надо объединить в один. 2. Нужна перестройка телевидения: идет борьба фактов, и мы эту борьбу проигрываем. «Правда» должна идти в ногу. Пропаганда марксизма ведется скучно, молодежь теряет к нему интерес. 3. Необходимо научное и объективное изучение истории: надо в ней разобраться, в том числе и в нашей новейшей истории. 4. Если мы хотим, чтобы новая политика получила поддержку, надо восстановить веру в социалистические идеалы. 5. О делах литературных: ползучая групповщина в литературе и творческой среде; идеализация прошлого. Нужна поддержка тем, кто стоит на четких позициях. Большая литература должна идти в ногу с новыми задачами. 6. Не надо запугивать советский народ американским оружием».

Беседа с академиком Ю.Б.Харитоновым: «1. О проведении экспериментов, связанных с ядерной накачкой для получения лазерного излу-

чения. 2. Об изучении ЭМИ (электромагнитные излучения), их возможного влияния на системы управления ракетами. 3. О срочном оснащении Центра быстродействующей вычислительной техникой».

Даже эта часть пометок показывает, какая на меня обрушилась лавина проблем. Я уже начал опасаться, что выработка общей политики будет отодвинута куда-то на задний план, а генсеку придется денно и нощно выслушивать информацию и принимать оперативные решения — кому строить метро, как осуществить мелиорацию в регионе, где приобрести вычислительную технику и т. д. Между тем надо было безотлагательно заняться программой, которая остановила бы сползание страны к кризису, открыла ей перспективу.

Вне рамок аппарата

По традиции оценки и предложения генсека следовало представить на рассмотрение центральных органов партии и обсудить в партийных организациях. Надо было прежде всего определиться, как быть с Программой КПСС, которая настолько устарела, что на нее стеснялись ссылаться и всякое упоминание о ней сопровождалось ироническими ухмылками. Работа над проектом новой Программы велась и при Андропове, и при Черненко. Но, поскольку в созданной для этого группе тон задавал Р. Косолапов, от представленных материалов за версту несло духом фундаментализма. Это были все те же привычные марксистские догмы (скорее даже псевдомарксистские), изложенные слегка осовремененным языком.

Конечно, для формулирования по-настоящему реалистических оценок и выдвижения крупных идей и сами мы, и общество были тогда еще не готовы. Между тем собрать съезд, чтобы закрепить новый политический курс и решить кадровые вопросы, было необходимо. Предложение не торопиться с Программой мне высказывали. Однако я полагал, что мы не должны уподобляться библейским пророкам, вещающим толпе непререкаемые истины. Сама работа над новым программным документом, его обсуждение в прессе и на собраниях коммунистов, наконец, на съезде виделись мне как способ привести в движение партию и общество, сделать их восприимчивыми к перестроечным замыслам. Эти соображения разделили все члены партийного руководства, не скажу уж, кто по убеждению, а кто просто, чтобы не перечить генсеку.

С самого начала своей работы на этом посту я взял за правило — при обсуждении важнейших решений не ограничиваться рамками партийных структур. Как уже упоминалось, Политбюро в 1984 году, как и пятнадцать лет назад, отложило Пленум ЦК по вопросам научно-технического прогресса. Понимая сложность проблемы и необходимость свободного обмена мнениями, мы решили не возвращаться к идее со-

зыка Пленума, а провести Всесоюзное совещание. К нему надо было основательно подготовиться. Первым шагом стала встреча в ЦК с практическими работниками сферы экономики, учеными, партийными руководителями. Разговор получился вполне откровенным. Принципиальное значение имели открытое признание на этом авторитетном форуме технологического отставания страны и вывод о необходимости изменения хозяйственного механизма, предоставления широкой самостоятельности предприятиям. Аргументируя важность подобных изменений, кто-то из участников встречи с иронией говорил: окажись частный предприниматель в наших условиях, когда все расписано сверху, он сбежал бы через день-два.

Еще одна мысль, высказанная мной и поддержанная с энтузиазмом: нам не удастся осуществить реформы в экономике, если не займемся основательной перестройкой управленческих структур и децентрализацией управленческих функций. Мнение было единым — без этого никакие реформы не пойдут, будут сорваны. Любопытно, что в таком духе высказывались и некоторые заматерелые чиновники — видимо, считали, что к ним это не относится или вообще не верили в возможность серьезных новаций.

На совещании вспомнили, как Андропов наводил дисциплину и порядок в стране. Немалого можно добиться за счет жесткой требовательности, налаживания ритмичной работы, но это все-таки паллиатив, не способный компенсировать недостатки в стимулировании труда и экономическом механизме. Подобным признанием как бы преодолевалось узкое понимание дисциплины, последняя связывалась уже с повышением культуры производства.

В общем, первый после мартовского Пленума «выход за аппаратные рамки» оказался продуктивным. В середине апреля я встретился с работниками завода имени Лихачева: побывал в автосборочном корпусе, жилым квартале, в больнице, магазинах, а основной разговор с заводцами состоялся в небольшом конференц-зале ЗИЛа. Тогда я впервые публично сказал, что с начала 70-х годов мы все больше отстаем от развитых стран, падение темпов роста серьезно осложняет ситуацию в экономике, социальной сфере, решение задач обороны страны. Раньше мы добивались высоких темпов за счет включения огромных трудовых и природных ресурсов. Теперь ни того, ни другого нет. Очередная демографическая волна — эхо войны — привела к дефициту рабочих рук, да и на привлечение новых материальных и природных ресурсов рассчитывать не приходится. Во-первых, они безграничны, а во-вторых, их получение требует колоссальных затрат. Остается одно — добиваться роста производительности труда посредством внедрения прогрессивного оборудования, автоматике, менее энергоемких и безотходных технологий. Таким путем можно и нужно обеспечить не

менее четырех процентов роста ежегодного национального дохода.

Эти оценки и намерения встретили у собравшихся живой отклик. И мне кажется, главное тут было не в традиционной готовности оказать уважение «высокому гостю». ЗИЛ, как и многие другие индустриальные гиганты, уже тогда жил с предощущением кризиса.

Апрельский Пленум

Обычно на пленумах сначала обсуждался главный вопрос, в конце — организационный. На этот раз мы решили нарушить традицию, начав с небольшой «встряски». Открыв Пленум 23 апреля, я предложил избрать членами Политбюро Лигачева, Рыжкова и Чебрикова, а Никонова — секретарем ЦК. Голосовали, как всегда, безотказно. Поздравив избранных, я попросил членов Политбюро подняться в президиум. Рядом с собой посадил Лигачева и передал ему председательствование: «Ну что ж, Егор Кузьмич, предоставляй мне слово для доклада». Сделал это сознательно, чтобы стала ясной новая расстановка в Кремле.

На апрельский Пленум 1985 года утвердился взгляд как на точку отсчета истории перестройки, хотя отсчет точнее вести с марта — уже там новый Генеральный секретарь заявил о предстоящих переменах. Кстати, недавно на одной из встреч деятелей культуры в Фонде Горбачева кинорежиссер Марлен Хуциев заметил, что основное было сказано уже в моем выступлении с Мавзолея при похоронах Черненко — потом шло наполнение программы. И это близко к истине.

При всем том концепция новой политики была все же официально изложена на апрельском Пленуме в докладе «О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением». Перечитывая доклад, я отчетливо вижу, как тяжело мы расставались с идеологическими клише, мучительно преодолевали укоренившиеся догмы и предрассудки. Начинал я, как и в марте, с подтверждения преемственности курса XXVI съезда КПСС. Без таких клятв и заверений в то время немислимо было обойтись. Но тут же пояснялось: «В ленинском понимании преемственность означает неременное движение вперед, выявление и разрешение новых проблем, устранение всего, что мешает развитию. Этой ленинской традиции мы должны следовать неукоснительно, обогащая и развивая нашу партийную политику, нашу генеральную линию на совершенствование общества развитого социализма».

В одной фразе как бы соединились два начала: одно — «неременное движение вперед, выявление и разрешение новых проблем», другое — «совершенствование развитого социализма». Для любителей «цитатных» диссертаций, мастеров жонглировать фразами, вырванны-

ми из исторического контекста, главным является то, что и Горбачев, мол, клялся «развитым социализмом», а потом «предал» его. Для меня же, для тех, кто начал перестройку, главным было «устранение всего, что мешает развитию». Этому принципу я оставался верен при всех сложнейших перипетиях перестройки.

«Противоречия» подобного рода можно обнаружить без особого труда и в других местах доклада. В нем присутствует общепринятый в те годы тезис, что, «опираясь на преимущества социализма, страна в короткий исторический срок совершила восхождение к вершинам исторического и социального прогресса». А буквально через два абзаца обосновывается «необходимость дальнейших изменений и преобразований, достижения нового качественного состояния общества, причем в самом широком смысле слова. Это прежде всего научно-техническое обновление производства и достижение высшего мирового уровня производительности труда. Это совершенствование общественных отношений, и в первую очередь экономики. Это глубокие перемены в сфере труда, материальных и духовных условий жизни людей. Это активизация всей системы политических и общественных институтов, углубление социалистической демократии, самоуправления народа».

Да, мы отдавали должное сделанному предшествующими поколениями, но самой постановкой вопроса о переходе к новому, качественно новому состоянию общества давали понять, что прежние формы жизни исчерпали себя, нужны радикальные перемены. И главным их рычагом называлось форсирование научно-технического прогресса, предполагающее реконструкцию отечественного машиностроения, производство нового поколения машин и оборудования, применение высоких технологий. Наряду с этим выдвигалась идея децентрализации управления экономикой, расширения прав предприятий, внедрения хозяйственного расчета, повышения ответственности и заинтересованности трудовых коллективов в конечных результатах своей деятельности.

Со времен революции на партийных съездах и пленумах, сессиях ВЦИК и Верховного Совета многократно обсуждался вопрос о громоздкости и низкой эффективности аппарата управления, его пораженности бюрократизмом. Принимались строгие решения, а численность аппарата неуклонно росла, поскольку стремились решать проблемы созданием новых управленческих структур. Нужно было менять саму систему руководства экономикой, оставить на долю верхних эшелонов социально-экономическую и научно-техническую стратегию, а все остальное передать на усмотрение производственных коллективов.

Решение социальных вопросов имелось в виду увязать с модернизацией и реформированием экономики, расширением прав местных органов власти, с преодолением уравниловки, перекрытием каналов нетрудовых доходов. Предусматривая разработку социальной программы к

XXVII партийному съезду, уже тогда задавались вопросом: возможно ли одновременно модернизировать производство и осуществлять крупные меры в социальной области? И делали вывод, что это возможно при строгом соблюдении требования об опережающем развитии производственной сферы. Иначе говоря, наше мышление все еще оставалось в плену привычных постулатов.

Среди проблем, которые апрельский Пленум определил как неотложные и жизненно важные, были названы жилье, продовольствие, реформа народного образования, создание современной базы здравоохранения. Словом, были определены главные направления развития экономики и социальной сферы. Внутренние вопросы, прежде всего разработка концепции реформ, составляли основное содержание дискуссии. Что касается внешней политики, то в докладе была лишь лаконично подтверждена позиция СССР по актуальным международным проблемам на тот момент.

Хотя апрельский Пленум был, несомненно, прорывом в будущее, на нем лежала печать времени. Вся ставка делалась на КПСС, повышение ее «руководящей роли». Тема демократии свелась к декларации, что «решить сложные и масштабные задачи... можно только опираясь на живое творчество народа». Взвзвись за решение исторической задачи обновления общества, реформаторы не могли, естественно, разом освободить свое сознание от прежних шор и оков. Мы, как, вероятно, все политические лидеры в переломные моменты истории, должны были вместе с народом пройти путь мучительных поисков. Тут, мне кажется, нет предмета для иронизирования, циничных насмешек. Вот почему я достаточно спокойно отношусь к попыткам злословить на противоречиях: смотрите, мол, что говорил Горбачев в 1985, 86, 87-м годах, а что в 91-м или 94-м.

Резюмируя, можно сказать, что на апрельском Пленуме мы предложили новую политику, сформулированную — если употребить парламентское выражение — в «первом чтении».

По городам и весям

Перестройка началась сверху. Иначе и быть не могло в условиях тоталитаризма. Но опыт прошлых лет показывал — если реформаторские импульсы не будут подхвачены массами, они обречены. Надо было как можно скорее вытаскивать общество из летаргии и равнодушия, включать в процесс перемен. В этом я видел гарантию успеха задуманной перестройки, об этом говорил на апрельском Пленуме, такую цель преследовали и мои поездки по стране.

15 мая я поехал в Ленинград. По традиции посетил памятные места, возложил цветы на Пискаревском кладбище. Побывал на крупнейших предприятиях — «Электросила», «Кировский завод», «Светлана»,

«Большевичка», встретился с преподавателями и студентами Политехнического института, посетил выставку «Интенсификация-90». А в конце поездки в Смольном — встреча с активом.

Ленинградцы были не просто вежливы и гостеприимны. Зная о решениях апрельского Пленума, они с напряженным вниманием слушали мои пояснения, спрашивали, давали советы, подбадривали. Для меня было очень важно услышать чье-то напутствие: «Так держать!».

Тогда и у нас, и в зарубежной прессе появились первые наблюдения о стиле нового генсека: «Горбачев любит ходить в народ». Действительно, я всегда ощущал потребность в таком прямом общении и меньше всего при этом держал в голове меркантильный расчет на популярность. Короткие беседы, мини-интервью в заводском цеху, на колхозном поле, в институтской аудитории, а чаще всего — на улицах были для меня важнее социологических опросов.

Правда, поначалу людей было нелегко разговорить. Побаивались, скрытничали. А в большинстве — я это чувствовал, выдавали глаза — просто не очень верили в серьезность наших намерений. Сколько раз слышали громогласные заверения и обещания, а в жизни мало что менялось.

На лицах моих собеседников буквально можно было прочесть: «Хорошо говоришь, да разве дадут тебе что-то сделать. Попрыгаешь год-другой, а там — махнешь рукой и начнешь вешать себе на грудь золотые звезды. Все это мы уже проходили».

И как бы отвечая на эти сомнения, давая понять, что на сей раз задумано то, что мы еще не проходили, я говорил: «Мы должны всем нашим кадрам дать шанс понять требования момента и начать работать по-новому. Но тот, кто тормозит решение стоящих задач, тот просто должен уйти с дороги, не мешать. Надо перестраиваться всем — от рабочего до министра, от рядового коммуниста до секретаря ЦК партии».

В конце июня я поехал на Украину. Встретился с киевскими авиастроителями, создавшими знаменитый самолет-грузовик «Руслан». Посетил Институт электросварки имени Е.О.Патона — его возглавлял Борис Евгеньевич Патон — крупнейший наш ученый, да и политик незаурядный; его поддержку я чувствовал все годы перестройки. Из Киева вылетел в Днепропетровск, полагая, что раз мы начинаем критическое осмысление брежневского периода, то и сказать людям об этом уместно на родине Брежнева. Выступая 26 июня на Днепропетровском металлургическом заводе, я прямо спросил собравшихся: «Может быть, у кого-то возникнет вопрос: а не круто ли мы заворачиваем? Как вы считаете?» Раздались голоса: «Правильно, так и нужно!» Спрашиваю: «Это что, отдельные голоса или общее мнение?» В ответ дружно: «Общее!»

В конце поездки я встретился с членами ЦК, первыми секретарями обкомов, руководящими работниками республиканских государственных органов — теми, кто держал в своих руках реальную власть и от позиции которых во многом зависела реализация курса апрельского Пленума на Украине. Хотя все предшествующие дни мы неразлучно были со Щербицким, я видел, как он волновался. Да и сам я не был спокоен. Надо было найти верный тон разговора с украинским руководством: сказать без обиняков не слишком приятные вещи и притом постараться установить взаимопонимание.

Украина, ее граждане заслуживали признания за свой вклад в общесоюзные дела. Но для многих участников встречи оказались неожиданными данные о том, что темпы роста сельскохозяйственного производства в республике снизились и хлеб на Украину уже приходится завозить со стороны. А ведь в зале сидели власти предрержащие. Это были плоды их деятельности — самая благодатная для сельского хозяйства республика не обеспечивала себя зерном. Затем на фактах и цифрах я показал незавидное состояние ведущих отраслей индустрии, всегда бывших предметом гордости республики, — угледобычи, металлургии, машиностроения. В общем, на этой встрече сложилась непривычная для украинских руководителей обстановка. До сих пор с ними никто так не разговаривал. Украина, ее проблемы всегда являлись прерогативой Брежнева, а он в силу особой своей привязанности закрывал глаза на происходящее. Впрочем, эта своеобразная «деликатность» объяснялась в еще большей мере нежеланием нажать себе скрытых недоброжелателей и подорвать благостное единство руководящих кадров в центре и на местах. Ведь Брежнев не мог не знать о безобразиях, творившихся в Узбекистане, злоупотреблениях в других республиках и российских областях. Однако предпочитал не поднимать шума и не выносить сор из избы. Разве что пожурит с глазу на глаз проштрафившегося руководителя и уж в крайнем случае пошлет послом.

Что позволило мне уже на первой встрече поведи с украинцами откровенный, честный разговор? В словах моих не было ни грана напраслины. Я с чистой совестью мог напомнить о немалых успехах, достигнутых в прошлом при участии тех же кадров. Ну и, наконец, дал понять, что, если они по-настоящему возьмутся за дело, поддержка будет масштабная.

Написав это, задумался над тем, что в то время все еще находился во власти иллюзии, будто можно успешно решать новые задачи, творить радикальные реформы с тем же руководящим слоем. Было в нем много талантливых, одаренных людей, прекрасных организаторов и специалистов, не одни чинуши и беспринципные ловкачи. Но в том-то и дело, что свою миссию они выполняли методами командной системы и вместе с нею исчерпали свои возможности, начали почивать на лав-

рах. А лавры на глазах убывали, как иссохший лист. Поздновато я все это понял, да и не мудрено: сам ведь вышел из этой среды, болел ее болезнями. Ну а тогда итогами своей поездки на Украину я был доволен. Она была уважительной с обеих сторон. Киевляне и днепропетровцы заявляли о готовности всячески поддержать курс нового генсека, а я не скрывал своих симпатий к ним. Вечером 25 июня во дворце «Украина» мы с Раисой Максимовной были приглашены на концерт народного хора имени Г.Вережки. С детства я любил украинские песни и пляски и в тот день испытал огромное наслаждение.

Решения апрельского Пленума были в центре моей поездки в Минск. Запомнились два состоявшихся там выступления: 10 июля перед участниками сбора руководящих военных кадров, на другой день — в ЦК Компартии Белоруссии. По реакции на выступления, характеру вопросов и реплик минчан я вынес впечатление, что и здесь новый курс партии встречает благожелательный отклик. Вместе с Раисой Максимовной посетили Хатынь, все жители которой были уничтожены фашистами в годы оккупации. Там, где когда-то стояли крестьянские избы, высится монумент — старик с мертвым ребенком на руках. А на пепелищах домов, словно обгоревшие печные трубы, каменные столбы с колоколами. Их протяжный скорбный перезвон напоминает о страшной войне, ее бесчисленных жертвах.

Первые поездки показали, что полагаться на агитпроп, да и на моих соратников в разъяснении политики перестройки нельзя. Как ни сложно со временем, надо продолжать прямое общение с народом, увидеть своими глазами, что происходит, понять, чем дышат большие и малые начальники.

Не теряя времени я стал готовиться к поездке в Восточную Сибирь. Хотелось на месте разобраться в причинах неблагополучного положения с добычей нефти и газа, посмотреть, как живут люди, — уж очень много недовольства высказывалось ими в письмах в ЦК КПСС. 4 сентября мы с Долгих, Ельциным, Байбаковым, министром газовой промышленности В.С.Черномырдиным прибыли в Тюменскую область. Знакомство началось с Нижневартовска — столицы нефтяного края. Потом добрались до расположенного у Полярного круга Уренгоя, где разворачивалась масштабная работа по добыче и транспортировке газа. Побывали в Сургуте на строительстве электростанции и микрорайонов города.

Разговор с нефтяниками и газовиками получился на редкость острым. Проблемы, с которыми им приходилось сталкиваться ежедневно, выходили за рамки местных интересов. Наращивание экономической мощи государства упиралось в освоение этого сурового, труднодоступного, необжитого края. Изначально были допущены большие просчеты, негативные последствия которых уже начали сказываться на всем.

Вроде бы прописная истина: если есть намерение развернуть крупное производство в незаселенных или малонаселенных местах, надо позаботиться об опережающем создании инфраструктуры: дорогах, жилье, свете, тепле. А школы, больницы, библиотеки, стадионы — словом, все, что нужно для нормального человеческого жития!

И сейчас перед глазами встреча в Уренгое: на улицы вышли все жители города. Люди довольны, что к ним наконец приехал «главный» — разговор прямой, беспощадный. «Как же так, живем в «балках» или железнодорожных вагончиках! Всего не хватает. Здесь, за Полярным кругом, не можем добиться регулярных рейсов самолетов, связи со столицей, другими городами! Газ нужен Союзу, Европе, а мы, выходит, никому не нужны?»

Поведали они мне о том, что торговые организации направляют покорителям Сибири залежалый товар, который не могут сбыть в других городах. В регионе не хватает электроэнергии — хотя строительные мощности позволяют решить эту задачу, кто-то должен распорядиться о продлении строительства новых мощностей на Сургутской ГРЭС. Да что там ГРЭС! На местном молочном заводе недостает мощностей, которые можно построить в течение месяца. И этот элементарный вопрос не решается.

Я столкнулся просто с абсурдными вещами. Оказывается, машиностроители поставляли на Север машины и нефтеоборудование чуть ли не россыпью, вместо того чтобы, применяя индустриальную сборку, доставлять их в виде крупных узлов. В результате приходилось создавать целые сборочные цехи, что требовало дополнительной рабочей силы, а значит, дополнительного жилья и всего прочего.

Мне импонировало, что люди, приехавшие в Сибирь, чувствовали себя не временщиками, а хозяевами, возмущались организацией работ, в результате которой безжалостно губятся лес, реки, почва. С самого начала была сделана ставка на фонтанирующую нефть, о рациональном использовании природных ресурсов не заботились. Тысячи факелов денно и нощно пылали по всей тюменской земле. Глубина переработки нефти составляла здесь 58 процентов, а в мире она приближалась к 80 процентам. Из одного кубометра древесины здесь производилось продукции в два раза меньше, чем по Союзу, по сравнению же с развитыми странами Запада — в несколько раз. Планы ресурсосбережения составлялись регулярно, но из года в год не выполнялись. Самая богатая природными запасами страна все острее стала ощущать недостаток топлива, энергии и даже леса.

В Тюмени, куда съехались нефтяники этого огромного края, я почувствовал по реакции зала, что людям надоели общие декларации, они ждали реальной помощи.

По возвращении из поездки без промедления приняли решения, к их реализации была подключена практически вся промышленность. В Западную Сибирь отправлялись трубы, цемент, стройматериалы, оборудование. Была оказана срочная помощь по линии торговли, внесены коррективы в планы жилищного строительства и сооружения предприятий жизнеобеспечения. Тогда удалось остановить падение и даже несколько увеличить добычу нефти. Увы, вскоре политические страсти захлестнули страну и внимание к этой коренной проблеме ослабло. Нефтяники и газовики правы, говоря, что начатое не было доведено до конца.

Крупнейшие просчеты экономической политики дали о себе знать и в других местах, что подтвердила моя поездка в Казахстан. Главным в ней было не столько знакомство с работой колхозов и совхозов, научными учреждениями целинного края — я и раньше там бывал, — сколько разговор с представителями Казахстана, Сибири, Урала о том, как реализуется Продовольственная программа. После ее принятия прошло уже три года. Производство сельскохозяйственной продукции в целом увеличилось, меньше стало убыточных хозяйств, крестьяне стали больше приобретать техники, строить дорог, жилья, а вот снабжение продовольствием практически не улучшилось. Где же выход? Дело упиралось в общее состояние экономики. И на первый план выходила необходимость установить разумные пропорции между гражданским и военным сектором.

«Кадры решают все»

Сказать, что отчетно-выборная кампания перед XXVII съездом отличалась от прежних, не могу. Правда, кое-где появились робкие признаки начавшегося раскрепощения сознания. Коммунисты, вопреки стараниям аппаратчиков, начали проваливать навязываемых им руководителей, избирать тех, кто был им по душе. «Работяги» стали посмелее высказываться. Но в основном все катилось по наезженной колее. Партия действовала прежними методами, жила по установленным десятилетиями писанным и неписанным правилам.

Было ребячеством думать о переменах в обществе, не меняя ничего наверху. Для части членов Политбюро апрельский Пленум — это уже другая эпоха, в которой они не могли найти себя. Выступить в поддержку нового курса их побудило чувство самосохранения. Ну а рассчитывать на возможность реализации с ними новых задач не приходилось. Этим была продиктована замена Тихонова на посту Председателя Совета Министров СССР Рыжковым. Председателя Госплана Байбакова сменил Талызин; Нуриева, отвечающего за АПК, — Мураховский; Смирнова, ведающего оборонным комплексом, — Маслюков. Министром МВД вместо Федорчука стал Власов, до этого работавший первым секретарем Ростовского обкома партии.

После апрельского Пленума некоторые члены Политбюро стали высказывать мнение о целесообразности совмещения постов Генерального секретаря и Председателя Президиума Верховного Совета, как это было при Брежневe, Андропове, Черненко*. С этим я не согласился. Во-первых, для меня было далеко не безразлично, как это будет воспринято обществом. Во-вторых, на таком масштабном и ответственном развороте не хотел дополнительных нагрузок, которые отвлекли бы внимание, время и силы. Наконец, в тот момент было важным произвести замену министра иностранных дел, и я не видел иного варианта, как выдвижение Громыко на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Крупный политик и дипломат, умудренный опытом человек, — словом, личность незаурядная. Он стремился к контактам со мной, подчеркивая готовность лояльно сотрудничать.

Правда, Громыко рассчитывал сохранить за собой монопольное влияние на сферу внешней политики. Но уже скоро убедился, что это для меня неприемлемо. Как он реагировал? Спокойно. Умения адаптироваться к ситуации ему было не занимать, в этом состоял его талант, секрет непотопляемости.

Почему надо было менять министра иностранных дел? Предстояло радикально реформировать внешнюю политику, и ясно было, что это затронет многочисленных наших партнеров в международных делах — и союзников, и нейтралов, и противников, с которыми надо было искать формулу примирения. Крутой поворот в этой сфере был невозможен без обновления во внешнеполитическом ведомстве. Для Громыко такая задача была уже не по силам.

Впрочем, мое предложение было весьма почетным, и Андрей Андреевич принял его с удовольствием, рассматривая как достойную оценку своих заслуг перед Отечеством. Я никоим образом не изолировал его от участия в обсуждении вопросов внешней политики, как и внутренних проблем, напротив, считал ценной возможность обратиться к его памяти и опыту.

После нашего разговора с Громыко, о котором, кстати, никто до поры не знал, вопрос этот перешел в практическую плоскость. В итоге долгих размышлений я остановил свой выбор на Шеварднадзе.

С Шеварднадзе мы познакомились еще на XII съезде комсомола. Тогда он не совсем гладко говорил по-русски, не был, как принято говорить, молодежным вожаком, «заводилой», выдающимся оратором. С расхожей точки зрения — «нетипичный грузин», очень уж сдержанный и внутренне собранный. Но было в нем нечто располагавшее к обще-

* Со смертью Черненко пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР оказался вакантным. Практические дела вел Демичев — первый заместитель Председателя.

нию. Встречались мы, как я уже рассказывал, и будучи секретарями: он — ЦК Компартии республики, я — крайкома, затем ЦК КПСС. Между ставропольцами и грузинами издавна существовали живые связи, и мы с Эдуардом Амвросиевичем всячески содействовали их развитию. Конечно, ни он, ни я не предполагали, к чему могут привести эти контакты несколько лет спустя.

Со временем между нами сложились доверительные взаимоотношения, позволявшие обо всем говорить откровенно. Я имел возможность убедиться, что ко многим ключевым проблемам политики, в том числе — международной, у нас общий подход. Став генсеком и размышляя о кадрах, я пришел к мысли о том, что именно такой человек, способный размышлять и убеждать, наделенный восточной обходительностью, может справиться с новыми задачами на поприще внешней политики.

Через несколько дней после разговора с Громыко мы снова встретились для обсуждения вопроса о его преемнике. Он рассчитывал выдвинуть на этот пост кого-то из дипломатов. Говорил о Корниенко, называл и сам же отклонил Воронцова, в то время посла во Франции. Упоминалась и кандидатура Добрынина, хотя он его не жаловал, видимо, понимал, что тот во многом ему не уступает, а может быть, и превосходит.

Когда я спросил Андрея Андреевича: «Как вы смотрите на Эдуарда Шеварднадзе?» — первая его реакция была близка к шоку. Ожидал чего угодно, только не этого. Однако в считанные секунды справился с собой, стал рассуждать, взвешивая «pro и contra».

— Вижу, вы не воспринимаете Шеварднадзе, — сказал я, — что ж, давайте подумаем, кто лучше.

И вдруг слышу: «Нет-нет, это ведь, как я понимаю, ваше выношенное предложение».

— Хорошо, давайте еще подумаем, а затем продолжим разговор.

В следующий раз в разговоре участвовали Чебриков и Лигачев. Отметив, что сейчас нам не удастся заменить Громыко человеком, равным ему по опыту, я заключил:

— Размышляя о будущем министре, всякий раз прихожу к выводу, что он должен быть крупной политической фигурой. И в связи с этим склоняюсь к кандидатуре Шеварднадзе.

Обмен мнениями свелся к следующему. Эдуард Шеварднадзе — личность, несомненно, незаурядная, сформировавшийся политик, образован, эрудирован. Работая в трудное время в Грузии, прошел большую политическую школу как секретарь ЦК Компартии республики и кандидат в члены Политбюро. В курсе внутренней и внешней политики страны, занимает новаторские позиции. Конечным итогом было согласие. После этого я позвонил Шеварднадзе в Тбилиси и сказал, что

мы предлагаем ему пост министра иностранных дел. Последовала длинная пауза.

— Все, что угодно, мог ожидать, только не это. Я должен подумать. И вы еще должны подумать. Я не профессионал... Грузин... Могут возникнуть вопросы. А как Громыко?

Сообщил, что Громыко, Лигачев, Чебриков поддерживают его кандидатуру, и попросил прибыть в Москву. На следующий день мы еще раз с ним побеседовали. Затем я пригласил членов Политбюро, и вопрос был решен. 1 июля на Пленуме ЦК Шеварднадзе был избран членом Политбюро, а 2-го на сессии Верховного Совета назначен министром иностранных дел СССР. Сессия избрала Громыко Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Реакцию на назначение Шеварднадзе в стране и в мире можно охарактеризовать как крайнее недоумение. Многие выражали непонимание и несогласие с тем, что такую важнейшую функцию союзного государства доверили не русскому человеку. Но искушенные люди разгадали замысел Горбачева: «Воздал должное Громыко и одновременно обеспечил себе свободу рук во внешней политике, поставив на это дело близкого человека, соратника».

На июльском Пленуме от обязанностей члена Политбюро и секретаря ЦК был освобожден Романов. Секретарями ЦК избраны Ельцин и Зайков, заведующим отделом пропаганды утвержден Александр Яковлев, а заведующим общим отделом — Анатолий Лукьянов.

Встретившись с Романовым, я достаточно откровенно дал понять, что для него нет места в составе руководства. Воспринял он это болезненно, хотя возразить было нечего. Я сказал, что предпочитаю не доводить дело до обсуждения в Политбюро, лучше решить все на добровольной основе. Романов всплакнул, но в конечном счете принял это предложение. На Пленуме вопрос о нем решился спокойно, членом ЦК он остался.

Непросто решился вопрос об уходе на пенсию Тихонова. Вроде бы все ясно: человеку без пяти минут 80, во главе правительства, тем более — вступающего на путь реформ, должен стоять политик, обладающий запасом сил и времени, способный заглянуть в завтра. Тихонов же был деятелем не то что вчерашнего, скорее позавчерашнего, сталинского времени. Но у него на этот счет было собственное мнение. Был уверен, что не обойдутся без его услуг, и в первом нашем разговоре выразил готовность «поработать в новой интересной обстановке».

Я вежливо отклонил это предложение и, напирая в основном на трудности предстоящих преобразований, необходимость позаботиться о здоровье ветеранов, послуживших стране, дал понять, что ему надо уходить на пенсию. Здесь выяснилось, что Тихонов все-таки был готов к такому исходу дела. Он попросил не оставить без внимания условия

его дальнейшего бытия, и я пообещал сохранить все, чем он пользовался. В конце сентября его освободили от обязанностей главы правительства, а в октябре на Пленуме ЦК вывели из состава Политбюро.

При обсуждении кандидатур на пост предсовмина всплывали многие имена, но в конце концов выбор свелся к двум: Рыжков или Воротников. Виталий Иванович неплохо зарекомендовал себя на посту главы правительства Российской Федерации, за плечами у него был большой и многообразный опыт руководящей деятельности. Он располагал к себе взвешенностью суждений, вдумчивой, спокойной манерой решать дело. Но тот факт, что в РСФСР не было своего ЦК и фигура главы правительства приобретала особый смысл, говорил за то, чтобы оставить Воротникова на этом посту.

Выбор в пользу Рыжкова был, конечно, продиктован не только этим. Мы с ним плодотворно сотрудничали еще при Андропове, и во многих случаях обнаружилась близость наших взглядов на положение в экономике, понимание острой нужды в коренной ее реконструкции. Совпадали и политические позиции, по крайней мере, не помню каких-либо существенных расхождений по этому поводу. Мне импонировали человеческие качества Николая Ивановича — четкость, иногда резкость суждений, никогда не переходившая в грубость, деловая хватка, воспитанная в годы практической деятельности на производстве.

Наши отношения не оставались безоблачными. Развитие событий ставило обоих перед непредсказуемыми ситуациями, взгляды каждого претерпели эволюцию, не обошлось без моментов непонимания, обиды и даже раздражения. Не рассудить, кто был прав в каждом конкретном случае (ко многим эпизодам я буду не раз возвращаться), но при всем этом должен сказать, что и сейчас считаю правильным тот выбор. Рыжков был моим первым соратником в деле реформ, мы действовали тогда в одном ключе, и, что бы ни случилось потом, за это товарищество я останусь ему благодарен.

Следующей по значению кадровой проблемой стала смена первого секретаря МК, в просторечии — московского губернатора. Всем было очевидно: руководство столицы выдохлось, полагаться на его способность работать по-новому безрассудно. Москва, которую торжественно обещали превратить в «образцовый коммунистический город», переживала серьезные трудности с жильем и снабжением, падал ее производственный и интеллектуальный потенциал. Конечно, тогдашнее состояние столицы может считаться образцовым по сравнению с тем, во что превратили ее за два года своего правления наши демократы. Но все, как известно, познается в сравнении. Тогда мало кто сомневался в необходимости замены Гришина, хотя сам он думал по-другому и даже претендовал на более высокие посты. Человек крайне самоуверенный и болезненно властолюбивый, он не терпел вокруг себя сколько-ни-

будь ярких, самостоятельно мыслящих людей. Неудивительно, что в Московском комитете не оказалось фигуры, обоснованно претендующей на роль «первого», — пришлось искать ее на стороне. Так совпало, что одновременно надо было менять председателя Моссовета. В.Ф.Промыслов, занимавший этот пост на протяжении двух десятилетий, прослыл бездельником. Он умел и себя подать публике, и начальству «втереть очки», на том держался.

Отсюда начинается политическая карьера Ельцина, во всяком случае — столичный ее этап. Я уже упоминал о его назначении заведующим отделом строительства ЦК КПСС. Обычно претендентов на подобные роли искали среди секретарей, а среди них выбор на Бориса Николаевича пал не случайно. Он отвечал всем требованиям по анкетным данным: несколько лет руководил домостроительным комбинатом, работал заведующим строительным отделом обкома, а с 1976 года — первым секретарем Свердловского обкома.

Лично я знал его мало, а то, что знал, настораживало. В бытность мою секретарем ЦК проверялась работа свердловской парторганизации в области животноводства. Комиссия критически оценила деятельность обкома. Ельцин позвонил мне и попросил не вносить в ЦК подготовленную аналитическую записку, а направить ее в обком для обсуждения и принятия мер на месте. Тогда я курировал Секретариат ЦК и решил пойти навстречу свердловчанам: пусть разберутся сами, дело ведь не в том, чтобы устроить им разнос. Однако, вынеся записку формально на обсуждение, он не только не счел нужным ознакомить с ее содержанием участников пленума обкома, но, по сути дела, дезавуировал основные выводы комиссии. Присутствовавший на пленуме представитель ЦК Иван Капустян — человек прямой и твердый — взял слово, огласил для начала саму записку, а затем дал нелестную оценку поведению первого секретаря обкома.

Я тогда отметил для себя, что свердловский секретарь неадекватно реагирует на замечания в свой адрес. К этому прибавилось такое наблюдение: как-то в разгар дискуссии на сессии Верховного Совета Ельцин покинул зал, опираясь на чью-то руку. Многие заволновались — что произошло? Доброхоты успокоили: ничего, мол, особенно, подскочило давление. А земляки улыбались: с нашим первым случается, иной раз перехватит лишнего. Поскольку в памяти всплыли эти факты, я решил побеседовать с Рыжковым, он ведь в бытность руководителем Уралмаша был членом Свердловского обкома.

— Наберетесь вы с ним горя, — ответил Николай Иванович. — Я его знаю и не стал бы рекомендовать.

Это заявление усилило мои сомнения. Лигачев, ведавший кадрами, предложил:

— Давайте я съезжу в Свердловск, посмотрю на месте.

Выехал, через несколько дней звонит:

— Я здесь пообщался, поговорил с людьми. Сложилось мнение, что Ельцин — тот человек, который нам нужен. Все есть — знания, характер. Масштабный работник, сумеет повести дело.

— Уверен, Егор Кузьмич?

— Да, без колебаний.

Так Ельцин оказался в ЦК. При его оформлении состоялась у нас короткая беседа, она мне не запомнилась. Работать начал он активно и на фоне предшественника выглядел неплохо. В то время пришлось повсюду «высматривать» людей деятельных, решительных, отзывчивых ко всему новому. Их в верхнем эшелоне, так сказать, поблизости, было не слишком много. Ельцин мне импонировал, и на июльском Пленуме я предложил избрать его секретарем ЦК. Не скрою, делал это, уже «примеривая» его на Москву.

22 декабря состоялось решение Политбюро рекомендовать Ельцина на должность первого секретаря МГК. На городской конференции он выступил с четко выраженным реформаторским замахом. Я поддержал критический пафос его доклада. Мы, правда, беспокоились, как пройдет тайное голосование, поскольку московский партактив был немало раздосадован тем, что не нашли достойного кандидата в столичной парторганизации, подыскали «варяга» со стороны. Но избрание прошло без помех. Ельцин и здесь энергично взялся за дело. Москвичам понравилась его требовательность к чиновникам различного ранга. И я считал такое решение о секретаре столичного горкома нашей удачей.

XXVII съезд КПСС

На рубеже 1985-1986 гг. был всецело занят подготовкой XXVII съезда партии, много размышлял о его «сверхзадаче». Прорыв, сделанный в марте—апреле, последовавшие за этим шаги во внутренней и внешней политике получили поддержку общества. Мои поездки по стране, встречи с руководителями Варшавского Договора, визит во Францию, переговоры с Рейганом, другими лидерами зарубежных стран поставили в повестку дня множество новых задач. В середине января 1986 года мы обнародовали программу разоружения к 2000 году. Теперь нужно было системно изложить и закрепить политический курс на перестройку, конкретизировать направления практической работы. Ну и, разумеется, принять новую программу; работу над ней завершили в октябре, и, рассмотрев на Пленуме ЦК, опубликовали для обсуждения.

По традиции генсек выступал на съездах с отчетным докладом. На сей раз решили назвать его политическим. Это позволяло отказаться

от рутинного анализа проделанной работы, сосредоточиться на вопросах стратегического порядка.

К концу декабря материалы к докладу были подготовлены, и в самый канун Нового года я отправился на отдых в Пицунду. В это время у холодного, беспокойного моря своя суровая красота. Волны с грохотом разбиваются о камни, брызги, пена. Воздух настолько насыщен ионами, что кажется осязаемым, весомым, вдыхаешь его, как тонизирующий коктейль. Работается, скажу вам, в такой атмосфере превосходно.

Сразу после Нового года я пригласил в Пицунду Александра Яковлева и Валерия Болдина. В дополнение к материалам рабочей группы они привезли проблемные разработки, представленные по моей просьбе академическими институтами. В маленьком домике, стоящем на берегу моря, были вновь перечитаны, обдуманы, обсуждены все положения доклада. Делались первые попытки продвинуться к новым оценкам и выводам.

Принципиальное значение имел вывод доклада о взаимосвязанности, взаимозависимости, целостности мира, оказавший огромное воздействие на нашу собственную и мировую политику. В самом деле, признав его правильность, нельзя не признать абсурдным и раскол мира на противостоящие блоки. Так, в докладе появляются записи: «Политика тотального противоборства, военной конфронтации не имеет будущего». «Не только сама ядерная война, но и подготовка к ней, то есть гонка вооружений, стремление к военному превосходству объективно не могут принести политического выигрыша никому». Выиграть «гонку вооружений, как и саму ядерную войну, уже нельзя», надо идти по пути сотрудничества «ради создания всеобъемлющей системы международной безопасности». А в таком случае и сама «задача обеспечения безопасности предстает как задача политическая, и решить ее можно лишь политическими средствами».

Преобразование общества связывалось с реализацией курса на ускорение социально-экономического развития страны, взятого на апрельском Пленуме. Речь шла не о революции, а именно о совершенствовании системы. Тогда мы верили в такую возможность. Так истосковались по свободе, что думали: дай только обществу приток кислорода — оно воспрянет. И саму свободу толковали широко, включая действительную, а не декларативную передачу земли крестьянам и фабричным, простор предпринимательству, изменение инвестиционной и структурной политики, приоритетное развитие социальной сферы. Давали себе отчет — хотя еще не слишком конкретно формулировали эту мысль — о необходимости демократизации общества и государства, развития народного самоуправления.

Прожив почти год после апрельского поворота, мы видели, что политика перестройки наталкивается на большие препятствия, а многи-

ми воспринимается как очередная кампания, которая вот-вот выдохнется. Нужно было устранить подобные сомнения, убедить людей в необходимости взятого курса. Так появилась в докладе тема гласности. «Без гласности нет и не может быть демократии». «Надо сделать гласность безотказно действующей системой. Она нужна в центре, но не менее, а, может, даже более нужна на местах, где живет и работает человек». Сейчас подобные «заклинания» воспринимаются вроде банально, но в то время это были принципиально новые политические установки, сыгравшие огромную роль в пробуждении общественного мнения и активности. Впрочем, гласность остается не менее актуальной и теперь.

При подготовке доклада были сделаны первые попытки осмыслить роль партии в контексте перестройки общества. Появляются положения, которые получают развитие на январском Пленуме 1987 года и особенно на XIX конференции КПСС. «Партия осуществляет политическое руководство, определяет генеральную перспективу развития... Что касается путей и методов решения конкретных хозяйственных и социально-культурных вопросов, то здесь широкая свобода выбора предоставляется каждому органу управления, трудовому коллективу, хозяйственным кадрам». «Партия решительно выступает против смешения функций партийных комитетов с функциями государственных и общественных органов». Конечно, никто тогда не усматривал в подобных утверждениях призыва к политической реформе, но ведь объективно они сыграли именно такую роль.

К середине января я представил проект доклада в Политбюро и при его обсуждении впервые почувствовал, насколько сильна власть идеологических стереотипов. Даже выдвинутые мною члены руководства, которые, казалось бы, по многим качествам относились к реформаторам, были до крайности робки, когда речь шла не то что о пересмотре, а только об уточнении тех или иных теоретических формул. Тут они наперебой спешили продемонстрировать свою ортодоксальность.

Как бы не впасть в ересь, «как бы чего не вышло» — вот что было почти у всех на уме. Заявляли о поддержке нового, но у многих то и дело включались идеологические тормоза.

После обсуждения проекта доклада мы с Райсой Максимовной уехали в Завидово. Через день туда приехали Медведев, Яковлев, Болдин — начался завершающий этап работы над докладом. Проблематика сохранилась, а вот структура, изложение материала претерпели большие изменения. Райса Максимовна практически все время была с нами, слушала наши дискуссии, включалась в них. Здесь оказались полезными ее опыт социологических исследований, работа с вузовской молодежью, да и просто знание быта, женская интуиция. Она нас, можно сказать, пристыдила за то, что в докладе обходилось положение се-

мы и женщины в обществе, подсказала, как лучше, масштабней эту тему поставить. Что говорить, всю дорогу у нас провозглашался лозунг равенства женщин, их участия в управлении страной, а на практике мы здесь уступаем не только западным, но и восточным странам. Каюсь, не было женщин в руководстве и при Горбачеве. Не видно их и при Ельцине.

Когда работа над докладом подошла к концу, мы обнаружили большой разрыв между ним и новой редакцией Программы КПСС — последняя была бледней во всех отношениях — по идеям, глубине анализа, четкости аргументации в пользу нового политического курса. Пришлось спешно готовить поправки, чтобы снять хотя бы бросающиеся в глаза расхождения между двумя документами. Эти поправки было предложено внести на заседании Программной комиссии 17 февраля 1986 года. И уже на следующий день Пленум ЦК утвердил Политический доклад, проекты новой редакции Программы и Устава КПСС, а также доклад об основных направлениях экономического и социального развития СССР на предстоящие годы.

Дату открытия съезда (25 февраля) выбрали случайно, но — своеобразная символика! — она совпала с 30-летней годовщиной XX съезда. Политический доклад, как мне показалось, делегаты приняли хорошо, а вот в дискуссии преобладала инерция прошлого. Делегаты «с мест», включая выступивших вначале Кунаева и Щербицкого, сбивались на мелочные самоотчеты. Не обошлось без славословий в честь генсека, хотя, казалось, время их ушло безвозвратно. Когда этот мотив зазвучал в выступлениях Льва Кулиджанова и Эдуарда Шеварднадзе, я вклинился в прения, попросил «снизить патетику» и «перестать склонять Михаила Сергеевича». Реакция съезда была неожиданной. Казалось бы, сущий пустяк, но он как раз высветил общий настрой людей: раздался дружный смех делегатов и гром аплодисментов. Дискуссия начала приобретать более содержательный характер и в целом несла печать начавшегося перехода от одного состояния общества к другому.

Часть делегатов, остро критически оценивая положение в стране, ставила вопрос об ответственности прежнего руководства партии. Среди ораторов с таким настроением выделялся Ельцин. Другие акцентировали на положительной оценке сделанного предшествующими поколениями, призывали сохранить преемственность в политике. Пожалуй, сильнее всех выразил это настроение Громыко. Но открытого столкновения этих позиций на съезде не произошло.

Думаю, среди делегатов превалировало то, что я ощущал в общении с людьми во время своих поездок по стране. Рассуждали примерно так: «Посмотрим, что из этого выйдет». Мне передали, что один из руково-

дителей Итальянской компартии Джан Карло Пайетта, человек пронзительный и въедливый, не без юмора заметил:

— У меня сложилось впечатление, что ваша партия имеет как бы трех генеральных секретарей. Один — тот, который одобрил новую редакцию Программы КПСС. Это документ, целиком пронизанный взглядами прошлого. Другой — тот, который выступил с докладом; тут уже есть свежие идеи, нацеленные на перемены. И наконец, третий генсек редактировал резолюцию по докладу. В ней гораздо больше нового, хотя и здесь сталкиваешься то ли с эзоповым языком, то ли с недостаточным пониманием необходимости глубоких преобразований.

В этих рассуждениях проявилось направление критики, которое исходило из привычных представлений, будто Генеральный секретарь может делать все, что ему заблагорассудится. А было ли такое время вообще? Ведь инерция общественного сознания существовала всегда, и любой генсек вынужден был считаться с «законом косности». По-инному никакие новации не проходили. Выходит, проблема заключалась не «в трех генсеках», а в том, что нарождавшемуся «новому мышлению» приходилось пробиваться через подводные рифы заскорузлых представлений и догм.

Тем, кто полагает, что из людей, как из глины, можно лепить любые фигуры в соответствии с вольной авторской фантазией, напомню о силе стереотипов. С этим я еще раз столкнулся в 1993 году в ходе визитов в Германию по приглашению правительств земель, политических и научных центров. В один из вечеров мы с Раисой Максимовной встретились с Гельмутом Колем и его супругой. Обсуждали многое. И вот что сказал канцлер, делясь своей оценкой положения в стране. «Что касается экономической интеграции восточных земель с экономикой западной части, то, хотя эта проблема решается непросто, тут все-таки меньше неожиданностей. Намного сложнее оказались вопросы, связанные с образом жизни и мировосприятием людей. В восточных землях мы встретились, по сути дела, с другим народом, и это нельзя игнорировать. Как минимум, целое поколение должно прожить другой жизнью, чтобы вписаться в новую социально-политическую и психологическую среду».

То, что мы называем советским образом жизни, и было реальностью для нескольких поколений, не могло бесследно исчезнуть — в таком случае должен был бы исчезнуть 300-миллионный народ, по крайней мере все люди сознательного возраста. А для этого образа жизни, помимо бесспорных плюсов, о которых нельзя забывать, было характерным низведение личности человека до мельчайшей частицы гигантского запрограммированного потока, на скорость и направление которого влиять она не могла. У основной массы людей практически не было ни экономического, ни политического, ни духовного выбора, все оп-

ределялось и «расписывалось» в рамках действующей системы. Человек не решал, за него решали власти, и это в конечном счете обернулось социальным иждивенчеством и социальной апатией.

Правда, многим уже были видны симптомы надвигавшегося кризиса, критика существовавших порядков усиливалась, несмотря на репрессии, появились осуждавшие систему в целом диссиденты. Но не следует преувеличивать степень «прозрения» тех, кто после смерти Сталина предпринимал шаги по реформированию нашего общества. Они оставались детьми своего времени, не смели перешагнуть через идеологические табу.

Достигнутое на XXVII съезде «соглашение» создавало для нового руководства определенную ловушку. Перестроечные процессы должны были очень скоро выйти за рамки принятых на нем решений. Это давало повод обвинить реформаторов в ревизионизме с последующими «оргвыводами». Чтобы избежать подобной угрозы, был один путь: использовать авторитет ЦК. По существовавшей в партии традиции Центральный Комитет был на деле средоточием власти, мог принимать любые решения, лишь формально ссылаясь на установки последнего съезда.

Съезд закончился 6 марта. Не откладывая в долгий ящик, я пригласил секретарей ЦК и членов правительства для разговора о предстоящих делах. На первый план выходила задача децентрализации экономики, которая уже встречалась в штыки бюрократическим аппаратом. Признаки непонимания и недовольства я уловил и в самом «верхнем эшелоне» партийно-государственного руководства. Многие тогда примеривали к себе грядущие перемены, задумывались, к чему приведет ликвидация излишних звеньев аппарата, борьба с громоздкостью и параллелизмом в деятельности управленческих структур. Но меня вдохновляла позиция руководителей хозяйственных организаций, предприятий.

После съезда я встретился с редакторами газет, руководителями телевидения, творческих организаций — эти контакты стали регулярными. Но больше всего меня интересовало, что делается в трудовых коллективах, как люди восприняли решения съезда, как действуют кадры. В начале апреля я отправился в Куйбышев, ныне Самару. Выбор был связан с тем, что в этом регионе сосредоточена крупная промышленность: авиационная, химическая, металлургическая. Область располагает крупным сельским хозяйством и пищевой промышленностью. Куда же еще ехать! И, конечно, в Тольятти, на знаменитый ВАЗ, флагман советского машиностроения.

Три дня заняла поездка. Первое ощущение — будто машина времени вернула меня ровно на год назад. Секретари обкома, горкомов все так же зыркали на подчиненных, определяя «допустимую» меру обще-

ния генсека с народом. Жестом останавливали людей, рвавшихся к откровенной беседе, или пресекали ненужные, на их взгляд, разговоры. Мое желание выяснить истинное положение дел явно не устраивало местных начальников. Беседы напрямую с людьми настолько выводили некоторых из равновесия, что они пытались бестактно вмешиваться. Приходилось публично осаживать, говоря, что в данный момент меня интересует беседа не с ними. И я видел, как начальственные шеи и лица багровели, наливаясь кровью от обиды и негодования.

Порадовали меня автозаводцы своим стремлением освоить новые методы хозяйствования — им, кажется, это удастся лучше других. В то время успешно осуществлялась программа модернизации местным металлургическим заводом. Опыт этих предприятий показывал, что пришло время для расторопных и предприимчивых людей.

Но таких было раз, два и обчелся. В остальном — все по-старому. Типичная для того времени картина: огромное желание перемен у людей и равнодушие руководящих кадров. Настоящая обломовщина. Я задавал себе вопрос: в чем причина, не приемлют перемен или не способны на них? Конечно, многое зависит от союзных и республиканских верхов, но ведь и то, что можно сделать на месте, не делается.

Ничего утешительного не услышал я и от своих коллег, побывавших в других районах страны. Все идет по инерции, «сцепления» политики перестройки с жизнью городов и предприятий пока не видно — таков был общий приговор. Идет поток писем в ЦК, и большая их часть наполнена тревогой по поводу бездействия местных властей. Мой земляк со Ставрополя с горечью сообщал: на днях пошел к директору совхоза с планами улучшения производства, а тот его выставил из кабинета: не суйся не в свое дело. «Вот так, оказывается, и после съезда — это не мое дело». Тогда же пришло письмо из Горького от бывшего соученика по МГУ Василия Мишина — теперь доктора философских наук, заведующего кафедрой: «Имей в виду, Михаил, в Горьком ничего не происходит, ни — че — го!»

На заседании Политбюро 24 апреля вели разговор о причинах пробок перестройки. Констатировали — дело упирается в гигантский партийно-государственный аппарат, который, подобно плотине, лег на пути реформ. В мае 1985-го я говорил, что мы даем всем шанс перестроиться и честно занять позицию, прошедшее время убедило в необходимости более жесткого подхода к кадрам, ибо речь уже шла не только о недопонимании или неумении, а о прямом саботаже. Внимание коллег я обратил на одну из публикаций, содержание которой перекликалось с темой нашего разговора: «Хрущеву шею сломал аппарат, и сейчас будет то же самое».

А через два дня мы испытали потрясение, надолго отодвинувшее на второй план все замыслы.

Чернобыль

Авария на Чернобыльской атомной электростанции явилась самым наглядным и страшным свидетельством не только изношенности нашей техники, но и истощенности возможностей прежней системы. Вместе с тем — такова ирония истории — она тяжелейшим образом отозвалась на начатых нами реформах, буквально выбила страну из колеи.

Теперь мы знаем, какие масштабы приняла трагедия, сколько еще нужно сделать для людей, потерявших здоровье, лишившихся крова.

Случилось это в ночь с пятницы 25-го на субботу 26 апреля, в 01 час 25 минут, когда на рабочем месте оставалась только дежурная смена и те, кто проводил эксперимент — испытание турбогенератора во время запланированной остановки реактора на четвертом блоке. Информация об аварии на АЭС поступила в Москву под утро 26-го. Она прошла по линии Министерства среднего машиностроения, была доложена Рыжкову, а он сообщил мне. В тот же день я собрал членов Политбюро, сообщение сделал Долгих, занимавшийся этими вопросами. Его информация носила довольно общий характер, не давала представления о масштабах опасности. Было принято решение немедленно направить на место аварии правительственную комиссию во главе с заместителем Председателя Совета Министров Борисом Евдокимовичем Щербиной. В комиссию вошли специалисты по атомным электростанциям, медики, радиологи, осуществлявшие контроль за средой. Вечером 26 апреля она была на месте. В Чернобыль спешно прибыли ученые из Академии наук СССР и Украинской Академии наук.

Информация от комиссии начала поступать 27 апреля. Она сопровождалась всяческими оговорками, носила сугубо предварительный, констатирующий характер, не содержала каких-либо выводов. Сообщалось о взрыве, гибели двух человек, массовой госпитализации людей для контроля, о мерах по локализации пожара, остановке остальных трех блоков. Сообщалось, что в момент взрыва произошел выброс радиоактивных веществ.

28 апреля Рыжков доложил на Политбюро о первых результатах работы комиссии. Вечером 28 апреля на этой основе было дано сообщение по телевидению, а на следующий день в газетах. Затем сообщения публиковались регулярно по мере поступления новых сведений. Отвожу решительно обвинение в том, что советское руководство намеренно утаивало всю правду о Чернобыле. Просто мы тогда ее еще не знали.

Учитывая чрезвычайный характер аварии, мы уже 29 апреля создали оперативную группу Политбюро во главе с Рыжковым, которая действовала круглосуточно. Протоколы и другие материалы о ее работе ныне опубликованы.

В первые дни мы интуитивно, поскольку все еще не было полной информации, чувствовали, что проблема приобрела драматический характер и последствия могут быть очень тяжелыми. Нужна была информация из первых рук. Рыжков и Лигачев 2 мая вылетели на место аварии, к ним присоединился Щербицкий. Они посетили район бедствия, заслушали информацию правительственной комиссии, беседовали с жителями.

Масштаб беды день за днем вырисовывался все более отчетливо. Стало понятней, что надо делать. На первом месте была задача обеспечить безопасность людей. К проведению сплошного медицинского контроля подключили буквально все, чем располагали. Была развернута сеть медицинской помощи, охватившая почти миллион человек, в том числе более 200 тысяч детей. Правительственная комиссия приняла решение о выселении людей из города Припяти. Как только была составлена первоначальная карта радиационного загрязнения и ученые сделали вывод о невозможности проживания там, началась эвакуация населения, сначала из 10-, затем из 30-километровой зоны. Дело оказалось чрезвычайно трудным: люди не хотели выезжать, пришлось выселять их принудительно. В первых числах мая переселили примерно 135 тысяч человек и установили контроль над всем районом.

Сложнейшей инженерной и научной проблемой стал сам разрушенный блок реактора — существовала опасность его провала. Об этом академик Велихов рассказывал журналистам в начале мая: «Сердце реактора — раскаленная активная зона как бы висит. Он перекрыт сверху слоем из песка, свинца, бора, глины, а это дополнительная нагрузка на конструкции. ...Удастся его удержать или он уйдет в землю? Никогда и никто в мире не находился в таком сложном положении».

Принимались меры, чтобы не допустить попадания радиоактивных веществ через грунт в Днепр. Были переброшены войска химической защиты, сосредоточена необходимая техника, развернуты работы по дезактивации. Члены правительственной комиссии работали безвыездно, затем перешли на недельные дежурства. Возглавляли комиссию по очереди Щербина, Силаев, Воронин, Маслюков, Гусев, Ведерников и опять Щербина. Круглосуточно работали научные институты в Москве, Ленинграде, Киеве, других городах, решая десятки необычных проблем. К этому была подключена практически вся страна. В те тревожные дни 1986 года проявились лучшие качества наших людей: самоотверженность, человечность, высокая нравственность. Многие просили направить их в район Чернобыля, предлагали бескорыстную помощь.

Ликвидация последствий взрыва обошлась в 14 миллиардов рублей, потом поглотила еще несколько миллиардов. Организованными усилиями удалось ограничить число пострадавших и локализовать аварию. К июлю была разработана концепция «саркофага», затем в сжатые сро-

ки возведено уникальное защитное укрытие для поврежденного реактора с постоянно функционирующей системой контроля за его состоянием. У экспертов МАГАТЭ не было претензий, они признали: делается все, что возможно и необходимо.

И все же... Считаю нужным сказать со всей откровенностью: в первые дни не было ясного понимания того, что происшедшее — катастрофа не только национального, а мирового масштаба. Представление об ее истинных размерах формировалось по мере накопления информации. Но, как известно, «природа не терпит пустоты», отсутствие полной ясности порождало слухи, панические настроения. И тогда, и сейчас высказываются критические суждения о действиях руководства Украины, Белоруссии, руководства Союза. Исходя из того, что мне известно, я бы не стал подозревать кого-то в безответственном отношении к судьбам людей. Если что и не было сделано своевременно, то прежде всего из-за незнания. Не только политики, но и ученые, специалисты не были готовы к адекватному восприятию случившегося.

Крайне отрицательно сказалась закрытость, секретность атомной энергетики, отягощенная ведомственностью и монополизмом в науке. Об этом я говорил на заседании Политбюро 3 июля 1986 года: «Мы 30 лет слышим от вас — ученых, специалистов, министров, что все тут надежно. И вы рассчитываете, что мы будем смотреть на вас, как на богов. А кончилось провалом. Министерства и научные центры оказались вне контроля. Во всей системе царили дух угодничества, подхалимажа, групповщины и гонения на инакомыслящих, показуха, личные и клановые связи вокруг руководителей».

Свою роль сыграла «холодная война», взаимная закрытость двух военных блоков, в том числе в атомной энергетике. Почти ничего не было известно о ста пятидесяти одной значительной утечке радиации на АЭС в мире, опыте ликвидации последствий аварий. Академик В.А.Легасов говорил, что вероятность ядерных аварий считалась крайне малой, вся мировая наука и техника не очень-то были к ним подготовлены. Царили самоуспокоенность, даже легкомыслие. До сих пор помню о заявлениях на Политбюро, сделанных сразу после аварии академиками А.П.Александровым и Е.П.Славским. Они стояли у истоков нашей атомной энергетики, были творцами этой техники, люди заслуженные, уважаемые. Но то, что мы от них слышали, больше походило на обывательские рассуждения — ничего, мол, страшного не произошло, такие вещи бывали на промышленных реакторах: стакан другой водки выпьешь, закусишь, отоспишься — и никаких последствий.

Ведомственность не просто мешала делу. С ней «истончалось» нравственное начало, без которого знание грозит стать источником смертельной опасности. Боязнь проявить инициативу, страх перед на-

чалством и стремление избежать ответственности сыграли крайне негативную роль. Не выдержал проверки механизм принятия решений.

Постепенно начали вырисовываться все последствия аварии. Поначалу наибольшее беспокойство вызывала судьба Киева и Днепра. А самый тяжелый удар пришелся на Белоруссию, особенно Могилев, — из-за розы ветров. Потом обнаружили загрязнение в Брянской области и дальше, около Тулы.

В середине мая я выступил по телевидению: выразил сочувствие пострадавшим, рассказал о принимаемых мерах, воздал должное мужеству людей, участвовавших в ликвидации последствий аварии. Поблагодарил я и всех тех за рубежом, кто откликнулся на нашу беду и протянул руку помощи. Первыми должен назвать американских медиков Р.Гейла и П.Тарасаки, президента МАГАТЭ Х.Бликса. Государственные и общественные организации, фирмы и частные лица из многих стран присылали средства тушения пожара, робототехнику, лекарственные препараты. Это была беспрецедентная кампания солидарности.

В то же время некоторые зарубежные пропагандистские центры выплеснули поток обличений, свидетельствовавший, что они не столько обеспокоены самой трагедией, сколько пытаются ее использовать для дискредитации нашей новой политики. Кое-кто и внутри страны попытался сделать Чернобыль предметом политических спекуляций. В этой связи хочу вернуться к вопросу об информации населения и мировой общественности.

В Политбюро высказывались две точки зрения. Одна — информацию надо расширять постепенно, чтобы не допустить паники и не нанести тем самым еще больший вред. Сторонники этой точки зрения не были оригинальными: неоперативное оповещение населения и даже своего правительства отмечалось во всех крупных ядерных инцидентах в других странах. Да и сейчас, нет-нет, газеты сообщают о попытках придержать или даже вовсе утаить сведения о неполадках на АЭС. И все-таки у нас возобладала другая точка зрения — выдавать информацию по мере поступления полностью, без ограничений, но она должна быть достоверной.

Моя позиция была однозначной. На заседании Политбюро 3 июля я говорил: «Ни в коем случае мы не согласимся скрывать истину ни при решении практических вопросов, ни при объяснении с общественностью. Мы несем ответственность за оценку происшедшего и правильность выводов. Наша работа теперь на виду у народа и всего мира. Думать, что можно ограничиться полумерами, ловчить, недопустимо. Нужна полная информация о происшедшем. Трусливая политика — это недостойная политика». Меня поддержали Рыжков, Лигачев, Яков-

лев, Медведев, Шеварднадзе. Чернобыль стал жесткой проверкой также и гласности, демократии, открытости.

Были отправлены телеграммы руководителям соседних и других государств с исчерпывающей на тот момент информацией. 6 и 9 мая в Москве Щербина, члены комиссии провели пресс-конференцию. В середине мая представители прессы, в том числе зарубежной, посетили Украину, получили возможность убедиться, «вымер» ли Киев, погибли ли «тысячи людей», как сообщается некоторыми средствами массовой информации Запада. В Женеву была направлена делегация во главе с академиком Легасовым. Представленные там доклады произвели впечатление уровнем квалификации, четкостью, откровенностью.

3 июля на заседании Политбюро с участием представителей республик был заслушан в порядке контроля отчет правительственной комиссии. Состоялось первое широкое обсуждение причин чернобыльской аварии, встал вопрос и о будущем атомной энергетики. Еще до перестройки эта тема поднималась в журнале «Коммунист», опубликованная в нем статья академика Долежала вызвала большой резонанс, но ее публичного обсуждения не допустили. Теперь вопрос о перспективах «мирного атома» стал предметом широкой общественной дискуссии. В ней, в частности, затрагивались проблемы АЭС устаревших конструкций, строительства новых станций, особенно в сейсмически неустойчивых районах (в Армении, Крыму), и другие.

После долгих размышлений, знакомства с доводами сторонников и противников атомной энергетики, в числе которых были многие мировые авторитеты, я пришел к выводу, что без нее нам пока не обойтись. Академик Сахаров говорил: «По-видимому, в перспективе все большую и большую роль должна играть все-таки ядерная энергетика. Но ее, конечно, надо сделать безопасной». Об этом же предупреждал И.В.Курчатов: «С ядерным реактором надо обращаться на «Вы», он ошибок не прощает, аварии происходят тогда, когда об этом забывают».

Позднее была разработана правительством и одобрена Верховным Советом СССР долговременная программа ликвидации последствий чернобыльской аварии, основанная на предложениях Украины, Белоруссии и Российской Федерации. Были даны поручения по оценке техники для атомных станций, внесены предложения объединить усилия для повышения безопасности АЭС в мире, значительно расширить наше плодотворное участие в деятельности МАГАТЭ. Я выступил с призывом прекратить ядерные испытания и объявил, что Советский Союз продлевает действие моратория, объявленного на первые три месяца 1986 года (до 6 августа).

«Перевалив» через Чернобыль, заглянув в пропасть, мир все-таки так и не пришел к однозначному решению. Около 70 процентов энер-

гии получает от атомных станций Франция, примерно столько же Япония. США, как и мы, — 10—11 процентов. Не обходятся без АЭС многие другие страны.

Чернобыль стал ударом колокола, зовущего человечество понять, в какой век мы живем. Он способствовал осознанию опасности небрежного, тем более преступно халатного отношения к природной среде. Общественное мнение сконцентрировалось вокруг острых проблем, к которым экологическое движение пыталось привлечь внимание. Вспомнили об аварии на ядерном предприятии в Челябинске в конце 50-х годов, о последствиях наземных ядерных взрывов. Любая неполадка в дальнейшем становилась достоянием гласности.

Чернобыль высветил многие болезни нашей системы в целом. В этой драме сошлось все, что накапливалось годами: сокрытие (замалчивание) чрезвычайных происшествий и негативных процессов, безответственность и беспечность, работа спустя рукава, повальное пьянство. Это был еще один убедительный аргумент в пользу радикальных реформ.

«Решения съезда — в жизнь» — Да, Чернобыль заставил меня и моих коллег многое пережить и передумать. Мы видели необходимость укрепить дисциплину и порядок, прежде всего, в атомной энергетике. И все же, размышляя над этими вопросами, я все больше приходил к убеждению, что одним административным нажимом, наказаниями, жесткими мерами, партийными взысканиями, разносами проблемы не решить. Надо двигать перестройку.

Больше всего я опасался, что и на этот раз, как бывало в прошлом, дело будет утоплено в «говорильне». Первым признаком стали появившиеся в публичных местах призывы: «Решения XXVII съезда — в жизнь», сообщения печати о единодушном одобрении этих решений. В партийных организациях и трудовых коллективах готовились тихие похороны намеченных преобразований, и, чтобы не допустить бесславной кончины наших замыслов, надо было в первую очередь взять под контроль подготовку проекта плана социально-экономического развития страны на 1986—1990 годы.

После многочисленных дискуссий о задачах XII пятилетки в правительстве и Политбюро собрался (16 июня) Пленум ЦК. В докладе я развернул картину намечаемых преобразований, имевших целью обеспечить устойчивые темпы роста национального дохода. Тогда было впервые сказано, что в новой пятилетке все отрасли экономики должны быть переведены на новые методы хозяйствования.

Принятые Пленумом решения придавали известную конкретность новому экономическому курсу. Но от моего внимания не ускользнуло

*На Пленуме ЦК КПСС, состоявшемся в марте 1985 г., избран новый
Генеральный секретарь ЦК КПСС*

1985 г. положил начало поездкам по стране, встречам с людьми не только в многолюдных залах, но и просто на улицах

Посещение порта Восточный. Июль 1986 г.

Ленинград. Май 1985 г. Встреча с жителями города

На Московском автомобильном заводе им. Лихачева. Апрель 1985 г.

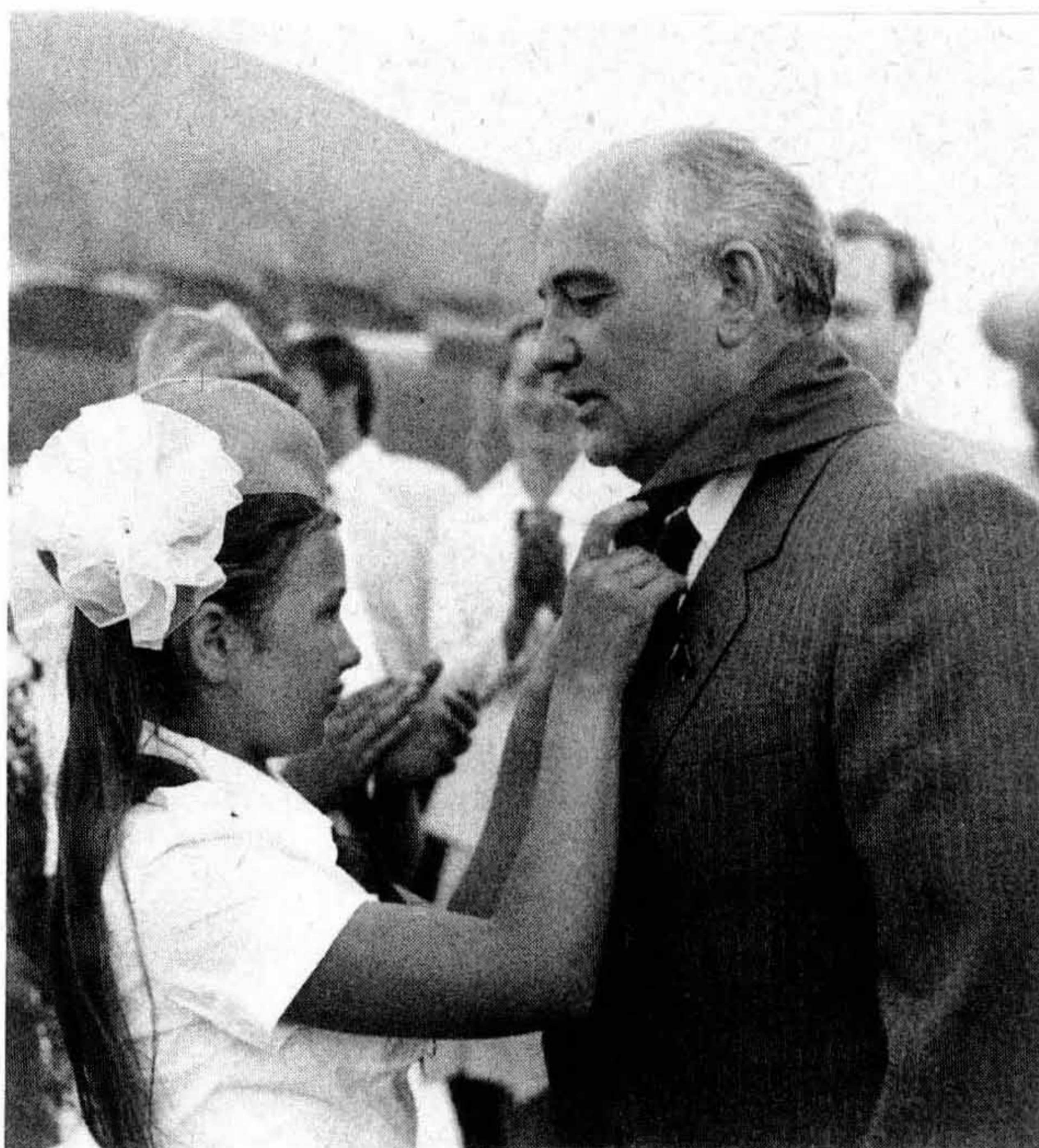
Выступление по телевидению. Август 1986 г.

У тюменских нефтяников. Осень 1985 г.

Дети из многих стран написали Президенту СССР 60000 писем, в которых просили его помочь голодающим детям Эфиопии. Некоторые авторы этих писем встретились в Кремле с Р.М.Горбачевой. 1990 г.

В Артеке. Август 1985 г.

Встреча с земляками в Ставрополе. Сентябрь 1986 г.

За штурвалом нового комбайна. 1988 г.

У моряков Североморска. 1987 г.

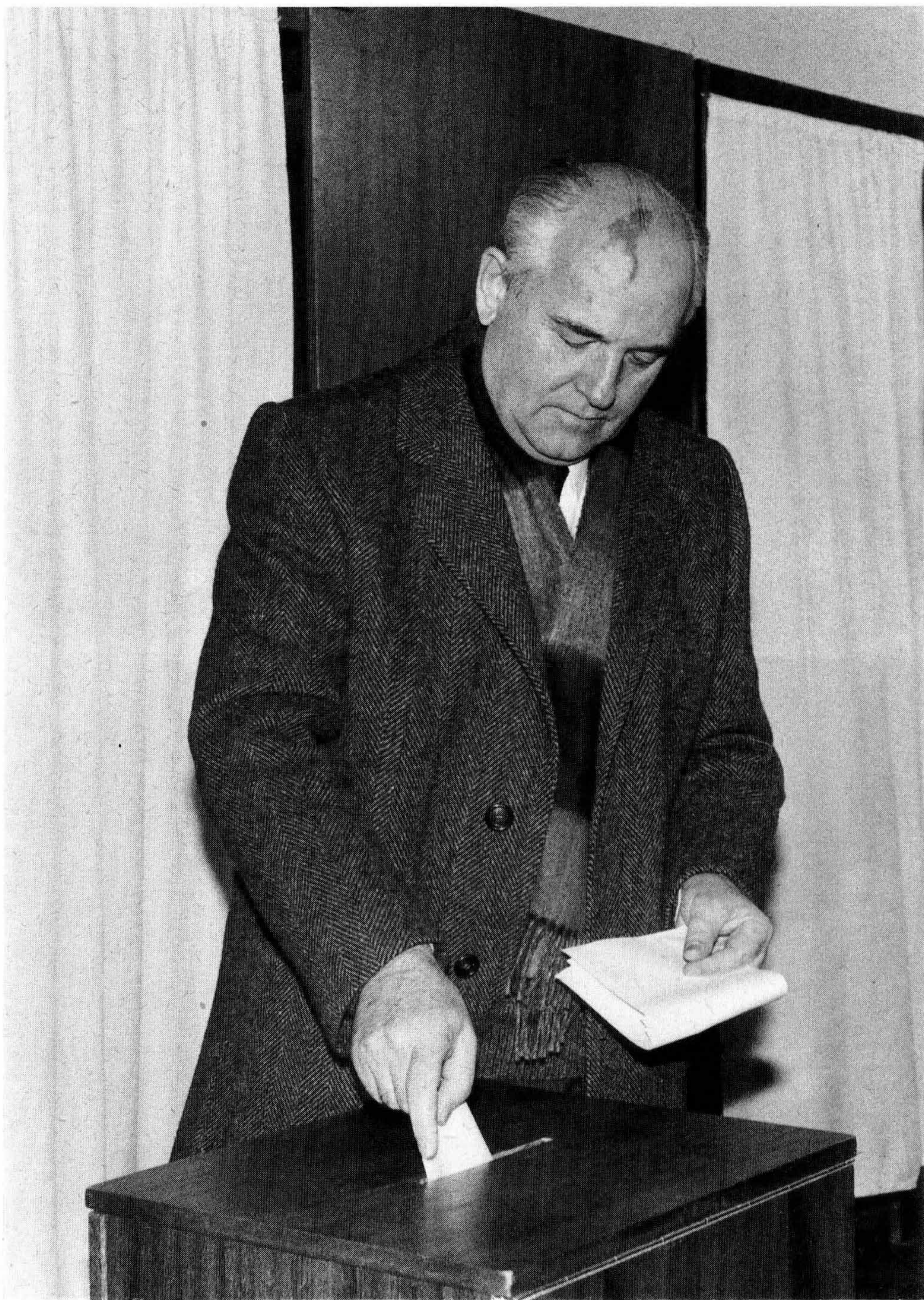

На Чернобыльской АЭС

На крейсере «Аврора». Октябрь 1987 г.

*Дань памяти жертв хатынской трагедии в Белоруссии. 1985 г.
Возложение венков к Мавзолею В.И.Ленина*

В избирательном участке во время выборов в Верховный Совет РСФСР и местные Советы. Март 1990 г.

*В разрушенном землетрясением армянском городе Спитаке. Декабрь 1988 г.
Перед выходом на трибуну Мавзолея. Май 1987 г.*

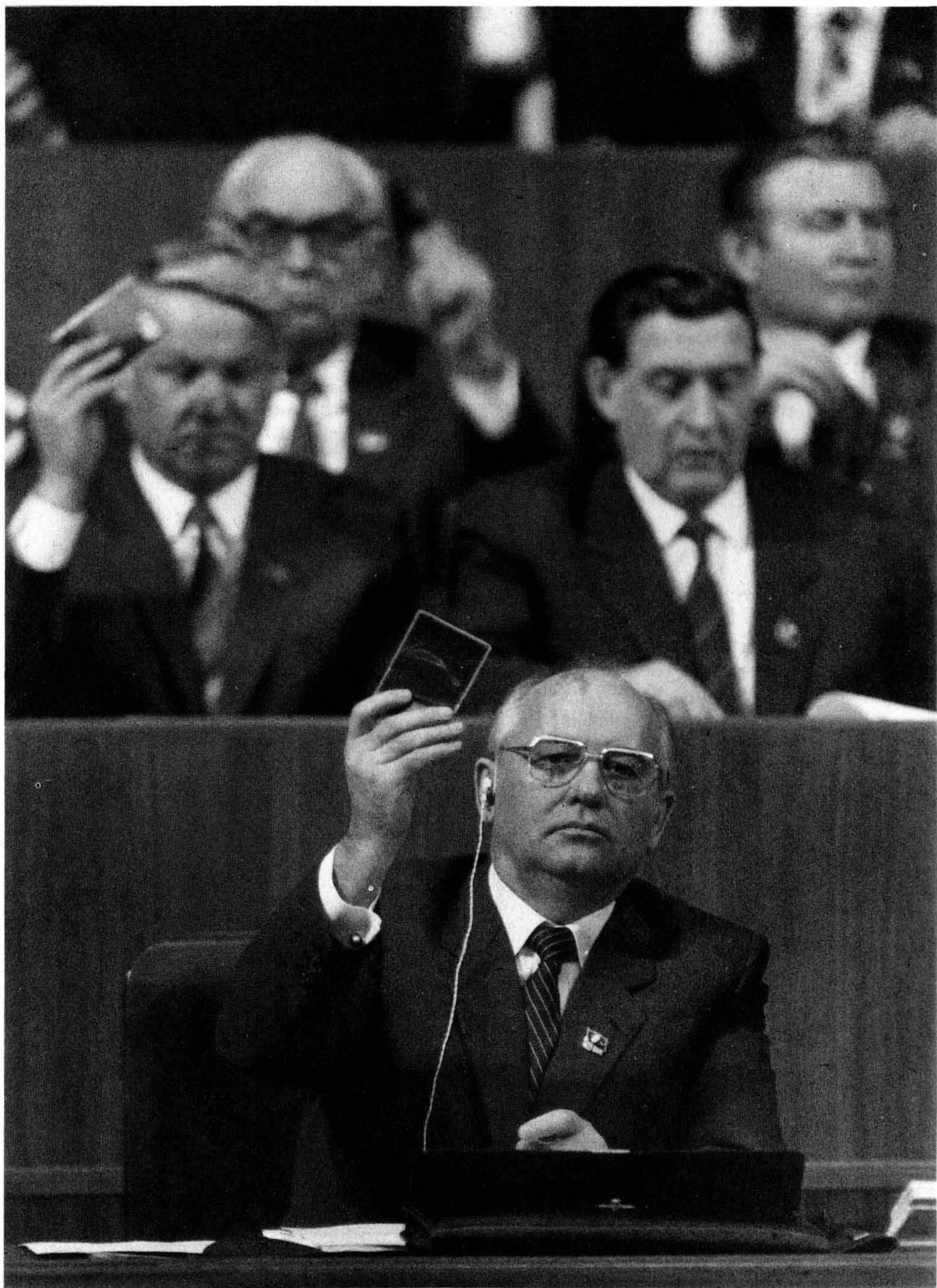
Поездка на Украину. Фотография на память с руководством республики

Встреча с матерями, потерявшими своих сыновей в мирное время на службе в армии. Ноябрь 1990 г.

Заседание Верховного Совета СССР

С Патриархом Пименом и членами Синода. Среди первых шагов перестройки было принятие Закона о свободе совести и вероисповедания

На XXVII съезде КПСС во время утверждения Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г. Март 1986 г.

беспокойство многих выступавших в прениях. Люди, привыкшие десятилетиями занимать высокие должности, явно опасались, что новации «катапультируют» их из начальственных кресел. При таких настроениях руководящих кадров трудно было рассчитывать на успех.

Это побудило меня через неделю встретиться с секретарями и заведующими отделами ЦК. Я поделился впечатлениями о Пленуме, сказал, что партийные органы, руководящие кадры перестраиваются медленно и без «малой революции» в партии дело не пойдет. Многие партийные комитеты меньше всего пекутся о реформах, отсиживаются, выжидают. Это неприемлемая и опасная позиция — общество разбужено, люди ждут перемен. Секретариат ЦК не может быть сторонним наблюдателем.

Сколь глубоко волновала нас тогда кадровая проблема, свидетельствуют записи многих дискуссий и бесед. Накануне поездки на Дальний Восток (в конце июля 86-го) на встрече с редакторами местных газет я упрекнул их в нерешительности и «безголосии». В ответ услышал горькие слова:

— А вы, Михаил Сергеевич, повторите все то, что сказали нам, секретарям райкомов, горкомов и обкомов партии. Ведь наши газеты — их рупоры, а им гласность ни к чему.

Поездка во Владивосток, Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск убедила меня, что редакторы правы. Я столкнулся здесь с такой безрукостью, безразличием к людям, бессердечным отношением к их жизни, о каких даже не представлял. Местному начальству, разумеется, меньше всего нужны были открытость и гласность. Напротив, оно было заинтересовано не выносить сор из избы.

Дальний Восток, исключительно важный для страны регион, был обделен вниманием и заботой центральных властей. Возникавшие здесь проблемы решались кое-как, как правило — в пожарном порядке, когда грозила катастрофа. Мои беседы с руководящими работниками, учеными, специалистами, жителями дали много ценного материала, на основе которого были потом подготовлены решения о развитии края. Поездка помогла также понять, что происходит далеко от Москвы, как там воспринимают перестройку. Ответы оказались неутешительными: надежды людей на перемены не находят никакого отклика в партийных и управленческих структурах, чиновная знать инстинктивно или сознательно саботирует перестройку, не желает решать и простейшие вопросы.

Я, к примеру, понимал, что жилищную проблему рыбаков Владивостока сразу не решишь: для этого нужны время и большие капиталовложения. Но вот трудно было уразуметь, почему руководители Комсомольска-на-Амуре, расположенных там оборонных предприятий, создающих современные подлодки и самолеты, едва ли не каждый день посылая грузовые самолеты в Ташкент по производственным делам,

не позаботятся завезти оттуда овощи и фрукты? Почему в разгар лета не организовали для ребятишек производство мороженого? Почему жители города вынуждены ездить за мебелью за тридевять земель, в Среднюю Азию, если сами ее производят и нужно лишь расширить производство.

Самым частым ко мне обращением в ходе поездки было:

— Михаил Сергеевич, надо дать возможность нам самим выбирать руководителей, выдвигать умных, порядочных, работающих. Тогда и дело пойдет на лад.

20 августа я уехал в Крым, в Нижнюю Ореанду. Но отдых не получался. Не мог настроиться на отпускную волну: заботы и тревоги переполняли меня и вообще на душе было муторно. На берегу моря продолжал обдумывать сложившуюся ситуацию, делал записи, давал поручения. Утверждался в том, что нужно радикально обновить кадры, в соответствии с новыми задачами выстроить систему их подбора и расстановки. В то же время все чаще приходил к мысли, что дело, видимо, не только в людях, а и в том, что они действуют в жестких рамках сложившейся системы, которая оставляет мало пространства для инициативы в хозяйстве и политике. Значит, необходимо определенное реформирование самой системы — такой вывод уже не казался мне крамольным.

Неважно обстояли дела и на внешнеполитическом направлении. Переговоры в Женеве, по сути дела, застряли, свелись к пустому времяпрепровождению. Американцев, как я понимал, такая ситуация устраивала. Тогда я предложил Рейгану безотлагательно встретиться.

Поступавшая в Крым закрытая информация, материалы прессы, беседы по телефону с Лигачевым (он оставался «на хозяйстве»), секретарями ЦК и обкомов партии усиливали впечатление о пробуксовке реформ. Не дожидаясь завершения отпуска, я отправился в Краснодар и Ставрополь. Хотелось побывать в местах, которые хорошо знал, побеседовать с людьми, проверить свои размышления.

Чуда не случилось. И в Краснодаре, и в Ставрополе я еще раз убедился, что перемены идут трудно. Поддержка населением политики перестройки не ослабевала, даже крепла, а вот партийные и управленческие структуры стояли незыблемо. Вроде бы никто не против, все «за», но ничего не меняется. Что же это, непонимание происходящего, неумение действовать по-новому или интуитивно срабатывает инстинкт самосохранения, предостерегая, что «новое» несет серьезную опасность?

В ноябре 1991 года, когда я встречался с профессиональным политологом Э.Хьюиттом, ставшим помощником Президента США, он рассказывал:

— Начиная с 1985 года я три года подряд прилетал в Москву и окунался в столичную атмосферу, встречался с политиками, представителями прессы, творческой интеллигенции. Впечатления? Перестройка идет полным ходом. Ну, прямо-таки «девятый вал»! А потом ехал из столицы в провинцию. Отъедешь на какие-нибудь 100—200 километров, и там совсем другая ситуация, как говорят русские: «тишь да благодать»...

Среди потока корреспонденции, шедшей лично мне и в ЦК, стали все чаще появляться подобные письма. Автор из Белоруссии, разделав в пух и прах никудьшную работу местных властей, взывал: «Михаил Сергеевич, дайте команду открыть огонь по штабам!» Собственно, это было приглашение руководству страны взять на вооружение лозунги китайской культурной революции. Не думаю, что автор хотел того же у нас, задумывался над последствиями. Это был, по сути дела, «крик души», свидетельство того, что люди окончательно разуверились в возможности дождаться перемен при сохранении у власти нынешних кадров.

Разговор о кадрах был необходим. С ранней осени началась подготовка Пленума, постепенно сложилась схема доклада.

Работа над докладом явно затянулась, Пленум, намечавшийся на осень, пришлось дважды откладывать. На заседании Политбюро 1 декабря, рассказывая о своей последней встрече с секретарями обкомов, я констатировал, что многие из них остаются в плену старых подходов.

— Убежден, главная причина застоя — окостенение руководящего состава. Если мы хотим поправить дело, надо менять кадры, кадровую политику. Это и проблема морального права руководить. В корпусе руководителей разных звеньев и уровня накопилось много такого, что не дает возможности открыто и прямо говорить с людьми. Они просто не верят тем, кто себя замарал. Не будет оздоровления кадров — народ за нами не пойдет. Нужна атмосфера гласности, только при таких условиях будут формироваться зрелые кадры.

В выступлениях членов Политбюро были свои оттенки. Громько настаивал на необходимости «оптимистической направленности доклада». Шеварднадзе — на более жесткой характеристике положения в самой партии, снижении ее авторитета, девальвации членства в КПСС. Соломенцев предлагал сильнее сказать об «эксплуатации социализма бездельниками и рвачами». При всех нюансах основные идеи доклада получили поддержку.

Незадолго до Нового года пригласил заведующих отделами ЦК, к которым накопилось немало претензий: «Я знаю, что среди аппарата идет ропот. Теперь ведь ставка на то, чтобы угодить начальству, не срабатывает. На первое место выходят компетентность, добросовест-

ность, ответственность. У многих эти качества отсутствуют. Для руководства ЦК неприемлема позиция, которую занимал многие годы партийный, да не только партийный, аппарат. Ситуация в стране осложнялась, принятые решения срывались, а аппарат молчал, в лучшем случае пописывал докладные записки.

Теперь эта позиция должна быть решительно осуждена и отброшена. Среди работников аппарата есть и те, кто рассчитывает на провал реформ, злорадствует, когда нас постигает та или иная неудача. Секретарь одного из московских райкомов партии недавно заявил: «Подождем, через два года все уляжется». Он убежден, что перестройку удастся похоронить. Так вот: таким людям не место в аппарате партии. Должен быть преодолён номенклатурный подход к кадровой политике. Нам не удастся изменить ситуацию, решить задачи перестройки, если не встанем на путь демократизации партии и общества».

Вот так, шаг за шагом шла апробация идей, которые закладывались в доклад. Каждая встреча давала пищу для размышлений и формулирования задач, а заодно позволяла реально почувствовать, что называется, «сопротивление материала». (Помню, в кругу членов Политбюро Рыжков говорил, что из шестидесяти министров ни один не попросил об отставке, хотя время для многих пришло давно.)

Был момент, когда в Завидове, где я работал, дискуссия о структуре и проблематике доклада в рабочей группе приняла такой характер, что я едва не перессорился со своими ближайшими помощниками. Даже присутствие Райсы Максимовны не сдержало страсти. Работа была прекращена и возобновилась лишь на следующий день. Но оказалось, инцидент в конечном счете сыграл полезную роль. Когда страсти улеглись, мы быстро согласовали спорные вопросы. Документ в целом получился неординарный и представлял серьезный шаг в осмыслении прошлого и выборе пути. Хотя с членами Политбюро я советовался по многим принципиальным тезисам доклада, тем не менее шел на его обсуждение (19 января 1987 г.) не без волнения.

Состав руководства достаточно полно отражал многоцветную гамму настроений в партии и обществе. Из предварительных бесед я знал, что могу твердо рассчитывать на солидарность Рыжкова, энергичную, даже эмоциональную поддержку Шеварднадзе. В разговоре наедине с Воротниковым почувствовал настороженность. А как остальные? Поддержат ли основные идеи демократизации? Ведь, по сути, это означало конец номенклатурному подходу. На место назначений должны были прийти выборы, причем реальные. В кадровый процесс вводился новый решающий элемент — мнение и воля граждан, коммунистов.

Как говорят, «действительность превзошла ожидания». Проект доклада поддержали практически все, острота постановки вопросов по-

могла создать атмосферу непривычной для этой среды откровенности. Возможно, кое у кого пробудились чувства, годами дремавшие где-то в глубине души. Тон задал Громыко: «Проект очень глубокий... Есть кадровый контингент, который себя еще не проявил, а есть те, кому «не по Сеньке шапка». Стоит вопрос — быть или не быть социалистическому государству».

Рыжков отметил, что «критика суровая, но нет безысходности». Однозначно высказался в поддержку раздела о демократизации, связав эту тему с проблемами экономики. Предложил ввести предельный срок занятия государственных должностей, в том числе министров, тайные альтернативные выборы секретарей партийных комитетов.

Лигачев увидел, что от одобренного им рутинного материала, подготовленного орготделом, в докладе практически ничего не осталось. Но оценку проекту дал самую высокую. Поддержал необходимость реформирования политической системы. «Сверлит мысль, что надо сделать, чтобы не переживать периодические кризисы, которые наносят неисчислимый ущерб. Уверен: главное — демократизация».

Эту тему подхватил Шеварднадзе. Вспомнив об афганской войне, он сказал, что прежде часто «нарушалась коллегиальность, решения принимались узкой группой, минуя даже Политбюро, не говоря уж о ЦК КПСС и высших государственных органах». Теперь «формируется целая система мер, гарантирующая от повторения ошибок. Это — нравственная революция».

Поскольку не высказал желания выступить Ельцин, я обратился к нему: не хочет ли что-либо сказать? Начал он с того, что «поддерживает большинство поставленных в докладе вопросов», разделяет критический пафос в оценке прошлого, но считает необходимым дать четкую оценку перестроечного периода. И еще: в застое и торможении развития страны повинны члены Политбюро и ЦК прежних составов, а посему надо дать каждому из них персональную оценку.

Подводя итоги многочасовой дискуссии, я заметил, что главная задача Пленума — вскрыть глубинные причины того, что привело нас к нынешней ситуации, и поддержать развертывающиеся с таким трудом в стране перестроечные процессы. Высказался против того, чтобы в оценке прошлого сводить дело к оценке членов руководства и членов ЦК прежних составов. Для нас важны политические выводы и извлечение уроков на будущее. Перестройка идет медленно — в докладе сказано, что это в значительной мере связано с кадровой политикой, деятельностью управленческих структур. Надо вести линию на приток свежих сил, но недопустимо под видом усиления требовательности устраивать гонение на кадры, ломать «через колено» судьбы людей. Перестройка начата во имя утверждения в обществе и партии демократических принципов, этих целей не достичь на подходах, далеких от демо-

кратии. Пообещал, насколько возможно, наиболее существенные замечания интегрировать в доклад.

После моего заключения Ельцин был смущен, подавлен: из столицы в то время уже поступало много жалоб на его грубость, необъективность, жестокость в обращении с людьми. Я понимал, что работать в Москве нелегко, что Ельцин, пожалуй, острее других ощущает сопротивление партийной и хозяйственной номенклатуры политике перестройки. Вместе с тем считал недопустимым подобные подходы в работе с кадрами. Ельцин вновь взял слово: «Для меня это урок. Думаю, он не запоздал».

Под занавес прозвучала реплика Лигачева:

— Самое трудное — привыкнуть к тому, что и тебя могут огреть...

Главным было единодушное мнение Политбюро: с таким докладом не стыдно идти к народу.

Январский Пленум 1987 года

Лигачев был прав, сказав на заседании Политбюро: «XXVII съезд ответил на вопрос, что произошло, а январский Пленум — почему это произошло». Было положено начало фронтальному анализу пути, пройденного страной, провозглашен курс на демократизацию.

На Пленуме из записавшихся 77 человек выступили 34. Ни один не обошел критики бюрократизма, все были, как говорится, двумя руками за демократизацию.

И все-таки Пленум, резко отличавшийся от предшествующих по раскованной атмосфере дискуссии, в главном вопросе остался на старых позициях — никто не покусился поставить под сомнение правомерность монополии партии на назначение кадров. Как совместить свободные выборы с механизмом номенклатуры — эту тему ораторы предпочли обойти.

Январский Пленум 1987 года запомнился еще и тем, что на нем впервые выплеснулись наружу противоречия по вопросу о гласности. Дискуссия на эту тему началась, по сути, с самого начала прений, когда Полозков, сказав «что положено» по докладу, продолжил:

— Чем зачитывается сегодня молодежь? От каких произведений в восторге обыватель? «Пожар», «Плаха», «Печальный детектив» и т.п. То же самое в театрах. Как и в периодической печати, остро вскрываются наши болячки. Но как бы душу при этом не опустошить!.. Метод отрицания в отражении действительности стал чуть ли не единственным, а надо же утверждать идеалы! Не пора ли нам в этом деле основательно разобраться?

Для меня было совершенно неожиданным услышать от Валентины Голубевой, ткачихи, дважды Героя Социалистического Труда: «Я счи-

таю, что пора голой критики и проверок ради фиксации недостатков слишком затянулась. Нам надо твердо, четко отличать заинтересованную конструктивную критику от пустопорожного, а иногда прямо-таки злобного критиканства... Идет смакование недостатков, мало освещается положительного опыта. Во всем должна быть мера. Есть опасность оказаться в противоположной крайности».

Это были тревожные признаки того, что партийная верхушка не станет безропотно мириться с потерей возможности по своему стандарту и к своей выгоде формировать духовную жизнь общества. Гласность, как и следовало ожидать, становилась первым полем борьбы за свободу. И на Пленуме нашлись люди, «поднявшие перчатку».

Сильней всех, на мой взгляд, выступил знаменитый наш артист Михаил Ульянов.

— Вводится в нашу общественную человеческую жизнь самое главное — гласность, демократизм, самоуправляемость. Я думаю, эти три кита, если не будем их округлять, припомаживать, прилаживать к себе, могут вытянуть огромные проблемы сегодняшнего дня нашего народа и партии. Гласность — непричесанная и неприглаженная, демократизм сверху и донизу, самоуправляемость, в которой участвует народ. Время винтиков прошло, и это прекрасно. Пришло время народа, который сам управляет своим государством.

Доклад Михаила Сергеевича поразительного мужества. Сказано прямо, что проблем у нас огромное количество, что перестройка идет туго, трудно, не так, как мы ожидали. Вот эта правда партийная. Что же, об этом не писать? Или писать, что у нас все хорошо? Бояться кого-то обидеть? Уже было. И мне кажется, скромные вроде бы намеки — не очень ли газетчики размазались, не нужно ли их немного поприжать — очень опасны...

Пленум одобрил доклад, согласился с нашими оценками причин кризиса, в котором страна оказалась на рубеже 70—80-х годов, поддержал идею демократизации, высказался в поддержку предложения о проведении Всесоюзной партийной конференции.

И в то же время стало ясно, что многие члены ЦК не готовы к тому повороту, который закладывался докладом. Чего же тогда можно было ожидать от работников партийных органов, от всей многочисленной номенклатуры?

Вероятно, историки будут оценивать рубеж 1986—1987 годов как первый серьезный кризис перестройки. И будут правы. Мы ощущали «подземные толчки», хотя общество жило ожиданием благих и скорых перемен, не предчувствовало еще, какие катаклизмы несет будущее, какими трудностями и горем обернутся для людей упорное сопротивление ретроградов и агрессивность радикалов.

Менялась жизненная атмосфера, будто широко распахнулись окна в душной комнате и повеяло свежим ветром. Настроение это отразилось, между прочим, даже в песнях. Я обратил внимание, что с одинаковым названием «Свежий ветер» появились две песни. Одна принадлежала Олегу Газманову и пользовалась широкой популярностью, особенно у молодежи. Позднее она послужила музыкальной заставкой к документальному фильму о первом Президенте СССР.

Поле, поле, поле свежий ветер пролетал,
В поле свежий ветер, я давно о нем мечтал!

Авторы второй песни — П.Аедоницкий и А.Ковалев. Многие знали поэта Ковалева и дипломата Ковалева, заместителя министра иностранных дел. Но немногим было известно, что это один и тот же человек. У текста песни своя история. В 1976 году Анатолий Гаврилович был избран делегатом XXV съезда партии от ставропольской партийной организации, познакомился с моими земляками, которые произвели на него большое впечатление своей теплотой и открытостью. Особенно запомнилось ему, что встречи друзей там всегда завершались тостом: «Быть добру!» И вот много лет спустя он использовал эти слова как ощущение перестройки, обновления:

Если дует свежий ветер,
Это значит — быть добру!

Иссык-Кульский форум

В октябре 1986 года произошло событие, которому суждено было сыграть заметную роль в годы перестройки. Это — Иссык-Кульская встреча, собравшая выдающихся деятелей культуры: Артура Миллера, Александра Кинга, Олвина Тоффлера, Питера Устинова, Омера Ливанелли, Федерико Майора, Афеворка Текле. Ее инициатором и вдохновителем явился наш Айтматов. Речь шла о ядерной угрозе, экологических бедах, о дефиците нравственности, особенно в политике.

Моя встреча с участниками форума состоялась 20 октября, спустя неделю после Рейкьявика. Мы почувствовали взаимное расположение и в непринужденной беседе за столом провели несколько часов. Я, в частности, напомнил собеседникам ленинскую мысль о «приоритетности интересов общественного развития над интересами классов». В ракетно-ядерный век ее значимость ощущается особенно остро. Мы присягаем этому принципу и хотели бы, чтобы он был понят и признан повсюду в мире.

Эта беседа, где ленинская идея интерпретировалась и обогащалась с учетом сегодняшних реальностей, была опубликована в «Коммунис-

те». Она вызвала большой резонанс и у нас, и за рубежом. В особенности тема общечеловеческих ценностей. Взорвалась бомба в стане сторонников ортодоксального мышления! Какие развернулись жаркие дискуссии, сколько недоуменных вопросов задавалось на последующих встречах со стороны прежде всего нашего партийного актива!

— Мы не отвергаем общечеловеческие ценности, — говорил мне Лигачев, — но нельзя сбросить со счетов классовые интересы!

— Да, но я ведь говорю о приоритете общечеловеческих ценностей. Это не значит, что мы отрицаем классовые, групповые, национальные и другие интересы. Ясно, однако, что они потеряют всякое значение, если не удастся предотвратить общими усилиями ядерную войну. Какие уж в этом случае интересы, да и сами классы! Все пойдет прахом...

Мы уже по-разному оценивали изменившийся мир, новые реальности. Тогда я остро почувствовал, как трудно будет продираться сквозь частокोल закостенелых догм! Казалось бы, очевидно: ядерная угроза, экологический кризис, раскол мира — дальше двигаться по таким азимутам безумно. А тут подозрения: «Запахло антимарксистской ересью», «Горбачев себя выдал, что-то он затевает».

Глава 10

БОЛЬШЕ СВЕТА: ГЛАСНОСТЬ

Сложное наследие «Больше света» — часто говорил Ленин, когда партия большевиков находилась в подполье. Я прочитал их еще в студенческие годы, и они врезались в память.

С годами мой опыт политической деятельности все больше убеждал, что этот ленинский лозунг не случайно канул в Лету. Уж очень не подходил он номенклатуре, всем, кто причастен к власти. Наоборот, «поменьше света» — вот их принцип и тайное желание. Если кто-то из высоких сановников и ратовал за гласность, то только в том случае, когда надо было изобличить оппонента или дискредитировать соперника. То есть в сугубо карьеристских целях, а отнюдь не как неотъемлемый элемент общественной жизни, нормального функционирования управленческих структур.

В первые революционные годы «гласность» понималась как оружие партии. Ругали «контру», кляли империализм, критиковали бюрократов нового «пролетарского разлива». И только. Ведь не кто иной, как Ленин, распорядился установить жесткий государственный контроль над информацией. Почему? Неужели большевики боялись открытой схватки со своими идейными противниками?

Этот вопрос всегда меня интриговал. Тем более что внутри партии гласность первые годы не ограничивалась. Помню, я был просто восхищен, когда впервые читал стенограммы VII—XI съездов. Несмотря на Гражданскую войну и иностранную интервенцию, отчаянное положение молодой Советской власти, правящая партия не боялась дебатов, не считала возможным ограничить свободу мнений, высказываний, критики. У меня создавалось впечатление, что Ленин сознательно стимулировал «вскрытие» внутрипартийных разногласий, по крайней мере, на первых порах. А вспомните беспощадность полемики против самого Ленина по поводу Брестского мира, остроту и драматичность

споров вокруг нэпа. «Рабочая оппозиция» беспощадно обвиняла вождя партии за отрыв от интересов пролетариата, трудящихся.

Не примечательно ли и то, что при Ленине никто из признанных лидеров не был удален из руководства? Наоборот, соблюдался своеобразный принцип: в его составе должны быть деятели, придерживающиеся разных позиций. На VII съезде, в ответ на очередное «увлечение» Бухарина, Ленин пишет ему: считать, что в ЦК все должны думать одинаково, — значит вести партию к расколу и гибели. X съезд РКП(б): троцкистская оппозиция, а двух человек из нее «обязательно в Политбюро», от рабочей оппозиции — двух человек «обязательно в ЦК».

Такая атмосфера сохранялась до середины 20-х годов. Шли острые дискуссии, но как только Троцкого исключили из ЦК и отправили в ссылку — все! По инерции внутрипартийные «разборки» продолжались до 1929 года, а с разгромом бухаринской оппозиции тоталитарный колпак окончательно опустился и на партию.

Итак, с одной стороны, Ленин был сторонником свободной дискуссии в партии, а с другой — он же выступил на XI съезде с резолюцией о запрете фракций, фактически означавшей беспощадную борьбу со всяким инакомыслием. С одной стороны, он выступал против бюрократизации партийной работы, подмены демократического централизма бюрократическим. А с другой, доводил выяснение отношений со своими оппонентами до изгнания их из партии и даже раскола. Не объясняется ли это противоречие сменой условий? В какой-то мере, конечно, да. Одно дело партия, определяющая в подполье свою стратегию, другое — пришедшая к власти и крайне нуждающаяся в единстве, чтобы сохранить ее за собой.

Но, полагаю, не меньшее значение имеют здесь черты характера, абсолютная уверенность в своей правоте. Ленин любил спор до той поры, пока мог сразить соперника своими аргументами, несокрушимой логикой. Но там, где «коса находила на камень», где противник не хотел сдаваться, он не останавливался перед крайними мерами.

Таковы были мои попытки разобраться в ленинском подходе к гласности и демократии. Они стимулировали мою собственную позицию по этим жизненным вопросам.

Кстати, будучи как-то в Веймаре, в доме Гёте, я узнал, что слова «Больше света» прозвучали из уст великого мыслителя, писателя в последние минуты его жизни.

Первые шаги

Первым актом гласности можно, думаю, считать мою поездку в Ленинград в мае 1985 года. Состоялся непривычный контакт руководителя с людьми. Выступление без всяких бумажек и предварительных консультаций с коллегами создало целую проблему для Политбюро. Впер-

вые многое из того, что содержалось в неопубликованных материалах мартовского и апрельского Пленумов ЦК, о чем говорилось «в закрытом порядке» в партийных верхах, было «выплеснуто» на всех.

Но что было дальше?

У самолета, прощаясь с Зайковым, я получил от него видеокассету с записью моего выступления на встрече в Смольном с активом городской парторганизации. Прилетел домой, в воскресенье на даче в кругу семьи решили ее посмотреть. Все были взволнованы. Раиса Максимовна сказала:

— Я думаю, надо, чтобы все люди это услышали и узнали.

Возникла мысль: может, разослать запись по обкомам? Пусть послушают выступление целиком, ведь по телевидению и радио передали фрагменты в порядке репортажа. Мне было трудно решиться, не хотелось себя выпячивать — это походило бы на саморекламу. Я позвонил Лигачеву и направил ему кассету:

— Егор Кузьмич, посмотри и скажи свое мнение. Не разослать ли по обкомам?

Он посмотрел, позвонил мне и сказал:

— Считаю, за исключением, может быть, нескольких фраз надо дать полностью по телевидению. Такого же мнения Зимянин.

Но раз Лигачев (тогда «правая рука») и Зимянин («главный идеолог») так высказались, я согласился. Кто в то время следил за событиями, должен помнить, какой живой отклик вызвала в стране эта передача. У людей зародилась надежда на то, что действительно что-то начинает меняться.

Первый шаг гласности был сделан, но предстоял еще долгий путь. В аппарате ЦК, агитпропе стереотипы не менялись. Летом 1985 года сменили заведующего отделом пропаганды. Но вся огромная идеологическая машина партии — аппаратчики, пресса, партшколы, Академия общественных наук и т.д. — работала в привычном для себя режиме. Менять ситуацию можно было, только пробивая одно за другим «окна» в системе тотальной секретности, и делать это способен был только генсек.

Одним из таких прорывов к открытости стали мое интервью американскому журналу «Тайм» (начало сентября) и беседа с тремя корреспондентами французского телевидения (октябрь). Руководителям «Тайма», обратившимся с просьбой об интервью, предложили прислать вопросы, то есть «по старой схеме». Ответы были подготовлены в письменном виде, но, когда за ними в назначенный день пришли американцы, завязалась живая беседа. В «Правде» она была полностью опубликована, это встретило большой интерес в стране и мире. То же можно сказать о встрече с французскими журналистами — накануне визита в Париж. Я столкнулся в открытом эфире с людьми, которые

вели беседу наступательно, временами даже бесцеремонно, вопросы ставили «в лоб». И, кажется, не проиграл этой баталии.

Для меня эти два интервью означали новый опыт, своего рода приобретение. Осталось ощущение, что через что-то перешагнул. Одно дело говорить с трибуны, да еще обращаясь к благожелательно настроенной, «дисциплинированной» аудитории, и другое — лицом к лицу, когда тебя в любой момент могут перебить и возразить. Я почувствовал себя раскованно не сразу, поначалу осторожничал, но постепенно разгорячился, «завелся», перестал думать о том, что меня записывают или идет прямая передача.

Новый стиль общения генсека со средствами массовой информации дал пример другим партийным деятелям. Это вошло в обиход, стало казаться нормальным и обыденным, а ведь поначалу воспринималось как диковинка, одних приводило в восторг, у других встречало осуждение.

Очередной ступенью в развитии гласности стало поощрение критических выступлений в печати, на телевидении и радио по поводу всевозможных безобразий, слабостей, прорех в нашей жизни, о которых в прошлом не полагалось говорить вслух, выносить на суд общественного мнения. Настолько общество устало от всяких зажимов и запретов, что стоило приоткрыть журналистам «кислород», как их охватила лихорадка критицизма. И тут же они натолкнулись на сопротивление номенклатуры, даже преследование, особенно свирепое на местах.

На перекосы я и сам обратил внимание: критика стала приобретать оскорбительный, разносный характер, нередко публиковались откровенно клеветнические материалы, основанные на искажении и подтасовке фактов. С другой стороны, страницы газет и телеэкран заполнили профессионалы пера: ученые, профессора, писатели, прежде всего сами журналисты. А люди «от жизни» опять оказались в роли слушателей поучений и назиданий. Причем каждый орган информации пускал «на публику» только «своих», инакомыслящих у себя не терпел. Поначалу эти и другие «отходы» гласности мы пытались устранять привычными методами: генсек обращал внимание «главного идеолога», тот давал указание агитпропу, в отделе собирали редакторов, журналистов и наставляли, как вести дело.

Но постепенно эти испытанные методы перестали срабатывать. Редакторы начали «огрызаться», некоторые и вовсе проявляли непокорность, испытывая терпение партийного начальства методом проб и ошибок. Чуть ли не каждую неделю появлялись «дерзкие» публикации, поднимавшие планку допускаясь в тот момент открытости. В первое время роль «заводил» играли «Огонек», «Московские новости», «Аргументы и факты». И на Пленумах ЦК, как я уже рассказывал, в аппарате и руководстве роптали по поводу вседозволенности печати. Я

же все больше приходил к выводу, что нужно оградить гласность от покушений, но и средства массовой информации должны нести четкую ответственность. Добиться того и другого следует «не цыканьем» на редакторов, а принятием закона о печати. Эта мысль у меня начала созревать где-то в 1986 году, но прошло немало времени, пока удалось ее реализовать.

Благодаря гласности перестройка начала обретать все более широкую социальную базу. Значение этого трудно переоценить. А это могли сделать только по-настоящему «ангажированные» люди в редакциях газет, теле- и радиостанций, изо дня в день распространяющие и разъясняющие новые идеи. Без этого трудно было рассчитывать и на соответствующие практические действия в русле политики перестройки.

Я особенно оценил значение гласности, когда почувствовал, что импульсы, идущие сверху, все больше «зависают» и застревают в вертикальных структурах партийного аппарата, управленческих органов. Свобода слова позволила прямо, через головы аппаратчиков обращаться к людям, стимулировать их активность и получать поддержку. Образовалась «обратная связь», оказывавшая огромное влияние и на инициаторов реформ.

Закрытые зоны Очень скоро приобрела актуальность проблема «зон, закрытых для критики». Брежнев предпочитал щадить своих сподвижников в «верхнем эшелоне», от которых так или иначе зависел. Допускалась ли когда-нибудь критика Кунаева, Щербицкого, Рашидова, Алиева или «гришинской» Москвы? Это было просто немыслимо.

Вопрос встал шире. Ведь как было? Можно критиковать почти всех в районе, даже председателя райисполкома. Но первого секретаря, пока его не снимут сверху, — не тронь. Это было железным правилом, и, когда один за другим партийные работники все более высоких рангов стали выпадать из «зоны вне критики», реакция была болезненной. Сколько звонков в редакции, в ЦК, жалоб на телевидение и газеты, которые «осмелились» выводить на чистую воду засидевшихся удельных князьков! Много жаловались и на редактора «Правды» В. Афанасьева. В областях завели учет, сколько раз центральный орган партии отметит ту или иную из них в положительном плане, а сколько покритикует. И буквально требовали «соблюдать баланс», чтобы «не обидеть коммунистов, тружеников области». Шло давление через цековское лобби.

Полностью закрыто было все, касавшееся реальных военных расходов, вообще положения в армии, состояния научных исследований в ВПК, данных о том, насколько эффективно используются финансовые

и материальные ресурсы для обороны. Не то что народ, члены Политбюро не знали полной картины и были фактически «заложниками», ставя подпись под решениями по ультрасекретным вопросам без права что-то спросить и обсудить. Когда «оборонку» курировал Устинов, он, по существу, монополично распоряжался этими делами. Кроме Брежнева, никто из членов Политбюро не осмеливался поинтересоваться, не то что затребовать какую-либо информацию в этой сфере. Кстати, в армии дедовщина существовала давно, но сведения о ней замалчивались.

Внешняя торговля — еще одна закрытая зона, особенно в том, что касалось поставок оружия: количество, виды, место назначения, оплата и т.д. Почти тот же порядок распространялся на торговлю зерном, нефтью, газом, металлом. Подробные сведения на этот счет публиковались во всех иностранных справочниках, а у нас их стерегли от публики как первостатейный государственный секрет.

Целиком вне сферы информации и критики находился КГБ. Самое большее, что оттуда иногда исходило, — лаконичное сообщение о высылке шпиона или о связях какого-нибудь диссидента с империалистической разведкой.

Практически вся статистика находилась под плотным колпаком цензуры. Данные по экономике, социальным вопросам, культуре, демографии публиковались исключительно по специальному постановлению ЦК, с большими изъятиями и «подчистками», особенно по вопросам жизненного уровня населения. Сведения о преступности и медицинские показатели хранились за семью замками.

Не только военный, но и государственный бюджет в его реальных измерениях был тайной. От общества скрывали дефицит бюджета. Миллионы вкладчиков не подозревали, что для его покрытия незаконно делаются заимствования из сбербанка. А кто знал, что темпы роста доходов на оборону многие годы в полтора-два раза превышали плановые и реальные приросты национального дохода!

Депутатам Верховного Совета СССР проект бюджета подавался в полном ажуре. В нем была статья «другие расходы», на которые отводились 100—120 миллиардов рублей. И никто из народных избранников не рискнул задать вопрос: что же это за «другие расходы»? А ведь не пустяк — пятая часть всего бюджета.

Как реагировали на редкие, но все же случавшиеся попытки получить информацию по «щекотливому вопросу»? Либо просто игнорировали подобную «дерзость», либо разъясняли, что этого не допускают высшие государственные интересы. На профсоюзном съезде делегат из Сибири — запомню фамилию — выступил с мягкой критикой правительства по бюджетным делам, даже упомянул Брежнева, мол,

куда тот смотрит. Что здесь началось — ЧП* обсуждалось на Политбюро, аппарат ЦК трясло, секретарю ЦК по кадрам Капитонову поручили «разобраться».

Открывать «закрытые зоны» было невероятно трудно. В каждом случае это вызывало отчаянное противодействие соответствующих ведомств, ворчание хранителей секретов и стенания идеологов. Это и понятно. Ведь некоторым организациям снятие завесы секретности грозило «летальным исходом» — обнаруживались их полнейшая несостоятельность и ненужность. Ну а идеологи, «церберы системы», не без оснований полагали, что правда подорвет веру в непогрешимость наших догматов, не то что один король, а весь «двор» предстанет голым.

Гласность и экология

Гласность резко выплеснула в общество экологическую тему. Нельзя сказать, что она была до того полностью под запретом. Нет, и при Сталине писали о сокращении лесных угодий и значении в этой связи создаваемых по повелению «великого кормчего» лесозащитных полос. При Хрущеве модной темой стала борьба против заболачивания и засоления почв. А при Брежневе время от времени в печати публиковались свидетельства о некоторых острейших экологических проблемах — Байкале, Арале, Ладожском озере, Каспии, Азове.

Но при всем этом был установлен жесткий предел, который категорически запрещалось переступить. Прорывались к публике лишь скудные обрывки информации, народ не мог представить всех масштабов бедствия нашей природы в результате дикого, варварского к ней отношения. Гласность впервые позволила людям получить не отдельные, тщательно «процеженные» крохи информации, а всю правду о том, что происходит с нашей землей, лесами, водами, каким воздухом дышат города. Был дан мощный импульс «зеленому движению». Население начало остро реагировать на планы строительства крупных промышленных объектов — особенно атомных станций, химических и металлургических производств, аэродромов.

Помню, какой бой дали волгоградцы планам расширения предприятия, работавшего на химизацию сельского хозяйства, хотя проектанты гарантировали экологическую чистоту. Так было в других местах, пусть даже речь шла о производстве дефицитных лекарств или мыльного порошка. Сильнейшее народное противодействие вынудило отказаться от проекта переброски вод северных рек, угрожавшего непредсказуемыми катаклизмами. Известные писатели связали себя с главными направлениями борьбы в защиту природы. Валентин Распутин —

*То есть чрезвычайное происшествие.

Байкал, Сергей Залыгин — Волга, Олжас Сулейменов — ядерный полигон в районе Семипалатинска, Виктор Астафьев — сибирские леса и реки, Василий Белов — леса севера России, Иван Васильев — Нечерноземье (гибель деревни — это гибель страны, таков был лейтмотив его ярких статей).

Гласность обнаружила, какая у нас расточительная психология: мол, хватит всего на веки вечные. Как неумело добывали, вернее «не добывали», нефть. Прошлись «кованым сапогом» по деликатному растительному покрову тундры. Загубили бесценные породы рыб, построив на Волге каскады электростанций. Мы узнали, что в 90 городах — практически всех крупнейших промышленных центрах Союза — наличие вредных веществ в атмосфере превышает допустимые нормы. По стране прокатился взрыв горечи и возмущения, когда стало известно, что поставлен под угрозу генофонд наших народов.

Уже тогда пришлось закрыть 1300 предприятий. Конечно, это было нелегко для экономики, намного осложнило перестройку, но, несмотря на возражения хозяйственных органов, местных властей, мы поддержали общественность. Предприятиям, продукция которых была необходима для жизнеобеспечения, было предложено принять срочные меры по соблюдению экологических предписаний и стандартов. Пришлось выступить и против перехлестов. Например, было очевидно, что нельзя творить произвол над землей, но некоторые фанатичные энтузиасты потребовали вовсе отказаться от мелиорации. Я возразил: с ума не надо сходить. Правильно предупреждают, что мы не знаем долговременных последствий сегодняшних действий, но рационально использовать воду сам Бог велел. В той же Америке, где климат куда благоприятнее нашего, более 25 миллионов гектаров орошаемых земель. Надо восставать не против мелиорации вообще, а против диких методов ее осуществления.

И в вопросах отношения к природе гласность несла не одни блага, сопровождалась и издержками. Появлялись прямо-таки истерические «выбросы» в прессе, публичных выступлениях. Некоторые члены руководства, хозяйственники хватались за эти вздорные выступления, убеждали, что «зеленое движение» погубит нашу экономику. Реакция интеллигенции на экологические проблемы стала трансформироваться в обобщения. Одни видели в них еще одно свидетельство изначальных пороков системы, другие — результат недальновидности, безответственности, ошибок партийно-государственного руководства. Все более ожесточенно атаковали правительство. Николай Иванович Рыжков порой просто терял самообладание. Помню один из таких эпизодов на заседании Политбюро. «Я не позволю издеваться надо мной, над моей семьей!» — буквально взорвался он, имея в виду крайне злобный выпад против него на телевидении.

«Дети Арбата» и другие прорывы

Гласность — это также возвращение «с полок» запрещенных к показу кинофильмов, публикация острокритических произведений, переиздание в стране практически всей «диссидентской» и эмигрантской литературы.

Пробным камнем стали, пожалуй, романы Рыбакова «Дети Арбата», Дудинцева «Белые одежды», Бека «Новое назначение».

Анатолий Рыбаков прислал мне письмо, а затем и рукопись. В художественном отношении она не произвела на нас большого впечатления, но в ней воспроизводилась атмосфера времен сталинизма. Рукопись прочли десятки людей, которые стали заваливать ЦК письмами и рецензиями, представляя книгу «романом века». Она стала общественным явлением еще до того, как вышла в свет. Располагало и имя автора, с творчеством которого я был знаком по «Екатерине Ворониной» и «Тяжелому песку». В общем, я считал, что книга должна выйти в свет, поддержал ее и Лигачев. Эпизод с романом Рыбакова помог преодолеть опасения последствий разоблачения тоталитаризма.

К такого рода преодолениям относится и реакция руководства на кинофильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Он создавался под «прикрытием» Шеварднадзе, появился на экране сначала в Доме кино для «узкого круга», потом начал демонстрироваться в других закрытых залах. Фильм произвел впечатление разорвавшейся бомбы, стал явлением не только художественным, но и политическим. Идеологи предлагали обсудить на Политбюро, пускать ли его в широкий прокат. Я воспротивился, считая, что вопрос этот должны решать сами кинематографисты, творческие союзы. Там только этого и ждали. Так был создан прецедент, и скоро с полок посыпались произведения, задвинутые туда цензурой. А издательства начали беспрепятственно выпускать новые работы Айтматова, Астафьева, Распутина, Можаяева и других писателей, перешагнувших каноны «социалистического реализма» и стремившихся восстановить великие традиции отечественной литературы, основанные на реализме критическом. Массовыми тиражами стали выходить труды Карамзина, С.Соловьева, Ключевского, Костомарова и других историков. За ними последовали книги русской эмигрантской классики: Бунина, Мережковского, Набокова, Замятина, Алданова. А там пришла пора «вернуться на Родину» той плеяде великих мыслителей, которые подверглись остракизму после революции: В.Соловьеву, Федорову, Бердяеву, Флоренскому, Ильину.

Не берусь перечислять всех. Называю лишь тех, с чьими трудами успел хотя бы познакомиться. И знаете, что мне прежде всего приходило в голову: как жалко, что не смог прочитать всего этого еще в студенческие годы! Да, наше поколение было обделено в духовном отношении, посажено на скудный паек, состоявший из одной идеологии, ли-

шено возможности самому сравнить, сопоставить различные направления философской мысли и сделать свой выбор.

Факторы торможения

В обществе довольно быстро стали сознавать, какое могучее орудие — гласность. Люди начали жить в других координатах. В Москву, в центральные учреждения шло уже меньше липовых победных реляций, больше сведений о действительном положении дел. Налаживалась обратная связь, власть попала под «прожектор» гласности. Высвечивалось, кто в правящих структурах чего стоит с точки зрения дела и морали. К этой новой ситуации надо было либо приспособливаться, либо бороться с ней. Так двойко и отреагировал на новую ситуацию верхушечный слой.

Когда мы собрали в Москве совещание руководителей областной и местной печати, буквально стон стоял: начальство зажимает, снимает с работы, затевает всякого рода расследования, организует компромат на журналистов, выносящих сор из избы. А от самого «начальства» слышали другие вопли: подрываются основы, посягают на социализм, социалистическое здание рушится! Наши «удельные князья», будь то руководитель предприятия, колхоза, района, области, к критике сверху привыкли и безропотно ее терпели. Но чтобы каждый, да еще подчиненный, мог свободно судить об их деятельности — такого не бывало, воспринималось как потрясение основ. Недовольство кадров нарастало, в Кремль сыпались жалобы.

На упоминавшемся совещании редакторов приводилось много фактов, свидетельствовавших, что бюрократия держит прочную оборону и не выпускает прессу из-под своего жесткого контроля. Да и сама она не всегда действовала боевито, больше робела, по привычке гнула спину. Мы стали поощрять в центральных органах статьи в поддержку региональной прессы. Печатались обзоры наиболее интересных выступлений местных газет, брались под защиту корреспонденты, подвергшиеся преследованию за критику.

Развертывание гласности тормозила не только позиция номенклатуры. Корни уходили в саму систему руководства средствами массовой информации, унаследованную от сталинских времен. Центр сохранял тотальный контроль за этой сферой «от Москвы до самых до окраин». Были ли это партийные газеты или профсоюзные, комсомольские, Союза писателей, организаций рыбаков, охотников, ветеранов — кого угодно, над всеми стоял агитпроп. Все редакторы утверждались в партийном порядке. Раз или два в месяц в отделе пропаганды ЦК проводились встречи с главными редакторами, иногда с участием зампредов Совмина и министров. Давались хвалебные либо осуждающие оценки публикациям, указания, что и как писать. Любое изменение, касающе-

еся, скажем, периодичности, объема, количества полос в газетах и журналах, допускалось исключительно с согласия Секретариата ЦК. В аппарате постоянно «отслеживали», что публикуется, инструкторы докладывали руководству свои наблюдения и оценки, конформисты поощрялись, «критиканы» сурово наказывались.

Не могу не упомянуть о цензуре, которая играла огромную роль в «охране» режима. Официально этот орган именовался вежливо — Главлитом, и он должен был следить за неразглашением государственных секретов. На деле это был своего рода идеологический КГБ, перед которым буквально трепетали редакторы и издатели. В функции Главлита входил бдительный надзор за периодикой, и особенно библиотеками, архивами. По его представлениям утверждались списки запрещенной литературы, указывалось, что следует держать в спецхране, что «секретно», «совершенно секретно», «для служебного пользования».

Практика эта была отменена в 1988 году, и это тоже стало одним из завоеваний гласности. Главлит еще оставался, но утратил прежние функции. Постепенно была упразднена и система спецхранов. Списки книг, подлежащих запрету или полужапрету, несколько раз пересматривались, пока все они не были возвращены на открытые для всех книжные полки. В числе первых были книги А.И.Солженицына.

Пресса выходит из-под контроля

Между тем читатель начал проводить различие между официальными изданиями, которым полагалось строго выдерживать партийную линию, и менее скованной печатью. Подписка на газеты и журналы осенью 1986 года дала любопытные результаты: «Комсомолка» — на 3 миллиона больше, «Советская Россия» — на 1 миллион, «Известия» — на 40 тысяч, «Коммунист» — на 70 тысяч, «Правда» прибавила немного.

Стали возникать «вольные» издания, взявшие на себя роль возмутителей спокойствия. Началось это с «Московских новостей», чьи смелые публикации то и дело вызывали переполох в соответствующих инстанциях. Приходилось не раз брать под защиту редактора Егора Яковлева, хотя и мне он доставлял немало хлопот. Вослед «МН» двинулся «Огонек». До того это был сугубо парадный официоз, сначала грибачевский, потом сафроновский*. Когда освободилось место главного в журнале, стали обсуждать, кого назначить. Все были согласны с тем, что надо сделать это популярное иллюстрированное издание активным проводником перестроечных идей. Называлось несколько кан-

* Н.Грибачев — публицист, А.Сафронов — драматург, каждый из них многие годы был главным редактором журнала «Огонек».

дидатур, в конце концов Лигачев предложил Коротича, на том и порешили. Почему выбор пал на него? Он к этому времени опубликовал в «Правде» несколько интересных статей. Привлекало и то, что человек вроде «со стороны», не связан с московской групповщиной. Егору Кузьмичу больше всего импонировало, что Коротич выступает «с классовых позиций», против буржуазной идеологии и культуры.

При новом шефе «Огонек» воспрянул, вызвал большой резонанс острыми выступлениями на актуальные темы, волновавшие общество. Но затем, увы, редакция скатилась на односторонние, в известной степени даже клановые позиции. Разгоревшаяся у нее полемика с изданиями других направлений приняла ожесточенный, временами неприличный характер. Появились призывы к различным группировкам литераторов прекратить свары, больше думать о проблемах, которыми озабочено общество. Ну а после неудавшейся попытки избраться в народные депутаты Коротич, похоже, вовсе охладел к «Огоньку» и укатил в США, оставив его хиреть на чьем-то попечении. Печальный финал издания, которое вместе с «Московскими новостями» сыграло роль рупора сторонников перестройки на первом ее этапе.

Теоретический и политический орган ЦК КПСС «Коммунист» с самого начала перестройки выступал против новых идей. Удивляться не приходилось: возглавлял журнал самонадеянный философ, фанатичный приверженец схоластики «развитого социализма» Косолапов. Первые месяцы я как-то с этим мирился, не хотелось выглядеть лидером, который «расправляется» со ставленниками предшественников. Но эта терпимость стала вызывать недоумение, да и дело требовало срочно укрепить, как тогда принято было говорить, руководство ведущего партийного издания. Всплыла кандидатура Ивана Тимофеевича Фролова. Он был членом-корреспондентом Академии наук СССР, отличился в свое время смелыми выступлениями против лысенковщины. Успешно руководил журналом «Вопросы философии», но был снят с этого поста известным мракобесом, заведующим отделом науки ЦК Трапезниковым. Работал в журнале коммунистических и рабочих партий «Проблемы мира и социализма». Словом, подходил «по всем статьям».

Фролов стал главным редактором «Коммуниста», и очень скоро уровень журнала резко повысился, он активно включился в разработку и пропаганду перестроечных идей. В это время я поближе узнал Ивана Тимофеевича, оценил независимость его суждений. Это и определило выбор Фролова в качестве помощника по идеологическим проблемам, когда такой вопрос встал передо мной. Годы сотрудничества с ним выпали на самый ответственный этап наших поисков, анализа прошлого, теоретических разработок актуальных проблем перестройки.

Роль активного катализатора в критике всего негативного, что унаследовало общество от застойного периода, сыграла «Правда». Поначалу она задавала тон в очистительной работе, на нее равнялись другие издания. Газета «забирала» все выше в смысле должностного положения критикуемых, ставила крупные проблемы экономических преобразований.

Но вот парадокс: чем шире становился поток гласности, чем смелее выступали редакции других газет, тем суше, скучнее, ортодоксальнее становились материалы, публикуемые центральным органом партии. Из положения лидера «Правда» переходила в положение замыкающего, с реформаторских позиций сползала на консервативные. Падала популярность газеты, сокращался тираж, и это при том, что партийные комитеты в той или иной форме способствовали ее распространению.

Главный редактор Виктор Афанасьев не скрывал своих антипатий к демократическому процессу, вышедшему на новый виток, за пределы идеологической ортодоксии. Он сориентировался на тех членов Политбюро, которые уже сделали для себя вывод, что «перестройка пошла не туда». В результате «Правда» с определенного времени превратилась в рупор противников реформ. Это происходило при поддержке Лигачева, в чем я еще раз убедился, прочитав его книгу, в которой расточаются похвалы Афанасьеву.

Вокруг «Правды» все больше складывалось негативное общественное мнение. К тому же и в самом коллективе газеты к «главному» высказывалось много претензий. Людей возмущало его равнодушие, откровенное пренебрежение к мнению сотрудников, всегдашняя занятость очередной своей книгой в ущерб делам редакции. Словом, вопрос о замене редактора назрел. Называли Примакова, Болдина, Ненашева. Даже Капто... В конце концов мой выбор пал на того же Фролова. Скажу откровенно, хотелось иметь на этом ответственной посту человека, не только подходящего по всем профессиональным измерениям (академик, опытный редактор), но и на которого можно было положиться.

Поляризация общественного мнения

Постепенное освобождение прессы от агитпроповского диктата выявило растущую дифференциацию взглядов на идущие в стране процессы. Образовались два полюса. Один — реформаторский, к которому тогда еще примыкало и радикально-разрушительное крыло. Другой — умеренно консервативный, из которого опять-таки тогда еще не выделилась откровенно реваншистская группировка.

Это — если говорить схематично. Разброс мнений и позиций был большой. Много было «промежуточных», центристского толка взгля-

дов внутри обозначенных лагерей. Газеты, журналы как бы разошлись по своим «окопам», стали выразителями определенных социальных устремлений и политических течений. Развернулась яростная борьба: грубые обвинения, нападки, брань и клевета, полоскание на виду у всех грязного белья. Противопоставление оценок и взглядов то и дело перерастало в беспринципную склоку, за которой скрывались корыстные интересы определенных групп или новых хозяев средств массовой информации. В такие моменты я шел на встречи с прессой, с тем чтобы остудить страсти, напомнить об ответственности журналистов перед народом. На какое-то время удавалось утихомирить противостоящие стороны, но потом полемика разгоралась с новой силой — по логике эскалации. В этой свалке участвовали практически все, внося свой «оригинальный вклад».

Гласность вырывалась из рамок, которые первоначально пытались ей определить, приобрела характер независимого от чьих-то указов и директив процесса. С точки зрения демократизации общества плюсы очевидны. Но много появилось и минусов. Беспринципная перепалка в средствах массовой информации сеяла в обществе ненависть, вражду, непримиримость.

Так случилось с оценкой пути, пройденного страной после Октября 1917 года. Пожалуй, ни одно из направлений гласности не имело столь сильного резонанса и не произвело такого психологического шока, как восстановление достоверной, а не мифологической, идеализированной и романтизированной истории советского периода, включавшей наряду с многими образцами народного героизма и бесспорными достижениями в социальном устройстве чудовищный разгул бюрократии, массовые репрессии, тоталитарное подавление свободной мысли. Люди жадно набросились на публикации с разоблачением творившихся преступлений, накатилась вторая после XX съезда волна развенчания Сталина, полной мерой досталось Брежневу, а затем дело дошло до переоценки и самого Ленина, марксистской идеологии, принципов социализма.

На общество выплеснулось много легковесного и сенсационного. События прошлого нередко воспроизводились без серьезного анализа, показа всей сложности и противоречивости происходивших в стране процессов. Срывались покровы лжи и демагогии, окутывавшие многие эпизоды нашей истории, но предвзятость и озлобленность все чаще вели к попыткам подменить «красные» мифы «белыми», отказать великой революции в каком-либо позитивном содержании.

Я исходил из того, что очистительный процесс через познание своей истории необходим, люди должны знать всю правду о прошлом. Нужно снять запреты с архивов, сделать любые документы достоянием гласности, честно воссоздавать подлинную картину всего, что мы

пережили. Что приобрели и какой ценой, какие понесли потери, чем обернулась реализация коммунистической модели для нескольких поколений советских людей. При этом никому не дано перечеркнуть все положительное, что было сделано в стране за семь десятилетий, принизить самоотверженность народа, страстно хотевшего построить новую справедливую жизнь и сумевшего не только возвысить Отечество, но и внести огромный вклад в мировое развитие.

Все, что связано со сталинщиной и ее рецидивами, должно быть проанализировано, трагические уроки тоталитаризма усвоены навечно. Но надо сохранить уважение к памяти наших отцов и дедов, оценить испытания, какие они вынесли, и, несмотря на это, продолжали верить в идеалы революции. Тогда мы сможем понять, почему старшие поколения, для которых советская история была их личной биографией, почувствовали себя оскорбленными огульным отрицанием прошлого, отторгаемыми меняющимся обществом, начали возмущаться и протестовать.

Была одна особенно деликатная тема, нуждавшаяся в глубоком и крайне добросовестном анализе. Это — история межнациональных отношений в стране. И здесь велика была потребность в «очищении», раскрытии трагических эпизодов, тщательно скрывавшихся в прошлом. Но их следовало, конечно, рассматривать в историческом контексте, не забывая о тех колоссальных усилиях, которые были приложены для развития народов, их мирного сожительства и дружбы в многонациональном государстве.

Увы, и в этих вопросах верх взяли предвзятость и нетерпимость, на них сделали политическую карьеру и рванулись к власти националисты, развернувшие атаку на самую идею Союза.

Гласность и интеллигенция

В условиях идеологической монополии партии сложились кланы и группировки, заправлявшие творческими союзами, выполнявшие функции связных между властью и интеллигенцией. Научная, художественная, в широком смысле — творческая сфера была прочно включена в общую систему распределения ролей, влияния, дележа государственного пирога. Вожди народа хорошо понимали, как много значат повсюду, а особенно в России, «властители умов», «инженеры человеческих душ». Неустанно расправляясь с оппозиционными философами, художниками, писателями, музыкантами, Сталин всячески старался облагодетельствовать тех из этой среды, кто сотрудничал с властью по убеждению или ради выживания. Это тем более относится ко временам Хрущева и Брежнева. На работу с интеллигенцией был ориентирован огромный партийный аппарат. Занимались у нас культу-

рой помимо соответствующего министерства буквально все, а больше других, разумеется, КГБ.

Переехав в Москву, я наблюдал, как действовал зав.отделом культуры ЦК Василий Филимонович Шауро, какие чудеса гибкости проявлял, чтобы доверенный ему «участок партийной работы» выглядел в глазах начальства достойно, несмотря на нараставшее в рядах творческих работников стремление к большей свободе, капризы и склоки, появление диссидентов. «Порядок» поддерживался в значительной мере тем, что во всех секторах художественной деятельности существовала своеобразная «табель о рангах». Имелась своя система поощрений и наказаний, свои «маршалы» и «генералы». Они были членами ЦК и депутатами Верховного Совета, Героями Труда, ездили по всему миру, пользовались теми же привилегиями, что и верхушка партаппарата. Их книги печатались многократно и массовыми тиражами, картины выставлялись на регулярных выставках, музыка исполнялась по разряду «классики».

Уже в начале перестройки стало очевидно, что большинство избалованной и обласканной властью творческой элиты озабочено преимущественно сохранением этих привилегий. Впрочем, несколько огрубляя, здесь можно было различить три слоя людей. Первый — заваленные наградами конформисты, опора режима. Второй — стремившийся сохранить известную независимость, но не свободный от соблазна получить что-то с «господского стола» — премии, загранпоездки, квартиры. И, наконец, еще один слой — люди твердых убеждений, не скрывавшие своих негативных оценок того, что происходит в обществе. С ними у идеологического начальства и руководителей творческих союзов всегда были наибольшие проблемы. Их подвергали ограничениям, шантажировали, «предупреждали». Некоторые сдавались, большинство замыкались в себе, писали «в стол». В этом слое были люди разных взглядов и убеждений — от «чистых западников» до почвенников-монархистов, от гуманистов-интернационалистов до фанатичных националистов.

К началу перестройки во всех сферах культуры накопились проблемы, их можно и нужно было решать не только в рамках всего общества, но и в самой интеллектуальной среде, прежде всего в творческих союзах. При этом нельзя было ограничиться Москвой, хотя в столице были сосредоточены все руководящие центры культуры и добрых три четверти ее корифеев. Аналогичная ситуация складывалась в республиках, где давал о себе знать и сильный национальный акцент. Очень заметен он был в Грузии, проявлялся в Белоруссии и на Украине.

В январе 1988 года, когда я был в Киеве, ко мне обратилась группа писателей, среди них Олесь Гончар, с просьбой о встрече. Я предло-

жил собраться у Щербицкого. Разговор начался в жестком тоне, литераторы обвинили украинского лидера в нежелании поддерживать контакт с интеллигенцией. «Мы, — говорили мои собеседники, — впервые в этом кабинете, и не по приглашению Владимира Васильевича». Жаловались на попытки зажима, мелочной опеки. Проскальзывали нотки недовольствия недостаточным вниманием к национальным ценностям — мало школ на украинском языке, не хватает бумаги для издания книг и т.д. Поговорили мы по душам, но я почувствовал, что Щербицкому не хватает расположенности к деятелям культуры, внимания к их заботам.

Украина не была исключением. Духовная сфера повсеместно была отдана на откуп аппаратчикам из идеологических отделов, перед которыми ставилась главная задача — спланировать интеллигенцию «вокруг партии», а инакомыслящих «держат и не пущать».

Тем не менее корень зла был не в непросвещенности начальства, а в системе. Перестройка пробивала в ней одну брешь за другой. У людей развязались языки, начало раскрепощаться сознание, исчезать страх, стали говорить, что думают, покушаться на посты и привилегии творческого генералитета. Тот оцетинился, кинулся к властям в ноги: защитите, мы ведь вам служили верой и правдой! Но скоро убедились, что времена уже не те, на одни милости и благоволение начальства полагаться нельзя, оно само уже не так всеильно, не сегодня-завтра все рухнет. Остается налаживать круговую оборону.

И все больше углублялась дифференциация, все ярче разгоралась полемика между писательскими группировками, все плотней они сбились в армии по принципу единомыслия. С одной стороны, «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», с другой — «Знамя», «Октябрь», «Новый мир». Были, конечно, и промежуточные издания, но не они определяли основную тенденцию. Поляризация распространялась на массовую прессу, проявилась на съездах и пленумах творческих организаций, втягивая в борьбу все общество. Кое-кто уже призывал действовать по правилу: если враг не сдается — его уничтожают. В словесной схватке перестали выбирать выражения, вопрос ставился так: не важно, прав ты или нет, главное — кто «наш», а кто «не наш».

Мы стремились дать людям свободу — слова, мысли, творчества, а уж как они ею воспользуются, зависело от них самих. Сегодня с горечью приходится признать, что значительная часть интеллигенции использовала эту свободу далеко не на пользу обществу и даже самой себе.

Основное направление оставалось тогда верным. Велась борьба с извращением истории и лакировкой действительности, опрокидывались идолы, воспрянули духом несправедливо гонимые и обиженные. Под напором молодых рухнули твердыни консерваторов в творческих

союзах. Застрельщиком этого бескровного переворота стали кинематографисты, переизбравшие на своем V съезде все прежнее руководство союза, — его возглавил Э.Климов. Этому примеру скоро последовали писатели, художники, архитекторы. Дольше всех сумели продержаться «старики» в Союзе композиторов — уж очень высок был авторитет Тихона Хренникова, многие десятилетия умело направлявшего организацию советских музыкантов. Но и ему пришлось в конце концов уступить дорогу «новым людям».

Сколько было тогда восторгов, какие речи произносились о том, что покончено наконец с засильем чинуш и бездарей, открываются небывалые возможности для вольного творчества. И действительно, в первое время появилось несколько интересных театральных постановок, фильмов и повестей — в основном документальных. Но уже очень скоро крайний радикализм реформаторов начал мстить за себя. Бесплодными оказались попытки зачеркнуть художественное наследие советского периода. Вытолкав взащей бывшие авторитеты и усевшись в секретарских креслах, радикалы не смогли создать сколько-нибудь значительных произведений и тем более — нормальной творческой атмосферы.

В феврале 1987 года на Политбюро зашла речь о творческих союзах. Самое плохое, сказал я, если в такое время интеллигенция погрязнет в склоках, сведении счетов. Иногда просто стыдно читать, что происходит на собраниях. В то же время многие художники хотят помочь продвижению реформ, и ничто не может заменить в этом литературу, кино, театр. Накануне я был в «Современнике» на спектакле по пьесе М.Шатрова «Большевики». Зал был буквально заряжен, соотносил каждую реплику с тем, что происходит сегодня. И мне вновь подумалось, что не следует командовать художниками, инструктировать их, нужно по мере возможности помочь им понять замысел перестройки, найти в ней свое место.

К этому, в сущности, и сводилась наша новая политика в области культуры. С одной стороны, покончили с «бульдозерными методами»^{*} (эту метафору вполне можно отнести не только к живописи, но и ко всем другим искусствам), поддержали деятелей культуры, выступивших практически с единых позиций против наплыва халтуры, пошлости, разложения. Настойчиво предлагали мы расширять гласность в сфере культуры, народу возвращались одна за другой ценности, которых он был лишен. Поток пошел переводы многих значительных

^{*} Это выражение вошло в обиход после того, как по распоряжению московских властей бульдозерами была снесена несанкционированная выставка, организованная художниками-авангардистами в парковой зоне. Гришин потом уверял, что это было сделано чиновниками, но весьма сомнительно, чтобы такое решение рискнули принять, не получив «добро» от первого секретаря.

произведений, созданных в мире за десятилетия, не допущенных либо просто не дошедших до советского читателя.

Открылись запасники музеев, достоянием публики стали шедевры Филонова, Кончаловского, Шагала и многих других художников, оказавших огромное воздействие на всю живопись XX столетия.

Мне не надо было мучительно думать, какую роль следует отвести художественной интеллигенции. С самого начала я понимал, что без нее не удастся поднять общество на перестройку, но включить ее самое в этот процесс тоже крайне не просто.

Я старался не пропускать сколько-нибудь значимых театральных постановок и кинофильмов, посещал выставки, встречался с актерами, писателями, музыкантами по их просьбе или сам приглашал для беседы.

Вспоминаю встречу с писателями в начале лета 1986 года. Дело шло к очередному их съезду, возникли острые дискуссии, появились группировки, грозившие расколом союза. И я решил пригласить писателей для откровенной беседы.

В зале Секретариата ЦК собралось человек 25 ведущих деятелей писательского цеха. Я откровенно поделился с ними своей оценкой обстановки, подчеркнул, что мы нуждаемся в поддержке творческой интеллигенции, поинтересовался, как они намерены распорядиться литературными делами.

Обмен мнениями проходил сумбурно, но, хотя присутствовали представители соперничавших группировок, превалировало настроение в пользу того, чтобы отложить цеховые распри, активнее поддержать перестройку. Пожалуй, благотворную роль сыграли мудрые выступления «старейшин» — Леонида Леонова и Сергея Залыгина.

Накопление проблем, все более острые столкновения интересов сказались на атмосфере моих встреч с интеллектуалами. Я всячески стремился погасить страсти, умерить ожесточение, но чем дальше, тем меньше это удавалось. Верх брали групповые интересы: борьба за тот или иной журнал, за Литфонд, места в секретариатах, правлениях союзов. Творческие и общенациональные интересы уходили на задний план, ими переставали заниматься. Стыдно вспомнить, как себя вели в то время некоторые интеллигенты дома и за границей, сколько истерических поношений всего и вся приходилось слышать.

Быть может, стоит сделать некоторую скидку на глубокий духовный кризис, в котором оказалась наша интеллигенция. Ведь исходным материалом творческого процесса на протяжении десятилетий была определенная социальная среда — с ее проблемами, специфическими конфликтами и драмами. Это находило отражение в художественных произведениях; и вдруг оказалось, что все было «не так», подлежит пересмотру. Значит, их работа пошла насмарку, оказалась никому не нужной.

Конечно, подобные суждения, крайне несправедливые и неверные в своей односторонности, со временем будут отвергнуты. Будет обнаруживаться непреходящая ценность действительно талантливых произведений — не важно, писались они с позиций социалистического реализма или каких-то других^{*}. Но разве эта мысль облегчит страдания художника, на глазах которого его сочинения подвергаются издевкам и предаются забвению?

Очевидно, революция в умах, вызванная перестройкой, прежде всего потрясла интеллигенцию. Поэтому я не склонен строго судить, тем более обличать ее. Она острее других переживала перемены. Люди, которым по самой их профессии полагалось осмысливать и отображать происходящее, оказались перед пропастью. Это тяжелый кризис, не каждый может с ним совладать. И многие начали срываться на истерики, злобные выпады против перестройки и лично против меня. Одни мстили за разрушение привычных миров и удобного для них порядка. Другие, пьянея от свободы, соревновались в показной смелости.

^{*} В 92-м году чуть ли не вся советская кинематография подвергалась изощренному поношению. А в 93-м уже все чаще появляются на телеэкране, с удовольствием смотрятся и стариками, и молодыми многие ленты прошлых лет.

Глава 11

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ РЕФОРМА: ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

Прелюдия реформы

К теме гласности я буду возвращаться не раз. Она была и самоцелью, и мощным инструментом перестройки во всех сферах жизни. А среди них особую заботу вызывала экономика.

После поездки в Латвию и Эстонию (февраль 87-го) я взял кратковременный отпуск и 9 марта уехал в Пицунду. Перед отъездом поставил на Политбюро вопрос о Пленуме по экономической реформе. Просил Рыжкова, Слюнькова, Медведева подготовить соображения на сей счет. Сам же взялся за чтение материалов по экономике.

Мои размышления невольно возвращались к тому времени, когда по поручению Андропова мы вместе с Рыжковым, с привлечением ведущих ученых и специалистов попытались объективно, с критических позиций проанализировать состояние народного хозяйства. Необходимость структурных перемен была ясна уже тогда. Но чтобы они начались, многое должно было измениться в стране.

Я уже говорил, что к данным о ВПК имели доступ два-три лица в государстве. Конечно, мы понимали, как тяжело отзываются на экономике непомерные военные расходы. Но только став генсекком, я увидел действительные масштабы милитаризации страны. В конечном счете, преодолев сопротивление лидеров ВПК, мы опубликовали эти данные. Оказалось, что военные расходы составляли не 16, а 40(!) процентов госбюджета, продукция ВПК — не 6, а 20% валового общественного продукта. Из 25 млрд. рублей общих расходов на науку — около 20 млрд. шло на военно-технические исследования и разработки.

Экономика продолжала идти по экстенсивному пути, носила ярко выраженный затратный характер. Удельные затраты труда, топлива, сырья на единицу продукции были в два-два с половиной раза выше, чем в развитых странах, а в сельском хозяйстве — на порядок. Мы производили угля, нефти, металла, цемента и других материалов, за ис-

ключением искусственных и синтетических, больше, чем США, а по размерам конечного продукта отставали от них не менее чем вдвое. Автомобили и особенно сельхозтехника отправлялись потребителям недоукомплектованными, небрежно собранными, разграблялись в пути, на местах их приходилось чуть ли не собирать заново. Расхлябанность захватила даже такую отрасль, как транспорт. На запасных путях и в тупиках месяцами простаивали десятки брошенных поездов, груженых нужными стране товарами, которые подвергались порче и расхищению.

Наша аналитическая работа тогда, в 1982—1984 годах, не сводилась к констатации бед в народном хозяйстве. Мы стремились выяснить причины нарастания кризисных явлений, определить пути оздоровления экономической ситуации. И тут выявился спектр мнений, определивший практическую деятельность руководства на ряд лет вперед.

Пожалуй, не было разногласий лишь в одном — в признании общего ослабления руководства экономикой и его последствий: расхлябанности, безответственности на производстве и во всех звеньях управления. На этой почве родилась андроповская политика наведения порядка, получившая вначале дружную поддержку. Но односторонний акцент на дисциплинарных мерах не замедлил породить крайности, дискредитировавшие общую линию. Стало ясно, что на одной дисциплине далеко не уедешь, нужен более фундаментальный подход.

А дальше мнения расходились. Ученые, не связанные ведомственными интересами, считали основной причиной отставания страны то, что мы, по существу, «проглядели» новый этап научно-технической революции, в то время как западный мир далеко ушел вперед и в структурной перестройке экономики, и в ее технологическом обновлении. Такую позицию (с нюансами) разделяли Г.И.Марчук, П.Н.Федосеев, А.И.Анчишкин, Г.А.Арбатов, А.Г.Аганбегян, О.Т.Богомоллов, Т.И.Заславская, Е.М.Примаков, В.А.Медведев, С.А.Ситарян, Р.А.Белоусов, И.И.Лукинов, В.А.Тихонов и другие ученые, принимавшие участие в дискуссиях. Они доказывали, что дело не только в ошибках, недооценке научно-технического прогресса, но и в архаичности хозяйственного механизма, жесткой централизации управления, гипертрофии плана, отсутствии серьезных экономических стимулов. Впрочем, признание необходимости совершенствования хозяйственного механизма не выходило тогда за пределы формулы «более полного использования возможностей социалистической системы».

Раньше было принято при каждом критическом анализе трудностей и провалов в экономике винить ученых. Конечно, какая-то доля вины на них падала. Большая часть экономистов действительно была отучена от серьезных и беспристрастных исследований, занималась коммен-

тированием (главным образом комплиментарным) решений партии и выступлений вождей, обоснованием официальных идеологических догм. Пагубную роль сыграли репрессии в отношении самых видных наших ученых-экономистов (Н.Д.Кондратьев, А.В.Чаянов и другие), наскоки на прогрессивные идеи, рождавшиеся в рамках экономико-математической школы, периодические погромы «товарников». Но несмотря на это, творческая мысль в экономической науке не заглохла, критический и конструктивный материал накапливался. Он сыграл неопределимую роль в разработке идей перестройки.

Выбор направления

В апреле 1985-го, как я уже писал, мы взяли линию на ускорение социально-экономического развития страны. Установка эта звучала лейтмотивом на июньском совещании по проблемам научно-технического прогресса, под этим девизом развертывалась деятельность партии, ее нового руководства до XXVII съезда КПСС и после него. Лишь с весны 1986 года формула «ускорения» стала употребляться в сочетании с понятием «перестройка». Это дало повод для суждений, что Горбачев поначалу рассчитывал повысить темпы роста производства старыми методами, не покушаясь на сколько-нибудь серьезное реформирование системы. В какой мере верны подобные утверждения?

Я далек от попыток идеализировать экономическую политику того времени — очень скоро стали видны ее ограниченность и недостаточная глубина. В течение какого-то времени мы действительно надеялись преодолеть застой, опираясь на такие «преимущества социализма», как планово-мобилизационные методы, организаторская работа, сознательность и активность трудящихся.

Читатель вправе задать вопрос: вы только что толковали, что еще в 84-м году понимали необходимость структурных реформ. Почему же отставили их в сторону и взялись за старое? Дело в том, что крайне тревожная экономическая ситуация, доставшаяся в наследство новому руководству, требовала срочных мер. Нам тогда казалось: вот поправим дела, вытянем на прежних подходах, а там возьмемся уже за глубокие реформы. Вероятно, это было ошибочно, привело к потере времени. Но так мы тогда мыслили.

В том, чтобы накопившуюся энергию общественных ожиданий направить в русло «наведения порядка», не ломая существующих институтов, был, естественно, заинтересован партийный и государственный аппарат. В руководстве выразителями этих настроений были Лигачев, Соломенцев, в какой-то мере Чебриков, Воротников. Акцент на научно-техническом прогрессе делали Рыжков, Маслюков, Талызин, за которыми стоял корпус хозяйственных руководителей — министров, ди-

ректоров предприятий. Ну а за неотложное преобразование экономических отношений в руководстве выступали Медведев и Яковлев.

Понимая значение экономических реформ, я считал, что надо прежде всего попытаться модернизировать экономику, чтобы к началу 90-х годов подготовить условия для радикальной экономической реформы. На это и было нацелено Всесоюзное совещание по научно-техническому прогрессу. Скажу для ясности, что эти замыслы были в определенной мере близки дэнсяопиновским методам осуществления реформ в Китае.

В соответствии с рекомендациями совещания была составлена программа модернизации отечественного машиностроения, предусматривавшая достижение мирового уровня уже к началу 90-х годов.

Особые надежды я возлагал на «целевые программы научно-технического прогресса» по информатике и вычислительной технике, развитию роторных и роторно-конвейерных линий, робототехнике, биотехнологии, генной инженерии и т.д. Эти программы предусматривали, кстати, серьезную перестройку инвестиционной политики, широкое кооперирование с предприятиями восточноевропейских социалистических стран, создание совместных производств и с западными фирмами (в частности, ФРГ). Они воспринимались кадрами как крутой поворот, которого ждали годы. Эти настроения проявились в выступлениях участников совещания по НТП. Начиналась пора гласности. Люди оттаивали, вели себя раскованно.

Как не вспомнить Игоря Северянина:

Как? Неужели? Все, что в мыслях, —
Отныне и на языке?

Были мы тогда прожекторами? В какой-то степени — да. Но и маниловщиной эти планы нельзя назвать. Потенциал страны позволял если не перегнать развитые страны Запада, то, во всяком случае, ликвидировать огромное наше отставание от средних мировых показателей.

Вокруг программы по машиностроению закипели нешуточные страсти: нужно было найти ресурсы для ее выполнения. Я предложил испытанный способ — за счет сокращения капиталовложений в отрасли, потребляющие машиностроительную продукцию. Поскольку там ждут лучших машин и оборудования, пусть поступят частью выделенных им ресурсов.

Отрасли шли на это с большим скрипом. Помню, как яростно боролся за приращение капиталовложений в угольную, нефтяную и газовую промышленность Долгих. Буквально завалил записками. Глядя на теперешнее состояние этих отраслей, можно подумать, что он был прав. Но ведь оно возникло прежде всего из-за отсталой технической

базы. Наращивать добычу, не думая о ресурсосберегающих технологиях и машинах, значило завести дело в тупик.

В конечном счете не без нажима с моей стороны пришли к соглашению. Инвестиции в машиностроительный комплекс было решено увеличить в 1,8 раза. Приняли ряд организационных мер, в частности, было создано бюро Совета Министров СССР по машиностроению.

И все же, как показал последующий ход развития, наши решения того периода были односторонними, несли печать инерционных представлений, согласно которым можно добиться коренных перемен в экономике, главным образом, с помощью волевых действий.

В ноябре 1985 года Политбюро одобрило постановление «О дальнейшем совершенствовании управления агропромышленным комплексом». Оно было сосредоточено в руках Госагропрома — суперведомства, созданного за счет слияния примерно десятка министерств под руководством первого заместителя председателя правительства. Подобные органы создавались в республиках и на местах.

Это, безусловно, было данью традиционной вере в безграничные возможности предельной централизации. Негативные результаты дали о себе знать скоро. Над колхозами и совхозами, предприятиями по переработке сельхозсырья навис громоздкий бюрократический механизм, пытавшийся все определять и контролировать. На органы Агропрома вскоре обрушился шквал критики, в большинстве своем справедливой. Все это было, «из песни слова не выкинешь». Оперативные меры явно отставали от намерений, заявленных на апрельском Пленуме ЦК, совещании по научно-техническому прогрессу. А во многих отношениях не отвечали этим намерениям, оставались в русле прежних административных подходов. Сказывались инерция мышления, состав руководства. Да и реформаторской его части не все было ясно, не доставало решимости.

**Антиалкогольная
кампания:
благородный
замысел,
плачевный итог.**

Антиалкогольная программа, принятая в мае 1985 года, до сих пор остается предметом недоумения и догадок. Почему решили начать с этой меры, рискуя осложнить возможность проведения реформ? Как можно было допустить, чтобы доброе само по себе начинание обернулось для общества немалым ущербом?

Не секрет, пьянство на Руси было бичом со средних веков. Время от времени объявляли ему бой — как могли, ограничивали продажу спиртного, ужесточали наказания, клеймили пьяниц с церковных амвонов. В предреволюционное время вводился «сухой закон», соблюдался он и в первые годы Советской власти. В 1958 году энергично взялся за искоренение этого порока Хрущев; были повышены цены на алкоголь,

ограничена его продажа. Но постепенно все спустили на тормозах. При Брежневe вопрос несколько раз обсуждался на Секретариате, создали комиссию во главе с А.Я.Пельше, но вскоре его не стало, о комиссии забыли.

Алкоголизм превратился в острейшую социальную проблему, которую долгое время стыдливо замалчивали. Пьяниц объявляли «моральными уродами», в пропаганде утверждалось, что в социалистическом обществе нет объективных причин, порождающих это явление.

А между тем ситуация создалась катастрофическая. В стране насчитывалось 5 миллионов только зарегистрированных алкоголиков. По данным Института социологии АН СССР, ежегодный ущерб народному хозяйству от пьянства оценивался от 80 до 100 миллиардов рублей. Выпивали в чистом алкоголе 10,6 литра на душу населения, включая грудных младенцев! (В 1914 году, когда в России ввели «сухой закон», — 1,8 литра, после Великой Отечественной войны — 2 литра.) Сокращалась продолжительность жизни, подрывалось здоровье живущих и будущих поколений.

В чем были причины повального пьянства? Их много: нелегкие условия жизни миллионов людей, неустроенность быта, низкий культурный уровень. А многие спивались из-за невозможности проявить себя, говорить что думаешь. Гнетущая общественная атмосфера толкала слабые натуры «залить» чувство неполноценности, страх перед окружающим суровым миром. Дурную роль играл пример начальства, отдававшего щедрую дань «зеленому змию».

В обществе сложилась обстановка безразличия и терпимости к пьянству. Аресты пьяниц на 15 суток, содержание в вытрезвильниках, привлечение к подметанию улиц стали расхожими сюжетами анекдотов. Ходила история, как министром угольной промышленности стал Засядько. Он оказался на застолье у Сталина, пили из фужеров, Сталин — вино, Засядько — водку. Выпили по несколько фужеров. А при очередном тосте Засядько заявил:

— Нет, товарищ Сталин, я все, свою норму знаю.

И вот, когда Сталину дали список кандидатов на должность министра, он выбрал Засядько. В ответ на замечание, что работник хороший, но вроде бы пьет, сказал: «Пьет, но норму знает».

Пожалуй, самое печальное состояло в том, что в условиях тотального дефицита потребительских товаров государство не видело другого средства поддерживать денежное обращение, как спаивать народ. Звучит дико, но ведь чистая правда. Брешь между колоссальной денежной массой и убогим предложением заполнялась спиртным, причем увеличивали выпуск вредных для здоровья некачественных напитков, получивших в народе название «бормотуха». Писатель В.Белов заметил: «Дензнаки, как выражаются финансисты, оборачивались со ско-

ростью суточного вращения Земли: заводская касса — карманы трудящихся — винный ларек — инкассаторская сумка и вновь заводская касса. В общем, открыли новую экономическую «закономерность».

Эта проблема встала перед нами в самом начале. На стол Политбюро легли убийственные материалы, свидетельствующие о народной беде. Десятки тысяч людей, предприятия и целые системы, требующие жесткой дисциплины и ответственности, оказались заложниками пьянчуг. Помню, Громыко, придя в Верховный Совет и ознакомившись с письмами и другой информацией по этому вопросу, делился со мной своим возмущением: «Представляешь, у нас пьют повсюду — на производстве и на отдыхе, в политических и творческих организациях, лабораториях, школах и вузах, детских садах!» Попутно Андрей Андреевич вспомнил об одном разговоре по поводу пьянства с Брежневым. Как-то они возвращались из Завидова, ехали вдвоем в автомобиле — за рулем генсек. Громыко, ссылаясь на информацию, попавшую в его распоряжение, посетовал на то, что в Союзе пьянство достигло катастрофических масштабов и это сказывается на всей жизни общества. Брежнев, выслушав его суждения, долго молчал, а потом сказал: «Знаешь, Андрей, русский человек без этого не может обойтись...» Громыко, по его словам, свернул разговор на эту тему.

Сейчас часто спрашивают, кому принадлежала инициатива принятия 7 мая 1985 года постановления ЦК и правительства о мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, соответствующего Указа Президиума Верховного Совета СССР (16 мая). Злые языки говорят, что это, мол, дело членов Политбюро, давно выпивших свою норму. Это несерьезно. По существу, инициатива принадлежала общественности. Шло мощное давление на партийные и государственные органы, куда поступало несметное количество писем, главным образом от жен и матерей. Приводились ужасающие примеры семейных трагедий, производственного травматизма, преступности на почве пьянства. Чрезвычайно остро ставили этот вопрос литераторы и медики.

Другой миф — будто мы установили «сухой закон». Такой вариант даже не рассматривался, потому что был заведомо нереален.

Хочу возразить тем, кто считает, что мы не задумывались, чем закрыть брешь в доходной части государственного бюджета в результате сокращения продажи спиртного. Проводились специальные экономические расчеты, которые учитывали размеры потерь на производстве по причине пьянства. Намечалось постепенно (подчеркиваю — постепенно) сокращать спиртное, по мере его замещения в товарообороте и бюджетных доходах другими товарами.

Поначалу общество (я не говорю о завзятых выпивохах) с одобрением отнеслось к этому решению, но по мере его воплощения в жизнь

возникло недоумение, сменившееся раздражением, недовольством и в конце концов даже озлоблением. Что же произошло?

Как у нас нередко бывает, между замыслом и его претворением в действительность пролегла дистанция огромного размера. Я бы сказал, что на стадии обсуждения, принятия решения были проявлены и реализм, и ответственность, а вот на стадии исполнения дела начали «пороть горячку» и допускать перехлесты, загубили полезное и доброе начинание.

Контроль за исполнением постановления был поручен Лигачеву и Соломенцеву. Взявшись за дело с неумным рвением... довели все до абсурда. Требовали от партийных руководителей на местах, министров, хозяйственников «перевыполнить» план сокращения производства спиртного и замены его лимонадом. Устраивали жесткие разносы «отстающим», вплоть до снятия с работы и исключения из партии. Призывали равняться на тех, кто добился «опережения графика», пусть даже ценой огромного ущерба для экономики.

В нашем обществе больше привыкли к «революционным скачкам», чем к кропотливой работе на длительном отрезке времени. Антиалкогольная кампания, к сожалению, стала еще одним печальным примером того, как вера во всемогущество командных методов, максимализм, административный рывок губят правильно задуманное дело. В спешном порядке начали закрывать магазины, винно-водочные заводы, а кое-где и вырубать виноградники. Свертывалось производство сухих вин, что не было предусмотрено постановлением. Приобретенное в Чехословакии дорогостоящее оборудование по производству пива ржавело и гнило. Массовый характер приобрело самогонное варение. Из продажи начал исчезать сахар; его нехватка потянула за собой резкое сокращение ассортимента кондитерских изделий. Потом с прилавков начали исчезать недорогие одеколоны, употреблявшиеся вместо алкоголя. А использование всевозможных «заменителей» привело к росту заболеваний. Вот какая протянулась зловещая цепочка. Людей все больше раздражали многочасовые очереди, униженные ожидания в надежде приобрести бутылку водки или вина по случаю какого-либо торжества. Как только ни ругали начальство, а больше всех доставалось генсеку, которого по традиции принято было считать ответственным за все. Так я получил кличку «минеральный секретарь».

Нельзя сказать, что принятые меры оказались абсолютно безрезультатными и вызывали только отрицательные эмоции. Сократился травматизм, снизилась смертность людей, потери рабочего времени, хулиганство, разводы по причинам пьянства и алкоголизма. Не все ведь сводилось к запретам. Впервые появилась информация о производстве и потреблении спиртных напитков, публиковались статистиче-

ские данные, которые раньше держались в тайне. Но негативные последствия антиалкогольной кампании намного превзошли ее плюсы.

Что ж, должен покаяться: на мне лежит большая доля вины за эту неудачу. Я не должен был всецело передоверить выполнение принятого постановления. И уж во всяком случае, был обязан вмешаться, когда начали обнаруживаться первые перекосы. А ведь до меня доходила тревожная информация, что дело пошло не туда, да и многие серьезные люди обращали внимание на это в личных беседах.

Помешала отчаянная занятость лавиной обрушившихся на меня дел — внутренних и внешних, в какой-то мере и излишняя деликатность.

И еще одно скажу себе в оправдание: уж очень велико было наше стремление побороть эту страшную беду. Напуганные негативными результатами кампании, мы кинулись в другую крайность, совсем ее свернули. Шлюзы для разгула пьянства открыты, и в каком жалком состоянии мы находимся сейчас! Насколько труднее будет из него выбираться!

На подступах к реформе

Настраиваясь на реформу хозяйственного механизма, мы связывали немалые надежды с экономическим экспериментом, начатым еще в 1983 году на предприятиях двух союзных и трех республиканских министерств, — по расширению прав предприятий и усилению их ответственности за результаты работы. Результаты были неплохие, и в июле 1985 года было решено распространить эту систему с 1986 года на все предприятия и объединения машиностроения, легкой, пищевой, мясной и молочной промышленности, рыбного хозяйства, местной промышленности и бытового обслуживания. А с 1 января 1987 года — на всю промышленность.

Но очень скоро мы почувствовали, что рамки экспериментальной системы слишком узки, ее энергетический заряд ограничен. На XXVII съезде КПСС был поставлен вопрос, что нельзя ограничиться частичными улучшениями, нужна радикальная реформа. Уже в 1986 году был принят ряд практических решений.

Установлено, что в основе планирования и оценки работы предприятий легкой промышленности будут лежать заказы, формируемые через оптовые ярмарки, а предприятий и организаций торговли и общественного питания — их конечная выручка. Промышленным министерствам разрешена фирменная торговля. Основным критерием оценки результатов хозяйственной деятельности промышленных предприятий объявлено стопроцентное выполнение их обязательств по поставкам продукции в соответствии с заключенными договорами. Предпри-

ятия строительного, дорожного и коммунального машиностроения, а также ряда непроизводственных министерств были переведены в порядке опыта на материально-техническое снабжение без фондов и лимитов. Принят пакет документов по проблемам качества продукции, предусматривающий введение госприемки. Поддержаны такие формы организации производства, как коллективный подряд и аренда. Наконец, были приняты решения, принципиально меняющие подход к внешнеэкономической деятельности: впервые за многие десятилетия право прямого выхода на мировой рынок предоставлено двадцати министерствам и семидесяти крупнейшим объединениям и предприятиям, а в прямые отношения с партнерами из соцстран разрешено вступать всем предприятиям и организациям.

Я сознаю, что этот перечень может показаться выдержкой из отчетного доклада и навеять на читателя скуку. Да и теперь, когда экономика страны уже коренным образом изменилась, первые шаги поневоле выглядят крайне робкими, заслуживающими внимания разве что прилежных историков и архивистов. Но что поделаешь, это ведь была часть моей жизни и работы. Сколько долгих жарких споров вокруг каждой детали, бессонных ночей над писанием документов, надежд и разочарований!

Вроде бы удалось глыбу экономической реформы сдвинуть с места. Но не больше! Предпринятые шаги носили разрозненный характер, это была, по существу, «точечная стратегия», не дававшая решения проблемы в целом. К тому же некоторые из названных мер несли на себе печать традиционных подходов, и от них пришлось отказаться. Это в первую голову относится к эпохе с госприемкой. Хотелось любыми средствами, да побыстрее повысить качество продукции. На виду неплохой пример — приемка продукции военпредами на оборонных предприятиях (более детальное ознакомление впоследствии показало, что и там не так уж все было идеально). И вот весной 1986 года было решено ввести государственную приемку важнейших видов народнохозяйственной продукции специально создаваемыми для этого вневедомственными органами.

Некоторые ученые, специалисты и тогда высказывали мнение, что эффект в лучшем случае будет кратковременным, что единственно надежным контролером качества может быть лишь потребитель. Но для этого надо было покончить с дефицитностью в экономике, а время нас подгоняло. Введение госприемки первоначально на 1500 предприятиях вызвало шок, на многих из них снизилась зарплата, перестали выплачиваться премии. Госприемку стали винить в срыве планов, потянулись ходатаи в партийные органы, Госплан и правительство с просьбами «ослабить диктат по качеству». А более сообразительные и предприимчивые руководители бросились налаживать «контакты» (я — тебе,

ты — мне) с госприемщиками, тем более что они были, как правило, вчерашними их коллегами и подчиненными.

Госприемка уже через два-три года «приказала долго жить», это был еще один ясный сигнал того, что решение проблемы не в административно-организационных мерах, а в перестройке экономического механизма.

Любопытная ситуация сложилась с переводом ряда предприятий на снабжение через оптовую торговлю. Теми, кого он затронул, это было воспринято как отказ от гарантированного снабжения. Посыпались жалобы и возражения. С большим трудом Академии наук удалось добиться сохранения старого порядка, а другие смирились, полагая втихомолку, что на деле ничего не изменится. Так оно и случилось! Невольно возникает подозрение — не на такой ли результат как раз рассчитывали многоопытные плановики и снабженцы. Они как бы говорили нам: «Надеетесь обойтись без нас? Пожалуйста, получайте вашу оптовую торговлю, но коллективы ее не примут, производство развалится».

Поучительна история с принятием решений о личных подсобных хозяйствах, коллективном садоводстве и огородничестве, индивидуальной трудовой деятельности. Это было полезно со всех точек зрения: могло стать источником дополнительного дохода для людей, наполнения рынка товарами, развития сферы услуг, занятия посильной работой пенсионеров и инвалидов. Положительный опыт в этом отношении был в ГДР, Венгрии, других социалистических странах. У нас же все еще видели в кустарных промыслах нечто чуждое социализму, хотя были и свои традиции. В России всегда ценились толковые работники, которые могли и печь сложить, и колодец вырыть, и жилье отремонтировать, и технику починить. Уже в начале века начали появляться разные товарищества, артели, а после революции, особенно в период нэпа, сложилась разветвленная система промысловой кооперации.

Потом все попало под пресс огосударствления, а люди, имеющие склонность к подобным занятиям, стали клеймиться как носители частнособственнических инстинктов. Такая уж была психология: подавай работу ради великих целей. Заниматься индивидуальным трудом и хорошо зарабатывать — неприлично, а вот кое-как «пахать» на большом предприятии или в учреждении — в порядке вещей.

Быстрее всего были сняты ограничения с садово-огородных товариществ. Нелепости тут встречались на каждом шагу, в домиках не разрешалось ставить печки, регламентировались размеры строений, «нарушителей» наказывали, вплоть до сноса построек. Со всем этим было покончено. Резко расширены выделения земельных участков под сады и огороды, продажа населению стройматериалов. Эти меры дружно поддержали все члены руководства. Намного сложнее оказа-

лось освободиться от предубеждений в отношении индивидуальной трудовой деятельности, изменить отношение к ней партийно-государственных структур, особенно местных Советов. Вот когда еще началась дискуссия о допущении частной собственности и частного хозяйства!

Одним из первых поддержал мою позицию Рыжков. Основное же противодействие шло от финансистов, стремившихся обложить «частные» доходы непомерными налогами. На одном из заседаний Политбюро я сказал, обращаясь к министру финансов Гостеву:

— Что, Борис Иванович, будем по-прежнему душить инициативу людей или дадим им жить и работать? Не пугайтесь вы, если кто-то разбогатеет своим горбом!

Другой прием, искусно использовавшийся противниками перемен, — сопровождение принимавшихся решений инструкциями или «разъяснениями» ведомств и местных властей, которые выхолащивали, а то и полностью искажали их смысл. Ну а в большинстве случаев эти решения просто игнорировали: получают бумагу, подошьют в папку, и дело с концом, словно бы ее и не было.

Справедливости ради надо сказать, что в некоторых случаях исполнителям было непросто претворять на практике поступающие из центра противоречивые предписания. Причиной их была все та же раздвоенность сознания. С одной стороны, понимали, что нужно дать простор частной инициативе, а с другой — опасались, что это подорвет основы строя. Да и ревнители «чистоты» стояли на страже, чуть что — поднимали шум. В итоге — качели: туда — обратно, можно — нельзя.

Явные перегибы стали допускаться в связи с принятыми в мае 1986 года решениями об усилении борьбы с нетрудовыми доходами. По замыслу они были направлены против расхитителей, взяточников, вымогателей, а больше ударили на деле по слою работяг-индивидуалов, кустарям, мастеровым, мелким посредникам. Плохую роль сыграло то, что в директивных документах не было сказано о поддержке индивидуальной трудовой деятельности, удовлетворение потребностей населения связывалось лишь с улучшением работы предприятий торгового и бытового обслуживания. Зато с пафосом говорилось о «борьбе с лицами, живущими не по средствам», «пресечении деятельности спекулятивных элементов и перекупщиков» и т. д. Здесь проявилась позиция той части партийно-государственного аппарата, которая не принимала линию руководства. А мы просто проглядели подготовку и выпуск односторонне направленных решений. Потом пришлось их поправлять.

Чтобы устранить почву для противоречивых толкований, было решено разработать Закон об индивидуальной трудовой деятельности. После больших споров проект передали в Верховный Совет СССР, и 19 ноября 1986 года он был принят. Хотя и несовершенный, половин-

чатый, он сыграл полезную роль в преобразовании экономических отношений.

В 1985—1986 годах экономическая ситуация в стране несколько улучшилась. Промышленное производство приросло на 4,4 процента, сельское хозяйство — 3 процента. За два года в социальную сферу было вложено почти на 40 миллиардов больше, чем предполагалось по пятилетнему плану.

Успех радовал, но в какой-то степени и расхолаживал, создавая иллюзию серьезных перемен. Отрезвление не заставило себя долго ждать. В начале 1987 года в экономике произошел серьезный сбой: промышленное производство упало на 6 процентов против декабря 1986 года. Прежде всего это коснулось машиностроения и легкой промышленности. Немалые трудности испытывали металлургия, химическая промышленность. Возникла опасность, что план 1987 года рухнет как карточный домик.

12 февраля в связи с этим состоялся острый разговор на Политбюро. Объяснения Талызина и Воронина свелись к тому, что виноваты зима, госприемка, нерасторопность снабженцев (временные перебои с шарикоподшипниками и резинотехническими изделиями). Срыв действительно удалось локализовать, еще в течение двух лет народное хозяйство удерживалось от вползания в кризис. Но это был громкий «звонок», сигнал о том, что экономика пребывает в неустойчивом состоянии, а процессы обновления идут в ней вяло. Насмерть стояли министерства, не желая делиться толикой прав с объединениями и предприятиями. Программы развития приоритетных отраслей не обеспечивали ускорения научно-технического прогресса, проваливались планы модернизации машиностроения. Наши напряженные усилия во многом «уходили в песок».

Муки рождения

В марте 1987-го мы наконец приблизились к пониманию того, какой должна быть тактика разработки и проведения экономической реформы.

Был учтен горький опыт прежних попыток, в особенности «косыгинской реформы». Предпринятая во второй половине 60-х годов, она была для своего времени достаточно смелой, прежде всего в плане расширения самостоятельности предприятий и товарно-денежных отношений между ними. Хорошо помню, какое оживление она вызвала в обществе, какие породила надежды, оказав положительное влияние на развитие экономики в восьмой пятилетке, пожалуй, наиболее успешной в послевоенные годы.

Реформа тех лет была по преимуществу технократической, не получила должного политического обоснования, больше того — выпала из контекста общественного развития: ведь оно тогда шло не в сторо-

ну демократизации, а к «завинчиванию гаек», особенно после подавления «пражской весны».

Немаловажную роль, по моим наблюдениям, сыграло и то, что Брежнев, стоявшая за ним партократия оказались как бы в стороне от разработки и осуществления реформы, ревностно следили за действиями главы правительства, не очень радовались его достижениям и не очень печалились неудачами, а порой и вставляли палки в колеса. Можно было не сомневаться, что с такого же рода противодействием и даже открытым саботажем придется столкнуться и нам.

Все равно начинать приходилось с Пленума, надо было провести через эту верховную инстанцию власти пакет принципиальных установок. Было решено разослать его участникам тезисные материалы для предварительных раздумий. Подготовкой тезисов и доклада занялась рабочая группа, в которую вошли кроме меня Рыжков, Слюньков, Яковлев, Медведев, ряд ученых и специалистов (Аганбегян, Абалкин, Анчишкин, Петраков, Ситарян, Можин). Привлекались Г.Х.Попов и В.С.Павлов. Все принципиальные вопросы обсуждались с моим участием, иногда вместе со мной в Волынское, где делалась «черновая работа», приезжал Рыжков. Кроме того, в отделах ЦК и правительстве готовились проекты постановлений, направлявшиеся на апробацию в республики. Одновременно разрабатывался Закон о предприятии, призванный закрепить демократические принципы управления. Он мыслился в качестве «несущей конструкции» новой хозяйственной системы. Опубликовав его перед Пленумом для всенародного обсуждения, мы получили мощную поддержку трудовых коллективов, которые стали соавторами экономической реформы и ее демократической опорой.

Ну и, наконец, была проведена серия совещаний с первыми секретарями партийных организаций, директорами предприятий, рабочими, специалистами, учеными, чтобы основательнее подготовить общественность к восприятию реформы.

Рассказывая обо всем этом, не могу удержаться от реплики по адресу тех, кто утверждает, что реформы у нас проводились скоропалительно, не были достаточно продуманы, навязывались обществу. Чепуха! Они в полном смысле слова явились результатом коллективных усилий реформаторов, науки, общества. Противилась только наиболее твердолобая часть аппарата. И темпы их реализации выбирались не по произволу, их диктовала мера общественной готовности к переменам.

Могу сказать без преувеличения, что в течение нескольких месяцев подготовка Пленума держала руководство страны в постоянно нараставшем напряжении. На этот период выпало немало крупных событий внутреннего и международного порядка. Прошли очередные съезды профсоюзов и комсомола, в работе которых я, естественно, принимал участие. Состоялись мои поездки в Латвию, Эстонию и Казахстан, ви-

зиты в Чехословакию, Румынию, ГДР. А чего стоит скандальная история полета Руста и его приземления на Красной площади, вынудившая заменить министра обороны, снять с должностей других ответственных за это военачальников, уделить много внимания проблемам безопасности, которую мы по традиции привыкли считать безупречной.

И все же и по усилиям, которые пришлось затратить, и по драматизму это несопоставимо с процессом подготовки июньского Пленума ЦК. События разворачивались действительно по законам драмы: завязка, развитие нескольких линий, подспудные течения и открытые схватки героев, кульминация, развязка. Все участники были и авторами, и исполнителями. Разногласия и противоречия то были укрыты от глаз публики, то выходили на поверхность, становясь своего рода сенсациями.

Если раньше основные дискуссии развертывались между приверженцами реформ и сторонниками волевых решений, то теперь разделительная линия пролегла по вопросу о том, насколько глубоко реформировать экономическую систему. Главное противодействие нашим замыслам оказывалось руководящими структурами министерств и ведомств, в первую очередь общеэкономических — Госплана, Госснаба, Минфина, аппарата правительства. Потом оно сомкнулось с позицией партбюрократии. Открыто против реформы никто выступать не осмеливался, все были «за», но предлагались половинчатые, двусмысленные решения, оставлявшие многочисленные лазейки, а то и прямую возможность отката к прошлому.

К сожалению, на этом этапе у меня возникли столкновения по ряду вопросов с Рыжковым. Я видел, что он испытывает сильнейшее давление мощного слоя своих вчерашних коллег по директорскому корпусу. Ему постоянно подбрасывали коварную мысль: от правительства-де требуют эффективного руководства народным хозяйством и тут же лишают реальных рычагов управления, демонтируя плановую систему. Николай Иванович иногда проявлял колебания, непоследовательность. К этому следует добавить его негативную, во многом оправданную, но чрезмерно болезненную реакцию на попытки Секретариата, отделов ЦК, в особенности Лигачева, вмешиваться в функции правительства.

Я старался удержать Рыжкова на реформаторских позициях, и, думаю, в общем это удавалось. Но, как говорят, шила в мешке не утаишь. Именно в это время в общественном мнении стали постепенно возникать представления о главе правительства как приверженце консервативных взглядов.

Первое столкновение мнений произошло уже на стартовом совещании по подготовке тезисов и доклада 3 апреля. Это был неторопливый и неформальный, абсолютно раскованный обмен мнениями, продолжавшийся примерно четыре часа.

Не скажу, что мысли Рыжкова диссонировали с общим настроением. Но некоторые мотивы настораживали. Уж очень он нажимал на то, что нельзя «выходить за рамки социализма». (На это, помню, я отреагировал так: «Реформу будем проводить в рамках социализма, но не в тех, которые сковали общество, погасили инициативу и заинтересованность людей».) Сетовал, что Воронин теряет нити управления материально-техническим снабжением.

Разговор заметно обострился, когда дело коснулось объемных показателей в легкой промышленности. Ей определили план в 75 миллиардов рублей, а договоров с торговлей она заключила на 72 миллиарда. По мнению Госплана и правительства, надо нажимать на легковиков, чтобы в план заложить нужную для хозяйства и бюджета сумму. Но возникал вопрос: зачем же закладывать в план 3 миллиарда рублей, на которые торговля не предъявляет спроса?

Весь апрель и начало мая были заполнены работой над тезисами. Я регулярно вел дискуссии с членами рабочей группы, стараясь не выпустить из поля зрения мельчайшие детали, имеющие отношение к делу, практически каждый день бывал в Волынском или приглашал товарищей к себе. Читали раздел за разделом, спорили, искали нужную тональность, точные формулировки. Первоначальный вариант отличался излишней задиристостью и запальчивостью. Это было понятной реакцией на настроения Госплана и других экономических ведомств. Но тезисы для членов ЦК, заметил я, должны брать солидностью, убедительностью, а не эмоциями и публицистикой. Доклад же — отличаться доходчивостью, его ведь будет читать вся страна.

Работа над тезисами была закончена 9 мая, и этот сорокастраничный документ разослан членам Политбюро.

В тезисах впервые была нарисована картина надвигающегося на страну экономического кризиса (само слово «кризис» еще не употреблялось), сформулированы основные направления перестройки управления экономикой и создания надежно действующего противозатратного механизма.

В то время мы подчеркивали, что перестройка мыслится в рамках социалистического строя, но в самом понимании социализма происходили глубокие перемены, ставился вопрос, насколько соответствуют этому понятию многие черты модели, сложившейся у нас в основном в 30-е годы. Резкой критике были подвергнуты этатизация общественной собственности, недооценка кооперативных и индивидуальных форм трудовой деятельности, отождествление планомерности с централизмом, ущемление демократических форм управления и самоуправления.

В тезисах дано развернутое обоснование новой модели хозяйственного предприятия (объединения) как «социалистического товаропр-

изводителя», ведущего хозяйство вполне самостоятельно. Коренным образом менялась «философия» планирования: из директивного, распорядительного оно постепенно должно было стать рекомендательным, прогностическим. Узловым моментом реформы назывался переход к новым принципам ценообразования, по сути дела, сочетающим рыночные механизмы с государственным регулированием. В развернутом виде излагались основные направления перестройки органов экономического управления.

До таких проблем, как мелочный контроль партийных органов за хозяйственной деятельностью предприятий, в тот период еще не добрались. В свое время Косыгин попросил передать в правительство отделы, созданные в ЦК КПСС для курирования практически всех отраслей народного хозяйства. Брежнев и его окружение восприняли это как попытку лишить партийное руководство рычагов управления, оставить его с одной идеологией. И реакция была прямо противоположной: соответствующие отделы и сектора стали расти еще быстрее. Поэтому в тезисах лишь в общей форме говорилось, что парткомы не должны вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность предприятий, им следует сосредоточить усилия на развитии демократических основ управления.

Разослав тезисы по Политбюро, я на несколько дней съездил на Байконур, где познакомился с работами по созданию и запуску системы «Буран» мощнейшей ракетой-носителем. Еще раз убедился в огромных возможностях нашей науки и техники, в том, какие перспективы могут перед нами открыться, если подкрепить их сильной экономикой.

14 мая состоялось развернутое обсуждение тезисов на заседании Политбюро. Неожиданностей не произошло, не было недостатка в высоких и даже восторженных оценках. Рыжков, Лигачев, Талызин, Воротников и другие выступали в роли рецензентов и критиков. Впрочем, поскольку автором документа считался генсек, критика носила сдержанный характер и даже несогласие по принципиальным вопросам подавалось как частные замечания.

Лигачев, не углубляясь в вопросы экономической реформы, вдруг пустился в поучения о том, что перестройку не следует сводить к демократизации — это лишь ее рычаг, а цель — укрепление социализма. Высказался за смягчение критических оценок прошлого.

Ельцин отметил глубину и новизну документа, высказался за усиление раздела о партийной работе. Он ведь руководил столичной парторганизацией, а, как известно, «у кого что болит, тот о том и говорит».

Подводя итоги дискуссии, я акцентировал на том, что важен перелом в отношении реформы со стороны партии.

— Движение началось, но есть и сопротивление. Многие действуют вяло, кое-кто опаздывает. Еще раз убедила в этом поездка в Казахстан. Не забуду голоса из толпы: «Когда же наконец перестройка дойдет и до нас?»

От наших усилий зависит, быть ли перестройке ползучей, поверхностной или коренной, революционной. Поспешность, кавалерийский наскок не нужны, но нельзя и медлить, выжидать. Мы обязательно должны войти в 13-ю пятилетку с новым механизмом.

Противоречия нарастают

А как складывалась работа над пакетом правительственных документов? Вначале в Политбюро был представлен проект постановления о мерах по улучшению государственной статистики, затем о реформе финансово-кредитной системы и ценообразования. Была разослана записка Рыжкова о финансовом положении страны. Пожалуй, впервые на Политбюро встала в открытом виде проблема бюджетного дефицита.

Гостев, в частности, сообщил, что привлечен 21 миллиард рублей кредитных ресурсов для сбалансирования бюджета. А всего прореха составляла 80 миллиардов рублей. Неясно было, откуда взять недостающие 60 миллиардов. Сейчас эти вопросы обсуждаются на каждом перекрестке, а тогда они были откровением, потому что использование кредитных ресурсов в качестве доходной статьи бюджета делалось втихомолку, никто об этом практически ничего не знал. Это был основной источник инфляционных процессов в народном хозяйстве.

У Гостева четко прослеживалась фискальная линия: как бы кого прижать в финансовом смысле, чтобы покрыть дефицит, а не создавать условия для самоокупаемости и самофинансирования предприятий. Я уловил это и сказал:

— Хозрасчет всегда в себе таит потенциальное столкновение интересов предприятий и госбюджета. Финансовый контроль — да, но смотря для чего. Если водить за руку и тем более прижимать — это одно, а если помогать, как эффективно вести хозрасчет, как добиться, чтобы каждый наращивал доход и Минфину отдавал положенное, это — посложнее. Но в этом-то и состоит задача. Собрал бы ты, Борис Иванович, людей, растолковал, что такое самофинансирование. Оглушили народ законами, а поработать с людьми, настроить их — этого нет.

Затем разговор перешел на проблемы ценообразования. Главная беда старой системы цен состояла в том, что они, как правило, устанавливались по уровню затрат. В результате мы не только не поощряли, а наказывали предприятия за экономию ресурсов. Отсюда иждивенчество, упование на дотации государства. Цены должны определяться с

учетом общественно необходимых затрат и качества продукции, спроса и предложения. Надо провести пересмотр и розничных цен. Разве можно считать нормальным, что дотации только на продовольственные товары составят 56 миллиардов рублей, то есть более 45 процентов к объему их продажи. Вместе с тем я категорически высказался против попыток за счет повышения цен сокращать дефицит госбюджета. Все, что получим, надо отдать населению через зарплату, может быть, за исключением высокооплачиваемой верхушки.

Я еще раз обратил внимание на недопустимость того, чтобы новые термины — контрольные цифры, госзаказ, нормативы, лимиты — служили прикрытием старого содержания.

О силе традиций говорит такой факт. Выступивший на Политбюро министр сельхозмашиностроения А.А. Ежевский сообщил, что снижается заказ на комбайны, Госагропром запросил 100 тысяч, а в плане значится 108 тысяч. Министр обратился с просьбой оказать воздействие на первых секретарей, чтобы те в свою очередь понудили области, республики, колхозы и совхозы заказать технику в нужном объеме. Кому нужно? Я давно знал Ежевского как толкового, болеющего за дело работника, но до чего же глубоко въелась в сознание старая система!

После перерыва Воронин — большой мастак говорить убедительно — докладывал, что к концу пятилетки 30 процентов материально-технического снабжения будет переведено на оптовую торговлю. Вспыхнула дискуссия, почему 30 процентов, ведь к началу следующей пятилетки новый экономический механизм должен полностью заработать, будет новая система ценообразования, как все это совместить с сохранением на 70 процентов старой системы «карточного» распределения ресурсов? Версия правительства состояла в том, что, дескать, оптовую торговлю надо вводить постепенно, по мере накопления ресурсов и преодоления их дефицита. Но тут все было перевернуто с ног на голову, и я просто сказал: в таком случае мы никогда не перейдем к оптовой торговле. Выстраивается порочный круг: материально-техническое снабжение нельзя якобы перевести на оптовую торговлю из-за дефицита, а фондирование порождает дефицит. Выход один — переходить к оптовой торговле по договорным ценам.

Само понимание оптовой торговли в проекте постановления было спорно; она рассматривалась как форма распределения средств производства органами Госснаба, размещающими заказы. Даже внутриотраслевые связи устанавливались министерствами и ведомствами. Та же история, что с контрольными цифрами.

На деле все объяснялось просто: не хотели упускать из рук рычаги власти. Кто определяет показатели, выделяет ресурсы, тот — царь и бог, властелин и благодетель. Сама система нуждалась в сохранении

дефицита, иначе рушилась монополия с ее спутниками: подношениями, взятками, взаимными услугами и т.д.

Я был удовлетворен состоявшимся обсуждением, но как трудно, словно через тропические заросли, прорубались мы к нужным решениям. Система заставляет людей бороться за ее сохранение, поскольку это отвечает их интересам. Но я вижу и другую сторону дела: трафаретность, стереотипность мышления. Иные просто начинены штампами, под которые они подгоняют жизнь. Как-то читал про опыты наших психологов, доказывающих, что у советских людей в результате специфического догматического воспитания и образования проявляется удивительное свойство — не видеть в буквальном смысле слова того, что не соответствует либо их представлениям, либо надписи. Сюжет прямо из Козьмы Пруtkова: «Если на клетке слона написано буйвол, не верь глазам своим». Ну а сочетание косности и интереса в сохранении старого дает гремучую смесь огромной силы.

В мае—июне на заседаниях Политбюро продолжалось обсуждение отдельных вопросов экономической реформы и проектов постановления. От заседания к заседанию выявлялись все более резкие разногласия. 21 мая острая полемика вспыхнула при рассмотрении проектов постановлений о совершенствовании работы Совмина, республиканских органов управления, перестройке министерств и ведомств. На сей раз Рыжков не скрывал своих намерений жестко отстаивать интересы верхушки госаппарата. А на вопрос, от каких функций министерства отказываются в новых условиях, Николай Иванович, не раздумывая, ответил: «Ни от каких». В проекте содержались предложения об укрупнении министерств, но среди них были нарочито нелепые, например, о слиянии министерств металлургической промышленности и железнодорожного транспорта. Мне пришла на память притча об обезьяне. Живописец пригласил критиков ознакомиться со своим новым, весьма спорным произведением. В углу картины ни к селу ни к городу изобразил обезьяну. Расчет полностью оправдался: все обрушились на обезьяну, стали убеждать автора ее убрать. В конце концов он согласился, и картина прошла.

Может, и тут был подобный расчет? Если так, то он не оправдался.

В истории экономической реформы немалую часть занимает эпизод, связанный с Законом о предприятии. Он был одной из «первых ласточек» в серии мер, предназначенных существенно изменить к лучшему систему хозяйствования и управления. Одобренный январским Пленумом ЦК 1987 года проект закона был 8 февраля опубликован для всенародного обсуждения. А в ходе подготовки Пленума по экономической реформе родилась идея использовать его в качестве правовой основы намечавшихся преобразований.

Но тут получился разнобой. Поглощенные работой над тезисами, увязшие в дискуссиях по правительственным проектам, мы на какое-то время ослабили внимание к закону. Результаты не замедлили сказаться, поскольку комиссия по его обсуждению и доработке находилась под сильным давлением консервативных сил, заинтересованных повернуть все вспять. В сущности, была предпринята попытка, как бы опираясь на «мнение снизу», попытаться ослабить закон в пользу сохранения прав центральных ведомств. Пришлось поправлять — рассмотрев предложения по доработке проекта (14 мая), Политбюро поручило «состыковать» его с тезисами.

В недрах рабочей группы родилось предложение подготовить «Основные положения перестройки управления экономикой» и разослать этот документ участникам Пленума вместе с тезисами доклада, проектом закона и другими материалами. Идея мне показалась стоящей, и мы взвалили себе на плечи еще один весьма объемистый труд. Энтузиазма было, как видите, сверх меры.

В субботу, 20 июня, я пригласил Рыжкова в Вольнское для окончательного согласования позиций. В разговоре приняли участие Яковлев, Слюньков, Медведев. Николай Иванович приехал с помощниками. Чувствовалось, он доволен приглашением, но все-таки колеблется, чью занять позицию — Горбачева, экономистов-реформаторов или мощных правительственных, госплановских, министерских структур. Трудно копать во внутреннем мире человека, его переживаниях, но о всемогущести аппарата я кое-что знал. Созданный еще «отцом народов», этот монстр действовал безотказно. Любого подчинит, обломает, «утрамбует». Силен он был и групповой солидарностью. Министры, чиновный люд десятилетиями занимали свои посты, оказывали друг другу услуги, общались в застолье. Народ с виду послушный, безропотный, но знающий цену себе и своей власти.

Понимая ситуацию, я старался соблюдать деликатность. Тем не менее опять спорили. Те же проблемы, по которым продолжалось несколько месяцев перетягивание каната — права министерств, госзаказ, материально-техническое снабжение и т.п. В конце концов нащупали компромисс.

8—9 июля в ЦК с моим участием прошло большое совещание партийных, государственных, хозяйственных работников. Откровенно говоря, это было нужно не столько для уяснения каких-то вопросов, сколько для того, чтобы укрепиться в наших намерениях. Самим «набраться куражу» и людей убедить.

Заключительное обсуждение доклада на Политбюро прошло сравнительно спокойно. Возражений по вопросам экономической реформы, так остро обсуждавшимся ранее, не было высказано. Это дало мне право констатировать: «Мы едины и в главном, и в частности».

К сожалению, этот вывод в дальнейшем не оправдался. Сопротивление радикальным экономическим преобразованиям не ослабнет и приведет к торпедированию принятых решений.

Дискуссия на Пленуме

И вот наконец 25 июля. Пленум ЦК, доклад «О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой», ставший одним из этапных событий перестройки.

Исходный пункт моих рассуждений: демократизация и еще раз демократизация, в ней смысл перестройки, самое эффективное средство разрешения возникших острых противоречий и проблем. Командно-административные формы управления тормозят наше движение. Сохраняются заповедники инертности, безынициативности. Люди говорят и пишут, что они за перестройку, но не видят перемен вокруг себя — в трудовых коллективах, городах, селах, где они живут и трудятся. Это показатель слабости работы партийных организаций, которые отстают от динамичных процессов в обществе. Требовательность надо повышать на всех уровнях. И начинать с себя.

Я высказал критические замечания по работе не только отдельных центральных ведомств, но и Политбюро, Секретариата, Совета Министров. Назвал ряд руководителей министерств и ведомств, республик, краев и областей, виновных в серьезных упущениях в работе. Это было необычно для партийных форумов, вызвало оживление в зале.

Сказав о приоритетном значении трех задач (продовольствие, жилье, товары и услуги), подчеркнул, что эти и все другие жизненные проблемы страны могут быть решены только путем радикальной реформы экономики. Как превратить человека в хозяина, использовать возможности кооперации, сочетать интересы общества, коллектива и отдельного работника? Постановкой этих вопросов мне хотелось увести участников Пленума от узкого практицизма, задать тон серьезной дискуссии.

Увы, несмотря на то что были заблаговременно розданы тезисы доклада, «Основные положения», проект Закона о предприятии, проведенная солидная «артподготовка», — крупного разговора о реформе не получилось. Партийные «боссы», поклявшись в своей верности перестройке и вскользь коснувшись проблем, затронутых в докладе, двинулись по привычной колее: что делается в их республиках и областях, какие там трудности, какая нужна помощь союзных инстанций.

В.В.Щербицкий с тревогой говорил об обострении экологической обстановки на юге Украины и в Крыму, особенно в связи с развитием там атомной энергетики; выступил против ликвидации министерств угольной промышленности и металлургии в республике.

Г.П.Богомяков (Тюмень) призывал увеличить за 15 лет добычу газа в Западной Сибири до 1 триллиона кубометров и нефти — до 500 миллионов тонн, а затем поддерживать такой уровень в течение ряда десятилетий. Что получилось из безоглядного выкачивания топливно-энергетических ресурсов, мы теперь знаем.

В.К.Месяц (Московская область) сетовал на то, что по показателям развития здравоохранения, социальной сферы Московская область находится на одном из последних мест в Российской Федерации.

П.М.Телепнев (Архангельская область) напирал на создание современного лесопромышленного комплекса, разработку открытых в области месторождений нефти и алмазов.

Б.Н. Ельцин говорил об изменениях в Москве: переход на двухсменку, изменение стиля работы партийных и советских органов; сообщил, что исполком Моссовета впервые за 30 лет отчитался перед избирателями. Оценивая обстановку в стране, сказал, что «прошло два года, а перестройка вглубь не пошла». Подверг критике работу Секретариата ЦК, в которой «ничего не изменилось — обилие бумаг, администрирование».

Секретарь Ленинградского городского комитета партии Ю.Ф. Соловьев с беспокойством заговорил о возникновении неформальных объединений. Впрочем, по его словам, это лишь на какое-то время вызвало растерянность, «сейчас ситуация под контролем».

Меня интересовало, что думают о реформе в трудовых коллективах. Насколько можно было судить по выступлению ткачихи Московского хлопчатобумажного комбината «Трехгорная мануфактура» Н.Н.Щербаковой, на предприятиях готовы подхватить начинания «верхов», но малейшая инициатива встречает противодействие управленческого аппарата.

Примерно такие же мотивы звучали в выступлении М.Г.Вагина, председателя колхоза имени Ленина Горьковской области. Сколько ни говорим о невмешательстве в дела колхозов, на деле все остается по-старому — контроль за всем, вплоть до того, сколько чего сажать, когда и как сеять. Сохраняется негодная практика списания долгов, которая породила стремление колхозов попасть... в списки отстающих хозяйств! По-прежнему в государственных и плановых органах косо смотрят на развитие подсобных промыслов в колхозах, а они имеют неоценимое значение, особенно в условиях Нечерноземья.

В былые времена члены Политбюро обсуждали заблаговременно целесообразность их участия в прениях. Так было и в начале моей деятельности, а затем такая практика отмерла. Я считал, что каждый член руководства имеет право сам решить, выступать или нет. И все же на этот раз был несколько удивлен тем, что Рыжков на таком Пленуме отмолчался. Мне казалось, главе правительства следовало высту-

пить, снять тем самым распространявшиеся слухи о разногласиях по поводу реформы.

В целом же приращения идей Пленум не дал, но результаты его были весьма весомы: подтверждение линии на демократизацию, определение основных задач и методов проведения экономической реформы. Был переброшен мостик к следующему этапу перестройки — я имею в виду постановление созвать летом 1988 года XIX конференцию КПСС.

Я же Пленум использовал не только для продвижения программы реформы, но и для перегруппировки сил в политическом руководстве страны. Из кандидатов в члены Политбюро перевели Слюнькова и Яковлева, избрали Никонова. Был выведен из состава Политбюро Кунаев, освобожден от обязанностей кандидата в члены Политбюро Соколов, избран кандидатом Язов. Акция прошла без осложнений.

Перемещение Соколова в группу генеральных инспекторов Министерства обороны (это так называемая райская группа, созданная при Брежневe для высших военачальников, уходящих на пенсию) было результатом ЧП — полета и приземления в Москве на Красной площади молодого немца Руста на легкомысле самолете. Это была пощечина стране, ее Вооруженным Силам. И что самое существенное — сигнал неблагополучия в обеспечении безопасности, безответственности в высшем командном эшелоне. Сенсационная новость о полете застала меня за круглым столом совещания ПКК ОВД в Берлине (со мной были Громько, Рыжков, Шеварднадзе, Соколов и Медведев). Можно представить, какие чувства я испытывал, когда на стол легла такая информация.

Поставив участников совещания в известность о случившемся, я сказал, что этот эпизод не должен ставить под сомнение уровень нашей техники и надежность обороны. Хотя, откровенно говоря, сам был потрясен и оставался в полном недоумении, как это могло произойти: ведь существующие технические системы ПВО давали стопроцентную гарантию предупреждения и пресечения нарушений в несравненно более сложных ситуациях. Значит, дело в том, в чьих руках они находятся, в порядках или, точнее, — беспорядках в Вооруженных Силах.

Как обычно, возвращались в Москву двумя самолетами — так было заведено, чтобы не лететь всему руководству вместе. Разговор все время возвращался к полету Руста. Мои спутники высказались за самые строгие меры в отношении виновных, и прежде всего руководства Министерства обороны. Соколов должен уйти, тем более что сигналы о неблагополучии в Вооруженных Силах были и раньше.

На заседании Политбюро все высказались за отставку министра обороны и главкома военно-воздушных сил Колдунова, полное расследование инцидента и привлечение виновных к ответственности. Заклучая, я охарактеризовал происшедшее как удар по всей нашей полити-

ке, подрывающий доверие народа к армии, требующий серьезно проанализировать положение в Вооруженных Силах.

А после перерыва было внесено предложение назначить министром обороны Язова. Возражений не последовало, хотя для многих такое решение оказалось неожиданным. Язов — в то время заместитель министра по кадрам — был менее известен, не занимал раньше таких престижных постов, как начальник Генерального штаба, командующий Западной группой войск или Московского военного округа. Но он обладал рядом ценных качеств, и мой выбор пал именно на него.

Познакомились мы на Дальнем Востоке, где он командовал округом, — очень сложным, разбросанным на тысячи километров, с массой болезненных проблем, особенно бытовых, вызывавших брожение среди личного состава. Действовал там Язов очень уверенно, спокойно, грамотно. Добился сближения офицерского корпуса с солдатами, оздоровления обстановки. Помог ему в этом большой жизненный опыт — молодым офицером участвовал в Отечественной войне, после войны служил во многих военных округах и прошел все ступени военной карьеры. Армейскую жизнь знал вдоль и поперек.

Раньше, когда встал вопрос о проведении крупных кадровых изменений в армии, я вспомнил о Язове — он был назначен заместителем министра по кадрам и проявил себя как способный руководитель. При его активной роли началось обновление и омоложение генералитета и офицерского корпуса, на пенсию отправили 1200 генералов. Одним словом, появление его в роли министра не было случайным.

Новому министру пришлось столкнуться с непривычными проблемами, возникавшими в ходе переговорных процессов по разоружению. Порой выработка наших позиций специалистами МИДа, Минобороны, ВПК, КГБ заходила в тупик, и даже после заседаний комиссии Зайкова оставались несогласованные вопросы. Язов, естественно, поддерживал своих представителей, но, когда надо было принимать политическое решение, проявлял гибкость и здравый смысл. Я приглашал к себе его, маршала Ахромеева, и развязка всегда находилась: на что можно пойти сегодня, а чего пока не перешагнуть, какой должна быть основная позиция, какой — запасная.

Столь подробно говорю о Язове потому, что понять его поведение в августе 1991 года было мне всего труднее. Уж кого-кого, а его я никак не мог заподозрить в предательстве. Думал: ввели в заблуждение, впутали в гнусную историю. Сам Язов сразу после провала авантюры с ГКЧП признал факт предательства им президента.

О Слюнькове. Он был в последнее время секретарем ЦК по вопросам экономической политики, а кандидатом в члены Политбюро стал еще раньше, в бытность первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Я делал большую ставку на этого человека, его политический и

хозяйственный опыт, обширные знания, организаторские способности, самоотверженность в работе. Он был генеральным директором крупнейшего в стране Минского тракторного объединения, первым секретарем Минского горкома партии, почти десять лет работал заместителем председателя Госплана.

Я высоко ценил человеческие качества Слюнькова — честность, открытость, огромное трудолюбие. Пожалуй, единственная слабость — говорливость. Собственные идеи его так увлекали, что другим порой трудно было вставить слово.

Что касается взглядов Слюнькова на экономическую реформу, то они претерпели серьезную эволюцию за три года работы в ЦК. Вначале он работал в унисон с Рыжковым, занимая умеренно консервативные позиции. Это объясняется и тем, что они вместе в свое время работали в Госплане. Но затем стал относиться к предложениям правительства критически, выступая за более радикальный вариант преобразований. Думаю, сыграло свою роль повседневное общение с реформаторской частью партийного руководства и учеными, меньшее давление со стороны государственных управленческих структур, да и неприятие амбициозности главы правительства. Уже примерно через год Слюньков стал высказывать на Политбюро несогласие со многими проектами и документами Совмина, выступал с альтернативными предложениями. Его отношения с Рыжковым вконец расстроились. Это и, конечно, резкое ухудшение здоровья привели его к решению об отставке за несколько месяцев до XXVIII съезда КПСС.

Избрание Никонова в Политбюро не только было данью давней традиции, что секретарь ЦК по аграрным вопросам должен быть в этом ранге, но диктовалось масштабностью предстоящих в этой сфере преобразований. Человек он был достаточно широких взглядов — это, в частности, проявилось и в постановке вопроса о реабилитации крупных ученых, ставших жертвами сталинских репрессий, — Кондратьева и Чайнова. Но его реформаторские наклонности я явно переоценил.

Возводя Яковлева в ранг члена Политбюро, я сознательно вел к тому, чтобы идеологическую сферу курировал не только Лигачев. Он был занят организацией работы Секретариата, внутрипартийными делами, а главное — для меня не было тайной, что в идеологическом плане у Лигачева проявляются консервативные акценты.

Так что это было не спонтанным шагом, а продуманным решением.

Позиционная борьба вокруг реформы

Документы Пленума носили компромиссный характер. Многие из них, особенно с высоты сегодняшнего дня, представляются половинчатыми и даже наивными. Но для состояния нашего общества того времени, уровня массового сознания это были радикальные, можно сказать, революционные решения. Важно было начать

практическое движение по намеченному пути, «ввязаться в дело», а сама жизнь, логика преобразований показали бы, что и в каком направлении надо в реформе менять.

Многое, если не основное, тут зависело от правительства, центральных экономических органов. К сожалению, в их поведении перемен не произошло. Решения Пленума рассматривались ими как чрезмерная уступка реформаторам. Во всяком случае — последний рубеж отступления от планово-централизованной системы управления. Не только не проявляли рвения осуществлять эти решения на практике, но, напротив, предпринимали попытки вернуться назад, добиться своего не мытьем, так катаньем.

Чуть ли не из-под палки пришлось заставлять авторов правительственных проектов дорабатывать их, чтобы устранить расхождения с докладом и «Основными положениями реформы». Возникла необходимость и в поправках к проекту Закона о предприятии.

Любопытно, что впоследствии противники перестройки из числа партийных фундаменталистов обратили острие своей критики именно против этого закона, объявив его принятие чуть ли не первым толчком к развалу экономики. Слов нет, закон не идеален. В какой-то степени на нем сказалось влияние демократической эйфории. От некоторых предусмотренных им мер (выборность директоров), кстати, вскоре отказались. Но главные его недостатки как раз в непоследовательности и неполноте реализации принципа хозяйственной самостоятельности предприятий.

В сентябре, в порядке контроля за выполнением решения Пленума ЦК, на Политбюро были заслушаны доклады о разработке экономических нормативов (Ситарян) и подготовке реформы ценообразования (Павлов). Дело в том, что в ЦК поступали сигналы с предприятий, свидетельствующие о своеволии центральных ведомств, попирающих решения высших инстанций.

Еще перед июньским Пленумом Рыжков рассуждал, что если позволить предприятиям планировать свою работу, перевести их на самостоятельность и самоокупаемость, то потеряет смысл пятилетний план, надо будет его в корне пересмотреть или вообще отменить. Премьер отстаивал «незыблемость» заданий пятилетки, хотя даже по итогам 1986 и 1987 годов было ясно, что их не удастся выполнить.

Пожалуй, особым упорством сопротивление управленческой номенклатуры отличалось в вопросах перестройки организационных структур. Под видом создания государственных производственных объединений (ГПО) была предпринята попытка возродить систему бюрократических главков, подчиненных министерствам, с сохранением ведомственных перегородок и раздутого аппарата. Снова потребовался разговор на Политбюро, и только после этого были устранены извращения в осуществлении реформы.

Словом, шла позиционная борьба вокруг реформы, и чем дальше, тем она все больше увязала в тине бесконечных оговорок, болтовни, «инстинктивного» и сознательного саботажа.

Дискуссия о ценах

Полею особенно острых столкновений стала проблема цен и ценообразования.

Однако по порядку. В середине апреля 1988 года Политбюро рассмотрело предложения по ценообразованию, разработанные правительством по поручению июньского Пленума и представленные 10 месяцев спустя. Это была пухлая пачка многословных, но не слишком ясных документов, по ряду позиций идущих вразрез с замыслом реформы.

Предлагалось, в частности, разбить ее на ряд этапов. Вначале ввести оптовые цены и тарифы в промышленности и на транспорте, отложив на неопределенное время введение новых закупочных и розничных цен. Это нарушило бы комплексность реформы, вынудило возвращаться к наиболее болезненным мерам — изменениям розничных цен — несколько раз. Вопрос о ценах рассматривался в отрыве от других важнейших элементов экономической реформы. Не нашли в проекте конкретного решения такие важные вопросы, как приближение структуры внутренних цен к ценам мирового рынка, децентрализация и либерализация ценообразования, переход к договорным ценам.

Документы подверглись основательной критике, от Совмина потребовали не затягивать решения этих вопросов, ибо было очевидно, что условия для крупной ценовой реформы будут неумолимо ухудшаться. Но в правительстве не спешили, да, видимо, и боялись всерьез взяться за крайне острую проблему. В аппаратных играх было потеряно несколько месяцев. А между тем слухи о «покушении» на стабильные цены просачивались в общество, порождали растущую тревогу. В конце концов тема эта была оседлана популистами, стала полем политической борьбы. Несмотря на неоднократные заявления о том, что доход от повышения цен будет полностью возвращен населению (прежде всего низкооплачиваемым работникам в виде надбавок к заработной плате), а само решение по ценам не будет приниматься без совета с народом, в печати была поднята шумная кампания против реформы цен, как якобы противоречащей интересам народа.

«Не трогать цены!» — под таким девизом зарождалась радикально-демократическая оппозиция. Ее отнюдь не смущало то обстоятельство, что этим перекрывалась дорога экономическим реформам и что им самим не уйти от такой меры, приди они к власти. Как и во многих других случаях, интересы страны были принесены в жертву стремлению завоевать дешевую популярность. В газетах радикальной направленности публиковались подборки писем и гневные «филиппики».

В считанные недели произошел поворот общественного мнения в сторону категорического неприятия реформы цен и ценообразования. Под его влиянием оказались почти все ведущие ученые-экономисты, даже те, кто принимал участие в разработке концепции экономической реформы. Поддаваясь общему настроению, они стали один за другим выступать в печати с предостережениями против поспешности в этом деле. Справедливости ради надо признать, что основания для общественного возбуждения были. Уже в 1988 году начали появляться симптомы дезорганизации потребительского рынка и денежного обращения.

Под напором популистских требований явно преждевременно, до создания нового экономического механизма пошли на отмену контроля за соотношением производительности труда и заработной платы, что привело к необоснованному росту денежных доходов. Были открыты (через кооперативы) каналы превращения безналичных денег в наличные. В надежде на рост производства в будущем стали допускаться излишества в принятии различного рода социальных программ. В обращение хлынул поток излишних денег, который привел потребительский рынок (и без того довольно скудный) в состояние неустойчивости. Из продажи стали исчезать то сахар, то табачные изделия, то мыло, то стиральные порошки. Массовый характер приобрели факты необоснованного завышения цен на предметы первой необходимости, что вызывало законное возмущение у покупателей.

Обстановка вокруг проблемы цен вызывала у меня серьезное беспокойство. Еще в августе, находясь в отпуске, я не раз обращал внимание Рыжкова и Слюнькова на складывающуюся ситуацию. Аганбегян прислал развернутую записку с обоснованием ряда конкретных мер и необходимости активной разъяснительной работы среди населения.

29 октября 1988 года Политбюро по предложению отделов ЦК приняло постановление о положении дел с розничными ценами и тарифами на услуги, оказываемые населению, осудив практику необоснованного их завышения. Но переломить общественное мнение не удалось. Более того, против реформы «в ближайшие годы» рыночных цен выступили в прессе Заславская, Шаталин, Абалкин, Попов, Шмелев и другие, мотивируя это интересами «не загубить перестройку», не восстановить против нее общество.

А что Совмин, Госплан, Госкомцен? На словах — возмущение безответственностью журналистов, отступничеством ученых, на деле — вялость, заторможенность, нежелание «лезть в пекло», брать на себя ответственность за непопулярные решения.

В начале ноября на заседании Политбюро «за повесткой» Рыжков поднял вопрос о публикациях Абалкина и Шаталина, в которых затрагивается вопрос о ценах. Реакция была бурная, повозмущались, но

дальше этого дело не пошло. А надо было бить тревогу во все колокола, собирать журналистов, идти на телевидение и радио, в трудовые коллективы. Добиваться понимания в обществе той простой истины, что коренное изменение системы цен и ценообразования — неотъемлемая часть экономической реформы. Как ни нежелателен пересмотр розничных цен, без него не обойтись, если мы хотим оздоровления экономики, устойчивого повышения жизненного уровня.

Естественно предположить, что бюрократия втайне сочувствовала нападкам на экономическую реформу, хотя они и шли с «противоположной стороны», злорадствовала по поводу ее неприятия обществом. Эта позиция была логическим продолжением всей линии на торможение реформы.

Критически оценивая свою роль в драматической судьбе «первой попытки» хозяйственной реформы, должен признать, что мы недооценили противодействующие факторы. Слишком долго находились под влиянием иллюзий, считая, что речь идет просто о трудностях психологической перестройки кадров. Позволив неоправданно растянуть сроки структурных преобразований на 3—4 года, упустили самый благоприятный для них в экономическом и политическом отношении момент — 1987—1988 годы.

Это был просчет стратегического порядка, обстановка в стране стала быстро обостряться, условия для успешного осуществления реформ становились все менее благоприятными, потребовались иные, более кардинальные подходы к их проведению.

Глава 12

РЕШАЮЩИЙ ШАГ

Историки, любящие наводить строгий порядок в подведомственной им «материи», спорят по поводу периодизации перестройки и реформ: вести отсчет от марта 1985-го или какой-то более поздней даты?

Я уже говорил, что пришел к власти с пониманием необходимости радикальных преобразований. И постарался показать, что дело не ограничилось «декларациями о намерениях». В 1985—1988 годах предпринимались серьезные усилия для вывода страны из застоя, обновления всех сторон жизни общества. Была сделана первая попытка коренным образом реформировать экономику.

Но по-настоящему поворотным моментом, после которого перестройка начала приобретать необратимый характер, стала XIX Всесоюзная конференция КПСС. К этому решающему шагу подвели и явная пробуксовка с преобразованиями экономики, и радикализация общественного мнения.

Кредо перестройки

Возникла острая потребность осмыслить все происшедшее, подвести хотя бы промежуточный итог. А главное — изложить свои замыслы на будущее. Исполдволь зрело у меня намерение написать книгу о перестройке. Вначале я отгонял эту мысль, но она возвращалась и приобретала осязаемые очертания. Уже виделась общая конструкция будущей книги, ее разделы, накапливались записи в блокнотах — как изложить ту или иную тему. Наконец я решился поделиться своим замыслом с моим ближайшим окружением.

Должен сказать, он не встретил горячей поддержки. Фролов советовал подготовить вместо этого цикл лекций, Добрынин и Яковлев считали, что можно ограничиться передачей в издательство сборника моих статей. Я не возражал, но полагал, что разрозненные, написанные по конкретным поводам материалы не заменят цельного рассказа о

том, что обсуждалось мною с коллегами, было предметом бесед с зарубежными политиками и оставалось не известным широкой публике — как родилась идея перестройки, какое содержание вкладывал я в это понятие. Наиболее существенные замечания последователи от Медведева, в основном я их принял. Другие ограничились похвалами.

Моей первой книге сопутствовал большой успех. Она встретила широкий отклик и выдержала множество изданий во многих странах. Гонорары направлялись на благотворительные цели, в том числе в Фонд помощи пострадавшим от землетрясения в Армении и Таджикистане. Добавлю, что и Нобелевскую премию, и премию Фьюджи — в общей сложности более миллиона долларов — я передал на те же цели. Значительные суммы были переданы детской клинике Минздрава РСФСР, больницам Брянска, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, где лечились люди, получившие заболевания в результате Чернобыльской аварии, экологических бедствий, а часть в партийную кассу.

Реакция на книгу стала своеобразной лакмусовой бумажкой. Мы увидели, что мир созрел для поворота в лучшую сторону, ждет перемен. И хотя кое-кто из придирчивых зарубежных профессионалов подверг ее критике за «небрежность» в изложении материала, недоговоренность по некоторым темам, в принципе она была принята. Конечно, к ней относились не как к обычному изданию. Она воспринималась как манифест инициатора перестройки.

Неюбилейный доклад к юбилею

Еще в январе 1987 года мы завели разговор о подготовке к 70-летию Октября — какой критерий взять за основу при оценке пути, пройденного после революции, сделанного за перестроечные годы? По традиции от Генерального секретаря ждали оценок по принципиальным вопросам.

В то время в партии, научных кругах и среди широкой общественности были в разгаре дискуссии о содержании начатых реформ. Никто из наших ведущих историков, философов, экономистов против социалистического выбора открыто не выступал, но уже достаточно остро ставился вопрос о природе нашего общества, о критериях социальности. Привлекла внимание выпущенная перед XIX партконференцией книга «Иного не дано», большинство авторов которой — радикальные демократы.

Не раз я уже отмечал, что, пока не пойму внутреннюю логику темы, не могу рассуждать, выступать, писать. По складу мышления отвержен системному подходу и, приступая к работе над докладом, ощутил потребность начать с начала — вернуться к первым годам Советской власти, чтобы углубить свое понимание зародившихся тогда тенденций. Еще раз перечитал ленинские работы того времени.

Как известно, «Очередные задачи Советской власти» написаны в короткий промежуток мирного времени сразу после революции. По этой брошюре можно судить, как представлял себе Ленин движение к новому обществу, в чем состояла логика преобразований, на какие методы он ориентировался. В последующих работах Ленина ощущается атмосфера Гражданской войны, раскола страны на противоборствующие лагеря. А затем — статьи 1922—1923 годов, в которых — нарастающая тревога за судьбу революции. Ленина беспокоило, что методы, применявшиеся в революционном перевороте или в условиях непримиримой борьбы против контрреволюции, укоренились. «Чрезвычайщина», приоритет насилия усвоены «пролетарской бюрократией», становятся неотъемлемым элементом нового строя.

С отказом от наследия Гражданской войны применительно к управлению страной связана потребность в «новом понимании социализма». В основе этого понимания — отказ от революционаризма, веры во всемогущество насильственных методов, ставка на демократию, реформы. Использование традиционных, понятных и привычных народу форм с постепенным их обновлением, наполнением социалистическим содержанием.

Болезнь помешала Ленину завершить эту колоссальную переоценку, в результате которой могла появиться на свет совершенно иная концепция развития, чем та, которую взял на вооружение Сталин. Вождь Октября последним волевым усилием успел только буквально навязать партии нэп, то есть, при всем различии исторических условий, все ту же радикальную экономическую реформу. Однако пришедшая к власти партбюрократия недолго ее терпела. Были искоренены зачатки рынка, свободного предпринимательства, идейного и политического плюрализма. Воцарился государственный, или казарменный, социализм.

Чем объясняется неудача нэпа, несмотря на очевидные его плюсы? Думаю, неспособностью большевиков перестроиться. Нужны были уже другие методы, другая политика, а они продолжали «комиссарить». Под воздействием форсированной индустриализации, требовавшей инвестиций, валюты, импортного оборудования, сформировалась жесткая линия по отношению к крестьянству — насильственное изъятие продукции, принудительная коллективизация. Был создан безотказный, крепостнический, по сути, механизм обеспечения средств для «кормления» бюрократии, создания военной мощи и удовлетворения на невысоком уровне социальных нужд. Командные методы, подавление инакомыслия, репрессии, которые оправдывались поначалу особыми условиями капиталистического окружения, стали неотъемлемой частью системы. В стране сложился тоталитарный режим, опирающийся на тотальную государственную собственность, монопольную идеологию, власть одной партии.

Непосредственно работа над докладом к 70-летию Октябрьской революции началась с совещания в узком кругу 29 апреля 1987 года. Почему-то больше всего его участникам запомнились слова, сказанные мной в шутку:

— Знаете, я думаю, судьба нынешнего руководства — умереть или развернуть перестройку.

Прежде, когда мы отмечали подобного рода даты, доклад сводился к инвентаризации побед с одним-двумя псевдокритическими тезисами. В этом случае акцент делался на другом: надо использовать юбилей, чтобы пройти еще несколько ступеней в развитии общественного сознания, понимания общества, в котором мы живем, ответе на вопрос: «Что делать?».

Разговор был вполне откровенный, высказывались самые смелые по тому времени мысли, и если не все из них были включены в ткань доклада, то только из соображения: не пришло еще время. Говорилось, что нужно дать более полную и четкую оценку трагических эпизодов нашей истории, объявленных «врагами народа» деятелей партии. В частности, шла речь о Бухарине.

Настроения в руководстве накануне октябрьской годовщины я смог уловить на заседании Политбюро 28 сентября сразу после возвращения из отпуска. Раздумья в связи с работой над книгой и будущим докладом, дискуссия в прессе, информация, поступающая из регионов, побудили меня завести основательный и откровенный разговор. Масла в огонь подлили зарубежные пересуды о состоянии здоровья Горбачева, разногласиях между ним и Лигачевым, Лигачевым и Яковлевым, Рыжковым и еще кем-то. Мое длительное отсутствие, во время которого не было непосредственного контакта, одни телефонные разговоры, требовало, как говорят, быстро взять руль в руки.

Заседали целый день, до половины восьмого вечера. Лейтмотивом стал диагноз перестроечных процессов. Мой вывод состоял в том, что мы вступили в критический этап. В нашем распоряжении решения январского и июньского Пленумов ЦК, их реализация должна продвинуть далеко вперед демократические процессы. Нарастающее напряжение в обществе говорит о беспокойстве людей за перестройку.

И действительно, итоги 1987 года оказались значительно хуже предшествующего. Добавляли беспокойства неурядицы, связанные с неупорядоченным переходом промышленности на хозрасчет, самофинансирование и самоуправление. На трудностях начали спекулировать те, кто боялся перемен. Все громче становились голоса: «Вот ваша демократия!» (хозрасчет, подряд, кооперативы и т. д.). Нелегко было различать, где в них истинная народная тревога, а где злорадство и козни демагогов.

Пожалуй, в это время впервые начало проявляться отчуждение между центральными и низовыми органами партии. Последние в боль-

шинстве своем не были готовы работать в атмосфере, порожденной демократизацией и гласностью, переходом к новым формам в экономике. При встречах звучал один и тот же вопрос: «Скажите, что делать, дайте указания». Это были зловещие симптомы кризиса партии, которая формировалась совсем для другой роли. За три года перестройки, в рамках альтернативных выборов произошло существенное обновление кадров. Но и вновь пришедшие кадры были обременены грузом прошлого, за редкими исключениями действовали в том же духе, теми же методами.

Я все острее ощущал, что общество в своем нетерпеливом ожидании перемен намного обогнало партию, ей грозит серьезно отстать от «поезда». Как преодолеть эту опасность? — искали мы ответ.

На том же заседании Политбюро было решено создать комиссию по рассмотрению дел, связанных с репрессиями в 30-е и последующие годы (Соломенцев — председатель, Яковлев, Чебриков, Лукьянов, Разумовский, Болдин, Г.Л. Смирнов). Тем самым возобновлялся прерванный в брежневские времена процесс реабилитации невинно осужденных людей, восстановления справедливости и исторической правды.

К середине октября был подготовлен черновой вариант юбилейного доклада — основательное сочинение объемом около 120 страниц, — и мы, по заведенному порядку, обсудили его. Замечания были полезные, но больше носили характер уточнения формулировок.

Более пространными оказались замечания Ельцина. Он считал, что в докладе смещены акценты — в пользу Февральской революции, в ущерб Октябрьской; недостаточно выпукло показана роль Ленина и его ближайших соратников; выпал период Гражданской войны; несоизмеримы по подаче материала индустриализация и коллективизация; преждевременны (до выводов комиссии Политбюро) оценки видных деятелей революции; лучше обойти вопросы периодизации перестроенных процессов, подготовки новой Конституции, а в заключение со всей силой подчеркнуть роль партии в развитии советского общества. Как видите, это были замечания, проникнутые духом большой осторожности и консерватизма. Таков был Ельцин тогда.

2 ноября 1987 года с докладом «Октябрь и перестройка: революция продолжается» я выступил на торжественном заседании в Кремле. Он был воспринят как крупный шаг на пути очищения нашей истории от мифов, восстановления правды. Конечно, и на нем лежала печать ограниченности. Мы сознательно решили умолчать о чем-то. Нам самим предстояло еще многое осмыслить, преодолеть психологические барьеры. Оставалось немало «белых пятен», требовавших исследования. В таких делах, как говорится, выше себя не прыгнешь.

Доклад, достаточно взвешенный, а местами, я бы сказал, и очень осторожный, не удовлетворил «крайних» с обеих сторон. Одни воспри-

няли критический анализ прошлого как «очернительство», «неуважение к своему народу», как потрясение основ и предвестие тотального пересмотра истории советского народа. Другие, кому лихих публицистических статей было достаточно, чтобы «прозреть», твердили, что ждали большего, Горбачев топчется на месте, необходим полный разрыв с прошлым.

В какой-то мере я предвидел подобную реакцию. Именно поэтому по ряду вопросов доклад не ставил точек над «і». В свое время, когда начался отход от линии XX съезда, обычно добавляли при упоминании «культы личности», что это «вопрос, давно решенный нашей партией, и нет необходимости к нему возвращаться». Моей же целью было не закрыть, а открыть для исследования целые пласты прошлого, стимулировать дальнейшую работу над спорными вопросами. И до этого наша пресса печатала многочисленные материалы на исторические темы, теперь же они пошли буквально валом. Не обошлось без пустышек, фальсификации фактов, тенденциозной предвзятости. Но, насколько я могу судить, преобладает стремление серьезно разобраться в сложном и извилистом течении послеоктябрьских событий, дать оценки «*sine ira et studio*».

В дискуссиях о прошлом нередко прояснялось отношение к злободневным проблемам тактики реформ. Я обратил на это внимание еще на заседаниях Политбюро, когда обсуждался юбилейный доклад. В этом смысле небезынтересны, например, рассуждения Лигачева о том, что Бухарин, Рыков и Томский предлагали замедленные, растянутые сроки индустриализации, что могло сковать движение страны к социализму. Не о том ли говорят и позднейшие рассуждения Ельцина о «нерешительности» Горбачева? Для него, как и для Лигачева, «решительность» определялась не столько глубиной и эффективностью преобразований, сколько сроками...

Сроки — наша вечная и больная тема, с ними связаны, в сущности, и все последующие дискуссии о темпах перестройки. История рассудила этот спор. Нынешнее печальное состояние России прямо обусловлено тем, что на определенном этапе эволюционный подход был у нас отброшен. Вместо него стали действовать методом «бури и натиска», ломая общество, круша все и вся, в том числе человеческие судьбы, прокладывая по ним дорогу в новое «царство свободы».

Дело Ельцина 21 октября на Пленуме ЦК при обсуждении доклада к 70-летию Октября возник инцидент, связанный с Ельциным. Обычно доклады к юбилейным датам на пленумах не обсуждались. Реакция зала выявила общий настрой на то, что открывать прения и на сей раз нет необходимости. Лигачев, который вел заседание, поставил это на голосование. Думаю, он видел поднятую

руку Ельцина, но решил не обратить внимания. Пришлось мне вмешаться и подать реплику: «По-моему, у Бориса Николаевича Ельцина есть желание что-то сказать...» Лигачев предоставил ему слово.

Вначале Ельцин сказал, что доклад к 70-летию неоднократно обсуждался на Политбюро, он тоже вносил свои предложения, часть их учтена, поэтому сегодня замечаний у него нет («Я его полностью поддерживаю»). Ну а затем перешел к «текущему моменту». Логика рассуждений была примерно такова. Вот мы анализируем нашу историю после Октябрьской революции, видим, какие драмы и трагедии пережило общество, где в конечном счете оно оказалось. Во многом это произошло из-за отсутствия демократии, в результате культа личности, всего, что с ним связано. А возник этот культ постепенно из-за нарушений коллегиальности. Вся власть оказалась в руках одного человека, он был огражден от критики, и этот урок нам надо усвоить. Пока в Политбюро подобных явлений нет, но все же со стороны некоторых товарищей растет славословие в адрес Генерального секретаря. Это тем более недопустимо в момент, когда мы закладываем в партии демократические формы товарищества. Надо предотвратить разрастание зла.

Дальше Ельцин затронул вопрос о трудностях, с которыми сталкивалась перестройка. Поставил под сомнение тезис о необходимости в ближайшие два-три года добиться улучшения жизни людей. Сказал, что это широковещательное, ничем не обоснованное заявление способно породить потом разочарование и озлобление. И, наконец, сделал сенсационное заявление: по разным причинам у него не получается работа в Политбюро. Сказываются и недостаток опыта, и другие обстоятельства, но главное — отсутствие поддержки, особенно со стороны Лигачева. По этим причинам он просит освободить его от обязанностей кандидата в члены Политбюро и должности первого секретаря МКК.

Что тут можно сказать? Поставь Ельцин тогда вопрос о «нездоровых явлениях» в работе Политбюро и Секретариата ЦК, это вполне могло бы стать предметом серьезного обсуждения с пользой для всех. Но ультимативный характер и тон выступления вызвали острую реакцию, начались не планировавшиеся прения. Выступали спонтанно, без подготовки, разговор получился эмоциональный, резкий. Досталось «тираноборцу» изрядно. Чаще всего звучали одни и те же оценки: «ущемленное самолюбие», «избыточная амбициозность». Об этом, поднявшись на трибуну, сказал рабочий Затонский:

— Что мы тут мудрим? Оснований для такой постановки вопроса у Ельцина нет. Это его амбиции, обида, что его недооценивают, и, скажу по-рабочему прямо, нереализованные претензии на членство в Политбюро.

Слова, конечно, обидные, но основания для них были. До меня доходили переживания Ельцина, что Горбачев держит в «предбаннике» — кандидатом в члены Политбюро — первого секретаря столичной партийной организации, что мешает ему действовать более авторитетно и решительно. И это, мол, в то время, когда в Политбюро сохранялись от прошлого «мастодонты и динозавры», об удалении которых он писал мне 12 сентября в Крым, где я находился на отдыхе.

Я не раз говорил, что первое время был расположен к Ельцину. Мне импонировал его решительный настрой, хотя и тогда я уже прекрасно понимал, что любой радикализм хорош лишь в том случае, когда он сочетается со взвешенностью, способностью к самооценке и самоконтролю.

Повторяю: он имел полное право ставить вопрос об изменении состава Политбюро и плохой работе Секретариата, обратить внимание на «славословия» в адрес генсека, если считал, что такое действительно имеет место. Мы могли обсуждать, что дала народу перестройка и какими должны быть темпы преобразований, вокруг этого, собственно, и кипели страсти в последнее время. Обо всем можно и нужно было спорить в поисках истины, и, если бы он искал только ее, мы вполне могли прийти к согласию.

Но в нем говорило уязвленное самолюбие, и правы были те, кто указал на Пленуме на его гипертрофированную амбициозность, страсть к власти. Время лишь подтвердило такую оценку. Была и другая причина, толкнувшая его на этот шаг. Я уже говорил, что Ельцину пришлось столкнуться в Москве с препятствиями, о существовании которых в Свердловске он и не подозревал. Ему казалось, главное — освоить новый рубеж власти, укрепить его преданными людьми, затем нажать молодецким плечом и, как у нас говорят, порядок!

Не тут-то было. После январского и июньского Пленумов ЦК наша номенклатура почувствовала, что начинают затрагиваться ее коренные интересы, и стала сопротивляться, причем умело, хитро. И Ельцин, как мне представляется, оказался в эпицентре этой борьбы, ибо именно в столице тесно переплелись интересы городских, республиканских, союзных структур старой системы.

Против них он попытался поднять партийные организации, самих москвичей и в этом своем стремлении был, по-моему, прав. Но методы, использовавшиеся им для достижения данной цели, с самого начала стали приобретать популистский характер. То он неожиданно являлся на завод, брал руководителя предприятия, вел его в рабочую столовую и там устраивал публичный разнос, выставляя себя в роли радетеля народа, а руководителя — в роли изверга. То садился в автобус или трамвай, заходил в магазины или поликлинику, и на следующий день об этом полнилась слухами вся Москва. Под восторженные апло-

дисменты москвичей обещал им в самые короткие сроки решить проблемы жилья, торговли, медицинского и бытового обслуживания. Демонстрировал красочные диаграммы развернувшегося вокруг столицы строительства мясокомбинатов и молокозаводов, способных снять с повестки дня извечный вопрос о дефиците колбасы и кефира. Обо всем этом трубили московская пресса, радио и телевидение. Показушный характер носил и поиск им новых форм партийной работы. Так, например, заседания бюро горкома стал проводить в 11 или 12 часов ночи.

Близилась пора отчета о результатах работы, проделанной им в качестве секретаря МГК, а по существу ничего не менялось, обещания повисли в воздухе. Мы старались всячески поддержать его: по линии Политбюро, правительства, Секретариата ЦК принимались решения с целью оказать помощь Москве финансами, продовольствием, кадрами. А обстановка в столице мало изменилась к лучшему.

Ельцин начал нервничать, впадать в панику, в административный зуд. Не зная, что делать, устраивал бесконечные разносы, забывая о своих призывах к развитию демократии. Может быть, главный вывод состоит в том, что как реформатор Ельцин не состоялся уже тогда. Повседневная, рутинная, деловая работа и особенно трудные поиски согласия были не для него. По своим человеческим качествам он больше подходил для эпохи «бури и натиска». Не знаю, может быть, это от его профессии — от вечных авралов, в ходе которых наши строители стремились любой ценой сдать тот или иной объект, часто с недоделками, а то и просто недостроенный, занимались очковтирательством. Или ощущение бессилия, нарастающей неудовлетворенности от того, что мало удалось добиться в Москве, вывело из равновесия, привело к срыву.

Впрочем, обо всем этом я размышлял позднее. И пространное отступление позволил себе, чтобы стало очевидным, что Ельцин сам избрал и прошел свой путь. Октябрьский Пленум стал для него рубежом, выбор, сделанный тогда, в значительной мере предопределил его дальнейшие шаги.

Я наблюдал за Ельциным из президиума Пленума и понимал, что происходит у него в душе. Да и на лице можно было прочесть странную смесь — ожесточение, неуверенность, сожаление. Все то, что свойственно неуравновешенным натурам. Выступавшие, в том числе и те, кто вчера еще заискивал перед ним, лупили крепко и больно, у нас это умеют. Обстановка накалялась. Стали раздаваться требования не только лишить его должности кандидата в члены Политбюро, но и немедленно вывести из состава ЦК. Тогда я сказал:

— Давайте послушаем самого Ельцина. Пусть он выскажет свое отношение к выступлениям членов ЦК.

— Не надо, все ясно, — послышалось из зала.

Но я настоял дать Ельцину возможность высказаться, аргументируя тем, что раз уж развертываем демократизацию партии, то начинать должны с ЦК. Ельцин вышел на трибуну, стал что-то говорить не очень связно, признал свою неправоту. Я бросил ему «спасательный круг» — предложил еще раз подумать и снять заявление об отставке. Но он поддержки не принял и, страшно нервничая, произнес:

— Нет, я все же прошу меня освободить.

Решение, принятое Пленумом, состояло из двух пунктов. Первый давал оценку выступлению Ельцина. Второй поручал Политбюро вместе с горкомом разобраться в ситуации и решить вопрос о первом секретаре МКК.

На том Пленум закончился. Через 10 дней, 31 октября, Ельцин пришел на заседание Политбюро, обсуждавшее окончательный вариант доклада о 70-летию Октября. Когда ему предоставили слово, стал странно говорить, что на начальном этапе перестройки мы набирали скорость, а теперь потеряли ее; тогда готовность народа к переменам была большая, но мы слишком много взяли на себя и в чем-то просчитались. С середины 1986 года «вновь пошли большие подвижки, а я — это моя главная ошибка — из-за амбиций, самолюбия уклонялся от того, чтобы нормально сотрудничать с Лигачевым, Разумовским, Яковлевым. Но товарищи в горкоме партии не отвернулись от меня — хотя и осудили мое поведение, просят остаться».

Оказывается, он попросил секретарей горкома собраться без него. Бюро горкома признало поведение и выступление Ельцина ошибочным, отражающим лишь его личное мнение; посоветовали, что он не считал нужным предварительно посоветоваться с товарищами и рекомендовали забрать заявление об отставке, продолжить работу.

3 ноября, как ни в чем не бывало, он прислал мне короткое письмо, в котором излагал указанное мнение бюро горкома и в этой связи просил дать ему возможность продолжить работу в качестве первого секретаря МКК КПСС. Воспринять логику его поведения было просто невозможно. Отменить решение Пленума никто не имел права. Ситуация осложнилась тем, что в зарубежной прессе появился кем-то сфабрикованный текст выступления Ельцина, и разные варианты этой фальшивки стали распространяться у нас. Опровержений со стороны самого Ельцина не последовало. Он явно начинал уже ощущать себя «народным героем». В таких условиях попытка решить вопрос, что называется, «фуксом» была, по меньшей мере, странной.

Я собрал членов Политбюро, кто был на месте, рассказал о письме Ельцина, и все присутствовавшие высказались однозначно: действовать в соответствии с постановлением Пленума. После этого позвонил Ельцину. Сказал, что мнение членов Политбюро — выносить вопрос на пленум горкома партии. В разговоре высказал все, что накопилось за эти дни.

В первой половине дня, кажется, 9 ноября мне доложили, что в московском горкоме — ЧП: в комнате отдыха обнаружили окровавленного Ельцина. Сейчас там бригада врачей во главе с Чазовым. Вскоре дело прояснилось. Ельцин канцелярскими ножницами симулировал покушение на самоубийство, по-другому оценить эти его действия было невозможно. По мнению врачей, никакой опасности для жизни рана не представляла — ножницы, скользя по ребру, оставили кровавый след. Ельцина госпитализировали. Врачи сделали все, чтобы эта малопривлекательная история не получила огласки. Появилась версия: Ельцин сидел в комнате отдыха за столом, потерял сознание, упал на стол и случайно порезался ножницами, которые держал в руке. Но эта легенда самого Ельцина не устроила, и года через два он пустил в оборот другую — будто ночью на улице на него совершили покушение. Два хулигана набросились с финками, он, конечно, расшвырял их, как котят, но ножевое ранение все же получил. Эта легенда звучит куда как геройски. К тому времени я уже знал способности Ельцина к сочинительству.

А тогда, 9 ноября, снова пришлось срочно собирать членов Политбюро. Врачи еще раз подтвердили, что никакой опасности для жизни и здоровья рана не представляет. Его состояние уже стабилизировалось. Обсудив всю эту информацию, решили, что вопрос о работе Ельцина надо ставить немедленно. Разговор с ним по телефону я провел сам. Чтобы снять малоприятную для него тему о том, что произошло, сразу же сказал, что обо всем знаю, догадываюсь и о его состоянии. Поэтому нужно наметить день и провести пленум МГК.

Мне показалось, он несколько растерялся:

— Зачем такая спешка? Мне тут целую кучу лекарств прописали...

— Лекарства дают, чтобы успокоить и поддержать тебя. А тянуть с пленумом ни к чему. Москва и так полна слухами и о твоём выступлении на Пленуме ЦК, и о твоём здоровье. Так что соберешься с духом, приедешь в горком и сам все расскажешь. Это в твоих интересах.

— А что я буду делать потом?

— Будем думать.

— Может, мне на пенсию уйти?

— Не думаю, — ответил я. — Не такой у тебя возраст. Тебе еще работать и работать.

В начале нашего разговора, как мне показалось, Ельцин старался выиграть время, лихорадочно искал какие-то запасные варианты поведения. Потом, когда мы стали обсуждать возможность его работы в Госстрое в ранге министра, беседа приняла деловой характер.

— Это уход с политической арены? — прозвучал полувопрос, полутверждение.

— Сейчас вернуть тебя в сферу большой политики нельзя, — ответил я. — Но министр является членом правительства. Ты остаешься в составе ЦК КПСС. А дальше посмотрим, что и как. Жизнь продолжается. Так что готовься к пленуму горкома.

Пленум МГК состоялся 12 ноября. Со мной туда пришли Лигачев и Зайков. Атмосфера была тяжелой. Ельцин был большим мастером по части нанесения обид своим коллегам и сослуживцам. Обижал зло, больно, чаще всего незаслуженно, и это отозвалось ему теперь. В ряде выступлений явно сквозили мотивы мстительности и злорадства. Запомнилась крайне резкая речь Прокофьева, который долго рассказывал, как несправедливо поступили с ним, когда он работал в горисполкоме. Все это оставило неприятный осадок. На пленуме Ельцин проявил выдержку, я бы сказал, вел себя как мужчина.

С самого начала я стремился не придавать «делу Ельцина» скандального характера, решать его в соответствии с новой атмосферой, которая складывалась в ЦК, в партии, в стране. Поэтому, когда на Политбюро встал вопрос о публикации выступлений на пленуме МГК, в том числе моего, я посоветовал: все, что там говорилось лично о Ельцине, надо сказать аккуратнее, не перечеркивать всю его жизнь и деятельность.

Меня поддержали: « Да, да! Так и сделать...»

Яковлеву, Разумовскому и Болдину поручили отредактировать в этом духе текст, готовившийся в горкоме для прессы. Но потом пошло много слухов, рисовавших весь этот эпизод как расправу над народным защитником. Шли они, надо полагать, от самого Ельцина и тех, кто уже примеривал его в вожди демократов.

Какое-то время после пленума МГК Ельцин продолжал лечиться, потом ушел в отпуск. А 14 января 1988 года его назначили первым заместителем председателя Госстроя СССР в ранге министра. Он оставался кандидатом в члены Политбюро, несколько раз присутствовал на заседаниях. И лишь на февральском Пленуме был освобожден от этих обязанностей. Позднее коллеги не раз упрекали меня в том, что я, мол, не довел дело до конца: «Вывели бы его из ЦК, послали в дальний регион, куда Макар телят не гонял. А уж если так жалеете, то в заморскую страну послом. На том бы он и кончился». Сколько раз спрашивали меня: «Ну, признайтесь, это же был ваш крупнейший просчет!»

Подобных мыслей у меня не было. Не в моем характере расправляться с людьми, да это и противоречило бы духу отношений, которые я стремился внедрить в партию. Принимая решение о новом назначении Ельцина, я исходил из убеждения, что все у нас должно строиться на товариществе. Никакой антипатии по отношению к нему, и уж тем более чувства мести, у меня не было. Даже тогда, когда в ходе полити-

ческой борьбы с его стороны стали раздаваться в мой адрес обвинения и оскорбления самого низкого пошиба, ему не удалось втянуть меня в перепалку подобного рода.

Февральский Пленум

Подготовка и проведение 70-летия Октября, публикации в прессе по широкому кругу проблем, волновавших людей, внесли большое оживление в общественную жизнь страны. 4—5

ноября в Кремле состоялась встреча представителей общественных сил и движений, приехавших на юбилейные торжества. Она стала ареной интересной дискуссии по проблемам исторического развития. Я впервые выдвинул тогда идею многовариантности исторического процесса, заявил, что противоречие двух систем не является определяющим. И уж совсем «крамольно», как призыв к инакомыслию, прозвучало из уст Генерального секретаря ЦК КПСС признание необходимости отказа от монополии на истину.

По набору идей, атмосфере, характеру общения это был удачный форум. Он показал огромные возможности сотрудничества общественных сил и движений, ставивших целью формирование новой, общечеловеческой цивилизации. Не менее важным было то, что все гости горячо приветствовали перемены, происходившие в нашей стране в рамках политики перестройки.

Во второй половине ноября на совещании партийных работников и 1 декабря — на встрече с руководителями средств массовой информации, деятелями науки и культуры состоялся разговор об их работе на новом этапе перестройки, суть которого — демократизация общества и радикальная экономическая реформа. С интересом была встречена опубликованная в ноябрьском номере журнала «Советское государство и право» статья академика В.Н.Кудрявцева с аргументацией в пользу создания правового государства. Вообще, «переход» от 87-го к 88-му году был отмечен углублением аналитических разработок по всем направлениям общественных наук. Из архивов и спецхранов библиотек извлекались труды мыслителей, художников, даже имена которых ранее боялись упоминать. Опьяненные свободой историки, экономисты, философы, социологи, литературоведы стремились очистить свои сферы знания от всевозможных искажений и заблуждений, порожденных сталинизмом, объективно оценить состояние нашего общества.

Уже тогда под лавиной новых фактов и данных становилась очевидной ущербность и упрощенность прежних наших представлений о социализме и социалистических ценностях. Если у нас самый передовой строй, носитель будущего, почему мы хронически отстаем от многих других стран и по уровню жизни, и по производительности труда? Если мы самая демократическая страна в мире, почему люди лишены ду-

ховной свободы, не имеют возможности влиять на политические процессы и принятие решений?

Эти и многие другие острые вопросы задавались теперь открыто; люди нового поколения, молодежь, не боялись обвинений в «антисоветской агитации». И разумеется, рассуждения наших идеологов относительно «создания основ социализма», потом его «полной и окончательной победы» и, наконец, «построении развитого социалистического общества», носившие сугубо апологетический и схоластический характер, уже не могли никого удовлетворить.

Между тем реформа экономики понемногу продвигалась. С 1 января 1988 года все предприятия были официально переведены на хозрасчет. Вступили в силу законы о финансовой их самостоятельности, реформе Госбанка, создании специализированных кредитных учреждений. Президиум Верховного Совета СССР утвердил положение об условиях и порядке оказания психиатрической помощи, чтобы избежать злоупотреблений, имевших место в этой области. В ответ на массовые выступления во многих регионах страны было принято решение об усилении внимания к охране природы. Общественность потребовала внести изменения в постановление об увековечении памяти Брежнева, и 7 января были восстановлены прежние названия — города Набережные Челны, Черемушкинского района Москвы, Красногвардейской площади в Ленинграде, упразднена площадь Брежнева в Москве. Февраль начался с пленума Верховного суда СССР, отменившего приговоры 1938 года и прекратившего дела в отношении Бухарина, Рыкова, Раковского и других, привлекавшихся к уголовной ответственности по так называемому «антисоветскому правотроцкистскому блоку».

8 февраля было опубликовано совместное постановление ЦК КПСС, правительства и ВЦСПС о порядке избрания советов трудовых коллективов и проведении выборов руководителей предприятий и объединений. А на следующий день я выступил с заявлением по Афганистану, предложив конкретные меры по политическому урегулированию, в том числе — вывод наших войск в течение 10 месяцев. Если вспомнить, сколько жизней стоила нам эта затянувшаяся на десятилетие война, сколько молодых людей навсегда оставила инвалидами, какие потери и страдания принесла афганскому народу, станет понятным взрыв надежд на ликвидацию конфликта, развязывание которого позорило нашу страну.

И все-таки не было покоя в моей душе. В январе я снова — в который раз! — встретился с руководителями средств массовой информации, идеологических учреждений и творческих союзов, призвал их сосредоточить внимание на живом деле, помочь преодолению апатии, равнодушия, робости. Созданы условия для инициативной предпринимательской деятельности — хозрасчет, аренда, кооперативы, банки, а масштабного разворота реформ все нет.

Поделился я и своими тревогами в связи с тем, что демократизация сопровождается противоречивыми процессами в сфере идеологии, национальных отношений, в других сферах общества.

Все чаще перед началом заседаний Политбюро и Секретариата происходили дискуссии по поводу наиболее острых публикаций прессы, передач радио и телевидения. Независимо от повестки дня этот разговор продолжался и на самих заседаниях, оттесняя порой существенные вопросы, требовавшие скорого решения.

Страсти кипели. Каждый раз часть членов Политбюро, в первую очередь Лигачев, повторяли одно и то же: мы упустили прессу, потеряли всякий над ней контроль, ответственность за это ложится на Яковлева. При этом Егор Кузьмич прекрасно понимал, что дело в принципиальном направлении нашей политики, но, поскольку до прямых нападок на Генерального секретаря еще не дошло, мне лишь указывали на излишнюю терпимость, призывали что-то предпринять, «положить конец». Со временем все чаще с такими же замечаниями стали выступать Соломенцев, Чебриков и Язов, а затем к ним присоединился и Рыжков.

Становилось очевидным, что нужен серьезный разговор на Пленуме ЦК. Очередной Пленум, намеченный на февраль, был «отдан» реформе школы, доклад по этому вопросу давно готовил Лигачев. Повестка дня не вполне отвечала требованиям момента, но менять ее было уже поздно, и я принял решение выступить на Пленуме по вопросам идеологии.

В подготовку доклада Лигачева я старался не вмешиваться.

Пленум ЦК состоялся 17—18 февраля 1988 года. Выступая с докладом «О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах партии по ее осуществлению», Лигачев прекрасно понимал, что вне зависимости от заявленной темы наши выступления как-то пересекутся, их станут сравнивать. Поэтому в качестве «упреждающего шага» решил, оттолкнувшись от проблем образования, за столбить свои позиции по крупным идеологическим вопросам. Он стал говорить о классовом воспитании, идейности, о недопустимости притупления идеологической бдительности, о том, что учебный процесс — это не только обучение, но и воспитание, в школе формируются основы мировоззрения человека. Все это звучало достаточно традиционно и в конечном итоге получилось так, что общая направленность его доклада заметно разошлась с моим выступлением.

Оно было опубликовано под обязывающим заголовком «Революционной перестройке — идеологию обновления». Центральная его мысль состояла в том, что демократизация общественной жизни и радикальная экономическая реформа требуют от партии и общества осмысления новых реальностей, перспективы дальнейших действий.

Эта новая реальность воспринималась общественным сознанием в различных, порой причудливых вариантах. Поскольку гласность вскрыла многие пороки нашей действительности, необходимость перестройки мало кто отрицал. «Так дальше жить нельзя!» — эта фраза от частого повторения стала в 1988 году расхожей. Но за кажущимся единством стояли различные, иногда прямо противоположные представления. Верхушка партгосаппарата считала, что существующая система просто «разболталась», нужно не заменять ее — избави Бог! — а лишь подналадить. Когда я пытался выяснить, какой смысл вкладывается в «подналадку», оказывалось, что речь идет о сугубо косметическом ремонте, вроде той покраски фасадов на центральных улицах, которую практиковали у нас к праздникам.

Как известно, крайний консерватизм лишь питает безоглядный радикализм. Его сторонники — вчерашние диссиденты, часть творческой интеллигенции, особенно «эмэнэсы» (младшие научные сотрудники), решительно настроенные изменить свой социальный статус и вторгнуться в большую политику, очертя голову бросились расширять «рамки дозволенного». Отвергнув социалистические ценности, еще вчера воспевавшиеся в диссертациях, они требовали полного и немедленного демонтажа прежней системы. Вели речь не столько о реформах, сколько о реставрации, неизбежно связанной с насилием и социальными потрясениями. Оставалось неясным, однако, о восстановлении какого общественно-политического строя шла речь.

В выступлении я предостерег от вульгарно-примитивных оценок и нашего прошлого, и того общества, которое мы создали. Нельзя видеть в отечественной истории лишь цепь кровавых преступлений. Нельзя глумиться над памятью народа. Надо понять, как и чем жили наши отцы и деды, во имя чего работали, во что верили миллионы людей, как соединялись воедино величайшие победы и поражения, успехи и неудачи, откровения и ошибки, светлое и трагическое.

Я говорил о том, что в этом смысле перестройка является и результатом нашего предшествующего развития, и своеобразной фазой «отрицания отрицания», когда мы начинаем освобождаться от всего, что превратилось в тормоз для движения вперед. Благодаря политическим и экономическим реформам социализм избавляется от деформаций, возвращается к своим истокам и в то же время выходит на новые исторические рубежи обновления.

Перечитывая свое выступление на февральском Пленуме, я сейчас нахожу в нем определенную внутреннюю противоречивость. Я был абсолютно искренен, отстаивая главные направления перестройки — гласность, демократизацию, экономические реформы. Произнося, чуть ли не как заклинания, слова: все, что мы делаем, направлено на раскрытие потенциала социализма. Нам действительно казалось, что беды страны никак не связаны с проявлением каких-то внутренних за-

кономерностей системы, что накопившиеся в экономике, политике, духовной сфере противоречия можно разрешить, не выходя за ее рамки. Короче говоря, мы не подошли еще к осознанию масштаба грядущих перемен, к пониманию того, что наступивший кризис носит не частичный, а общий, системный характер.

В то же время и тогда я понимал, что логика реформ требует уже не просто совершенствования системы, а вторжения в самые ее основы. Употребляя одни и те же слова, мы говорили о разных вещах.

Безусловно, социальное мышление неразрывно связано с идеалом, социалистический идеал намного старше того, что мы называем «научным социализмом». В нем выражается тысячелетняя мечта людей о справедливости и счастье, которую каждая новая эпоха наполняла новым содержанием. Вот и теперь, считал я, назрела необходимость обновить представления о социализме с учетом реальностей, сложившихся в нашей стране и во всем мире. Как говорил в свое время Ленин, нужна была еще одна «коренная перемена всей точки зрения нашей на социализм».

Разговор о приоритете общечеловеческих ценностей, как глубинной сути современного понимания социализма, был уже мной начат. Придет время, для меня станет очевидным и другое: любое развитие возможно лишь при наличии внутреннего разнообразия. Достижение «идеала» в результате полной победы одной из тенденций неизбежно приводит вновь созданную систему к внутреннему кризису и гибели. Поэтому ставить вопрос о создании общества с исключительно «социалистическими» чертами вряд ли правомерно и перспективно. Мы должны мыслить не только формационными, но и цивилизационными категориями: критериями создания нового общества XXI века, новой цивилизации.

В любом развитом и динамичном обществе присутствуют элементы консерватизма и радикализма, индивидуализма и коллективизма, либерализма и социалистических ценностей, без которых (особенно сейчас, при ядерной и экологической угрозах) невозможно само существование мирового сообщества. Именно поиск синтеза этих элементов и тенденций, их оптимального взаимодействия, — а на каждом историческом этапе, у каждого народа они разные, — обеспечивает движение к новой цивилизации. С этой точки зрения мы можем говорить о социалистической идее, социалистических ценностях как о глобальном общепланетарном явлении, как об органической составной напряженных духовных поисков человечества. И это нисколько не умаляет значения, скажем, либеральных или сугубо демократических ценностей.

Так, кардинально изменив подход к критериям социалистичности, мы выходим сначала на многовариантность решения проблем развития, путей воплощения социалистического идеала, а потом и на новую философию истории. Но к подобным выводам я пришел позже. На фе-

врагском Пленуме было сказано, что именно человек, его интеллектуальный и политический облик, мастерство и способность к творчеству, патриотизм и интернационализм будут стоять в центре бытия и в конечном счете определять успех социальных преобразований. Много в этих словах звучало непривычно. Высшей ценностью провозглашалось не то, чему нас учили: руководящая роль партии, государственная собственность, плановость экономического развития. Или, проще, тонны стали и пуды хлеба, километры железных дорог и метры тканей.

Ну а когда я заявил, что и руководящая роль партии «не дана кем-то свыше и на вечные времена», тут уж мои коллеги совсем насторожились: «Как же так, а где руководство партии?» Будь они откровенней, их вопрос звучал бы проще: «А где же наша власть?» Ведь вся идеологическая эквилибристика являлась лишь прикрытием господства номенклатуры. Потому-то и устраивала их административно-командная система, и появились профессиональные плакальщики по развитию социализму, ярые защитники марксизма-ленинизма.

Весь пафос моего выступления на февральском Пленуме ЦК в значительной мере направлялся на то, чтобы еще раз разъяснить всем, кто сомневался в происходящем, что без демократизации перестройка не состоится и реформы не сдвинутся с места. А вне этого нет для нашей страны выхода из надвигающегося кризиса.

Просветления умов и после февральского Пленума не произошло. Наоборот, дифференциация усиливалась. Для тех, у кого с началом демократизации появилось ощущение уходящей из-под ног почвы, перемены в стране ассоциировались с потерей собственных позиций. Присматриваясь к ним, я все более убеждался, что за растрепанными чувствами, неуправляемыми эмоциями, а то и просто озлобленностью скрывалась не столько забота о народе, сколько боязнь утраты прежнего своего положения.

Но выступить перед обществом с эгоистической программой никто бы не рискнул. Частные и групповые интересы приходилось камуфлировать якобы бескорыстным служением высоким идеалам и принципам, ультраревOLUTIONной фразой. Ну а когда возникает «общественная потребность» в соответствующем товаре, он незамедлительно появляется на рынке.

Кредо антиперестроечных сил 13 марта я отправился с государственным визитом в Югославию. В самолете, как всегда, мне положили прессу за этот день. И Шахназаров, уже успевший просмотреть газеты, сказал, что есть статья, которую мне стоило бы прочесть. Он имел в виду статью Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», опубликованную «Советской Россией».

После возвращения из Югославии предварительный обмен мнениями по поводу данной статьи произошел в кулуарах Всесоюзного съезда колхозников в один из перерывов. Во время чаепития в комнате президиума Воротников сказал, что статья Андреевой может служить «эталон», другие дружно поддержали его. Я высказал несогласие с такой оценкой и предложил продолжить обсуждение на Политбюро. Заседание состоялось 24 и 25 марта и шло два дня, краткая запись дискуссии составляет 75 страниц. Прочитую наиболее любопытные фрагменты.

ГОРБАЧЕВ. Считаю необходимым продолжить начатый вчера разговор. Я имею в виду публикацию статьи Нины Андреевой в газете «Советская Россия». Это важно для нас, чтобы, как говорится, сверить часы и уяснить понимание проблем, которые выдвигает ход перестройки. Это нужно еще и потому, что впереди у нас ответственные задачи, предстоит принять важные решения.

Появление статьи Нины Андреевой стало возможным в условиях перестройки и гласности. Не исключено, что подобные материалы будут печататься и впредь. Но не факт публикации удивителен. Меня, например, взволновало то, что некоторые товарищи в Политбюро расценили эту статью как эталон, образец современной перестроечной публицистики. Мое несогласие с такой оценкой вызвало кое у кого непонимание. Поэтому считаю целесообразным обсудить возникшие вопросы обстоятельно. Такое обсуждение тем более необходимо, так как фактически все эти вопросы рассматривались на февральском Пленуме ЦК. Думаю, в моей речи на Пленуме акценты были расставлены, и она дает ясное представление о проводимой Центральным Комитетом политической линии.

Статья Андреевой носит фронтальный характер, не оставляет без внимания практически никаких вопросов, которые сегодня волнуют общество. Ее надо рассматривать как антиперестроечную платформу. В этих условиях непонятен призыв некоторых моих коллег перепечатать эту статью в других газетах. В общем, у нас появилось расхождение в оценке данной публикации и, видимо, неоднозначность в подходе к тому, что у нас происходит. Вызывает сомнение, что изложенный материал написан Андреевой — преподавателем химии Технологического института. Это подтверждают определенные выводы и информация, которая ей не доступна, ибо о ней знает сравнительно узкий круг людей.

Нужно прояснить наши позиции. Впереди XIX Всесоюзная партийная конференция, которая должна принять чрезвычайно важные решения как для партии, так и в целом для страны. Вот почему я призываю в товарищеской обстановке обменяться мнениями и высказать свои суждения по затронутым проблемам.

ВОРОТНИКОВ. Статья неординарная. И у меня есть свое суждение по поводу того, что многие печатные издания мажут дегтем Ленина, его соратников, чернят других людей. Видимо, эта попытка восстановить истину и привлекла интерес к статье в «Советской России». Мне показалось, что в ней дается отповедь клеветникам, и потому она произвела на меня позитивное впечатление. Разумеется, я не собирался ее брать на вооружение, во всяком случае, у меня нет никаких оппозиционных настроений. Видимо, следует спокойнее относиться ко многим вещам.

ЯКОВЛЕВ. Реакция на статью противоречивая. Кое у кого она встречена с одобрением, но в основном многие возмущаются ее публикацией. Как бы я оценил ее характер? Она, я думаю, антиперестроечная, начиная от заголовка и кончая всеми положениями и посылками. По тону статья явно претендует на некое программное звучание. Своим содержанием, тоном и пафосом статья ориентирована не на консолидацию и сплочение нашего общества на платформе перестройки, а на разделение, размежевание, противопоставление друг другу различных его групп и слоев.

ГРОМЫКО. Я думаю, что в вопросе, который сейчас обсуждается, нам надо понять друг друга. Мы обязаны сохранять единство. Суть перестройки, задачи, стоящие перед нами, и пути, на которых собираемся решать эти задачи, определены. Все это есть в решениях съезда, пленумов, заложено в докладе о 70-летию Октября. Мы обсуждали этот доклад и были едины в его оценке. Если разъединимся в таких вопросах, то это быстро расползется во все стороны.

ЛИГАЧЕВ. У нас есть все основания сказать, что в Политбюро сегодня есть не мнимое, а подлинное единство. И это я отношу к заслуге Михаила Сергеевича, который позволяет нам высказываться по всем вопросам. Мы можем говорить о том, что думаем, и уходим с заседаний Политбюро убежденными в правильности решений. Это первое.

Второе. Членам Политбюро, партии, как и всему народу, нужна перестройка. И мы несомненно привержены линии апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС. Что меня беспокоит сегодня? Это то, что многим фактам истории дается не точная, а иногда извращенная оценка. Не всегда дается объективная картина как героических, так и трагических страниц нашей истории. Есть органы печати, которые допускают перекосы, буквально гоняются за негативами и видят прошлое только в черном цвете. Даже в моменты великого подвига нашего народа некоторые писатели, кинематографисты пытаются внести элементы очернительства. Подобным фактам дана оценка в «Советской России». Это реакция на очернительство.

РЫЖКОВ. Статья Андреевой в «Советской России» касается глубинных вопросов нашего развития. Один из выводов, который может

быть из нее сделан: а нужна ли нам перестройка? Может возникнуть и вопрос: не переступили ли мы порог гласности? Думаю, нет. Без гласности партия не сможет решать всех вопросов. Только информация, полная правда о прошлом и настоящем позволят вскрыть недостатки и преодолеть преграды, с которыми мы столкнулись. Гласность нужна не только в вопросах политики, истории, культуры, но и в области экономики, где остается много неясного, скрытого временем.

Очень важно, чтобы в Политбюро, в Центральном Комитете по отношению к идеологии был взвешенный подход. И непонятно, почему два члена Политбюро занимаются идеологической работой. Я имею в виду Лигачева и Яковлева.

ЧЕБРИКОВ. Единство — наше богатство. Если бы не было единства, не было бы мартовского, апрельского Пленумов ЦК 1985 года, не произошли бы перемены, которых мы достигли внутри страны и во внешней политике. Поэтому сегодняшний разговор я понимаю как еще один шаг по укреплению нашего единства. От средств массовой информации требуются большая ответственность, серьезность, понимание.

ЗАЙКОВ. Разговор очень нужен. По существу, речь идет о ходе перестройки. Это школа для каждого. Я бы не хотел повторяться. Полностью согласен с теми оценками, которые высказал Яковлев.

ГОРБАЧЕВ. Кто из горкома дал указание эту статью изучать?

ЗАЙКОВ. В горкоме такого указания не давали. Во всяком случае, я об этом не знаю. В целом выступление «Советской России» представляет собой изложение жесткой позиции догматических, консервативных сил, не заинтересованных в перестройке, критически к ней относящихся.

ЩЕРБИЦКИЙ. Речь в статье идет не об отдельных фактах и личностях, а о принципиальных вопросах, связанных с перестройкой, с культом личности, с положением в нашем обществе. Выдвинут тезис о контрреволюционных нациях. Это не одной нации может нанести оскорбление. Причем это делает газета «Советская Россия» — орган ЦК КПСС. В статье содержится фактически отрицательное отношение к перестройке. Дискуссии в период перестройки — процесс нормальный, хотим мы или не хотим, они будут продолжаться. Но статья не очень-то дискуссионного характера. Должно быть, за этим стоит не только Андреева, а, скорее, какая-то группа, излагающая определенные позиции, причем позиции явно не наши.

СОЛОМЕНЦЕВ. Вызывает удивление, что статья напечатана в «Советской России». Вчера я еще раз внимательно прочитал ее. Конечно, она написана односторонне, не раскрывает процесса, который идет у нас, не показывает то положительное, что нами уже достигнуто в непростых условиях перестройки. У нас нет разногласий в отноше-

нии перестройки. Курс, который выработан ЦК партии, должен неукоснительно проводиться всеми нами.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Статья вредная, позиция обывательская. Это обыватель, который ловко собирает слухи, враг перестройки, обновления. Я думаю, вы правильно поставили вопрос: если это обычная публикация, переживание человека — ничего страшного. Иное дело, если это социальный заказ, мнение каких-то товарищей в Центральном Комитете, правительстве, каком-либо другом органе или областном комитете партии. Согласен, что сейчас самое главное для нас — единство. Но не любой ценой. Я всегда считал, что единство надо обеспечить на принципиальной основе. Нам придется на многие вопросы ответить, ответить и на такой, который задают все чаще: возможна ли настоящая демократия в условиях однопартийной системы? Вред статьи Андреевой заключается в том, что она ставит под сомнение все процессы, происходящие в нашей стране, на базе которых мы можем спасти социализм.

ЛУКЬЯНОВ. Скажу откровенно, такой обмен мнениями на заседании Политбюро меня глубоко волнует. Хорошо, что мы можем свободно обсуждать любой, самый сложный вопрос. Очень хорошо, что генератором в такой обстановке является сам Генеральный секретарь.

Я полностью согласен, что не надо впадать в истерику, драматизировать положение, но нельзя опаздывать, отдавать руль управления, упускать узловые вопросы политики. Мы находимся в самом начале движения, сняли самый верхний слой и демократии, и гласности, ко многим вещам подходим поверхностно. Думаю, XIX Всесоюзная партийная конференция все это продвинет дальше. Придется отказаться от многих стереотипов. Демократия — это дорога с двусторонним движением. И не надо, чтобы на этой дороге одна полоса была слишком широкая, а другая — слишком узкая. Здесь нужны мера и продуманность, а если говорить о регулировке этих полос, то им должна быть партия.

ЯЗОВ. Хотел бы доложить, что единство в Вооруженных Силах — это их естественное состояние. Армия должна быть едина с народом и должна работать под руководством Коммунистической партии. Перестройка в армии идет нелегко, со скрипом, много чиновников, которые привыкли только командовать. Не могу сказать, что все то, что дается по телевидению и в прессе, хорошо влияет на воспитание людей. Можно было бы больше дать материала о тех героях, которые проявили себя в Афганистане. А по телевидению все четыре дня о Высоцком только и передавали запись. А что сделал Высоцкий такого, чтобы о нем все четыре дня говорить? Где бы я ни появлялся в воинских частях, мне

с удивлением задают вопрос, какой подвиг он совершил? Мое мнение, Михаил Сергеевич, что мы должны руководить печатью...

Выступали все — Никонов, Слюньков, Демичев, Талызин, Долгих, Бирюкова, Разумовский, Бакланов, Маслюков.

ГОРБАЧЕВ. Статья представляет попытку после февральского Пленума поправить Генерального секретаря, решения Пленума ЦК. Она не может остаться без ответа в «Правде», серьезного и принципиального. Ее лейтмотив — «обеление» всего, что связано с культом личности. Тогда возникает вопрос: зачем перестройка?

Я приветствую, что товарищи к оценке статьи подошли под углом отношения к перестройке. Отступление от линии на реформы — самое большое предательство, какое может быть в наше время. Мы уже переломили в какой-то мере негативные тенденции, начали переводить страну на другие рельсы. Это величайшее дело. Как дальше решать задачи перестройки? Ведь и в прошлом было немало реформаторских попыток, но они завершались полумерами, половинчатыми решениями. Потому и не было результатов, на которые рассчитывали. Главное, на мой взгляд, не включали людей в эти процессы. Успеха можно добиться только через гласность, развертывание демократии.

Мы нащупали решающее направление, и надо идти по нему. Тот, кто сегодня под тем или иным благовидным предлогом будет атаковать гласность и демократию, тот будет оказывать плохую услугу перестройке.

Есть у нас люди, которые уже не могут включиться в перестройку. Мы не должны выбрасывать их из жизни. Даже там, где складывается острое положение, не следует свирепствовать, искать врагов. Тогда это гражданская война. Все переварится, переплавится в котле демократических процессов.

Мы должны были провести этот разговор, заключил я. Реакция на статью должна быть спокойной, но серьезной.

А вернувшись домой, еще долго не мог уснуть, размышляя об итогах этой дискуссии, наиболее примечательных ее эпизодах. С одной стороны, все поклялись в верности перестройке, присягнули единству. И это, конечно, очень важно, поможет с меньшими осложнениями пройти очередной этап реформ. А с другой — еще раз выявился эфемерный характер солидарности руководящего синклита. В рассуждениях некоторых коллег проскальзывали ностальгия по старому, внутреннее несогласие со многими нашими новациями. Некоторые уже не шли в ногу, а тащились через силу, усмиряя в себе «ретивос», лишь бы не оторваться от власти, связанных с нею благ. Но так, конечно, не может продолжаться до бесконечности. Раскол неизбежен. Вопрос лишь — когда?

На пути к партийной конференции

Идея проведения Всесоюзной партконференции прозвучала впервые на январском Пленуме ЦК 1987 года, а формальное решение на этот счет принял июньский Пленум того же года. Заканчивая его работу, я сказал: «Для нас, коммунистов,

она станет, по существу, политическим экзаменом по главному предмету нашей жизни — перестройке. Всю нашу практическую работу... мы должны вести таким образом, чтобы сдать этот экзамен достойно и принести на конференцию хороший практический опыт, реальные результаты, извлечь уроки на будущее».

К весне 1988 года стало очевидным, что сопротивление обновленческим реформам нарастает и предстоящая конференция не будет «легкой прогулкой», станет полем пробы сил между реформаторским и консервативным крылом партии. А поскольку весь политический актив страны был в ней — то и всего общества. Тем большее значение приобретал вопрос, на какой платформе развернется подготовка к ней, какая сверхзадача будет одушевлять ее решения.

Назревало все подспудно. Мои оппоненты, почувствовав на февральском Пленуме, куда «гнет» генсек, всполошились и засуетились. А где суета, там всегда и ошибки. Так они «засветились». Сама того не желая, объективно нам помогла Нина Андреева. В этом смысле ей надо бы какой-то приз учредить или по крайней мере памятную доску — «За вклад в прояснение позиций».

Выполняя поручение подготовить редакционную статью в ответ на публикацию «Советской России», редактор «Правды» Афанасьев и его сотрудники написали первоначальный вариант. Но проект явно не дотягивал до «кондиции», не было в нем ни широты взгляда, ни глубины выводов. В дело включились Яковлев и Медведев с моими помощниками. Доработанный вариант разослали весьма узкому кругу. На заключительном этапе в редактировании текста принял участие и я. 5 апреля «Правда» статью опубликовала. Кажется, в тот же день ко мне зашел Лигачев. Чувствовал он себя довольно неуютно. Стал говорить, что непричастен к созданию статьи Андреевой, что нужно учинить проверку. Я остановил:

— Успокойся, не надо никаких расследований. Не хватало нам своими руками организовывать раскол в ЦК и Политбюро...

Должен напомнить, что ЦК мог даже отменить конференцию, по уставу это являлось его прерогативой. И если бы кто-то поднял «бунт на корабле», реформаторам не поздоровилось бы, большинство все-таки было не на их стороне. Теперь об этом можно прямо говорить. Горбачев, Яковлев, Медведев, Шеварднадзе, Рыжков, Слюньков. Кто еще? Зайков, Разумовский — трудно сказать... Но огромный авторитет, связанный с положением генсека, и крепнущая поддержка в обще-

стве курса на перестройку помогали удерживать контроль над ситуацией. Важно было использовать это, и мы засучив рукава взялись за подготовку конференции, до которой оставалось всего два месяца.

Где только не пришлось тогда говорить и слушать, убеждать и в чем-то убеждаться самому! На Всесоюзном съезде колхозников, встрече с представителями прессы и творческой интеллигенции, совещании заведующих отделами ЦК (28 марта). Везде я стремился решить двуединую задачу. С одной стороны, лучше понять состояние умов в различных слоях общества. А с другой — донести до возможно более широкой аудитории свои замыслы, понимание перспективы, включить людей в активное формирование политики.

Особо выделил бы «многосерийную» встречу с партийным «генералитетом», проведенную с 11 по 18 апреля. В три приема, чтобы создать непринужденную доверительную атмосферу, я провел беседы со всеми секретарями ЦК компартий республик, крайкомов и обкомов. В общей сложности это больше 150 человек. От них в огромной мере зависела судьба партконференции, как, впрочем, и весь дальнейший ход дел. Я стремился найти общий язык с самым влиятельным слоем партии, заручиться его поддержкой, на худой конец — благожелательным нейтралитетом.

Что же слышал я в ответ на этих беседах? Были дельные, запомнившиеся выступления: Б.К.Пуго, бывшего тогда первым секретарем Компартии Латвии, кемеровского секретаря В.В.Бакатина, киевского — Г.И.Ревенко. Были речи серые, невнятные. На характере встреч еще сказывалась инерция лояльности по отношению к генсеку. Но у некоторых членов ЦК она уже перестала быть сдерживающим началом. Это проявилось, в частности, в выступлении секретаря Свердловского обкома Ю.В.Петрова.

— Мне понравилась статья Андреевой, — сказал он, — и я велел ее перепечатать в областной газете. Хватит расплачиваться за наше прошлое. Рабочие коллективы задают вопросы: до каких пор будем позволять все это?! — А когда заметил мою реакцию, бросил реплику: — Вы же сами требуете, чтобы говорили то, что думаем. Вот я и говорю...

Я не оставил без оценки такие рассуждения:

— Когда мы не знали, что происходило в прошлом, — одно дело. А когда узнали и узнаём все больше, двух мнений быть не может. Сталин — преступник, лишенный всякой морали. Для вас скажу: миллион партийных активистов расстрелян, три миллиона отправлено в лагеря. И это не считая коллективизации, которая затронула еще миллионы. Нина Андреева, если пойти по ее логике, зовет нас к новому 1937 году. Вы, члены ЦК, этого хотите? Мы должны думать о судьбе страны. За социализм? Да! Но за какой? Такой, как при Сталине, нам не нужен.

В ходе этих встреч я апробировал идею объединить при разделении властей должности первого секретаря и председателя президиума Совета — при том, что последний пост будет, естественно, выборным. Уж коли у нас одна правящая партия, то хоть таким образом поставить ее под контроль народа. По моему замыслу, такой вариант позволял осуществить более плавно, менее болезненно передачу власти Советам. С другой стороны, на выборах проверялась бы авторитетность партийного руководителя: получит мандат — будет чувствовать себя уверенней, нет — придется трудиться на другом поприще.

Надо сказать, эта идея вызвала острый спор и в партии, и в обществе. Одни налегали на то, что в случае совмещения должностей Советами опять будут командовать партийные секретари. Другие же, напротив, высказывали опасения, что это грозит перечеркнуть руководящую роль КПСС. На этот аргумент особенно упирали те, кто не без оснований опасался скверного для себя исхода выборов. Я призывал их, дабы этого не случилось, активно включаться в избирательную кампанию. Но это не вызвало энтузиазма. Ведь до сих пор они получали должности или лишались их по правилам номенклатуры, были всевластными в «дарованных вотчинах». Охота ли ставить все это под вопрос! К тому времени кое-где прошли альтернативные выборы, и даже некоторые из тех, кто считал свои позиции незыблемыми, оказались в результате тайного голосования забаллотированными.

Особое волнение у некоторых вызвало предложение ограничить двумя сроками занятие руководящих должностей. Последовал вопрос: «С какого времени начнется отсчет?» Страх потерять положение, обретенное многими недавно, читался на лицах.

В итоге откровенных бесед большинство поддержало практически весь комплекс идей, с которыми мы намеревались выйти на конференцию. Но меня не покидало ощущение, что не все секретари понимают новизну ситуации и смогут подготовить парткомы, коммунистов к работе в условиях свободных выборов и разделения властей. Действительно, многие из них, неплохие специалисты и организаторы, не сумели «вписаться в демократию». Что поделаешь, без ломки человеческих судеб не обходились никакие реформы. Я старался свести эти личные драмы к минимуму.

Тогда было много разговоров о том, чтобы на конференции провести серьезную перетряску кадров. Но я был против того, чтобы решить их на этом этапе. Кадровая проблема неизбежно стала бы в центре внимания делегатов, могла отодвинуть на задний план и даже поставить под угрозу принятие принципиальных политических решений. Да и эффект был бы, что называется, «разовый». Мой замысел состоял в другом — через конференцию открыть дорогу политической реформе, благодаря которой эти вопросы будут впредь решаться с обяза-

тельным участием народа, в результате свободных выборов. Так, собственно, и случилось.

Об организации подготовительной работы мы условились на заседании Секретариата (23 апреля), а через два дня я пригласил Слюнькова, Яковлева, Медведева, Лукьянова, Шахназарова, Фролова, Черняева, Болдина, Ситаряна, заведующего экономическим отделом ЦК Можина, Биккенина, и мы провели обстоятельный разговор о характере тезисов. С его содержанием были подробно ознакомлены журналисты и творческие работники, с которыми я встретился 7 мая. Много у меня в те дни было дел, но на первом месте стояла подготовка тезисов и доклада. Практически ежедневно приезжал в Волынское-2^{*}, где трудилась рабочая группа.

Уже 23 мая тезисы были представлены Пленуму ЦК. В прениях выступили 20 человек, документ оценили положительно, и это показалось мне добрым предзнаменованием. После учета поступивших дельных замечаний он был обнародован в «Правде» (27 мая) ровно за месяц до открытия конференции.

Последовал, без преувеличения, взрыв общественного мнения. Все средства массовой информации включились в обсуждение, газеты ввели соответствующие рубрики. До этого общество все-таки пребывало в ожидании, когда и куда «верхи» распахнут дверь. Теперь люди начинали верить, что весь сыр-бор затеян не зря, речь идет не об очередной штопке дырявого решета, а о коренном его преобразовании, переходе к принципиально иной политике. В воздухе запахло свободой.

Наряду с дискуссией напряженно следили за выборами делегатов на конференцию. Благодаря принятым мерам они прошли уже не так, как прежде, когда практически весь делегатский состав формировался орготделом ЦК. На сей раз коммунисты действительно выбирали, и немалую роль в этом сыграла бдительная пресса. А ведь не пришлось ничего придумывать, просто потребовать строгого соблюдения Устава КПСС.

Ну а подготовка доклада шла в обстановке какой-то подспудной тревоги — сказывались размежевание позиций в руководстве, в партии, во всем обществе и опасения реформаторских сил по поводу того, что номенклатура и на этот раз обернет дело в свою пользу, протащит в делегаты своих сторонников, которые похоронят реформы.

7 июня в Ново-Огареве я встретился с рабочей группой для обсуждения первоначального варианта доклада. Яковлев положил передо мной 150 страниц. Не хотелось никого обидеть, но, не спеша полистав этот пухлый фолиант, я не удержался от шутки: «Настоящая повесть

* Правительственная дача, расположенная рядом с Волынским-1 — загородной резиденцией Сталина.

пламенных лет. Правда, повесть есть, а пламени нет. И доклада нет». Материал нес на себе отпечаток и незавершенности, и разности стилей.

В конце концов доклад, адекватный моему замыслу, родился в трудах и долгих дискуссиях.

XIX партийная конференция

Конференция открылась 28 июня в Кремлевском Дворце съездов. Делегаты приняли предложение ЦК заслушать доклад Генерального секретаря ЦК по первым двум вопросам повестки дня: «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС, основных итогах первой половины двенадцатой пятилетки и задачах партийных организаций по углублению процесса перестройки» и «О мерах по дальнейшей демократизации жизни партии и общества».

Начало доклада звучало по-гамлетовски: «Как углубить и сделать необратимой революционную перестройку, которая по инициативе и под руководством партии развернулась в нашей стране, — вот коренной вопрос, стоящий перед нами... И от того, насколько мы дадим правильный ответ, зависит, в состоянии ли партия выполнить роль политического авангарда на новом этапе развития советского общества».

Начало доклада звучало по-гамлетовски: «Как углубить и сделать необратимой революционную перестройку, которая по инициативе и под руководством партии развернулась в нашей стране, — вот коренной вопрос, стоящий перед нами... И от того, насколько мы дадим правильный ответ, зависит, в состоянии ли партия выполнить роль политического авангарда на новом этапе развития советского общества».

Такая постановка вопроса диктовалась реальностями того времени. Политика перестройки становилась делом миллионов, люди выходили из состояния апатии и отчужденности, набирал силу процесс очищения общественной атмосферы, отравленной длительным застоём. Но это лишь часть правды, в противном случае не было бы необходимости начинать доклад на такой драматической ноте. Другая часть заключалась в том, что механизмы обновления по-настоящему не заработали, порыв к свободе блокировался номенклатурным режимом. Наш перестроечный опыт, как и опыт предшествующих реформаторов, подводил к принятию кардинальных решений о проведении реформы политической системы.

О прошлом в докладе было сказано, что мы недооценили всей глубины деформаций и застоя минувших лет, ситуация в обществе оказалась более серьезной, чем представлялось ранее. Главное же было сосредоточено на анализе итогов трех перестроечных лет. Картина получалась тревожная, но выход я видел не в свертывании реформ или отступлении от взятого курса, а в их углублении.

Основные задачи формулировались так: осуществление радикальной экономической реформы, активизация духовного потенциала общества, реформа политической системы, демократизация международных отношений. Эта позиция была воспринята партийной конференцией, что подтвердил характер принятых решений. Дискуссия настолько захватила делегатов, что многие отложили домашние заготовки, рва-

лись на трибуну со спонтанными выступлениями и репликами. Пожалуй, не было в партии такой открытой и острой полемики со времени первых ее послереволюционных съездов. Вдобавок — прямая трансляция. Страна была буквально прикована к приемникам и телевизорам!

Ну а я, можно сказать, оказался в роли капитана корабля в бушующем океане. «Корабль конференции» ложился то на левый, то на правый борт. Иной раз закладывало так круто, что казалось, штурвал вот-вот вырвется из рук. И чисто по-человечески, не скрою, я испытал удовлетворение, что сумел удержать ситуацию в руках, не сбиться с проложенного курса.

Открыл прения по докладу Бакатин. Его выступление отличалось взвешенностью, содержало дельные мысли о демократизации в экономической сфере. Он аргументированно поддержал идею совмещения высших постов в партийных и советских органах. В какой-то момент на конференции возникло своего рода соревнование — кто покрепче заденет стоящих повыше на иерархической лестнице. Формула первого секретаря Коми обкома Мельникова граничила с призывом к расправе, открытию новой охоты на ведьм: «Тот, кто в прежние времена активно проводил политику застоя, сейчас, в период перестройки, в центральных партийных и советских органах быть и работать не может. За все надо отвечать, и отвечать персонально» — так поставил он вопрос. Мысли вроде бы и правильные, но уж очень все это отдавало кликушеством. Я спросил его: «Может быть, есть конкретные предложения? А то мы сидим и не знаем, к кому это относится». Мельников ответил, что имеет в виду Соломенцева, Громыко, Афанасьева (редактора «Правды»), Арбатова и других.

В защиту Громыко поступила в президиум записка: «Андрей Андреевич Громыко — уважаемый человек в народе и партии. Жизнь и деятельность его посвящены нам. Мы же, народ, коммунисты, взвалили на его плечи очередную ношу. Принцип «кто везет, на того и валят» в очередной раз сработал. Мы же его «заездили». А сегодня товарищ Громыко отстал от жизни. Он свое дело сделал, его благородные дела в памяти народной. И не стоило бы с наскака обижать человека. Он уважаем и любим в народе». Оглашение записки вызвало в зале дружные аплодисменты.

Было много ярких, эмоциональных выступлений. «Сегодня действительно рубеж истории нашей жизни, — так начал свое выступление Михаил Ульянов. — Либо конференция выполнит волю и чаяния народа, страстно и давно желающего жить и работать в стране с четко выраженными законами, которые никому нельзя изменить, отменить, если они выражают интересы народа и утверждены волей народа. Либо опять будем вздрагивать от командного крика, не иметь ни малейшей гарантии от любых волево-приказных запрещений, изъятий, наказа-

ний, незаконный местного и не только местного покроя, вседозволенности бюрократии, всевластия партийного и хозяйственного аппарата, жившего до недавнего времени по купеческому принципу: что хочу, то и ворочу.

...Либо мы создадим такое положение, где демократия будет существовать как кислород для жизни, где будут цениться талант и труд, а не номенклатура и покладистость, где жизнь будут выдвигать наверх людей деятельных, головастых, самостоятельных, способных работать без понуканий и дерганий, либо будем опять, чтобы как-то жить, продавать наше богатство, искать виноватых и запрещать всякое свободомыслие...»

Он остро поставил вопрос о прессе, и я включился в разговор. Развернулся своеобразный диалог. Я напомнил известную мысль о том, что гласность — это разговор по существу, без «литературного наездничества». Надо дать возможность высказывать в печати различные точки зрения, тогда станет яснее весь спектр настроений, проблем, и можно будет на этой основе вырабатывать правильные решения. Нужно не заменять одну монополию другой, одну полуправду другой полуправдой. Нам нужна вся правда. ...В газетах и журналах могут легко, иногда походя, оскорбить человека. Разве это допустимо? Подобное надо решительно осудить на конференции. И в то же время сохранить гласность и критику, постоянно действующее активное общественное мнение. Без этого не решить стоящих перед нами задач. Главная беда прошлого в том, что народ долгое время был выключен из общественной жизни, выработки и принятия решений...

Некоторым ораторам не удавалось избежать самоотчетов. На такое выступление секретаря Московского горкома партии Белянинова зал реагировал раздраженными записками в президиум, а иной раз и далеко не поощрительными аплодисментами. В какой-то момент на трибуну «ворвался» московский рабочий со словами: «У меня не выступление, а, скорее, взрыв с места, потому что я не могу сидеть и наблюдать, как некоторыми выступающими буквально разбазаривается время...» И за две минуты изложил очень ценные предложения. Я его поддержал.

Истинное настроение большинства партийных функционеров проявилось во время «дуэли» двух писателей: Юрия Бондарева и Григория Бакланова. Оба выступления были встречены аплодисментами. Первое — одобрительными, второе — «обструктивными», вынуждавшими покинуть трибуну.

На консервативно-пессимистическую позицию Бондарева чуть позже отреагировал Святослав Федоров: «Когда товарищ Бондарев говорил, что мы взлетели и не знаем, куда сесть, он, может быть, и не знает, он писатель, а я, например, знаю. У нас цели ясны, и мы должны посадить свой самолет на прекрасный аэродром».

Во время выступления Бакланова мне пришлось дважды вмешаться, утихомиривая зал, терпеливо разъясняя, что демократия предполагает умение выслушать мнение каждого. То была высшая степень нетерпимости к иной позиции, идеологическая закомплексованность большей части делегатов. В заключительном слове я подчеркнул, что в пору гуманизации всех сторон нашей жизни важно учиться культуре критики, культуре полемики.

На конференции выявились первые признаки постепенно оформлявшейся правоконсервативной оппозиции. Об этом свидетельствовали напористые выступления ряда партийных функционеров. Не менее решительно высказывались радикально настроенные делегаты, в их числе Ельцин. В целом его выступление было направлено на поддержку перестроечных процессов по всем конкретным вопросам и, за исключением совмещения должностей, не носило конфронтационного характера. Особое внимание он уделил теме социальной справедливости, сделал акцент на привилегиях, заявив, что надо наконец ликвидировать продовольственные пайки для «голодающей номенклатуры», исключить и по существу и по форме слово «спец» (спецмагазины, спецполиклиники, спецсанатории и т.д.) из лексикона, так как «спецкоммунистов» у нас нет.

Эту тему потом Ельцин раскручивал вовсю. И вот парадокс, впрочем, не столь уж редкий в истории политики. В то время как мы с колоссальным трудом, преодолевая жесткое сопротивление номенклатуры, шаг за шагом ликвидировали необоснованные льготы, он сумел присвоить все лавры и создать себе имидж главного борца против привилегий. Въехав на этом коньке в большую политику и прорвавшись к власти, мгновенно позабыл свои гневные речи против «спецльгот», злоупотреблений, возможность учредить такие привилегии, какие и не снились коммунистической номенклатуре.

В конце Ельцин обратился к конференции с просьбой о своей «политической реабилитации». Поначалу зал неодобрительно загудел. Мне пришлось вмешаться и предложить дать ему высказаться, чтобы таким образом снять тайну со всей этой истории, о которой в партии ходили разноречивые слухи.

Выступление Лигачева было сердитым, тональность — консервативной, но зал встретил его одобрительно. Именно в этом выступлении прозвучали слова, ставшие крылатыми: «Борис, ты не прав».

По ходу конференции возник своеобразный водораздел между партийными работниками и представителями средств массовой информации. Критика в адрес газет и журналов, как правило, встречалась аплодисментами. В ряде выступлений прозвучали нотки ностальгии по старым, добрым временам, когда печать была тихой и ручной.

Бурно обсуждались проекты документов. (Комиссию по подготовке резолюций «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и за-

дачах по углублению перестройки», «О демократизации советского общества и реформе политической системы» возглавил я. Председателем Комиссии по подготовке проекта резолюции «О борьбе с бюрократизмом» избрали Лигачева, «О международных отношениях» — Рыжкова, «О гласности» — Яковлева, «О правовой реформе» — Громыко.) И в комиссиях, и на конференции кипели страсти, особенно по вопросу разграничения функций между партийными и государственными органами.

Многие понимали, что речь идет фактически о передаче Советам реальной власти. Предусматривалось до конца года изменить структуру партийного аппарата, упразднив отраслевые отделы. Уже на осенней сессии Верховного Совета СССР рассмотреть комплекс вопросов, связанных с реорганизацией Советов. Рекомендовать в апреле 1989 года провести выборы народных депутатов СССР, а в конце года — Верховных Советов союзных и автономных республик.

В предложении совместить посты, выдвинув секретарей партийных комитетов председателями Советов, многие увидели «ход конем», направленный на сохранение главенствующей роли партийных секретарей. Мне пришлось дважды выступить по этому вопросу и в конце концов удалось убедить большинство делегатов. Речь ведь шла не о чем другом, как о намерении обеспечить по возможности спокойный, плавный переход от одной политической системы к другой. До сих пор спорят на эту тему, подозревают, что Горбачев пытался спасти партийную номенклатуру. Сущная ерунда! Не было у меня никаких других замыслов, кроме желания продвинуть политическую реформу. Опасения насчет того, как поведут себя партийные структуры, у меня были большие, и время показало их обоснованность. Но дело было сделано, и вернуть стрелки часов назад уже никто не мог.

Немало споров возникло при обсуждении резолюции «О гласности». Развернулась дискуссия о статусе газеты «Правда». Предлагалось ввести выборность редколлегии газеты и отчетность на съездах КПСС, считать «Правду» органом партии, а не только ЦК. Взвесив все «за» и «против», — а это была опасная затея, поскольку на том крутом повороте мы сразу могли оказаться в ситуации раскола, — конференция не приняла нововведений.

Нашла отражение в резолюции тема, звучавшая во многих выступлениях, — об ответственности прессы за публикацию недостоверных или задевающих честь и достоинство гражданина материалов. В то же время недвусмысленно было заявлено о недопустимости сдерживания критических выступлений средств массовой информации или преследований за критику. Предлагалось периодически публиковать в печати подробную информацию о всех доходах и расходах партии. Я такое предложение поддержал.

По ходу работы конференции неоднократно раздавались требования подробнее освещать деятельность высших органов партии. Аргументы приводились веские: чтобы исключить рецидивы культа личности, проникновения на ответственные посты перерожденцев, коммунисты должны знать, что происходит в Политбюро, каковы амбиции отдельных членов руководства. Просили, в частности, объяснить, как получилось, что на пост Генерального секретаря был избран смертельно больной не популярный в партии Черненко, «рассказать правду» о Гришине и Романове.

Оценивая итоги конференции, я сделал для себя вывод, что в КПСС нарастает дифференциация, сильно дает о себе знать критическое отношение к перестройке. Позже мы столкнулись, по сути дела, с прямым саботажем со стороны значительной части «секретарского корпуса» и партаппарата. Тем большее значение приобретали итоги конференции, как бы повышаясь со временем в цене. Она авторитетно закрепила курс реформ, «осветила» практически все выношенные нами идеи, узаконила график преобразований политической системы. Справедливо будет сказать: из XIX партконференции вышли все наши реформы.

Своей открытостью и свободомыслием конференция вызвала потрясение не только в стране, но и на Западе. Она показала, что отныне у нас голос народа — не пустой звук, его волей будет определяться выбор путей развития и формирование властных структур. Укрепился дух и поднялось настроение у всех искренних поборников демократических преобразований.

Сужу и по себе. Партконференция стала для меня своеобразной точкой отсчета. Появился как бы рубеж, который позволил говорить о том, что было «до» и что должно быть «после». В «до» остались колебания, боязнь оторваться от изживших свой век, но все еще не утративших ореола идеологических постулатов («Кумир поверженный — все Бог», это Лермонтов), отправиться в дальнее плавание с опасностью «бунта на борту». А в «после» следовало вложить огромные усилия, чтобы в полной мере использовать предоставленный конференцией редкостный в нашей истории шанс для настоящей реформы. Нельзя было терять ни дня, ни часа — время, нам отпущенное, было строго лимитировано.

**«И пусть нам
общим памятником
будет...»**

На двух заседаниях Политбюро (4 и 21 июля) обсуждались вопросы, связанные с реализацией решений партконференции.

Открывая заседание, я сказал, что мы допустим большую ошибку, если не обратим внимания на проявившееся на партконференции недовольство ходом экономической реформы, деятельностью министерств, положением в торговле, на

транспорте и особенно продовольственным снабжением. Наша пропаганда помогла сформироваться в умах людей большим ожиданиям, а они не оправдываются. А какой накал вызывают в обществе очереди! Вся страна в очередях: в магазинах, ожидании автобуса, в различных конторах, за визами, справками. Люди убивают время, чтобы решить простой вопрос, измотаны, издерганы. И это перестройка! Отсюда вывод — самая активная работа должна быть сейчас направлена на развертывание радикальной экономической реформы и решение насущных вопросов жизни людей. В комплексе мер — продолжение работы по ликвидации привилегий в обслуживании номенклатуры.

Большой упор был сделан на правительственные ведомства, их неповоротливость и безответственность в решении этих проблем. Но тут возникла проблема взаимоотношений между отделами ЦК и Совмином. Я решительно поддержал Рыжкова в том, что надо отказаться от опеки советского аппарата со стороны отраслевых отделов партийных комитетов. Было решено до конца года реорганизовать партийный аппарат.

Крупный разговор развернулся по вопросам аграрной политики. Ни 1965, ни 1982 годы не дали решения сельскохозяйственной проблемы. Организационные меры, огромные средства, вкладываемые в сельское хозяйство, не принесли должной отдачи. Я выступил за новые подходы в аграрной политике.

— Нужны коренные экономические преобразования, и не только на заброшенных хуторах, в убыточных колхозах, а вообще в деревне. Пока не снимем все тормоза, ничего не будет. То, что Николай Иванович предлагает на отдаленное будущее, надо делать сейчас. Желает человек взять ферму в аренду — никто не имеет права отказать. Всякие «задания» по заготовкам допустимы только на добровольной основе, когда что-то предлагается взамен, то есть дело ведется экономически. Не приказ, а договор. Бюрократов к этому не подпускать. Думать, как быстрее двинуть аренду, индивидуальный труд. Пусть люди зарабатывают — в Нечерноземье, на Ставрополье, везде. Никонов все думает, что вопрос можно решить приказами сверху, одним выделением финансов и техники. А надо создавать атмосферу, в которой будет возможность действовать инициативно.

И еще — формировать общественное мнение, так как до сих пор на делового человека у нас смотрят как на рвача. В Китае людям просто дали землю, сказали: что хочешь, то и делай. И при всей их бедности за 4 года получили прибавку в 100 миллионов тонн зерна. Мы ничего не достигнем, если будем только горланить: надо, надо, надо! А вот наладим новые экономические отношения — и продукты появятся, и удовлетворение у крестьян, и людей столько не понадобится в сельском хозяйстве. План, который нам здесь представлен, не годится. С таким

планом впору подавать в отставку. Обещать людям, что продовольственный достаток будет через 10—15 лет! Нет, надо за 2—3 года изменить формы труда на селе. Конечно, сельскому хозяйству, пищевой промышленности нужны машины, удобрения, ресурсы. Их надо находить, в том числе в оборонке. Мы услышали приговор народа на XIX партконференции — никто не может его игнорировать. В продовольственном вопросе у нас нарушена безопасность государства.

Перечитывая эти свои высказывания, укрепляюсь в мысли, что нельзя, ошибочно, если не преступно, мерить безопасность одной обороной да вылавливанием иностранных шпионов. История знает несчетное число примеров, когда вооруженные до зубов государства рушились из-за того, что народ, в особенности крестьянство, истощались поборами.

Реализации решений партконференции был посвящен специальный Пленум ЦК. При обсуждении доклада на Политбюро неожиданно возникла острая дискуссия в связи с резким выступлением Рыжкова в защиту органов управления, которые, как он сказал, «подавлены» прессой.

ГОРБАЧЕВ. Мы только начинаем реформы и продвигаемся недостаточно быстро. Общественное мнение еще не сформировалось, а потому бывают всплески, срывы. Но критику, в том числе в наш адрес, нельзя зажимать.

ЛИГАЧЕВ. Критику продолжать, но больше показывать позитивные изменения, что уже пошло в рост.

ВОРОТНИКОВ. Критиковать, но не унижать достоинства.

СОЛОМЕНЦЕВ. Развивать критику, бороться с бюрократизмом и без большого шума говорить о достижениях.

РЫЖКОВ. Я не против гласности, не был в числе тех, кто аплодировал удалению с трибуны Бакланова. Не против критики. Но против создания нездоровой атмосферы вокруг аппарата. Надо уже защищать органы управления.

Доклад на Пленуме (29 июля) я начал с напоминания, что на конференции прозвучало требование — не переминаясь с ноги на ногу, а действовать решительно. Многих в партийных органах и управленческих структурах пугает проснувшаяся общественно-политическая активность. На словах они за перестройку — но с «карманной демократией»; за гласность — но с дозированной критикой; за обновление — но чтобы лично для них все оставалось по-старому. Механизм торможения хотя и надломлен, сохраняет силу.

В ходе дискуссии необходимость реорганизации партийных органов никто не оспаривал, вроде бы примирились с неотвратимым. Но у многих ощущалась тревога: не утрачивает ли партия своих позиций, не приходит ли конец ее руководящей роли? Вот ведь беда: по-прежнему

в глазах партийных генералов эта роль отождествлялась с прямым командованием. Во многих выступлениях звучало настоятельное пожелание — при сокращении аппарата проявить заботу о кадрах. Пленум принял решение о реорганизации партаппарата в центре и на местах, образовал комиссию под председательством Генерального секретаря для подготовки предложений по реформе политической системы советского общества.

В докладе на этом Пленуме я высказался за подготовку предложений о разграничении компетенции Союза ССР и союзных республик. Хотя и с опозданием, но мы начинали серьезно браться за вопрос, который приобретет вскоре ключевое значение для судьбы союзного государства. Тогда же было решено обсудить на пленумах ЦК национальную политику и аграрный вопрос.

Заключил я Пленум так:

— Есть еще попытки подсчитывать, кто выиграл, кто проиграл от конференции. А по мне, пусть нам «общим памятником будет» выполнение ее резолюций.

Глава 13

ДЕЛА И РАЗДУМЬЯ

Что такое отпуск Генерального секретаря

1 августа я поехал в отпуск, как всегда, в Крым. Меня часто спрашивали: как я отдыхаю? Чем занят в свободное время? Попробую на примере лета 1988 года показать, что такое отпуск Генерального секретаря ЦК КПСС. Тем более он мало чем отличался от других во время моего пребывания на этом посту.

Летнее море в отличие от зимнего (вспоминаю январскую Пицунду) не очень-то располагает к работе. Жаркое солнце, благословенное море, — плавать я люблю, и долго, — возможность расслабиться, сбросить на время груз забот. Сидя на берегу, можно часами бездумно смотреть на водную гладь, слушать шелест волн, лениво процеживающих гальку.

Так день, два, а на третий уже возникает ощущение зря теряемого времени, тянет наверстать. И на этот раз я стал размышлять, что надо сделать в первую очередь.

Начал диктовать соображения по реорганизации партаппарата. Свои предложения к Пленуму по национальной политике послал Яковлеву, Слюнькову, Маслюкову, Разумовскому, Лукьянову, попросил их продолжить работу. Поручил Никонову, Маслюкову, Мураховскому, Марчуку и президенту ВАСХНИЛ А.Никонову представить концепцию Пленума по аграрной политике.

Но все это были текущие хлопоты. Расточительно тратить на них единственный месяц, когда ты не связан жестким распорядком, можешь отвлечься от частностей и, как говорят одесситы, «подумать за жизнь». По существу, на каждый очередной отпуск я заранее планировал какую-нибудь важную для себя мыслительную работу, требующую уединения и сосредоточения. В 1988 году актуальной темой было современное понимание социализма. Поскольку дискуссия на эту тему

после конференции приобрела широкий характер, я задумал поначалу написать брошюру, но она так и не появилась. Однако небезынтересно вспомнить, как я тогда понимал эти проблемы. Вот выдержки из диктовки.

«Мне представляется, что сейчас эта брошюра нужнее, чем многое другое. Почему? Теперь перестройка разворачивается на многих направлениях. Вначале это был ряд последовательных шагов. Ввели гласность, приступили к демократизации общества, через эксперименты пришли к июньскому Пленуму ЦК, осознав необходимость радикальной экономической реформы. Остро встали проблемы нравственности. Иначе говоря, не все сразу было основательно, в комплексе, продумано. Реальная жизнь подводила к той или иной задаче, и мы брались за ее решение. Пытаясь найти корни явлений, характерных для застойной ситуации, возвращались в прошлое, анализировали его, извлекали уроки.

Это все были необходимые этапы, ибо если бы в апреле 1985 года мы поставили вопросы так, как поставили их на съезде, а потом на январском, июньском пленумах в 1987 году, февральском в 88-м и тем более на партконференции, — с нами бы не согласились, объявили прожектерами, просто изгнали бы из руководства.

В конечном счете, на основе проделанной многогранной работы, включив — с помощью гласности и демократизации, динамизации духовных процессов в обществе — весь народ в размышления о стране, ее прошлом, настоящем и будущем, мы смогли сформулировать, точнее сформировать теорию и политику перестройки.

Узловой ее пункт — вернуть человека как главное лицо в политический процесс, в экономику, в развитие духовной сферы общества. Продолжить и довести до конца работу, начатую революцией по преодолению отчуждения человека от средств производства, власти, культуры.

Примерный план брошюры представляется мне таким:

Первое. Проблема социалистичности. Сейчас, когда осуществляются крупные меры социально-экономического и политического характера, все чаще и острее возникает дискуссия в партии, да и в обществе, о социалистическом характере тех или иных наших решений, политических и экономических шагов. Внесение ясности в этот вопрос имеет актуальное значение. Не обойтись без «инвентаризации» политических представлений классиков марксизма-ленинизма, оценок опыта строительства социализма в СССР и других странах (хотя бы в принципиальном плане). Этот раздел надо завершить обобщением теоретических приобретений по этому вопросу уже в ходе перестройки.

Второе. Перестройка экономических отношений.

1. Преодоление отчуждения человека от собственности.

2. Демократизация производства. Реформа планирования и управления, кооперация и т.д.

3. Товарно-денежные отношения, рынок.

4. Децентрализация экономики.

5. Проблема социальной справедливости.

Третье. Демократия и социализм.

1. Реформа политической системы. Разделение властей, децентрализация власти, новая избирательная система, независимый суд.

2. Механизмы, обеспечивающие реализацию многообразных интересов населения в условиях однопартийной системы (гласность, свободные выборы, система контроля, критика и самокритика, новая роль общественных организаций и т.д.).

3. Правовое государство.

4. Демократизм многонационального государства.

Четвертое. Духовная сфера общества, перестройка на социалистических ценностях».

...Теперь я, умудренный опытом, существенно уточнил и дополнил бы план брошюры. Кто знает, может быть, достанет «пороху» все-таки вернуться к этому неосуществленному замыслу. Но в этом случае я расширил бы тему до «ориентиров развития в XXI веке». Один из итоговых выводов моей жизни в том, что будущее сложится из разных великих идей и сочетания соответствующих им общественных институтов — социалистических, демократических, либеральных и других с общим знаменателем — гуманизмом.

От теоретических размышлений то и дело отвлекала информация, поступавшая обильным потоком. Обеспокоили меня, не скрою, выступления Лигачева 5 августа в Горьком и 31-го — в Туле. Многое из сказанного там ставило под сомнение итоги партийной конференции, сильно отдавало доперестроечным догматизмом: по вопросам рынка, товарно-денежных отношений, характера собственности при социализме. Ну а относительно нового мышления высказывания звучали по-лигачевски непримиримо и категорично: «Мы исходим из классового характера международных отношений. Иная постановка вопроса лишь вносит сумятицу в сознание советских людей и наших друзей за рубежом».

На первый взгляд это был ответ министру иностранных дел, но целил Лигачев в генсека. А дело было так. В конце июля, буквально в канун Пленума, в МИДе состоялась научно-практическая конференция «XIX Всесоюзная конференция КПСС: внешняя политика и дипломатия». Выступая с докладом, Шеварднадзе заявил, что в свете концепции о приоритете общечеловеческих ценностей «иным содержанием наполняется философия мирного сосуществования как универсального принципа международных отношений. Новое мышление рассматрива-

ет его в контексте реалий ядерного века. Вполне обоснованно мы отказываемся видеть в нем специфическую форму классовой борьбы».

Надо сказать, доклад изобилдовал идеями, по тем временам звучавшими радикально. И уж настоящей «крамолой» в глазах официальных идеологов стал тезис о том, что противоборство двух систем не может рассматриваться как ведущая тенденция современной эпохи.

На него и отреагировал Лигачев. Не остался в стороне от дискуссии Яковлев. Выступая 10 августа в Риге, он, без упоминания Лигачева, опроверг его суждения о роли рынка.

Мои опасения по поводу расхождений во взглядах среди членов руководства подтвердились, когда начались телефонные звонки. По поводу выступлений Шеварднадзе и Лигачева позвонили Чебриков, Лукьянов, Рыжков. «Доперестроечные» позиции Лигачева не остались незамеченными и на Западе. Посол США Мэтлок прояснял у наших международных коллег «истинный смысл» выступления последнего в Горьком.

14—15 августа я продолжал диктовку записки о реорганизации партийного аппарата. С этим нельзя было медлить: начинались выборы в низовых звеньях партии. Как упоминалось в записке, еще на VIII съезде РКП(б) говорилось, что партия должна проводить свою линию «через Советы, умело, тактично, не так, чтобы наступать на ноги Совнаркому и другим учреждениям». Вот куда уходили истоки тех задач, которые пришлось решать в 1988-м. Мы как бы заново брались за то, что в условиях тоталитарного режима было прервано на десятилетия.

Я считал, что надо передать все функции непосредственного управления экономикой правительству. Кое в чем, однако, пришлось отступить — в частности, сохранить на переходном этапе, пока наберут силу Советы и правительственные органы, отделы аграрной политики и оборонный. Решено было создать правовой отдел, чтобы обеспечить надежный контроль за правоохранительными и силовыми министерствами.

Во время отпуска я задумал осуществить поездку в Красноярск. Экономическая конъюнктура складывалась неважно, росло недовольство медленными темпами преобразований, а на этом уже начали спекулировать радикалы, оседлавшие популизм для рывка к власти. Конечно, опасность популизма еще только проглядывала, но я ее чувствовал и считал долгом предостеречь людей. Показать им: часто то, что подается в привлекательных упаковках, обещания быстрых перемен рассчитаны на достижение совсем других целей. Серьезные проблемы не решить наскоком, волюнтаристскими методами. Мы знаем, к чему все это приводит.

Рабочие записки в крымском блокноте свидетельствуют о каждодневных разговорах с членами руководства.

В связи с публикациями в прессе по германо-советским отношениям накануне Второй мировой войны несколько разговоров было с

Яковлевым. В частности, шла речь о статье Леонида Почивалова «Немцы и мы» в «Литературной газете», вызвавшей большой резонанс и у нас, и за рубежом, особенно в ГДР. Тогда же я порекомендовал Александру Николаевичу поехать в Латвию, и уже 13 августа он рассказал о результатах этой поездки. Потом состоялся разговор о просьбе Ярузельского по Катьни. Снова об обстановке в Прибалтике. В пометках есть пункт, касающийся моей просьбы побеседовать с Ю.Н.Афанасьевым, высказать ему наше мнение о том, что нельзя играть серьезными вещами.

Несколько раз звонил Разумовский, советовался по поводу подготовки документов к «политической осени». Рассказал, что на местах много неясностей по отчетно-выборной кампании в КПСС — надо дать в «Правде» ответы на них. Я согласился. В одном из разговоров Разумовский посетовал: «В Секретариате царит обстановка 30-летней давности».

С Рыжковым обсуждали вопрос о закупке зерна; он жаловался на одностороннюю позицию Лигачева и Никонова по проблемам АПК. Не преминул снова сказать о целесообразности оставить в ЦК только отделы общеполитического и общепартийного плана. Я согласился, что к этому мы придем. Но сейчас оборону и аграрную политику рискованно выводить из-под партийного контроля.

В это же время шла полным ходом подготовка к заседанию Комитета министров обороны государств Варшавского Договора в Праге и моему визиту на Кубу. Об этом мне пришлось не раз беседовать с Медведевым. Кроме того, я попросил его войти в контакт с экономистами, заняться подготовкой концепции по реформе ценообразования.

16 августа помечена беседа с Генеральным секретарем ЦК Компартии Чехословакии Милошем Якешем. Он поделился намерением создать комиссию с привлечением творческих сил, чтобы оживить работу ЦК, которая «очень забюрократчена». Большая часть разговора была посвящена предстоящему совещанию в Праге.

Время отпуска быстро истекало...

Красноярские впечатления

5 сентября я вернулся в Москву, а 12-го отправился в Красноярский край. Удивительная поездка, давшая столько впечатлений! Везде: будь то затерявшаяся в предгорьях Саян деревушка Сизая или крупнейший в мире комбинат по выплавке цветных металлов в заполярном Норильске — интереснейшие встречи с людьми, на редкость откровенный разговор о жизни.

То, что я, едва вступив на красноярскую землю, услышал от жителей поселка Емельяново (во время короткой остановки на пути из аэропорта в Красноярск), оказалось, в сущности, общим мнением жите-

лей края: «Перестройка нужна, но, к сожалению, начальство плохо перестраивается и все остается по-прежнему». В общем, с ходу я попал под обстрел, телевидение все это показывало, загудела не только страна, но и зарубежье: «Сибиряки, мол, устроили Горбачеву «баню».

Опять перекосы в планировании — гнали мощности, оставляя «на потом» социальную инфраструктуру. А что делать с этими мощностями без человека? Раньше многое делали за счет заключенных, теперь их численность значительно сократилась — другие времена. Местные власти всякий раз пасовали перед министерствами в социальных делах, и это обернулось тяжелейшими последствиями.

Во время беседы в филиале Сибирского отделения АН СССР я спросил первого заместителя председателя крайисполкома Абакумова:

— Как же так получилось? Чем занимался крайисполком?

— Мы сражались, — отшутился он.

— Как сражались, — продолжил я шутку, — если нет среди вас ни одного «погибшего»?

А когда в зале стихли оживление и смех, закончил:

— И ведь проиграли вы сражение полностью. Выход один — ставить вопрос ребром перед министерствами, вплоть до остановки производства. Если сейчас круто не повернемся к интересам человека, вложенные миллиарды пойдут по ветру.

Кстати, на той же встрече завязался у меня диалог о новых формах хозяйствования на селе с директором совхоза «Назаровский» Аркадием Филимоновичем Вепревым, человеком очень интересным и до крайности неудобным для местных властей. Не любили они его за то, что открыто говорил о бездарности руководства аграрным комплексом края. И на этот раз высказал свою точку зрения без обиняков:

— Что получается в Красноярском крае? Бурно развивается промышленность, причем строят, часто не зная зачем. Сельское хозяйство доведено до ручки. Таких совхозов, как наш, единицы. Но и они начинают хиреть, все валится. Ставили эти вопросы давно, а результат пока один — приклеили ярлык диссидентов.

Еще в бытность Косыгина Председателем Совета Министров СССР, кому-то в голову пришла идея разместить в южной части края комплекс предприятий энергетической, электротехнической, алюминиевой и других отраслей промышленности. Концентрация на маленьком пятачке более десятка заводов оказалась трудной для строительства и непродуманной с точки зрения заложенных там технологий. Это была авантюра, ибо требовалось огромное привлечение рабочей силы со стороны — все ведь делалось в малонаселенном районе. Вдобавок такая концентрация промышленности привела к огромной нагрузке на природную среду. Действовали как колонизаторы, изуродовали район. А какая там красотища! Кстати, у меня иногда возникал вопрос, и не

только в Сибири: почему самые вредные производства стараются разместить в самых живописных природных уголках?

Беспрецедентный ущерб, наносимый природе, отразился и на судьбе малых народностей, веками считавших эту землю своей.

Вокруг Норильского комбината-гиганта практически была разрушена среда обитания аборигенов края. Растоптали не только землю, но и вековые устои жизни людей, превратив их в изгоев. На месте земли предков — мертвая зона, как после страшного стихийного бедствия. Поразительно — из прибыли комбината, составлявшей фантастическую по тем временам цифру миллиард сто миллионов рублей, не выделили десятка миллионов, чтобы обустроить жизнь малочисленных народов. И как было не понять выступление на встрече с трудящимися талантливого эвенкийского писателя Алитета Немтушкина: «Оставьте нам природу, без природы мы не выживем». Он даже обратился с просьбой создать по примеру США резервации для сохранения аборигенов и среды их обитания.

Да, не поездка, а головная боль. Все дни со мной был Олег Шенин, ставший недавно первым секретарем крайкома партии. На встрече с рабочими Надеждинского металлургического комбината в Норильске я затронул проблему аппарата управления. Сказал, что по стране он составляет 18 миллионов человек на 125—127 миллионов работающих. Из них 2,5 миллиона — в министерствах и ведомствах, остальные — на предприятиях. Некоторые из присутствовавших настроились весьма решительно на борьбу против чиновников. Когда я сказал, что один рабочий прислал мне письмо с предложением дать команду «Огонь по штабам!», послышались голоса: «Правильно!»

— Что же тут правильного? — спрашиваю. — Мы ведем перестройку и отвечаем за то, чтобы не расколоть страну на враждующие лагеря, не сталкивать людей лбами. Известно и то, к чему «огонь по штабам» привел в Китае: 15 лет не могли разобраться в содеянном. Сегодняшние проблемы мы не можем решать методами 37-го года. Надо действовать через выборы, использовать гласность. Желание у всех одно: хочется побыстрее улучшить дело. Но надо делать так, чтобы не наломать дров.

Первый и самый общий вывод от поездки: люди меняются, укрепляются в перестроечных настроениях. И свою поддержку демонстрируют открыто. В Норильске генсека встречал весь город, народ молодой, открытый, настроенный наступательно. То, что еще недавно начальству сходило с рук, теперь подвергается критике.

Я теперь понял, почему письма идут не в крайком, а в ЦК. Люди ходят, обивают пороги контор, чиновники хамят, по пустяковым вопросам — волокита. В горкомах партии и в местных органах власти сидят божки. Какое может быть самочувствие у людей при виде всего этого?

Норильск дает миллиардные прибыли государству, а в городе безобразное положение с коммунальным хозяйством, транспортом. В Кайеркане (рядом с Норильском) нет бани. И это на Севере! Что больше всего огорчало людей? То, что большинство местных кадров действуют так же, как три, пять, десять лет назад. С них, что называется, как с гуся вода. И не случайно в ходе выборов заменили тогда половину секретарей парторганизаций.

В те дни я слышал немало критических высказываний о продовольственном снабжении. А старожилы помнят минусинские яблоки, арбузы, помидоры, мед, сибирские калачи. В истории зафиксирован такой факт: на ввоз сибирского зерна в центральные районы устанавливались повышенные тарифы, ибо здешние земледельцы были весьма конкурентоспособными в центре России.

Было о чем подумать на обратном пути из Красноярска. Из головы не выходило: как же мы ведем дело, если в крае в два раза больше пашни на душу населения, чем по стране, а производят сельскохозяйственной продукции в три раза меньше? И народ бежит оттуда. Такая мощь — Сибирь, осваивать и осваивать! Но надо же наращивать производство сельхозпродуктов на месте. И почему на одно идут миллиарды, а на другое, без чего нельзя устроить жизнь, жалкие проценты?

Реорганизация аппарата ЦК

Перед поездкой в Сибирь обсуждалась моя записка о реорганизации партийного аппарата.

Члены Политбюро, занимавшие государственные посты, выступили за решительное освобождение аппарата ЦК от несвойственных функций (опеки обороны, внешней политики), а секретари (разве кроме Яковлева и Медведева) старались сохранить свои «наделы». Шло перераспределение власти в том же командном кругу. Мои планы уходили дальше — к политической реформе.

В деликатной форме я поставил вопрос о расстановке сил в руководстве в новой ситуации, намекнул, что готов внести предложения на этот счет. Записали: поручить Генеральному секретарю продумать вопрос о расстановке кадров в ЦК.

Я полагал, что кадровые изменения надо начинать с омоложения руководящего состава. Хотя при мне пришло много новых людей, все равно в ЦК преобладали люди почтенного возраста.

Кадровые перестановки — это драма и для перемещаемых, и по-человечески для генсека. Я решил лично переговорить с каждым, кого задевали перемещения. Почти все уходившие на пенсию достаточно хорошо понимали ситуацию, но их интересовала дальнейшая судьба, прежде всего материальная обеспеченность.

Что касается Громыко, в последнее время он очень сдал, подремывал на заседаниях. Все чаще отставал от течения жизни, высказывался невпопад, вызывая у других раздражение, иронические ухмылки. Это проявлялось и на заседаниях Президиума Верховного Совета.

По Демичеву вопрос созрел давно. В принципе его следовало решить еще моим предшественникам, но по непонятным причинам он автоматически «перекатывался» из одной команды в другую. Разговор у нас с ним был товарищеский: мы давно знали друг друга.

Еще одна фигура — Долгих. В связи с тем, что ни в комиссиях ЦК, ни в аппарате не оставалось вопросов, которыми он ранее занимался, я считал, что и он должен уйти на пенсию. Отдавая должное его профессиональным качествам, хочу сказать, что позиция Долгих в перестроечные годы всегда носила конформистский характер и скорее говорила о попытках адаптироваться к новым условиям, нежели о полной поддержке реформы. Мне представлялось нецелесообразным даже перемещение его на правительственные должности, да и «спроса» на него не было. Не подходил этот человек по своему стилю, менталитету для нового времени.

Уход на пенсию Соломенцева позволил пригласить на работу в Москву Бориса Карловича Пуго в качестве председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. В руководстве Прибалтика не была представлена, а из лидеров, которые там в то время были, мне он казался наиболее подходящим. Я знал его еще как секретаря ЦК ВЛКСМ. В своей республике он прошел, кажется, все ступени и в комсомоле, и в партии, и даже в госбезопасности. Человек цельный и порядочный.

Став кандидатом в члены Политбюро, Пуго неизменно занимал прогрессивную позицию. Да, он был требователен, любил порядок, но приверженностью к насильственным мерам не страдал.

Перемещение Воротникова на пост Председателя Президиума Верховного Совета Российской Федерации вытекало из решений конференции.

Не оставалось места в Секретариате ЦК для Бирюковой. Для своего времени Александра Павловна была женщиной смелой, толковой и деятельной. Воспитанница «Трехгорки», она пользовалась заслуженным авторитетом в профсоюзном движении. Вносились предложения рекомендовать ее председателем ВЦСПС, но в связи с тем, что в Политбюро не было никого из женщин, на XXVII съезде решили избрать ее секретарем ЦК. Теперь Бирюкова рекомендовалась на должность заместителя Председателя Совета Министров СССР по социально-культурным вопросам.

Лукьянова имелось в виду избрать первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР, освободив от обязанностей секретаря ЦК.

В связи с избранием Чебрикова секретарем ЦК встал вопрос о его преемнике. Не раз мне приходилось объяснять, как оказался Крючков на посту председателя КГБ. Были ведь другие кандидатуры в Комитете госбезопасности, и не только там. Тем не менее предпочтение я отдал ему. Почему? Исходя даже не из соображений профессионализма — профессионалы там были, наверное, и посильнее него. Здесь сыграло роль то, что Крючков многие годы был близким человеком Андропова.

Мое мнение по кандидатуре Крючкова поддержали Чебриков и особенно активно Яковлев. Они давнишние знакомые и в тот момент особенно сблизились.

Реорганизация аппарата в ряде случаев заставляла делать выбор. К примеру, встал вопрос, кого поставить на международный отдел — Добрынина, Яковлева, Медведева? Тогда предпочтение я отдал Яковлеву как человеку, стоявшему ближе к новым функциям партии, и к тому же бывшему послу, руководителю ведущего академического института в области международных отношений. А на Медведева рассчитывал возложить руководство объединенным идеологическим отделом.

30 сентября на Пленуме ЦК я огласил заявление Громыко с просьбой об отставке с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР и члена Политбюро. Высказал теплые слова и добрые пожелания. Андрей Андреевич держался достойно. Сказал, что возраст — штука упрямая, с ним надо считаться. В некотором роде его своеобразным заветом на будущее стали слова о том, что он всегда верил в правоту марксистско-ленинской науки, считает перестройку единственно правильной политикой, обеспечиваемой идейным и политическим единством руководства. Незаурядный человек, сохранявший цельность и верность своему времени.

Пленум поддержал все предложенные мною кадровые перестановки. Слово с рекомендацией меня на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР произнес Лигачев, обосновывая это тем, что «и во внутреннем, и в международном плане Генеральный секретарь представляет наше государство». После шумной поддержки членов ЦК мне оставалось лишь поблагодарить всех и кратко сказать о своих намерениях.

В тот же день, 30 сентября, состоялось заседание Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, и, в связи с уходом на пенсию, Капитонова освободили от обязанностей председателя ЦРК.

1 октября состоялась внеочередная сессия Верховного Совета СССР. С прощальным словом выступил Громыко. Затем Зайков изложил предложение Пленума о Председателе. Постановили: «Избрать тов. Горбачева Михаила Сергеевича Председателем Президиума Верховного Совета СССР».

Вместо Демичева первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР по моему предложению был избран Лукьянов. Сессия утвердила ряд изменений в правительстве, в частности назначение Крючкова председателем Комитета государственной безопасности СССР.

Произведенная крупная перестановка вызвала серьезный резонанс у нас и за рубежом: что бы это значило? Лигачев возглавил комиссию по аграрной политике, и на том же направлении ему помогает Никонов. Яковлев выдвинут на международное направление, а Медведев вернулся в идеологию. Конечно, это не было простой рокировкой. Нужно было реагировать на ту часть общественного мнения, которая демонстрировала неприятие Лигачева в качестве куратора идеологической сферы. И на другую, тоже сильно себя проявившую, особенно в партии, — в неприязни к Яковлеву. Требовался маневр, который разрядил бы ситуацию.

Ставят иногда вопрос: а не надо ли было уже тогда распрощаться с Лигачевым? Такое решение сразу после конференции могло вызвать ненужное обострение ситуации накануне политической реформы. Да, часть общественного мнения не принимала Лигачева, считая его лидером правого крыла, по сути дела, скрытым противником перестройки. Но ни в одной демократической партии не может быть «одномыслия». Не забывал я и о том, что впереди у нас съезд, на котором и будет решаться судьба тех или иных течений. Словом, Лигачева надо было отодвинуть от идеологической работы, но сохранить в руководстве. Так и было сделано.

В новой структуре ЦК ослабла роль Секретариата, который, по существу, играл до этого роль «малого Совнаркома». Теперь за ним оставалось решение сугубо внутрипартийных вопросов. До меня доходили суждения, будто бы изменение роли Секретариата понадобилось Горбачеву для лишения власти Лигачева. Нет, на первом месте стояла задача изменить функции органа, дублировавшего функции и Политбюро, и правительства.

Работа все лечит Чтобы не углубляться в обиды и не впадать в ипохондрию, надо, как говорят, не давать себе «передыху». По многолетнему опыту знаю: работа может вылечить все. Надо всех втягивать в дело, тогда и личные переживания отходят на второй план.

Написал это и вспомнил, что в моей политической карьере прослеживается интересная закономерность: в силу каких-то обстоятельств я всегда приходил на тот или иной пост в момент, когда меня не ждали. Да и для меня самого это часто бывало неожиданным. Вот некоторые тому подтверждения. В комсомол вступил я в феврале 1946 года. Ме-

ня избрали секретарем комсомольской организации Привольненской школы. Свою учебу пришлось продолжать в райцентре, в Красногвардейской средней школе. Она была сильной по составу преподавателей. Отлично помню комсомольское собрание осенью 1948 года. Битком набитый школьный зал — ведь поголовно все записывались в комсомол. Представитель райкома предлагает мою кандидатуру для избрания секретарем. Из зала голоса: «А кто такой Горбачев? Пусть встанет, поглядим». Встаю. «А-а-а!» Стал садиться, а в это время кто-то убрал стул. И я под общий хохот приземлился... на пол. Обычный школярский розыгрыш. Зато избрали тайно и практически единогласно.

В горком ВЛКСМ в Ставрополе я, можно сказать, свалился как снег на голову, меня мало знали. Тем не менее секретарем избрали. Неожиданно и для меня, и для них. А через 10 лет, вызвав прямо из отпуска, рекомендовали первым секретарем Ставропольского горкома, только теперь уже партии.

Но самое неожиданное — это избрание меня вторым секретарем крайкома партии, потом — первым. По критериям того времени слишком молод, каких-то 37—39 лет. Самый молодой в составе бюро и секретариата Ставропольского крайкома — и вдруг первый секретарь. Для всех это было неожиданным.

Тогда я подумал: надо незамедлительно задать темп работы, не читать мораль, не внимать стукачам, не выяснять, кто что сказал по моему адресу, а двигать дело. Оно захватывает. Все расставится по местам, и будет ясно, чего стоит каждый.

Начало положено Пришла пора готовиться к Пленуму по политической реформе. 22 и 23 октября публикуются законопроекты об изменениях и дополнениях Конституции СССР и о выборах. На них обрушилась массированная критика со всех сторон. В тот момент в полном объеме проявилась идеологическая беспомощность партийной номенклатуры, ее неспособность разговаривать с людьми, вести спор с оппонентами. На площадях, где бушевали страсти, работники горкомов и райкомов просто боялись появляться. Выросшие в другой атмосфере, воспитанные в «инкубаторе», они панически боялись любой публичной дискуссии, открытого политического противостояния. И это выглядело особенно контрастно на фоне пропагандистской деятельности, развернутой демократами. Через 2—3 дня после публикации законопроектов, не ознакомившись с ними как следует, последние начали кампанию протеста. Действовали самоуверенно, даже нахально.

Юрий Афанасьев и его сторонники считали законопроекты просто камуфляжем, поскольку, мол, партия по-прежнему остается руководящим ядром системы. В этом духе трактовались соединение постов, вы-

боры от общественных организаций. Проявлялось недовольство и в республиках, особенно в Прибалтике. Изменения в Конституции были восприняты там как еще большее усиление центра. Возникали и все более агрессивно действовали народные фронты. Усиливались сепаратистские настроения.

Все это вооружало аргументами противников реформ. И конечно, нервничал руководящий слой. Мои призывы учиться работать в условиях демократии, повторявшиеся от пленума к пленуму, оставались без внимания.

Листаю записи выступлений на заседаниях Политбюро — они полны беспокойства. Мы оказались неподготовленными к адекватному восприятию оппозиции, не знали, что это такое, как она действует. У нас ведь впервые появилась реальная оппозиция, причем радикального толка. И это уже повод для крика: «Караул, пожар, горим!» Получалось, открыв дорогу демократии, сами задохнулись от мощного притока кислорода.

В прениях на Пленуме 28 ноября после моего доклада «О мерах по осуществлению политической реформы в области государственного строительства» ораторы били тревогу. Щербицкий отметил, что экстремистские националистические действия приобретают все более организованный характер. Фотеев (секретарь Чечено-Ингушского обкома партии) сказал, что сначала было «умиление перед гласностью», теперь же — растерянность. Мендыбаев (второй секретарь ЦК КП Казахстана) высказался за большую самостоятельность республик; затронув тему неформальных объединений, заявил, что нельзя проходить мимо антиобщественных высказываний и действий со стороны некоторых из них. Ректор МГУ академик Логунов сообщил, что на «комсомольской конференции в университете появилась фракция радикалов, их претензии были отвергнуты, но и представителя ЦК ВЛКСМ делегаты сняли с трибуны». Мироненко, первый секретарь ЦК комсомола, выразил мнение, что всем партийцам пора выбираться из окопов, ибо они отсиживаются, а жизнь идет мимо. Везиров, проработавший полгода первым секретарем ЦК КП Азербайджана, поставил вопрос ребром: «Если у нас речь идет о революции, то надо видеть и контрреволюцию».

Словом, тревожных констатаций было предостаточно, и во многих отношениях для этого были серьезные основания. Но в целом Пленум не ударился в панику, скорее, звучали предостережения. Во всяком случае, предложенные нами преобразования практически без поправок получили «проходной» балл. Конечно, сыграло свою роль то, что они всецело соответствовали решениям конференции.

Закljučая Пленум, я говорил о необходимости быть готовыми к работе и борьбе в новых условиях. На арену вышли самые различные си-

лы, мы не можем считать всех подряд деструктивными. Главное — защитить перестройку — и от консерваторов, тормозящих демократический процесс, и от экстремистов и демагогов.

Над страной всходила заря новой демократической эры.

Думы мои, думы... Заканчивался еще один год перестройки, насыщенный до предела работой и самыми разнообразными событиями, радостными и скорбными.

Помню, 9 декабря увидел в одной зарубежной газете крупный заголовок: «Горбачев: триумф и боль». Имелось в виду мое удачное выступление в ООН и жесточайшее по разрушительной силе землетрясение в Армении, происшедшее в тот же день, 7 декабря.

Время, к сожалению, шло значительно быстрее, чем задуманные нами реформы. Не давала покоя мысль: почему нет результатов, на которые рассчитывали, что задерживает, где резервы ускорения преобразований?

Жизнь обгоняла партию. Общество в целом оказалось более восприимчивым к новым идеям, чем «авангард». И чем больше нарастала активность народа, тем больше ощущалось это отставание. КПСС, в возможность обновления которой я все еще верил, на глазах теряла позиции. Наряду с растерянностью в партийных структурах уже в открытую проявлялось недовольство реформаторским центром.

О механизме торможения мы все время говорили, не упоминая партии. Наедине с собой я начал понимать, что он, этот механизм, — внутри нее, она не только отстает, но и сопротивляется изменениям, задевающим систему. А ведь именно партия была ее несущей конструкцией. Торможение шло в основном через аппарат — партийный, государственный, хозяйственный. А что такое аппарат — там ведь беспартийных было раз-два и обчелся. Покусившись на доселе незыблемые устои 18-миллионной рати чиновников, начав ее сокращение, я понимал, какой муравейник разворошил. Знал, что пощады от них не будет.

В борьбе с командно-административным режимом я рассчитывал на активность людей. Но и здесь не оставляло беспокойство. Нет-нет да и вспоминался один внешне не примечательный эпизод из красноярской поездки. В Норильске на улице пожилой человек сказал мне:

— Михаил Сергеевич, не хотелось бы говорить о мелочах — неудобно, но, к сожалению, приходится. Вот уже шесть лет, как насыпали вокруг нашего дома шлак с металлической стружкой, так все и осталось. Обувь режет, детей страшно во двор выпускать.

Вроде бы ничего особенного. Типичный случай. Но весь ужас в том и состоял, что типичный. Вот она система, во всем своем безобразии! Чтобы убрать территорию вокруг дома, надо челом бить Генерально-

му секретарю, высшему руководству страны, не меньше! Меня поразило и другое: граничащая с обреченностью беспомощность простого человека перед всемогущим чиновником. Сколько времени потребуется для обретения людьми внутренней свободы, достоинства? Без этого настоящей перестройке не бывать.

Норильчанину я посоветовал «основательнее трясти свое начальство, ибо без них, обыкновенных граждан, я никогда не смогу вытряхнуть бюрократов из удобных кресел». Но как скоро они созреют для гражданского поведения? Неужели покорное смирение навсегда поселилось в их душах? Нет, этого не может быть. Я был уверен, процесс демократизации разбудит народ.

После конференции мы почувствовали нарастание политической и социальной активности в обществе. Это прежде всего вылилось в возникновение сотен и тысяч неформальных групп, движений, по самым различным вопросам — с учетом специфики регионов.

Все более консолидировалась оппозиция. Консервативная, открыто заявившая о себе в марте. И радикальная, конструктивность которой, думаю, мы переоценили на ноябрьском Пленуме.

Как раз той осенью, в период обострения политической ситуации в стране, состоялось возвращение Ельцина к активной политической деятельности. После его ноябрьского выступления в Высшей комсомольской школе пошли интервью, широкоэщательные заявления с критикой законопроектов по Конституции и выборам. Он уже начинал примерять шапку лидера оппозиции и озвучивать громовым голосом и безапелляционным тоном разработки идеологов будущей Демроссии.

А 7 ноября я получил от него поздравительную телеграмму:

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Примите от меня поздравление с нашим Великим праздником — 71-й годовщиной Октябрьской революции! Веря в победу перестройки, желаю Вам силами руководимой Вами партии и всего народа полного осуществления в нашей стране того, о чем думал и мечтал Ленин.

Б. Ельцин

Иногда мне казалось, что значение перестройки лучше понимали за рубежом, чем в стране. Подтверждением тому явилась беспрецедентная по масштабам международная солидарность с жертвами землетрясения в Армении. Создавалось впечатление, что все страны наперегонки спешили помочь. Это было не только проявление человеческого сочувствия, но и акция политической воли.

И тут же поправлял себя, упрекая за несправедливость по отношению к соотечественникам. Разве все мои поездки не говорят, что наши люди горой за реформы. Их недовольство, все еще непреодоленная апатия идут от раздражения отсутствием на местах серьезных перемен. Значит, надо работать не покладая рук.

И я подгонял своих соратников, старался использовать все возможности «первого лица» по партийной и государственной линии, подстегивая отделы ЦК, аппарат Верховного Совета, Совмин, прессу... Вот строки из календарных записей конца 1988 года.

12 октября руководил совещанием в ЦК по вопросу арендного подряда. 24-го — встречался с молодежью Москвы и Подмосковья в связи с 70-летием ВЛКСМ. 4 ноября присутствовал на открытии в Москве первого инновационного коммерческого банка. 1 декабря беседовал с депутатами ВС СССР от Азербайджана и Армении по вопросу стабилизации обстановки в регионе. 7-го — выступал в ООН. 10-го — был в зоне землетрясения в Армении — Кировакане, Спитаке, проводил совещание в Ереване...

Стихия наложила трагический отпечаток на конец уходящего года. И все-таки я был оптимистом. Обращаясь к советскому народу по случаю нового, 1989 года, в частности, сказал: «Наступающий год не обещает быть и не будет беспроблемным. Серьезных дел и забот предстоит немало. Мы видим, что сегодня надо действовать с большей решительностью. Нельзя перехитрить жизнь, отсидеться на обочине. Мы не ждем и не обещаем «манны небесной», хорошо знаем, что груз нерешенных вопросов тяжел, дорога наша трудная. Но выбор сделан, курс перестройки проложен. Советские люди за перестройку, а это самая надежная гарантия того, что наш государственный корабль будет все увереннее набирать ход».

До первых свободных выборов народных депутатов СССР оставалось 85 дней.

Семья

Наша семья с переменами в моей политической карьере, а главное — в жизни страны, оказалась как бы в другой системе координат, потребовавших от нее немалого запаса прочности и моральной силы. Нелегко ей оказалось выстоять и выдержать все превратности и удары судьбы.

Сначала нам казалось, что, собственно, ничего сверхъестественного не произошло, нет необходимости ломать сложившийся семейный быт. Уже в первые дни говорили об этом и были согласны. У Раисы Максимовны есть чувство глубокой преданности семье, тому внутреннему миру, который нас связывает. «Мой дом, — как-то сказала она, — не просто моя крепость, а мой мир, моя галактика».

Систему человеческих отношений, укоренившуюся в московских верхах, мы так и не приняли, вернувшись в столицу в 1978 году. Наши представления на этот счет были другими. По крайней мере, понимание людских взаимоотношений не было отягощено мещанством, да и — допусцу такое выражение — «московским провинциализмом». Я,

конечно, имею в виду то окружение, среду, в которой оказались. В людях мы всегда ценили искренность, естественность, взаимную уважительность и способность понимать других.

Раиса Максимовна на своем опыте знала, что сослуживцы больше всего ценят товарищество и твое отношение к работе, как ты «тянешь лямку», выполняешь свои обязанности. А если надо выручать кого-то из коллег, тут не должно быть никаких исключений. Эти «нравственные максимы» передавались Ирине, впрочем, они целиком совпадали с собственными убеждениями дочери и зятя. У них была своя сверхзадача: стать профессионалами в своем деле. Тут, как известно, никакая протекция не поможет. Одно дело — получить должность, повышение, и совсем другое — стать квалифицированным специалистом. Так что настрой у них был хороший, здоровый. Мы это всячески приветствовали и еще хотели, чтобы, несмотря ни на что, они не прерывали занятия английским.

Все были согласны: ничего не менять, оставаться самими собой...

Ничего не менять? Жизнь, как всегда, не терпит схем. И в нашем случае новое житье-бытье семьи стало преподносить ежедневно новые вопросы и темы.

Мы продолжали жить на даче, которую заняли в 1981 году после моего избрания членом Политбюро ЦК. Избрание генсеком вызвало и здесь проблемы. Дело в том, что дача не позволяла разместить службы, связанные с обеспечением деятельности главы государства, каким де-факто являлся Генеральный секретарь ЦК КПСС. Читатель может спросить: но ведь были же дачи, на которых жили и работали Брежнев, Андропов, наконец, Черненко? Да, эти дачи никуда не исчезли, но в соответствии с решением Политбюро на них продолжали жить семьи умерших генсеков.

Чебриков предложил приспособить под резиденцию генсека одну из строящихся дач под деревней Раздоры. Внесли изменения в проект, включив «дом для расположения охраны», «узел стратегической связи», «вертолетную площадку», «помещение для транспорта и специальной техники». В главное здание добавили комнаты для приема гостей, проведения по необходимости заседаний Политбюро или совещаний, комнату для медперсонала. Переселилась семья на новую дачу через год — теперь там находится загородная резиденция Президента Российской Федерации.

Усилился контроль за медицинским и продовольственным обслуживанием, практически за всем, что поступало в семью и с кем она была связана. Словом, началась настоящая «жизнь под колпаком». А с другой стороны, нарастало внимание прессы. И это касалось не только меня, распространялось на Раису Максимовну, всех членов семьи. Часто мы собирались даже поздно ночью, чтобы накоротке обгово-

ритель возникшие срочные дела, события, впечатления. Не так легко оказалось оберегать свой дом для себя, открывать его дверь только для близких, сохранять очаг, чтобы он горел.

Уже в первые месяцы моего «генсекства» к Ирине и Анатолию стали поступать по месту работы обращения по разным вопросам от москвичей, приезжих, даже из-за рубежа. О злоупотреблениях местных властей, гонениях, преследовании за критику, с просьбами о помиловании, выделении жилья, помощи в лечении тяжелых болезней и многом другом. Появились «брошенные» мной жены, матери, дети. Потянулись и странные люди — с навязчивыми идеями, прожектами.

Ясно, что Ирина и Анатолий не имели никаких прав для того, чтобы решать проблемы. И чтобы откликнуться на обращения, советовали людям куда пойти, а в крайних случаях, когда дело не терпит, звонили в общий отдел ЦК и помогали встретиться с теми, кто может что-то сделать.

Все больше забот у нас к этому времени было о стареющих родителях. Моя мать, продолжавшая жить в Привольном, постоянно болела. Здоровье родителей Раисы Максимовны, живших в Краснодаре, тоже стало ухудшаться. Сказывались годы, то, что пришлось вынести их поколению. В июне 1986 года нас постигло тяжелое горе — умер отец Раисы Максимовны.

Максим Андреевич был человеком на редкость добрым, мягким, работающим и жизнелюбивым. Даже уйдя на пенсию, не захотел по примеру других просиживать днями на скамейке, «забивать козла» да судачить. Нашел посильную работу и каждый день шел делать дело — не важно какое. Неожиданно и для него, и для всех нас сдало сердце. Его поместили в кремлевскую больницу, поставили стимулятор сердечной деятельности, самочувствие Максима Андреевича улучшилось. Поправляясь, он сказал Раисе Максимовне: «Спасибо тебе, доченька, ты вновь подарила мне жизнь». Кажется, все образовалось, а вскоре его не стало: возвращался с прогулки и скоропостижно скончался на пороге дома. На похороны отца съехались все близкие.

В Краснодаре, где закончилась долгая трудовая жизнь Максима Андреевича Титаренко, покоится его прах. Спустя несколько месяцев по просьбе Раисы Максимовны над могилой соорудили надгробье. Добросердечные люди ухаживают за ней, и мы им за это безмерно благодарны.

Пришла беда — отворяй ворота: в августе 1986 года скончался отец Анатолия, наш с Раисой Максимовной ровесник. Погубил рак головного мозга. Самая квалифицированная помощь — академика-нейрохирурга Александра Коновалова — не помогла.

1987 год для семьи ознаменовался несколькими событиями. В январе исполнилось 30 лет Ирине. В марте она родила еще одну внучку, а в

сентябре Ксения пошла в школу. Вот несколько ее суждений из дневниковых записей Раисы Максимовны:

«Михаил Сергеевич едет в Варшаву на продление договора. Ксюша, провожая его, просит: «Дедуля, сходи на могилу Анны Герман — обязательно».

«Дедуля, а кто ты в Кремле?»

«Рассказывает о занятиях хореографией: «Представляете, говорят: уберите живот, уберите попу. Живот можно убрать, а попу?»

«Бабушка Маруся и бабушка Шура долго будут у нас в гостях?» — «А что?» — «Когда у меня будет ребеночек, где же он будет за столом сидеть?»

Все же главное событие года — рождение второй внучки. Ирина хотела мальчика, думала назвать его Михаилом, но родилась девочка. Назвали ее Анастасией. Маленький удивительный человечек, принесший столько счастья.

1988, 1989, 1990 годы. События шли чередом — печальные и радостные, сменяя друг друга, как и в каждой семье. К этому ежедневно и ежечасно — хотели бы мы или нет — добавлялось то, что было связано с особым моим положением. Мои переживания, тревоги и заботы легли и на семью, близко воспринимавшую все происходящее и со мной, и со страной.

Жена генсека

Ничего не менять? Многое пришлось все же менять, делать то, чего раньше не приходилось делать. Прежде всего это касалось нас с Раисой

Максимовной. Сами-то мы оставались теми же — людьми с уже сложившимися взглядами, отношениями между собой, стилем жизни. К 1985 году наш супружеский стаж составлял 31 год. Каждый из нас в студенческие годы сделал свой выбор, и этим определялось все. Нас связывали прежде всего супружеские отношения, но также и общие взгляды на жизнь. Оба исповедовали принцип равенства. Жили общими заботами, помогали друг другу всегда и во всем. Конечно, я не читал за Раису Максимовну лекции по философии, как и она не делала мою работу. Но мы знали, как обстоят дела друг у друга, радовались успехам и переживали неудачи каждого, как свои.

Жизнь наша оказалась отнюдь не легкой, но содержательной и интересной, выводила на широкие и разнообразные контакты с людьми. Приехав в Москву и столкнувшись «в верхах» с другим миропониманием, во многом чуждым нам, мы не стали подстраиваться, ломать себя, благо, столица способна и принять, и предоставить возможности для реализации разных человеческих привязанностей, потребностей. И мы чувствовали себя в московском климате совсем неплохо. Вот в таком виде, с таким взглядом на вещи «чета Горбачевых» предстала перед собственной страной и миром.

Мнение Раисы Максимовны в связи с избранием меня генсеком было определенным — она считала своим долгом, чем может, поддержать меня. Нам казалось это не только вполне естественным, но и необходимым. В тот переломный для нас момент надо было следовать нашему жизненному правилу — быть вместе.

Но появление генсека и его жены на людях вызвало в обществе резонанс, не меньший, чем политика перестройки.

А ведь по существу ничего сверхординарного не произошло. Все было просто и обыденно: рядом с генсеком в его поездках по стране, за рубеж, в протокольных мероприятиях, на всякого рода торжествах, наконец, на спектакле в каком-то театре или на художественной выставке была его жена. С позиции здравого смысла все выглядит вполне естественно. Но в нашем обществе это воспринималось как потрясение. И в хорошем, и в плохом смысле.

В ЦК шло много писем — огромное большинство с похвалой и поддержкой. Но были и такие, в которых выражалось недоумение, а то и возмущение появлением рядом со мной в разных случаях, в том числе в поездках, Раисы Максимовны: «Она что, член Политбюро?!» Самый простой ответ: «Да нет, жена!» Но как объяснить это людям, воспитанным в традициях домостроя и «борьбы с семейственностью»? Даже в моем окружении кое-кто кривился, хотя и приходилось терпеть. А некоторые, имевшие отношение к СМИ, советовали ограничить до предела, еще лучше снять полностью (в интересах, конечно, самого генсека) информацию, которая касалась его супруги.

Почуввав запах жареного, нажали на этот пункт западные центры психологической войны, чтобы дискредитировать советского лидера. Зарубежные радиочетры заговорили о том, какие трудности Горбачеву создают попытки его супруги играть самостоятельную роль. Затем был запущен слух, что по Москве гуляет снятый скрытой камерой фильм о похождениях и пристрастиях жены генсека. К этой грязной возне подключились политические подонки в Москве, на Урале, в Сибири. В замыслы организаторов травли входило разжечь низменные чувства, вызвать неприятие перемен, недоверие к генсеку и его реформам.

Я видел переживания Раисы Максимовны по поводу этой напраслины, но советовал ей не обращать внимания. Она мужественно выдерживала нагрузки, несла «свой крест» и очень много сделала, чтобы поддержать меня в эти невероятно трудные годы. И не была просто статистом, тенью президента. Напротив, где было возможно, тактично делала то, на что у меня и времени бы не хватило, да я и не смог бы сделать это, как она.

В моих поездках по стране много времени занимали встречи и беседы с населением. Раиса Максимовна в них участвовала, а остальное

время использовала по собственной программе. Хотя для нее всегда были интересны достопримечательности, памятники культуры, истории, предпочтение все-таки отдавалось знакомству с тем, как живут люди. Почти во всех поездках она бывала в семьях рабочих и домах крестьян, новых и старых микрорайонах, знакомилась с тем, как работают медицинские учреждения, службы быта, магазины, как выглядят городские и сельские рынки. Тут сказывались и природная любознательность, и профессиональный интерес социолога — ибо все годы своей работы она сочетала преподавание в вузе с исследованиями условий жизни людей. И диссертацию свою посвятила семейным и бытовым отношениям крестьянства.

Одной из тем, привлекавшей наибольшее внимание Раисы Максимовны, было положение женщины в обществе. На Украине, в Прибалтике, Узбекистане, Мурманске и других городах у нее было много встреч с женскими комитетами и организациями, по результатам которых потом нередко приходилось давать поручения. Профессиональная подготовка и жизненный опыт позволяли ей не просто передать мне реестр фактов и впечатлений, но и поделиться своими раздумьями, а часто предложить какие-то конкретные меры. В этом смысле она была незаменимым для меня «советником на общественных началах». Люди это видели, ценили.

Особое место в ее общественной деятельности занимал Советский Фонд культуры, родившийся в первые годы перестройки. Идея его создания принадлежала Яковлеву. Поддержав ее, я посоветовал обратиться к самым авторитетным нашим ученым, писателям, художникам, даже назвал некоторые имена. Яковлев же полагал, что успеху начинания в решающей мере будет способствовать, если Фонд возглавит Раиса Максимовна. Я пообещал с ней переговорить, она решительно отказалась, выразив в то же время готовность активно работать в нем на общественных началах.

Фонд родился. Выбор в качестве его председателя академика Лихачева, участие жены генсека, многих известных деятелей культуры придали ему высокий общественный статус. Раиса Максимовна знала Дмитрия Сергеевича как специалиста по древнерусской литературе, имела с ним переписку и горячо ратовала за то, чтобы пригласить его возглавить Фонд.

Фонд начал набирать силу, оказывать благотворное влияние на развитие культуры в стране, на расширение связей с зарубежными культурными центрами. Его девизом стало: «Хранить, осваивать, приумножать, через культуру гуманизировать отношения между людьми». Под его эгидой родились многочисленные целевые программы: «Краеведческие уникальные исторические территории», «Возвращение забытых имен», «Великий шелковый путь», «Новые имена», «Сохранение и

развитие культуры малочисленных народов» и, наконец, «Через культуру — к здоровью и милосердию».

Много сил, души вложила в деятельность Фонда Раиса Максимовна. Всячески поддерживала Лихачева. Ну а после августовского путча он вдруг бросился к президенту России и предложил перевести СФК под юрисдикцию РСФСР и создать на его базе Фонд культуры России. Кстати, второй, ибо существовал Всероссийский фонд культуры. Это делалось в то время, когда страна особенно нуждалась в сохранении целостности культурного пространства. Мы никак не могли понять, что движет академиком. И только недавно, читая его интервью «Комсомольской правде», нашли ответ в его словах о том, что «поэт должен быть возле трона». Удивительно! Казалось бы, что все то, что он делал и о чем говорил до сих пор, вся наша история свидетельствуют, что поэтам, и не только поэтам, надо всегда быть со своим народом. А тут — трон.

С особым чувством Раиса Максимовна занималась созданием Фонда Рерихов в Москве. Мы встречались со Святославом Николаевичем и его женой Девикой, племянницей Рабиндраната Тагора. Говорили о наших странах, близости их народов, не обошлось без обсуждения философских вопросов. Было приятно, что выдающийся наш соотечественник пристально следит за происходящими в Советском Союзе переменами, горячо их приветствует. Теперь уже нет в живых наших добрых друзей, они навсегда остались в наших сердцах.

Фонду культуры принадлежит честь возвращения в нашу жизнь понятия благотворительности. Много сделала для этого и Раиса Максимовна. Предметом ее особого внимания стала Центральная республиканская детская больница, где излечение проходят дети с тяжелыми заболеваниями со всех регионов страны.

После посещения Чернобыля, пораженных радиацией районов Белоруссии Раиса Максимовна вошла в правление созданной у нас ассоциации «Гематологи мира — детям», цель которой — лечение детей, страдающих лейкозом. Цитирую профессора Александра Румянцева: «Три года назад, когда еще существовал Союз, я написал письмо супруге президента Раисе Максимовне Горбачевой. В нем я поделился своими мыслями о положении в детской гематологии, о катастрофе в этой области медицины и предложил конкретный план... Через три дня я был приглашен к Раисе Максимовне. Состоялся откровенный разговор... В декабре поступил первый взнос. Он составлял 100 тысяч долларов». Это были мои гонорары, о которых сообщил ВААП. Положено было начало.

Потом, когда я уже оставил пост президента, мы с Раисой Максимовной не порывали с теми, с кем начали гуманное дело огромного значения. Через Фонд Горбачева вошли в контакт с гражданами многих стран, попросили их о помощи ради детей. Откликнулась общест-

венность США, Германии, Австрии, Канады, Голландии и других стран. Результат — в начале 93-го в Москве открылось отделение трансплантации костного мозга, теперь здесь излечивают до 70 процентов детей, больных лейкозом.

Как я уже сказал, Раису Максимовну занимала женская проблематика. Она встречалась с сотрудниками редакций журналов «Работница» и «Крестьянка». Принимала участие в международных встречах женщин, в том числе в Московском конгрессе. Была в контакте с Зоей Пуховой, Галиной Семеновой, с директором Пушкинского музея Ириной Антоновой, Натальей Сац, Еленой Романовой, Ольгой Лепешинской, Нани Брегвадзе, учеными-академиками Натальей Бехтеревой и Любовью Малой, доктором медицинских наук Мариной Рахмановой, режиссером Галиной Волчек и другими. И сейчас хранит десятки папок с письмами к ней, собирается обо всем этом написать. Когда это будет — не знаю.

Положение жены главы партии и государства обязывало проводить государственные приемы, посвященные Международному женскому дню. Раиса Максимовна постаралась, чтобы это были настоящие праздники для приглашенных женщин: с концертами, выставками, интересными встречами.

Много времени у Раисы Максимовны занимали протокольные дела, участие в приеме зарубежных руководителей. Нужно было осовременить наш протокол, который нес на себе налет старых традиций. Занимался этим, конечно, МИД, но и здесь ее наблюдения оказались полезными. С большой ответственностью Раиса Максимовна стремилась представлять свою страну, сопровождая меня в официальных визитах в различные страны за рубежом. Для нее, как и для меня, на первом месте было стремление с достоинством нести миссию, которую судьба на нас возложила.

Поэтому мы с удивлением, а то и возмущением, несогласием воспринимали всякие домыслы по поводу наших отношений, поступков, образа жизни. Для кого-то было странным и удивительным, что мы были вместе. Но так было всю нашу жизнь. У кого-то вызывали нездоровую черную зависть наша судьба, активность, даже внешний облик. Но такими нас «слепила» природа. Кому-то казалось, что наша жизнь — это чуть ли не сказка, сплошные наслаждения. А это был тяжкий, но счастливый труд, ибо нас вдохновляли высокие цели.

Осенью 94-го исполнился 41 год нашей свадьбы. Это совпало с драматическим развитием событий в России. Время не располагало к празднеству. Посидели, поговорили. И вспомнили, как после свадьбы мы встречали новый, 1954 год в Колонном зале. Гремела музыка. Нам так было хорошо, что ничего и никого вокруг не замечали. В какой-то момент нас так увлек вальс, что мы и не заметили, как остались одни. Да, грустно — годы уходят.

Глава 14

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА

Выборы

Если попытаться коротко охарактеризовать смысл политической реформы, как она была задумана и проведена, то можно сказать, что это — передача власти из рук монополюно владевшей ею коммунистической партии в руки тех, кому она должна была принадлежать по Конституции, — Советам через свободные выборы народных депутатов. И вполне понятно, что успех или неудача реформы, особенно на ранних ее этапах, всецело зависели от отношения к ней самой КПСС, которая, по существу, должна была добровольно расстаться с собственной диктатурой. Это была дьявольски сложная политическая операция, болезненная и особенно тяжелая, можно сказать, со «смертельным исходом» для слоя партийной номенклатуры. «Отречение от престола» грозило ей постепенной утратой привилегий, которыми она пользовалась, переходом из разряда сильных мира сего в разряд обычных граждан.

Вполне понятно, что партийно-государственная бюрократия должна была встретить это нововведение в штыки. А поскольку в то время в ее распоряжении все еще оставались основные рычаги власти, было только два средства обеспечить успех реформы. Организовать мощное давление на партийно-государственную бюрократию со стороны большинства общества, решительно настроенного на радикальные перемены. А с другой стороны, ослабить сопротивление верхушечного слоя тактическими маневрами, отсекая наиболее консервативную его часть, втягивая в преобразование людей, способных мыслить по-новому. Без политического маневрирования могущественная бюрократия, формировавшаяся в рамках тоталитарной системы, никогда не позволила бы отобрать у себя власть.

Я хочу привлечь внимание читателей к этому обстоятельству, потому что именно оно было предметом частой и безжалостной критики по

моему адресу со стороны демократов. Да и не только демократов, но и ближайшего моего окружения. Уж как меня ни укоряли, что я якобы остаюсь в глубине души партократом, не могу вырвать из сердца привязанности к людям из партноменклатуры, среди которых провел многие годы своей сознательной жизни, не в состоянии избавиться от присущих им стереотипов мышления. Сам я это оцениваю по-другому. Причина недостаточно быстрых кадровых решений в ряде случаев кроется в моем стремлении избежать «открытого бунта на корабле», который мог привести к поражению политической реформы уже на ранних ее этапах.

Пожалуй, вся эта материя нагляднее всего обнаруживалась в эпизоде с так называемой партийной сотней. И тогда, и сейчас я убежден в правильности того, что на 100 мест от КПСС были выдвинуты ровно 100 кандидатов. Нельзя было допустить, чтобы оказались забаллотированными некоторые члены тогдашнего партийного руководства. Это сразу перевело бы их в стан скрытых или открытых противников преобразований, могло серьезно осложнить обстановку. Не меньшие негативные последствия имело бы неизбрание в депутаты включенных в список для голосования Чингиза Айтматова, Святослава Федорова и других представителей творческой интеллигенции, активно поддерживавших перестройку.

Наша оценка показала, что, если бы в кандидатский список были внесены, скажем, 103-105 фамилий, наибольшее число «черных шаров» получили бы Лигачев, Ульянов и Яковлев. Будь список увеличен на 10 кандидатов, не прошло бы большинство членов Политбюро — Слюньков, Никонов, Медведев, Зайков, Примаков, а вместе с ними известные писатели — Чингиз Айтматов, Даниил Гранин. А дальше имели шансы остаться за бортом и Генеральный секретарь с Председателем Совета Министров СССР.

Кстати, каждому из них не стоило большого труда подобрать себе место, где ему было обеспечено доброжелательное отношение избирателей. Но это шло бы вразрез с замыслом, согласно которому партию как общественную организацию должны были представлять те самые 100 депутатов, избранные по партийному списку. Признаюсь, вначале и я сам колебался — как поступить? Но по размышлении пришел к выводу, что генсек должен идти в парламент не в личном качестве, а именно как руководитель партии.

И еще. Процедура выборов на январском Пленуме ЦК (1989 г.) не исключала возможности отвести или забаллотировать того или иного кандидата. Так что демократические принципы вовсе не были в данном случае попорчены.

Раз уж речь пошла о «красной сотне», как ехидно окрестили ее в некоторых демократических изданиях, не могу обойти вопроса о пря-

мом представительстве общественных организаций в парламенте, тем более что он долгое время был притчей во языцех. Критика, порой резкая, на этот счет шла оттого, что наши оппоненты не давали себе труда по-настоящему подумать над мотивами этого решения. Я же считал тогда его необходимым и остаюсь при этом мнении сейчас.

Разумеется, с точки зрения формальной «корпоративное представительство» по заранее выделенным квотам небезупречно. Депутатские мандаты в данном случае не проходят апробации народного волеизъявления. Но следует иметь в виду, что таким образом получила свои мандаты лишь сравнительно небольшая часть депутатского корпуса. Да и метод этот с самого начала задумывалось использовать в разовом порядке. Позднее соответствующая формула была откорректирована в Конституции.

Так что о каких-либо нарушениях демократических принципов говорить не приходится. Зато какие важные задачи удалось решить таким способом. Ведь надо отдавать себе отчет, что при том уровне политической культуры и всеисилии номенклатурных кадров, которые существовали в то время, многие активные сторонники перестройки, особенно из числа научной и творческой интеллигенции, имели мало шансов быть избранными. Значит, парламенту нового созыва грозило оказаться не впереди, а позади быстро прогрессирующих политических воззрений общества, стать не тягачом, а тормозом реформ. Прямое представительство общественных организаций позволило ввести в депутатский корпус сравнительно небольшую, но чрезвычайно важную для становления будущего парламента группу влиятельных демократических деятелей, прошедших через списки профсоюзов, комсомола, женских организаций, творческих союзов и научных ассоциаций. Для наглядности приведу один пример. Едва ли нужно говорить о том, какую роль сыграл на съездах народных депутатов академик Сахаров. А избран он был от научных ассоциаций. Там же получили депутатские мандаты некоторые другие видные ученые, не прошедшие по основному списку Академии наук.

Помимо этого главного обстоятельства квоты для общественных организаций имели и другой важный смысл. В условиях, когда мы еще не подступали даже к формированию многопартийной системы, эта мера позволяла до некоторой степени «структурировать» будущий парламент. Конечно, депутатские группы общественных организаций не могли заменить партийные фракции, но на первых порах с ними связывались голос, настроение, воля того или иного социального слоя. Ну а с формированием Межрегиональной группы начали образовываться и зародыши будущих партий, вступающих в соперничество с КПСС.

Уже ход избирательной кампании показал, что мы оказались в совершенно незнакомой обстановке. Шла жесткая борьба за средства

массовой информации, в особенности — за время в телевизионных программах. Развернулась острая, временами выходящая за грань приличия полемика в печати, на встречах с избирателями. Наружу выплыло и много горького, и много ранее неизвестного. У некоторых членов руководства все это вызывало раздражение и тревогу, панические настроения. Я же радовался, что нам удалось разбудить общество, сделать то, чего мы добивались все предшествующие годы перестройки, — включить народ в политику. Свободные выборы открыли много новых интересных людей, прояснили позиции социальных слоев, о которых, оказалось, у нас были весьма превратные представления.

Парадокс заключался в том, что среди депутатов оказалось 85 процентов членов КПСС (в старом составе Верховного Совета — примерно половина), а ее верхний, руководящий слой воспринял итоги выборов как поражение партии. То обстоятельство, что избиратели «посмели» отдать предпочтение «кому-то», забаллотировав таких деятелей, как, скажем, первый секретарь Ленинградского обкома, кандидат в члены Политбюро Ю. Соловьев, привело некоторых в состояние шока, воспринималось как конец света. Правящая элита настолько «приросла» к руководящим креслам, так была самоуверенна, что не допускала отрицательного для себя исхода голосования.

По завершении выборов мы собрались на заседание Политбюро (28 марта 1989 г.). Настроение у большинства было угнетенное, в воздухе висело — провал. Я оценил выборы как крупнейший шаг в осуществлении политической реформы, которую мы предопределили своими решениями. Через выборы общество выходит на новый уровень, устраняется разрыв между конституционными нормами и политической практикой. Власть приобретает в полной мере легитимный характер — это само по себе огромное достижение.

Говоря все это, я чувствовал, что далеко не все мои коллеги согласны с такой оценкой. Некоторые были настолько «заведены», что не могли себя сдерживать по ходу моего выступления. В спокойном тоне я сделал замечание: «Если кому-то тяжело здесь находиться, можно и выйти». Не скажу, чтобы наступила гробовая тишина, но собрание сразу успокоилось. Партийная дисциплина взяла свое, хотя многие сидели хмурые.

Я продолжил свой анализ, отметив, что выборы прошли для партии успешней, с меньшими потерями там, где люди ощутили реальные плоды перестройки. На Северном Кавказе, Ставрополье, в центрально-черноземных областях до 90 процентов голосовавших поддержали кандидатов, выдвинутых местными партийными органами. Сказалось и отношение к лидерам. Тем, кто пользуется уважением за внимание к нуждам людей, нетерпимость к негативным явлениям, избрание было обеспечено.

Общая же картина непростая. По итогам выборов мы должны оценить деятельность партийных и хозяйственных кадров. Особенно в Москве и Ленинграде, где мы столкнулись с неудовлетворенностью населения тем, как идет перестройка, решаются жизненные проблемы. Это серьезный сигнал для правительства и ЦК, не говоря уже о горкомах и райкомах.

Мы не имеем права отвергать с порога критику, которая раздавалась по адресу руководства в ходе избирательной кампании. Она ведь во многом справедлива. Тяжелое положение в экономике в немалой мере вызвано огромными расходами, которых требует ликвидация последствий аварии Чернобыльской АЭС, землетрясения в Армении, затеянной не нами авантюры в Афганистане. А также и тем, что мы не сумели выбрать оптимальную экономическую политику, усугубили ситуацию на рынке, в финансовой сфере и только теперь начали во всем этом разбираться.

У людей плохое настроение не из-за происков «Огонька», «Московских новостей» или Ельцина. Многие могло бы выглядеть по-другому, если бы партийные и властные структуры на деле перестраивались, были ближе к людям, внимательней к их нуждам. На всех направлениях мы отстали, народ нас опережает, партии приходится оправдываться только тем, что она все начала.

Положение партии тогда не было безнадежным. Были и возможности, и запас времени, чтобы преодолеть психологический шок от расставания с незыблемой монополией власти. Добиться поддержки народа уже не ссылками на Октябрьскую революцию и Отечественную войну, а эффективной политикой, гарантирующей демократию, гражданские права, высокий уровень и качество жизни. Я верил, что такое преобразование КПСС возможно. А как были настроены мои товарищи по партийному руководству, что их больше заботило?

«РЫЖКОВ. В Москве не из-за дефицита мяса Ельцину отдали 90 процентов голосов — мясо в столице есть. Мы получили страшное наследство, но и сами допустили ошибки. Ничто не потеряно, у нас сильная партия, сильное государство... Обращаю внимание членов Политбюро, что газеты ЦК выступают против ЦК.

ВОРОТНИКОВ. Не дать поколебаться тем из актива, кто не избран, чтобы они не почувствовали, что к ним изменилось отношение. Закон о выборах требует исправления. На местах также возмущены поведением средств массовой информации, которые формируют негативное отношение к партийным кадрам. Не прошли 14 командующих военными округами.

ЩЕРБИЦКИЙ. Рассмотреть в партийном порядке тех членов КПСС, кто в ходе избирательной кампании занимал антипартийные позиции.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Надо приветствовать всех избранных. От прошлого отмежевываться. Без этого не спасти авторитет партии. Выборы проходили на переходном этапе. Народ еще не получил материальных плодов перестройки, а то, что завоевано в области других ценностей, воспринимается неоднозначно. Мы не сумели использовать то, что завоевано в ходе перестройки, в частности достижения во внешней политике. Беспокоят выборы в республиках.

ЛИГАЧЕВ. Мы допустили серьезный политический просчет. Я имею в виду Прибалтику, там выбрали не тех. Перестройка вызвала противоречивую реакцию в обществе, отсюда голосование против партийных, хозяйственных и военных работников. Главная причина в том, какую позицию занимали средства массовой информации в отношении истории партии, партийной работы. Негативную позицию накапливали в сознании людей. Это очень опасно. Мы должны помнить, что в Венгрии и Чехословакии в 1968 году все начиналось со средств массовой информации... СМИ концентрируют критику на злоупотреблениях, на взятках. Это правильно. Но заодно шельмуют всех руководящих работников. Дисциплина в партии сейчас хуже, чем в беспартийной среде.

МЕДВЕДЕВ. Многое пустили на самотек. Секретари обкомов и райкомов боролись между собой за депутатские места. Преобладает критический настрой не в отношении перестройки вообще, а того, как она идет. Мы раскритиковали все в прошлом, но не преодолели элементов командно-административной системы. Не может быть такого, чтобы пресса думала одно, а народ другое. В Венгрии, Чехословакии был общий кризис, оттуда взялись и оппозиционные журналы. Хотя, согласен, пресса не должна поддаваться нездоровому настроению. С ней нужно работать.

СОЛОВЬЕВ. В Ленинграде все семь партийных руководителей, представители административных и военных кругов не прошли. Есть у нас противники, и мы их недооценили. Они работали по месту жительства, а мы лишь внутри коллектива. Не только некоторые средства массовой информации, но даже «Правда» и «Известия» нанесли удары по партийным руководителям, вели дело тенденциозно. Партию так замазали с головы до ног, причем все ее поколения, что это не могло не сказаться на настроениях избирателей. Избирательная кампания показала, что идет борьба за власть.

ЧЕБРИКОВ. Тех, кто потерпел поражение, сохранить и поддержать. В Армении пикеты были у избирательных участков, составлялись черные списки. Прибалты разъезжали по всей стране, агитировали против партийных кандидатов, аж до Якутска добрались.

ЗАЙКОВ. МГК и райкомы оказались в опале. Кто выступал в поддержку партийной платформы, сразу проигрывал. Значит, по сущест-

ву, настроение было против власти. Райкомы не могут работать. Надо потребовать от средств массовой информации прекратить дискриминацию партаппарата. Имели место посягательства на флаг, на гимн. Появились трехцветные флаги. Коммунисты требуют съезда КПСС.

ПУГО. Нападок на партию много. Есть опасность, что итоги выборов начнут изображать как поражение КПСС. Надо не допустить, чтобы такая оценка стала гулять. Партийные организации не растут, идет отток из партии. Муссируется тема многопартийной системы. В Прибалтике народные фронты добились всего, чего хотели. Предстоит националистический август.

ЯКОВЛЕВ. Ни о каком поражении речи идти не может и не должно. 84 процента избирателей пришли голосовать, и избрано 85 процентов коммунистов. Это референдум за перестройку. Немножко мы испугались. На самом деле советский народ проголосовал против застоя и командно-административной системы, против бесхозяйственности и разгильдяйства. Выборы — демонстрация верности демократическому социализму и доказательство того, что в условиях однопартийной системы возможна демократия. Есть и враждебные силы. Не думаю, что голосование было против партии как таковой. У нас эмоциональное отношение к прессе. Меня больше беспокоит другое — когда газета по десять раз пишет об одном и том же, но никакой реакции со стороны партийных и других органов не следует.

РАЗУМОВСКИЙ. 30 секретарей обкомов и горкомов не прошли. В двухстах с лишним округах предстоят новые выборы.

СЛЮНЬКОВ. Идут нормальные процессы. Есть потери, тревога за партию. Мы дали возможность изображать дело так, что она виновата во всем. Средства массовой информации мало показывают положительного, что сделано в ходе перестройки. А перед выборами была задержана выдача зарплаты. С товарами особенно плохо было в эти дни.

МИРОНЕНКО. Нельзя политику обижаться на свой народ. Многие партийные комитеты оказались просто не готовы работать широким фронтом. Сказалась привычка командовать через орготделы, остались методы прямого руководства комсомольскими организациями со стороны райкомов.

ЛУКЪЯНОВ. Пятая часть секретарей партийных организаций не прошла. Замечен резкий рост уравнилельных настроений. На этой волне паразитируют демагоги плюс идет массированная атака СМИ на партийное руководство, а теперь разговоры, что ЦК, мол, бросил партийные организации на произвол судьбы, отдал секретарей парткомов, обкомов на съедение демагогам. Существенно, что большинство военных голосовало против партийных секретарей. Надо поддержать тех, кто не прошел.

МАСЛЮКОВ. Надо настраивать людей на то, что неизбежны инфляция, рост цен, трудности с продовольствием, замораживание зарплаты. Чтобы оздоровить финансовую систему, нужны драконовские меры. И товары, хотя бы на 50 миллиардов. Машиностроение и оборонка на 40 процентов увеличили производство товаров для народа. Надо через год-полтора по отдельным видам решить эту проблему, и так обещать народу».

Думаю, этих выдержек достаточно, чтобы получить представление о настроениях тогдашнего руководства. Уже определились в его составе левое и правое крыло, хотя до прямой полемики и открытого разрыва еще далеко. Одни видят в выборах победу демократии, другие — поражение партии. У первых преобладает стремление двигать реформы вперед, у других все сильнее дает о себе знать ностальгия по прежним порядкам. Для одних критические выступления прессы — нормальное проявление гласности и повод для размышлений о допусках ошибках, для других — нетерпимое своеволие, клеветническая кампания антипартийных и антисоветских элементов.

Из своего заключительного слова приведу лишь одну выдержку: «Партия нарастила свой авторитет через политику перестройки не угрозой и страхами, а тем, что она пошла открыто к народу и сама вызвала критику на себя. Теперь надо завоевывать авторитет на другом этапе — когда решаются практические дела, и никаким «затыканием рта» его не завоеешь. Выборы показали, что перестройка нуждается в защите. Но защитить перестройку можно лишь ее углублением и развитием. Главное сейчас — практическое дело. Нельзя заикливаться на самоанализе, предаваться «самоедству». Мы должны дать почувствовать людям, что реагируем на болевые моменты критики с их стороны и готовы действовать уверенно, спокойно. С этим идти и на съезд».

Авангард откатывается в арьергард

Все чаще звучала мысль, что выборы отразили новые реальности, КПСС отстает от жизни, а партийная номенклатура становится тормозом реформ.

Действительно, в своих поездках я все больше чувствовал, что управленческие и партийные структуры нажимают на тормоза. Перемены воспринимали как угрозу быть оттесненными от власти и делали все, что могли, чтобы этому помешать. В этом и был просчет: надо было менять стиль, делать дело, быть ближе к людям. А они продолжали править, отсиживаться в кабинетах. Копить злобу, поскольку мною было сказано в открытую на всю страну (а уж на закрытых встречах тем более): те, кто не хочет перестраиваться, идти в ногу с жизнью, останутся на обочине. Выборы показали, «по ком звонит колокол».

Признаюсь, я тяжело переживал то, что обнаружившееся «недомогание» партии перешло в неизлечимую болезнь. Будучи зачинщиком перестройки, видя главное дело жизни в демократизации нашего общества, я в то же время как Генеральный секретарь КПСС был обязан и искренне хотел, чтобы партия возглавила этот процесс, не становилась в оппозицию к нему. Казалось бы, для этого было сделано немало.

После XXVII съезда трижды сменился состав райкомов и горкомов, практически полностью обновились советские органы. После январского Пленума ЦК 1987 года произошла смена первых секретарей на альтернативных выборах, многие «старожилы» ушли на пенсию. Но у руля становилась вторая, третья или даже четвертая «команда», а дело шло по старинке. Так сильна была закваска. Так прочно вбивались в головы догмы марксизма в упрощенной сталинской интерпретации.

Выборы выявили, что авторитет КПСС упал сразу же, как только ее перестали бояться, поверили, что господство партии больше не подкрепляется насилием. С этого момента люди оказывали доверие коммунистам уже не как представителям могущественной властной структуры, а как личностям. Хороший ты человек, порядочен, умеешь работать — поддержим. Партийная масса стала отделяться от партийной бюрократии. И вот поразительный результат: в распоряжении местного начальства практически все газеты, радио, телевидение, транспорт, армия агитаторов, кабинеты, дома культуры... а оно сплошь и рядом терпит поражение от вчера еще никому не известных людей.

Я рассказал о почти единодушном мнении членов Политбюро — не делать оргвыводов из неудачи партийных руководителей на выборах. Но партийное товарищество или человеколюбие не могут долго противиться суровым жизненным реалиям. Приговор избирателей для многих оказался окончательным и не подлежащим обжалованию в ЦК. Даже при том, что Москва не требовала немедленной отставки провалившихся на выборах партработников, они вынуждены были один за другим уходить сами — по требованию коммунистов, под давлением общественности, из чувства самосохранения.

Встал вопрос и о серьезном обновлении состава Центрального Комитета. После XXVII съезда прошло не так много времени, но многие члены ЦК оказались уже вне активной деятельности, перешли на пенсию (из 303 членов ЦК — 84 пенсионера, из 157 кандидатов в члены ЦК — 27). С другой стороны, на руководящие должности было выдвинуто много людей, не входивших в высший орган КПСС.

Разумно было обновить состав ЦК за счет кандидатов, а также кооптации. Сначала я провел беседу с бывшими членами Политбюро (остававшимися в ЦК), потом встретился со всеми членами ЦК, вышедшими на пенсию. Изложил им ситуацию и деликатно, в форме совета, подвел к пониманию того, что нужно дать дорогу вновь пришедшим

партийным руководителям и активистам. Должен сказать, «старики» встретили это с достоинством, никто не сетовал. Они и сами отдавали себе отчет, что пора уходить на покой. К тому же мы вовсе не хотели лишать этих людей, много поработавших на страну, участия в делах. Предполагалось включить некоторых в состав созданных при ЦК комиссий, привлечь других для совета, чтобы использовать богатый жизненный опыт и поддержать морально.

В общей сложности ушло 100 с лишним человек, и это позволило перевести в члены ЦК большую группу кандидатов. А вот с кооптацией ничего не получилось. Лигачев и другие стали убеждать меня, что она неприемлема, в условиях развивающейся демократии надо строго соблюдать принципы, это будет отрицательно воспринято коммунистами и т.д. Признаюсь, у меня к тому же не было уверенности, что мы сумеем сделать правильный выбор — начнутся споры в Политбюро, каждый постарается продвинуть своих фаворитов.

Короче, решили отказаться от кооптации, и это, конечно, была ошибка. Тогда ведь и можно, и нужно было ввести в состав ЦК принципиальных сторонников курса на углубление реформ, сделав таким образом решительный шаг к перестройке самой партии. Во всяком случае, резко изменилось бы соотношение прогрессивных и консервативных сил в высшем партийном органе, иной была бы атмосфера на пленумах.

Обсуждалась перед Пленумом и целесообразность коллективной отставки Политбюро с последующим избранием нового руководства. Рыжков не то что выступил с таким предложением, а просто предупредил, что этот вопрос может быть поднят и Генеральному секретарю надо быть готовым. Я считал, что сейчас не время для рискованных экспериментов. При тогдашнем составе ЦК было бы наверняка избрано более консервативное Политбюро. В нем не было бы Яковлева, Медведева, наверное, Шеварднадзе, не исключено, и генсека.

Пленум состоялся 25 апреля.

Речь об отставке Политбюро на Пленуме не заходила, а вот тревожные настроения партноменклатуры выразились в полной мере. Прямой или косвенной темой выступлений были, разумеется, прошедшие выборы. У одних просто прозвучало разочарование их итогами для партии и себя лично. Другие говорили об этом в явно обвинительном тоне по адресу руководства, которое «довело до такого безобразия» своими экспериментами с демократией. Самым резким было, пожалуй, выступление Александра Мельникова — заведующего строительным отделом ЦК. У меня было о нем мнение как о человеке думающем и волевом, склонном к нововведениям. Может быть, эти оценки и были верны в общепринятой тогда системе координат, но они, увы, утратили силу в радикально изменившихся обстоятельствах.

Ведь и немало других партийных руководителей выглядели отчаянными новаторами в 70-е годы. Поэтому Брежнев и Капитонов предпочитали «засылать» их подальше от Москвы, а с приходом Андропова и Горбачева этих «возмутителей спокойствия» начали призывать в руководство партией. Но постепенно стало обнаруживаться, что их новаторство носит, так сказать, внутрисистемный характер, не смеет выйти за установленные пределы и поставить здравый смысл выше догмы.

Честно скажу, я слушал Мельникова с удивлением и досадой — как раз потому, что не ожидал от него такой, позволю себе грубоватое выражение, твердолобости. Правда, он еще не набрался духа обвинить меня и моих соратников в предательстве — в этом наши фундаменталисты будут упражняться несколько позднее. Но прозрачно обвинил руководство в том, что оно ведет партию к краху, поскольку изолировано от народа и занято прожектерством, не знает, чем живет страна, что делается на местах. Это прямо перекликалось с тем, что говорил Лигачев на Политбюро, — думаю, что и выступление Мельникова было подготовлено не без участия Егора Кузьмича. Позднее он этим занимался (в духе худших старых традиций) основательно, чтобы организовать критику генсека «снизу».

Перед Пленумом, на Политбюро, было решено дать более подробную, чем обычно, информацию о его работе. А тут мне пришло в голову, что как раз сейчас надо довести до общества полный «расклад сил» в партийном руководстве: пусть люди знают, кто есть кто. Это не было внезапным импульсом, я давно склонялся приподнять завесу секретности, отделявшую власть от народа. В данном же случае позиция ретроградов в ЦК меня подтолкнула внести предложение о полной публикации дискуссии на Пленуме.

Послышались голоса одобрения, но было заметно, что большинство встретили это без восторга. Не только потому, что агрессивным выступавшим секретарям не очень хотелось попасть «на язык» демократической прессе. Для многих это было равнозначно отказу от одной из наиболее важных привилегий партийной верхушки. Но и выступить против никто не посмел. Была, правда, внесена поправка: опубликовать с комментарием. Нет, возразил я, без всяких комментариев, пусть люди сами думают, да и пресса откомментирует. Мой расчет оправдался: в обществе увидели реальную картину положения вещей в ЦК КПСС и в какой обстановке приходится работать генсеку.

Как водится, итоги Пленума обсуждались на заседании Политбюро. Все оценили их положительно, хотя было очевидно, что определившиеся в составе руководства группировки вкладывают в свое одобрение неоднозначный, если не полярный смысл. Лигачев предложил даже организовать в партии кампанию по обсуждению итогов Пленума, явно

рассчитывая приструнить сторонников «демократической платформы», укрепить дисциплину, под которой прежде всего понималось безусловное послушание партийным лидерам и аппарату. А вот Шеварднадзе, выражая удовлетворение «состоявшимся на Пленуме прямым разговором», добавил, что ушел с него с чувством серьезной озабоченности. «У нас не сформировались кадры новой формации. Настроение партийного актива настораживает, его надо менять. Мы не услышали серьезной, продуктивной программы действий. Не было конструктивных планов, кроме одного-двух выступавших. Все валили на центр, на перестройку. Неформалы опережают кадры, они ведут конкретную работу со школьниками, студенчеством, даже с националистами. Идет реальная политическая борьба, а наши работают с картонными активистами. Общество настроено радикально. Надо спорить, доказывать, или придется сажать. Вот требуют исключать тех, кто выступил как-то не так, а это же тысячи людей!..»

Выступил с пространным заключением и я. Предстояло ведь с этим составом руководства готовить XXVIII съезд, а это требовало если не «благостного» идейного единства (такого не было никогда, тем более теперь), то, по крайней мере, согласия о программе действий на ближайший период. Я и постарался ее сформулировать в общих чертах, исходя из того, что уже было продумано в плане подготовки к Первому съезду народных депутатов. И подчеркнул, что для партии сейчас главное — помогать решению практических проблем, овладеть новыми методами, «идти в народ», на митинги, не отсиживаться в кабинетах, учиться работать в условиях демократии.

«Перешагнув» через Пленум, надо было двигаться дальше, готовиться к незаурядному событию в жизни страны — Первому съезду народных депутатов после первых свободных выборов. Спустя два дня после Политбюро, 27 апреля, я собрал «узкий круг», чтобы еще раз продумать все детали. Тут ведь дело не сводилось к написанию речей, нужно было выступить с концепцией формирования новой власти. И не просто заготовить проект закона, который будет, как в прежние времена, без всяких «выкрутас» единодушно проголосован «дисциплинированными депутатами». Мы уже знали, что с самого начала придется столкнуться с напористой оппозицией, которая воодушевлена своим несомненным успехом на выборах и будет рваться в бой. А как поведет себя основная масса депутатов — полной ясности не было.

Уж не помню, кто первым об этом сказал, но все поддержали: *отныне съезды народных депутатов, а не съезды КПСС становятся главными политическими форумами, определяющими жизнь страны.* Это был крутой поворот, настоящая смена вех, за которой должна последовать постепенная замена старых институтов власти, да и ее символики.

Рождение парламента

25 мая 1989 года. 10 часов утра. Кремлевский Дворец съездов заполнен до предела. Сцена, как всегда, украшена огромным панно с портретом Ленина. Множество знакомых лиц в партере, в ложах для дипломатов и журналистов. Жужжат телекамеры, все рутинно и привычно. Новшество: члены Политбюро сидят среди других народных избранников. А те из них, что остались без мандатов, — среди гостей, как простые смертные. И открывает съезд не Генеральный секретарь ЦК КПСС или Председатель Президиума Верховного Совета, а председатель Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов В.П.Орлов.

Но все же пока еще мало что изменилось.

Это впечатление закрепляет вступительная речь Орлова. Председатель центризбиркома говорит о новых явлениях старым слогом. Звучат стандартные «возвышенные» выражения: «Широкая, невиданная доселе гласность», «Бурный рост политической активности трудящихся», «Перестройка стала общенародным делом, советские люди высказались за ее дальнейшее углубление», «Выборы стали шагом принципиального значения, продвинули наше общество по пути, намеченному XXVII съездом партии и XIX Всесоюзной конференцией КПСС», «Народ видит в партии Ленина силу, способную сплотить советское общество», «Более мощного общенародного референдума в пользу Коммунистической партии, ее курса на обновление у нас еще не было».

Сидя в первом ряду, я слышу сзади, где расположились депутаты от Москвы, шорохи, перешептывание, люди явно начинают раздражаться, не такого начала ожидали от открытия съезда. Корю себя за то, что не придавал значения этой немаловажной детали. Но особенно задумываться над всем этим не пришлось. Едва только объявлено открытие Съезда народных депутатов, как течение его пошло уже не по заготовленному сценарию. Первое незапланированное выступление: на трибуне врач из Риги В.Ф.Толпежников, и зал встает, чтобы почтить память погибших в Тбилиси. Эмоциональная сцена сразу переводит стрелки политического времени в новое измерение. Теперь уже все отдают себе отчет, что наш государственный корабль, долгие годы пришвартованный к одному и тому же причалу, тронулся в неизведанное плавание.

А курс ему прокладывали не только «лоцманы» со Старой площади и Кремля. Это выявилось уже при обсуждении повестки дня. Оппозиция устами своего лидера Сахарова потребовала сменить порядок обсуждения названных в ней вопросов: сначала отчетный доклад Председателя Президиума Верховного Совета, обсуждение ситуации в стране,

а потом уже выбор нового главы государства и состава Верховного Совета.

Вот что сказал тогда Андрей Дмитриевич: «Я неоднократно в своих выступлениях выражал поддержку кандидатуре Михаила Сергеевича Горбачева. Этой позиции придерживаюсь и сейчас, поскольку не вижу другого человека, который мог бы руководить нашей страной. Но это я не вижу в данный момент. Моя поддержка носит условный характер. Я считаю, что необходимо обсуждение, необходим доклад кандидатов, потому что мы должны иметь в виду альтернативный принцип всех выборов на данном съезде, в том числе и выборов Председателя Верховного Совета СССР. Я говорю слово «кандидатов», хотя считаю вполне возможным, что других кандидатов не будет. Михаил Сергеевич Горбачев, который был родоначальником перестройки, с чьим именем связано начало процесса перестройки и руководства страной на протяжении четырех лет, должен сказать о том, что произошло в нашей стране за эти четыре года. Он должен сказать и о достижениях и об ошибках, сказать об этом самокритично. И от этого тоже будет зависеть наша позиция».

Бросается в глаза известная противоречивость: с одной стороны, Сахаров признает, что других кандидатов в этой обстановке может и не быть, а с другой — настаивает на том, чтобы сначала выслушать мой отчет и дать ему оценку. В первый момент мне подумалось, что это продиктовано стремлением с самого начала ввести работу законодательного органа в русло твердой демократической процедуры. Но, поразмыслив над позицией наших радикалов, я пришел к выводу, что здесь гораздо существенней другой мотив — навязать свою программу действий.

Догадываюсь, что, пребывая в состоянии эйфории после первого своего большого успеха на выборах, основатели демократического движения, еще недавно ходившие в прорабах перестройки, были раздосадованы, а в некотором роде и оскорблены тем, что я не откликнулся на их призывы. Должно быть, они рассуждали примерно так: «Хватило его на первый рывок, и только». Во всяком случае, мне этого отказа не простили, и очень скоро я почувствовал это по остроте и неприличию нападок на себя по всякому поводу и без повода.

А между тем дело было, конечно, не в ограниченности моей программы или приписываемой мне личной нерешительности как политика. Идя на самые крутые преобразования, я ни на минуту не допускал, что в их результате, упрощенно говоря, на смену господства «красных» придет господство «белых». Весь смысл реформ виделся мне как раз в том, чтобы покончить с самим принципом классовой диктатуры, окончательно закрыть семидесятилетний раскол нашего общества. Вырвать корни глубокого гражданского конфликта, создать конституци-

онные механизмы, при которых отношения между социальными слоями и людьми выясняются не с помощью мордобоя и кровопролития, а через политику.

Кроме того, нельзя забывать, что я был Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии. Миллионы людей доверили мне этот пост, и было бы непорядочно, нечестно, даже, если хотите, преступно перебежать в другой лагерь. И тогда, в качестве Председателя Верховного Совета, и позднее, будучи уже президентом, я считал делом принципа продвигать реформы не путем насилия одной части общества над другой, а путем консенсуса. На худой конец, приемлемого для основных политических и социальных сил компромисса.

Стихийное «партийное структурирование» съезда началось задолго до его начала, практически сразу же после выборов. С одной стороны, сгруппировались радикально настроенные депутаты от интеллигенции, главным образом московской и ленинградской. Организационным зародышем этой фракции стал «Мемориал», позднее она назвала себя Межрегиональной депутатской группой, а затем из нее выросла «Дем-россия». Признанным вождем этой партии на первых порах был А.Д.Сахаров, а главным идеологом Г.Х.Попов. И если в первые дни работы съезда межрегионалы на вопросы дотошных журналистов отвечали о своих программных целях уклончиво, то вскоре, если мне помнится, Попов публично признал, что они рассматривают себя в качестве оппозиции. Правда, при этом не декларировали, по отношению к кому конкретно. Но гадать не приходилось, поскольку КПСС оставалась правящей партией.

Парадокс состоял в том, что значительная часть депутатов, вошедших в Межрегиональную группу или тянувшихся к ней, ходивших на ее заседания, не оформляя официального своего членства, состояли в КПСС. За исключением Сахарова, членами партии были практически все лидеры межрегионалов: Попов, Афанасьев и другие. Так что разделение на правящее большинство и оппозицию в парламенте произошло на очень «размытой» основе, и это доставило массу неудобств. Цековский аппарат, да и большинство членов руководства не сразу осознали, что нам придется действовать в совершенно новых обстоятельствах, нужно переучиваться, решительно отказываясь от прежних правил игры. Некоторые исходили все еще из традиционного представления о «блоке коммунистов и беспартийных». Рассуждали так: среди депутатов в процентном отношении подавляющее большинство членов КПСС. Раз так, достаточно установить строгую партийную дисциплину для проведения любых решений Центрального Комитета. И отделы, недолго думая, предложили собрать съехавшихся в Москву депутатов, тщательно проинструктировать и напомнить, что их партийный долг — голосовать по указаниям ЦК.

Не тут-то было. Еще до того, как депутаты выехали в Москву, обнаружилась неудача попыток инструктировать их в республиканских ЦК и обкомах партии. Члены КПСС, избранные в противовес «официальными кандидатами», попросту не откликнулись на приглашение местного партийного начальства «сверить часы» перед съездом. Более успешными были аналогичные мероприятия на союзном уровне. 3 мая в Моссовете я встретился с депутатами от Москвы. Со мной были Зайков, Лигачев, Воротников, Яковлев, Медведев. Задавали множество вопросов самого различного толка.

Но вот попытка собрать партийную фракцию КПСС оказалась явно неудачной. Надо признать, что ущербным был изначально сам замысел. Ведь если бы мы параллельно с заседанием съезда созывали партийную фракцию, работа высшего государственного органа приобрела бы чисто формальный характер, свелась к утверждению директив, вырабатываемых ЦК и Политбюро.

Поэтому я начал «спускать на тормозах» эту затею. Правда, тогда не исключали, что позднее можно будет организовать нечто вроде клуба депутатов-коммунистов. Такие попытки предпринимались, однако и из этого ничего путного не получилось. Все дело было в том, что партия наша никогда не была в полной мере коллективом единомышленников. При первом же веянии свободы, принесенным перестройкой, в ней громко, иной раз даже воинственно заявили о себе различные, в том числе полярные, политические течения.

Но стержнем борьбы, развернувшейся на съезде, стало не противостояние «послушно-агрессивного большинства» (так окрестил четырех депутатов Ю. Афанасьев) с демократическим меньшинством во главе с «межрегионалами».

Сахарову на его предложение по повестке дня ответил депутат Е.Н.Мешалкин из Новосибирска, директор Научно-исследовательского института патологии и кровообращения. Сославшись на то, что сам академик и его соратники не видят альтернативы кандидатуре Горбачева, предложил сначала провести выборы Председателя Верховного Совета, а затем слушать его доклад. Приступили к обсуждению кандидатов на этот пост, и сразу же на первый план выдвинулся вопрос о возможности совмещения постов Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Верховного Совета СССР. Сейчас эта тема может показаться неактуальной. Тогда это было более чем серьезно. Страна едва избавилась от тоталитарного режима, и буквально все, за исключением закоренелых сталинистов, боялись, чтобы не произошло новой концентрации власти в одних руках. Многие не без основания говорили, что, зная Горбачева, не ждут от него сюрпризов для молодой демократии, которую сам он пестует. Но лучше все-таки застраховаться, мало ли кто может прийти к руководству завтра.

Короче, В.А. Логунов, бывший тогда заместителем главного редактора газеты «Московская правда», предложил, чтобы я сложил с себя обязанности генсека. При этом сослался на то, что в ходе предвыборной кампании было много публикаций и писем граждан в пользу такого решения. Ему возразил В.П.Хмель — строитель из Ангарска, предложивший «голосовать за Михаила Сергеевича Горбачева и за совмещение постов Генерального секретаря и Председателя Верховного Совета». Дальше последовало много коротких выступлений, в которых наряду с поддержкой политики перестройки и похвалой в мой адрес были и критические замечания, советы, пожелания. Много потом судачили о выступлении Чингиза Айтматова. Некоторые его собратья из творческой интеллигенции усмотрели в его речи чуть ли не попытку возродить печально памятную традицию восхваления начальства. Не думаю, чтобы это было справедливо. Кажется, у Маяковского я вычитал фразу: «так боялись прослыть подхалимами, что крыли начальство матом». Вот и у нас, настолько опротивело всем воспевание достоинств Брежнева, что вошло в хороший тон поругивать лидера. Я, впрочем, старался не обращать на это внимания.

Все же позволю себе привести одну выдержку из выступления Айтматова и, честное слово, совсем не потому, чтобы польстить таким образом самому себе. Просто мне кажется, что он с его писательским даром сумел найти точные слова для характеристики того, что у нас произошло. Напомнив, что Верховный Совет с первых дней своего существования оказался у нас «под непосильным прессом авторитарных режимов, низведших роль высшего законодательного органа к формальному придатку партаппарата», он сказал далее:

«Но вот пришел человек и растревожил спящее царство. Пришел он не откуда-нибудь со стороны, а возник в недрах самой этой системы, возможно, как шанс выживания через обновление, ибо с точки зрения исторического состояния застойный период, подобно снежному кому, все больше накапливал в себе разрушительную силу инерции и консерватизма, опасную как для самого общества изнутри, так и для окружающего внешнего мира. Этот человек волею судеб пришел к руководству как нельзя вовремя. Конечно, следуя по стопам предшественников, он мог и не утруждать себя, мог спокойно восседать торжественно в президиумах, зачитывать с трибун писанные секретарями тексты, и все катилось бы по накатанной дорожке. Но он отважился, казалось бы, на невозможное — на революцию умов при сохранении социалистического устройства общества... Он отважился вступить на путь социального обновления и стоит на нем на крутом ветру перестройки».

В отношении «крутого ветра» Айтматов был куда как прозорлив. Впрочем, тогда были еще только первые дуновения. Выдвижение мое прошло гладко, все проголосовали «за», было лишь четверо воздер-

жавшихся. Не обнаружилось и сколько-нибудь серьезных соперников. Самовыдвижение А.М.Оболенского не было принято всерьез большинством депутатов. Он, скорее всего, заручился обещанием «межрегионалов» отдать за него свои голоса. И надо сказать, весь этот эпизод не делает чести оппозиции. Можно было бы понять, если бы она выдвинула в конкуренты Сахарова или Ельцина, на худой конец, популярных тогда Попова и Афанасьева, все-таки эти деятели были известны. Но голосовать за избрание на высший пост в государстве абсолютно никому не известного человека было крайней безответственностью, делом в общем-то постыдным.

А оппозиция не решилась в тот момент оспаривать пост председателя, поскольку подобная попытка была заведомо проигрышной. Поэтому и Ельцин, кандидатура которого была названа Бурбулисом, взял самоотвод. Его, кстати, настойчиво просил об этом депутат А.Крайко.

Правда, выступление Ельцина было двусмысленным. Он напомнил о решениях XIX партийной конференции о совмещении должностей и майском Пленуме ЦК, который рекомендовал Горбачева на пост Председателя Верховного Совета. Сказал и о том, что сам воздержался при голосовании моей кандидатуры, дав понять, что будет выполнять решения Пленума, «поскольку он за перестройку». А в заключение сообщил, что со вчерашнего дня он безработный и мог бы, «работая серьезно и признавая перестройку, согласиться на какое-то предложение».

Итоги голосования объявил председатель счетной комиссии академик Ю.А.Осипьян: за Горбачева — 2123 бюллетеня, против — 87. Таким образом, я был избран Председателем Верховного Совета 95,6 процента голосов, принявших участие в голосовании.

Сердечно поблагодарив съезд, я вернулся к себе в кабинет на Старой площади, где уже ждали помощники, чтобы договориться о докладе. Были, естественно, поздравления, но думали, что сколько-нибудь существенного изменения в моем государственном статусе не произошло. Ну, был Председателем Президиума, стал «просто» председателем. Сам я хорошо понимал значение свершившегося.

Не принесли особых неожиданностей выборы Верховного Совета. В целом на тот момент они были оптимальными. В составе ВС оказалось немало людей, ставших профессиональными парламентариями, сумевших наладить законодательную работу. С этой точки зрения союзный Верховный Совет намного превосходил российский. Во всяком случае, именно этот состав заложил традиции нового парламентаризма у нас в стране и создал правовую базу проводимых радикальных преобразований.

Правда, съезд отклонил кандидатуры некоторых депутатов, которые значились в «прорабах перестройки». Это вызвало бурю негодова-

ния в рядах межрегионалов, грубые нападки со стороны контролируемых ими печатных изданий. Усматривали в случившемся козни номенклатуры, возрождение прежней практики дирижирования Советами и т.д. Во всем этом, однако, не было ни грана правды. Если бы даже парт-аппарат и попытался действовать прежними методами, ему это вряд ли удалось бы. Не таким уже был настрой депутатов. И то, что они забаллотировали наиболее «голосистых» представителей Межрегиональной группы, следует объяснить прежде всего неприятием того высокомерия и откровенных грубостей, с какими некоторые деятели этой группы третировали депутатов из провинции, из районного звена, от станка, с поля.

Что говорить о провинциалах, если досталось и вновь избранному Председателю Верховного Совета: меня обвинили в «манипулировании большинством» за мои старания так вести заседания, чтобы все имели возможность высказаться, а парламентская полемика не переросла бы в потасовку.

Сигнал к ней подал Афанасьев со своим «сталинско-брежневским Верховным Советом». За ним в том же духе выступили Попов, Адамович, а в ответ, не менее яростно, большая группа оскорбленных депутатов. С обеих сторон приводились серьезные, веские аргументы, но к ним в запале добавляли и всевозможные резкости. Урезонивая расходившихся ораторов, я призывал обратить внимание на содержательные доводы, имевшиеся в выступлениях межрегионалов. Что же касается причины их агрессивного тона, то об этом лучше всех сказал тот же Мешалкин, объяснивший выступления Афанасьева и Попова неудовлетворенностью их положением на съезде, тем, что они оказались в меньшинстве, а рассчитывали, что, «как на митингах в Лужниках, они смогут нас всех поднять и немедленно смести все, что им мешает стать во главе съезда».

Скажу откровенно, я считал полезным избрание Ельцина в Верховный Совет. На майском Пленуме он сказал много таких вещей, под которыми я был готов подписаться. Другой вопрос, что за политической программой просматривались непомерные притязания. В результате тайного голосования Ельцина все же забаллотировали. Вот тогда-то депутат из Омска юрист Алексей Казанник предложил передать свое место в Верховном Совете Ельцину. Завязалась оживленная дискуссия, в основном по юридическому аспекту этого необычного шага. В конце концов «рокировка» состоялась.

Новшества

В съездовской суете и суматохе невозможно было проводить заседания Политбюро, но мы встречались неформально накоротке во время перерывов. В комнате, примыкавшей к сцене, подавали чай, кофе, там можно было, так сказать, на ходу обменяться мнениями. Все ощущали

происходящую коренную перемену в привычном порядке вещей. Раньше — поговорили за чаем, и гуськом за генсеком на сцену. А теперь — председатель на сцену, остальные — в зал. Будучи людьми дисциплинированными, коллеги по ПБ не подавали виду, что чем-то недовольны. Но я-то ощущал их плохое настроение. Да и как иначе, если всем уже было ясно, что время партийной диктатуры истекло, утверждается новый политический режим.

Собственно, это и составило стержневую мысль моего доклада об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР. Первая часть носила традиционный характер: оценка положения в народном хозяйстве, в социальной сфере, финансах и т.д. В других разделах я попытался наметить программу глубоких реформ.

В том, что касалось экономики, ставился вопрос о необходимости радикального обновления отношений социалистической собственности и становления полнокровного рынка. Высказывалось мнение, что главными действующими лицами в экономике должны стать предприятия, концерны, акционерные общества и кооперативы. «Для решения общих задач и координации усилий они, видимо, пойдут по пути создания на добровольной основе объединений союзов и ассоциаций, к которым перейдут функции хозяйственного управления, выполняемые ныне министерствами... Такой подход не означает принижения роли государства, если, конечно, не путать его с министерствами, а хозяйственное управление — с государственным руководством. Последние избавляются от функции непосредственного вмешательства в оперативное управление хозяйственными единицами и сосредоточиваются на создании общих нормативных рамок и условий для их деятельности».

Главный смысл политической реформы я определил как реализацию вновь выдвинутого исторического лозунга «Власть Советам!». Реконструкция представительных органов, всемерное расширение их прав и полномочий, безусловное подчинение им аппарата — первое условие возвращения Советам реальных рычагов власти и управления.

Они остаются по сей день нерешенными. Более того, под искусственным предлогом, будто советская форма народного представительства порочна в своей основе и связана исключительно с тоталитарной диктатурой партии, Ельцин в октябре 1993 года подверг разгрому не только и не столько конкретные Советы по всей стране — от Верховного до районных и поселковых. Он разгромил саму представительную власть, или, говоря другими словами, народовластие. Навязанная им Конституция предусматривает настолько убогие и урезанные права и местных представительных органов, и Федерального собрания, что это, разумеется, пародия на демократию. В стране под видом президентской республики восстанавливается на деле даже не конституци-

онная, а абсолютная монархия. Не приходится гадать, что подобная система в конце XX века и при достигнутом уже уровне политической культуры не может долго просуществовать. Она неизбежно вызовет растущее сопротивление, пока народ не восстановит нормальную демократическую республику. И дай Бог, чтобы это произошло без жертв, как в феврале 1917 года.

Что касается сферы национальных отношений, то надо признать: в то время мы еще не были готовы выдвинуть по-настоящему глубокую программу реформы, включающую преобразование унитарного государства в действительно федеративное. Но общее направление было определено. Это — существенное расширение прав союзных и национальных республик, гармонизация отношений между ними и Союзом.

При изложении внешней политики были подтверждены принципы, которые вытекали из нового политического мышления: ориентация на ликвидацию ядерного оружия, недопустимость применения силы и угрозы силы, ставка на диалог и переговоры с целью установления баланса интересов как единственный способ решения международных проблем.

В дискуссии по докладу было высказано немало предложений и дополнений к изложенной мною программе. Но должен сказать, каких-то принципиальных возражений против нее не было. Зато достаточно сильный критический огонь депутаты сосредоточили на практической деятельности властей предрежающих. Смысл их наставлений сводился примерно к следующему: «Вы предложили нам неплохую программу, с ней нельзя не согласиться, но эти слова, задачи и призывы мы слышали многократно, а перестройка идет медленно, дела в стране пока ухудшаются. Теперь у нас создана новая политическая система, давайте же ускорим преобразования и в первую очередь решим насущные экономические и национальные проблемы».

Это свое «послание» исполнительной власти, партии, народу, да и самому себе, съезд закрепил во многих постановлениях.

По моим представлениям были назначены Председатель Совета Министров (Рыжков), высшие должностные лица судебной системы, создана Конституционная комиссия. Казалось бы, тогда сложились необходимые предпосылки для того, чтобы по-настоящему крупно двинуть вперед перестройку, переломить негативный ход событий. Почему же этого не получилось, почему наше движение вперед не ускорились, а в некоторых отношениях началось топтание на месте?

Думаю, причина в том, что дезинтеграционные процессы опережали формирование новых институтов власти и управления. А набиравшая силу радикально-демократическая оппозиция, развернув борьбу против центра и центризма, начала систематически подрывать фунда-

мент власти на путях циничного популизма и разжигания националистических спекуляций. Я не раз буду еще возвращаться к этой теме.

**Два классика:
Леонов и Сахаров** В напряженные дни Первого съезда исполнилось 90 лет Леониду Максимовичу Леонову, и я, испросив приглашение, съездил к нему на квартиру, кажется, на улице Герцена. Там готовились к небольшому застолью, собрались члены семьи, близкие. Это была моя вторая встреча с Леоновым.

В тот день я застал его в активной форме. Меня поразило, как внимательно он следит за всем происходящим на съезде, в курсе предшествовавших ему дискуссий. Даже нюансов, которых я не знал, потому что для этого надо было читать все журналы и газеты или неотрывно сидеть у телевизора. Суждения его отличались глубиной, философской масштабностью.

— Я все время пытаюсь понять, — говорил Леонов, — от чего наши трудности. И вот к чему прихожу. То, что вы затеяли в рамках перестройки, это ведь движение к новым формам общества. Это то, что определит жизнь страны на ближайшие столетия. А люди живут сегодня, у них много острых проблем. И это противоречие между далеко идущими замыслами и нынешней действительностью создает такую атмосферу. Удивляться нечему, да и деваться некуда. Надо цель не терять, но одним светлым будущим не обойдешься.

Это было близко к моим мыслям. Мы и на конференции партийной говорили о том, как важно видеть долговременную цель, не забывая о неотложных проблемах, не принося настоящее в жертву будущему, на чем свихнулись многие революционеры и реформаторы.

С чистым сердцем сказал Леонову, что разделяю его опасения, сам об этом много думаю, стараемся не отрываться от земли. Конечно, от философских бесед до политической практики далеко.

Леонид Максимович говорил, как много значит для нашей культуры гласность. Появилось, конечно, немало мути (не помню точного слова: за смысл высказываний ручаюсь), но, надо надеяться, со временем все встанет на свои места, разум возобладает. Особенно критически отозвался он о так называемой масскультуре, прямо-таки нашествии пошлости и дурного вкуса в прессе и на телеэкране.

Кое-кто распространял слухи, якобы Леонов, признанный глава русской писательской школы, является вдохновителем «славянофильской братии», занимающей крайне консервативные, даже шовинистические позиции. Из наших бесед я вынес совсем другие впечатления. Человек такого ума и культуры не мог опуститься до примитивного национализма, все его суждения были проникнуты гуманизмом. Но при

этом он не избегал резких оценок негативных явлений и в жизни, и в политике, и в литературе.

Да что говорить, среди славянофилов есть такие, кто клянет перестройку, отвергает, по существу, всякие перемены. А Леонов не только свой авторитет на это поставил, но и помогал осмыслить трудности, противоречия, которые приходилось преодолевать. Скажу честно, меня поддержка классика вдохновляла.

Посидели у него часа полтора, вышли на улицу, а там, в переулочке, который соединяет улицы Воровского и Герцена, собрались люди. Была сердечная встреча, спрашивали о съезде, делились мнениями, кто-то даже совет дал:

— Михаил Сергеевич, не поддавайтесь ни правым, ни левым, они доведут до беды.

О ключевых эпизодах работы Первого съезда, его месте в политической реформе я рассказал. Но не могу не сказать о том эмоциональном напряжении, которое вызвала финальная сцена этого форума. Она связана с человеком, который был, бесспорно, самой яркой личностью на съезде, — академиком Сахаровым.

Я, разумеется, слышал об опальном ученом, который смолоду был великим патриотом, а потом «скатился» до диссидентства и антисоветчины. Вместе со всеми возмущался, что он, как сообщали газеты, советует американцам не соглашаться на наше предложение принять обязательство о неприменении ядерного оружия. Да мало ли было других «предательских» поступков, которые пропаганда приписывала Сахарову, используя те или иные его высказывания.

Газеты умалчивали о попытках лишить его звания академика и противодействии этому его коллег. В партийной верхушке их позицию осуждали как проявление «круговой поруки». В разговорах выражали удивление долготерпением руководства, которое терпит «гнусные» заявления мятежного академика и выслало его «всего лишь» в Горький, вместо того чтобы выставить за границу. Впрочем, негодующие успокаивались, когда им напоминали, что Сахаров является носителем сверхценной информации. Не приходило в голову, что если б он решил передать ее на Запад, то нашел бы способ.

У меня иной раз возникали сомнения: может быть, все дело в том, что работники ЦК, которые «ведают наукой», не нашли правильного подхода, не сумели объяснить ошибочность его позиции. Это ведь крупный ученый, важно, чтобы он работал для страны, за таких надо бороться, как боролись в первые послеоктябрьские годы за Павлова, Сеченова, Тимирязева и других корифеев русской науки.

Но, разумеется, это были мысли мимоходом, ни с кем я ими не делился, да и никто моим мнением до поры до времени не интересовался. Впервые серьезный разговор о Сахарове состоялся у меня с Петром

Леонидовичем Капицей. С ним я встречался два или три раза в санатории им. Орджоникидзе в Кисловодске, где он с супругой проводил свой отпуск. Каждая встреча была для меня настоящим праздником. Академик Капица был потрясающе интересным собеседником, доброжелательным и естественным в общении.

Как-то вечером я нанес «визит вежливости» Капице и его супруге. Шел обычный разговор. А поскольку в тот момент в прессе живо обсуждались демонстративные шаги Сахарова, возникла и эта тема. И вот от Капицы, Нобелевского лауреата, одного из авторитетнейших ученых мира, я услышал неожиданные суждения. Весь этот шум вокруг Сахарова, сказал он, в значительной мере спровоцирован неадекватной реакцией со стороны руководства. В том, что относится к физике, это, несомненно, талант, крупнейшее явление, но он не искушен в политике, далек от жизненных реалий. Кроме того, у людей, связанных с закрытыми темами, формируется своего рода комплекс неполноценности, ощущение, что их талант, мысли, взгляды остаются как бы невостребованными обществом, находятся «за семью печатями».

Короче, Сахаров написал письмо руководству. А письмо оставили без внимания, кажется, поручили отделу науки рассмотреть. И это, рассуждал Капица, вызвало обиду, искусственно породило «проблему Сахарова».

Должен сказать, что, критически отзываясь о руководстве, которое так пренебрежительно повело себя по отношению к виднейшему ученому, Петр Леонидович упрекнул и Сахарова за излишние амбициозность и тщеславие.

Став Генеральным секретарем, я счел вызволение академика из ссылки одной из важных своих забот и добился устранения этой несправедливости. Ну а первая моя встреча с ним произошла на форуме, из которого родился Фонд за выживание и развитие, возглавленный Е.И.Велиховым и, кстати, ставший в 91-м году одним из учредителей Фонда Горбачева.

Велихов и его коллеги сидели за круглым столом в Екатерининском зале Кремля. Я пожал всем руки, сел, а рядом со мной или через одного человека сидел Сахаров. Воспользовавшись этой встречей, он в присутствии западных ученых повторил свои требования — положить конец преследованию за инакомыслие и освободить узников совести, передал мне обращение и список. Я взял бумаги и заверил, что они будут самым доброжелательным образом рассмотрены. Сообщил, что после нашего с ним телефонного разговора мною уже даны поручения Чебрикову незамедлительно заняться этим вопросом.

После возвращения Сахарова в столицу президент Академии наук А. Александров при моем поощрении стремился не только создать ему условия для нормальной научной деятельности, но и обеспечить поло-

жение в научном мире, соответствующее его заслугам. Речь шла о введении Андрея Дмитриевича в состав президиума Академии наук СССР. Но это оказалось непростым делом. Ученые, с одной стороны, не позволили исключить его из академии — прежде всего, чтобы не создавать прецеденты. А с другой — многие из них осуждали его политические взгляды и выступления. Попытались не пропустить его и в народные депутаты. Но в конце концов, «со второго захода», он был избран.

Позицию Сахарова в нашем парламенте я оценил бы как преимущественно конструктивную. Он поддерживал и лично Горбачева, хотя, как сам говорил, «условно». Это означало — последовательно идти путем реформ, не уступать правым. При том, что руководствовался Сахаров самыми благородными намерениями, был он политиком «по вдохновению», идеалистом, не всегда точно взвешивал реальные возможности, а также последствия своих действий. Он заявлял о своей приверженности социализму и Советской власти, очищенным от тоталитаризма.

На поступки Сахарова влияло и его окружение, в котором наряду с искренними почитателями и учениками были просто искатели покровительства. Не обходилось без попыток использовать авторитет признанного вождя демократов в интересах той или иной группировки. Но трудно заподозрить, что он был винтиком в чьих-то руках. В этом смысле, между прочим, сам он высказывался о Ельцине, к которому относился негативно, но считал, что без него демократам не обойтись.

Что касается роли Сахарова на съезде, то я бы упомянул три момента. Прежде всего — и это, пожалуй, самое важное — его заявление с требованием принять декларацию о том, что съезд берет на себя всю полноту власти. Преследовалась цель таким образом как бы дезавуировать, «обессточить», лишит властных полномочий и функций все существующие органы, прежде всего партийные. Тут явно просматривалось намерение свести счеты с режимом и одним ударом покончить с монопольным господством КПСС.

Был в этом выступлении некоторый элемент театральности, поневоле напрашивалась параллель со II съездом Советов, принявшим знаменитый Декрет о власти. Но я далек от мысли подозревать Сахарова в расчете встать в «историческую позу». Может быть, такой расчет был в головах у его советчиков.

Предложение Сахарова с самого начала не имело шансов быть принятым. Но оно к тому же выглядело нелогичным с юридической точки зрения. Согласно изменениям, внесенным в Конституцию, Съезд народных депутатов СССР уже получил статус высшего органа власти. Какой же смысл было объявлять об этом вторично?

При том, что требование объявить о «взятии съездом власти» не прошло, я не видел ничего плохого в самом факте его выдвижения.

Оно напоминало и партии и обществу, что начинается новая эра, когда нормы Конституции перестанут быть пустым звуком, а Советы всех ступеней должны реально брать на себя управление страной. А вот дальнейшая повышенная активность Сахарова на съезде начала вызывать досаду, прежде всего за него самого. Уж очень часто рвался он к трибуне, неразборчиво, по пустяковым вопросам расходовал свой авторитет. Порой возникало впечатление, что кто-то сознательно подставляет академика, чтобы принизить его роль.

У меня отношение к нему было самое доброе. Казалось, это уже «новый Сахаров», неразрывно связанный с Горбачевым, вместе с ним олицетворяющий перестройку. А если так, то обесценение его авторитета в какой-то мере обесценивает и нашу политику реформ. Конечно, я не обязан был безоговорочно воспринимать все, что исходило из «демократического угла», но не хотелось и отклонять одни за другими идущие оттуда импульсы. Это могло навести на мысль о необъективности, о том, что председатель склоняется на сторону ретроградов. Но, видит Бог, я всячески хотел продемонстрировать беспристрастность, а Андрей Дмитриевич то и дело «подставлялся», все труднее удавалось мне утихомирить разбушевавшийся зал.

В один из дней съезда я долго работал после заседания в своем кремлевском кабинете. Обговаривали вопросы, которые надо обсудить, план действий на завтра. Выхожу, а мне офицер охраны: «Вас Сахаров ждет в зале заседаний». Уже 10 вечера, действительно, рядом со сценой, в полутьме, при погашенных люстрах, знакомая согбенная фигура.

— Андрей Дмитриевич, что же это такое, уже поздно, я не знал, что вы здесь находитесь.

— Ничего, я решил ждать до победного.

Начали разговаривать. Подробности трудно воспроизвести, но в целом беседа была неплохой. Обменялись мнениями о ходе съезда. Я сказал, что при всех трудностях дело движется, решения принимаются. У него оценки были более критичны: засилье консерваторов на съезде отражает состояние общества, но демократы действуют активно, свою миссию выполняют.

— Я обеспокоен опасностью реванша номенклатуры, — продолжал академик. — Они и на вас жмут. Утверждают, будто у них есть данные, под угрозой публикации которых вас заставят делать, что велят.

— Какие данные, что вы имеете в виду?

— Что вы брали взятки.

— Ну а вы сами что думаете, верите в это?

— Я — нет, но они говорят... — И смотрит на меня со смущенным видом.

А это все ельцинское, гдьяновское влияние — именно из этого угла подбрасывают такую информацию. Ему и не хочется верить, но возникает внутреннее беспокойство: что же такое Горбачев на самом деле? И вот решил остаться, рискнул спросить меня напрямую, глядя в глаза. Явно, это его собственное желание, не то чтобы кто-то «уполномочил».

В последующие дни мы не раз вступали с ним в контакт по разным поводам. Я всегда старался дать ему возможность высказаться. Неудобно было видеть его в очереди за микрофоном. Седой человек, выдающийся ученый. Не могу избавиться от впечатления, что кто-то дирижировал Сахаровым, постоянно вызывая его из зала.

Третий эпизод связан с появлением Сахарова на трибуне при закрытии съезда.

Зал уже был раздражен и настроен против него, особенно в связи с его высказываниями о действиях наших военных в Афганистане. Окружение подбросило ему «жареные факты», а он, не потрудившись проверить, использовал их в одном из интервью, что вызвало острейшую реакцию съезда. Он был явно растерян. И хотя последнее выступление, как я полагаю, было попыткой восстановить свой престиж, помимо этого, личного мотива, был и политический расчет его окружения: Сахаров должен закрыть съезд своим напутствием, так сказать, тактическая находка «межрегионалов».

Но его стремление попасть на трибуну вызвало жесткое сопротивление депутатов. Все-таки я настоял предоставить ему пять минут. Съезд только под моим давлением согласился. Он начал говорить, явно повторяя то, о чем уже говорил десять дней назад. Пошла шестая или седьмая минута, я напомнил Сахарову:

— Андрей Дмитриевич, время истекло.

Сахаров не слушает и продолжает говорить. Я еще и еще раз прошу его заканчивать выступление. И когда наконец микрофон был выключен, Сахаров воздел руки к небу как жертва произвола. Поднялся дикий шум, часть депутатов и публики бурно его приветствует, выражая возмущение председателем. Словом, ловко разыгранное представление, которое должно показать стране, как беспардонно власти обращаются с заслуженным человеком. Чего от них ждать после этого!

И все же, при всех этих инцидентах, которые я объясняю воздействием на Сахарова не очень щепетильных людей из его окружения, завершу тем, с чего начал: он внес конструктивный вклад в работу Первого съезда, в становление у нас парламентской системы.

Да разве этим только измеряются его заслуги перед Россией! Одним из первых он выступил за демократию и свободу, обновление социализма и подлинную власть Советов. Такова была суть и созданного им проекта Конституции, который Андрей Дмитриевич передал в Кон-

ституционную комиссию. Мы хотели использовать многие точные формулы, написанные, между прочим, рукой не юриста, а физика.

Так получилось, что Первый съезд накрепко связан в моей памяти с двумя выдающимися соотечественниками: писателем Леоновым и ученым Сахаровым. Они очень разные, представляют как бы две ипостаси, два лика русской интеллигенции. И было бы диким упрощением повесить на них привычные ярлыки: один — государственный, другой — демократ. Оба они классики в своем деле. Оба и демократы, и гуманисты, и патриоты. Но каждый по-своему, у каждого своя главенствующая идея, свое пристрастие, свой угол зрения. И оба заслуживают нашего почитания, а главное — понимания.

Партия в раздумьях

Спустя несколько дней, 19 июня, мы обсуждали итоги съезда на Политбюро. Были дельные выступления, попытки серьезно осмыслить происшедшее. Но надо всем превалировала тревога: нажим на партию усиливается. Как всегда, сетовали на органы массовой информации, в том числе партийную печать. Говорили об обострении межнациональных отношений.

Чем, пожалуй, было необычно это заседание — на нем проявилось сближение позиций Рыжкова и Лигачева. До этого у них были острые споры по поводу полномочий. Премьер резко возражал против мелочного вмешательства цековского аппарата в свою епархию, возмущался тем, что референты со Старой площади без его ведома дают указания министрам. Секретарь ЦК, в свою очередь, цитировал Ленина: «Ни один вопрос не решается без ведома Центрального Комитета». Поскольку они сидели по правую и левую руку от меня, временами я ощущал своего рода вольтову дугу, и приходилось призывать коллег к спокойствию.

Но вот когда мы начали разворачивать политическую реформу, стычки между ними стали сходиться на нет. Мимоходом я обратил внимание, что коллеги не задевают друг друга. Даже порадовался этому, не давая себе труда подумать, в чем дело. А тут вдруг бросилось в глаза: бывшие недоброжелатели говорят в унисон. И, хотя не сразу, понял, в чем дело. Соперничество за руководство хозяйственной сферой отошло на задний план, политическая реформа однозначно решила этот вопрос в пользу премьера. Зато приобретала все большую остроту полемика между последовательными реформаторами и «охранителями» в партии. Рыжков не был консервативен по духу — я уже говорил, что мы с ним начинали «рука об руку». Однако на определенном этапе засомневался, оробел. Да и мощная атака демократов против правительства, нападки прессы толкали его вправо. На этой почве он и начал сближаться со своим вчерашним соперником. Они дружно ругали

прессу, демократов, сепаратистов, тревожились тем, что партия теряет власть. Им вторили другие.

Да что греха таить, и у меня были противоречивые ощущения. С одной стороны, безусловное удовлетворение тем, что реформа «пошла», создан новый парламент и это не декорум всевластия партии, а настоящее собрание избранных народом представителей. С другой — раздражали чрезмерные претензии радикалов, их бешеный натиск, стремление получить все сразу, и прежде всего отбросить партию от власти. Стратегическая установка на ликвидацию монопольного господства КПСС, вернее, партгосаппарата была правильна. Но тактически было целесообразней осуществить передачу власти Советам не рывком, а плавно, постепенно, чтобы не потерять управляемости страной и не дать тем самым повода «партократии» обвинить во всем перестройку.

Этими мыслями я призвал коллег отложить переживания по поводу личного своего положения и посмотреть на происходящее с широких позиций перестройки как революционного процесса. Первый съезд народных депутатов — это большой успех: сформированы дееспособные высшие органы власти, достигнуто согласие по основным направлениям политики на предстоящий период.

Я предложил провести обсуждение итогов съезда на совещании первых секретарей. Это было важно, чтобы освободиться от болезненного восприятия, не поддаваться унынию. Съезд означал реальную передачу власти на высшем уровне, дальше этот процесс пойдет на республиканском и местном уровне, и будет он не менее болезненным. Нужно в короткие сроки решать эти проблемы, помочь Советам стать на ноги. Надо подготовить общий анализ прошедших выборов и внести новые предложения по избирательному закону. Требуется доработки и обогащения наша экономическая программа. Необходимо и здесь продвигаться через реформу, а не накладывать на нее узду. По-настоящему заняться решением национальных и межнациональных проблем.

Защитить партию может только она сама, перестраивая свою работу, закончил я. Было решено провести совещание секретарей и отчеты в парторганизациях. Там, где надо, заменить руководителей, форсировать подготовку Пленума по проблемам национальной политики, готовиться к созыву внеочередного съезда.

Совещание секретарей открылось 8 июля 1989 года. Были рассмотрены практически все проблемы, вокруг которых бушевали страсти в стране: и события в Тбилиси, и секретный протокол Молотова — Риббентропа к советско-германскому пакту 1939 года, драматически отзывавшийся на судьбе Прибалтийских республик. И все-таки в центре съезда с первого до последнего дня оказалась тема партии, ее роли в обществе и государстве, ответственности за прошлое и настоящее.

Нельзя было делать вид, будто ничего не произошло. Напрашивался основательный разговор по всему комплексу вопросов, связанных с перестройкой работы партии. Всем было ясно, что совещание явится определенным рубежом в развитии КПСС, да и общества. Партия продолжала оказывать огромное воздействие на жизнь страны.

Я представил совещанию весьма критичный доклад с предложениями о деятельности партии в контексте новой ситуации. Позволю себе воспроизвести из него несколько ключевых тезисов, а уж потом скажу, что я сейчас об этом думаю.

«Съезд — это крупное продвижение на путях перестройки. Положено начало реальной передачи всей полноты государственной власти в руки Советов, созданию новой демократической модели, включению народных масс в решение общегосударственных вопросов. Тем самым политическая реформа нашего общества из области идей, разработок и планов переводится в плоскость практики, становится жизненной реальностью.

...В фокусе съездовской дискуссии оказался вопрос о партии. В этом есть своя логика, ибо перестройка политической системы, полномочие Советов немислимы без изменения роли партии в обществе. Не может быть обновления общества без обновления самой партии. Партия оказалась под огнем критики не случайно. Выборы народных депутатов показали — кредит доверия, завоеванный ею разработкой революционной платформы обновления, не бесконечен. В чем причины поворота в общественном сознании в сторону острого критического отношения к партии? Нередко можно слышать мнение, что это связано с волной критики, односторонних выступлений нашей прессы, разоблачением прошлых ошибок и извращений. Но только этим или даже главным образом этим объяснить перемены в общественном мнении невозможно.

И здесь мы подходим к тому, что, по моему мнению, составляет суть вопроса. Перестройка в партии существенно отстает от движения общества по пути демократизации. На этой почве возникает реальная угроза потери партией лидирующей роли в обществе. Среди работников партийного аппарата — растерянность, неуверенность в своих действиях, неумение быстро ориентироваться в обстановке, боязнь проявить инициативу. Что это, кризис партии? Нет, не партии, а ее прежних функций, устаревших методов и стиля работы. Партия была встроена в административно-командную систему управления обществом, жила по ее законам. И не просто встроена, а, по сути дела, возвышалась над всем, контролировала все процессы государственной, хозяйственной, идеологической жизни, подменяя и подменяя всех и вся, давая непререкаемые установки и команды государственным и хозяйственным органам, общественным организациям. Такая система не нужда-

лась в политических методах, отдавая предпочтение командным. Партийные комитеты и партийные работники отучились вести диалог с людьми, завоевывать их доверие, вести за собой силой убеждения, силой аргумента.

Сейчас иная общественная ситуация. Не командовать государственными, хозяйственными органами и общественными организациями, а идти в массы и работать с ними, выдвигать смелые идеи, разъяснять их людям, действовать открыто, смело опережая события, — вот что сегодня требуется от партийных комитетов.

Нередко можно слышать голоса из радикальных кругов о том, что партия якобы должна отказаться от власти, превратиться в закрытую секту или дискуссионно-просветительский клуб. Ни тот ни другой вариант не подходит для КПСС, которая является правящей партией и политической организацией.

Сама перестройка в партии должна осуществляться на демократической основе. Та борьба мнений, необходимость которой мотивирует многопартийность, должна быть обеспечена в рамках самой партии. Для этого нужно создать все возможности, в том числе уставные. Сохраняя единство по принципиальным вопросам, стратегическим целям, необходимо обеспечить широкое сопоставление взглядов, выдвижение альтернатив, разных подходов к решению той или иной проблемы.

В ходе работы Съезда народных депутатов СССР звучала мысль о том, что Советы выше ЦК КПСС. Подобная постановка вопроса, при которой партия фактически противопоставляется Советам, неправомерна. В действительности, Советы и партия с точки зрения их места в политической системе СССР находятся в разных плоскостях. Если Советы принадлежат к числу государственных институтов, то КПСС — общественно-политическая организация. Поэтому рассуждать о том, кто из них выше, это значит пренебрегать сколько-нибудь серьезной постановкой вопроса. Партия есть партия, парламент есть парламент.

...Изменение в обстановке побуждает уточнить позицию в вопросе совмещения должностей секретарей партийных комитетов и председателей Советов. Решайте эти вопросы сами в республиках, областях, городах, в районах. Председателем Совета может стать любой депутат, обладающий общепризнанным авторитетом, независимо от занимаемого поста и партийной принадлежности».

В заключение я высказался за приближение сроков очередного съезда КПСС, на котором можно было бы обновить Программу партии, принять новый Устав, обсудить основные направления развития на следующую пятилетку. Предложил готовить общепартийную дискуссию о роли КПСС в жизни общества.

Время, когда достаточно было одной работоспособности и добросовестного отношения к делу, уходило в прошлое. Если партия хотела сохранить влияние и тем более оставаться у власти в условиях демократии, она нуждалась не только и не столько в умелых администраторах, сколько в политических деятелях. И надо сказать, такие уже заявляли о себе. Вот и ответ тем, кто удивляется, что иные бывшие секретари успешно возглавляют области и республики, действуя в качестве демократических лидеров. Не происки номенклатуры стоят за этим (хотя и такое бывает), а ум, талант руководителя и, конечно, способность освоить новые жизненные реалии.

Первые баталии в Верховном Совете Всякий, кто взялся за написание воспоминаний, — а теперь, похоже, пишет их чуть ли не каждый второй — знает, как трудно сделать выбор между хронологическим и проблемным подходом. Помучился над этим и я. Так и тянет рассказывать все по порядку. Да и проще. Но тогда остаются «оторванные концы», приходится, вопреки логике материала, постоянно прерываться и перескакивать с предмета на предмет.

Особенно нелегко с экономикой и политикой. Они настолько слитны, что в реальной жизни практически неразделимы. Редко какое политическое решение не имеет экономической подоплеки, и наоборот. Но ничего не поделаешь, отложу пока в сторону дискуссии вокруг экономической реформы — о них речь пойдет особо. Продолжу рассказ о политической реформе.

Первый съезд народных депутатов создал новый Верховный Совет. Это был фундаментальный шаг на пути формирования парламентаризма. Но на фундаменте, как известно, надо строить здание. А у нас не было еще ни четкого плана, ни многих «деталей конструкции». Регламент, процедура, структура палат и комитетов, права и обязанности Президиума, роль председателя, статус депутатов, порядок подготовки и прохождения законопроектов — все это вроде не составляло особого секрета, но требовало тем не менее освоения. Началась трудная работа, порой нудная. Больше организаторская, чем политическая.

При всем том, что за свою жизнь мне пришлось немало просидеть на заседаниях Верховного Совета, теперь, когда мы сотворили новый, и смею сказать, настоящий парламент, начинать пришлось с азов.

По существу же, работу начали как раз с избрания председателей палат. На Совет Союза Велихов от имени Совета Старейшин предложил Примакова. Не открою большого секрета, сказав, что вопрос этот предварительно обсуждался на Политбюро. И не только потому, что мы еще не отошли от заведенной практики — всякое серьезное кадровое назначение проводить сначала на высшем партийном уровне. Но и

потому, что Евгений Максимович был кандидатом в члены Политбюро и, естественно, должен был получить от него согласие на новое назначение. Я пригласил его на трибуну отвечать на вопросы. Из его короткого вступительного слова хочу обратить внимание на один пассаж: «Верховный Совет и наша палата должны, безусловно, быть на страже интересов советских людей в процессе перестройки. И суть здесь в том, чтобы обе палаты осуществляли реальный контроль над деятельностью исполнительных органов. Эти функции, конечно, не были свойственны прежнему Верховному Совету. Сейчас мы создаем новый Верховный Совет, новый парламент, который должен и по-новому работать».

Так все мы тогда понимали задачу политической реформы — обеспечить реальный контроль представительных органов над правительством. И при этом, разумеется, не открывали Америки.

Примакову задали много вопросов, касающихся не столько его лично, сколько предстоящей работы Верховного Совета, — какие законы следует принять в первую очередь, как будут работать комитеты, и комиссии. Отвечал он толково, уверенно. Затем о нем хорошо отзывались несколько депутатов, приветствовали и сам факт, что председателем палаты избирается академик. В результате избран он был почти единодушно, всего при трех воздержавшихся. Тут же я уступил ему место, и он повел заседание. Приступили к обсуждению вопроса о комитетах и комиссиях — сколько их должно быть, как оптимально распределить между ними функции контроля за различными сферами деятельности. Пожалуй, особенно оживленная дискуссия возникла в связи с необходимостью углубления и правовой защиты гласности. Чуть ли не с первого дня работы нашего союзного парламента возник тот же вопрос, который станет в 1993 году предметом ожесточенной схватки.

Интересно, помнит ли А.А.Собчак свое тогдашнее выступление? Он говорил, что «сейчас именно средства массовой информации нуждаются в особом депутатском контроле». А Б.Н.Никольский — главный редактор ленинградского журнала «Нева» — напомнил предложение сделать прерогативой съезда или Верховного Совета назначение главного редактора газеты «Известия» и председателя Гостелерадио СССР. Через три года попытки депутатов вернуть Верховному Совету учредительские права над «Известиями» и хоть как-то влиять на политику телевидения с помощью наблюдательных советов будут приняты в штыки и объявлены «покушением на свободу слова». А вот то, что президент и его команда сделали средства массовой информации рупором своей партии, всячески притесняют оппозиционные издания, — это ничего, это нормально.

6 июня избирали Председателя Совета Национальностей. Выдвинутая, опять-таки по решению ЦК, кандидатура Р.Н. Нишанова, бывше-

го первым секретарем Компартии Узбекистана, была, в общем, встречена благожелательно. Но ему пришлось начать с рассказа о возникшей как раз в предыдущие дни конфликтной ситуации с турками-месхетинцами в Фергане.

Рафику Нишановичу я симпатизировал. Мне нравились его неизменное спокойствие, юмор, некоторая философская отстраненность от мелочей жизни — все то, что привычно связывалось с понятием восточной мудрости. Умение ладить с людьми, гасить стычки пригодились ему на посту Председателя Совета Национальностей. Я бы сказал даже, что Нишанов — прирожденный спикер, если бы не одно качество, которого ему не доставало. Это решительность, умение в нужный момент разрубить гордиев узел. Дипломат в нем брал верх над политиком. И получалось иной раз, что на заседаниях нашей «Национальной палаты» шла многодневная дискуссия, в том числе по процедурным вопросам, а в это время в нескольких точках Союза полыхали конфликты на этнической почве. Депутатский корпус мог бы (и обязан был!) активно содействовать их умиротворению. Не хочу брать на душу грех: некоторые комитеты и отдельные депутаты проявляли инициативу, ездили в «горячие точки». Но Совет Национальностей и его председатель как орган высшей власти, ответственный за эту сферу, не проявил себя в должной мере.

Разумеется, эту критику я отношу прежде всего к себе как Председателю Верховного Совета.

Нишанову при избрании пришлось «покрутиться», пожалуй, больше, чем Примакову. Его тоже «проэкзаменовали», выясняя, что он думает о равноправии наций, возможности использовать родной язык, способах урегулирования межнациональных конфликтов. Но вопросы чаще задавались не столько для того, чтобы получить на них ответ, сколько для изложения позиции по острым темам. И некоторых депутатов, настроенных на жесткую полемику, явно не устроили спокойные, уравновешенные суждения Рафика Нишановича, его примирительный тон.

В конце концов Нишанов был избран председателем палаты убедительным большинством.

На другой день на совместном заседании палат я огласил заявление Совета Министров СССР о сложении полномочий. Само по себе это — рутинное явление, но в наших условиях такой акт был существенным элементом политической реформы. Он подчеркивал намерение скрупулезно следовать конституционным нормам и, если говорить по существу, с самого начала поставить правительство под контроль парламента.

Во вступительном слове я дал не просто положительную характеристику Рыжкову как государственному деятелю, бывшему одним из

инициаторов перестройки, но тепло отозвался о его нравственных качествах, демократичности, склонности к новаторству. Говорилось все это от души. Я тогда был убежден, что творческие возможности Николая Ивановича далеко не исчерпаны и реформаторский порыв не погас под влиянием обострившихся к тому времени экономических и социальных проблем. Собственно, о самих этих проблемах в моем выступлении было сказано в самой общей форме — не все сделано, как задумано, допущены серьезные просчеты.

И вот эта-то фраза не осталась без любопытных последствий. Дело в том, что кто-то из депутатов с места попросил Рыжкова разъяснить, о каких именно «серьезных просчетах» идет речь. А отвечать Председатель Совета Министров начал с того, что, по его мнению, «в принципиальном плане Совет Министров, претворяя в жизнь экономическую стратегию нашей страны, которая была выработана на XXVII съезде партии и на XIX партийной конференции, просчетов не допустил. Что касается отдельных положений, которые развивали эту стратегию, то, оценивая сегодня пройденный путь, мы действительно видим некоторые просчеты, которые отрицательно сказались на развитии народного хозяйства и на некоторых процессах, усиливших социальную напряженность в нашем обществе».

Таким образом, я говорил о серьезных просчетах. Николай Иванович предпочел отрицать наличие принципиальных просчетов. Вроде бы прямого разногласия здесь нет. Но оно назревало. О расхождении в оценке хода наших экономических преобразований я уже рассказывал в связи с июньским Пленумом ЦК 1987 года и судьбой принятых им решений. Не мог не понимать этого и Рыжков. Но, видимо, положение главы правительства, крайне обостренное самолюбие и обидчивость, свойственные этому незаурядному руководителю, не позволяли более жестко отозваться о допущенных ошибках. А между тем решения по всем крупным хозяйственным вопросам принимались ведь коллективно на Политбюро. В их обсуждении участвовали министры, видные специалисты, ученые, чуть ли не в полном составе отделение экономики Академии наук. Да и в обществе они были поначалу встречены с энтузиазмом.

Это я говорю не к тому, чтобы хоть в малейшей мере снять ответственность за ошибки, допущенные на первом этапе экономической реформы. Нет, просто я думаю, что сидевшее во всех нас старое мышление еще не давало возможности предвидеть все последствия принимавшихся новых, оригинальных решений. Мы заглядывали вперед, как бы высовываясь из окон, оставаясь туловищами в «старой квартире». А значит, и поле обзора было ограничено. Но уже к середине 1989 года и особенно в следующем, 1990 году многое прояснилось. Стало возможным и необходимым двигаться вперед не на ощупь, не методом

проб и ошибок, а разработав и приняв целостную программу экономической реформы.

Утверждение Рыжкова на посту Председателя Совета Министров СССР вылилось в длительную и содержательную дискуссию по вопросам экономической стратегии. Положение в народном хозяйстве было достаточно сложное, хотя, конечно, еще далеко от того глубокого кризиса, точнее сказать, трясины, в которую завели его последующие эксперименты по методу шокотерапии или даже шокохирургии. Нараставшие требования регионов, социальных слоев и профессиональных групп были тогда связаны не столько со спадом жизненного уровня, сколько с большими ожиданиями на быстрое его повышение. «Революция ожиданий» вызвала своего рода потребительский ажиотаж. Все торопились застолбить свои претензии к власти, которые раньше просто не смели предъявлять. А та, разумеется, была не в состоянии удовлетворить их. В то время даже самые трезвые и осторожные экономисты еще не пришли к печальному заключению: чтобы провести структурную перестройку экономики и выйти на уровень развитых стран, понадобится не год-два, а 15—20 лет.

В прениях по докладу Николая Ивановича приняли участие многие депутаты; почти все республики и области поспешили рассказать о своих бедах и сделать заявку на свою долю государственного пирога. Но наряду с традиционными, знакомыми по прежнему Верховному Совету просьбами и пожеланиями было высказано немало интересных предложений. Экономическая реформа еще не принесла ничего путного на практике, зато начала давать некоторые дивиденды в общественном сознании, выталкивая на поверхность людей инициативных, думающих, изобретательных.

Рыжков был назначен Председателем Совета Министров при 9 голосах против и 31 воздержавшемся.

Председателем Комитета народного контроля вместо С.И. Манякина был выдвинут Г.В. Колбин. Тут возник любопытный эпизод. Депутат Л.И. Сухов спросил, не подойдет ли на эту роль Ельцин. К тому времени у меня состоялась беседа с Борисом Николаевичем, я предложил ему возглавить комитет ВС по вопросам строительства и архитектуры. Он обещал подумать, но фактически предпочел взять на себя функции лидера оппозиции в парламенте. Короче, мне не пришлось вдаваться в подробности, поскольку сам Ельцин поддержал кандидатуру Колбина. Председателем Верховного суда избрали Е.А. Смоленцева, Главным государственным арбитром СССР Ю.Г. Матвеева и Генеральным прокурором СССР А.Я. Сухарева. Вопросы им задавались «въедливые». Отвечали они в целом удачно.

Дальше последовали выборы председателей комитетов и комиссий, выработка процедуры и регламента. А параллельно начался длинный

марафон обсуждения состава правительства. Сначала шли заместители Председателя Совмина — Маслюков, Воронин, Абалкин, Бирюкова, Гусев, Догужиев, Каменцев, Лаверов. Затем Шеварднадзе открыл длинный список министров, членов коллегии прокуратуры, Верховного суда и других высших должностных лиц, подлежащих утверждению Верховным Советом СССР.

Продолжалась эта процедура с конца июня до последних чисел августа и, откровенно говоря, изрядно всех нас измотала. Рыжков жаловался в Политбюро, что невозможно заниматься делами, приходится день за днем просиживать на заседаниях парламента, где («реже по делу, чаще, чтобы показать себя в телевизоре или покуражиться») какой-нибудь слишком грамотный депутат старается «посадить в лужу» опытного министра. А с другой стороны, многие депутаты жаловались, что руководство не хочет менять «колоду», упорно протаскивает через парламентские слушания многих сановников, которые себя давно исчерпали, неспособны работать по-новому.

Думаю, рациональное зерно было у тех и других. Наверное, мы недостаточно решительно подошли к смене кадров, выдвижению новых людей, заявивших о себе к тому времени. С другой стороны, и депутатский корпус ведь не был в состоянии достаточно квалифицированно провести проверку называвшихся кандидатур. А что касается целесообразности самой процедуры утверждения практически всего состава Совмина, то, хотя она и отняла уйму времени и немало попортила нервов, я все-таки остаюсь при убеждении, что это было необходимо. Ведь в первый раз в нашей стране было создано правительство, по-настоящему ответственное перед парламентом, прошедшее легитимацию.

Сразу же после утверждения на должности в правительстве ряд народных депутатов (Абалкин, Лаверов, Мостовой, Матвеев) подали заявления о сложении депутатских полномочий. Это было сделано в соответствии со статьей 96 Конституции СССР. Вспоминая этот эпизод, я невольно сопоставляю его с указом Президента России, разрешающим совмещать звание депутата с министерскими и иными постами в органах исполнительной власти. На недоуменные вопросы граждан обслуживающие президента юристы разъясняют, что здесь нет ничего оригинального, в некоторых странах это разрешено, поскольку тем самым лучше подчеркивается подчиненность правительства парламенту. При этом «забывают», что согласно новой Конституции в России создается не парламентская, а президентская республика. Члены правительства назначаются главой государства и всецело перед ним ответственны.

Главное даже не в этом. Мы едва высвободились из пут тоталитарной системы, в которой Политбюро и примыкающий к нему узкий слой облакал себя высшими партийными, правительственными и парла-

ментскими полномочиями. Это полное слияние сформировало своего рода знать, составлявшую опору «трона», то есть поста генсека. Вот почему для нашей страны имело принципиальное значение разделение властей и, безусловно, связанный с ним запрет на одновременное участие в законодательном и исполнительном корпусе. Теперь опять все вернулось на круги своя. Остается надеяться, что ненадолго.

Шахтеры и большая политика Закончив с формированием правительства, Верховный Совет принял план законодательных работ. Прежде всего нужно было подготовить и принять закон об изменениях и дополнениях к Конституции СССР, чтобы создать правовые основы для ряда крупных, так называемых органических, законов и всей прочей деятельности парламента.

Следующий блок проблем был связан с рассмотрением вопросов стабилизации экономического положения страны и осуществления реформ. Имелось в виду, в частности, принять законы об аренде и арендных отношениях, о единой налоговой системе в СССР, о республиканском и региональном хозрасчете. Наиболее сложной и масштабной целью явилась подготовка закона о собственности и обновление законодательных актов о земле и землепользовании.

Решающее воздействие призван был оказать блок законов, устанавливавших новые отношения между гражданином и государством, реально обеспечивающих политические свободы и гражданские права, идейный и политический плюрализм. К ним, в частности, относились законы о печати и других средствах массовой информации, об общественных объединениях граждан СССР, о правах профессиональных союзов, о свободе совести и религиозных организациях. А 14 июля этот перечень актов был пополнен еще одним проектом, внесенным правительством и ВЦСПС, — о порядке разрешения коллективных трудовых споров. В последний момент жизнь внесла поправку. По существу, потребовалось отложить на время иные заботы и безотлагательно, в форсированном порядке готовить закон, регулирующий забастовки.

В Польше прежняя система зашаталась, когда силезские шахтеры поддержали гданьских портовиков, начались стачки, локауты, голодовки. Думаю, то же можно сказать и о нас: быстрое разрушение просуществовавшего 70 лет общественного устройства началось с волнений шахтеров — одного из самых крупных и боевых отрядов рабочего класса, на который, по идее, опиралась Советская власть. Есть, однако, существенная разница между тем, как развивались события в Польше и в Советском Союзе. Там горняки поднялись против партийно-государственной номенклатуры, еще не помышлявшей о реформах. У

нас их протест стал возможен в результате начатых сверху перемен, а удар огромной силы пришелся рикошетом по самим реформаторам.

На заседании Верховного Совета 19 июля 1989 года Каземирас Уока, председатель Союза рабочих Литвы, прислал мне записку: «Михаил Сергеевич, Союз рабочих Литвы тоже против дестабилизирующих забастовок, но произошло это потому, что были условия рабочим организоваться; иного пути борьбы с местной мафией нет. Надо дать рабочим организоваться, и забастовок будет меньше».

Я сказал тогда, что поддерживаю эту идею. «Мы должны опираться во всей работе на ведущую, решающую силу нашего общества — рабочий класс, на его организованность, ответственность, приверженность социализму и политике, которую мы сейчас осуществляем в рамках перестройки. Но мы не можем игнорировать то, что рабочие в последнее время остро ставят перед нами вопросы... Может быть, настало время создавать какие-то комитеты в помощь перестройке, против саботажников перестройки?»

В Кемерово, где был в тот момент основной очаг забастовочного движения, рабочие вели себя ответственно, по распоряжению забастовочных комитетов были закрыты магазины, продающие спиртное. Рабочий класс демонстрировал высокую организованность и вместе с тем высокую требовательность. У него были на то все основания. Комиссии, направленные по линии ЦК и правительства в районы угледобычи, докладывали, что из года в год, из десятилетия в десятилетие не выполнялись решения, касавшиеся строительства жилья, благоустройства городов и поселков, снабжения населения.

Устарела, далеко отстала от мирового уровня техника добычи угля, особенно шахтным способом. Крайне тяжелый труд в условиях перманентного риска не получал достойного вознаграждения. Нужно было принимать безотлагательные меры. С этой целью, в частности, Слюньков ездил по моему поручению в Кузбасс, вел переговоры с лидерами горняков и привез развернутые предложения.

Словом, я хорошо понимал причины, вынуждавшие шахтеров на крайнюю форму защиты своих интересов, и никогда не позволял себе упрекнуть их за это. Но факт состоит в том, что недовольство рабочих умело использовалось радикалами в борьбе за власть. Их никоим образом не смущало, что остановки на многие месяцы огромных районов угледобычи лишали страну миллионов тонн ценного энергетического сырья, ставили под угрозу работу смежных отраслей, в первую очередь металлургии. Все это пагубно отражалось на быте людей. Эмиссары Межрегиональной группы, фактически сложившейся уже в партию, начали сновать по всей стране, подстрекать к забастовкам железнодорожников и рабочих других отраслей. Это был в полном смысле слова удар в спину, сыгравший роковую роль в судьбе перестройки.

Ельцин и его соратники знали, не могли не знать, что у правительства нет возможности в короткие сроки, обозначившиеся в шахтерских ультиматумах, удовлетворить все требования, как бы справедливы они ни были. Наглядное тому свидетельство: зимой 1993/94 года после двух лет полновластия радикалов вновь начались забастовки в районах угледобычи, поскольку почти все обещания и посулы, данные шахтерам ельцинистами, остались невыполненными. В профсоюзах и стачечных комитетах не забыли уроков, преподанных Беллой Денисенко и другими агитаторами. Так что не стоит удивляться, когда наряду с экономическими требованиями выдвигаются и политические: отставка правительства, досрочные перевыборы президента. Поистине, что посеешь — то и пожнешь. Говорю это без всякого злорадства. Потому что в 1993—1994-м, как и в 1989-м, забастовки обошлись стране и народу дорогой ценой.

Но вернусь в 1989 год. 24 июля я имел возможность проинформировать Верховный Совет о протоколе, который был подписан Слюньковым, первым зампредом Совета Министров Ворониным и председателем ВЦСПС Шалаевым с председателем забастовочного комитета Кузбасса Авалиани и его заместителями. Достигнутые соглашения правительство готово было распространить на другие угледобывающие районы. Прежде всего, конечно, на Донбасс, Воркуту.

Очень трудно мы выходили из тяжелого кризиса, который стал, может быть, самым серьезным испытанием за все четыре года перестройки.

Забастовки шахтеров были в центре внимания Верховного Совета, идущих на нем дискуссий. Выступая на сессии Верховного Совета, В.И. Колесников, заведующий кафедрой Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта, сказал: «Вот мы говорим, что у нас рабочий человек хозяин, но вы мне скажите, есть ли в истории случай, когда бы хозяин бастовал? Нет. Значит, здесь что-то не так». Бригадир слесарей Новокуйбышевского нефтехимического комбината В.А. Леончев так определил суть проблемы: «Рабочий человек больше не может и не хочет мириться с кабальной системой управления наших производств, системой труда. Мы долго молчали, терпели, подмятые командно-бюрократической системой. Но этому пришел конец. И забастовочное движение шахтеров — это предвестник краха системы».

Ну и, наконец, я позволю себе воспроизвести отрывок из обращения забастовочных комитетов городов Инты и Воркуты. «Забастовки шахтеров носят объективный, перестроечный характер, являются признаком наступающего кризиса административно-командной системы, не способной удовлетворить интересы трудящихся. Выступление шахтеров мы расцениваем как поддержку перестройки и предостережение

тем, кто хочет, чтобы все оставалось по-старому». Предельно ясное свидетельство того, что рабочий класс перестал считать существовавшую систему своей, категорически ее отвергает. Этот сигнал был послан в первую очередь партии, которая продолжала править страной от имени рабочего класса. Но наши фундаменталисты до сих пор не сумели его расшифровать, все еще по-детски удивляются тому, что рабочие оказались равнодушны к судьбе КПСС. А в новом политическом раскладе немалая их часть отдает голоса даже не вновь возникшим социалистическим и социал-демократическим, а правым партиям и течениям.

Далее в обращении говорилось: «Мы понимаем, что, выставляя экономические требования, должны помнить: экономика страны находится в глубоком кризисе. Сегодня государству трудно будет найти средства для того, чтобы удовлетворить все наши требования. Но экономическая самостоятельность нам должна быть предоставлена... Мы устали ждать решение наболевших проблем от пятилетки к пятилетке. Именно этим вызвано то, что вынуждены пойти на крайнюю меру — забастовку. Настал момент, когда решения всех предъявленных требований нельзя откладывать ни на секунду».

Прочитую и требования шахтеров Печорского бассейна, изложенные тем же Лушниковым: «1) Действительно передать власть Советам, землю крестьянам, фабрики рабочим. 2) Отменить выборы в Верховный Совет СССР от общественных организаций. 3) Отменить статью в Конституции СССР о руководящей и направляющей роли партии. 4) Проводить прямые и тайные выборы Председателя Верховного Совета СССР, председателей местных Советов, начальников городских, районных отделов Министерства внутренних дел на альтернативной основе. 5) Отменить практику лишения слова депутатов на сессиях, съездах народных депутатов СССР путем голосования. Каждый депутат имеет право голоса, независимо от мнения большинства». Требования один к одному повторяли программу радикалов, и писались они под их диктовку в Москве.

Советы

Став у власти осенью 1991 года, радикалы развернули мощное наступление на Советы, объявив их цитаделями тоталитарной системы. А затем, воспользовавшись событиями 3—4 октября 1993 года, фактически смели с лица земли всю советскую систему, все представительные органы. Кое-где Советы отказались самораспускаться, но в конце концов их принудили к этому силой.

В чем же дело? Действительно ли советская форма не годится для демократии? Такое допущение опровергается уже тем, что до поры до времени у радикалов никаких претензий к Советам не было. Напротив,

Сахаров и в своем проекте Конституции сохранил эту форму, и на Первом съезде народных депутатов СССР предложил принять декрет о передаче всей власти Советам. Больше того, именно через Советы, благодаря им Гавриил Попов был избран председателем Московского Совета, Анатолий Собчак — Ленинградского, а Борис Ельцин — Верховного Совета России. В то время из этого лагеря не доносилось никакой хулы по адресу советской формы демократии. Да и какие могли быть у того же Ельцина претензии к Верховному Совету, если депутаты, не подумав о последствиях, послушно и даже с энтузиазмом приняли Декларацию независимости России, разрушавшую союзное государство, ратифицировали Беловежское соглашение, дали президенту дополнительные полномочия для проведения экономической реформы, согласились, чтобы он возглавил правительство и целиком сформировал его по собственному разумению.

Повод для недовольства возник тогда, когда депутатский корпус, по крайней мере большинство его, убедившись в пагубных последствиях для государства и народа «шокохирургии», стал сначала робко, а затем все смелее выражать несогласие с этим. Вот тогда и ополчились на Советы, тогда и начался конфликт между исполнительной властью и органами народного представительства, закончившийся для последних полным разгромом.

Остается, однако, вопрос: совместима ли эта форма с парламентской? Если поставить его конкретнее: можно ли сочетать советский принцип с принципом разделения властей, на котором держится система парламентаризма? И ответ должен быть положительным. По крайней мере, опыт, накопленный за недолгое время существования нового нашего парламента, подтвердил возможность совмещения этих двух принципов государственности.

Противники его обычно выдвигают такой довод: полновластие Советов никак не может сочетаться с разделением властей. Но это либо непонимание, либо сознательное искажение сути дела. В немалой мере оно связано с несовершенством самого понятия. Верховная власть действительно не подлежит никакому разделу. Она должна быть цельной и единой, иначе следовало бы предположить, что в государстве будет двоевластие, троевластие, возможно одновременное проведение нескольких политических курсов. То есть все то, что свойственно кратковременным периодам смуты и завершается крахом одной системы, установлением другой.

Всегда должен существовать орган, за которым признается верховенство. И весь смысл буржуазных или демократических революций в том и состоял, что они отобрали высшую власть у монархов и наделили ею законодательные собрания как органы народного представительства. Именно парламенты являются носителями высшей власти в

демократических государствах. Это правило, естественно, распространяется и на наш Верховный Совет.

Но признание верховенства за органами народного представительства не исключает возможности разделения функций власти. Парламент сосредотачивается на главной задаче государственного управления — законодательстве. Текущую управленческую работу осуществляет правительство. А правосудие и решение юридических споров возлагается на суд. При этом жизненно важные вопросы, касающиеся судеб государства и народа, прав граждан (объявление войны, заключение мира, бюджет, налоги), остаются за парламентом.

Так что полномочия Советов никоим образом не мешает разделению функций власти или, как принято говорить, разделению властей. И расправились радикалы с Советами просто потому, что не нашли у депутатского корпуса поддержки своей политике.

В чем есть известная доля правды у критиков советской системы? Советы, как всякое вообще народное собрание, вече, дают возможность для митинговщины, усложняющей, а то и парализующей принятие и исполнение решений. Эта болезнь присуща и парламентам, которые марксисты презрительно именовали говорильнями. Я бы сказал, что она излечима. Противоядием служат точные процедуры и регламенты работы выборных органов, а главное — высокий профессионализм депутатского корпуса.

Об этом я также говорил в своем заключительном слове: «Мы пытались привнести в работу Верховного Совета СССР максимум профессионализма, не в ущерб связи с массами, выйти из митинговых форм обсуждения вопросов. И это, как мне кажется, в основном тоже удалось. Найден вариант постоянно действующего высшего законодательного, исполнительного и контролирующего органа власти... В его работе уйма недостатков и слабостей, но он изо дня в день на глазах у миллионов людей, наблюдающих за его работой, прибавлял обороты, повышал компетентность, демонстрировал углубленный подход к решению проблем».

У меня было основание отметить такое важное новшество, связанное с работой первой сессии Верховного Совета, как взятие под парламентский контроль внешней политики. Ведь в прошлом не было даже намека на такую возможность. Поначалу было не до международных вопросов, занимали больше внутренние дела. Но уже начали вноситься депутатские запросы по тем или иным аспектам внешней политики, после дискуссии ратифицировано несколько международных актов.

Раскрою один секрет. На первых стадиях наших переговоров с американцами по вопросам разоружения то и дело приходилось выслушивать от них ссылки на трудности в конгрессе: мы, мол, в правительстве готовы пойти на тот или иной вариант, да вот сенаторы не пропус-

тят. На этом основании требовали от советской стороны уступок. И у нас во внутреннем кругу как-то всерьез обсуждали: не стоит ли выставить американцам аналогичный довод, организовав критические выступления против готовящихся соглашений в Верховном Совете? Потом эту идею отвергли, поскольку все равно никто не поверил бы, что это всерьез, не инсценировка. А главное — опасались показать «дурной пример»: чего доброго, войдут во вкус и начнут всерьез критиковать нашу внешнюю политику.

Теперь же парламент начал брать под свой контроль международную политику. В скором времени дала о себе знать и консервативная реакция на крупные внешнеполитические меры, осуществлявшиеся в соответствии с новым мышлением. Шеварднадзе все чаще требовали к ответу, и мы с ним вполухотку, вполусерьез говорили, что ввели демократию себе на голову.

Некоторые политологи и историки до сих пор ставят мне в вину, что в заключительном слове по итогам первой сессии я негативно отозвался о создании Межрегиональной группы: «По существу, речь идет о попытке придать некую организационную форму естественному различию во взглядах и подходах к проблемам общественного развития. Не приведет ли такое искусственное размежевание к противостоянию по конкретным вопросам, которые приходится решать нашему Верховному Совету, не усложнит ли тем самым выполнение задач, которого от нас ждут избиратели, советское общество?.. Если дело у нас общее, если все мы считаем своим высшим долгом вывести страну из кризиса на путях перестройки, поднять уровень материального и духовного благосостояния народа, обновить наш социалистический и общественный строй, раскрыть его богатый потенциал, — если в этом мы согласны, то мы всегда договоримся. Думаю, депутаты согласятся с тем, что нам надо идти именно этим путем: путем объединения сил и укрепления взаимного доверия. Это ни в коей мере не отрицает возможность отстаивания принципиальных взглядов. Прошедшие дни работы Верховного Совета уже наглядно показали, что плюрализм мнений не может быть препятствием для единства действий».

Заявление о возможности договориться было встречено аплодисментами. Едва ли можно оспорить мысль о желательности дружной работы в период, когда страна переживает трудные времена. Но, конечно, от этого отдавало известным неприятием политического плюрализма. У депутатов, вошедших в состав Межрегиональной группы, были уже свои цели, отличные от других. Да и в остальной депутатской массе намечалась дифференциация. Это было естественным отражением множественности социальных интересов в обществе, которая категорически не признавалась при тоталитарном режиме, а с его демонстражем неизбежно должна была себя проявить. Ну а за выявлением

групповых (или классовых) интересов должно было последовать формирование движений или партий. Собственно говоря, образование Межрегиональной группы и было первым шагом к этому.

Должен заметить в свое оправдание, что у меня не было помыслов запретить, разогнать межрегионалов или попытаться разрушить эту группировку путем каких-то интриг. Более того, со многими из них у меня были и остались хорошие отношения. Очень скоро из факта возникновения этого зародыша партии радикалов были сделаны правильные выводы. Мы начали думать, что повышению эффективности действия нового парламента послужат не бесплодные попытки добиваться искусственного единства всех депутатов, а образование групп или фракций и их деловое взаимодействие. Конечно, речь еще не шла о партийном структурировании парламента. Но первые шаги в этом направлении начали делать уже на следующей сессии.

Глава 15

ВЛАСТЬ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ СО СТАРОЙ ПЛОЩАДИ В КРЕМЛЬ

Законодательные будни

А вот на второй сессии Верховного Совета, состоявшейся с 25 сентября по 28 ноября 1989 года, основное место было отведено законодательной работе.

В отличие от первой сессии, я намного реже председательствовал на заседаниях Верховного Совета осенью. В то же время я был в курсе всего, что там делалось. А в особо важных случаях, как, например, при рассмотрении вопроса об экономической самостоятельности Литвы, Латвии и Эстонии, председательствовал сам.

Поделюсь своими впечатлениями о главных событиях сессии, так или иначе способствовавших продвижению реформ.

За два месяца Верховный Совет принял закон об аренде и арендных отношениях в СССР, закон о порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов). Одобрил в первом чтении или передал для всенародного обсуждения законопроекты о собственности, о земле и земельных отношениях, о пенсиях, об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства, о печати и других средствах массовой информации, об основах законодательства, о судеустройстве, о языках и гражданстве и многие другие.

Один этот перечень показывает, что речь шла не о каком-то штопанье нашего законодательного полотна, заполнении его прорех. Нет, это было законотворчество, сравнимое по своему значению с такими вехами истории России, как создание уголовного уложения при царе Алексее Михайловиче, правовые реформы Петра I и Александра II, пересмотр всей системы права после Октябрьской революции. Я сейчас оставляю в стороне оценку мотивов и последствий, говорю только о *масштабе* проделанной работы. Она затронула все ключевые сферы общественного и государственного устройства. Было положено начало *коренной реформе нашего права, а через него — всей системы общественных отношений в стране.*

Первый Президент СССР принимает присягу. 15 марта 1990 г.

Хлеб-соль в Свердловске. 1990 г.

С металлургами Нижнетагильского комбината. 1990 г.

Во время посещения ПО «Второй часовой завод». Москва. 1990 г.

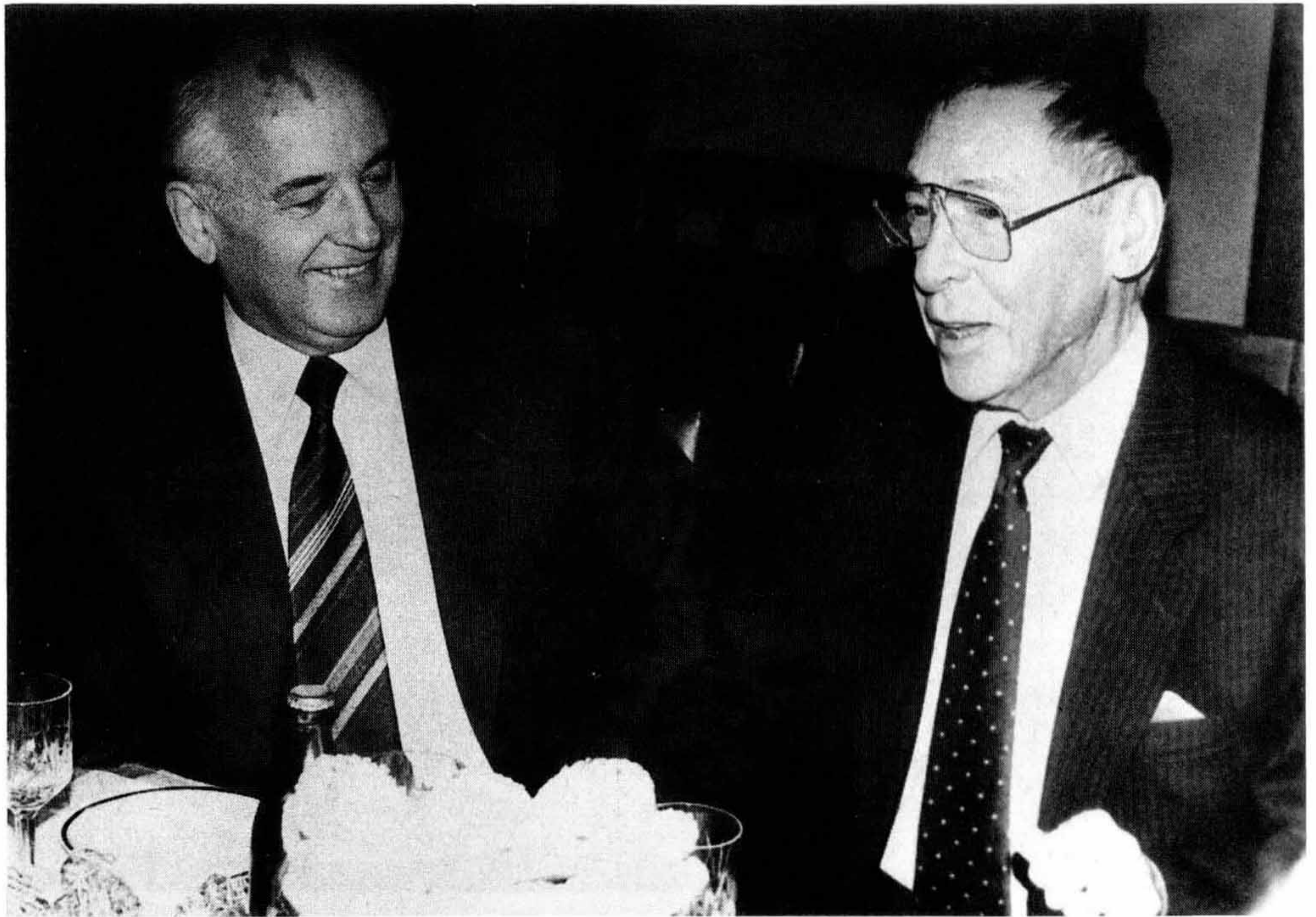
На учениях в Одесском военном округе в августе 1990 г. Своим участием в них я хотел поддержать армию, которая переживала нелегкое время

В президиуме Всемирного конгресса женщин. 1987 г.

Долгие и трудные дискуссии в Литве. 1990 г.

Р.Аушев вручает цветы и картину «Весна в Кабуле» от воинов-афганцев в день годовщины вывода советских войск из Афганистана. Февраль 1991 г.

*После спектакля в одном из любимых театров — Ленинградском БДТ. 1987 г.
С О.Н.Ефремовым*

С А.А.Вознесенским

В Доме-музее М.И.Глинки. 1984 г.

Осенью 1991 года я побывал в Киргизии: и киргизы, и русские высказывали свою тревогу за судьбу Союза

Фотография на память. В дни подготовки XXVIII съезда КПСС. Ново-Огарево. 1990 г.

В сентябре 1991 года я посетил Казахстан. Дружеская встреча с Н.А.Назарбаевым

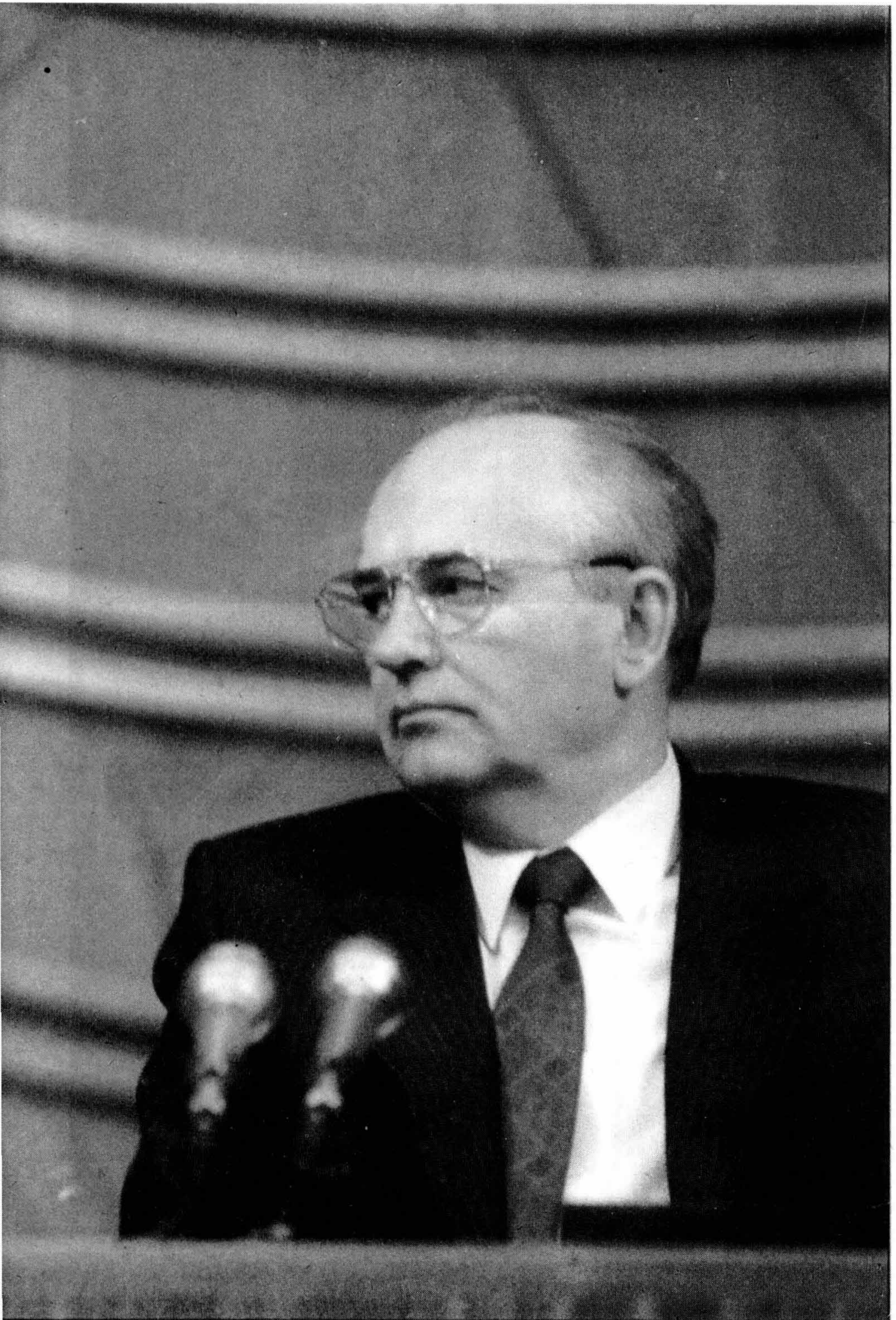
С президентом Украины Л.М.Кравчуком. Декабрь 1991 г.

Соратники (бывшие): Г.И.Янаев, А.И.Лукьянов, Н.И.Рыжков

Заседание Подготовительного комитета по завершению работы над проектом нового Союзного договора. Ново-Огарево. Май 1991 г.

Возвращение из фюросского плена в ночь на 22 августа 1991 года

Встреча с советскими и зарубежными журналистами после заявления об отставке с поста Президента СССР. 26 декабря 1991 г.

Презентация фонда социально-экономических и политологических исследований («Фонд Горбачева»). 3 марта 1992 г.

На трибуне Мавзолея

Конечно, мероприятия подобного масштаба не осуществляются с налета. То, что за 2—3 месяца удалось «изготовить» неплохие законы по многим основополагающим вопросам, объяснялось в значительной мере наличием солидного «портфеля». Четыре предшествующих года преобразований или приступов к ним, «замаха» на них не прошли даром. Практически по всем капитальным вопросам у нас уже было более или менее сложившееся представление, как следует обновлять жизнь, на каких основах. А во многих случаях к этому добавлялся и практический опыт. Думаю, всем этим и объясняется то, что многие законы, разработанные в то время, с незначительными уточнениями были восприняты в республиках.

Считаю необходимым рассказать о заседании, на котором обсуждалось постановление об экономической самостоятельности Прибалтийских республик. Все, конечно, прекрасно понимали, что дело здесь не только в экономике, рассматривается вопрос огромного значения для всей будущности Советского Союза. И хотя прибалты были пионерами, мало кто сомневался, что такой же самостоятельности не сегодня-завтра потребуют другие союзные, а возможно, и автономные республики. Фактически отработывалась модель преобразования нашего сверхцентрализованного унитарного государства в реальную федерацию или конфедерацию.

Все это достаточно четко просматривалось уже в докладах председателя комитета Верховного Совета по вопросам экономической реформы В.М.Вологжина и Ю.Х. Калмыкова, ставшего впоследствии министром юстиции России (тогда — заместитель председателя комитета по вопросам законодательства, законности и правопорядка). Он, в частности, сказал, что комитет отверг требования объявить землю и другие природные ресурсы исключительной собственностью соответствующих республик, о безвозмездном переходе в их собственность всех союзных предприятий и объектов, а также о действии на их территории союзных законов только после того, как они ратифицированы местными парламентами. К этим спорным моментам в последующем добавился еще один — о сохранении за союзным правительством права устанавливать налоги и иные платежи в союзный бюджет.

Эта «триада» — законы, собственность, налоги — стала предметом ожесточенных дискуссий в процессе всей дальнейшей работы по преобразованию государственного устройства СССР. Многократно обсуждали мы этот вопрос с руководителями республик на заседаниях Совета Федерации, а затем Государственного Совета СССР. Но хотя основные баталии вокруг федеративной или конфедеративной модели были впереди, практически все основные аргументы «за» и «против»

уже прозвучали в связи с переходом Балтии на экономическую самостоятельность.

Казимира Прунскене, поддержав формулировку согласительной группы по вопросу о собственности, настаивала, чтобы отчисления в госбюджет для выполнения общесоюзных функций производились республиками на основе «одноканальных платежей, установленных по соглашению между Верховными Советами республики и Союза». Что же касается политической стороны проблемы, она подчеркивала: «Федерализм не может быть самоцелью. Это лишь средство для выживания, для повышения жизнеспособности и качества жизни человека, народа, сообщества. Не федерация объединяет народы, а они образуют сообщество и выбирают конкретный путь федерализма».

С тех же позиций выступал тогдашний Председатель Совета Министров Эстонии И.Х.Тооме, заявивший, что центральные ведомства блокируют всякое продвижение к реальной экономической самостоятельности республик. «Нас, — говорил Тооме, — упрекают в том, что мы политизируем вопрос об экономической самостоятельности. Мы не хотим его политизировать. Но он политизируется в других местах и здесь, в Москве, тем, что многие министерства, госкомитеты и ведомства, начиная с Госплана СССР, по сути дела, не выполняют решения, которые были приняты в июле вами, уважаемые депутаты*. Мы постоянно натываемся на стену глухого противостояния людей, почувствовавших угрозу своей власти, своему всемогуществу. Этим и только этим объясняется упорное стремление не включать обсуждаемый сегодня вопрос в повестку дня сессии, навязать нам те основополагающие принципы: полусамостоятельности, полухозрасчета и четверть самофинансирования, которые были нами уже дважды отвергнуты при обсуждении законопроекта об общих началах руководства экономикой и социальной сферой в союзных и автономных республиках».

А вот в том, что касалось политической стороны вопроса, тут депутаты из Прибалтики явно лукавили, пытаясь убедить, что у них на уме нет никаких далеко идущих планов, одно стремление получить возможность для инициативной работы и показать хороший пример всем остальным. Они всячески открещивались от сепаратистских намерений, подчеркивали, что полная хозяйственная самостоятельность республик приведет к сплочению, как говорил тот же Тооме, «на основе не административно-бюрократической системы, а общности коренных интересов всех наших народов, то есть на основе функционирования подлинно демократического, правового и именно тем сильного государства».

*Эстонский премьер имел в виду принятое 27 июля 1989 г. постановление Верховного Совета «О переходе Литвы, Латвии и Эстонии на хозрасчет».

Настойчивое стремление прибалтийских руководителей вырвать себе намного больше прав, чем у всех остальных, не лишаясь в то же время преимуществ, связанных с принадлежностью к мощному народно-хозяйственному комплексу страны, вызывало растущее подозрение и противодействие. Прежде всего многие были недовольны тем, что прибалты как бы получают особые привилегии, считали, что переход на экономическую самостоятельность должен быть осуществлен единовременно и на основе общих принципов экономической реформы.

На том заседании, о котором я сейчас рассказывал, страстей было хоть отбавляй. Каждое меткое слово, афоризм прибалтийских депутатов встречались аплодисментами симпатизировавших им коллег из Грузии, Армении, Межрегиональной группы. Другая часть зала — ее было большинство — дружно поддерживала своих ораторов. То и дело подавались гневные реплики с мест, ободрительный смех или шиканье.

В один из моментов, когда страсти накалились и ораторы начали бросать друг другу угрозы и обвинения, мне пришлось вступить: «Пока ход дискуссии не обещает оптимального решения, которое отвечало бы интересам всего Союза. Подходы «лоб в лоб» и «стенка на стенку» — это не стиль, не метод работы Верховного Совета СССР. Они вообще не годятся для нашей сегодняшней общественной жизни. Я хотел бы, чтобы мы слышали друг друга. Я имею в виду выступления, в которых прозвучали ультимативные нотки. Подобное здесь неприемлемо.

Верховный Совет должен двигаться по принципиальному пути: мы за Федерацию, но преобразованную, наполненную содержанием в том, что касается суверенитета, прав и обязанностей, экономической самостоятельности и т.д. Давайте искать. Обсуждаемый сегодня законопроект — важный шаг на пути этих поисков».

Предоставил сразу после своего выступления слово Назарбаеву, а он построил его умело, на конкретных примерах, с цифрами показал необоснованность притязаний прибалтийских руководителей получить льготы фактически за счет других республик.

«Ломать не трудно, построить сложнее, — говорил Назарбаев. — Можем ли мы вот так, легко и просто разрушить наш федеративный дом? Ежегодно Казахстан вывозит в другие регионы страны различных ресурсов более чем на 9,5 миллиарда рублей. Вместе с тем республика получает, в том числе из Прибалтики, около 40 процентов готовой продукции, комплектующих изделий, оборудования. Исходя из объективных законов развития экономики, число связей по кооперации будет неизбежно расти, по крайней мере, в арифметической прогрессии. Отсюда возникает необходимость укрепления стыков, взаимосвязей обособленных хозяйственных звеньев. Без этого нельзя по-

вышать эффективность производства, качество. Иначе можно легко прийти к развалу экономики. Именно на такой путь, нам кажется, может привести нашу Федерацию вынесение на обсуждение Верховного Совета документов, представленных прибалтийскими товарищами».

Назарбаев привел цифры, свидетельствующие, например, что на поставках в Эстонию шерсти, хлопка, металла, зерна, меди, продуктов основной химии, растениеводства Казахстан теряет 4 миллиарда рублей ежегодно. Если бы он вывозил эти товары на мировой рынок, то мог бы получить за них компенсацию, значительно превышающую стоимость того, что поступает в республику из Эстонии.

Вот ведь что интересно: все руководители или почти все в то время отдавали себе отчет, чем грозит обернуться разрыв хозяйственных связей. Я не уставал говорить об этом до последнего момента. И все же в декабре 1991 года сепаратисты довели свою подрывную работу до трагического финала — распада СССР.

В той дискуссии, о которой я сейчас рассказываю, руководители Прибалтийских республик в конечном счете согласились внести существенные поправки в свое толкование «триады». Были найдены компромиссные формулировки, позволившие парламенту принять соответствующий закон и ввести его в действие.

На той же сессии прозвучала речь, которая с высоты наших сегодняшних знаний была фактически прологом к Беловежской пуще. В то время как казах Назарбаев вразумлял прибалтов о необходимости сохранения связей в рамках целостного народно-хозяйственного комплекса страны, Ельцин, напротив, посетовал на то, что статус экономической самостоятельности не получила первая Россия и она к этому даже не готова. Это была его первая заявка на роль «выразителя» интересов России.

27 ноября Верховный Совет вернулся к вопросу об экономической самостоятельности Прибалтики. Состоялась очень интересная, квалифицированная дискуссия с участием Абалкина и Рыжкова. Страстей опять-таки было предостаточно, особенно вокруг вопроса о суверенитете. К тому моменту Прибалтийские республики уже приняли декларации на этот счет, а Президиум Верховного Совета признал их неконституционными. Накануне сессии я несколько раз встречался и вел долгие беседы с И.О.Бишером, В.А.Пальмом, К.Прунскене, Ю.Р.Боярсом, А.В.Горбуновым, и мы в конце концов пришли к согласию в том, что необходимо безусловное признание союзных законов по вопросам союзной компетентности. Иначе говоря, эта чрезвычайно деликатная и острая проблема могла найти решение (и в конечном счете нашла такое решение в проекте Союзного договора) с помощью четкого распределения полномочий. Но эта работа была еще впереди.

О представительстве общественных организаций

Осень 1989 года выдалась тревожной. Заметно, по крайней мере, по тогдашним нашим представлениям, сокращалось производство, очищались полки в магазинах. То и дело возникали ситуации «товарного голода», когда из продажи на несколько дней полностью исчезали табачные изделия, сахар и т.д. К этому надо добавить обострение межнациональных проблем.

В этой ситуации важно было стабилизировать обстановку и обеспечить тем самым возможность продолжения политической реформы. Ключ к этому лежал в социально-экономической сфере, проблемы которой и оказались в центре Второго съезда народных депутатов СССР. В сложившихся тогда обстоятельствах особое значение приобретал доклад Председателя Совета Министров СССР «О мерах по оздоровлению экономики, этапах экономической реформы и принципиальных подходах к разработке 13-го пятилетнего плана». Он долго готовился, тщательно и придирчиво обсуждался и стал предметом длительных, острых прений на съезде.

Своими мыслями на этот счет я поделюсь, когда поведу речь об экономической реформе. А здесь нужно сказать о теме, которая составила «нерв» всей политической дискуссии, стала предметом ожесточенной полемики.

Это — представительство общественных организаций. На первый взгляд может показаться странным, почему хотя и существенный, но отнюдь не генеральный вопрос занял умы депутатов, побудил их несколько дней упражняться в красноречии. Причина в том, что за этой темой маячила другая, действительно фундаментальная, — о роли КПСС. Вопрос об отмене статьи 6 Конституции, закреплявшей практически монопольное господство Компартии, встанет на следующем съезде. В декабре же 1989 года была проведена своеобразная арт-подготовка.

Каков был наш замысел, когда шли на первые выборы. Имелось в виду депутатский корпус на две трети сформировать на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, а одну треть мандатов предоставить посланцам общественных организаций. И таким способом, при отсутствии многопартийности, обеспечить более полное выражение в нем позиций и взглядов всех основных социальных слоев, групп и общественных движений. Речь шла о своего рода учредительном собрании, призванном создать новый государственный порядок.

Помимо прочего, нужно было постараться, чтобы в составе депутатского корпуса была как минимум некая активная, инициативная часть, способная задать тон по-настоящему творческой и критической дискуссии. В противном случае съезд, при всех структурных изменени-

ях, лишь повторил бы то, что делалось до того на заседаниях Верховного Совета.

Ну и, наконец, нужно принять во внимание, что мера эта с самого начала задумывалась как временная, нечто вроде стартера, предназначенного завести мотор реформ, после чего самому заглохнуть. Разумеется, в тот момент это не афишировалось, ибо так можно было дискредитировать идею и обесценить ее в зародыше. Но смею заверить, что именно это имелось в виду. Когда же осенью 1989-го вновь развернулась по этому вопросу дискуссия и даже было внесено предложение не иметь представительства общественных организаций в республиках, то я, как, впрочем, и другие члены руководства, считал, что не произойдет ничего страшного, если это предложение будет принято. Было решено: пусть сами республики решат этот вопрос.

Второй съезд народных депутатов запомнился и печальным событием — смертью Андрея Дмитриевича Сахарова. Съезд почтил его память, прервал работу, и народные депутаты присоединились к огромной процессии, проводившей в последний путь этого выдающегося ученого и гражданина. А в зале с тех пор осталось незанятым кресло, на котором в дни заседаний всегда лежал букетик цветов...

«Сахаров и ему подобные»

В самом конце съезда произошел и такой эпизод. Ко мне подошел Алесь Адамович, которого я знал хорошо как писателя, общественного деятеля, гуманиста, неистового борца против ядерной угрозы. Он высказал сожаление, что не смог выступить на съезде, и передал мне текст речи. Раиса Максимовна сохранила его в нашем архиве. Работая над мемуарами, я вновь перечитал выступление Алесья и решил его полностью включить в свою книгу.

«Алесь АДАМОВИЧ»

«Сахаров и ему подобные»... — так выразился один из ораторов Первого съезда народных депутатов во время печально знаменитого «антисахаровского митинга большинства», иначе не назовешь то заседание.

Кто же это «ему подобные»? Выступавший имел в виду кого угодно, но, конечно же, не Горбачева. А вот в общественном сознании современного мира именно эти имена все чаще ставятся рядом. Нет, не по обязательному сходству позиций: они нередко дискутировали по острым вопросам, когда раскалывалось мнение беспокойного первенца перестройки — Съезда народных депутатов.

Но если иметь в виду их, Сахарова и Горбачева, исключительную роль в процессе перестройки — в этом они действительно «подобные».

Именно Сахаров, как никто у нас, прокладывал пути перестройке, формулировал основы нового мышления и нового чувствования, подталкивал политиков в сторону моральных решений в делах международных и

внутренних. Интеллектуально и морально перестройка вызревала под сильнейшим воздействием этой личности.

И именно Горбачев сделал назревшую в обществе потребность политической реальностью, а новое мышление — государственной политикой. И вызволил из брежневской ссылки того, кто так нужен был набирающему силу процессу.

История, судьба уготовили Сахарову тяжелейшие испытания, но под конец жизни одарили его заведомо победоносной ролью: выражать чистую, незамутненную политической конъюнктурой истину правового и гуманитарного обновления.

С Горбачевым история и судьба распорядились в несколько иной последовательности: именно взятое на себя бремя перестройки сделало политическую жизнь его по-новому сложной, трудной. Испытанием не только воли, взглядов, но и натуры. Вот о последнем, о натуре, хотя об этом у нас не принято рассуждать, пока политик на арене, пока он фигура действующая, — о ней и пойдет речь. В связи с вещами, конечно, более поддающимися определению, уловимыми.

Когда Михаил Горбачев и Рональд Рейган встретились в Рейкьявике и не сумели договориться о том, как остановить сползание мира в ядерную пропасть, различная реакция двух лидеров на этот печальный факт впервые заронила мысль: миролюбие Горбачева более чем политика, система взглядов, в этом — его натура. Не будь это так, не выдержать бы Горбачеву глухого сопротивления его усилиям двух закостеневших в милитаристском недоверии и оцепенении структур, их и нашей.

Но отчего то, что так здорово сработало, срабатывает в масштабах всего мира, почему не получается у себя дома? Кто и что тут виной: история, традиция, ситуация, конкретная политика, какие-то ошибки, просчеты? Скажу сразу: я не в состоянии ответить на этот вопрос достаточно определенно. Но хотя бы поставив его.

Оценивая положение в стране и действия лидера перестройки, кое-кто уже рассуждает: да, он начал, спасибо, но на данном этапе надо бы действовать решительнее и жестче. А он то ли не умеет, то ли не хочет. Чтобы действовать решительнее, я тоже прикидываю: хорошо бы, пора! А вот что жестче?.. Тут надо еще подумать. И не только потому, что в истории нашей слишком замешено все было именно на жесткости, насилии, прямой жестокости. А к чему пришли?

Говорят, что можно и разумно обходиться с механизмом насилия. А уж если надо, то и кровь пролить: без этого большая политика никогда не делалась, не обходилась. Вот даже Хрущев от этого не ушел — в Венгрии, в Новочеркасске. Защищая, думалось ему, социализм. История уже оценила случившееся. Подавил-то, оказывается, революцию, а не контрреволюцию (в Венгрии). И кровью залили попытку новочеркасских рабочих подтолкнуть его же перестройку в сторону политических преобразований. (То, что сегодня шахтеры сделали, делают.) Ну а Брежнев, тот сдуру задушил в самой колыбели — в майской Чехословакии 1968 года — и нашу тоже надежду на хоть какое-то обновление впадающей в маразм системы.

Не в искупление ли прежних кровавых дел (о предшественниках, вроде Сталина, уже и не говорю) история распорядилась дать нам в лидеры человека, который всем поведением своим говорит: «Лучше я уйду, но крови не пролью. И стучать кулаком не буду». Хотя иногда и стукнет, когда уж очень просят, прямо-таки умоляют, когда истосковавшись: ну как же без этого, не обойди милостью! Пусть и по нам, но главное, по ним стукни!

И вот вопрос: а возможно ли в нашей стране что-либо сделать с такой натурой, психологией, философией поведения — без хорошего кулака? Да просто не поймут этого, а то и уважать перестанут. Вот как Сталина уважали!

Не расценят ли (и не расценивают ли) многие как слабость принцип личного демократизма и нежестокости в стране, приученной самой историей совсем к другим типам лидеров?

Но почему даже Рейган не расценил очевиднейшую уступчивость в делах, очень даже рискованных, как слабость, даже проклятые империалисты не решились воспользоваться этим нам во вред, а тоже взялись добросовестно, как клопов, давить свои «першинги»? А уж про то, как относятся к «Горби» народы других стран, даже напомнить невозможно, не впадая в невольный грех как бы подхалимажа.

Загадка, да и только. Там вон как срабатывает ставка Горбачева на ненасилие. Внутри же: как бы совсем другие мы люди, народы. Или страна действительно в таком тупиковом положении, что «по-хорошему» из него уже не выйти?

Не знаю. Но признаюсь: так не хотелось бы, в плане даже историческом, потерять единственного лидера, отвергнувшего принцип, метод кулака и жестокости, чтобы приобрести в его лице или в ком-то другом еще одну разновидность нам столь знакомых «мясников» и «лесорубов», от которых люди отлетали, как щепки. Так и хочется попросить: не поддавайтесь нам, Михаил Сергеевич, ни на шантаж справа, ни на укоры слева — действуйте решительнее, может быть, увереннее, но именно своими методами и средствами! Человеческими. Так хочется стать наконец людьми.

И потом, успех-то все-таки потрясающий, даже уникальный. Случайно такой прийти не может. Без одного выстрела, а наоборот, гася их, выстрелы (в Афганистане и других регионах), без единой угрозы «сокрушительно ответить». Без всякой демонстрации военных мускулов так повернуть всю мировую политику в пользу собственному народу, а может быть, и историю повернуть, как не удавалось, даже проливая моря крови, никому, — разве это не убеждает, что принцип примирения и учета общих интересов сегодня самый верный, а может быть, и единственный путь к общему спасению? И действует он необъяснимо безотказно.

Но только не внутри страны. Тут даже либералы уже предлагают лидеру перестройки и обновления тогу... диктатора. Мечтая, правда, о просвещенном диктаторе. О холодном огне, о горячем льде.

А может, действительно «кадры решают». Очень уж заметно различие «команд»: внешнеполитической и, так сказать, «внутренней». Именно

вторые так настороженно, а то и открыто неодобрительно относятся к приоритету общечеловеческих ценностей над классовыми. Так стоит ли удивляться, что они и в населении будут разжигать «классовую зависть» к тем, кто хотел бы жить лучше, работая лучше? И не станут они поспешать с радикальными законами о собственности, земле, печати.

Вообще с теми, кто составляет «команду» или «команды» лидера перестройки, много непонятого. Исчезают фигуры одиозные, еще с брежневских времен, народ аплодирует Горбачеву. А потом разводит руками, когда видит, кого берут на смену. Или все из одной «корзины», как объяснил мне один знающий человек, не очень-то повыбираешь? А то вот еще: известный всем своей решительностью человек уверенно пообещал руководить нами еще пять лет. Так и хочется попросить: а нельзя ли пятилетку за два года? Но посмотришь на новые, восходящие кадры, на площадях рвущие по-моряцки, по-пролетарски обкомовские дубленки на груди и предлагающие себя на место тех, — задумаешься. Те, по крайней мере, никого уже обмануть не могут. А у этих запас слов и демагогии, и цинизма побогаче.

Короля делает его окружение. И лидера — тоже. Какого лидера перестройки, обновления может делать в глазах народа подобное окружение? Лишь подрывать его авторитет.

Обновление партии необходимо. Но за счет ли этих? Время покажет, найдется ли внутренняя демократическая энергия, чтобы совершить прямо-таки вулканический выброс из самых глубин партии — туда, наверх, к Горбачеву.

Съезд народных депутатов высказывал беспокойство: соберемся снова, а нам из ЦК скажут: мы отозвали нашего депутата — вашего Председателя Верховного Совета. Нас, мол, он не устраивает. Предлагались различные поправки к Конституции, чтобы оградить страну от таких неожиданностей, а Председателя Верховного Совета от аппаратного давления. И они действительно нужны, такие гарантии от своеволия партаппарата.

Когда президент защищен будет и руки не будут связаны для радикальных политических и экономических реформ, а у народа, у страны, в свою очередь, будут гарантии от чрезмерной единоличной власти (нужны, нужны нам в ближайшем будущем прямые всенародные выборы президента, наделяющие его твердой властью, но и строго ограничивающие сроком и народным волеизъявлением, а также действительно работающий нормальный парламент!), когда придем к этому, возможно, обнаружим, что мы лучше, чем сами о себе склонны думать. Что нам нужен вовсе не грохочущий перед носом кулак, а как раз то, что все еще не умеем ценить сегодня. Не будем думать о себе слишком плохо, раз среди нас могут рождаться, быть такие люди, как Андрей Дмитриевич Сахаров.

Декабрь 1989 года».

Эта пресловутая 6-я статья

Кто-то, кажется Бертольт Брехт, сказал: власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. Основной признак абсолютной власти — это отсутствие конкурентов. Когда стоя-

щие у кормила государства могут делать все, что им вздумается, не оглядываясь на несуществующую или придушенную, не смеющую рта раскрыть оппозицию. Брехт имел в виду единоличного правителя, но эта формула одинаково пригодна и для политической партии, которая устраняет всех соперников и стремится навечно закрепить свое господство. Как бы ни были справедливы идеи, которыми она вдохновляется, разумна ее программа, сильна оказанная ей вначале поддержка народа — раньше или позже происходит неизбежное перерождение революционной партии в консервативную.

Об этой опасности, кстати, предупреждали Ленина Плеханов, Роза Люксембург, Карл Каутский и другие деятели рабочего движения. Полемицируя с ними, вождь Октября отнюдь не отрицал такой опасности. Он, однако, считал, что «победивший пролетариат», его «политический авангард» сумеют ее избежать за счет широкого привлечения к управлению народных масс, внутрипартийной демократии, критики и самокритики и т.д. При этом, как мне кажется, Ленин исходил из того уровня политической культуры, который был свойствен ему самому и его окружению. Сомнения стали одолевать его очень скоро. Уже в статьях 1921—1922 годов на одно из первых мест выходит тревога в связи с быстрым бюрократизированием партийного чиновничества, грозящим коммунистам оторваться от народа. Но достаточно сильного противоядия этой болезни, увы, найти и применить не успел.

Наш опыт, как, полагаю, и опыт других компартий, достаточно убедительно показал, что никакие выдумки и ухищрения, включая допуск фракционности, не могут служить надежной гарантией против бюрократизирования, окостенения. Конечно, это не относится к массе рядовых членов. Речь идет о руководящем слое, очень быстро вошедшем во вкус власти и готовом на все, чтобы с ней не расставаться. За 70 лет этот слой воспроизвел несколько поколений партийно-государственной элиты, определяющей чертой сознания которой была уверенность в своем естественном и неотчуждаемом праве быть всегда у власти. Примерно так же чувствовали себя в свое время дворяне. Иные наследники знатных родов до сих пор считают, что революции, отстранившие это сословие от власти, были делом незаконным и несправедливым. Так и сейчас некоторые бывшие члены ЦК и секретари обкомов не могут простить Горбачеву того, что в результате перестройки они лишились своих «наделов».

Но если я был уверен, что на благо народу и самой Компартии, по крайней мере миллионам рядовых коммунистов, пойдет ликвидация

монополии КПСС на власть, то и раньше, и сейчас не считал, что это нужно сделать в один момент. Что КПСС следует как бы подписать отречение от престола и дать возможность захватить его тем молодцам, которые уже в 1988 году стали выходить на митинги с полотнищем: «Партия, дай порулить!».

В 1989 году, когда страну уже изрядно раскачивали сепаратистские движения, действия народных фронтов и атаки демороссов на центр, в «Литературной газете» появилась статья двух молодых социологов Игоря Клямкина и Андраника Миграняна, суть которой сводилась к тому, что радикальные экономические реформы могут быть успешными только в том случае, если они совершаются под надежным щитом сильной авторитарной власти. В то время, когда общество было заряжено идеей демократии, многие восприняли это как своего рода эпатаж.

Такая постановка вопроса для меня и моего окружения не была неким откровением. Мы отнюдь не были простаками, чтобы не понимать, что нельзя проводить сколько-нибудь существенные преобразования, не имея в руках рычагов власти, способности преодолеть неизбежное противодействие задуманным реформам. Этот вопрос основательно обсуждался еще в канун XIX общепартийной конференции КПСС. И расчет тогда был сделан на то, что «щит», необходимый для реализации реформаторских замыслов, будет обеспечен постепенным переходом власти из рук партийного в руки выборного государственного руководства, фигурально выражаясь — со Старой площади в Кремль.

Опять-таки мы отдавали себе отчет, что власть — это не предмет, который можно передать из рук в руки. Важно не потерять ее в дороге, где-нибудь в районе ГУМа или Министерства финансов*. Трансформация власти — это самый сложный общественный процесс, сопряженный с неизбежным сопротивлением тех, кому пришлось с ней расстаться, и требующий определенной готовности новых сил, принимающих на себя ответственность за управление страной. Невооруженным глазом было видно, что Советы не готовы в полном объеме выполнять функции полновластия. У них нет для этого необходимой структуры, достаточного числа профессионально подготовленных кадров, опыта. А главное — уверенности, что именно за ними остается отныне последнее слово, не нужно бегать и спрашивать согласия на каждый шаг в райком или обком партии. Короче, нужно было время, и немалое, для «вхождения во власть».

* Здания Министерства финансов и бывшего крупнейшего в Москве универсального магазина (ГУМ) находятся между резиденцией союзного парламента в Кремле и Старой площадью, где размещался Центральный Комитет КПСС.

Конечно, вопросы такого рода решаются иначе в условиях насильственных революций. Там не до маневров — разогнали старое правительство, на другой день заседает новое, пусть даже не имея никаких навыков, необходимых знаний. Но ведь в том-то и дело, что мы видели в перестройке не насильственную революцию, а мирный процесс реформ, исключаящий катаклизмы и связанные с ним разрушения производительных сил общества, бедствия и страдания людей. Требуется величайшее искусство, чтобы оптимально выбрать момент передачи власти. Сделать это только тогда, когда она будет использована свободно избранными представителями народа для углубления демократизации, продолжения реформ, направленных на создание правового государства, социально ориентированной рыночной экономики и т.д.

К величайшему сожалению, нам не удалось завершить эту решающую операцию в оптимальный момент.

А теперь постараюсь воспроизвести ход событий. В принципиальном плане решение об отказе КПСС от монопольного положения со всеми вытекающими отсюда последствиями (многопартийная система, допуск политической оппозиции и др.) было принято еще XIX общепартийной конференцией. Но если другие элементы политической реформы, прежде всего свободные выборы и создание парламента, предполагалось осуществить без промедления, то переход к многопартийности «планировался» как следующий этап реформы. Его не собирались откладывать в долгий ящик, но и торопиться намерения не было. Мы провели много часов в дискуссиях на эту тему, и все принимавшие в них участие сходились на том, что партия должна оставаться гарантом стабильности до тех пор, пока новая политическая структура не заработает достаточно эффективно. Сроки при этом, естественно, не назывались, а в размышлениях, прикидках считалось, что протянется не менее двух-трех лет, прежде чем окрепнет парламент и сложатся нормальные условия для формирования многопартийной системы.

Хочу привлечь внимание читателей к тому, что в то время никто еще не осмеливался бросать прямой вызов партийному руководству обществом. Самые отчаянные «бунтари» рассуждали об идейном и политическом плюрализме с обязательной оговоркой об «авангардной роли КПСС». Таким образом, партия по собственной инициативе отказалась от бесконтрольного владения властью и изъявила готовность бороться за нее на общих основаниях с другими политическими организациями и движениями. Вряд ли нужно доказывать, что это был момент огромного переломного значения, ознаменовавший разрыв с большевизмом. Причем добровольное «отречение от власти» было делом не только генсека и узкого руководящего коллектива в лице Политбюро, но получило официальное одобрение высших представительных органов КПСС — сначала конференции, а затем и съезда. А вот

выдержать более или менее рациональный темп на этом участке реформы не удалось.

Кампания за отмену 6-й статьи была, в сущности, первой крупной политической акцией нарождавшейся оппозиции. Шла она под лозунгом немедленной отмены статьи 6 Конституции СССР 1977 года, звучавшей так:

«Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.

Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма.

Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

Обладая к тому времени полностью или частично рядом печатных изданий, используя возможности своих приверженцев на радио и телевидении, радикалы добились того, что это требование стало рассматриваться широким общественным мнением как главное условие развития по пути перестройки. И наоборот — всякое противодействие исполнению этого требования, какими бы аргументами оно ни обосновывалось, объявлялось с порога ретроградством, потугами партократов сохранить свое господство над страной, помешать демократизации государства. Конечно, в этом была большая доля правды. Но подобная максималистская постановка вопроса резко сократила, пока вовсе не свела на нет возможность плавного перехода от одной политической системы к другой.

Поначалу еще можно было как-то урезонивать тех, кто требовал немедленной отмены статьи 6, говоря им, что партия сама встала на этот путь, уже приняла официальное решение, возврата к старому быть не может, нужно, однако, подготовить Советы к выполнению во многом новых для них функций и т.д. Но по мере того как в обществе раскалялось подогреваемое печатью «революционное нетерпение», эти доводы все меньше слушали. А затем с подачи агитаторов, направленных в шахтерские районы (по опыту большевиков в борьбе с царским режимом), забастовщики начали добавлять к экономическим требованиям и политические, начиная все с той же 6-й статьи Конституции.

В стратегическом плане активная позиция радикальных демократов и поднятая ими общественная волна за идейный и политический плюрализм, многопартийность соответствовали замыслу перестройки. Но

чрезмерная агрессивность, стремление «пришпорить» события угрожали перевести ее из русла контролируемых перемен в русло жесткой конфронтации. Этому я, естественно, не мог сочувствовать.

Помню, у нас было долгое и бурное обсуждение этого вопроса на Политбюро накануне июньского Пленума ЦК 1989 года. Дебатировался, в частности, вопрос: пойти на отмену статьи 6 или согласиться лишь на ее корректировку? Никто тогда в нашем «верховном синклите» не рисковал выступать с радикальных позиций. Сошлись на необходимости внести изменения, а вот вокруг формулы этих изменений спор был достаточно острый. Уже обозначившаяся консервативная группа (Лигачев, Никонов, Щербицкий) высказывалась за поправки косметического характера, не затрагивающие исключительного положения КПСС в нашей политической системе. Активные сторонники реформ (Медведев, Шеварднадзе, Яковлев) им возражали — не столько по существу, сколько ссылаясь на «непроходимость» данного варианта. Ну а те, кого можно было отнести к центристам в Политбюро (Рыжков, Воротников, Слюньков, Чебриков), предлагали формулировки, рассчитанные на «проходимость» при сохранении за партией того, что мы связывали с понятием «политического авангарда».

Перебирая в памяти вносившиеся тогда предложения, нельзя не прийти к выводу, что все это были паллиативы, не решавшие проблемы. Любая корректировка статьи 6 не создавала конституционных гарантий для формирования многопартийности, не меняла прежнего политического порядка. На основе этих корректировок могли у нас появиться разве что такие же «вторичные» несамостоятельные партии, как в ГДР, Чехословакии, Польше, Китае, где они действовали в качестве дополнительных к профсоюзам и комсомолу «приводных ремней» и входили в состав руководимых коммунистами народных или национальных фронтов.

До Третьего съезда народных депутатов СССР этот вопрос практически постоянно присутствовал в ходе всех дебатов на партийных форумах. В марте 1990 года Пленум ЦК решил в качестве законодательной инициативы внести на съезд предложения по статьям 6 и 7 Конституции. Значение происшедшего, пожалуй, лучше всех выразил в своем выступлении Фролов: «То, о чем мы сейчас говорим, лишь формально обозначается как изменение 6-й и 7-й статей Конституции страны. На самом же деле (и это еще раз говорит в пользу того, почему это нужно было сделать на завершающих этапах политической реформы) это же, товарищи, в буквальном смысле переворот, завершение, полное завершение изменения политической системы».

11—14—16 марта с двумя перерывами состоялся Пленум ЦК.

Характерно, что и на Пленуме ЦК, как и на Съезде народных депутатов, не было сколько-нибудь серьезной дискуссии по этому вопросу:

сформулированная нами поправка по статье 6 более или менее устраивала всех, была на тот момент подходящим компромиссом.

Но не менее важным было и то, что в связке со статьей 6 оказались другие разделы Конституции, в которые вносилось положение об учреждении поста президента.

Были, правда, перед самым голосованием предприняты попытки убрать из текста упоминание о Компартии, но они не прошли. И 6-ю статью приняли в следующей редакции: «Коммунистическая партия Советского Союза, другие политические партии, а также профсоюзные, молодежные, иные общественные организации и массовые движения через своих представителей, избранных в Советы народных депутатов, и в других формах участвуют в выработке политики Советского государства, в управлении государственными и общественными делами».

Как видно, законодатель вполголоса признает возможность создания других политических партий и в то же время еще не решается не выделить Коммунистическую. В полном смысле слова половинчатое решение, но от этого не менее революционное.

Первый Президент СССР

То, что вопрос о статье 6 рассматривался вкупе с предложением реконструировать высшую государственную власть, учредив впервые в отечественной истории пост президента, конечно же, не был тактическим маневром, рассчитанным на то, чтобы «фуксом» протащить компромиссную формулировку. Поправка к статье 6 и дополнение Основного Закона статьей 127 находились в органической взаимосвязи. Первая означала, что наше государство перестает быть однопартийным, в известном смысле даже теократическим, в нем вводится один из главных принципов демократии — идейный и политический плюрализм. Второе означало признание другого не менее важного принципа демократии, а именно — разделения властей.

Правомерно ли «увязывать» президентскую форму правления с этим принципом? Думаю, да. Дело в том, что Монтескье, признаваемый главным автором этой идеи, исходил из задачи ограничить всевластие монарха, сохранив при этом достаточно сильную власть, способную обеспечить целостность государства и нормальную жизнедеятельность общества. То и другое достигается распределением функций в высшем эшелоне власти. Глава государства (президентская республика) или правительства (парламентская республика) осуществляет исполнительные и распорядительные функции, но не может принимать законов, что является прерогативой парламента, и вершить правосудие, чем должны заниматься органы юстиции.

И все-таки, каюсь, не сразу пришел я к мысли о необходимости увенчать нашу новую политическую структуру должностью президента. Больше того, решительно отклонял доводы некоторых своих соратников и специалистов, выступавших с соответствующим предложением. При этом напирал на то, что основой нашей политической системы и после реформы остается система Советов, с которой президентский пост плохо сочетается, был бы для нее чужероден. Может быть, в будущем, убеждал я своих оппонентов, мы придем к этой форме, а сейчас вполне достаточно существенного новшества — замены Председателя Президиума Верховного Совета Председателем Верховного Совета. Это само по себе расширяет возможности главы государства, наделяет его, кстати, и многими чисто президентскими полномочиями. В то же время он остается во главе Верховного Совета и, значит, будет работать над законами вместе с депутатами, глубже сознавать свою ответственность перед народными избранниками.

Но, увы, буквально через несколько месяцев я убедился, что допустил ошибку. Исправно просидев на первой сессии Верховного Совета на председательском кресле, старательно вникая во все детали процедуры, регламента, работы комитетов и комиссий, понял, что просто невозможно физически сочетать непосредственное руководство парламентом с другими функциями.

И не только в этом дело. Пожалуй, еще более существенно то, что законодательная и исполнительная власти требуют разных подходов. Это вовсе не значит, что они должны находиться между собой в состоянии перманентной перебранки или даже «войны», как это пошло у нас последнее время. Но им следует контролировать друг друга, присматривать друг за другом, а в избранном нами варианте такая возможность исключалась. Тем самым обесценивалось одно из преимуществ конструкции разделения властей.

К сожалению, с опозданием стал мне ясен и еще один, может быть, главный довод. Как порой ни совершенны создаваемые теоретиками и политиками государственные конструкции, они могут не заработать, если не найдут понимания и опоры в политической культуре общества и психологии народа. За многие десятилетия у нас сложился своего рода культ Политбюро и генсека, требующий беспрекословного подчинения исходящим от них приказам и указаниям. То, что этот авторитетный источник власти, который и почитали и которого боялись, как бы иссяк, сразу же отразилось на государственной дисциплине. Тем более что функции его перешли Верховному Совету, который, по глубоко укоренившемуся представлению, был у нас сугубо парадным, декоративным органом. Что это новый парламент действительно властвующий, поверить было очень непросто, по крайней мере сразу. И точно так же большинству граждан, не искушенных в политических опреде-

лениях, нелегко было уловить сколько-нибудь серьезную разницу между Председателем Президиума Верховного Совета и просто Председателем.

Словом, вводить пост президента надо было и по причинам чисто психологического свойства. Одновременно укреплению авторитета высшей власти служило создание Совета Федерации и Президентского совета — этого своеобразного эквивалента Политбюро в новой политической системе. Такое решение созрело еще осенью 1989 года, но оно довольно долго обсуждалось во внутреннем кругу, затем советовались со специалистами, после чего группа юристов (Шахназаров, Кудрявцев, Топорнин и другие) засела по моему поручению за подготовку необходимых документов, прежде всего проекта закона об изменениях в Конституции СССР. И вот вместе с предложениями по статьям 6 и 7, а также ряду других они вносятся на рассмотрение внеочередного съезда. Доклад по этому вопросу сделал Яковлев.

Одним из первых в прениях выступил Назарбаев: поддержав учреждение президентского поста и мою кандидатуру, он в то же время недвусмысленно высказался за применение той же модели в республиках, чтобы «снять уже наметившиеся противоречия между идеей президентства и стремлением республик к расширению своей самостоятельности». Иными словами, в республиках молниеносно уловили, что центральная власть укрепляется, и, не желая поступаться обретенной самостоятельностью, решили воспользоваться моментом, чтобы на всякий случай обезопасить себя. Опытный и хитрый политик, лидер Казахстана, можно сказать, повел беспроегрышную игру.

Не буду скрывать, в мои расчеты, конечно же, не входило создание президентских постов в союзных республиках. Это наполовину обесценивало все приобретения, которые мы связывали с повышением авторитета центральной власти. Соглашаясь дать Москве дополнительные прерогативы, республики тут же требовали «своей доли». Но делать было нечего. Попытка оспаривать разумность такого подхода могла лишь возбудить страсти и привести к тому, что изменения в Конституции не получили бы требуемого квалифицированного большинства. Поистине тогда (в который раз!) я убедился, что политика есть «искусство возможного».

Но главная атака, как и следовало ожидать, последовала из демократического лагеря. А глашатаем выступил все тот же ректор Московского государственного историко-архивного института, автор формулы об агрессивном-послушном большинстве съезда Афанасьев. Начал он с явной передержки — якобы речь идет «об узаконивании чрезвычайной власти определенного человека, в данный момент — Михаила Сергеевича Горбачева». А поставив вопрос в такой искаженной форме, начал затем задавать риторические вопросы: нуждаемся ли мы

все в этом, нуждаются ли в этом перестройка, все граждане Советского Союза, нуждается ли в этом сам инициатор перестройки? И сообщил, что Межрегиональная депутатская группа провела собрание и приняла решение, сводящееся к тому, что она отрицательно относится к введению поста президента и выступает против его избрания на съезде.

Вообще мне часто приходило в голову одно сравнение. Во Французской революции на крайне левом фланге выступала группа Эбера-Ру, которую прозвали «бешеными». Вот и у нас объявились такие «ультраревOLUTIONЕРА». Но Афанасьев явно лидировал, разве что в паре с Юрием Черниченко. Может быть, секрет в том, что, будучи специалистом как раз по Французской революции, он вдохновился образом неподкупного Робеспьера и подсознательно претендовал на аналогичную роль в перестройке? По Фрейду — это случается.

Доводы Афанасьева были опровергнуты многими депутатами. Предметнее всего это сделал, пожалуй, академик В.И.Гольданский. «Конечно, — сказал он, — было бы лучше избирать президента на основе всеобщего равного и прямого избирательного права, как это предлагается делать в дальнейшем. Но сегодня у нас просто нет на это времени. Сегодня речь идет, выражаясь медицинскими терминами, о срочной необходимости реанимации, а не о санаторном лечении. Я полностью отвожу высказывание о том, что создание поста президента обусловлено стремлением Горбачева к абсолютной личной власти. По сути дела, он получил именно такую абсолютную власть пять лет назад, когда стал Генеральным секретарем ЦК партии. Было бы нелепо предполагать, что, всецело посвятив свою деятельность в эти пять лет слому той административно-бюрократической системы, Горбачев решил сейчас захватить в свои руки власть в новой ипостаси».

Эту тему поднял и представитель профессиональных союзов А.А.Коршунов: «У нас почему-то, к сожалению, является признаком хорошего тона как можно больше грязи вылить на руководителя, на строй, на кого угодно. Но все-таки, вспомните, какую ношу взвалил он на себя, взвалил по собственной инициативе и, я должен прямо сказать, не при всеобщем одобрении административного, партийного аппарата в его высших эшелонах. Нам это теперь известно из выступлений, которые звучали на пленумах ЦК, такие выступления были и на XIX партконференции, и здесь, в этом зале, часто звучала ностальгия по прошлому, по твердой руке. Не позавидуешь нашему нынешнему председателю: со всех сторон уже много лет идут на него в атаку швондеры от власти и шариковы от рабочего класса. Да, в обществе нарастает неуверенность, неверие в перестройку и неверие в своего лидера. И должен сказать, что Михаил Сергеевич Горбачев тоже повинен в этом. Повинен в том, что непоследовательно и не до конца доводил всегда им

же самым начатое дело. Но, дорогие товарищи, мы должны сделать свой выбор, тяжелый выбор, но необходимый. Либо страна неминуемо придет к развалу, к разрухе, либо все-таки мы попытаемся еще раз ввести ее в нормальное человеческое и государственное русло».

Я прошу извинения у читателей за обильное цитирование, но уж очень драматический сюжет развернулся на том заседании, причем имеющий отношение не только к моей персоне, а к будущему перестройки, к судьбе страны. Некоторые высказывания того периода прямо перекликаются с тем, что происходит у нас сейчас. Вот например, как рассуждал Н.Т.Добежа (Чобану), молдавский писатель. Многие из нас, говорил он, находятся в этом зале благодаря Горбачеву, а сейчас настал наш черед помочь Михаилу Сергеевичу, «защитить» Горбачева от Горбачева. Концентрация огромной власти в руках одного человека представляет собой опасность для процесса демократизации нашего общества, который связан с именем Горбачева. Мы ему доверяем, но кто уверен, что через четыре года или девять лет не придет тот, кто захочет создать в СССР социализм царского покрова? Вот чего мы должны опасаться. Да, стране трудно. Существует опасность возврата к диктатуре, резко падает дисциплина, все мы живем в постоянном напряжении, никто никого не слушает. Иными словами, чтобы поправить дела, нам нужен «царь». Пусть он называется по-иному — Генеральный секретарь, председатель партии, — важно не это, а то, что мы вдруг осознали, что нам необходим «батюшка», которому можно пожаловаться на урядников или наместников, который распустил бы в случае необходимости Думу и т. д.».

Правда, звучит более чем актуально? А из дальнейшего выступления молдавского писателя стало видно, что в союзных республиках опасаются, как бы пост президента не дал возможности центру отобрать у них ту самостоятельность, какую приобрели они благодаря перестройке. Поэтому и поддержка создания президентского поста лишь при условии, что в Президентский совет войдут 15 вице-президентов, которые будут председательствовать в нем поочередно. Иначе говоря — одна из первых моделей Содружества.

Свою, несколько специфическую точку зрения изложили и народные депутаты, избранные от автономных республик, автономных областей и округов. Они обратились к съезду с заявлением, в котором акцент делался на праве наций на самоопределение, самостоятельное определение автономиями своего политического статуса и защиту малочисленных народов. Центральным политическим условием автономных республик стало их равноправное с союзными республиками участие в Совете Федерации.

В какой-то момент стало очевидно, что подавляющее большинство депутатов поддерживает учреждение президентского поста и избрание

первого президента на съезде. После этого дискуссия сосредоточилась главным образом на вопросе, может ли президент оставаться во главе партии. Преобладал здесь не формально юридический, а политический подход. Мало кто сомневался, что Горбачев будет избран первым президентом, и, значит, приобретало существенное значение, будет ли это сопряжено с его уходом с поста Генерального секретаря ЦК Компартии Советского Союза.

Что касается аргументов против обязательного разделения высшего государственного и партийного постов, то их было предостаточно. Прежде всего ссылались на то, что подобного требования нет в других конституциях, а на практике главы многих государств сохраняют за собой руководство политическими партиями. Что же касается главного довода межрегионалов, они считали, что президент-де будет править от имени Политбюро и выполнять его решения.

В конце концов поправка к статье 127, запрещающая президенту возглавлять политические партии, не набрала квалифицированного большинства и была отклонена. Но по итогам голосования было видно, что за нее голосовали как «межрегиональщики», так и «партийные фундаменталисты», у которых уже появилось желание сменить генсека — ясно для чего. Объединившись, правое и левое крыло дали в совокупности 1303 голоса, но поданных против 607 хватило не пропустить поправку.

Затем внимание переключилось на весьма существенные детали предлагавшихся изменений к Конституции. Речь шла о точном формулировании права президента вводить чрезвычайное положение, о том, у кого должна быть «ядерная кнопка», о полномочиях и составе создаваемых вновь Совета Федерации и Президентского совета. После тщательного обсуждения всех этих проблем поправки были приняты, и съезд приступил к рассмотрению кандидатур на пост президента.

Депутат В.А.Ивашко, бывший тогда первым секретарем ЦК Компартии Украины, а позднее избранный заместителем генсека ЦК КПСС, сообщил, что на состоявшемся два дня назад Пленуме ЦК на пост Президента СССР единогласно выдвинут Горбачев. Добавил, что на случай его избрания Пленум высказал ряд пожеланий.

Поддерживая кандидатуру «инициатора перестройки», выступавшие увязывали с этим потребности представляемого ими электората. Заместитель председателя колхоза с Белгородчины Г.С.Походня заявил: «Выдвигая эту кандидатуру, мы хотели бы Михаилу Сергеевичу дать свой наказ, так как не полностью согласны с тем отношением к аграрным вопросам, которые до сего времени было и у него и у правительства». Маршал В.Г.Куликов, поддержав мою кандидатуру по поручению ветеранов войны и труда, подчеркнул, что президент, являющийся Верховным Главнокомандующим, должен сделать все, «чтобы

армия занимала то место, которое ей положено занимать в Союзе Советских Социалистических Республик». Было много и других выступлений с намеками или умеренной критикой.

А за этими «цветочками», как водится, пошли и «ягодки». Одним из самых резких было выступление известного в стране человека Т.Г. Авалиани, в то время работавшего заместителем директора объединения «Киселевскуголь» в Кемеровской области. Он обвинил меня и в нерешительности, и в метаниях, и в том, что я натравливаю «одно крыло народа на другое». Не менее резко высказались по моему адресу Куценко, Щелканов («бешеные» правые + «бешеные» левые).

Преобладала, однако, в выступлениях поддержка моей кандидатуры. Для меня дороже всего было услышать доброе слово глубокоуважаемого мной калмыцкого поэта Кугультинова. Назвав меня человеком, «который уже дал нам половину того, что должен иметь каждый, — свободу», Давид Никитович сказал так: «Михаил Сергеевич Горбачев помнит еще, что такое штурвал комбайна. Он не забыл, что такое нулевой трудодень, как морочат, как терзают крестьянина. Он не забыл, что такое рабочий, что такое настоящая истинная справедливость».

Рыжков и Бакатин, чьи кандидатуры были выдвинуты, взяли самоотводы. Мне крайне не хотелось остаться единственным кандидатом, и, честно говоря, я рассчитывал, что межрегионалы все-таки выдвинут если не Ельцина, то кого-то другого из своих предводителей. Скажем, Попова или Афанасьева. Но этого не произошло. И не только потому, что у любого соперничающего кандидата не было тогда практически никаких шансов на победу. В других обстоятельствах это не помешало бы демократам выставить кандидата, чтобы иметь возможность поагитировать за свою линию и подтвердить верность принципу не допускать безальтернативных выборов. И причина ясна. Это — стремление всемерно принизить легитимность моего президентства: мол, мало того, что избран съездом, так еще на безальтернативной основе. Фактически эти люди заранее давали понять, что примириться с волей большинства они не намерены и будут продолжать беспощадную борьбу за власть.

1329 голосов — за, 495 — против — с таким результатом я был избран президентом и сразу обратился к съезду с небольшой речью, в которой постарался дать ответ на тревоги, прозвучавшие со съездовской трибуны.

Исполнение президентского мандата я связал с твердым намерением продолжать политику перестройки.

Отвечая тем депутатам, которые опасались, что президентство может породить узурпацию власти, я сказал, что для таких опасений нет оснований: «Гарантия тому — сама Конституция, на страже которой

стоят теперь мощные, обладающие реальными правами высшие представительные органы государственной власти — Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР... Гарантия тому — и ставшая у нас реальностью гласность, политический плюрализм».

Глядя с сегодняшней исторической вышки, можно сказать, что это были вполне серьезные доводы. Неудавшаяся попытка узурпации власти в августе 1991 года, а затем удавшаяся — в декабре того же года свидетельствуют, что опасность исходила не от широких полномочий президента.

Вечером того памятного дня, после закрытия заседания съезда, мне пришлось часа два-три принимать поздравления от депутатов, выслушивать их просьбы, пожелания, советы. Не обошлось без нескольких коротких интервью советским и зарубежным корреспондентам. А затем, когда в зале уже погасили свет, поднялся к себе в кабинет, где меня ждала Раиса Максимовна. Были еще помощники — Шахназаров и Игнатенко. Подняли бокалы, выпили кофе, отметив этим новый мой статус. А я задавал сам себе вопрос: изменилось ли что-либо в моем положении?

Орехи новой структуры

Представьте себе военачальника, окруженного штабом, маршалами и генералами, но не имеющего в своем распоряжении армейских частей.

В таком положении может оказаться высшая государственная власть, если она лишена возможности опереться на сеть властных управленческих органов на местах. В какой-то мере в таком положении мы оказались после Третьего съезда. У нас был президент, был штаб (Совет Федерации и Президентский совет), но не было опоры внизу. Вроде бы никто прямо не оспаривал прерогатив верховной центральной власти, однако импульсы, от нее исходившие, не получали энергичной встречной поддержки.

Приняв правильное решение о введении института президентства, мы, по сути дела, остановились на этой начальной стадии, не продумали вопросы до конца. Ведь достаточно широкие права были и у Председателя Верховного Совета плюс то преимущество, что он мог подкрепить свою линию авторитетными постановлениями высшего законодательного органа. А плюсы президентской системы, и значительные, могли обнаружиться при условии создания соответствующего механизма. Здесь мы действительно заколебались, действовали непоследовательно. Уже при обсуждении намечавшихся изменений и в моем окружении, и в еще большей мере на Политбюро, голоса разделились.

Теория теорией, а практика, живая политика всегда имеет решающее слово. Так получилось и на сей раз. Больше всего помешало последовательному введению президентской республики беспокойство нашего правительства за свои полномочия. У Рыжкова и его соратни-

ков возникло опасение, что Совет Министров хотят унизить, отодвинуть на задний план, превратить в «совнархоз». С этим они решительно не хотели согласиться. А у меня в то время не было ни достаточных оснований, ни тем более намерений ссориться с Николаем Ивановичем. Я по-прежнему ценил его опыт хозяйственника, прошедшего школу Госплана, не сомневался в приверженности реформам и рассчитывал работать с ним дальше.

С другой стороны, убедительно звучали и доводы советников, что президенту не следует взваливать на себя непосредственно бремя руководства экономикой. Проблем невпроворот, а отвечать за каждый пустяк придется ему.

Короче, тогда решили, что функции Совмина не будут пересматриваться. И в этом, на мой взгляд, было заложено большое противоречие.

Другая серьезная недоработка, что ли, состояла в том, что одновременно с институтом президентства мы не создали достаточно мощной судебной власти, вместо полноценного Конституционного суда (или наделения соответствующими полномочиями Верховного суда) мы учредили Комитет конституционного надзора.

Были основания ожидать, что Комитет конституционного надзора займет достойное место в нашей государственной жизни и поможет решать актуальные проблемы. Однако месяц шел за месяцем, а его не было слышно. В лучшем случае принимались решения по малозначимым вопросам или выносились весьма двусмысленные вердикты, допускавшие прямо противоположные толкования. Остряки шутили, что решения ККН требуют для своего истолкования пифий, толковавших изречения оракула. Много было жалоб на пассивность Комитета, но я не считал для себя возможным вторгаться в эту сферу, потому что вполне серьезно относился к принципу разделения властей.

И колебания со статусом правительства, и недоработки с судебной властью не идут, конечно, ни в какое сравнение с тем, что явилось главной причиной низкой эффективности президентской системы. Это, как я уже говорил, развернувшийся сразу же после принятия Верховным Советом России Декларации независимости парад суверенитетов. За ним последовала так называемая война законов. Республики соглашались признавать только те союзные законодательные акты, которые будут одобрены их парламентами. Центральная власть кардинально подрывалась.

Становилось очевидным, что нам не удастся ограничиться латанием Конституции, надо идти на заключение нового Союзного договора и соответственно менять всю государственную структуру. Таким образом, едва совершив одну достаточно радикальную реконструкцию, мы были поставлены перед необходимостью приступить к осуществлению другой.

Глава 16

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ТРУДНЫЙ ПОИСК

Глубокие корни Сейчас, когда я пишу эти строки, невыносимо горько видеть, что происходит с моей страной. Межнациональные конфликты переросли в войны, сотни тысяч беженцев вынуждены покинуть свою землю, дом, могилы предков. Бравые «стратеги» позируют на фоне пылающих городов. И самое тревожное — безразличная реакция на все это большинства общества.

Что же произошло с нами?

Не хочу искать оправданий. Политики, взявшие на себя ответственность за реформы, обладали немалым опытом в сфере межнациональных отношений, знали, что они нередко приобретают острый характер. Любые ссылки на неведение были бы несерьезны. Имел такой опыт и я. Рассказывая о своих истоках и корнях, о Ставрополе, я отметил особенности этого края. Взаимоотношения людей различных национальностей, их совместное проживание составляли часть той реальной жизни, какой я жил, были таким же неотъемлемым ее элементом, как земля, вода, воздух, хлеб, входили в мое сознание чуть ли не с молоком матери.

Соприкасаясь с культурой, традициями, особенностями быта и человеческих отношений десятков народов, проживающих на Кавказе, я знал, как важно бережно, деликатно относиться к этой тонкой материи. Защищать ее и от спонтанной вспышки националистических страстей, и особенно — от злонамеренной политики разжигания межнациональных распрей ради чьих-то корыстных интересов и амбиций.

После изгнания оккупантов с Кавказа и территории нашего края были насильственно переселены, отправлены в изгнание, на «поселение в Сибирь» калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы. Карачаевцев выселили с территории края за три дня! Молва доносила до нас — за сотрудничество с немцами. Действительно, факты коллаборационизма

определенных групп с оккупационными властями были. Власовцы, бендеровцы, полицаи. Были и в моем селе.

Но при чем здесь дети, старики, фронтовики, среди которых немало героев? Вернувшись с войны, они вынуждены были искать близких в Казахстане, Средней Азии, Сибири, многие из которых погибли в пути, не нашли сил выжить, лишенные всего на свете — от крыши над головой и имущества до Родины.

Будучи секретарем крайкома комсомола, я участвовал в возвращении калмыков и карачаевцев в родные края. Правительство, местные власти принимали тогда специальные решения по обустройству возвращающихся семей, строительству домов, созданию новых предприятий, чтобы дать им возможность получить работу. Расселяли и за пределами тех мест, где они жили раньше. В вузах Ставропольского края установили квоты для поступления на льготных условиях детей из карачаевских семей. Помогали создавать высшие учебные заведения в местах их проживания. Делалось многое, чтобы помочь людям вернуться в нормальную жизненную колею, забыть прошлое.

Но горечь оставалась и присутствовала еще многие годы. Малейшее ущемление при решении вопросов представительства в Советах или партийных органах, на руководящих должностях воспринималось более чем болезненно. Налаживать межнациональные отношения — что дерево растить. Даже непреднамеренное невнимание или упрощение порождало обиды и волнения, а столкновение людей разных национальностей на бытовом уровне быстро превращалось в острый конфликт. Так было в Зеленчукской станице, в Карачаевске, в других местах. Я усвоил тогда урок: самое элементарное противоречие на национальной почве разгорается мгновенно. Забывая все, что их еще вчера соединяло, не думая о том, что им все равно жить вместе рядом, разбегаются по разные стороны баррикад. Возникают отчуждение, ненависть, и невероятно трудно потом остудить головы.

Многообразие народов, культур — это одновременно и многообразие религий: мусульмане, буддисты, христиане всяких оттенков — старообрядцы, баптисты. Ставрополье было в числе регионов, подвергавшихся критике за недостатки в борьбе с религиозным влиянием. Дело доходило до абсурда. Умер кто-то из руководящих работников, с ним официально прощаются. Траурная процессия трогается в путь, и вдруг на пути большая группа людей его национальности вместе с родственниками и близкими забирают гроб и везут в аул, где покойный родился. Если и не увозят, то хоронят на мусульманском кладбище по мусульманскому обряду. Сложное положение: идти — не идти на похороны? Многие устранились. Некоторые шли с риском получить нагоняй: занимаешь беспринципную позицию, поощряешь. В большинстве случаев мы «закрывали глаза», если только это не приобретало демонст-

ративного характера, масштаба общественного явления. Тогда уже нельзя было не реагировать.

Две разные точки зрения существовали на строительство мечетей и церквей. Одни утверждали, что таким образом будет поощряться религиозность, другие доказывали, что именно запрет стимулирует ее. Действительно, количество незарегистрированных религиозных общин, особенно мусульманских, намного превышало число зарегистрированных, действовавших открыто. Собирались они тайно и тем самым становились как бы в оппозицию строю. Запреты не мешали существованию полуподпольных сект.

Изучая колхозный быт в сельских, казачьих, национальных районах, Раиса Максимовна собрала интересный материал. Значительная часть молодых и среднего возраста людей не исповедовали какую-либо веру, но, проявляя уважение к отцам и дедам, отдавали дань традиции. Такое я наблюдал и в своей семье. Обе бабушки, Василиса и Степанида, отличались религиозностью. Дед Андрей тоже был верующим, а дед Пантелей, коммунист, считал для себя обязательным уважать верующих. Мы же, «партийные кадры», выполняя инструкции ЦК, вели нажимистую антирелигиозную пропаганду, сплошь и рядом нарушая конституционную свободу совести. Как религиозные ордены свирепо обращали «еретиков» в свою веру, так и наши идеологи вели беззаветную борьбу с религией, без всякой нужды порождая недовольство среди простых людей.

Проблемы были, отсутствие демократии не позволяло их обсуждать, тем не менее они прорывались. Применение принудительных мер исключалось, но непререкаемый авторитет КПСС и страх перед властью в конце концов срабатывали. Договаривались со старейшинами, с интеллигенцией, находили компромиссы. Другого пути не было.

Тяжелое нам передали наследство. Кроили границы как хотели — тому прирезать, у того отнять. Создали сдвоенные республики, причем иногда соединяли не кровно-родственные, близкие друг другу народы, а наоборот. Даже когда был один народ, как в Адыгее, земля нарезалась так, что закладывались конфликты. Старый принцип римлян: разделяй и властвуй!

Главное, республики и национальные автономии были жестко привязаны к России. Существовал институт вторых секретарей, которые всегда были славянами. При возникновении национальных споров и претензий Сталин рассматривал их как проявление антисоветчины, а посему не тратил время на разъяснения и увещевания. И все же с проблемой, скажем, Карабаха так и не мог справиться: она регулярно возникала каждые десять лет. Да только ли Карабаха?

Мой жизненный опыт питал убеждение, что возможен лишь один путь — сотрудничество! Насильственное подавление бесперспективно,

так как проблемы остаются. Это показал и весь мировой опыт — европейских стран, Индии, Китая, Канады, Соединенных Штатов. Силой можно «загнать вглубь» противоречия, возникающие на этнической почве, не позволять им выходить на поверхность. Но при первом же удобном случае они всплывут и могут принести много раз больше головной боли.

Мины межнациональных конфликтов были заложены десятилетия, а иногда столетия назад.

Мало сказать, что корни большинства конфликтов уходят в прошлое. Нужно признать и то, что некоторые из них возникли уже после Октябрьской революции. Национальная политика, проводившаяся партией на разных этапах, принесла и многие бесспорные достижения, и огромный ущерб. В этой сфере, как и в других, наследие большевизма неоднозначно.

До революции Ленин и большевики подходили к национальному вопросу ортодоксально, как правоверные марксисты. Когда разразилась революция 1905 года, присоединенные или присоединившиеся к России страны и народы не ставили вопроса об отделении. Об автономии — да. И Ленин придерживался этого лозунга. Лишь после мировой войны и Октябрьской революции, убедившись в неодолимом стремлении многих народов бывшей Российской империи к обретению самостоятельности, он сформулировал принцип: признание права наций на самоопределение, вплоть до отделения, и строительство федерации равноправных республик.

Так появилась федерация — единственно возможный способ сохранить целостность государства. Она стала результатом новой интернационалистской политики революционного правительства.

Ленинская концепция федерации предполагала возможность многовариантного, «асимметричного» вхождения в ее состав: от сохраняющих большую степень независимости национальных государств (в нынешней терминологии их можно было бы назвать «присоединившимися») до областной и районной автономии. В первые годы после Октября в стране существовали пять с лишним тысяч национальных районов, позволяющих даже численно незначительным национальным меньшинствам сохранить себя, свой язык, обычаи, культуру.

Сталин круто изменил этот курс. Он не посягнул на заложенный Лениным федеративный принцип государственного устройства, но «интерпретировал» его по-своему. По мере того как центральная власть чувствовала себя все более уверенно, у республик — союзных и автономных — отбирались реальные полномочия, и в конце концов их самостоятельная государственность была низведена до уровня обычного местного самоуправления. Разве что сохранилась пышная символика. Таким образом «вождь народов» превратил Союз в сверхцентрали-

зованное унитарное государство и в глазах партии остался верен ленинским заветам, чему он придавал большое значение. Партия ведь и шла за ним, и отдала ему предпочтение перед Троцким, потому что большинство в ней считало Сталина «продолжателем дела Ленина».

Сталин и его соратники кроили границы, распределяли природные ресурсы и уголья, размещали производство. Это относилось к России, которая никогда раньше не существовала в границах, определенных для Российской Федерации. К Казахстану, в пределы которого были включены огромные территории, населенные преимущественно русскими. Это относится к конфигурации других республик — например, Грузии и Абхазии, Армении и Азербайджана. Все делалось с расчетом, чтобы они не могли и помыслить себя вне Союза.

Словом, советский опыт должен быть критически переосмыслен, но нельзя ошибочно, односторонне его оценивать. Не отражал ли он некоторые объективные потребности, свойственные нашему и, может быть, даже будущему веку? Люди, нации понимают, что без интеграции невозможно поднимать благосостояние и идти в ногу со временем. Но при этом отвергают интеграцию, доводящую до национального нивелирования.

Годы перестройки заставляли меня все больше задумываться о неизбежном многообразии форм национальных автономий, особенно для малых национальных общностей. Побывав, например, в Красноярском крае, я вплотную столкнулся с тем, как драматически сложилась судьба малочисленных народов Севера, осознал, что нужно принимать срочные меры, чтобы окончательно не «затоптать» их. Каждый народ, даже самый малочисленный, со своим языком, культурой, традициями неповторим. Растворение его в другом, более сильном и крупном, — невозможная потеря.

Жизнь показывает правоту многих идей, заложенных в организацию нашего великого союзного государства. Сложение, объединение усилий позволило каждой нации и обществу в целом резко ускорить свое развитие. Сегодня, когда он распался, вернее «четвертован» сепаратистами, идея Союза не умерла, ибо выражает объективную общественную реальность и потребность, остается оптимальным выбором для народов вновь образованного содружества.

Национальное брожение

Много потерь в решении национального вопроса связано с нашим запаздыванием, а то и ошибочными решениями. И немудрено. Ведь пришлось пройти путь от традиционной позиции до формирования политики, направленной на преобразование бюрократического унитарного Союза в демократическую федерацию суверенных государств.

Можно выделить три ступени развития наших взглядов на национальный вопрос и практических действий в этой сфере общественных отношений.

Вначале мы исходили из утвердившейся десятилетиями практики. Именно в таком духе действовали, когда возникла острая ситуация в Алма-Ате и других районах Казахстана в связи с выступлениями против смены руководства республики.

Недавно я прочитал воспоминания Кунаева. Он пишет, что в Казахстане не было брежневского застоя, республика развивалась динамично. Приводит соответствующие цифры. Однако что стояло за ними, какая реальность?

Казахский лидер сумел извлечь немалую выгоду из чрезмерного, даже по застойным взглядам, возвеличивания Генерального секретаря, подобострастного к нему отношения. Брежнев, в свою очередь, выделял и опекал Казахстан как собственную «вотчину». Но уже при первых шагах гласности там стали обнаруживаться проблемы и перекосы, вызывавшие большую тревогу.

Не думаю, что Казахстан был серьезно поражен болезнью национальных конфликтов. А вот раздражение и недовольство в связи с преобладанием одной из местных общин, «клана джусов», имели место. Невооруженным глазом было видно, какие преимущества извлекала ближняя и дальняя родня «первого» из его положения не подлежащего критике республиканского самодержца.

Ко мне поочередно заходили секретари обкомов, потом побывала группа секретарей ЦК Компартии Казахстана, казахов и русских, во главе со вторым секретарем О.С.Мирошхиным. Давали понять, что дела в республике неладные.

В свою очередь, Кунаев сам стал жаловаться на «смутьянов», попросил встречи. Смысл его рассуждений состоял в том, что осложнение обстановки в Бюро ЦК связано с интригами премьер-министра Назарбаева, который рвется к власти. Кунаев крайне негативно характеризовал его, все время повторял:

— Это опасный человек. Его надо остановить.

А в конце концов обратился с просьбой переместить его на другую работу в Москву либо отправить за границу по линии Министерства иностранных дел.

Отношения у нас с Кунаевым, как я уже говорил, были нормальными, и я решил говорить в открытую:

— Должен вам, Динмухамед Ахмедович, сказать по-товарищески. Ко мне заходила группа ваших секретарей ЦК. Они другого мнения о причинах нынешней ситуации. Считают, что вы допускаете серьезные просчеты в кадровой политике, поощряете земляческие, родственные связи, покрываете людей, которые должны нести ответственность за

злоупотребления, встали на путь гонения неугодных. Раз вопрос стоит так, считаю, что наш разговор с вами надо продолжить на заседании Политбюро с приглашением всех членов Бюро ЦК Компартии Казахстана.

— Да нет, не надо, — поспешно ответил он. — Буду уходить...

— Ну что же, в такой ситуации, — заключил я, — это, наверное, правильный шаг. Вы проявили бы мудрость и реализм.

Естественно, возник разговор о возможном преемнике. Кунаев не назвал ни Камалиденова, ни Ауельбекова, ни тем более Назарбаева.

— Михаил Сергеевич, — сказал он, — сейчас некого ставить, тем более из местных казахов. В этой сложной ситуации на посту первого секретаря должен быть русский.

Думаю, с его стороны это был продуманный шаг, рассчитанный прежде всего на то, чтобы не допустить избрания Назарбаева. Их отношения предельно обострились, хотя в прошлом Кунаев относился к нему покровительственно. Да и Назарбаев не оставался в долгу. Но позднее премьер стал проявлять большую самостоятельность. А когда он вскрыл факты значительных расходов, в том числе валюты, на всякого рода «неделовые» и незаконные траты, то и вовсе стал опасен для «первого».

После неоднократных обсуждений с членами Политбюро мы остановились на кандидатуре Г.В.Колбина. Предложение об его избрании было поддержано и в Бюро, и на Пленуме ЦК Компартии Казахстана. Но в свете последующего развития событий думаю, что мы все-таки совершили ошибку. Мы находились в начале перестройки, а действовали в какой-то мере старыми методами.

Последствия нашего решения оказались совсем не теми, на которые мы рассчитывали. 17—18 декабря 1986 года в Алма-Ате начались беспорядки. Сначала в студенческих кругах Алма-Аты, потом перекинулись на другие районы. В какой-то момент ситуация приобрела драматический характер. Была применена сила.

25 декабря Политбюро приняло вполне традиционное решение, нацеленное не столько на то, чтобы разобраться в причинах происшедшего, извлечь отсюда урок для себя, сколько на то, чтобы преподнести урок Казахстану, а заодно и другим. Руководствовались сложившимися представлениями, что все идет в русле единства и дружбы, единственная опасность — возникающие спонтанно вспышки национализма. И объяснялись они не существованием реальных проблем, а пережитками прошлого, влиянием внешних сил.

Завершая разговор на Политбюро, я сказал, что «у нас нет оснований ставить под сомнение интернационализм казахского народа». Эти слова были сразу же опубликованы в Казахстане и как бы успокаива-

ли. Тем не менее в тексте постановления сохранилось упоминание о казахском национализме. Этот пункт был в дальнейшем отменен, а Назарбаев в 1989 году настаивал даже на исключении самого термина. Но «слово не воробей», история не поддается исправлению. И дело, конечно, не столько в самих терминах, сколько в необходимости крайне взвешенного, аккуратного обращения с деликатной «национальной материей».

Национальная проблема, заложенная еще в сталинский период, встала перед нами в середине 1987 года. В условиях гласности и демократизации организованные и решительные формы приняло движение крымских татар. Как известно, после освобождения Крыма в 1944 году все проживавшее там татарское население было насильственно перемещено в лагерные поселения на Урале, в Сибири, Средней Азии. Как и в других аналогичных случаях, делалось все крайне жестоко, погибли тысячи людей.

В 1955 году советские власти отменили лагерное содержание. С начала 60-х годов крымские татары стали организовывать демонстрации, требовать возвращения в Крым. В те годы, да и в последующем их публичные протесты встречали решительные меры отпора — политические, идеологические, административные.

В июле 1987 года три дня проводились непрерывные демонстрации у Кремлевской стены с требованием полного восстановления в правах и возвращения в Крым.

По поручению руководства с делегацией крымских татар встретились Громыко и министр внутренних дел. Громыко сообщил, что создана комиссия по этому вопросу во главе с ним. При всей остроте ситуации действия с обеих сторон носили политический характер. Это давало возможность искать приемлемое для всех решение. Хотя протесты и демонстрации продолжались.

В начале 1988 года комиссия, во взаимодействии с украинскими властями, сообщила о возможности возвращения части татар в места их прежнего проживания. Такое решение шло навстречу требованиям татар и вместе с тем исходило из того, что возрождение национальной автономии невозможно. Крым за это время был заселен прежде всего русскими и украинцами. Численность населения увеличилась в несколько раз по сравнению с довоенной. Люди прожили там не одно десятилетие, все созданное на полуострове за это время сделано их руками. Необходимо было смотреть на ситуацию с учетом исторических перемен.

Встречный уважительный шаг был сделан, но вожди национального движения стояли на своих максималистских требованиях. Они создали атмосферу психоза среди своих соотечественников, заставили многих, нашедших пристанище в Средней Азии и не помъшлявших о но-

вом переселении, продать дома и двинуться в Крым. Несколько тысяч человек собрались на территории Краснодарского края, бесконечные митинги вызывали протесты местного населения. Власти предприняли меры по поддержанию общественного порядка, не прибегая к арестам, насильственным действиям.

Тогда же Громыко заявил, что все крымские татары получают разрешение на возвращение в Крым. Но комиссия подтвердила отказ вернуть статус автономной республики крымских татар. Была ссылка и на то, что нынешнее административно-территориальное деление страны закреплено Конституцией. Позднее, летом 1989 года, идея автономии возникла вновь, но в другом варианте. При обсуждении этого вопроса в Верховном Совете СССР многие депутаты предлагали проработать вопрос о создании Крымской автономной области (то есть не национальной).

Читатель знает о том, как развивались события: о спорах России и Украины по поводу Черноморского флота и статуса Севастополя, референдуме за создание республики Крым, избрании первым его президентом Юрия Мешкова, его программе преодоления экономического кризиса и решения политических проблем. Она включает и намерение идти навстречу законному стремлению крымских татар вернуться на историческую родину. И вместе с тем — отклоняет максималистские требования. Все жители этой прекрасной земли, все граждане молодой республики должны на равных участвовать в управлении ею. Что ж, это справедливо.

Проблемы реабилитации, восстановления прав репрессированных народов — тех же крымских татар, немцев Поволжья, балкарцев, чеченцев, калмыков, ингушей и других — требовали очень продуманного и взвешенного подхода. Было ясно, что без учета изменившейся демографической обстановки и выработки демократического согласия затрагиваемых сторон стабильно решить их не удастся. Историю нельзя вернуть назад. Нужно отправляться от сложившихся реальностей. Попытка действовать волевым нажимом, поспешность и односторонность могли посеять ветер, и пришлось бы пожинать бурю.

Приметы национального брожения появились в 1987 году в Прибалтике. Впрочем, оно там и не прекращалось, только появлялось подспудно. Основная причина — недовольство русификацией региона, угрожавшей превратить латышей и эстонцев в национальные меньшинства в их собственных республиках. Бурно шло строительство новых предприятий, возникала необходимость приглашать на работу жителей из других мест. Проводилось это в рамках всесоюзной системы набора рабочей силы, как в Сибири, на Урале, в Средней Азии. За короткий исторический срок произошел значительный сдвиг в национальной структуре населения. Местные власти, кстати, сами тому способство-

вали, добиваясь выделения капиталовложений. Литовское руководство «выколотило» много средств для мелиорации земель и переустройства деревни, латвийское — на развитие индустрии, в Эстонии — на то и другое.

В результате удельный вес эстонцев в Эстонии уменьшился до 60 процентов, латышей в Латвии — до 50 процентов. Раздавались жалобы на принудительное изучение русского языка, тогда как живущие там русские практически не прилагали усилий для изучения латышского или эстонского. Оставляю вопрос о принудительности, но проблема на уровне человеческих отношений действительно существовала. Очень остро встали в этом регионе экологические проблемы в связи с перегрузкой моря, рек, земли, воздушного бассейна.

Ко всему этому добавлялось замалчивание подлинной истории вхождения стран Прибалтики в СССР. В августе 1987 года в связи с годовщиной заключения советско-германского пакта о ненападении умножились требования опубликовать секретные протоколы, определившие судьбу этих стран, восстановить справедливость по отношению к жертвам массовых депортаций.

Как всегда бывает, чувство «национальной угнетенности» искусно разогревалось сепаратистскими кругами. Разумеется, тогда еще никто не заикался об отделении от Союза, но почву для этого начали готовить загодя — появились публикации националистического толка, начали культивировать антирусские настроения. 18 ноября — день объявления независимости Латвии в 1918 году — демонстративно отметили как национальный праздник. В тот день тысячи латышей, игнорируя предупреждения властей, провели шествие и возложение цветов к памятнику Свободы в Риге. Толпа была рассеяна, а организаторы демонстрации, видимо, на это и рассчитывали, чтобы взбудоражить общественное мнение.

В Литве аналогичные события произошли 16 февраля 1988 года в связи с 70-летием независимости. Состоялся молебен, прошли публичные демонстрации. Учтя уроки латвийских событий, власти действовали похитрее, и замысел организаторов полностью не удался. Нечто подобное произошло и в Эстонии.

Повторюсь: на первоначальном этапе мы, несомненно, понимали, что реформы проводятся в многонациональной стране и без учета интересов проживающих в ней наций и народностей нельзя рассчитывать на успех. И все-таки оставались во власти традиционных подходов, не подошли еще к пониманию масштабности назревших в этой сфере проблем. Не сделав необходимых уроков из событий первого периода, упустили время и опоздали. Как удар колокола напомнил об этом Нагорный Карабах.

Карабахский взрыв

В феврале 1988 года население Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР (85 процентов — армяне) потребовало перевести ее в состав Армянской ССР. Решение было принято областным Советом и сразу же поддержано многотысячными демонстрациями и митингами в Армении. Проходили они организованно, без эксцессов. Шли с плакатами в поддержку перестройки и гласности. Правоохранительные органы лишь поддерживали порядок, никаких других мер не предпринимали, да и не могли с этим людским морем.

Ответную резкую реакцию это вызвало в Азербайджане, где тоже прошли массовые митинги под антиармянскими лозунгами.

В феврале Политбюро рассматривало вопрос о Нагорном Карабахе. Разумовский сообщил, что 12 февраля в Степанакерте собрание партийных и хозяйственных руководителей высказалось за присоединение к Армении. 13 февраля прошел митинг. Были названы и два лица, которые «будоражили публику», — сотрудник института Госплана из Еревана Мурадян, инструктор обкома Карапетян. Поступила информация о позиции руководителей республик. Багиров настаивал, чтобы центр подтвердил и гарантировал неизменный статус НКАО. Демирчян выступал за то, чтобы рассмотреть обращение областного Совета НКАО в Верховных Советах Азербайджана, Армении и Советского Союза. Стало ясно, что спор Баку и Еревана вокруг Степанакерта решать придется Москве.

Рыжков сказал, что «действовать надо конституционно». Чебриков высказал мнение, что нужен не один шаг, а несколько: провести совместное заседание, послать из Москвы людей, к которым прислушиваются. Сообщил, что события отзываются в других республиках. В Эстонии растет настроение за выход из Союза, Таджикистан обсуждает свои претензии на Бухару и Самарканд.

Моя точка зрения была: проблему нужно решить политическими средствами. Заявить, что ЦК считает недопустимым любое изменение границ. Подготовить предложения экономического, социального и культурного порядка по Нагорному Карабаху. Пусть армяне и азербайджанцы соберутся вместе, сами решат, мы примем любое их решение. Подключить к их дискуссиям русскую интеллигенцию, рабочих. Было решено направить в обе республики представителей Политбюро для помощи местному руководству. В Баку выехали Лигачев и Разумовский, в Ереван — Яковлев и Долгих. В их задачу входило установить контакты, успокоить людей.

Главным в тот момент было вернуть спокойствие, не довести людей до отчаяния, не допустить, чтобы демократию повернули в свою пользу национал-экстремисты. 26 февраля я обратился к народам

Азербайджана и Армении с призывом проявить сознательность, ответственность, благоразумие. В обращении говорилось, что мы не уклоняемся от откровенного обсуждения различных предложений. Но делать это надо спокойно, в рамках демократического процесса и законности.

Обращение способствовало некоторой нормализации обстановки. В Ереване прекратился непрерывный массовый митинг, успокоенные люди разошлись по домам.

Я старался наладить диалог, нащупать пути к компромиссу, который был, по моему твердому убеждению, единственным выходом из ситуации.

В эти дни произошла моя встреча с поэтессой Сильвой Капутикян и журналистом Зорием Балаяном. Присутствовал на беседе Г. Шахназаров.

Разговор был долгим. Я дал возможность собеседникам подробно изложить предысторию вопроса. Спор вокруг Карабаха уходит, как принято говорить, в седую старину. Испокон веков на этой плодородной земле жили бок о бок два народа, она переходила из рук в руки, столетиями была во власти Персии. Но преимущественно ее населяли армяне. Сразу после революции едва не сбылась их давняя мечта о воссоединении с матерью-родиной. Но, дав сначала согласие на это, тогдашний руководитель Азербайджана Нариман Нариманов вскоре взял его обратно. В последующем вопрос поднимался не раз, в том числе после войны, но так и не нашел решения.

Подробно говорили обо всем этом Капутикян и Балаян, показывали мне тщательно собранные документы, географические карты, исторические справки. А потом стали рассказывать, как притесняют армянское население Карабаха, изолируют его от Армении, разрушают памятники старины. Фактически речь идет о целенаправленном стремлении выжить армян из области, как это удалось сделать в Нахичеванской АССР, — там после революции преобладало армянское население, теперь — 95 процентов азербайджанцев. Продолжается наступление ислама на христианство — так охарактеризовал все это кто-то из моих гостей.

Ну а потом я взял слово и тоже подробно изложил позицию руководства. Суть ее в том, что законные и справедливые чаяния армян НКАО должны быть удовлетворены, но без перекройки национально-территориального деления, способного породить в стране цепную реакцию, стать началом кровопролития.

— Подумайте, — убеждал их я, — какими могут быть последствия разгорающегося конфликта. Он неизбежно приведет к изгнанию почти 500 тысяч армян, проживающих сейчас в Азербайджане, и 200 тысяч азербайджанцев, живущих в Армении. Огромная масса людей будет обречена на лишения и страдания. Самим фактом своего существо-

вания она приведет к усилению нетерпимости. Предотвратить беду — наш общий долг и прежде всего святая обязанность интеллигенции обеих республик. А между тем та и другая нередко занимаются разжиганием страстей.

Сильва Капутикян возразила:

— Это ренессанс национальных чувств, какое тут может быть поджигательство!

— Что же, — ответил я, — в искренности ваших чувств не сомневаюсь. Уверен, что и многие другие действительно болеют за судьбу армянского народа. Но есть и те, кто уже манипулирует национальными чувствами.

Забегая вперед, скажу, что все так и случилось. Именитую интеллигенцию, интеллектуалов Армении бесцеремонно отгеснили на задний план. То же произошло в Азербайджане, Грузии и других республиках. Через год, когда собрался Первый съезд народных депутатов СССР, Капутикян еще распространяла свои заявления, потом ее не стало слышно. А дело взяли в свои руки напористые и нахрапистые силы.

Шахназаров был такого же мнения: важно не подливать масла в огонь, не накалять страсти, это может обернуться непредсказуемыми последствиями. А ведь сам он выходец из Нагорного Карабаха, и род его, князей Шахназаровых, известен.

Эта встреча не осталась без последствий. На другой день Балаян переслал подготовленные по моей просьбе предложения о мерах первой срочной помощи НКАО. Там был 21 пункт — строительство дорог, жилья, восстановление церквей, возможность принимать передачи Ереванского радио, издание книг на армянском языке, открытие в Степанакерте университета и другие. Я связался с Рыжковым:

— Николай Иванович, посылаю тебе предложения по Карабаху, постарайся учесть как можно полнее.

— Конечно, Михаил Сергеевич, вопрос жизненный для всей страны, тут нельзя экономить.

Через два дня из Совмина прислали проект постановления, предусматривавший выделение 400 миллионов рублей на неотложные нужды НКАО. Поначалу это произвело сильное впечатление, но через два-три месяца стали поступать сигналы, что республиканские власти по своему распорядились выделенными из центра средствами, только небольшая их часть доходит до адресата. Пришлось направлять комиссии, проверять.

Основные пожелания все-таки были учтены. Но будь это сделано десять лет назад, проводи Алиев правильную интернационалистскую линию, — можно было предотвратить катастрофу. В 1988 году уже было поздно.

События нарастали как снежный ком. Дело дошло до насильственных акций, пиком которых стал кровавый погром в Сумгаите 27—29 февраля. В этом индустриальном центре, где скопилось большое число азербайджанских беженцев, группы с участием уголовных элементов, явно подстрекаемые, врываются в дома, расправляются с армянскими семьями.

Трагический итог подвела Прокуратура СССР, сообщившая (22 марта): погибло 30 человек, пострадало 197, арестовано 42.

В Сумгаит направили войска. Безоружные солдаты пытались образумить озверевших хулиганов. Многие курсанты пострадали, некоторые остались инвалидами. Но если бы у них были автоматы, думаю, последствия могли быть еще более тяжелыми.

Нас нередко упрекали за «проявление слабости». А когда во избежание дальнейшего кровопролития пришлось ввести милицейские силы и воинские части, мы снова оказались под огнем критики, теперь уже — за применение силы. Разумеется, правительство должно было поступить именно так. Чрезвычайные меры определялись чрезвычайными обстоятельствами. То же самое сделали бы в любом демократическом государстве.

Резня в Сумгаите вызвала всеобщее возмущение, все были потрясены. Вместе с тем в мусульманских республиках дало себя знать сочувствие единоверцам. События грозили выйти из-под контроля, перерасти в религиозный конфликт.

Вопрос о НКАО рассматривался на внеочередном заседании Политбюро 3 марта. Я отметил, что ситуация проходит через переломный этап, мы опоздали с Сумгаитом, недооценили возможные последствия.

— Могут потребоваться защитные меры, — сказал я, — чтобы не допустить гибели людей, как случилось в Сумгаите. Главное — политические методы. Однако власть должна быть властью. И когда нужно ее употребить, надо употреблять вовремя. Закон должен торжествовать.

Я потребовал незамедлительно привлечь виновных к строгой уголовной ответственности, принять меры, чтобы «не выплеснулась стихия». Но исключить «кавалерийские наскоки», решать вопросы в контакте с армянскими и азербайджанскими товарищами, чтобы еще больше не наломать дров.

Еще до трагических событий, ознакомившись с мнением специалистов, я составил достаточно полное представление об истоках конфликта. Вспомним, что пережили армяне от персов, турок. Можно ли стереть из их памяти геноцид 1915 года, когда турки вырезали полтора миллиона армян, а два миллиона рассеяли по всему свету? В свое время обратились они к России не из любви к царю, а в надежде на спасение. Пошли к русскому народу под крыло.

Но и у азербайджанцев в Карабахе свои корни. Еще Ленин, понимая всю сложность данной проблемы, поручил разобраться в этом вопросе и найти решение Чичерину, наркому по иностранным делам. Конечно, присутствовал там и внешний аспект, но, думаю, определяло выбор понимание того, что лучше разобраться в сложном национальном споре может искусный дипломат.

Те, кто ведал тогда национальными делами, в первую очередь Сталин, не справились с ситуацией, не хватило тонкости. Решение было найдено далеко не идеальное. За десятилетия в автономной области накопилось немало трудностей и проблем. Азербайджанское руководство относилось к населению Карабаха далеко не в духе ленинского подхода, а иногда просто не по-человечески. Возникли проблемы языкового, культурного порядка, допускались серьезные нарушения в кадровой политике. В условиях гласности все это вскрылось. Вот и заварилась каша. Характерно, что ни в Нагорном Карабахе, ни в Азербайджане, ни в Армении не выдвигалось антисоветских, антисоциалистических лозунгов, никто не ставил вопроса о выходе из Советского государства.

В обеих республиках многие высокопоставленные должностные лица замарали себя коррупцией. Когда же началась перестройка и они почувствовали, что кресла под ними шатаются, именно эти элементы попытались спровоцировать этнические конфликты. Национальные чувства людей стали предметом нещадной эксплуатации. Карабах в их руках оказался миной, заложенной под перестройку.

Вот мои слова на этот счет:

«Давайте посмотрим на самих себя. За три года ЦК получил 500 писем о ситуации в Нагорном Карабахе. Обратил ли кто на это внимание? Нет! Была рутинная бюрократическая реакция: мол, не поделили что-то между собой армяне и азербайджанцы... Надо глубоко вникнуть в причины. Перестройка привела в движение большие внутренние силы, начали вскрываться застарелые нарывы. Возрождаются национальные чувства, а вместе с ними и национальный экстремизм. ЦК должен был изучать, исследовать проблемы».

Было решено: 1. Изложить наши оценки ситуации в прессе.

2. Генеральному секретарю выступить по телевидению. 3. Рассмотреть вопрос в Президиуме Верховного Совета СССР. 4. Опубликовать сообщение Прокуратуры по ходу расследования событий в Сумгаите. 5. Административным органам решить вопрос о дислокации войск в «горячих точках», но без введения комендантского часа.

Азербайджанским и армянским руководителям снова было сказано: «Договаривайтесь». Однако договориться они не смогли. Вновь вернули вопрос нам: пусть, мол, выносит решение Москва. Тем более что

после Сумгаита армянская сторона отказывалась верить Азербайджану.

На заседании Политбюро 6 июня я высказал предложение, что кто-то в эшелонах власти республик подзуживает, разжигает страсти.

— Единственное, с чем мы никогда не согласимся, — это поддерживать один народ в ущерб другому. Пусть нас на этот счет не шантажируют. Мы не позволим, не должны ни в коем случае допустить, чтобы истину искали через кровь! — Это было сказано в июне 1988-го.

В обстановке невероятного давления на депутатов сессия Верховного Совета Армянской ССР постановила дать согласие на вхождение Нагорного Карабаха в состав Армении и обратилась в Верховный Совет СССР с просьбой рассмотреть данный вопрос. Двумя днями позже сессия Верховного Совета Азербайджанской ССР приняла решение о неприемлемости передачи НКАО Армении и о мерах по ускорению социально-экономического развития области. 25 июня проходят митинги в Степанакерте — население возмущено тем, что местная печать не сообщает о решении Совета НКАО о выходе из состава Азербайджана.

Напряженность стремительно росла. Не прекращались митинги и забастовки в Степанакерте. 6 июля — блокада аэропорта в Ереване. Сессия облсовета в НКАО вновь принимает решение «о выходе», в Баку вновь объявляют его незаконным.

Возникал вопрос: каков выход? Громько видел его в привычном средстве: «Появится на улице армия, и сразу будет порядок». Чебриков возразил. Яковлев предложил на год взять «управление НКАО в Москву». Шеварднадзе высказался за немедленное придание НКАО статуса автономной республики. Лигачев попытался синтезировать все эти идеи: «Уже сейчас 20 тысяч беженцев. Люди без крова. Если статус республики для НКАО не поможет — ввести войска, демонтировать заводы, распустить партийные организации, исполкомы, наводить порядок».

Я поддержал предложение об автономной республике. Но этот вопрос должны были решить сами конфликтующие стороны.

18 июля состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР. Пригласили все стороны, дали возможность высказаться. Заседание транслировалось по телевидению, чтобы всем были ясны занимаемые позиции. Нашу позицию — центральной власти — поддержало большинство.

Я спрашивал:

— Как вы хотите решить проблему, победить любой ценой? Армения хочет добиться включения Нагорного Карабаха в состав своей республики, Азербайджан — не намерен допустить это, не отступит ни на миллиметр. Но ведь это нереально! Надо найти компромисс, который

устроил бы всех. Победа может быть только общей. Нельзя решать вопросы, когда идут стенка на стенку. Это политический тупик. Сумгаит, другие события вокруг Нагорного Карабаха уже наложили глубокий отпечаток на отношения двух народов, потребуется время, чтобы это хоть как-то сгладилось. Но и сейчас надо идти навстречу друг другу, искать компромисс.

На заседании были высказаны предложения усилить гарантии жителям Нагорного Карабаха, чтобы исключить повторение случившегося. Ведь и в прошлом было много обещаний, но они обернулись пустым звуком, обманом, по сути дела. Я предложил сформировать в рамках Совета Национальностей специальную комиссию для рассмотрения высказанных предложений. Такая комиссия была создана и проделала полезную работу. Сильное впечатление произвело на меня выступление Расула Гамзатова. Он предложил передать Нагорный Карабах под временное управление союзным органам. Впоследствии такое же предложение выдвинула комиссия Совета Национальностей.

20 июля было опубликовано постановление Президиума, которое еще раз подчеркнуло, что изменение границ невозможно. 26 июля ЦК партии и Президиум Верховного Совета принимают решение направить в НКАО А.И. Вольского для организации и координации выполнения принятого решения. Но нормализации обстановки не происходит. 21 сентября вводятся особое положение и комендантский час в Степанакерте и Агдамском районе.

После осенней сессии Верховного Совета СССР 3 декабря произошла моя встреча с депутатами СССР от Азербайджана и Армении, руководством обеих республик и НКАО. В ней участвовали Рыжков, Слюньков, Чебриков, Лукьянов, Разумовский. Я сказал:

— Еще один шаг — и пропасть. Вы, авторитетные избранники двух народов, просто обязаны сесть за круглый стол, вместе подумать, как выбраться из тупика...

Сегодня я еще больше уверен, что нигде национальный вопрос не удастся решить силой. У нас на Северном Кавказе царизм десятилетиями вел войны, создавал систему крепостей, поселения казаков, наказывал, громил, уничтожал — ни к чему хорошему все это не привело. Результат дало лишь налаживание торговли, сотрудничества между людьми, заключение союза с правящими элитами и старейшинами, приближение их к царскому двору, почести и привилегии. Своеобразное новое объединение возникло после Октября. При всем несовершенстве этого союза сохранялся какой-то баланс интересов.

Процесс умиротворения крайне осложнился, и в этом сыграла свою роль общественная атмосфера, складывавшаяся в стране, в Верховном Совете СССР и России. По сути дела, проявились две позиции. Одна сводилась к тому, что, мол, в момент возникновения конфликта, осо-

бенно после Сумгаита, надо было решительно ударить по «зачинщикам» смуты в НКАО и подавить его в зародыше.

Смысл другой позиции: поскольку народ Карабаха хочет воссоединиться со своей Родиной, а мы признаем право наций на самоопределение, почему бы этого не сделать? Ведь Нахичеванская автономная республика входит в Азербайджан, хотя и отделена от него армянской территорией. Точно так же можно решить вопрос с НКАО.

На каком-то этапе показалось, что решение возможно: дать Карабаху, как Нахичевани, статус автономной республики при сохранении в составе Азербайджана. Был момент, когда это предложение вот-вот могло реализоваться. Но как раз в это время в Ереване Верховный Совет принял решение о принятии НКАО в состав Армении, и все рухнуло. Рухнуло из-за внутреннего противоборства, ибо там уже разворачивалась борьба за власть, за смену правящей элиты. К власти рвалось Армянское общенациональное движение, образовавшееся на базе комитета «Карабах».

В этой связи возник еще один вариант, который прозвучал и на заседании Политбюро: с помощью вооруженных сил, центральной власти сохранить статус-кво. Иными словами, в пользу Азербайджана, но все-таки не руками азербайджанских экстремистов, а силами законной власти. Я опрашивал своих коллег: хорошо, введем президентское правление, а дальше? Вразумительного ответа не получал.

Очень уж сильны были настроения в пользу «наведения порядка». Отстаивать свою позицию в такой ситуации было непросто. Тем не менее я придерживался ее с начала и до конца, хотя и не удавалось обойтись в экстремальных случаях без строго лимитированных жестких мер.

В этот период, в 1987—1988 годах, я стремился выработать единый демократический подход к межнациональным спорам. Конфликт вокруг Нагорного Карабаха вовсе не заслонил других, казалось бы, более спокойных по формам проявления, но не менее значимых процессов, набравших силу в Прибалтике, Молдавии, Грузии, зарождавшихся в Средней Азии и на Украине. В различных регионах все чаще ставились вопросы о языках коренных национальностей, экономическом суверенитете, расширении прав. В противовес русификации нередко впадали в другую крайность, внося дух конфронтации в массовое сознание. Но вопрос о выходе из Союза в 1987 году не ставил никто, кроме, может быть, крайних экстремистских групп типа «Ассоциации независимости Эстонии», группы Я. Барканса в Латвии и некоторых националистических группировок в Литве. Не ставился он открыто и осенью 1988 года, когда в республиках образовались народные фронты.

Но если не удавалось добиться гармонизации интересов, где следовало искать выход? Терпеливо и настойчиво содействовать достиже-

нию компромисса, а главное — менять сами условия, породившие конфликт. Я считал, что межнациональные проблемы могут быть по-настоящему решены только в общем контексте экономической и политической реформы. К концу своей деятельности на посту президента не сомневался, что сохранение и обновление Союза могут удержать мир.

Была выдвинута формула: сильный центр — сильные республики. Другие говорили иначе: сильные республики — сильный центр. Пусть так, это мало что меняет. Ведь новый центр предполагалось формировать на иной основе, с иными функциями. Он должен был заниматься общими вопросами — безопасностью, согласованием основ экономической и социальной политики, координацией внешней политики, поддержанием порядка на границах и т.д. И, конечно, играть третейскую роль, когда возникают конфликты.

Прибалтика... и другие

С середины 1988 года и вплоть до 1990-го динамика межнациональных процессов нарастала, а в авангарде их, как и следовало ожидать, оказалось наиболее уязвимое звено Союза — Прибалтика.

1 октября 1988 года открылся учредительный съезд Народного фронта Эстонии. Спустя неделю образован Народный фронт Латвии. В том же месяце в Литве прошел учредительный съезд «Саюдиса». На первом этапе (примерно до середины 1989 года) фронты были еще надпартийными объединениями, включавшими представителей самых различных слоев. В них входило много горячих сторонников реформ, отнюдь не настроенных на отделение. Но поскольку партия стояла в стороне, воспринимала настороженно или враждебно всякие национальные проявления, эти движения возникали как альтернатива ей. Их знаменем стали самые острые вопросы, волновавшие общество, и потому фронты быстро обогнали партийные организации по влиянию.

Они ставили вопрос об утверждении родного языка в качестве официального языка данной республики, восстановлении национальных гимнов и флагов 1918 года, ограничении миграции, реальной самостоятельности республик. Кстати, в соответствии с формулами их Конституций и Основного Закона СССР. Все это в целом оставалось в русле идей XIX партконференции — без выдвижения требования о выходе из Союза.

В таком понимании происходивших там процессов убеждало меня и рассказанное Яковлевым. В начале августа 1988 года я рекомендовал ему поехать в Прибалтику, надеясь, что это поможет лучше понять, что там происходит.

Яковлев высказался за то, что нам не следует выступать с позиции осуждения народных фронтов; хотя там есть всякие силы, нужно сотрудничать с ними. В Прибалтику полезно съездить Рыжкову, по-

сколькo недовольство связано прежде всего с нерешенностью экономических вопросов. Деятельность союзных министерств воспринимается как колонизаторская. Целесообразно направить в республику председателя Комитета государственной безопасности и министра внутренних дел, чтобы на месте разобраться, как действуют подведомственные им органы, насколько их деятельность адекватна политике перестройки.

Подытоживая, Яковлев заверил, что «все прибалты за перестройку, за Союз». Этот оптимизм успокаивал, но показался мне чрезмерным. Первые признаки опасности, угрожавшей Союзу, я почувствовал именно тогда. Правда, всего лишь как симптом, как один из вариантов развития событий, который мы в состоянии исключить.

Положение Прибалтийских республик в Союзе имело свою специфику. С 1939 года считалось, что они добровольно вошли в состав СССР. Но гласность позволила всем узнать, как это было на деле. Да, решения принимались парламентами этих государств, не наблюдалось взрывов массового недовольства. Но нельзя сбрасывать со счетов, что для них была реальностью фашистская опасность, «присоединение» происходило на основе секретного соглашения с Германией и в условиях фактической оккупации Красной Армией.

Несомненно, что трудовые слои и левые партии с энтузиазмом поддержали этот акт. Но утверждать, что он был итогом народного волеизъявления, по меньшей мере спорно. Своеобразие ситуации заключалось и в том, что все прошедшие с той поры полвека существовали правительства Прибалтийских государств в изгнании, а Запад не признавал законность их присоединения к Союзу.

Эти обстоятельства стимулировали стремление вернуть независимость. Но главным мотивом, находившим широкий отклик, причем даже у части некоренного населения, было убеждение, что Балтия «обирается Союзом» и, обретя волю, будет жить на порядок лучше. Не без доли высокомерия рассуждали о превосходстве в производительности труда, отвлекаясь от того, что оно достигнуто за счет огромных союзных капиталовложений. При участии направлявшихся сюда из России и других республик квалифицированных специалистов и рабочих. В немалой мере благодаря даровому топливно-энергетическому сырью.

Были люди, понимавшие, что разрыв связей лишит всех этих преимуществ. Но на уровне обыденного сознания бытовало тем не менее мнение, что «другие живут за счет прибалтов». С этим я столкнулся в Эстонии, где побывал в феврале 1987 года. Тогда я сказал, используя данные межотраслевого баланса:

— На два с половиной миллиарда вы отправляете продукции из своей республики, а получаете... на три.

Первую часть этой фразы слушали с удовлетворением, тем более что для маленькой республики цифры звучали внушительно. А вот окончание привело их в шоковое состояние.

Повторяю, стремясь к получению максимальной свободы, до какого-то момента вопроса о полном разрыве прибалты не ставили. В большей мере их заботило сокращение относительной доли коренного населения. Интеллигенция первой забила тревогу, что по прошествии нескольких десятилетий народ полностью потеряет свою идентичность, государственность. Она считала, и не без оснований, что Союз не позволит переломить тенденцию и осуществить резкие меры по ограничению негативных для коренного населения демографических процессов. К тому же, думаю, был большой расчет на то, что Запад, в особенности Скандинавские страны, примут их в свои объятия.

В августе 1988 года прибалтийские власти, извлекая уроки из опыта предшествующего года, официально разрешили проведение публичных собраний в связи с 49-й годовщиной советско-германского пакта. Состоялись массовые демонстрации, открыто выдвигались националистические лозунги.

Конфликтная ситуация сложилась осенью. 16 ноября Верховный Совет Эстонской ССР принял закон об изменениях в Конституции республики и Декларацию о суверенитете, вступающие в противоречие с союзной Конституцией. Президиум Верховного Совета СССР вынужден был 18 ноября объявить эти решения, ставившие союзные законы в зависимость от их одобрения республикой, антиконституционными и недействующими.

На том заседании Президиума я старался умерить страсти, но в категорической форме заявил о неприемлемости эстонского решения. Тогда впервые прозвучало слово «кризис»:

— Разумно ли толкать к замкнутости, к обособлению, когда ведущими тенденциями в мире стали интеграция, межгосударственное разделение труда, международная кооперация, создание единого рынка? В Западной Европе идут к тому, от чего некоторые горячие головы у нас хотят отказаться. Это — архаизм, неграмотно и вредно. Если бы мы встали на путь разъединения, это замедлило бы развитие и привело к огромным потерям, отразилось бы и на материальном благосостоянии, и на духовном развитии. Такой подход идет вразрез со всем ходом нашей перестройки, экономической реформой, линией на демократизацию общественной жизни.

В Указ по моему предложению был внесен следующий пункт: «Считать целесообразным в рамках следующего этапа политической реформы разработать на основе конституционных норм систему мер и государственно-правовых механизмов... для обеспечения политических, социально-экономических интересов союзных республик, расши-

рения и защиты их суверенных прав в Союзе ССР». Тогда я полагал, что надо четко держаться намеченного поэтапного плана реформы политической системы.

Конечно, сама проблема была крайне непростой, в чем мы убедились при обсуждении в феврале 1989 года в комиссиях Верховного Совета СССР «Общих принципов перестройки руководства экономикой и социальной сферой в союзных республиках на основе расширения их суверенных прав, самоуправления и финансирования». Дискуссии порой достигали накала.

Документ, подготовленный Советом Министров и одобренный ЦК, был вынесен на обсуждение весной 1989 года. И вызвал очередной взрыв недовольства в Прибалтике. Мы опять не объяснили заранее, что речь идет лишь о первом этапе политической реформы. Общественность трех республик восприняла его как окончательный ответ центра на их требования о самостоятельности, паллиатив, или полуотказ. Запоздалые разъяснения по этому поводу слушали вполуха и всерьез не принимали.

В марте 1989 года публикуются предвыборные тезисы Народного фронта Эстонии с требованиями реализовать решение Верховного Совета республики о суверенитете, существенно изменить отношения собственности, создать новые институты власти на базе народных движений. В тех условиях исключительно важна была позиция партии. Однако она просто не умела работать в условиях демократии. Партийные лидеры, привыкшие заниматься хозяйственными делами, растерялись, когда понадобилось действовать политическими методами.

Партийные органы с самого начала отнеслись к новым движениям с подозрением, хотя там уже было немало коммунистов. В ЦК тоже преобладал взгляд на них как на детище сепаратистов и националистов. Такие элементы во фронтах действительно были, но нельзя было сводить к этому оценку массовых движений. Не удосуживаясь глубоко и серьезно проанализировать новое явление, впадали в панику.

Настолько номенклатура привыкла к удобному для себя монотонному течению жизни, что малейшие перемены вызывали панические настроения. Кооперативы — паника. Самостоятельность предприятий — паника. Экологические требования «зеленых» — паника. И уж совсем безоглядная паника с началом политической реформы. Мне все чаще приходилось говорить на эту тему:

— Ничего не надо драматизировать... Впервые мы занимаемся политической реформой такого масштаба. И у нас не должно быть заботы, как при этом объегорить свой народ. Сами призвали его к переменам, к переосмыслению всей своей жизни. Если появится что-то негодное, неприемлемое, будем и это обсуждать, опровергать, отвергать. А то мы вроде напуганы.

Неформальные организации были, что называется, с порога объявлены оппозиционными. Но ведь и с оппозицией надо взаимодействовать. Однако тянули с этим в расчете: может быть, сгинут, исчезнут как дурной сон? Если бы уже на первых порах возникло сотрудничество между партийными организациями и неформальными объединениями, выборы народных депутатов в 1989-м могли бы интегрировать партию и народные фронты в общий политический процесс. Но так не случилось, партия проморгала этот начальный этап, и во всех Прибалтийских республиках фронты выиграли выборы народных депутатов СССР.

Ободренные примером, стали действовать более решительно аналогичные организации других республик. В июне был создан Народный фронт Грузии, в мае — движение «Бирлик» в Узбекистане, в сентябре — украинский РУХ. В Молдавии, Ереване неформальные движения проводили несанкционированные митинги. Прибалты, как более опытные и организованные, снабжали их идеологическими материалами, пытались наладить координацию.

Рассказывая коллегам о своей поездке на Украину (февраль 1989 года), я говорил, что там «есть национальный вопрос, особенно принимая во внимание роль реакционной эмиграции от Петлюры до Бандеры. Но в народе сильны интернационалистические привязанности. Поэтому глашатаям «самостийности» приходится ездить за допингом в Прибалтику. Этим «искровцам» пожара так и не удалось разжечь, даже костры не воспламеняются. Народ не принимает их претензий, особенно рабочий класс».

Был ли я тогда не прав, не приукрашивал ли ситуацию? Такое впечатление сложилось тогда после поездки, думаю, оно отражало настроение трудящихся Украины. Но вот активность, организованность экстремистов, их жажду любым способом, пусть даже ценой ухудшения жизни людей, прорваться к власти, манипулирование святым чувством любви к своей нации — все это я, видимо, недооценивал.

Началась мощнейшая эскалация действий Народных фронтов. Все больше стали брать верх сепаратистские тенденции. И подстегнули их не только процессы, происходившие в Прибалтике, но и тбилисские события апреля 1989 года. Когда я прилетел из Лондона, мне прямо в аэропорту сказали, что в Грузию введены войска для охраны «объектов». Разбираться на ходу в деталях было трудно, но, почувствовав, «что-то назревает», я поручил Шеварднадзе и Разумовскому выехать в Тбилиси и прояснить ситуацию. Эта поездка, однако, была отложена, поскольку на другое утро грузинское руководство проинформировало, что положение стабилизируется. А в ночь с 8 на 9 апреля разразилась гроза.

Последующие дни были всецело заполнены усилиями не допустить эскалации, по возможности свести к минимуму последствия столкновения на центральной площади грузинской столицы. 20 апреля Шеварднадзе, только что вернувшийся в Москву, доложил Политбюро о положении в республике. Слушая его, я все время возвращался к мысли: политические методы наши кадры считают проявлением слабости. Главный аргумент у них — сила. Членам ЦК надо было выйти к народу, но они предпочитали сидеть в бункере. Сколько ни говорили мы до этого о работе в условиях демократии, а всерьез, оказывается, никто не принял. И дошло до трагедии. А ведь в ноябре 1988 года в Тбилиси назревало нечто подобное как реакция на проект конституционных поправок. Тогда я попросил Шеварднадзе в течение ночи накануне открытия сессии Верховного Совета СССР договориться с земляками, объяснить им происходящее. Обратился к грузинской общественности с устным посланием, оно было услышано и понято. Ответ вылился в мощную эмоциональную реакцию: люди радовались, обнимались, плакали. Грузины — люди гордые, с развитым чувством достоинства, но чрезвычайно высоко ценят дружбу и уважительное отношение.

Вставал и другой вопрос. Чтобы принимать правильные решения, нужно иметь точную и правдивую информацию. А я, читая шифровки, сразу же видел интересы того или иного ведомства, у каждого из которых была своя «правда». Из Тбилиси внятная информация вообще во время не поступала. А ведь в таких вопросах не семь, сто раз надо отмерить, прежде чем отрезать.

Когда речь зашла об участии армии, я резко сказал Язову:

— Дмитрий Тимофеевич, запомни навсегда и сегодня же отдай приказ: отныне без решения высших инстанций участие армии в гражданских делах запрещено.

Взорвался на том заседании Рыжков:

— Мы — члены Политбюро, я — глава правительства, узнаём о событиях из газеты «Правда». Куда это годится! Командующему армией в Грузии кто-то дает указание из Москвы, а правительство — ни слухом ни духом, ничего этого не знает! И Михаил Сергеевич — Председатель Совета Обороны, Генеральный секретарь — не знал. Как же так?

Сколько мне пришлось выдержать «испытующих взглядов», слышать прямых упреков, что-де генсек знал обо всем, что предпринималось грузинским руководством. В марте 1994 года Гавриил Попов в одной из публикаций заявил: никогда не поверю, что Горбачев не знал.

Попов может не верить — это меня не волнует. А вот многочисленным моим друзьям-грузинам могу сказать с чистой совестью: решение было принято без согласования со мной. Возмутителен факт, что

войска были брошены против граждан, а Верховный Главнокомандующий был в неведении относительно этого ЧП.

Эхо тбилисских событий, болезненно отзывавшееся во всех регионах, еще долго негативно сказывалось на всех наших попытках гармонизировать межнациональные отношения в стране.

18 мая Верховный Совет Литвы, как бы солидаризируясь с Эстонией, принял поправки к Конституции, согласно которым законы СССР действуют после утверждения их Верховным Советом республики. Были приняты также Декларация о государственном суверенитете, закон об основах экономической самостоятельности, обращение к Съезду народных депутатов и правительству СССР с требованием осудить тайные сделки между Советским Союзом и гитлеровской Германией 1939—1941 годов, объявить их незаконными и не имеющими силы с момента подписания.

В тот же день Верховный Совет Эстонии принимает решение перейти на республиканский хозрасчет с 1 января 1990 года. И как в Литве — постановление об отношении к пакту Молотова—Риббентропа.

Все это происходило накануне открытия (25 мая) Первого съезда народных депутатов СССР. Сообщения из Прибалтики вызывали огромное беспокойство, давали аргументы противникам каких бы то ни было перемен в руководстве. Занервничала даже часть реформаторов.

Незадолго до Съезда народных депутатов СССР на заседании Политбюро рассматривался вопрос о политической ситуации в Прибалтийских республиках. В ходе обсуждения вопроса я счел нужным сказать:

— Наша слабость в том, что партия опять отстает. У меня нет недоверия ни к одному из первых секретарей ЦК компартий всех трех республик в главном — отношении к Союзу, социализму, перестройке. Реальная ситуация накладывает отпечаток на их деятельность, и наши рекомендации сводятся к тому, что нынешнюю политику и практическую деятельность надо наполнять новым содержанием. Если нужны новые формы собственности — хутора, фермы, там, где это действует и полезно, надо соглашаться. Идти на аренду. Поточнее определиться с народными фронтами, чтобы не отбрасывать их, не смешивать с крайним крылом тех же фронтов. Отсекать надо экстремизм, а не зачислять в этот разряд все народное движение. В народных фронтах надо работать и делать это явно, а не за спиной. Власть употреблять, когда нарушается закон.

Помню реплику Пуго:

— Не все потеряно. Нужно быть очень осторожным в оценке ситуации, чтобы не довести ее до того, когда все действительно будет потеряно...

Все лето 1989 года национальные проблемы держали общество в напряжении. В июне произошли кровавые столкновения и погромы в Фергане. В Прибалтике сепаратисты разжигали антирусские настроения. 6 августа в Эстонии был принят закон о выборах в местные органы власти, которым вводился ценз оседлости. На крупных предприятиях республики начались забастовки.

27 августа, когда я был в отпуске в Крыму, печать опубликовала Заявление ЦК КПСС «О положении в республиках Советской Прибалтики». Оно вызвало неоднозначную реакцию и, можно сказать, привело к результатам, противоположным задуманному. Черняев сообщил мне 30 августа о телефонном звонке В.Вяляса, который заявил, что эстонцы весьма болезненно восприняли тональность документа, многие в знак протеста стали сдавать партбилеты. «В Эстонии за исключением экстремистов никогда не ставился вопрос о выходе из Союза. Не верят, что М.С. видел или принимал участие в этом заявлении. Не могут смириться с тем, что от него мог исходить документ такой тональности. Руководство республики, — сказал он, — сожалеет, что не было предупреждено об этом шаге».

Вне зависимости от того, какую роль сыграл я в создании этого документа, должен признать, что и сам поддался эмоциональной реакции на события. Наши не всегда удачные шаги и хроническое запаздывание осложняли обстановку. Все сильнее ощущалась потребность в радикальном обновлении национальной политики с учетом новых реалий.

Запоздавший Пленум

Сначала мы намеревались Пленум ЦК КПСС на эту животрепещущую тему собрать в июне 1989 года. Но, рассмотрев представленные материалы, пришли к выводу, что нужен более глубокий документ. Пришлось поручить это своей «рабочей группе» и отложить разговор до сентября.

Пауза была слишком велика. Взбудораженное общество ждало разъяснений, и я решил выступить с этим по телевидению (2 июля). Обратившись к гражданам, призвал осознать опасность и проявить ответственность, решать любые проблемы на основе демократического обсуждения и терпимости. «От правильного решения вопроса международных отношений, — говорил я, — в значительной степени зависят спокойствие и благополучие людей, судьба перестройки, если хотите, — судьба и целостность нашего государства».

В чем виделся ключ к решению накопившихся проблем? На первое место ставились права человека, преобразование Советской Федерации. Одновременно я считал нужным предупредить против крайностей. «Думая о перестройке Федерации, мы не можем не считаться с реальностями, сложившимися за столетия, особенно в годы Советской вла-

сти. Народы прошли большой путь развития, сложился единый народно-хозяйственный комплекс. Разрывать эти связи — значит резать по живому. Нельзя в поисках лучшего становиться на путь разрушения созданного».

К августу закончилась работа над тезисами, положенными в основу опубликованного 17 августа проекта платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях». В ней подчеркивалась постоянная потребность в радикальном обновлении национальной политики, а основными ее задачами назывались:

- преобразования в Советской Федерации, наполнение ее реальным политическим и экономическим содержанием;
- расширение прав и возможностей всех форм и видов национальной автономии;
- обеспечение равных прав каждому народу;
- создание условий для свободного развития национальных культур и языков;
- укрепление гарантий, исключающих ущемление прав граждан по национальному признаку.

Впервые был поставлен вопрос о разработке и подписании нового Союзного договора. Добавлю, что в проекте указывалось на роль России как консолидирующего начала всего Союза и предлагалось решить проблемы правового статуса РСФСР. Платформа с некоторыми уточнениями была принята сентябрьским Пленумом ЦК, и я берусь утверждать, что это незаурядный документ, в котором с учетом и отечественного и мирового опыта дается осмысленная трактовка актуальных проблем национального развития и межнациональных отношений.

Но недаром в народе говорят: «Дорого яичко к Христову дню». При всей ценности принятых на Пленуме решений они сильно запоздали. Это была, в частности, и расплата за старые подходы, увлечения коллегиальностью, по большей части — мнимой. Дел было невпроворот, подготовку затянули, потеряли драгоценное время.

При всем разнообразии и остроте постановки проблем их решение виделось в рамках Союза. Тогда и надо было начинать работу по созданию правовой базы реформирования Союза, проработку Союзного договора. Мы же приступили к консультациям по разработке договора только в конце 1989 года.

Начало 90-го ознаменовалось новым обострением армяно-азербайджанских отношений, что привело к армянским погромам в Баку, «исходу» армян из города.

Вопреки имеющим место фальсификациям по поводу введения войск в Баку в январе 1990 года я должен сказать, что только чрезвычайные обстоятельства вынудили ввести чрезвычайное положение.

Эта мера была направлена на предотвращение еще большего кровопролития. События разворачивались так:

13 января вечером в городе Баку группами хулиганствующих элементов были спровоцированы беспорядки и бесчинства, приведшие к человеческим жертвам.

15 января Бюро ЦК КП Азербайджана рассмотрело неотложные меры по нормализации обстановки в Баку. В принятом решении отмечалось, что преступные силы, ведущие дело к дестабилизации обстановки в республике, открыто перешли к практической реализации своих замыслов. Воспользовавшись резким ухудшением ситуации в НКАО и приграничных с ней районах, они накалили страсти в Баку, толкнули часть людей, беженцев из Армении, на противоправные действия. В ходе беспорядков и бесчинств в Баку 13 января от рук преступников погибли люди, главным образом армяне, имелись десятки раненых. Совершены погромы жилищ. Требовались экстренные меры.

Власти стремились восстановить порядок. Но внутренние распри и раскол парализовали их деятельность и способность контролировать ситуацию.

В Баку были направлены от Президентского совета Е.Примаков и от ЦК КПСС А.Гиренко. От них стала поступать крайне тревожная информация о развитии обстановки в Азербайджане. Бесчинства охватили республику, буквально сметены были органы власти в 18 районах, уничтожены пограничные сооружения на двухстах километрах границы с Ираном.

Верховный Совет республики в обстановке нарастающего морального террора оказался неспособным принимать решения.

19 января было опубликовано Обращение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР «К народам Азербайджана и Армении». Указом Президиума Верховного Совета СССР в Баку с 20 января вводилось чрезвычайное положение. Организаторы беспорядков, отказываясь подчиняться Указу, всячески препятствовали действиям войск, введенных в Баку, что привело к новым жертвам.

20 января я выступил по Центральному телевидению с оценкой ситуации и разъяснением действий руководства страны.

Эта акция по-разному оценивалась и оценивается. По мнению одних, чрезвычайное положение введено с опозданием, других — его вообще не надо было вводить. Отвечая первым, следует сказать, что союзные власти не могли это делать через голову руководства республики и сделали тогда, когда работа республиканских органов была парализована. А тех, кто считал ошибкой введение чрезвычайного положения, могу заверить, что в той обстановке могло произойти непредсказуемое — надо было остановить эскалацию насилия.

Да, горько, очень горько, что в январе 90-го оборвалась жизнь многих бакинцев, кем бы они ни были по национальности. Но не останови тогда насилие, жертвы оказались бы во много раз большими. Усвоены ли уроки января 90-го? Сомневаюсь: тому подтверждение азербайджано-армянская война.

Урок, который я вынес из всей этой трагической истории: власть не в состоянии обойтись без применения силы в экстремальных обстоятельствах. Но эта акция должна быть оправдана абсолютной необходимостью и ограничена строго взвешенной мерой. Подлинное же решение проблемы возможно лишь политическими средствами.

Россия открывает «парад суверенитетов»

После выборов в республиканские парламенты вопрос встал в совершенно иной плоскости. Республики не проводили пленумов ЦК, вопросы сразу выносились на сессии Верховных Советов и принимались государственные акты о суверенитете и независимости. То, что было сделано до середины 1990 года, приходилось начинать заново и на другой основе.

Завершался первый этап массовых движений. Он обозначился усилением центробежных тенденций как в прибалтийских, так и в ряде других республик. В Прибалтике даже «правоверные» стали играть на струне суверенитета и независимости. И так втянулись, что путь назад оказался отрезан. Сложилась такая общественная атмосфера: хочешь участвовать во власти — присягай суверенитету.

В том накале страстей, когда витала иллюзия, будто независимость чуть ли не завтра обеспечит «сладкую жизнь», с трудом воспринималась аргументация здравомыслящих. Играл роль и эмоциональный настрой, стремление заменить надоевших, обанкротившихся руководителей новыми людьми.

Победив на выборах, фронты превратились, по сути дела, в политические партии, почувствовали вкус власти, стали действовать более самоуверенно, с широким применением социальной демагогии. Началось расслоение в компартиях, они раскололись на «промосковские» и «национальные» части. В «национальные» перешли партийцы в основном социал-демократической ориентации, стремившиеся идти в ногу с господствовавшими в обществе настроениями. Лидеры, вступившие на этот путь, готовили почву для создания сильных левых партий в будущих независимых государствах. Думаю, они уже тогда не исключали возможность отделения и учитывали это в своих планах и действиях.

Между тем вновь избранные парламенты в республиках Прибалтики и назначенные ими правительства стали принимать юридические акты, означающие не что иное, как подрыв Союза.

Мы были привержены определенным принципам национальной политики и не могли отрицать право наций на самоопределение, вплоть до отделения. Оно было записано и в Конституции. Но надо было сделать все возможное, чтобы показать народам катастрофические последствия этого шага. И если он все же окажется неизбежен — процессу «развода» придать индивидуальный характер, свести к минимуму ущерб, который он грозил произвести. В короткие сроки в Верховном Совете СССР был подготовлен и принят закон, определявший процедуры и порядок выхода. Во-первых, на основе референдума. Во-вторых, при переходном периоде в 4—5 лет, в ходе которого решаются вопросы — территориальные, экономические, оборонные, имущественные, прав человека, определяются будущие основы и принципы взаимоотношений, границы.

В беседах с прибалтами я подчеркивал: право на самоопределение вплоть до отделения — неотъемлемое суверенное право, но старался убедить, что отделение противоречит интересам народов. Самостоятельность, перераспределение полномочий, децентрализация — да. Но при сохранении сотрудничества и взаимодействия. Бессмысленно критиковать федерацию, так как ее у нас не было, мы жили в унитарном государстве. Давайте сперва поживем при федеративном устройстве, говорил я, а уж потом определимся.

С этим органично перекликалась наша позиция по вопросу о партии. Уже открыто обсуждалась необходимость широкой автономии компартий республик в федеративном государстве при сохранении КПСС как целостного политического организма. Конечно, я говорю сейчас о национальном составе, оставляя в стороне возможное и даже неизбежное размежевание между ортодоксами и реформаторами.

Теперь скажу о том, что явилось решающим фактором распада СССР, опрокинуло все мои усилия сохранить Союз в преобразованном виде.

Прибалтийские сепаратисты задолго до Ельцина доказывали необходимость «суверенизации России», ратовали за создание Российской компартии. Они понимали, что это ключевой момент: если Россия «клюнет» на это, да еще взиграет русский национализм, — Союзу конец. Подливали масла в огонь и радители самостийной Украины. Вспоминаю хитроумные «братские» выступления Бориса Олейника: «Почему Россия должна обладать меньшими правами, почему у нее не должно быть политических институтов, как у других?» Русские благодушно откликались: вот настоящий друг и брат.

Словом, пытались «завести» Россию, после чего все остальное, как говорится, становилось «делом нехитрым». Но как ни старались, это не удавалось, натываясь на несокрушимый интернациональный дух народа. Референдум 17 марта 1991 года показал, что подавляющее боль-

шинство граждан России твердо стоит за Союз, соглашаясь на его преобразование.

Но у «отделенцев» из Прибалтики и других республик нашлись единомышленники в России — Демроссия, открыто взявшая курс на расчленение союзного государства. Ей удалось найти деятеля, согласившегося ради высшей власти пойти на попрание воли своего народа. Свою долю ответственности за печальный итог внесла партноменклатура республики. Недовольная реформаторским крылом, курсом руководства КПСС, не сумев понять, во что ее втягивают, депутаты-коммунисты в российском Верховном Совете (за исключением трех-четырёх человек) проголосовали за Декларацию о суверенитете, забившую первый гвоздь в гроб союзного государства. В августе 1991-го значительная часть номенклатуры поддержала ГКЧП, дав тем самым толчок дезинтеграции.

Надо сказать, что процесс возрождения национального самосознания в России имел свои серьезные особенности. На первом этапе (1988—1989 гг.) ставился вопрос о восстановлении справедливости по отношению к репрессированным народам. Автономии требовали большей самостоятельности в решении вопросов экономики, культуры, языка. Поднималась тема равноправия субъектов Российской Федерации. Малые народы обратили внимание на смертельную угрозу среде обитания.

Первой реакцией на события в Прибалтике, Молдове, Закавказье стало возмущение попытками ущемить права проживающих там русских и русскоязычных граждан. А рассуждали так: «Мы им помогали создавать индустрию, обзаводиться своими кадрами, щедро делились всем, что имели, а теперь они уходят, разваливая державу, лишая ее на Севере и Юге выхода к морю». У военных вызывала опасения возможность развала созданной круговой линии обороны. Патриотически настроенные представители творческой и научной интеллигенции были глубоко обескуражены проявлением национального эгоизма и антирусскими высказываниями своих вчерашних друзей.

Валентин Распутин, известный русский писатель, выразил эти настроения, сказав на I Съезде народных депутатов СССР: если все так недовольны Россией, хотят списать на нее все грехи, то, возможно, ей следует самой выйти из Союза? Помню тот момент: Распутин уже прошел к своему месту, а зал, стоя, продолжал аплодировать. Глубокой обидой, овладевшей на какое-то время русским народом, воспользовались ельцинисты, навязав России свой сепаратистский курс и добив Союз в декабре 1991-го.

Обвинения России и русских были не только обидны, но и несправедливы. Командно-административная система действовала от имени русского народа, но ее нельзя было отождествлять с русской нацией.

Русские пострадали от нее не в меньшей степени, а то и прежде всего. И все же... Если вирусом обиды, комплексом недооцененности заболевает такая республика, как Россия, то в наших конкретных условиях это означает разрушение ядра всего государства, его костяка, основы, несущей конструкции.

На Съезде народных депутатов, в Верховном Совете России, в правительственных кругах с первых же дней идея возрождения России обладала сильным привкусом изоляционизма. Она получила обоснование и в среде научной интеллигенции. Довольно широко ходила в обществе записка группы ученых, в которой доказывалось, что идет большая перекачка средств и ресурсов из России в республики через союзный бюджет. Союзное государство представлялось инструментом перераспределения, отнимающим у россиян то, что ими производится, что достигается интенсивной, форсированной эксплуатацией природы за счет потомков. Обосновывался вывод: распорядившись в собственных интересах тем, что имеет, Россия через 3—4 года войдет в группу самых процветающих государств. Так сформулировал это и Ельцин. Знакомая песня о том, что не производительность, не технологии, а новое распределение «спасут» Россию. И тем не менее этот аргумент сработал сильнее любых других доводов.

Именно под лозунгами — равенство, суверенитет, национальное возрождение — проходили выборы в Верховные Советы республик. Мало кто из претендентов в депутаты республиканских парламентов вспоминал о Союзе. Все обещали землякам защищать и никому не уступать свое. Шло расшатывание Союза.

Реформирование нашего огромного государства действительно требовало децентрализации, перераспределения полномочий между центром и регионами. Но республиканские и местные элиты постарались окрасить эту необходимость в гипертрофированно тревожный цвет «национального выживания» и выдвинули безответственный лозунг: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!». Сработало!

Понимал ли я тогда важность российской проблемы? Несомненно. Но вмешательство в ход предвыборной кампании, агитация против Ельцина противоречили бы начатой политике демократизации, хотя людей, способных с ним конкурировать, можно было выдвинуть. Однако и это не было сделано.

Я выступал открыто перед депутатами I Съезда народных депутатов РСФСР против избрания Ельцина Председателем Верховного Совета, так как предвидел — с его приходом станет нарастать конфронтация между союзным центром и Россией. Знал уже, что человек этот по характеру разрушитель, «таран», как охарактеризовал его бывший помощник по прессе П.Вощанов.

Зафиксированные в Декларации о государственном суверенитете России принципы и положения могли стать основой работы над новым Союзным договором. Но были в ней заложены также разрушительные начала. В частности, положение о том, что «действие актов Союза ССР, вступающих в противоречие с суверенными правами РСФСР, приостанавливается республикой на своей территории». Некоторые тезисы были не только юридически неправомерны (противоречили действующей Конституции, принятому в апреле 1990 года закону о разграничении полномочий Союза и республик), но содержали огромный взрывной заряд. Российская Федерация фактически заявила о намерении действовать по своему произволу, не считаясь с Союзом. В акции, направленной прежде всего против центра, закладывались диктат и неуважение к остальным республикам.

Вопросы о действии актов Союза ССР на территории республики, о владении, пользовании и распоряжении ее национальными богатствами, о дипломатическом представительстве, несомненно, могли стать предметом будущих переговоров. Но вновь избранные власти не считали себя связанными какими-то обязательствами и не собирались с кем-то обсуждать эти вопросы. Словно Союза и вовсе не было. Словно сама РСФСР не была его стержнем. Уникальный случай в истории!

Я уверен, что если бы не роковой шаг России, Союз можно было сохранить. В пользу этого говорит, в частности, следующий эпизод. В марте 1990 года новое руководство Литвы демонстративно объявило о независимости республики. На Съезде народных депутатов этот шаг был соответствующим образом оценен и дано поручение президенту, Верховному Совету, правительству страны во взаимодействии с властями Литвы прояснить весь комплекс вопросов. Ряд предприятий по собственной инициативе начал сворачивать связи с республикой, ограничивать поставки энергоносителей. В Вильнюсе начали чувствовать, что не все идет так, как они рассчитывали, и начали размышлять над сложившейся ситуацией.

4 мая И.Т. Фролов передал мне содержание беседы с видным ученым Вильнюсского университета, приехавшим в Москву по поручению руководства ЦК КПЛ, а также Ландсбергиса. Литовское руководство выражало готовность вступить в диалог с представителями центра, имея в виду, что решения, принятые Верховным Советом Литвы после 11 марта, могут стать объектом обсуждения и приостановления. Декларация независимости Литвы может рассматриваться Союзом как акт в значительной степени символический. Литва не будет возражать против интерпретации этого акта, согласно которой речь идет о статусе республики как «ассоциированного члена обновленного Союза ССР». В то же время конкретная реализация должна быть итогом поэтапного процесса, согласованного с Союзом.

Это была подходящая основа для поиска взаимоприемлемого решения. Прибалтийские республики в силу исторических и других особенностей могли бы пользоваться в Союзе особым статусом. Кстати, именно во время поездки в Литву я высказался о возможности дифференцированных связей с центром в рамках Союзного договора.

Однако «суверенизация России» сорвала поиск новой формулы отношений с Прибалтийскими республиками в реформированном Союзе. Она вызвала цепную реакцию принятия аналогичных документов всеми союзными, а затем и автономными республиками. Начался «парад суверенитетов». И единственным средством воспрепятствовать развалу Союза стала неотложная подготовка нового Союзного договора.

ПАРТИЯ И ПЕРЕСТРОЙКА

КПСС начала реформы

В тенденциозной историографии перестройки часто можно встретить утверждение, якобы КПСС чуть ли не с самого начала была в оппозиции к реформам, делала что могла, чтобы им помешать. Разумеется, в партии были замшелые консерваторы, не желавшие никаких перемен; настороженно отнеслись к преобразованиям партбюрократы, почуявшие в них угрозу для своих интересов. Но большинство коммунистов осознавало необходимость глубокой перестройки существовавших порядков. И именно КПСС как организация выступила инициатором реформ.

Мне не раз приходилось слышать возражение: это не партия, а группа демократически настроенных и критически мыслящих лиц. Такие люди появлялись на всех этапах. Одних преследовали, другие подчинялись правилам игры. Система подверглась серьезной, хотя и незавершенной реформе благодаря XX съезду, предпринимались попытки ее реформирования и позднее, в том числе в начале брежневского периода. Но ведь сам факт, что партия постоянно генерировала группу или слой потенциальных реформаторов, что этот слой от раза к разу действовал все смелее и мог опереться на более широкую поддержку внутри КПСС и в обществе, повторяю, сам этот факт доказывает, что КПСС как правящая организация при всем ее консерватизме и идеологической зашоренности все-таки выносила великую реформу.

На самом «верху» оказалось несколько человек, убежденных в необходимости реформ и готовых взять на себя огромный риск — начать не какой-то косметический ремонт, а капитальное преобразование предельно централизованной, бюрократизированной, идеологизированной системы, которая успела укорениться за семь десятилетий. Те члены партийного руководства, которые вместе со мной начали это предприятие, были связаны с различными регионами, общественными

слоями, политическими течениями, группировками в партии. Они знали, что в КПСС и в обществе сильны настроения в пользу обновления. Отсюда рождалась уверенность, что наше начинание не обратится донкихотством, найдет поддержку. Словом, перестройка не была однодневной агиткой, выигрышным лозунгом. Страна ее выстрадала.

Нужно видеть и то, что шансы на успех «перестроечное движение» могло иметь только при условии, что оно зародилось именно в партии. Выступи с подобной инициативой любые другие официальные или неофициальные образования, она была бы обречена на неудачу, отторгнута «политическим ядром» общества, принята за диссидентское покушение на существовавший порядок.

То есть то, что возникало в лоне партии, шло от ее руководства, ортодоксы еще кое-как переваривали, хотя воспринимали с настороженностью. А уж если бы это с самого начала пошло откуда-то со стороны — не позволили бы и шага шагнуть, задушили бы в зародыше.

А между тем общество к тому времени уже напоминало паровой котел. Альтернатива была такая. Либо сама партия задает тон процессу перемен, которые постепенно охватывают другие слои общества. Либо сохраняется без изменений, консервируется прежняя система. И тогда становится неизбежен взрыв колоссальной силы. Нужно учитывать также и то обстоятельство, что реформировать систему, то есть постепенно ее переделывать, могла только сила, державшая в руках рычаги власти.

Мы начали с концепции реформ. Важно было запустить «двигатель перемен» и «доехать» до того пункта, с которого уже невозможно было развернуться назад. На этот счет у нас были уроки всех предыдущих попыток реформ. Я имею в виду Хрущева, Косыгина, не забываю «шестидесятников», отдаю должное Сахарову, всему диссидентскому движению. Все это были по-своему подготовительные этапы начатых нами преобразований. Они оставили свой след если не в структурах, то в умах.

Можно сказать, вошло в моду укорять меня за медлительность и приписывать всевозможные колебания по принципу «шаг вперед, два шага назад». А ведь если скрупулезно восстановить в памяти ход событий, то, начиная с апрельского Пленума 1985 года, мы ни разу не сменили направление политики и все время продвигались вперед по пути реформ. Пусть не всегда одинаковым темпом, с перерывами. Но не было такого, чтобы отступили от намеченных целей на демократические преобразования.

Не сразу копали достаточно глубоко, сперва только рыхлили почву, рассчитывая получить небывалые всходы. Но уже тогда затрагивались вопросы собственности, товарно-денежных отношений, новых форм хозяйствования. Замысел приобретал более четкие очертания по

ходу движения, в результате приобретения опыта. Движение же происходило не само по себе и не волей одного генсека, а на основе дискуссий и принятия решений официальными органами правящей Коммунистической партии.

Если смотреть по этим «партийным вехам», история перестройки выглядит примерно так.

Первый этап — от апреля 1985 года и до XXVII съезда КПСС в 1986 году. Начало всегда труднее. Постепенно мы освобождались от привычных идеологических стереотипов, делали первые попытки разобраться в том, какое общество создали, как оно соотносится с ленинскими представлениями, какое место занимает в мире. Заглянули в собственную историю, постаравшись увидеть ее не в искривленном зеркале. Начали выстраивать план обновления общества в рамках социалистического выбора.

За этим, можно сказать, философским этапом последовал этап организационный, когда вырабатывались уже программы экономической, политической и правовой реформы, принимались меры по их воплощению в жизнь. И здесь каждый шаг вперед определялся партией, решениями ее руководящих органов. Напомню: январский Пленум 1987 года, на котором прозвучала мысль о необходимости пересмотреть устаревшие представления о социализме и была предложена программа радикальных мер по демократизации общества и государства. Июньский Пленум того же года, подвергший критике командно-административные методы управления экономикой и высказавшийся за радикальную экономическую реформу. Февральский Пленум 1988 года, проходивший под девизом: «Революционной перестройке — идеологию обновления». Наконец, XIX Всесоюзная конференция КПСС, решения которой послужили основой для перехода от философской концепции перестройки и первых практических действий по «методу проб и ошибок» к полномасштабной и глубокой реформе всех сторон общественной жизни. Прежде всего к проведению первых после 1917 года свободных выборов в парламент.

Таким образом, всякий беспристрастный исследователь должен признать, что партия не только была двигателем преобразований, но фактически еще до официальной отмены Съездом народных депутатов статьи 6 Конституции СССР согласилась отказаться от своего монопольного положения в обществе.

После того как собрался Первый съезд народных депутатов, власть начала переходить в руки Советов. Партия, как и полагается в демократическом обществе, уже не располагала возможностью директивно определять развитие страны, должна была действовать политическими средствами. Она все еще оставалась единственной мощной политичес-

кой силой, организованной во всесоюзном масштабе. Но, лишившись привычных командных функций, многие партийные комитеты почувствовали себя выбитыми из колеи.

Начался самый тяжелый для партии этап поисков своего места в обновляющемся обществе. Перед коммунистами встал в полном смысле судьбоносный для партии вопрос: способна ли она реформироваться? Из сросшейся с государством, во многом бюрократической структуры превратиться в массовую демократически организованную партию левых сил? Стихийно началась общепартийная дискуссия, поднялась волна критики в адрес руководства, резко увеличилось число людей, покидавших партийные ряды. Единство КПСС начало постепенно подтачиваться и разрушаться сепаратистскими движениями в республиках.

КПСС и в это тяжелое для себя время продолжала оказывать огромное влияние на ход событий. На июльском Пленуме 1988 года обсуждались вопросы реализации решений XIX партконференции. Сентябрьский Пленум был посвящен совершенствованию структуры партийного аппарата. В январе 1989 года Центральный Комитет утвердил политическую платформу КПСС на выборах. В марте выступил с новой аграрной политикой, главной целью которой стало возвращение крестьянину положения хозяина на земле. Значительным событием стал сентябрьский Пленум того же года, принявший платформу «О национальной политике партии в современных условиях». А на Пленуме, состоявшемся 5—7 февраля 1990 года, была одобрена платформа ЦК КПСС к XXVIII съезду партии «К гуманному демократическому социализму».

Надеюсь, читатель не посетует на эту «партийную хронологию». Напоминая о партийных форумах, я хотел подчеркнуть, что политическая жизнь в партии не затухала. Будучи избранным Президентом СССР, я вовсе не собирался, как утверждают сейчас некоторые, «бросить партию на произвол судьбы». Если бы у меня действительно было такое намерение, то проще всего было его осуществить, уйдя с поста генсека, чего, кстати, от меня настойчиво требовали демократы. Но именно сознавая свою ответственность перед КПСС, миллионами коммунистов за судьбу реформ, я считал своим долгом сделать все возможное, чтобы партия, пройдя путь внутренней демократизации, возродилась и заняла достойное место в новой политической структуре. На вопрос, удастся ли решить эту задачу или верх возьмет консервативная часть аппарата, должен был дать ответ досрочно созванный XXVIII съезд КПСС. А своего рода увертюрой к нему стал I съезд коммунистов России.

Второе пришествие РКП

С весны 1990 года, после первых свободных выборов в парламенты республик, когда партия почувствовала, что она отторгается на обочину развивавшихся в обществе и государстве процессов, усилилось недовольство реформаторами, деятельностью ЦК КПСС, ставилась под сомнение перестройка. А тут еще нарастали трудности в экономике, появились перебои со снабжением. Когда Рыжков объявил о предстоящем повышении цен, консервативная верхушка партии решила, что наступил подходящий момент для реванша. Спор у них шел разве что об одном: что выгоднее, имеет больше шансов на успех — заставить генсека отказаться от курса на перестройку, вернуть все к прежнему состоянию, или убрать его, добиться замены. Конечно, эти замыслы не афишировались. Опытные политиканы не хотели прослыть ретроgrадами, чувствовали, что народ не примет лозунг возврата к старым порядкам. Поэтому каждый свой шаг обосновывали стремлением активнее и плодотворнее вести перестройку.

Как раз в это время радикальные демократы успешно сыграли на лозунге «независимости» России, добились с его помощью немалого числа депутатских мест в новом Верховном Совете республики и избрания своего лидера председателем парламента. Очевидно, некоторые партийные вожаки усмотрели в этом неплохой пример для себя: если демократы сумели использовать «российскую карту», так почему бы и нам не сделать того же.

Сначала на партийных собраниях, потом на пленумах райкомов и обкомов, в печати начал ставиться вопрос о необходимости создания собственной партии российских коммунистов. Доводы были вполне серьезные: почему у всех республик есть свои компартии, свой ЦК, а у россиян нет? Это несправедливо ставит их в неравное положение. ЦК КПСС, занятый делами всей партии, не может уделять достаточно внимания республиканским заботам. Пошло-поехало! Сначала в порядке постановки вопроса, затем требования «партийных масс». И чуть ли не ультиматум.

Я ни в коем случае не хочу сказать, что вся эта затея была спекулятивной. В то время как ее зачинщики видели в этом в некотором роде легальный способ создать сильный противовес реформаторскому центру и повести партию по своему пути, многие рядовые коммунисты откликались на идею самостоятельной РКП так же, как на лозунг независимой РСФСР. Короче, здесь была реальная, а не мнимая проблема.

Я много размышлял над этим, обсуждал в узком кругу со своими коллегами, возвращаясь к истории вопроса, к ленинской позиции на этот счет. Все мы понимали, что ведь неспроста и не спонтанно было решено когда-то создать именно такую партийную структуру. Отдельное, самостоятельное существование руководящего центра коммуни-

тов, находящихся на территории России (а это две трети партии), создавало постоянную угрозу раскола. Между тем партия мыслилась как самая мощная объединительная сила страны. Ее интернационалистская идеология должна была гарантировать против распада, служить залогом целостности. Вот почему, создавая Союз, то есть, по идее, государство федеративное, Ленин был категорически против такого же решения применительно к партии.

По существу, мы оказались в положении, когда должны были решать этот вопрос заново. На этот раз у нас за плечами был долгий опыт истории, когда при сохранении формально федерации существовало не просто унитарное, а сверхцентрализованное государство. Теперь же речь шла о том, чтобы ликвидировать разрыв между формой и содержанием, идти к настоящей федерации. Выходило, что создание Российской компартии становится объективно неизбежным. Однако настал ли для этого подходящий момент, не следует ли приступить к решению этой задачи после преобразования государственности на основе нового Союзного договора? И наконец, самый существенный вопрос: не станет ли воссоздаваемая РКП инструментом антиреформаторских сил, своего рода оплотом борьбы против ЦК КПСС, где, плохо ли, хорошо, но все-таки тон задавали решительно настроенные на углубление реформ генсек и его сторонники?

К тому времени и в составе Политбюро обозначилась дифференциация позиций. Те, кто разделял мнение о необходимости углубления перестройки, были в глазах остальных либералами. Другие же, считавшие, что достигнут допустимый предел преобразований, числились в консерваторах. Дискуссии разгорались по многим вопросам. И хотя в конце концов принимались все-таки общие, согласованные решения, это не снимало различий во взглядах.

Такое различие почти сразу же дало о себе знать и по вопросу о Российской компартии. Энергичным сторонником ее создания стал Лигачев, ссылавшийся на то, что движение в ее пользу уже захватило массы коммунистов. В какой-то мере это соответствовало действительности, хотя, повторяю, и до сих пор не могу отделаться от подозрения, что кампания в пользу РКП была в значительной мере инспирирована.

У всех была на памяти попытка как-то решить «российскую проблему», предпринятая еще при Хрущеве. Тогда создали Бюро ЦК КПСС по РСФСР со своим аппаратом. Оно просуществовало несколько лет, пока не было признано, что структура эта нежизненная, порождает ненужное дублирование функций партийного руководства. Тем не менее, поскольку ничего лучшего не придумали, решили использовать этот опыт с надеждой, что в новых условиях он окажется более успешным. На Пленуме в декабре 1989 года было создано Российское Бюро

ЦК КПСС под председательством генсека, в которое вошли Воротников, Власов, Манаенков, Прокофьев, Гидаспов и ряд других лиц. Но собиралось оно редко и пользы особой не принесло. Тут была и моя вина — разрывался между многими заботами.

А главное, создание Бюро в парторганизациях встретили с откровенным неудовлетворением, приняли за попытку обойтись полумерой и погасить движение за образование РКП. Волна таких настроений нарастала, причем напор на руководство шел главным образом со стороны «фундаменталистских» кругов. Ими двигал и чисто прагматический интерес. Многие члены ЦК КПСС, выбитые перестройкой из привычной обстановки и неспособные «вписаться» в новые условия, рассчитывали воспользоваться этим шансом, чтобы вновь всплыть на поверхность.

Вопрос многократно обсуждался на Политбюро, и с учетом нарастающего давления снизу все-таки пришлось согласиться с выделением Компартии России. А после того как приняли это решение, фактически пустили дело на самотек. «Российское движение» оказалось в руках сложившейся к тому моменту контрреформаторской фракции в партийном руководстве. Это отчетливо проявилось уже на совместном заседании Российского Бюро ЦК и Подготовительного комитета. В своем вступительном слове я без обиняков сказал об опасностях, связанных с формированием РКП. Глуше говорилось об этом в докладе Манаенкова. Выступавшие соглашались, что нельзя допустить, чтобы вновь созданная Компартия России стала оппозиционной по отношению к КПСС организацией, стоящей на догматических позициях. В то же время ссылались на то, что «коммунисты настроены однозначно», «трудно противостоят напору», за которым стоят национальные обиды, горечь за ущемленное по сравнению с другими республиками положение партийных организаций. Прозвучали и намеки на то, что РКП поможет отстоять социалистические ценности, а подразумевалось на самом деле восстановление монопольного господства партии.

Закljučая дискуссию, я подчеркнул, что российский вопрос — это центральный вопрос перестройки, от него зависит все остальное. И возник он не на пустом месте, а на почве реальных трудностей в развитии России, допущенных здесь ошибок, да и активизации национальных движений в других республиках. Но его хотят использовать, на нем спекулируют и Косолапов, и Ельцин. Встанем на путь российского изоляционизма — погубим и Союз, и Российскую Федерацию.

Словом, не лежала у меня душа к этому предприятию, с самого начала я предчувствовал, чем оно может обернуться. А поскольку противостоят общему давлению действительно было невозможно, думал о том, как хотя бы свести к минимуму негативные последствия.

Конференция коммунистов России открылась 19 июня 1990 года. Поскольку она проходила всего лишь за две недели перед XXVIII съездом КПСС, после долгих дискуссий решили отдельных выборов не проводить, уполномочить делегатов, избранных от партийных организаций России. Тем самым сразу повышался статус конференции. Она приобретала значение своего рода генеральной репетиции съезда. А учитывая, как я уже говорил, что коммунисты России составляли большинство в КПСС (62 процента), то в определенной степени предрешала его исход.

В президиум были приглашены представители государственного руководства: союзного — Лукьянов, Рыжков; российского — Ельцин, Силаев. Формирование органов конференции прошло спокойно. Правда, когда начали обсуждать повестку дня, слово взял первый секретарь Киселевского горкома КПСС Кемеровской области Авалиани и огласил предложение изменить статус конференции, преобразовав ее в первый, учредительный съезд Российской компартии.

Это не было чем-то неожиданным, вопрос, по сути дела, был пред-решен. Состоялся краткий обмен мнениями, и в конце концов решили выслушать доклад Генерального секретаря ЦК КПСС, а уж затем договориться о порядке дальнейшей работы. Одновременно договорились дать слово представителям сформировавшихся к тому времени Демократической платформы и Марксистской платформы в КПСС. Само по себе это свидетельствовало о том, насколько далеко продвинулась демократизация партии. Ничего подобного она не знала с 1921 года, когда было покончено со всеми — организованными и стихийными — проявлениями инакомыслия.

Возникла дискуссия вокруг предложения пригласить на съезд в качестве гостей группу рабочих. Дело в том, что среди делегатов оказалось ничтожно малое число рабочих, их оттеснили секретари парторганизаций. Конференция и, естественно, съезд превращались в форумы партийных функционеров преимущественно районного и городского звена. Таков был результат выборов, в ходе которых партаппаратчики организовали мощное давление, попросту сами себя и делали делегатами. Я был за то, чтобы дать мандат представителям рабочего класса с правом совещательного голоса. Так, в общем, и решили. Они, между прочим, и на Российской конференции, и на съезде КПСС «задавали жару», даже выделились в своего рода секцию.

Любопытна история доклада. Задолго до конференции была организована группа по подготовке материалов. Затем на Политбюро решили, что выступить следует генсеку. Откровенно говоря, только на совете представителей делегаций узнал, что есть альтернативный доклад. Поначалу согласился было с предложением распространить его среди делегатов в письменном виде. Но что-то меня насторожило. Взял

домой, прочитал и убедился, что написан он совершенно с других позиций. Пришлось отказаться от идеи «распространения», сказать, что использую этот материал как один из источников для подготовки своего доклада.

Я считал своей задачей сказать на конференции примерно то же, что и на съезде КПСС, четко определить свою линию, чтобы делегаты знали: вот моя позиция. Тем более кто-то тогда в прессе «сетовал»: Горбачев, мол, «круглит», предпочитает общие фразы, даже говоря о противниках перестройки, не называет имен. У нас ведь такая культура, причем прежде всего в партии: всякого, с тобой несогласного, объявить врагом, выбросить вон, а то еще лучше — огреть кирпичом.

Начав с того, что вся предшествующая дискуссия привела к выводу о целесообразности образования Коммунистической партии Российской Федерации, я тут же подчеркнул: «Следует исключить любые формы противопоставления России Союзу ССР, а Компартии Российской Федерации — КПСС. Все наши помыслы и действия должны соизмеряться с исторической реальностью, быть предельно взвешенными. Произнося слово «Россия», мы должны всегда держать в памяти слово не менее сокровенное — «Союз». Считаю необходимым об этом откровенно сказать в самом начале работы нашей партконференции, определив тем самым важнейшие условия ее конструктивной работы.

...Решительно не могу согласиться с теми, кто ищет спасения России в обособлении, замкнутости и даже выходе из Союза ССР. Может, кто-то думает, что Россия вне Союза будет развиваться успешнее. Это не более чем иллюзия.

...Нам нужно хорошо различать все околороссийские шевеления, отчетливо отделить здоровые настроения в пользу создания Компартии России, продиктованные действительными проблемами и потребностями республики, от спекуляции на российских проблемах во имя достижения целей, чуждых и самой России, и партии, и стране».

Вторая главная тема, обозначенная в докладе, — перестройка.

«На XX съезде была сказана правда, которая потрясла нашу страну, социалистическое сообщество, мировое коммунистическое движение. То, что мы узнали тогда о сталинщине, было оскорблением идеалов, которыми вдохновлялись поколения, которые двигали людей на революцию, великие стройки, защиту Родины, восстановление разрушенной страны. Потрясение было огромным. Казалось, естественным следствием должны были стать глубокие общественно-политические преобразования. И хотя нельзя сказать, что с тех пор ничего не менялось, к сожалению, надежды именно на глубокие преобразования не оправдались. Хуже того, преступления постепенно стали называть ошибками, реформы подменялись совершенствованием той же бюрократической системы, идейные искания заменялись перелицовкой ста-

линских учебников. Все это породило незаживающие язвы и в обществе, и в душах людей, отравляло идейную жизнь, отягощало международные отношения. А дальше логика политической борьбы вела от недомолвок к замалчиванию прошлого, от осуждения Сталина к рецидивам его реабилитации в тех или иных формах. Неизбежным результатом всего этого стали политическое бессилие, застой во всех областях».

Сказав о необходимости и неизбежности перестройки, я коротко охарактеризовал, что удалось сделать за прошедшее время, не ушел от оценки допущенных промахов, промедления с решением назревших проблем. Центральная из них — переход к социально ориентированной рыночной экономике. «Высказываются различные суждения на этот счет, особенно по срокам, формам, тактике, и мы должны быть открыты для любых предложений. Неприемлемо лишь одно — возврат к командно-административной системе. Это было бы просто бедой, тупиком для страны.

Поскольку прошлая наша история и нынешние преобразования напрямую связаны с деятельностью партии, вполне понятно, что она оказалась в фокусе идущих в обществе дискуссий. Звучат голоса: КПСС должна покаяться и уйти с политической арены. Провокационная суть таких требований очевидна. И лучшее, чем могут ответить на это коммунисты, — продолжить начатые по инициативе партии реформы».

Я откровенно, прямо и твердо высказал свою позицию по этому вопросу:

«Мы должны недвусмысленно заявить, что КПСС без всяких оговорок, недомолвок и компромиссов отвергает идеологию и практику сталинизма, растоптавшего духовные и нравственные идеалы социализма. Она решительно выступает за полновластие Советов, народовластие, отказывается от властных и хозяйственных функций, от притязания на монополию, от любых попыток идеологического принуждения. Поддержки общества в реализации социалистических ценностей партия будет добиваться убеждением, политической работой в массах, участием в парламентской дискуссии, деятельностью в рамках Конституции и законов».

Запомнились многие выступления в развернувшейся по докладу и содокладам дискуссии.

Лысенко, сделавший содоклад от Демократической платформы, высказался за партию, которая должна отказаться от любых политических привилегий и завоевывать авторитет своей работой в народе. А догматические и реваншистские настроения наиболее полно отразились в содокладе так называемого Инициативного съезда. Яростным было выступление Валерия Ивановича Ладыгина, машиниста локомотивного депо Забайкальской железной дороги. Чувствовалось, что над

текстом основательно поработали опытные пропагандисты. Под аплодисменты он поставил вопрос, что необходим отчет ЦК КПСС на XXVIII съезде партии за проваленные пять лет перестройки. («Пусть историки занимаются прошлым, а нам нужен отчет за нынешние дела».) И в этом контексте выдвинул идею, которая потом получила поддержку на XXVIII съезде КПСС, — заслушать на съезде персональные отчеты членов Политбюро.

Самое интересное состояло в том, что делегат Ладыгин должен был, выполняя волю своих товарищей, зачитать наказ XXV конференции Читинской областной парторганизации, а в нем, в частности, содержались такие призывы к съезду — отбросить личные и групповые амбиции, консолидироваться, содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между народами, создавать правовое, демократическое общество, гарантирующее полное развитие человеческой личности, уважение к правам человека, основным свободам. Цитирую дословно: «Ваш долг не разжигать страсти; искать пути согласия, а не конфронтации; не чернить нашу историю, а знать и уважать ее, чтобы взять все лучшие страницы и достижения, достойные уровня жизни». Делегат зачитал подготовленное ему выступление, а текст наказа областной конференции передал в президиум. Ладыгина использовали фундаменталисты, про своих же товарищей он забыл.

Особенно острым неприятием реформаторской политики отличалось выступление Мельникова — первого секретаря Кемеровского обкома, выдвиженца Лигачева. Его оценки были явно рассчитаны на эмоциональную реакцию зала. «Две недели осталось до XXVIII съезда партии, партия бурлит, страна на грани социального взрыва, а руководство ЦК и Бюро ЦК КПСС по Российской Федерации, как мы видим, живет в другом измерении. При нашем попустительстве партию обвиняют во всех грехах, валят на нынешних коммунистов ответственность за все черные и белые пятна истории, безликую мафию, коррупцию. При целенаправленном содействии ближайшего окружения Генерального секретаря мы постепенно вползаем в новый, пусть в непривычной, демократической форме, культ отдельной личности. Не умаляя всемирного признания Михаила Сергеевича Горбачева как лидера КПСС и страны, отдавая должное уважение его личным достоинствам, обязан в духе партийного товарищества предостеречь и оградить его во имя нашего общего дела и большой конечной цели от этой хронической, к сожалению, для нас болезни». В заключение Мельников заявил: партийная конференция Кузбасса приняла 1 июня подавляющим большинством голосов резолюцию о недоверии ЦК и Политбюро, потребовала отставки всех его членов.

Просматривалась скоординированная позиция первых секретарей обкомов. И у этого хора были дирижеры, определены цели для пора-

жения. Четко выполнил задание «по стрельбе» Полозков: «Многие наши трудности — результат не только деформации социализма во времена культа личности, волюнтаризма и застоя, но и ошибок в ходе перестройки, особенно идейного разброда в партии, который Александр Николаевич Яковлев безобидно назвал определенной неопределенностью. Теперь-то все мы видим, как дорого приходится расплачиваться за это состояние. Непоследовательность, уступки по принципиальным вопросам, все новые и новые обещания, запаздывание с принятием серьезных решений, неумение вовремя устранить ошибки свидетельствуют об отсутствии у руководства нашей партии ясной программы действий по обновлению социализма».

Звучали и другие голоса. Секретарь Обнинского горкома партии Калужской области Скляр дал отповедь тем, кто, по его словам, хочет, что называется, «списать на Горбачева все долги». «Надо видеть, — подчеркнул он, — плюсы и минусы нашей работы. Среди коммунистов много сторонников Генерального секретаря, убежден, что немало их и в других партийных организациях».

Дело было, разумеется, не только и не столько в отношении к генсеку, сколько в способности партийной массы понять необратимость перемен и необходимость коренным образом реформировать саму партию, без чего ей угрожало откатиться на обочину политической жизни. Я уже говорил, что состав делегатов не был адекватным отражением настроений, господствовавших тогда в парторганизациях. Большинство мандатов обеспечили себе профессиональные партработники и другие категории «номенклатуры». Но при всех этих обстоятельствах консерваторам и ретроgrадам в партийной верхушке было непросто навязать свою волю конференции и последовавшему за ней съезду.

Первой пробой сил стал выбор лидера Российской компартии. Мы обсуждали этот вопрос на Политбюро, советовались с секретарями региональных партийных комитетов. При противоречивом отношении к самому факту создания Компартии России было общее понимание, что возглавить ее должен один из ведущих деятелей КПСС. Но выбор был невелик. На совещании представителей делегаций, которые должны были выдвинуть согласованное предложение по кандидатуре первого секретаря, я назвал прежде всего Валентина Александровича Купцова, бывшего тогда заведующим отделом общественных организаций, членом Секретариата ЦК КПСС и Российского бюро. У меня сложилось впечатление о нем как о человеке ясных убеждений, расположенном к демократическим реформам, способном чувствовать новизну и соответственно действовать.

Назвал я и О. Шенина, которого считал тогда искренним сторонником перестройки. Были предложены кандидатуры Полозкова, Бакати-

на и некоторые другие. Полозков взял слово для самоотвода, но своеобразного. Сказал, что, поскольку не услышал своего имени среди кандидатов, названных генсеком, не видит иной возможности, как отказаться. У него прозвучала не просто обида, а намек на то, что к нему проявляется предвзятое отношение. В самом деле, совсем недавно конкурировал с Ельциным на выборах Председателя Верховного Совета России, едва не выиграл, так кому же быть лидером РКП! Его, можно сказать, распирало самомнение, и уж, конечно, не приходило в голову, что большинство из тех, кто на Съезде народных депутатов отдал голос Полозкову, голосовало не столько за него, сколько против Ельцина.

Поскольку вопрос возник, я пояснил свою позицию, сказав, что ценю энергию Полозкова, его преданность работе, опыт руководства Краснодарской парторганизацией. Но мне думается, в случае выдвижения на пост первого секретаря ЦК РКП его известные всем взгляды будут не объединять, а раскалывать компартию. Мы же на первый план ставим задачу консолидации.

Договорились выходить с кандидатурой Купцова. На другой день я доложил об этом делегатам. Было выдвинуто еще несколько человек. Начали обсуждать. Неплохо выступил сам Купцов — спокойно, скромно; хотя, может быть, ему недоставало «огонька». Неплохое впечатление оставил О.И. Лобов, бывший в ту пору секретарем ЦК Компартии Армении. Бесцветным было появление на трибуне Шенина. А вновь названный в числе кандидатов Полозков сказал, что, раз партийная организация оказывает ему доверие, он считает непозволительным настаивать на самоотводе. В первом туре победителей не оказалось, а во втором секретари таки обеспечили избрание Ивана Кузьмича*.

Так с достаточной ясностью проявилась расстановка сил. По существу, впервые были отвергнуты предложения, исходившие от генсека и поддержанные представителями делегаций. Купцов поплатился не за себя, основательные претензии к нему вряд ли мог предъявить кто-нибудь. В данном случае номенклатура решила поставить у руля человека, который будет твердо отстаивать ее интересы.

Худшие мои опасения подтвердились. Итоги российского съезда произвели тяжкое впечатление на общество. Возникла «реакция отторжения», особенно со стороны партийных организаций в сфере науки и культуры, в инженерно-технической среде. Посыпались заявления о нежелании войти в состав РКП, выход из партии, неуплата членских взносов. Иначе как «полозковской» РКП не называли. Консервативное реноме лидера переносилось на всю организацию, изначально

* За него проголосовали 1396 делегатов, за Лобова — 1056.

лишая ее авторитета. Своего рода нарицательным стало понятие «ползковщины».

Самого Ивана Кузьмича это, естественно, мучило, но мне трудно было его поддержать, да и сам он все меньше ориентировался на генсека. В одной из откровенных бесед сказал: «Жалею, что не послушался вас, теперь мне надо уходить». И признался, что это Лигачев «в ту ночь» посоветовал ему не снимать свою кандидатуру.

Впрочем, для меня не было секретом, кто из-за кулис верховодил номенклатурной верхушкой. Было ясно, что с тем же придется столкнуться на XXVIII съезде. Между тем на Политбюро был поставлен вопрос, не отложить ли его открытие. Причем на этом сошлись Лигачев и Яковлев, их поддержал Рыжков. Одним нужно было дополнительное время, чтобы поработать с делегатами и укрепить их на позициях российского съезда. Другие опасались повторения происшедшего на российском съезде — на сей раз в масштабе всей партии.

Я склонялся провести съезд в назначенные сроки. Его давно ждали, приблизили дату проведения по требованию парторганизаций, отсрочка вызвала бы у коммунистов крайнее раздражение. Но главное — нельзя было затягивать неопределенное состояние, грозившее перейти в самораспад КПСС. Только съезд мог консолидировать ее на основе новой платформы. Конечно, был риск, что дело закончится расколом, но выбора не оставалось. Было решено переговорить с руководителями крупнейших партийных организаций и в течение одного-двух дней узнать их мнение. Мнение единодушное — съезд откладывать нельзя.

Вот до чего была взвинчена обстановка российским съездом! Но, как говорят, нет худа без добра. Во-первых, было уже ясно, с чем нам придется столкнуться на съезде. Во-вторых, что еще важнее, крайне негативная реакция в партии и стране на ретроградные, антиреформаторские тенденции в руководстве вновь созданной РКП серьезно насторожила многих делегатов.

Вероятно, свою роль сыграли и опасения, возникшие у коммунистов республик, что численно преобладающая в КПСС РКП будет навязывать им свою волю. Вообще, выделение РКП сыграло такую же роковую роль в судьбе КПСС, какую сыграло в судьбе Советского Союза провозглашение Декларации независимости России и вся последующая антисоюзная политика Демроссии во главе с Ельциным.

Разногласия нарастают

Борьба между двумя течениями в партии — реформаторским и консервативным — вначале развертывалась вокруг платформы к XXVIII съезду. Дискуссии по этому вопросу шли вплоть до принятия платформы.

Просматривая свои записи того времени, вновь убеждаюсь, что, хотя в партийном руководстве еще не выявилась прямая оппозиция начатым нами преобразованиям, разногласия нарастали и размежевание в будущем становилось неизбежным.

Вот некоторые детали, дающие представление о настроениях в Политбюро. Рыжков высказался за фактическое признание многопартийности, предложил взять на себя инициативу внесения конституционных поправок по статье 6. Лигачев выступил за сохранение авангардной роли КПСС. Крючков высказался против превращения партии в парламентскую, за сохранение в качестве ее идейной основы марксизма-ленинизма, ориентации на «сочетание классовых и общенациональных интересов». Жаркие споры разгорелись вокруг родившейся тогда идеи преобразования КПСС в Союз коммунистических партий с учетом предстоящих реформ в СССР. Проект документа все же одобрили и, как водится, поручили доработать с учетом обсуждения.

А между тем в печати начали появляться другие проекты — Московской и Ленинградской парторганизаций, Демократической платформы в КПСС и т.д. Возникла идея направить письмо партийным организациям с предложением ввести общепартийную дискуссию в организованные рамки, взяв за основу документ, подготовленный Политбюро. Члены ПБ снова собрались для разговора. Яковлев был против: «Опять хотим загнать всех в одно идеологическое стойло». Остальные, особенно Лигачев, считали, что руководство обязано остановить «идейный разгул» и «очистить» партию от уже сформировавшихся в ней фракций. Имелась в виду, разумеется, Демократическая платформа, хотя еще большую активность проявляли фундаменталистские группировки Нины Андреевой, Тюлькина и др. По сути дела, с фракционной программой выступил руководимый Ю.А. Прокофьевым МГК партии.

Это-то и побудило меня поначалу поддержать идею письма. Но первый его вариант, рожденный в недрах оргпартотдела, был зубодробительным, в стиле 30-х годов: в нем предлагалось партийным комитетам исключать коммунистов и распускать целые организации, которые не захотят следовать линии ЦК. Фактически это была директива к «чистке» партии. С этой идеей наши ортодоксы носились и раньше, а теперь сочли момент подходящим, чтобы изгнать инакомыслящих.

В создавшейся ситуации я поручил Медведеву, своим помощникам поработать над письмом. В конце концов оно приобрело достаточно взвешенный характер, не запугивало карами и отлучением, а взывало к консолидации в это трудное время. И все же меня мучили сомнения, стоит ли направлять письмо. На заседании Политбюро 9 апреля я даже высказал мысль, что, может быть, вместо него послать телеграмму. Но большинство высказалось за письмо. А Лигачев настаивал еще на

обсуждении платформы Пленумом ЦК КПСС. Расчет был явно на то, чтобы еще до съезда разделаться с внутренней оппозицией и обезопасить правящую партократию от случайностей.

Мое заключение было кратким: направить письмо и опубликовать его. Пленум не нужен, не надо подставлять ЦК под удар и устраивать «охоту на ведьм». От размежевания, очевидно, не уйти, но прежде сделать все возможное для консолидации возможно большего числа коммунистов на основе платформы.

Так и поступили. А в результате, что называется, «не угодили» ни ортодоксам, ни демократам. Первые ворчали: что это за «письмишко», хватит уговаривать демократов, гнать их надо в шею. А интеллигенция расценила письмо как призыв к расправе с зачатками инакомыслия. Мол, опять Политбюро за старое, никак не могут повернуться лицом к партийным массам. Словом, в глазах демократической части общества это был проигрыш, хотя направление письма было все-таки меньшим из двух зол. Это позволило не созывать специального Пленума ЦК, на котором наверняка были бы приняты жесткие меры против «еретиков».

Вспоминаю, что на одном совещании тогдашний начальник Главного политического управления Советской Армии Лизичев счел необходимым доложить, что «выявлено» столько-то сторонников Демократической платформы, столько-то исключено из КПСС. В таком ключе выступали и другие. А между тем в интеллектуальных кругах общества реакция на платформу КПСС была довольно «кислой», говорили, что, хотя этот документ и свидетельствует о поиске новых подходов в теории и политике, он уже не отвечает духу времени, обрекает партию на отставание.

Впрочем, в ходе подготовки съезда платформа была радикально переработана, от первоначального текста не осталось в целости ни одного абзаца. На съезд был представлен уже другой документ, естественно, с другим названием, он рассматривался как программное заявление самого партийного форума.

Большое влияние на всю подготовку XXVIII съезда оказывали крупные события, происходившие в то время в стране. И прежде всего преобразование политической системы, введение института президентства и избрание президента.

Тогда вновь встал вопрос о разделении постов, и, хотя этого требовала не только оппозиция, настойчиво уговаривали многие из моего окружения, я все же считал нецелесообразным отказаться от руководства партией.

— Поймите, друзья, — говорил я им, — мне работы и на одном посту хватает с головой. Но сейчас необходимо обеспечить взаимодейст-

вие институтов легитимной власти с ролью КПСС как правящей партии. Иначе возникнет двоевластие, а затем, как уже было в нашей истории, партийная номенклатура опять возжаждет поставить под свой прямой контроль государственные структуры. Новый генсек захочет стать Председателем Верховного Совета, все вернется на круги своя.

— Короче, — заключил я, — время для ухода с поста генсека еще не пришло. Для этого нужны два условия. Государственная власть должна укрепиться настолько, чтобы был невозможен возврат к монопартийной диктатуре, а сама КПСС — преобразоваться настолько, чтобы навсегда отказаться от подобных поползновений и действовать в качестве парламентской партии.

Кого-то я убедил, кого-то не очень. Но до сих пор считаю, что ошибки тогда не допустил. Другой вопрос, вызвавший большие споры, — как избирать президента. В личном плане для меня тогда было бы желательным пойти на прямые выборы всенародным голосованием. Исхода я не боялся, думаю, был бы избран, хотя оппозиция слева и справа уже раскручивала антигорбачевские настроения. Но меня смущала нарастающая в обществе дестабилизация. Еще одна избирательная кампания в условиях, когда уже намечались выборы в республиках, могла окончательно расстроить систему управления. Это мнение разделяли практически все в Политбюро, Совмине, руководители республик.

Многие сейчас спрашивают: почему я не пошел на то, чтобы получить мандат от народа? На этом, дескать, Ельцин сыграл. Но у меня не было комплекса неполноценности, считал, что избрание съездом обеспечивает достаточную меру легитимности. Во многих странах ведь глава государства избирается парламентом.

На подготовку XXVIII съезда влияло и то, что происходило в рамках реформирования Союза. Вставал, в частности, вопрос, как быть с Литовской компартией, объявившей себя независимой от КПСС. Решение приобретало значение прецедента для других компартий союзных республик. В этой связи важно было так сформулировать положения нового Устава, чтобы, с одной стороны, КПСС не превратилась в политический клуб, не разорвалась на клочья, как лоскутное одеяло, а с другой — обеспечивалась самостоятельность ее республиканских отрядов, демократизация всей структуры. Из «ордена меченосцев», каким партия по существу оставалась весь период своего пребывания у власти, она превращалась в действительно демократическую организацию сторонников социализма.

В острых дебатах решались вопросы структуры центральных органов партии. Предлагались и президиум, и исполком, но большинство настояло на политбюро. Стремилась любой ценой сохранить традицию, причем не хрущевскую, а сталинскую и брежневскую. Полагали,

что сохранение названия как бы предопределяет сохранение функций, хотя на деле они были уже совсем другими.

Далее встал вопрос о лидере. Я выступал за «председателя», но опять-таки пришлось уступить большинству, пожелавшему сохранить генсека. Вот с чем я уже не мог согласиться — с предложением оставить в силе порядок избрания Генерального секретаря Центральным Комитетом. Чтобы он уверенно себя чувствовал, его должны избирать сами представители коммунистов, делегаты съезда. Тем самым сводилась к минимуму возможность для всяких «дворцовых переворотов» в партии.

Новое, фактически федеративное строение партии придавало иной характер формированию Политбюро — не личностный, а представительский. Первые секретари ЦК компартий республик становились ex officio членами Политбюро. Оставались генсек, его заместитель, несколько ведущих секретарей, руководящих отделами — организационным, идеологическим, экономическим, международным. В какой-то мере и здесь представительство.

Во многом по тому же принципу должен был отныне формироваться состав ЦК. Это уже отражало новую роль компартий, их самостоятельность. В то же время я добивался, и к этому съезду отнесся с пониманием, что должна быть квота для предложений генсека по кандидатурам общесоюзного значения.

Еще до съезда был предрешен уход из состава руководства ряда членов Политбюро, прошедших со мной весь путь с 1985 года или избранных по моей рекомендации позднее. Откровенно говоря, это резко ослабляло демократическую прослойку в партийном руководстве. Но делать было нечего.

Последние точки над «i» были расставлены на заседании Политбюро в Ново-Огареве 28 июня. Я сообщил, что ряд товарищей попросили об отставке, в их числе Зайков, Слюньков, Бирюкова, Воротников. Медведев и Яковлев сами сказали, что не собираются оставаться в руководстве ЦК.

Пожалуй, единственное, что оставалось неясным, — будущее Лигачева. Я в своей информации не затронул этого вопроса, сам Егор Кузьмич тоже не стал говорить на эту тему. Но он высказал мнение, что теперь настала пора разделить посты президента и генерального секретаря, и рекомендовал, чтобы я остался генсеком, оставив пост главы государства. Откровенно говоря, я не сразу сообразил, какой за этим стоял замысел. Ведь с точки зрения интересов партии было нелепым отзывать своего лидера с президентского поста, на который я был избран всего два месяца назад.

Лигачев не мог не понимать, что такой будет первая естественная реакция на его предложение. Значит, выдвигал его с другим расчетом:

скажут, от президентства Горбачеву отказываться нельзя, а вот пост генсека он может передать тому же Егору Кузьмичу. Не слишком хитроумный ход, но, видно, очень уж ему хотелось встать у руля партии. И раз не удалось получить на это мое благословение и официальную рекомендацию уходящего состава руководства, он рискнул на съезде действовать автономно. Подвели его самоуверенность и переоценка возможностей «корпуса секретарей». В прошлом они были действительно мощной силой, их поддержка имела бы решающее значение. Но время было уже другое.

Генсека фундаменталисты провалить не сумели. Шеварднадзе и Рыжков были избраны в ЦК. Яковлева, Медведева, Зайкова, Маслюкова я пригласил сотрудничать в Президентском совете и аппарате, в Совмине.

Обновленному обществу — обновленная партия На том же заседании Политбюро обсуждалась и концепция моего доклада. После XXVII съезда произошли грандиозные изменения во всех сферах жизни нашего общества, а под их влиянием — и в окружающем нас мире. Рушились прежние теоретические представления, нуждалась в коренном обновлении вся идейная основа деятельности партии.

Со своими ближайшими сподвижниками я занялся подготовкой доклада, стремясь с максимальной объективностью разобраться в ключевых вопросах, поставленных ходом нашего развития. Царила атмосфера интеллектуальной свободы, бывали и стычки, когда мне приходилось «разнимать» разгорячившихся спорщиков. Но в целом работали дружно, и удалось, как мне кажется, с достаточной четкостью поставить диагноз состоянию общества, определить новую роль партии. Позволю себе привести несколько извлечений из доклада, которые дают представление о моих позициях в критический момент, когда предreshалась судьба КПСС.

«За пять лет мы сделали революционный рывок во всех сферах жизни, и это позволило нам выйти на главный перевал. Вопрос сегодня стоит так: либо советское общество пойдет вперед по пути начатых глубоких преобразований, и тогда, убежден, — наше великое многонациональное государство ждет достойное будущее. Либо верх возьмут контрперестроечные силы, и тогда страну, народ ожидают, давайте смотреть правде в глаза, мрачные времена.

...На смену сталинской модели социализма приходит гражданское общество свободных людей.

Радикально преобразуется политическая система. Утверждается подлинная демократия со свободными выборами, многопартийностью, правами человека, возрождается реальное народовластие. Демонтиру-

ются производственные отношения, служившие источником отчуждения трудящихся от собственности и результатов их труда. Создаются условия для свободного соревнования социалистических производителей. Началось преобразование сверхцентрализованного государства в действительно союзное, основанное на самоопределении и добровольном единении народов. На смену атмосфере идеологического диктата пришли свободомыслие и гласность, информационная открытость общества. Новое политическое мышление помогло нам по-иному увидеть и реалистически оценить окружающий мир, освободило от конфронтационного подхода во внешней политике. СССР стал страной, открытой для мира и сотрудничества, вызывающей не страх, а уважение и солидарность.

...С одной стороны, то, что мы делаем, фундаментально меняет наше общество, и это будет определять, каким оно станет в ближайшие годы и десятилетия. С другой — перед нами масса нерешенных проблем, отягощающих повседневную жизнь народа. Мы не можем уйти от вопроса, почему перестроечный процесс, успешно начатый и по историческим меркам так уже много давший обществу, не принес излечения многих его болезней.

...Сейчас раздаются голоса, мол, во всех нынешних наших бедах повинна перестройка. Извините за резкость, но это просто чепуха. Нам досталось крайне тяжелое наследие. Запущенность деревни, сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, она что, возникла вчера, после 1985 года? А ведь это определяет ситуацию с продовольствием сегодня, и положение крестьян в деревне, и их жизнь сегодняшнюю. Плачевное состояние наших лесов, рек, миллионы гектаров затопленных плодородных земель в результате прежней политики в области энергетики. Это что, деяния последних лет? Тяжелая экологическая ситуация, более ста городов в зоне бедствия, свыше тысячи остановленных из-за этого предприятий, драма Байкала, Арала, Ладоги, Азова, Чернобыль и другие аварии, катастрофы на железных дорогах и газопроводах — разве все это не последствия политики, проводившейся в последние десятилетия? Разве структура экономики, в которой всего 1/7 часть производственных фондов промышленности сосредоточена на выпуске товаров народного потребления, не сложилась еще в 30-е годы и с тех пор сохраняется? Или проблемы Кузбасса, Донбасса, Тюмени, Воркуты. Ведь положение, в котором оказалась здесь социальная сфера, формировалось десятилетиями. А все то, что выплеснулось сегодня в международных отношениях, разве не уходит корнями в прошлое? Я уж не говорю о милитаризации экономики, поглотившей колоссальные, причем лучшие, материальные и интеллектуальные ресурсы, о невозполнимых человеческих потерях, связанных с войной в Афганистане.

...Уже с начала 80-х годов было ясно, что наше видимое благополучие держится за счет варварского, расточительного использования природных и человеческих ресурсов. Одна из серьезных причин того, почему многое дается с таким трудом, — противодействие переменам со стороны бюрократического слоя в управленческих структурах и социальных сил, с ним связанных. Конечно, мы отдавали себе отчет, что перестройка неизбежно затронет интересы и тех, в чьих руках была реальная власть и кто от имени народа распоряжался общественным богатством. Нынешняя позиция части руководящих кадров, которые привержены старому и никак не могут интегрироваться в перестроечные процессы, более того, не принимают их ни политически, ни психологически, для нас ясна. И мы должны видеть, что, если не преодолеть позицию таких работников, а они есть, как я уже сказал, во всех эшелонах управленческой структуры, перестроечные процессы будут обостряться... Сейчас, когда мы вступаем в решающую фазу перемен во всех сферах жизни, надо обратить внимание на такой феномен, как взаимодействие самых крайних течений, различных деструктивных и экстремистских сил. Они даже объединяются, чтобы сбить с толку людей, сбить нас с главного направления перестройки.

...Надо сделать все, чтобы перестройка развивалась как мирная революция, переводя страну в рамках социалистического выбора в новое качество, без потрясений, главной жертвой которых всегда бывает народ. Нужно создавать все демократические условия, для того чтобы к власти приходили по-настоящему талантливые люди, преданные перестройке, выражающие дух времени, настроение масс, способные делать дело. Нам как никогда нужна высочайшая степень согласия в обществе. Сейчас не время для ультиматумов и конфликтов, необдуманных действий, которые разъединяют людей, еще более усложняют ситуацию».

Делегатам съезда была представлена объективная картина положения в экономике, честно сказано о допущенных ошибках и просчетах. И делался вывод, что при всей остроте кризисных явлений следует исключить возврат к командно-административным методам, быстрее и решительнее идти по пути фундаментальных перемен в экономической системе. Речь идет о формировании новой модели экономики — многоукладной, с разнообразными формами собственности и современной рыночной инфраструктурой. Тем самым будет открыт простор деловой активности и инициативе людей, созданы сильные мотивы для плодотворного труда.

В докладе еще раз было показано, что концепция перестройки — это не сиюминутное озарение какой-то группы людей, а завершение долголетних поисков, развернувшихся после XX съезда КПСС. Апрельский Пленум 1985 года дал мощный импульс теоретическим поис-

кам, открыл возможность свободного обсуждения больших проблем жизни общества. Так родился основной замысел: оставаясь в рамках социалистического выбора, глубоко демократизировать и гуманизировать общество, создать условия жизни, достойной человека.

Эти рассуждения завершались предложением признать Программу КПСС утратившей силу, принять программное заявление и начать работу над новой программой.

Делегаты съезда, да и все общество ждали ответа на вопрос: какой же должна быть сама КПСС, в чем смысл ее обновления?

Я сказал, какой мне видится обновленная КПСС. «Партия, приверженная общечеловеческим, гуманистическим идеалам, чуткая к национальным традициям и чаяниям и вместе с тем непримиримая к шовинизму, национализму и расизму, любым проявлениям реакционной идеологии и мракобесия;

— партия, освобожденная от идеологической зашоренности, догматизма, стремящаяся играть инициативную роль в политических и идеологических процессах, действуя методами убеждения, развивая отношения сотрудничества и партнерства со всеми прогрессивными общественно-политическими движениями;

— партия, строящая взаимоотношения между своими членами исключительно на основе партийного товарищества, уважения мнения каждого, признания права меньшинства на собственную позицию, полной свободы обсуждения и обязательности для всех принятых большинством решений;

— партия, утверждающая во внутренней жизни принципы самоуправления, свободу действий партийных организаций, самостоятельность компартий союзных республик, объединенных единством программных целей и уставных положений;

— партия, открытая для контактов, взаимодействия с коммунистами, с социал-демократами, социалистами разных стран и разной ориентации, с представителями многих других течений современной политической и научной мысли».

Пожалуй, наиболее крупным и принципиальным новшеством в докладе была трактовка роли КПСС в государстве и обществе. Не отказываясь от понятия «авангардной партии», я подчеркнул, что это положение нельзя навязать, его можно только завоевать активной борьбой за интересы трудящихся и практическими делами, всем своим политическим и моральным обликом.

В предсъездовской дискуссии живо дебатировался вопрос о фракциях. Я высказался за осуждение любых попыток подавлять инакомыслие, но в то же время подчеркнул, что есть порог, переступить который — значит подкосить партию. Это — создание фракций со своей, особой внутренней дисциплиной. Члены партии, у которых сформиро-

валась отличная от позиций большинства точка зрения на те или иные вопросы, могут свободно обсуждать и пропагандировать свои взгляды, публично заявлять о них вплоть до партийных съездов.

С открытым забралом

Я уже говорил о значении XXVIII съезда. Это была схватка реформаторского и ортодоксально-консервативного течений в партии.

Спустя почти 90 лет партия на XXVIII съезде, не отказываясь от позитивных сторон своего исторического наследия, осудила тоталитаризм и присягнула демократии, свободе, гуманизму.

Это был разрыв с большевизмом, первый крупный шаг по реформированию КПСС. Но дался он тяжело, несколько раз все висело на волоске. А после съезда осталось тревожное впечатление хрупкости достигнутого прогресса. Ступив одной ногой на «новый берег», КПСС другой ногой оставалась на старом. В таком переходном состоянии застали ее последовавшие бурные события, и это сыграло роковую роль в ее судьбе.

Первые четыре-пять дней работы съезда, практически вся дискуссия по политическому отчету, прошли со значительным перевесом консервативных настроений. Ничего нового и конструктивного в выступлениях ораторов, представлявших партийно-государственную верхушку и аппарат, не прозвучало. Они не пытались сколько-нибудь объективно проанализировать ситуацию. Сказать, что должна делать сама партия, чтобы восстановить свою роль и авторитет в изменившемся обществе. По существу, пропустили мимо ушей отчетный доклад, ограничиваясь формальными ссылками на него по каким-то отдельным проблемам.

Весь пафос этих выступлений был сосредоточен на обличении и поношении руководства за то, что КПСС лишилась монопольного господства. Сетовали, многие искренне, на сложные проблемы в экономике, культуре, международных отношениях, не видя никакой своей вины, возлагая всю ответственность на «ретивых реформаторов» (говорили о «разрушителях»). Словом, это была до крайности враждебная реакция правящего слоя на реформы, угрожавшие поколебать его власть.

Что удивительно: я вот говорю, критиковалось руководство партии, на самом же деле ругали только его демократическое крыло. Поименно фигурировали генсек, Яковлев, Медведев, Шеварднадзе, вспоминали Разумовского. Но не Воротникова, Слюнькова, Крючкова, Язова, других членов и кандидатов Политбюро; кажется, не предъявлялся счет и Лигачеву. А ведь все решения принимались партийным руководством коллективно, более того, получали одобрение пленумов Центрального Комитета. Ораторы не могли этого не знать.

Доминирование консервативных настроений в прениях и их оторванность от доклада свидетельствовали о тщательной подготовке, я бы даже сказал, предварительной оркестровке, которые велись орготделом ЦК. Пока мы пытались серьезно осмыслить происшедшее и сделать необходимые выводы для политики партии, ретрограды в руководстве и аппарате «сидели на телефонах», проводили всевозможные «кустовые совещания», принимали партийных работников. Разумеется, это была обычная предсъездовская практика, но на сей раз она использовалась для того, чтобы провести съезд по сценарию контрреформаторского крыла.

До меня доходили сведения, что делегатов инструктируют отнюдь не в духе «нового мышления». Особенно активно действовали Лигачев и разделявшие его позицию заместители заведующего оргпартотделом, О. Бакланов, бывший фактически лидером ВПК. Конечно, их позиции не были для меня секретом. Но казалось немыслимым, чтобы люди, несущие свою долю ответственности за каждый шаг по пути перестройки, вели закулисную работу с делегатами съезда, настраивая их на своего рода «антиперестроечный бунт». Я явно недооценил ресурсов человеческой гибкости.

К формированию агрессивного «фундаменталистского» большинства на съезде приложили руку первые секретари ЦК компартий Украины — С. Гуренко, Белоруссии — Е. Соколов и другие.

У меня была встреча с секретарями райкомов и горкомов, просидел с ними четыре часа и почувствовал, что они вели борьбу за выживание, за сохранение своей власти. А это толкало на попытку взять реванш, вернуть партию на старые позиции, в конечном счете похоронить реформы.

Теперь о другом крыле — левее реформаторского руководства КПСС. Доклад давал им возможность задать тон дискуссии, развернуть свою аргументацию. Но они не сумели использовать этот шанс.

В выступлениях Лысенко, Шостаковского, Бузгалина, Калганова чувствовалась крайняя осторожность, были они уж очень деликатными. Вероятно, лидеров демплатформы изрядно запугали фундаменталисты. Если они вынашивали замысел увести за собой хотя бы пятую часть партии, то на съезде даже серьезной попытки размежевания не предприняли. У некоторых ораторов этого направления прозвучали, правда, призывы к своим единомышленникам хлопнуть дверью, если их мнение не будет по-настоящему принято во внимание. Но их тут же дезавуировали. В частности, Шостаковский заявил, что его группировка не уйдет. Принципы и здесь уступили расчетам. Левые не хотели отказываться от своей доли партийного наследия: зданий, газет, финансовых средств и т.д.

Все это не значит, что в дискуссии вовсе не прозвучали реформаторские идеи. Справедливости ради должен сказать, что в этом духе, притом довольно остро, выступил Ельцин. Он говорил, что нейтрализовать действия консервативных сил в партии не удалось.

Касаясь судьбы КПСС, заявил: «Или партаппарат под давлением политической реальности решится на коренную перестройку в партии, или будет цепляться за обреченные формы и останется в оппозиции к народу, в оппозиции к перестройке... Мы, отдавшие партии десятки лет жизни, сочли своим долгом прийти сюда, чтобы попытаться сказать, что выход для КПСС все же есть. Трудный, тяжелый, но выход: в демократическом государстве переход к многопартийности неизбежен. Необходимо организационно зафиксировать имеющиеся в КПСС платформы и дать каждому коммунисту время для политического самоопределения. Изменить название партии. Это должна быть партия демократического социализма. Партия должна освободить себя от любых государственных функций».

Сразу скажу: эти тезисы перекликались с Политическим докладом, были близки позициям реформаторского крыла. Но главной целью Ельцина было отнюдь не реформирование партии, а ее разрушение.

На это было направлено и его заявление, что на съезде рано обсуждать платформу и Устав.

Оставить партию в этот ответственный момент, на этапе глубоких преобразований без программных установок, не осуществив демократизации ее структуры, чего требовали все, от рядовых коммунистов и первичных организаций до ЦК компартий республик, значило подтолкнуть ее к быстрому развалу. А как можно было сформировать новое руководство, не обсудив платформы, не определив, на каких принципах следует основывать политику КПСС?

В общем, Ельцин не захотел присоединиться к реформаторскому крылу, помочь действительно спасти партию, своевременно реорганизовав ее. И, думаю, не только из-за того, что не верил в такую возможность. Его больше не устраивало участие в КПСС на вторых ролях. Он рвался к власти и видел уже себя вождем другой, своей партии.

Весьма содержательным было выступление Абалкина. Он справедливо заметил, что главное для партии — обновление идейно-теоретического фундамента. «Опыт показал, что модель, основанная на тотальном огосударствлении экономики, отрицании многообразия форм собственности и хозяйственной деятельности, отрицании рынка, не способна обеспечить высокий экономический и социальный результат».

Когда академик начал приводить аргументацию в пользу рынка, его выступление то и дело прерывалось шумом в зале, захлопыванием. Но

Леонид Иванович не покинул трибуну и высказал свою точку зрения в этой, все более накалявшейся атмосфере. Он сказал, что мы должны избавиться от мифов. Один из них заключается в том, будто бы можно перейти к процветающей экономике без жертв и испытаний, не внося за это никакой платы. Другой — якобы переход этот можно осуществить, сохраняя административный контроль над ценами, не трогая систему ценообразования.

В перерыве я попытался разыскать Абалкина. Уж не помню, когда он ко мне подошел, в тот день или на следующий. Я поблагодарил его за интересное выступление, и мы стали обсуждать проблему реформы ценообразования. Вспомнили, каким сенсационным было его выступление на Первом съезде народных депутатов СССР. Тогда у многих, в том числе у меня, вызвало раздражение утверждение Абалкина, что дела в экономике идут под откос. А ведь он был прав, обращая внимание на крайнюю робость и отсутствие комплексного подхода в реформаторских начинаниях правительства. Его выступление в штыки встретили консерваторы, радикалы же клевали академика за приверженность к идее регулируемого рынка.

Уже при утверждении повестки дня XXVIII съезда был поставлен вопрос о персональных отчетах членов Политбюро. Эта тема стала, по существу, основным сюжетом всей первой части съездовской дискуссии. Такой вид приняла борьба консервативного и реформистского крыла, закончившаяся, можно сказать, вничью. Фундаменталистам, горевшим желанием «размазать по стене» тех, в ком они видели виновников своего отстранения от власти, удалось настоять на «отчетах» (правда, в основном на заседаниях секций). Но они не смогли навязать выставления оценок — унижительной процедуры, которая задумывалась как способ «публичной порки» деятелей реформаторского направления.

Я на предварительных стадиях и на заседаниях съезда откровенно говорил, что вся эта затея не имеет смысла. Политический доклад — это отчет всего ЦК и Политбюро как коллегиальных органов. При том, что его члены курируют отдельные направления деятельности партии, все принципиальные вопросы обсуждались и решались коллективно.

Конечно, в других обстоятельствах не было ничего зазорного в предложении послушать каждого члена руководства. Но в обстановке яростного политического противоборства этот метод «самоотчетов» явно замысливался для того, чтобы нанести удар по Генеральному секретарю и его окружению, поднадавить на меня, заставить изменить позицию, а если удастся — то и развенчать политически, довести до «оргвыводов».

Отчитались в конце концов все члены руководства, с разным успехом. Одни выиграли в «первом раунде», сумели показать себя с лучшей стороны благодаря искусно подготовленным выступлениям. Другие «набрали очки», отвечая на вопросы. Третьи выглядели бледно.

После отчетов и спланированного шквала критики реформаторской линии руководства «домашние заготовки» начали иссякать. Работа была перенесена в секции. В более конструктивной обстановке прошло пленарное заседание, на котором отчитались руководители секций и выступили с ответами на вопросы некоторые члены Политбюро.

Вопросы были всякие, и с «подковыркой», и доброжелательные. Мои коллеги сумели найти правильный тон, приводили убедительные аргументы, и аудитория в большинстве своем была удовлетворена. Перелом в настроениях делегатов наглядно отразился в записках, предлагавших отказаться от оценок персональной деятельности. Делегат Харитонов писал, что не следует чинить суд над членами Политбюро. «Может быть, кому-то это доставит удовольствие, но надо каждому взяться за ум и не превращать съезд в суд толпы. Мы ведь идем к более цивилизованному обществу, а нас зовут в 1937 год». Это было встречено аплодисментами.

Уловив перемену в настроениях, я поставил на голосование предложение прекратить заслушивание отчетов членов Политбюро и кандидатов. Проголосовали за — 3078, против — 1113, воздержались — 50. Сравните с этим результаты голосования, состоявшегося три дня назад. Тогда за персональную оценку были 2557 делегатов, против — 1393. Вот как «качало» съезд. Постепенно рассудок брал верх над одержимостью, слабело влияние «накачки», которой подверглась делегатская масса.

Я много думал и держал совет с коллегами, каким должно быть в этой обстановке заключительное слово по итогам дискуссии по Политическому отчету. Заранее продуманного и отшлифованного текста у меня не было, пришлось просидеть большую часть ночи. Утром 10 июля взял слово, чтобы констатировать несколько тезисов.

«Политический курс на перестройку, обновление общества в рамках социалистического выбора поддерживается съездом. Большинство делегатов понимает, что он продиктован жизнью. Несмотря на ошибки, просчеты, запоздания, несмотря на драматизм нынешнего положения в стране, общий итог происшедших перемен значителен и прогрессивен.

Главное достижение — общество получило свободу. Она раскрепостила энергию народа, позволила включить миллионы людей в политику, начать жизненно назревшие преобразования. Без этого не было бы и той атмосферы, в которой проходит съезд.

Другой вопрос — ни партия, ни страна в целом, старые и вновь образованные движения, новая наша власть, все мы не научились пользоваться обретенной свободой. Корни кризиса партии уходят как раз в неумение и нежелание понять, что мы живем и работаем уже в новом обществе — с широкой и практически неограниченной гласностью, невиданной за всю историю свободой. Нужна другая, обновленная партия; без демократизации, укрепления живой связи с народом, активной работы в массах мы будем терять позиции».

Говоря о том, как действовать дальше на главных направлениях перестройки, я поставил на первый план стратегию экономической реформы. «Наша история показала бесплодность попыток вырваться из нужды, в которой находились и государство, и граждане, путем штопанья и латания командно-распорядительной системы. Пойдем так дальше — приведем страну к банкротству. Преимущество рыночного хозяйства доказано в мировом масштабе, и вопрос сейчас только в том, можно ли в условиях рынка обеспечить высокую социальную защищенность, то, что характерно для социалистического строя, для строя трудящихся. Ответ таков: не только можно, но именно регулируемая рыночная экономика позволит так нарастить общественное богатство, что в результате поднимется уровень жизни всех.

Объявление о намерении переходить к рыночной экономике напугало народ. Рынок явился к нему в образе пустых магазинных полок и высоких цен. Начинать с цен — не тот путь, но без реформы ценообразования не может быть и рынка. В общем, нам надо исправить это впечатление и к сентябрю предложить Верховному Совету, обществу взвешенные предложения, чтобы они определились и сделали выбор».

Наиболее важным для реформирования партии было, конечно, определиться в отношении ее программных целей. «Все дело в том, что мы понимаем под социализмом. Некоторые товарищи полагают, что, если сейчас мы подтвердим в программном заявлении свою верность старым подходам, то все встанет на свои места. На какие места? Не окажемся ли мы там, где были более 60 лет с известными последствиями?»

Идеология социализма — это не учебники, где все расписано по главам, пунктам, правилам и принципам. Она будет формироваться вместе с самим социализмом, по мере того как мы будем содействовать тому, чтобы страна была накормленной, обустроенной, цивилизованной, духовно богатой, свободной, счастливой. По мере того как заново освоим общечеловеческие ценности — не как нечто классово чуждое, а как нормальное для нормального человека. Эти ценности вырабатывались столетиями, известно, чем для нас обернулось пренебрежение к ним. Идеология социализма будет формироваться в процессе включе-

ния страны в общий прогресс цивилизации. Широкие рамки для этого определяются новым мышлением, которое уже воспринимается в мире как новый наш интернационализм, сплачивающий, а не раскалывающий мир на противоборствующие лагеря.

От Маркса, Энгельса, Ленина мы унаследовали высокий класс методологии мышления, диалектический образ мысли, на что и будем опираться в теории и политике. Но не позволим превратить все созданное классиками в очередной краткий курс, о чем, по-видимому, кое-кто сожалеет. Это губельно для перестройки, для общества. Этого не будет».

Скажу откровенно, меня порадовало, что эти слова были встречены аплодисментами. Значит, люди начали думать, сомневаться в непрекаемых догмах, не хотят, чтобы их опять посадили на скудный идеологический паек.

Пришлось мне защищать и нашу внешнюю политику, которую фундаменталисты к тому времени сделали предметом нападков, обвиняя руководство в «потере» Восточной Европы (словно она была нашей колонией!), «капитуляции» перед Западом, «сдаче» Афганистана. Впрочем, «защита» не то слово. Я постарался показать, что только неисправимые «ястребы» могут подвергать анафеме курс, который позволил покончить со сверхмилитаризацией страны, отвести мир от ядерной пропасти, создать предпосылки для нашей интеграции в мировые экономические и политические структуры.

А закончил я темой: партия и власть. «Многие делегаты выражали тревогу, что КПСС теряет авторитет, ее теснят другие политические силы, в некоторых местах коммунисты вынуждены перейти в оппозицию. Это так, и ничего к лучшему не изменится, если партийные кадры будут рассчитывать на возврат того времени, когда можно было получить от ЦК своего рода мандат на управление районом, городом, областью, республикой и сидеть в кресле до последнего своего часа, независимо от того, как ты ведешь дело, что о тебе думают люди. Нельзя вернуть вчерашний день, и никакая диктатура — если у кого-то в голове застряла эта бредовая идея — ничего не решит. Партия не сумеет перестроиться до тех пор, пока все мы не поймем, что пришел конец монополии КПСС на власть и управление. Даже если мы сумеем завоевать на выборах большинство — а мы можем и должны действовать, чтобы завоевать большинство и сохранить свое положение правящей партии, — даже в этом случае целесообразно идти на сотрудничество с беспартийными депутатами, представителями других, признанных по закону политических течений, искренне озабоченных судьбой страны. Покончить с сектантскими настроениями, навсегда вытравить их из сознания партработников и всех коммунистов» — этой мыслью я завершил свое выступление.

Был объявлен перерыв. Едва я сошел с трибуны, меня обступили делегаты — кто хотел поделиться впечатлениями, кто спешил использовать шанс для постановки наиболее проблемного вопроса, а кто просто напоминал о себе. Все проявления человеческой натуры. Налетели и журналисты, требуя короткого интервью. Высвободившись, я прошел в комнату отдыха, где за большим столом собрался весь состав Политбюро. Посыпались поздравления разной степени искренности. Запомнилось мне, что в хвалебный хор включился и Лигачев.

— Ну, Михаил Сергеевич, вы сегодня были в ударе. Программная речь. Готовая платформа...

Не ручаюсь за каждое слово, но общий смысл был таким. Я поблагодарил, а сам подумал: неужто поддался на аргументы? Скорее, лукавит, хочет снять подозрения на свой счет. В последнее время мне не раз пришлось на Политбюро «урезонивать» Егора Кузьмича. Да и то, что он — лидер правого крыла, ни для кого не было секретом. Предстояли выборы, он уже «примерялся» на второй пост в партии и не терял надежды заручиться благословением генсека.

Приступили к подготовке резолюций. Впервые на партийном съезде (исключая ленинские времена, где, судя по стенограммам, живо обсуждались проекты даже самых коротких документов) к этому подошли серьезно. Во всяком случае, на съездах, в которых мне довелось участвовать, все совершалось чисто формально, упрощалось до вульгарности. На XXIV съезде и вовсе решили не мудрить: «С прекрасным докладом выступил Леонид Ильич, там есть все, что нужно, давайте примем короткое решение — руководствоваться положениями отчетного доклада Генерального секретаря».

Да, съезд сильно отличался от предыдущих и в этом отношении. Острые дискуссии возникли уже при формировании комиссий для разработки документов. Скажем, немалая часть делегатов протестовала против включения в одну из них (по Уставу партии) Отто Лациса. Хотя тогдашние его позиции я бы назвал довольно взвешенными, его выступления в «Известиях» далеко не всем нравились. Блокируя людей реформаторского толка, в то же время добивались обильного включения представителей секретарского корпуса.

Я считал желательным участие тех и других. Пусть комиссия будет несколько громоздкой, но не должно было создаваться впечатление, что кто-то чего-то боится и сооружает искусственные препятствия для представления различных течений и точек зрения. Но схватки с новой силой обострились при избрании председателей комиссий. Кандидатура Разумовского на пост руководителя комиссии по Уставу была забаллотирована. Тогда я предложил себя и был избран.

Комиссию по подготовке программного заявления возглавил Медведев. Претендентов на пост председателя комиссии по аграрной поли-

тике оказалось 11. Причем в драматической тональности был поставлен вопрос о том, чтобы ее возглавил Лигачев. Объяснялось это тем, что деятели, занимавшие такой пост, как бы получали «проходной балл», своего рода гарантию сохранения в составе партийного руководства после съезда. И вот сторонники Егора Кузьмича бросились на защиту выразителя своих интересов. Кстати, за него проголосовали под аплодисменты, а вот предложение поручить Абалкину руководство комиссией по вопросам экономической политики консервативно настроенные делегаты провалили.

Хочу передать атмосферу работы комиссий по своему личному опыту. Обычно генсек, выдвигавшийся председателем той или иной комиссии, как бы передавал полномочия для практической работы кому-то из своего ближайшего окружения. На сей раз, несмотря на всю остроту дискуссии и необходимость постоянного моего присутствия на съезде, пришлось провести несколько заседаний комиссии по Уставу лично.

Так я находился все время в «челночных рейсах» между президиумом съезда и комнатой, где работала комиссия. Познакомился со многими интересными людьми и некоторых включил в «центральный список», продвинув через него в руководящие органы КПСС.

Думаю, то, что было заложено тогда в Уставе, привело бы к радикальной демократизации партии, не оказалась ее история прервана в августе 1991 года. Прежде всего я имею в виду расширение прав коммунистов, первичных организаций, самостоятельность компартий республик. Обеспечивалась децентрализация функций, а включение руководителей компартий в состав Политбюро гарантировало единство действий.

Мне ежедневно докладывали о работе других комиссий. В комиссии по экономическим вопросам остро схлестнулись позиции реформаторов и консерваторов. Схватка о формах собственности разрешилась согласием на формулу «трудовой частной собственности». Ортодоксы от начала и до конца воевали против рынка. В конце концов комиссия вышла на позиции, адекватные тем, что уже были приняты в обществе, получили закрепление на сессии Верховного Совета. Правительство в это время уже работало над предложениями о неотложных мерах перехода к рыночной экономике.

Упорная, напряженная борьба. Только к тринадцатому заседанию, на котором я выступал с заключением по отчету, наступил перелом в течении съезда. Впереди были острые схватки, связанные с выбором нового руководства, но основную задачу мы решили, не позволив столкнуть партию со взятого курса реформ и положив начало ее собственному преобразованию.

**Политическая
драма
в трех актах**

Сразу же после моего заключительного слова началось выдвижение кандидатур на пост Генерального секретаря. По поручению Совета представителей делегаций слово было предоставлено Владимиру Андреевичу Колюте, бригадиру объединения «Химпром» из Кемерово. Он сообщил, что были названы четверо: Гуренко, Ивашко, Лобов, Горбачев. Гуренко и Ивашко сняли свои кандидатуры, Лобов призвал голосовать за Горбачева. Совет предлагает избрать Генеральным секретарем Горбачева Михаила Сергеевича.

Слушая это сообщение, я думал: насколько изменилась обстановка в партии, изменились люди. При выборах Генерального есть уже конкуренты, альтернативы, и никто не боится, что ему заломают руки и отправят куда подальше. Что касается моего будущего, то, признаюсь, у меня мелькнула мысль: было бы хорошо, если б они там взяли да «отрубили» мою кандидатуру. Психологически я к этому был готов и воспринял бы спокойно, даже с облегчением, поскольку меня многие уговаривали оставить руководство партией. Но время для этого не созрело, что, кстати, показала развернувшаяся тогда дискуссия.

Делегат Исмаилов из Азербайджана — доктор наук, главный конструктор научно-производственного объединения космических исследований — сказал, что при Горбачеве созданы новая структура государства, экономики, политическая система, высоко отозвался о моей деятельности на международной арене. Добавил, что я взялся за перестройку сразу всех сфер жизни, «переоценив возможности и зрелость общества». И пожелал впредь больше последовательности, продуманности.

Бригадир проходчиков шахты «Северная» (из Кемеровской области) Рыбаков заявил, что товарищи ему поручили голосовать против совмещения должностей. «Это может просто вызвать эмоциональный взрыв, тем более завтра у нас назначена забастовка во всех шахтерских регионах». Его поддержал водитель таксомоторного парка из Москвы Болтовский, предложивший избрать генсеком Авалиани, секретаря Киселевского горкома партии, приобретшего известность как народный депутат СССР, председатель забастовочного комитета Кузбасса.

Завязались дебаты о целесообразности совмещения должностей. Военнослужащий Фролов и партийный работник Бибулатов высказались «за», исходя из того, что это нужно как самой партии, так и президенту. А преподаватель военной академии Ефимов сказал, что Горбачев с 1971 года занимает руководящие посты в партии, с 1978 года — секретарь ЦК.

— Не запустим ли мы сейчас его еще раз на орбиту состязания по продолжительности работы в высших органах партии по примеру

Брежнева, Чаушеску, Хонеккера и ряда других, дискредитировавших себя лидеров? Совмещение постов дискредитирует саму идею президентского правления. Поэтому предлагаю Михаилу Сергеевичу снять свою кандидатуру.

Делегат Юсупов из Узбекистана выступил за мое избрание, мотивируя это тем, что я начал перестройку, «показал себя противником догматизма» и пользуюсь международным признанием. Любопытной была логика Елепина из Башкирии: совмещение постов может быть объяснено или соображениями высшей политики, которая «может восприниматься как высшая математика и быть не совсем понятной, или соображениями здравого смысла. Здравый смысл против этого». И выдвинул кандидатуру Лобова.

Другой делегат из Башкирии, профессор Уфимского нефтяного института Старцев, обратился ко мне так:

— Михаил Сергеевич, во имя сохранения священного вашего имени первооткрывателя новой эпохи истории нашего народа прошу свою кандидатуру на пост Генерального секретаря ЦК КПСС снять.

Были страстные выступления за мое переизбрание, были и другие обращения ко мне с просьбой снять свою кандидатуру. Назывались альтернативные кандидаты, причем как людей в партии известных (Бакатина, Шеварднадзе, Яковлева), так и молодых коммунистов, о которых до съезда мало кто или вовсе никто не слышал.

Первый секретарь Усинского горкома из Коми АССР Голиков сказал с иронией, что предлагает сделать заявку на запись в Книгу рекордов Гиннесса: «Мы единственная партия, которая отказывается от того, чтобы ее лидер был президентом».

В конце концов в списке для голосования остались два кандидата: Горбачев и Авалиани, а голоса между нами распределились так: за меня — 3411, за моего соперника — 501. Голосование было предсказуемо, поскольку 1100 человек (с «отклонениями» в ту или в другую сторону) заняли с начала съезда негативную позицию по отношению к генсеку. Легко догадаться, что больше всего в этой тысяче была представлена партийная и управленческая номенклатура.

Но все прошло в согласии с принципами демократии. Мы сумели внедрить их и в этот заповедник тоталитарной системы. Невольно вспомнилось, что после избрания Сталина генсеком на XVII съезде партии в 1934 году были «вычислены» 280 с лишним депутатов, проголосовавших против. Чтобы «не ошибиться», решили в три раза увеличить эту цифру и уничтожили едва ли не весь состав делегатов.

Прямым продолжением выборов генсека стали выборы его заместителя. Пост этот приобретал особое значение, поскольку мне поневоле приходилось уделять больше внимания своим президентским обязанностям и вся текущая организаторская работа ложилась на плечи

зама. Кроме функциональной стороны дела была и политическая. Хочет ли съезд, чтобы руководство действовало как одна команда во главе с лидером партии? Или, напротив, не рискнув сменить Генерального, занимающего высший государственный пост, намеренно отдает второй пост в КПСС деятелю другой ориентации? Как бы ставит контролера над Горбачевым.

Мы закладывали в Устав новую роль республиканских партий, следовательно, первым критерием становилось представительство одной из них. Раз генсек из России, естественно было избрать замом представителя Украины. Я остановился на кандидатуре В.А.Ивашко. Сторонник реформ, придерживающийся умеренных политических взглядов; не витает в «теоретических эмпиреях», отдает предпочтение житейскому здравому смыслу; скромн, прост в обращении с людьми. Импонировали мне спокойная, уверенная манера держаться на трибуне, мягкий украинский юмор.

Беда Владимира Антоновича в том, что судьба поставила его перед испытанием, требовавшим сильной воли, способности брать на себя ответственность за все. Это оказалось ему не по плечу. Метался, поддаваясь влиянию более волевых коллег по руководству, окончательно «скис» в роковые дни августа 1991 года.

Как бы то ни было, в то время у него был, употребляя модное выражение, высокий рейтинг среди делегатов. На Совете выдвинули также Лигачева, Дьякова (первый секретарь Астраханского областного комитета КПСС), Лобова, Бакатина, Янаева, Яковлева, Назарбаева и других, всего 9 человек. Большинство из них сняли свои кандидатуры, на обсуждение съезда были предложены Ивашко и Лигачев.

Представитель украинской делегации заявил: «Мы знаем много случаев, когда нами правили праведные старцы. Давайте хоть сегодня поступим принципиально и выдвинем на этот пост человека не старше 60 лет». И потребовал даже ввести возрастной ценз.

Пришлось мне держать речь. Я сказал:

— Всех нас беспокоило, что руководство КПСС на каком-то этапе превратилось в синклит стариков, это было одним из факторов застоя, вело к серьезным деформациям, усугубляло сталинскую модель. Но мы не должны испытывать комплекс на этой почве, потому что установили в качестве главного принципа альтернативность при избрании руководителей и ограничили двумя сроками занятие должностей. С другой стороны, бывает ведь и так, что человек в 35 лет — развалина. Давайте возьмем за правило, чтобы представлялись справки о состоянии здоровья, а если надо — осуществлялась диспансеризация.

Формальных решений на этот счет не было принято, но предложение о возрастном цензе съезд отклонил — правда, всего сотней голосов.

Рабочий нефтехимического объединения из Башкирии Булатников обратился к Лигачеву с просьбой снять свою кандидатуру. Напомнил, какие чувства испытывали коммунисты, когда Генерального секретаря Черненко вывели на трибуну под руки. А ректор Ташкентского государственного университета Юсупов заявил:

— Михаил Сергеевич, вам нужен молодой, энергичный, трезво мыслящий помощник. Егору Кузьмичу 70 лет, он стал раздражительным и несамокритичным, поэтому лучше проводить его торжественно, с почетом и уважением на пенсию.

Были предложения не принимать самоотводов Гуренко, Малофеева и других, ранее выдвинутых. Названы кандидатами в замы генсека И.Т.Фролов, А.Рубикс, а ректор Технологического института из Ленинграда А.С.Дудырев выдвинул собственную кандидатуру, сообщив, что ему 45 лет и он готов работать с тем же окладом, какой имеет сейчас. В конце концов он-то вместе с Ивашко и Лигачевым остался в списке.

Потом обнаружилось, что мы нарушили инструкцию, приняв самоотводы без выяснения, а нет ли в данном случае отводов. Это был очевидный сигнал, что многие делегаты, опасаясь избрания Лигачева, не хотели, чтобы он оставался в списке. Снова разгорелась дискуссия, посыпались мотивированные отводы Лигачева. Поднялся шум и гам, эта тема явно раскалывала съезд. В конце концов в списке кандидатов его фамилия осталась, но заранее было ясно, что шансов быть избранным у него нет.

Действительно, по итогам выборов Дудырев получил за — 150 голосов, против — 4268, Ивашко — за — 3109, против — 1309, Лигачев — за — 776, «против» — 3642. То есть даже часть делегатов, которая постоянно голосовала против Горбачева и его сторонников, отказала в поддержке Лигачеву. Правое крыло потерпело на съезде поражение и потому, что у него не нашлось достаточно сильного и авторитетного лидера. Но ведь это, наверное, не случайно. Какой авторитет можно нажать на защите обанкротившейся системы!

Поражение Лигачева означало удар и по политической линии, которую он представлял. Одновременно это был сигнал, что отныне фундаменталистские силы в партии намерены действовать открыто, в качестве фракции или правой оппозиции реформистскому руководству. Каюсь, я тогда недооценил этой опасности. Особенно не могу себе простить, что позволил занять ключевое место в Политбюро — курирование организационно-партийного отдела — Шенину. По странной аберрации зрения принимал его за искреннего сторонника преобразований. А может быть, тут дело было в его способности мимикрировать, умело играть роль прогрессиста, новатора, оставаясь в душе закоренелым

ретроградом? Во всяком случае, помню, у меня с ним был разговор после съезда и я, в частности, ему сказал:

— Учти, Олег, у нас в партийной верхушке и аппарате засилье бюрократов, которым плевать на перестройку, судьбу страны. Для них главное — удержаться у власти. Вам придется очень нелегко с этой публикой. А ее выпроваживать надо, искать и выдвигать молодых, отважных, мыслящих. Без этого и реформы захлебнутся, и партии каюк.

Шенин слушал, горячо соглашался, рассказывал о своих планах обновления кадров. На поверку все обернулось блефом.

Если выборы Генерального секретаря были первым актом развернувшегося на съезде драматического столкновения фундаменталистов с реформаторами, избрание заместителя генсека — вторым актом, то третьим — стали обсуждение кандидатур и выборы нового состава ЦК.

Собственно говоря, поначалу все обстояло пристойно. Поскольку подавляющая часть будущих членов ЦК представлялась делегациями компартий республик, борьба за эти места прошла где-то до съезда. А если какие-то ее отзвуки и докатились до момента голосования, то все-таки «разборки» осуществлялись в рамках делегаций.

Схватка развернулась вокруг так называемого «центрального списка». Было общее согласие, что определенная «квота» цековских мандатов должна быть выделена для партийцев «союзного уровня» — признанных членов общепартийного руководства, видных идеологов КПСС, авторитетных коммунистов, занятых в союзном правительстве, крупных военачальников, творческих работников и т.д. Готовился такой список под моим контролем, и называли его неофициально «списком генсека».

Речь шла о 75 мандатах, на которые были выдвинуты 85 кандидатов. Среди них были названы и представители нового российского руководства — Ельцин, Силаев, Хасбулатов. Сразу же после оглашения списка Ельцин попросил слова. Смысл его заявления состоял в том, что в связи с избранием Председателем Верховного Совета РСФСР и с учетом перехода общества к многопартийности он не сможет выполнять только решения КПСС, обязан подчиняться воле народа и его полномочных представителей. А посему, в соответствии с обязательствами, взятыми в предвыборный период, выходит из КПСС. Добавил, что намеревался выступить с этим заявлением после съезда, но выдвижение в состав ЦК побуждает его не откладывать этой меры.

Не сомневаюсь, что в расчеты Ельцина входило вызвать другие заявления такого же рода. Этого, однако, не случилось. Характерно, что приведенная им мотивировка выхода строилась не на несогласии с линией партии, с решениями съезда — она целиком покоилась на фор-

мальных соображениях. Видимо, работа съезда не давала для этого достаточно серьезных оснований. При всех стараниях правого крыла было очевидно, что партия не остается безразличной к ветрам времени, разворачивается, пусть с натугой и скрипом, в сторону признания новых реалий.

Напомню, что это было его второе выступление. В первом, так сказать «программном», он говорил о том, что партия должна сделать, чтобы спасти себя: решительно размежеваться с тем-то, встать на такой-то путь. И если ход съезда, как говорится, «не оправдал надежд», ничто не мешало ему сказать во втором выступлении: вижу, что партия не хочет меняться, продолжает свой пагубный курс, а поэтому не могу выполнять ее решения, выхожу из ее рядов и призываю других последовать за мной. Но Ельцин этого не сделал.

Со своей стороны я, как председательствующий, решил придать этому вопросу рутинный характер и сказал примерно так: «Поскольку Ельцин заявил о выходе из партии, я думаю, съезд должен поручить мандатной комиссии внести предложение о погашении его мандата. Что касается остального, то это решил сам товарищ Ельцин. Вы услышали аргументы, нам остается принять их к сведению. В связи с этим отпадает предложение о включении его кандидатуры в список для выборов в ЦК».

Я сидел в президиуме и мог наблюдать картинный выход Ельцина из зала. Он шел не спеша, думал, вероятно, что будут аплодировать, а кое-кто двинется за ним. Но эффекта, на который рассчитывали постановщики этой сцены, не получилось.

Затем последовало, пожалуй, главное сражение на партийном форуме. Ортодоксы потребовали исключить из «списка генсека» 13 человек, вызывавших у них не то что неприязнь, а просто ярость своими либеральными взглядами. Причем в этом случае они нашли довольно сильную поддержку у многих делегатов, занимавших по другим вопросам умеренные позиции. Боюсь, сказались и традиционное недоверие к интеллектуалам.

Но тогда сохранить «13» в списке было принципиально важным. Мне пришлось несколько раз включаться в дискуссию, которая шла на повышенных тонах, на грани истерии. И в конце концов сделать заявление, которое потом некоторые сравнивали с позицией Ленина при обсуждении вопроса о Брестском мире. Фактически это был переломный момент в ходе съезда, своего рода кульминация, после которой начался уже более спокойный финал. Правда, центральный список изрядно «пропололи» при голосовании, но мне и моим единомышленникам удалось настоять на избрании в состав ЦК ряда коммунистов с твердыми демократическими убеждениями.

Вот, пожалуй, самое существенное о XXVIII съезде. Он оказался последним в истории РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, но на нем еще не решалась судьба партии*.

Все же есть основание считать, что XXVIII съезд был шагом вперед в развитии партии. При всех стараниях консерваторов масса рядовых партийцев откликнулась на зов времени. Ничем иным нельзя объяснить, что съезд в главных вопросах не поддержал ортодоксов и фундаменталистов, принял платформу и Устав, которые означали радикальные изменения самой сущности КПСС. Она вступила на этот путь и имела шансы пройти его до конца.

Здесь я перехожу к другому вопросу — о возможности реформирования КПСС. До сих пор идут споры по этому поводу. У тех, кто категорически настаивает, что преобразование партии было невозможно, я усматриваю знакомый «след» жесткого марксистского детерминизма. Все возможно на этом свете.

Так вот, XXVIII съезд как раз продемонстрировал, что все в партии начало двигаться — пусть с трудом, на малой тяге, с сильнейшим сопротивлением, но пришло в движение. Следующее, еще более определенное свидетельство того, что КПСС поддавалась реформированию, представил июльский Пленум ЦК 1991 года.

* Коммунистическое движение в России оправилось после поражения, РКП под руководством Г.Зюганова сумела на выборах 12 декабря 1993 г. завоевать много мандатов, стала одной из ведущих политических партий в стране. Но это именно политическая, парламентская партия. Что же касается возглавляемого Шениным Союзом компартий стран СНГ, проведенный им XXIX съезд КПСС оставил удручающее впечатление. Даже не тем, что был малочислен, а своей крайне фундаменталистской направленностью. Судя по информации прессы, там витал «дух реванша», не сделано было серьезной попытки трезво оценить итоги перестройки, преодолеть идеологическое доктринерство.

Глава 18

КАК ВОЙТИ В РЫНОК

XXVIII съезд КПСС углубил размежевание реформаторских и консервативных сил в партии. Нам удалось отстоять перестроечную линию, подтвердить взятый курс, в том числе на рыночные реформы. Был сделан и определенный шаг в дальнейшем разграничении функций партии и государства. В Политбюро не вошли глава правительства, руководители политических министерств и ведомств. Но одновременно произошла консолидация ортодоксов, получивших опору в руководстве Компартии России. Да и среди членов Политбюро, секретарей ЦК КПСС оказалось немало людей с традиционными партийно-консервативными взглядами.

Важнейшим событием, повлиявшим на политическую обстановку в стране, явились выборы в Верховный Совет России и других республик, состоявшиеся весной 1990 года. Избрание Ельцина Председателем Верховного Совета РФ, принятие Закона о суверенитете вызвали своеобразную цепную реакцию. Отныне ни один крупный вопрос не мог решаться вне контекста взаимоотношений Союза с республиками.

На первый план вновь выдвинулась экономическая реформа. Теперь борьба шла не между сторонниками и противниками вхождения в рынок — этот вопрос казался уже решенным. Открыто против рынка, пожалуй, не выступала ни одна заметная политическая сила. Страсти переместились в плоскость выбора путей и способов перехода к рыночным отношениям. И одной из самых драматичных страниц перестройки стала острейшая полемика вокруг выбора программы перехода к рынку между правительственной программой Рыжкова — Абалкина и программой Шаталина — Явлинского, получившей название «500 дней».

Об этом много наговорено и написано. Но, думаю, истина так и не прояснена. В основном суждения высказывались заинтересованными сторонами, имели субъективный, нередко тенденциозный характер.

Сторонники правительственной программы рассуждают так: будь она принята, страна вошла бы в рынок плавно, без потрясений и могла избежать нынешнего кризиса. А те, кто за программу Шаталина — Явлинского, считают, что, прими ее Горбачев, он получил бы мощную поддержку демократических сил и можно было бы одним мощным усилием «перескочить кризис», создать полноценный рынок.

И с той и с другой стороны мне предъявляется немало претензий: отдал на заклятие правительство Рыжкова, отступил от договоренностей с Ельциным, вначале поддержал, потом выбросил за борт программу «500 дней» и т.д. Правда, в 1994 году расстановка сил уже иная: роль радикалов играют Гайдар и его команда, Шаталин с Абалкиным предостерегают от крайностей монетаризма, Явлинский где-то между этими «новыми полюсами», а политика правительства напоминает гигантский слалом между программами партий, групп и реалиями экономики, находящейся в состоянии нарастающего паралича. Но при всех этих перекосах логика спора и доводы, приводимые сторонами, во многом повторяют баталии 1990-1991 годов. Последние представляют далеко не исторический интерес. Если бы только мы умели извлекать уроки из прошлого!

Что было до «500 дней»

История правительственной программы весны 1990 года восходит к Первому съезду народных депутатов СССР.

В принятом им постановлении «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» ставилась задача прийти к новой модели экономики, включая радикальное обновление отношений собственности, становление полнокровного социалистического рынка, избавление государства от функций непосредственного вмешательства в оперативное управление хозяйственными единицами. Тогда же было решено создать Государственную комиссию по экономической реформе, и Рыжков предложил назначить ее председателем академика Л.И. Абалкина. Директор Института экономики Академии наук давно слыл «рыночником» и имел в связи с этим немало неприятностей в брежневские времена. Я одобрил этот выбор, поскольку уже неплохо знал Леонида Ивановича, ценил в нем и высокий профессионализм, и в не меньшей мере твердость характера. Признаюсь, своим резким выступлением на Первом съезде он вызвал у меня раздражение. Но очень скоро я понял, что академик правильно оценивает ситуацию.

Был в пользу его назначения и другой веский мотив. Уже первый этап работы над программой экономических преобразований (я имею в виду июньский Пленум ЦК 1987 года) убедил в том, что здесь не обойтись без тесного альянса власти и науки. Академия ведь и раньше при-

влекалась к разработке всевозможных программ. В институтах сочинялись записки, в ЦК представлялись проекты, сами ученые вместе с аппаратчиками месяцами готовили на загородных дачах доклады для начальства. Но в «святая святых» номенклатуры, в кабинеты вершителей судеб интеллектуалам «въезд» был заказан — ну, может быть, за исключением одиночек.

Теперь же мы собрались «онаучить» управление. Рыжков не раз с гордостью говорил, что в его правительстве три или четыре академика и члена-корреспондента, несколько десятков докторов наук, а кандидатов — чуть ли не каждый второй. Могут иронизировать, что наука не спасла то правительство, но едва ли возможно оспорить сам замысел — привлечь к управлению наряду с опытными практиками одаренных теоретиков. Так вот Абалкин, ставший заместителем премьер-министра, в некотором роде олицетворял упомянутый альянс.

Параллельно с программным обеспечением готовились план и бюджет на 1990 год. Надо было срочно остановить нарастание несоответствия между денежными доходами населения и их товарным покрытием. По предложению Абалкина, с 1 октября 1989 года на срок в 15 месяцев был введен прогрессивный налог на прирост фонда заработной платы, превышающий 3 процента. Так что ученые мужи в правительстве занимались и крупными практическими проблемами. Но основной заботой комиссии стала программа реформы. Было предложено к рассмотрению три варианта.

Первый, так называемый эволюционный, предусматривал постепенное преобразование нынешних форм ведения хозяйства, умеренные структурные сдвиги. Преимущество отдавалось административным методам. Не покушались, по крайней мере, в обозримом будущем, на реформу ценообразования.

Второй вариант, радикальный, включал одновременное снятие всех ограничений для рыночных механизмов, полный отказ от контроля за ценами и доходами, массовый переход к новым формам собственности. По сути дела, это тот самый вариант, который с начала 1992 года начала осуществлять команда Гайдара под лозунгом «шоковой терапии». Так вот, еще тогда было описано, что в наших условиях он сулит разлад денежного обращения и галопирующую инфляцию, резкий спад производства, массовую безработицу, значительное снижение жизненного уровня населения и его расслоение, усиление социальной напряженности. Картинка, хорошо узнаваемая сегодня.

Наконец, радикально-умеренный вариант, предполагающий комплекс предварительных мер для создания стартовых условий перехода к новому механизму; развитие рыночных отношений, но при сохранении регулирующей роли государства, контроля за ценами, доходами,

инфляцией; сильная социальная поддержка, особенно малообеспеченных слоев населения.

Комиссия Абалкина предлагала сделать выбор в пользу третьего варианта. В середине ноября в Колонном зале Дома Союзов собралась конференция с участием ведущих ученых: экономистов и руководителей экономических ведомств, членов Политбюро и правительства. Были и мы с Рыжковым. С докладом выступил Абалкин. Несмотря на существенные замечания, изложенная им программа была встречена в целом с одобрением и после доработки нашла отражение в докладе Рыжкова на Втором съезде народных депутатов.

В острой и горячей полемике проходило обсуждение и принятие постановления по докладу премьера. Ельцин, Попов и другие «межрегионалы», как их тогда называли, выступили против доклада. Такую же позицию занял академик Арбатов. Депутат Фильшин потребовал «использовать наше право на недоверие правительству, а оно может использовать свое право на отставку». Предлагалось также принять доклад Рыжкова к сведению, не определяя к нему отношения. В конце концов Съезд выразил поддержку программе правительства: 1532 голоса — за, 419 — против, 44 — воздержались.

Программа экономической реформы предполагала осуществить в течение 1990 года серьезные меры в интересах насыщения потребительского рынка, без чего невозможно было двигаться дальше. А это, в свою очередь, обязывало установить более действенный контроль за движением товарной массы и денежных доходов населения. Госплан основную ставку делал на рост рыночных ресурсов товаров и услуг, а задача «связать» излишнюю денежную массу и вывести ее из оборота оказалась отодвинутой на задний план.

Что касается самой экономической реформы, бросалось в глаза одно очень существенное обстоятельство. Ни в письменном докладе, ни в устном выступлении Рыжкова не были проанализированы итоги предшествующего ее этапа, не упоминались принципиальные решения, принятые в 1987 году. По чьей вине они остались, по сути дела, на бумаге? Если оказались недостаточными и тем более ошибочными — надо было сказать, в чем именно, извлечь уроки. Если по каким-то другим причинам — сказать о них. А тут просто сделали вид, будто все начинается с нуля.

Для Абалкина это было более-менее объяснимо. Он только теперь стал у кормила экономической реформы, хотя истины ради надо отметить, что в качестве ученого принимал самое активное участие в разработке программы 1987 года. А вот для правительства... Возникла фигура умолчания, которая красноречивее чего-либо говорила о неудаче преобразований, намеченных в 1987 году, ответственности за это ЦК и Совмина.

А где гарантия, что такая ситуация не повторится? Думаю, эта мысль мелькала у каждого и порождала недоверие правительству Рыжкова. Вижу и свою вину в том, что эти вопросы не были обнажены и, как говорят, поставлены ребром.

Во многих отношениях концепция реформы, выдвинутая в 1990 году, не предусматривала продвижения по сравнению с наметками 1987 года. А в некоторых случаях было даже отступление. Например, сохранялся, хотя и с оговорками, госзаказ. Реформа цен и ценообразования подменялась разработкой и введением оптовых и закупочных цен с начала 1991 года, о розничных ценах умалчивалось. Вместо перехода от централизованного распределения к оптовой торговле ресурсами намечалось увеличивать долю продукции, реализуемой предприятиями сверх государственного заказа по свободным или регулируемым ценам.

Словом, у Травкина были основания заявить на съезде, что «радикальная экономическая реформа, на которую нацеливал страну Первый съезд, теряет свою радикальность, теряет скорость. Реформа снова начинает походиться на неспешную штопку прорех в экономике. Даже два месяца назад, — добавил он, — правительство предлагало нам программу более конкретную, более революционных и последовательных действий».

Поддержав программу, Второй съезд фактически проголосовал за доверие правительству, но окончательного решения не принял, поручив ее доработать и «о результатах доложить Верховному Совету». Тем самым мы опять теряли время. В конце 1989 — начале 1990 года экономический кризис в стране начал вступать в свою острую фазу. Уже в декабре произошло абсолютное снижение промышленного производства, ускорился развал потребительского рынка, стал быстро обесцениваться рубль. Стало ясно, что экономика стоит перед серьезными потрясениями.

В конце января 1990 года я разослал членам Политбюро записку отдела экономической политики ЦК, предложив обсудить вопрос о мерах оздоровления финансов и потребительского рынка. Часовой доклад Рыжкова оказался расплывчатым, не давал четкого и ясного ответа на возникшие проблемы. Премьер не скрывал своего недовольства запиской, остро критиковал газеты, телевидение и радио.

Выступивший вслед за ним Слюньков с тревогой говорил о том, что творится в финансово-денежном хозяйстве и на рынке. Его поддержал Медведев, подчеркнув, что обстановка требует экстраординарных мер. Нужна не частичная, а полная реформа ценообразования, причем безотлагательная: в середине 1990 года провести реформу оптовых и закупочных цен, в начале 1991 года — розничных.

Медведев и Яковлев выступили против огульных обвинений в адрес средств массовой информации. Мотив «пробуксовки» в деятельности правительства звучал у Шеварднадзе, у Крючкова и Лигачева.

Помню свое заключение:

— Несмотря на быстро ухудшающуюся ситуацию, правительство действует неэффективно. Отекают ноги от топтания на месте. Народ перестает нас понимать, верить в нашу способность справиться с нынешними проблемами.

Решающее значение приобретает фактор времени: запаса его у нас уже нет. Так вести дело нельзя. Это касается всех, не только правительства. Если будем действовать как в 1988—1989 годах — мы обречены, народ нас уберет. На первый план выйдут другие силы, с другой политикой.

Нужна комплексная экономическая реформа, а не разрозненные мероприятия. Покончить с хозяйственным безвластием. В переходный период не обойтись без мер административного характера там, где они необходимы. Но как бы не переусердствовать. Ведь самое простое в этой ситуации — нажать, прижать, запретить. В этом мы большие мастера. Хозяйственное безвластие надо одолевать прежде всего на базе экономических методов, развития рыночных форм. И действовать, действовать!..

Как реагировало правительство на быстроухудшающуюся ситуацию и столь острое обсуждение проблем рынка на Политбюро? Там продолжалось противоборство между двумя основными тенденциями, можно сказать, крыльями — традиционно-технократическим и экономическим, тяготеющим к рыночным реформам. Перетягивание каната не могло продолжаться бесконечно. Нужно было делать выбор, приставать к какому-то берегу: возвращаться к прежней централистской системе или решительней идти к новым, рыночным механизмам. Собственно, и выбора-то уже не было, хотя бы потому, что вернуть прошлое никто был не в состоянии.

В первую очередь это поняли тот же Абалкин и Маслюков — технократ, вышедший из «недр» ВПК, человек мыслящий и решительный. Мне стало известно, что во второй половине февраля в записке, направленной Рыжкову, они предложили осуществить крутой поворот к рыночной экономике, приблизить сроки осуществления практических шагов на пути к рынку. Рукоплесканий не последовало, но иного выхода не было. В марте было принято решение о разработке «перехода к планово-рыночной экономике», хотя это надо было сделать еще осенью 1989 года.

Почему же не были употреблены рычаги влияния, которыми мы в то время располагали, чтобы завершить дискуссию в Верховном Совете-

те, принять документ, на основе которого можно было действовать, как того требовала обстановка? Это не простой для меня, да я думаю, и для других вопрос, но я не хочу отделаться упрощенными объяснениями.

Думаю, главную роль сыграли сохранявшиеся тогда колебания, неуверенность в том, что ожидаемое от парламента решение позволит быстро оздоровить экономическую ситуацию. Представьте: чуть ли не ежедневно к тебе прорываются на прием руководители различных сфер производства и культуры с предостережениями против поспешных шагов. Пресса полна алармистскими комментариями и прогнозами. Рабочие периодическими стачками дают понять, что не потерпят покушения на свой и без того невысокий жизненный уровень. Радикалы точат зубы, предрекая провал «горбачевской реформы». А само правительство пассивно ждет завершения нескончаемых дискуссий в парламентских комитетах, похоже, радо затянуть «паузу», чтобы не ввязываться в рискованное предприятие.

Дважды вопросы перехода к рыночной экономике обсуждались на совместном заседании Президентского совета и Совета Федерации (14 апреля, 22 мая). Академики и директора институтов начали высказываться против недооценки роли централизованного руководства. И эти «отпетые рыночники» испытали на себе давление общественной атмосферы, а она в тот момент оказалась насыщенной страхом перед неведомым чудовищем — свободным рынком. Самые отчаянные сторонники рынка не удержались от того, чтобы создать себе на всякий случай алиби. Если провалится и начнут искать виновных, можно будет оправдаться: «А я говорил!..»

Острые баталии в правительстве вновь развернулись вокруг прежде всего пересмотра розничных цен. До сих пор затрудняюсь объяснить, почему Рыжков более чем за полгода до повышения цен решил объявить об этом по телевидению. Очевидно — сдали нервы. Для опытного политика и руководителя это был серьезный просчет, породивший большие трудности в принятии рыночной программы и ее реализации. Прилавки магазинов были полностью опустошены. Волна недовольства прокатилась по стране, и с огромным трудом удалось немного успокоить общественное мнение.

Наконец в мае состоялось обсуждение доклада Рыжкова об экономическом положении страны и концепции перехода к регулируемой рыночной экономике. Этот марафон продолжался несколько недель. Но Верховный Совет снова, в который уже раз, отложил принятие окончательного решения и предложил представить программу к 1 сентября 1990 года, рекомендовав Верховным Советам союзных и автономных республик, местным Советам обсудить концепцию на своих сессиях.

Борьба вокруг перехода к рынку ожесточилась.

«Явление Явлинского народу...»

Трудности рождения рыночной программы обуславливались не только чрезвычайной сложностью самой проблемы, но и растущим отторжением правительства со стороны демократической оппозиции и части общественности. Любой

его шаг принимался в штыки, подвергался нападкам и издевкам прессы. А тут появился новый фактор — суверенизация республик, без учета которой нечего было надеяться на успешное продвижение экономических преобразований. Да к тому же новое российское руководство старалось перехватить инициативу в гонке к рынку. Начался лихорадочный поиск новых идей и людей, которые могли удовлетворить его «заказ». На этой почве состоялось «явление Явлинского народу».

С чьей стороны исходила инициатива, кто кого нашел — мне трудно судить. Мало кому известный молодой экономист был привлечен Абалкиным в аппарат комиссии по экономической реформе Совмина Союза, принимал участие в работе над правительственной программой перехода к рынку. Явлинский давал для комиссии свои собственные разработки, отличавшиеся большим радикализмом, акцентом на монетаристские методы. Что-то из них принималось комиссией, что-то отвергалось, главным образом из-за недостаточной реалистичности. Однако это не воспринималось как особая позиция, не выходило за рамки рабочих дискуссий.

Но вот Явлинский получает от Силаева приглашение войти в российское правительство в качестве заместителя премьера по вопросам экономической реформы. Тогда этот вопрос до меня не доходил, да и вообще я его просто не знал. Позднее мне рассказали, что Явлинский советовался с Абалкиным и Рыжковым, получил их согласие. Рассчитывали, что такая «личная уния» экономистов увеличит шанс на сотрудничество между союзным и российским правительством. Не тут-то было. Явлинский предложил российскому руководству свою программу. Она отличалась от предложенной союзным правительством, вдобавок эти отличия искусственно акцентировались, чтобы подчеркнуть превосходство российского подхода, его размах.

В новых условиях без активного участия правительства России и других республик уже невозможно было осуществлять какие-то крупные общественные преобразования. В то же время их нельзя было осуществить и в рамках какой-то одной республики, даже Российской Федерации. Основные нити управления единым экономическим пространством находились все еще в руках центра. Понимая это, в «Белом доме» хотели «подтолкнуть» Союз к ускорению реформ. Выигрыш просматривался во всех случаях. Поддадутся — будет продемонстрирована инициативность и решительность российских властей; станут препятствовать — обнаружится несостоятельность центра.

По прошествии некоторого времени Явлинский попросился ко мне на прием. Не знаю, по поручению Ельцина или по своей инициативе. Скорее первое. Я внимательно выслушал его рассуждения, они мне импонировали, в особенности признание необходимости единого подхода к проведению реформы в рамках Союза.

Дело выглядело так. С одной стороны, правительственная программа перехода должна быть представлена в Верховный Совет Союза к началу сентября. С другой — развернута широкомасштабная работа по линии Российской Федерации. Возникла опасность конфронтации между центром и Россией. Неясна была позиция других республик. Нельзя было исключать, что они поддержат российскую программу по политическим соображениям.

Тогда и родилась идея объединить усилия в разработке рыночной программы. Вскоре появился документ за подписью Горбачева, Ельцина, Рыжкова и Силаева, согласно которому создавалась рабочая группа, в которую вошли Шаталин, Петраков, Абалкин, Явлинский, другие экономисты, а также полномочные представители правительств союзных республик. Концепцию совместной программы поручалось подготовить не позднее 1 сентября.

Подписали документ 27 июля. Первоначально Ельцин предлагал подписать его вдвоем. Подпись Силаева для него не имела значения, а вот то, что подписывает Рыжков, было трудноприемлемым. Заупрямылся и Рыжков, но в конце концов уступил, объясняя «нежеланием мешать наметившемуся налаживанию сотрудничества между Горбачевым и Ельциным».

В списке рабочей группы, которой было поручено составление совместной программы, первой стояла фамилия академика Шаталина. По сложившейся традиции это означало, что он является и руководителем группы.

Где-то в конце 1988-го — начале 1989 года академик стал моим неформальным советником по экономическим, и не только экономическим, вопросам. К зарождению концепции Явлинского Шаталин не имел прямого отношения. Он был подключен к этой работе, что называется, на ходу. С большим рвением отнесся к новому поручению, и с этой точки зрения вполне обосновано, что «500 дней» стали называть программой Шаталина — Явлинского. С ней Станислав Сергеевич накрепко связал свой имидж ученого-экономиста и общественного деятеля, а ее непринятие в предложенном виде воспринял чуть ли не как личную трагедию.

Чем это объяснить? Вопрос не простой, тем более что смысл программы «500 дней», по моим наблюдениям и по свидетельству коллег Шаталина, не вытекал органично из тех взглядов, которых придерживался академик. Он не был приверженцем монетаристских концепций,

должен был понимать, что не может быть эффективной экономика, основанная на безбрежной стихии рынка, без определенных функций государственного управления, без экономического союза республик, без союзных политических, государственных структур.

Шаталин, я уверен, был сторонником обновления Союза, но не его развала. Остается одно. Видимо, почувствовал, что наступил его «звездный час». Ведь принятие программы Шаталина — Явлинского и отторжение программы Рыжкова — Абалкина должно было иметь своим логическим следствием и выбор того, кому будет поручено осуществление программ. Отсюда и неприязнь к Рыжкову как руководителю правительства, и расхождения с Абалкиным — коллегой по Академии наук, который по государственной линии курировал рыночные реформы и руководил правительственной комиссией по этим вопросам. Не случайно Станислав Сергеевич не раз, то в шутку, то всерьез, говорил, что готов принять на себя роль камикадзе и взяться за осуществление своей программы, если она будет принята.

Я уехал в отпуск, связь с рабочей группой поддерживал через своего помощника Петракова. Из Москвы стали поступать противоречивые и все более тревожные сигналы. Группа работала напряженно, состоялись встречи с представителями республиканских правительств, а вот с союзным Совмином никакого сотрудничества не получалось. Нарастало взаимное неприятие.

По моей просьбе состоялась встреча рабочей группы с Рыжковым и Абалкиным с участием Силаева. Но разговор получился жесткий, по сути дела, непримиримый. Совместная работа над программой фактически так и не была начата. Группа Шаталина—Явлинского продолжала работать сама по себе, отдельно от союзного правительства. А правительство Рыжкова — Абалкина трудилось над собственной программой перехода к рынку в соответствии с поручением Верховного Совета.

Полемика между ними выплеснулась в широкую печать. В ряде газет началась настоящая травля союзного правительства и его руководителя. Обстановка накалялась, и я принял решение вернуться в Москву до окончания отпуска. 30-31 августа созвал совместное заседание Президентского совета и Совета Федерации, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. В зал заседаний палат Верховного Совета были приглашены руководители экономических ведомств, ученые, народные депутаты Союза и Российской Федерации — всего около 200 человек.

Руководители республик, как и следовало ожидать, высказали свое предпочтение программе Шаталина — Явлинского, подчеркивая, что без учета роли республик разговоры об экономической реформе могут остаться разговорами. В этом отношении они были правы. Но никто из них не выступил прямо против правительства Рыжкова с требованиями его отставки.

Ельцин, сославшись на результаты нашей с ним пятичасовой беседы, сказал, что «мы идем вместе, проводим общую политику твердо и окончательно, конфронтация недопустима». По его мнению, хаос в стране нарастает не из-за принятия деклараций о суверенитете республик, а как отражение общего кризиса прежней системы управления. Он признал, что руководство Российской Федерации после предпринятой попытки создать собственную российскую программу перехода к рынку убедились, что реализовать ее в рамках одной республики невозможно.

— Для этого надо развалить Союз, — добавил он. — Мы отказались от нее и предложили президенту страны использовать свои разработки для общесоюзной программы, что и было предметом деятельности согласительной комиссии Шаталина — Явлинского. — Ельцин выразил уверенность, что Верховный Совет России одобрит эту программу, предусматривающую заключение экономического союза между республиками, определит и свое отношение к союзному правительству. Но реализовывать совместную программу, по мнению российского лидера, должен был специальный комитет при президенте, а не правительство Союза.

В этом выступлении было ясно дано понять, что российское руководство не находит правительству Рыжкова места в дальнейшей работе по реализации экономических программ. Об этом же говорил Силаев.

Снова вспыхнула дискуссия о союзном правительстве. Хасбулатов в присущей ему грубой, прямолинейной форме высказался за его отставку. Ему возразили представители других республик. Взволнованный Рыжков заявил, что вопрос в конечном счете не в правительстве, а в борьбе некоторых республиканских лидеров против центра, что было, в общем, близко к истине. Обращаясь ко мне, он заявил:

— Сами беритесь за функции правительства, но следующий удар будет против вас.

Несмотря на то что преобладающее мнение было в пользу программы Шаталина — Явлинского, в ряде выступлений высказывались и критические замечания, нащупавшие в ней слабые точки и изъяны. Член Президентского совета академик Ю.А.Осипьян заметил, что в программе отсутствует такой обязательный признак любого государства, будь то унитарного или федеративного, как наличие федерального налога.

В выступлении Медведева, при общей положительной оценке, высказывалось несогласие с тем, что в программе говорится об экономическом союзе, но обходится вопрос о политическом союзе республик.

— Кто должен практически осуществлять программу оздоровления экономики и перехода к рынку на союзном уровне? — спросил ора-

тор. — Ответ ясен: конечно же, правительство. Если оно будет отстранено от этой функции, ему вообще делать нечего. Такое правительство просто не нужно. И никакой комитет его заменить не может.

Я учитывал перелом, который произошел весной 1990 года в настроениях Рыжкова и особенно Маслюкова в пользу рынка, надеялся, что правительство способно осуществить реформу. А главное — отставка правительства втянула бы нас в новый тяжелый тур политической борьбы. Это была твердая позиция, несмотря на то что иной точки зрения придерживались весьма авторитетные люди из моего ближайшего окружения.

Совместное заседание Президентского совета и Совета Федерации не приняло формальных решений, ибо не располагало даже полным текстом обеих программ. Это был обмен мнениями, закончившийся констатацией: надо продолжить работу над программами и попытаться найти пути их сближения до официального внесения того и другого в Верховные Советы Союза и Российской Федерации.

К сожалению, договоренность об отсрочке внесения программ на Верховные Советы Союза и Российской Федерации оказалась нарушенной. 3 сентября программа «500 дней» была роздана, и депутаты России начали ее обсуждение. Это была попытка оказать давление на центр, противодействовать выработке общей программы, поставить нас перед свершившимся фактом.

Буквально на следующий же день, несмотря на сильную занятость (в этот день состоялось открытие съезда Компартии РСФСР, событие для политической жизни страны немаловажное), я провел детальное обсуждение и сопоставление двух программ, на которое были приглашены их авторы, руководители правительств республик, ученые. Но это уже был не широкий политический форум, а именно деловое, сравнительно узкое совещание. «500 дней» представил и прокомментировал Явлинский. Сделал он это довольно толково. Ему оппонировал Абалкин.

Авторы программ и на этот раз пустились вскачь: всячески выпячивали принципиальные, с их точки зрения, различия между документами, их «несовместимость». Представители же республик, склоняясь больше к поддержке программы «500 дней», все же считали возможным и необходимым сближение.

К этому времени в научных институтах и в моем аппарате был проведен детальный анализ двух программ, и у меня сложилось более полное о них представление. Оно не поколебало оценки программы «500 дней» как предпочтительной, но главный предмет разногласий и разночтений находился за пределами экономики, был заключен в выборе будущей модели нашего общества. Программа правительства исходила не только из экономического союза между республиками, но также из

сохранения единого союзного государства с регулирующими функциями и того, что можно назвать основами социалистического строя.

Программа же Шаталина — Явлинского, признавая необходимость экономического союза республик, оставляла за скобками саму проблему сохранения их политического союза и была лишена четкого социального содержания. В ней не было даже упоминания о новом Союзном договоре.

Аргументировалось это авторами тем, что в ней политические вопросы вообще якобы не затрагиваются. Но тут-то и была «маленькая» хитрость. Непредвзятый анализ показывал, что программа фактически исходит из перспективы прекращения существования Союза как единого государства. Да вот только один пример — в программе предусматривалось введение одноканальной налоговой системы, при которой все налоги поступают в распоряжение республик, а затем по устанавливаемой ими квоте делаются отчисления в союзный бюджет. Без федеральных налогов невозможно существование федерального государства.

Фактически программа «500 дней» как бы предопределяла принципиальные решения, которые были предметом переговоров по новому Союзному договору. Принятие ее с такой посылкой могло дать сильнейший толчок деструктивным, дезинтеграционным процессам, прежде всего в политической сфере. А это, в свою очередь, не могло не отразиться на экономике.

Именно политические проблемы оказались камнем преткновения при определении возможности совмещения программ. Что же касается социально-экономического содержания, непреодолимых препятствий не было. Набор проблем, связанных с переходом к рынку, в основном тот же. Только подходы предлагались различные: крутые и решительные в программе «500 дней», взвешенные, плавные — в правительственной.

Что касается ценообразования, то Рыжков и Абалкин предлагали приступить к поэтапной либерализации цен после того, как будет осуществлена разовая ценовая реформа, то есть установлен более обоснованный уровень оптовых, закупочных, розничных цен и тарифов. Шаталин же и Явлинский предусматривали с начала 1991 года, после некоторых стабилизационных мероприятий, приступить к высвобождению цен.

Короче, несмотря на ехидное замечание Ельцина («Горбачев хочет поженить ежа и ужа»), возможности для согласования были. К тому же вскоре обнаружилось, что российское руководство, столь ревностно отстаивавшее на словах принципы программы «500 дней», на практике отнюдь не склонно было в тот момент им следовать. Так правительством России были с 1 октября резко повышены закупочные цены

на мясо (выше, чем предусматривалось с 1 января 1991 года реформой цен). Не хочу сказать, что это была неправильная, необоснованная акция. Нет, в создавшейся ситуации она была необходимой.

Дело в том, что этому предшествовало резкое повышение закупочных цен на мясо правительствами республик Прибалтики, которое аргументировалось повышением цен на зерно и комбикорма. В результате поток скота из России и Белоруссии устремился на продажу в Прибалтику. Так что меры принимать было надо. Беда в том, что действовали сепаратно, порождая нечто вроде торговой войны, вместо того чтобы решать вопросы на согласованной основе на союзном уровне.

Кстати, повышение закупочных цен на мясо вызвало бурную реакцию у авторов программы «500 дней». Резкие заявления, вплоть до угрозы уйти в отставку, сделал Явлинский. Но дело, как говорят, было уже сделано. Назад такого решения не вернешь.

В чем-то сходная ситуация складывалась и с оптовыми ценами. Было уже известно, что новые цены будут вводиться с начала 1991 года, разосланы прејскуранты. Как вдруг Силаев объявляет о повышении цен на нефть (120 рублей за тонну против 25 рублей до этого и 70 рублей в новом прејскуранте), перечеркивая все договоренности.

Безусловно, программа «500 дней» привлекала своей свежестью, неординарностью постановки проблем перехода к рынку, более конкретной, предметной их проработкой. Но эти достоинства кое в чем перерастали в недостатки. На ней лежала, как выражались некоторые критики, печать экономического романтизма, а если говорить проще, она была недостаточно реалистичной. Проглядывало явное желание представить программу чуть ли не как расписание поездов с указанием, что и в какие сроки должно быть достигнуто с точностью до дней. Уже тогда вызывало сомнение, а сейчас это стало совершенно ясным, что пожелание достичь финансовой и денежной стабилизации народного хозяйства за 100 дней, как предполагалось в программе Шаталина и Явлинского, недостижимо.

С другой стороны, правительственная программа при всей традиционности, округлости, неопределенности формулировок и задач имела некоторые сильные стороны. Более обстоятельно и весомо была проработана программа мер по социальной защите населения при переходе к рынку.

В конце концов я пришел к убеждению, что ни одна из предложенных программ не может быть принята в том виде, в каком она представлена. Сторонники правительства, да и сам Николай Иванович с плохо скрываемой обидой стали намекать или даже прямо заявлять, что Горбачев не защитил свое правительство, чуть ли не предал его под давлением новоявленных демократов.

Одновременно стали раздаваться обвинения, что Горбачев под давлением консервативных сил в партии отошел от реформаторских пози-

ций, его якобы вызвали на Политбюро, устроили там разнос и заставили отказаться от «500 дней». Все это домыслы. Повторю: мое решение было продиктовано стремлением иметь реалистическую программу перехода к рыночной экономике и не допустить той катастрофы, к которой привела страну «шоковая хирургия» Ельцина и Гайдара в 1992—1993 годах.

Попытка синтеза На совещании 4 сентября я объявил мое решение: сесть двум группам вместе под «арбитражем» Аганбегяна и создать интеграционный документ.

Мне было известно, что работа над сведением двух программ шла туго, главным образом из-за нежелания Абалкина принимать в ней участие. Все же она была завершена и направлена в Верховный Совет Союза и российскому руководству. Надо сказать, в новом документе за основу была взята программа Шаталина — Явлинского, но при этом устранены те ее положения, которые предвосхищают будущее решение проблем в Союзном договоре, — снят тезис о верховенстве республиканского законодательства, предусмотрено создание собственной финансовой базы Союза в виде федерального налога и т.д.

Между тем 10 сентября открылась сессия Верховного Совета Союза, а на следующий день Рыжков выступил на ней с докладом о программе перехода к рынку. И он, и Лукьянов мотивировали это тем, что Верховный Совет России обсуждает программу «500 дней». Да, россияне нарушили договоренности, но зачем же на неверный шаг отвечать столь же неверным действием? Пришлось сделать перерыв в дискуссии.

17 сентября она возобновилась. Выступил Аганбегян: толково, со взвешенными оценками, но с сильным «креном» в пользу «500 дней». После него слово было предоставлено Шаталину и Абалкину, обсуждение носило в целом деловой характер, хотя и не обошлось без стычек. Наконец 24 сентября Верховный Совет принял постановление, в котором признал необходимым на базе внесенного президентом проекта, а также двух альтернативных документов и других предложений, высказанных в ходе обсуждения, подготовить единую программу стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике.

Президенту СССР были предоставлены дополнительные полномочия для осуществления этих мер.

27 сентября и 1 октября мною были проведены два развернутых откровенных разговора в Ореховой комнате о том, как дорабатывать документ, «строить мост» в сложившейся политической ситуации. Участвовали Рыжков, Абалкин, Маслюков, Медведев, Примаков, Петраков, Павлов, Болдин, Ситарян, Щербаков. Шаталин появился накоротке 27 сентября, а 1 октября его уже не было — мне сообщили, уехал в Соединенные Штаты для лечения.

В свободной дискуссии все высказались за то, чтобы иметь более сжатый концептуальный документ. Рыжков сетовал на трудности с разработкой плана на 1991 год: Прибалтийские республики в центр ничего не дают. Не представил своих разработок Казахстан. Не занимается как следует планом Россия.

Откликаясь на мое приглашение, некоторые участники совещания высказались и по более широкому кругу общеполитических проблем. Лейтмотив — укрепление центральной власти в ее президентском варианте. Абалкин, например, выступил за то, чтобы реорганизовать правительство и Президентский совет на более широкой общественно-политической основе. Медведев и Павлов — за концентрацию всей исполнительной власти непосредственно в руках президента, хотя в данный момент и без правительства нельзя обойтись. Для меня эти высказывания были важными, поскольку я и сам в это время все больше задумывался над структурой президентской власти.

Первоначально работу над новым вариантом президентской программы перехода к рынку предполагалось поручить тем же: Шаталину, Абалкину, Петракову, Аганбегяну. Но, как я уже говорил, Шаталина в то время уже не было, да и вообще совместная работа из-за расхождений между академиками была практически невозможной. Надо было за это взяться вначале кому-то одному. Свои услуги предложил Абалкин, и я с этим согласился. Но представленный им вариант программы оказался слишком привязанным к правительственному. Тогда к работе были подключены Аганбегян и Петраков. Я и сам взялся за нее, отключившись на несколько дней буквально от всех дел. В итоге был подготовлен и точно в обусловленный срок (15 октября) направлен в Верховный Совет 60-страничный документ. Республикам надо было дать право решать, когда и какие конкретные меры осуществлять. А центр должен был обеспечить общую координацию в проведении реформ. Отсюда и название документа: «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике».

Три недели шла напряженная работа над текстом «Основных направлений». Внешне могло показаться, что страсти вокруг рыночной программы поулеглись. Но это внешнее впечатление было обманчивым. На деле шло дальнейшее размежевание позиций.

8 и 9 октября Пленум ЦК обсудил положение в стране и задачи КПСС в связи с переводом экономики на рыночные отношения. На сей раз я ограничился кратким вступительным словом, чтобы никто не мог сказать, что Горбачев навязывает свою программу. Доклад с подробными выкладками сделал Ивашко. Выступления на Пленуме вначале были не такими крикливыми, как на предсъездовских пленумах. По-видимому, новые члены ЦК присматривались друг к другу. Но общая атмосфера была все же консервативной. Гидаспов назвал политически

ошибочным переход к рынку до заключения Союзного договора. Позлов выступил против гонений на коммуниста — Председателя Совета Министров. Страсти поднакалились при обсуждении проекта постановления. Заранее подготовленный вариант был забракован, в конце концов приняли более или менее удовлетворительный вариант.

На решениях Пленума, всей его работе, конечно, не могло не сказаться то, что руки у консервативных сил в партии и ее руководстве были связаны решениями XXVIII съезда КПСС. К середине 1990 года в партийной массе и во всем народе уже сложилось понимание необходимости и неотвратимости рыночных реформ.

Дискуссия переместилась в плоскость темпов, форм, методов перехода к рынку. Ораторы не скупилась на критику программы «500 дней». Приверженцы старого никак не могли примириться с изменением роли партии, ее права определять каждый конкретный шаг в политической и экономической жизни. Отсюда непонимание, нежелание понять, что ЦК и Политбюро не могут играть уже той роли, какую играли раньше. Не случаен лейтмотив ряда выступлений: почему ЦК рассматривает программу рыночных реформ после того, как она обсуждена на Верховном Совете, а не до этого? Навязчивое обвинение президента в том, что он якобы запаздывает в постановке основных проблем реформы в партийных инстанциях, что партия оттесняется от рассмотрения принципиальных вопросов и ставится перед лицом уже принятых решений.

В своем ответе я решительно отвел обвинения в свой адрес как необоснованные, поскольку политика перехода к рынку определена XXVIII съездом КПСС. Что же касается конкретных шагов и решений, входящих в компетенцию президента и правительства, они не могут определяться в партийных инстанциях. На этот счет, кстати, также есть партийные решения.

Вот с какими настроениями пришлось столкнуться на Пленуме ЦК. Они были свойственны и значительной части депутатов, тесно связанных с партийным аппаратом и тяготеющих к депутатской группе «Союз». Этим в значительной степени было предопределено развитие событий в рамках Верховного Совета в последующие месяцы. Исполнителем подобных настроений стал (проявляя, правда, крайнюю осторожность!) Лукьянов. В кулуарах, а затем в открытую стали раздаваться голоса, что президент перестал считаться с верховным представительным органом, предпочитает вершить государственные дела, опираясь на свой аппарат, Президентский совет и Совет Федерации, на прямой контакт с Ельциным.

Чувствовал я, что все больше мечется Рыжков. С одной стороны, он испытывал удовлетворение тем, что прекращается мелочное вмешательство в деятельность правительства со стороны ЦК, за что он

ратовал, став Председателем Совмина. А с другой стороны, похоже, ничего не имел против критики президента за то, что тот «не считается» с Политбюро. Тем более выпады против президента и его «команды» со стороны партийных руководителей сочетались с защитой правительства от наступления рыночников и радикальных демократов. Ни Рыжков, ни Лукьянов на Пленуме не выступали. Но интуиция подсказывала, что если они и не солидарны с партийными консерваторами, то кое в чем им сочувствуют. Тогда я воспринимал это как допустимые нюансы в позициях своих коллег. Дальнейший ход событий подтвердил впечатление о начавшейся «состыковке» Рыжкова и Лукьянова.

Многое приходилось обдумывать в осенние дни 1990 года. В становлении президентской власти был сделан лишь первый шаг, ее возможности отправлять высшие исполнительно-распорядительные функции были во многом иллюзорны. Проблему могло решить создание мощного, сравнимого с правительственным, аппарата управления, но это породило бы еще большую неразбериху в высшем эшелоне государственной власти. Что касается Президентского совета, то он не мог быть эффективным инструментом управления и к тому же «обстреливался» в средствах массовой информации как «новое Политбюро». Я уж не говорю о том, что президент был лишен соответствующей структуры власти на местах.

Становилось делом первостепенного значения образование целостной системы распорядительно-исполнительной власти. Я поручил юристам представить предложения на сей счет. Но, как говорится, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Сочинить записку, выстроить на бумаге конструкцию власти «по вертикали» было не так уж сложно. А вот обсудить этот проект, получить согласие Верховного Совета и республик, принять закон, провести выборы, осуществить кадровые назначения — все это было куда как сложно. Речь шла об одном из крупных фрагментов политической реформы, который требовал не менее двух-трех лет. Приступать к нему с кондачка, наскоком значило и дров наломать, и людей насмешить.

Надо учесть, что задача выстроить «президентскую вертикаль» безмерно усложнялась суверенизацией республик, которые ревниво оберегали обретенную самостоятельность и не хотели делиться с центром своими прерогативами. Словом, долгие переговоры были неизбежны, а время поджимало. Оставлять власть в беззубом состоянии граничило с безответственностью. Единственным выходом было просить у законодателей на время дополнительные полномочия.

Между тем в Верховном Совете России продолжала нагнетаться обстановка. Произносились ультимативные речи в пользу программы «500 дней», вплоть до призывов к проведению забастовки, если она не будет принята Союзом. 16 октября в конце дня взял слово Ельцин. Вы-

держанное в резком, конфронтационном духе выступление его содержало голословные обвинения центра в жесткой линии по отношению к республикам, стремлении ограничить суверенитет Российской Федерации, сорвать переход к рыночным отношениям, сохранить господство административно-командной системы. Оратор не остановился даже перед нелепыми обвинениями в саботаже (правда, было не очень ясно, кому они адресованы) и предъявил нечто вроде ультиматума: либо принимаются его требования, либо — дележ власти, собственности, вооруженных сил. Прозвучали плохо прикрытые призывы к выходу людей на улицы.

В тот же день в «Московских новостях» появилось интервью Гавриила Попова, в котором приоткрывалась внутренняя кухня принятия решений Демроссией. Говорилось о жестких шагах, которые предпримет Председатель Верховного Совета РСФСР, если «500 дней» не будут приняты. Председатель Моссовета грозил и собственной отставкой. Таким образом, скоординированно палили по Кремлю из всех «орудий».

На следующий день я собрал Президентский совет. Крючков, Лукьянов, Ревенко выступили за «должный отпор». Шеварднадзе и Медведев заняли более гибкую позицию: ответить на выпады, но не вступать в лобовое противоборство.

Вначале возникла мысль — выступить мне с интервью по рыночной программе, включив ответ Ельцину. После размышлений решено было проявить выдержку и высказаться 19 октября при представлении «Основных направлений» перехода к рыночной экономике Верховному Совету.

Надо сказать, выступление Ельцина имело довольно неожиданный эффект, прямо противоположный тому, на который было рассчитано. Никаких уличных акций и забастовок не последовало. Решительный тон и грозный внешний вид оратора вызвали недоумение: почему вокруг такого вопроса нагнетаются страсти? Эта эскапада, судя по всему, не получила единодушной поддержки даже в Межрегиональной группе. Верховный Совет России, собравшись на следующий день утром, как ни в чем не бывало продолжал обсуждение текущих проблем.

Обсуждение «Основных направлений» в союзном парламенте тоже проходило спокойно. Выступления радикальных демократов были выдержаны в примирительном, даже, как мне показалось, извиняющемся тоне. Проект программы был принят за основу сразу после моего доклада, против проголосовали лишь 12 депутатов при 26 воздержавшихся из примерно 400 членов Верховного Совета.

Конечно, тут дело нельзя сводить к неожиданному эффекту чрезмерно резкого, крикливого выступления Ельцина. Сам документ получился достаточно взвешенным, учитывающим — разумеется, в пределах возможного — позиции основных политических сил.

Так или иначе, программу перехода к рынку приняли, перевернув одну из драматических страниц перестройки.

**Экономика —
заложница
политики?**

При голосовании за «Основные направления» вроде бы произошло объединение депутатов, стоящих на разных позициях. Но результатами были не очень довольны и те и другие. Оказался сильно подорванным авторитет правительства. Усилиями радикальной прессы его стали воспринимать как сборище ретроградов, противящихся спасительному рынку. Само оно встало в позу обиженного, начало объявлять первопричиной экономических неурядиц политическую анархию и безвластие в стране, в которых повинны оппозиция и политическое руководство. То есть президент.

Между тем выполнение принятой программы требовало в первую очередь налаживания конструктивных отношений с республиками, реорганизации и укрепления президентской власти, выдвижения новых людей. Разговор обо всем этом шел на заседании Президентского совета 31 октября. Настроение было мрачноватое.

Я сказал, что даже самые острые оценки ситуации недостаточны. Надо перестать соревноваться на этот счет. Мы все переминаемся с ноги на ногу, а нужно энергично действовать. Сосредоточиться на реализации «Основных направлений», ускорить работу над новым Союзным договором, реорганизовать структуру власти. Не следует затевать перетряхивания всех звеньев со сплошной заменой кадров, но, несомненно, выдвинуть новых людей. Те, кто сомневается в правильности наших действий, и тем более несогласные с ними, должны уйти.

Я согласился с мнением членов Совета, выступавших за диалог с оппозицией, согласие с российским руководством, республиками.

2 ноября Совет Федерации детально рассмотрел проект Союзного договора и поручил форсировать его подготовку. А на заседании Президентского совета (5 ноября) обсуждался план мероприятий по переходу к рынку. Вновь разгорелась общеполитическая дискуссия.

В ответ на утверждение Рыжкова, что экономические трудности порождены ослаблением власти из-за действий оппозиции и республик, намеки на нерешительность высшего политического руководства, Яковлев заявил, что главный источник трудностей не в политике, а в неудовлетворительном состоянии экономики и управления ею, задержке экономических реформ. Критиковал правительство и Медведев. «Это же безумие, — заявил он, — форсировать дорогостоящие социальные программы, закрывать глаза на безудержный рост денежных доходов в условиях, когда началось абсолютное сокращение производства». Ответная реакция Рыжкова и Маслюкова была бурной.

Напряжение в руководстве было сильнейшим, начались колебания и шатания даже в моем ближайшем окружении. Многозначительную

позу занял Яковлев, недовольный тем, что я не принял безапелляционно «500 дней». За этим стояло и несогласие с моими действиями по отношению к оппозиции, к партии и ее руководящим структурам, с линией на сохранение обновленного Союза республик.

Шеварднадзе болезненно переносил участившиеся нападки на внешнюю политику со стороны фундаменталистов, народных депутатов из числа «полковников».

Я решил встретиться с Ельциным, откровенно обсудить создавшееся положение и возможные выходы из него.

Встреча состоялась после октябрьских праздников и была очень непростой. Он жаловался на «игнорирование интересов России», «ущемление прав российских властей» и т.д. В свою очередь я сказал, что в результате его попыток ослабить и обескровить Союз, перетянуть одеяло на себя мы дошли до крайней точки, за которой начинается развал страны. В этой беседе предложил Ельцину заявить ясно и недвусмысленно, что он за сохранение Союза республик как единого государства, перенести акценты с одностороннего подчеркивания суверенитета республик на необходимость сохранения и обновления Союза. Ведь распад государства будет трудно остановить на границах Российской Федерации. Болезнь суверенизации начинает охватывать и автономные республики. Подозрения, что мы хотим подстегнуть их в борьбе с союзными республиками, смехотворны. Мы занимаем принципиальную позицию как в отношении Союза, так и в отношении единства Российской Федерации. То и другое неразрывно взаимосвязано.

Обсудили мы и другие темы, в том числе относящиеся к вопросам рынка. В общем, несмотря на всю остроту дискуссии, она позволила несколько ослабить напряженность в отношениях союзного центра и России.

Едва удалось «нащупать», не скажу больше, путь к большему взаимодействию с Ельциным, как пришлось выдержать атаку народных депутатов, входивших в группу «Союз». Она, по сути дела, служила легальным парламентским прикрытием внутрипартийной консервативной оппозиции. 14 ноября, при открытии сессии Верховного Совета, депутаты отказались обсуждать повестку дня, развернув дискуссию по текущему моменту. В острых, доходящих до истерики выступлениях критиковались положение в стране, действия правительства, президента.

Сошлись на том, чтобы пригласить президента и провести общеполитическую дискуссию. 16 ноября я выступил перед депутатами со своими оценками и предложениями. Но к успокоению это не привело. Дискуссия, как говорят, пошла вразнос. Не оставляли буквально живого места от правительства, да и от президента. В яростной критике начало просматриваться сближение крайностей — фундаменталистов и радикалов.

В конце дня в комнату рядом с залом заседаний зашли Назарбаев, Каримов, другие руководители республик, кроме Ельцина. Они считали необходимым принятие срочных и решительных мер, иначе ситуация может выйти из-под контроля. Прежде всего — укрепить президентскую власть и механизм более эффективного ее взаимодействия с республиками. Наши соображения в этом смысле совпали. Назарбаев вместе с другими стал формулировать свои предложения. Я же поехал к себе готовиться к утреннему выступлению.

Мне пришлось использовать заготовки относительно реорганизации высшего звена управления страной. К тому времени они были уже на бумаге и апробированы на рабочих совещаниях, заседаниях Президентского совета и Совета Федерации, в частности при обсуждении проекта Союзного договора. Это — реорганизация правительства, превращение его в Кабинет министров, работающий под непосредственным руководством президента, усиление роли Совета Федерации, придание ему более четкого официального статуса, создание Совета безопасности и прекращение деятельности Президентского совета. . .

Закончил я работу к четырем часам ночи. Утром позвонил Рыжкову, кратко информировал его о том, какие изменения буду предлагать в структуре государственных органов, в том числе по статусу правительства. В принципе они для Рыжкова не были новыми. Более того, Николай Иванович сам поднимал вопрос о реорганизации исполнительной власти. Я об этом говорю так подробно, потому что и тогда и сейчас на этот счет гуляет много домыслов, главный из которых: Горбачева на этот шаг якобы понудило Политбюро.

Заседание Верховного Совета началось утром прямо с моего выступления. Продолжалось оно не более 20 минут, но реакция на него была совершенно иная, чем два дня назад. Ответом на содержащиеся в нем предложения были дружные и, я уверен, искренние аплодисменты зала. Интересный феномен — столь резкий переход от полного, можно сказать, неприятия к горячей поддержке. Думаю, сыграло роль осознание нависшей опасности хаоса в стране с непредвиденными и непредсказуемыми результатами. Консервативная часть депутатов увидела, что Союз сохраняется, единая президентская власть даже укрепляется. Чего-то они добились, покритиковали, «пощипали» президента. Вместе с тем увидели, что дело может пойти слишком далеко, если радикальным демократам удастся свалить правительство, подорвать центр. Конечно, они хотели бы добиться большего, изменить политику, заставить меня отказаться от экономических и политических реформ. Но, видимо, поняли, что это недостижимо.

Радикальные демократы, по крайней мере, те из них, кто был способен непредвзято воспринимать происходящее, не могли не увидеть, что Горбачев полон решимости двигать процесс реформ. Они тоже по-

чувствовали, что добились какого-то результата, хотя их главная цель — свалить правительство — оказалась недостигнутой. Это будет уже другое правительство, и можно побороться за то, каким ему быть.

Представители республик тоже, по-видимому, поняли, что критика центра вот-вот перейдет ту грань, за которой начнется его разрушение, и породит обратную реакцию с непредсказуемыми последствиями. А в предложениях Горбачева роль республик в системе Союза возрастает.

Одним словом, внесенные мною и дружно одобренные Верховным Советом предложения сняли напряжение, возникшее к этому моменту в стране и в политическом руководстве. Но это не устранило глубоких противоречий в позициях основных общественно-политических сил, что не замедлило проявиться на Четвертом съезде народных депутатов. Достаточно напомнить о сюрпризе, который был преподнесен при открытии съезда 17 декабря депутатской группой «Союз». Я имею в виду «совершенно спонтанное» выступление Умалатовой с предложением включить первым в повестку дня вопрос о вотуме доверия президенту. Весьма любопытными оказались результаты голосования. В числе 400 депутатов, проголосовавших «за», оказались крайние фланги и Межрегиональной группы, и фракции «Союз». Ельцин, Попов, Станкевич и многие их сторонники проголосовали «против».

Весьма напряженным оказалось обсуждение моего доклада о текущем моменте, поправок к Конституции в связи с изменениями в структуре органов власти. Ошеломило всех демонстративное заявление Шеварднадзе об отставке, сделанное прямо на съезде без какого-либо предварительного разговора со мной. В острой схватке прошло принятие постановления об общей концепции нового Союзного договора. Дело дошло до поименного голосования о сохранении Союза ССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик. По моему предложению съезд принял решение провести референдум, и он, как известно, состоялся 17 марта следующего года.

Политические события ноября — декабря в определенной степени задержали осуществление «Основных направлений». Не могло этими вопросами в полной мере заниматься правительство, ибо для всех было ясно, что оно в прежнем виде существовать не будет. В связи с предстоящим образованием Кабинета министров я начал раздумывать и обсуждать с коллегами его функции, структуру, да и персональный состав.

Трудней всего было, разумеется, решить вопрос о премьер-министре. С Рыжковым на съезде я этот разговор не заводил. Хотя по всему его поведению и высказываниям видел, что он претендовать на эту роль не собирается. Да это было бы и невозможно согласовать с Советом Федерации, а такая процедура предусматривалась измененной Конституцией. Но вопрос отпал сам собой ввиду тяжелого заболевания

Рыжкова. В ночь с 25 на 26 декабря у Николая Ивановича произошел обширный инфаркт, который надолго вывел его из строя.

Все мы, кто вместе работал с ним, были потрясены случившимся. По-человечески было жаль Николая Ивановича. Со мной он разделял все заботы и труды по осуществлению перестройки. Обозначились расхождения, особенно в последние годы, но я сохранял к нему уважительное отношение. Стремился понять его позицию, переубедить в том, в чем он, по моему мнению, ошибался или поддавался чьему-то влиянию. Зная не только сильные его стороны и ценные человеческие качества, но и слабости, никогда не пытался оттолкнуть его в лагерь недругов, отгородиться от него, отречься.

И предварительный зондаж, и обмен мнениями по вопросу о преемнике Рыжкова на Совете Федерации показали, что наибольшее предпочтение отдается кандидатуре В.С.Павлова. Решающую роль играло соображение, что это финансист-профессионал. Именно такой глава Кабинета и нужен в условиях, когда исполнительную власть возглавляет президент. Знали Павлова, с ним взаимодействовали руководители республик, и это тоже подкупало: ведь премьеру придется прежде всего работать с ними. Поддержали эту кандидатуру Рыжков и Маслюков, с которыми я советовался. Ельцин не был в восторге, но сказал, что не будет возражать.

Высказывались и определенные сомнения, особенно в узком кругу. Павлов ничем не проявил себя как политический деятель, его позиции в этом отношении не ясны. Недостаточно самостоятелен, излишне приспособливается к обстановке. Отмечались проявляющиеся иногда импульсивность, необдуманность действий и высказываний. Рыжков говорил, что до него доходили слухи об известной слабости министра финансов к алкоголю.

Думаю, что тогда переоценил положительные качества Павлова и допустил ошибку, не придав значения сигналам о негативных его качествах. Наверное, определенное воздействие имела дружная поддержка его кандидатуры членами Совета Федерации.

11 января я подписал Указ о назначении премьер-министра и его первых заместителей, а 14 января они предстали перед Верховным Советом СССР и были утверждены им. В последующие дни Верховный Совет утвердил руководителей силовых министерств, Министерства иностранных дел, других министров. Не согласился Верховный Совет с предложением о назначении зампредом по внешнеэкономическим делам Каменцева, были и другие потери, но в конечном счете Кабинет сложился. Это было первое правительство, сформированное на основе предложений президента, согласованных с Советом Федерации.

Кабинет Павлова

Формирование Кабинета затянулось еще на несколько недель. Какое-то время потребовалось для формирования Совета безопасности, перестановок в президентской администрации. Я принимал все меры, чтобы не допустить заминки в управлении. Но уже неумолимо сказывались разлаженность и разнобой, вызванные стихийной суверенизацией, нарушением хозяйственных связей. За январь—февраль 1991 года произведенный национальный доход снизился по сравнению с соответствующим периодом 1990 года на 10 процентов, объем промышленной продукции — на 4,5 процента, закупки продуктов животноводства — на 13 процентов. Спад охватил не только группу «А», но и производство предметов потребления, которое в последние годы шло по восходящей. Экономика быстро втягивалась в полосу экономического кризиса.

Повторяю: кризис, по-видимому, был неизбежным. Однако то, что он стал принимать столь острые формы, было обусловлено не только объективными причинами, но и неадекватностью наших действий, ошибками в экономической политике и управленческой практике. Вакханалия денежных доходов так и не была остановлена (за январь—февраль 1991 года денежные доходы населения возросли на 19 процентов по сравнению с тем же периодом предыдущего года). И это при сокращении производства, которое теперь затронуло и потребительский сектор. В план закладывалась рыночная несбалансированность. Нарастала скрытая инфляция. Начал разваливаться бюджет страны. Россия, а за ней и другие республики стали проводить в жизнь систему одноканального поступления налогов в союзный бюджет.

Под новый, 1991 год российское руководство решило сократить отчисления Союзу на 100 миллиардов рублей. Ельцин сразу же после этого уехал в Якутск, и я узнал об этом решении от депутатов Верховного Совета России и из сообщений прессы. Кстати, так действовал Ельцин очень часто: нашкодит — и тут же в поездку по областям.

Говоря о причинах кризиса, нельзя не упомянуть об отказе с 1991 года от системы многостороннего клиринга в отношениях с бывшими социалистическими странами, введении мировых цен и расчетов в свободно конвертируемой валюте. С точки зрения перспективы постепенный переход на условия мирового рынка был неизбежным, но единовременное, разовое решение этой задачи оказалось мерой ошибочной, ущербной и для нас, и для наших партнеров.

Накануне Нового года по предложению правительства я подписал несколько указов по финансовым вопросам, в которых, как потом оказалось, были заложены серьезные изъяны. Это относится, например, к созданию внебюджетных фондов стабилизации экономики. Это было, по сути дела, «генерирование» денег из ничего. Они не имели реального покрытия, а потому усиливали инфляцию.

20 января, буквально через несколько дней после утверждения в должности премьер-министра, Павлов реализовал еще одну заготовку, вызвавшую бурную реакцию в обществе, — обмен крупных 50- и 100-рублевых купюр на новые. Аргументировалось это тем, что большое количество таких денежных знаков накопилось в руках у спекулянтов, преступников в сфере теневой экономики, ушло за границу. Расчет оказался иллюзорным. Пытаясь найти оправдание для этой в общем-то бесплодной, но хлесткой операции, премьер в середине февраля в интервью газете «Труд» в сенсационном духе сообщил о якобы имевшем место заговоре западных банков, направленном на дезорганизацию денежного обращения в СССР.

На первых порах я всячески поддерживал самостоятельность и решительность Павлова, брал его под защиту. Но уже тогда у меня стали закрадываться сомнения относительно его профессионализма. В дальнейшем я все больше убеждался, что здесь допущена ошибка. Ни по кругозору, ни по глубине понимания вопросов, ни даже по профессиональным качествам Павлов не подходил для этой роли, особенно в сложной и противоречивой обстановке, которая складывалась в 1991 году.

Одной из самых неотложных задач была реформа розничных цен. Не проводить ее было уже невозможно. Благоприятный момент (1988-1990 годы) был упущен, и приходилось делать это в резко осложнившейся обстановке.

Собственно говоря, переход к новой системе цен уже начался — были введены новые закупочные цены на зерно и мясо, действовали новые преysкурранты оптовых цен во внутрипромышленном обороте. Надо было срочно вводить и новые розничные цены, чтобы вывести из-под удара предприятия, выпускающие конечную продукцию. Замедлялся весь экономический оборот. В центр шли тревожные запросы. Помню, сигнал бедствия подали мне из Ленинграда Анатолий Собчак, из Москвы — Гавриил Попов.

Вместе с тем Кабинет министров нуждался хотя бы в нескольких неделях, чтобы подготовить продуманные решения. Всякая ошибка здесь была чрезвычайно опасна. Сказывалась и политическая злоба дня. Январские события в Литве, ультимативные требования Ельцина о моем уходе в отставку, референдум 17 марта — все это вынуждало откладывать реформу цен.

Для проведения ценовой реформы надо было преодолеть еще один «высоченный» барьер — добиться согласия республик. Эту проблему обсуждали 12 февраля на Совете Федерации и пришли к единому мнению: действовать надо безотлагательно, быстро, согласованно. Начались переговоры с республиками по основным принципам и параметрам повышения розничных цен, вопросам социальной защиты, об обра-

зовании единого союзно-республиканского фонда поддержки населения. Дело в том, что из-за различий в структуре народного хозяйства республик возникало несоответствие между поступлением средств от повышения цен и расходами на социальную компенсацию. С девяти республик надо было взять в этот фонд порядка 80 миллиардов рублей, в том числе у России — 56 миллиардов, а шести республикам дать для компенсации 16 миллиардов. Кроме того, выделить 66 миллиардов рублей для компенсации доходов работников, занятых в общегосударственных системах. Переговоры шли непросто. Прибалтийские республики вообще ушли от подписания соглашения, вступили на путь сепаратных действий.

Определенные трудности возникли и с Россией. Конкретные проработки были согласованы. Соглашение подписали Хасбулатов и Силаев, наверняка оба сделали это с согласия Ельцина. Но тот вдруг начал отрекаться, объявил реформу не отвечающей интересам России. Вероятно, надоумил кто-то из советников. Так соглашение и вышло за подписями всех высших должностных лиц республик, только от России стояла подпись заместителя Председателя Верховного Совета.

Наконец 19 марта Кабинет министров принял решение, и в последующие дни были опубликованы обширные материалы по этому вопросу.

Каковы же итоги реформы цен, к которой так долго шли? Несколько нормализовался рынок. На прилавках магазинов, опустошенных в предшествующий период, появились мясо, молоко, кондитерские изделия, многие товары широкого потребления. Правда, эта стабилизация была хрупкой, неустойчивой. Тут надо иметь в виду, что центральное правительство уже не владело в должной степени экономической ситуацией, финансовыми рычагами, перешедшими в большей степени в руки республик. Так и не удалось установить сколько-нибудь действенного контроля и за безудержным ростом денежных доходов, равно как за использованием дохода, полученного от повышения цен.

Республики сорвали перечисление средств в фонд социальной поддержки населения, во внебюджетные фонды стабилизации экономики. Дело было не только в нежелании республиканских властей. Значительную часть этих средств предприятия и организации пустили на непредусмотренное повышение зарплаты. Начиналась самовольщина, грозившая обесценить любые попытки централизованного регулирования.

Надо сказать, что тогдашняя реформа не имела ничего общего с «шокотерапией». Сохранялись действующие цены на медикаменты, некоторые виды тканей, обуви, трикотажные изделия, игрушки, бензин, керосин, электроэнергию, газ, уголь, а также на водку. На боль-

шую группу основных товаров народного потребления были установлены предельные размеры повышения цен. Значительно расширен круг товаров, реализуемых населению по регулируемым розничным и договорным (свободным) ценам (к середине 1991 года на долю последних приходилось до 40 процентов товарооборота). Это облегчило в будущем переход к свободному ценообразованию. Страна могла бы избежать одноразового высвобождения цен, если бы последовательно проводились намеченные меры по финансовому и денежному оздоровлению.

Пожалуй, главный недостаток реформы ценообразования 1991 года связан с тем, что она разрабатывалась и осуществлялась как бы вне общего контекста экономических преобразований. Начали, провели как отдельное крупное мероприятие и занялись другими делами. Тут проявился образ мышления Павлова как премьер-министра. Он за многое брался, но действовал импульсивно, как бы вразброс, бессистемно. Поэтому я еще в феврале поставил вопрос о необходимости разработки правительством «программы минимум». Речь шла не о ревизии «Основных направлений», а о создании условий для ее выполнения. Фактически это должна была быть антикризисная программа. Об этом, в частности, шла речь на первом заседании Совета безопасности 27 марта 1991 года.

Читатель должен принять во внимание, что каждый шаг в экономике доставался к тому времени ценой огромных политических усилий. Буквально все на свете становилось предметом конкуренции, за которой стояла борьба за власть. Не обошла эта участь и экономическую реформу. Более того, она стала главным полем «боевых действий», развернутых радикалами.

22 апреля Павлов доложил на сессии Верховного Совета антикризисную программу и сделал это довольно удачно.

Не могу не поделиться одним своим наблюдением. Чем больше я углублялся в сопоставление экономических программ — союзной и российской, — тем больше убеждался, что в них немало общего. Это служило лишним доводом в пользу того, чтобы двинуться друг другу навстречу, отодвинув на второй план узкопартийные, узкополитические цели и тем более личные амбиции.

Опыт последних месяцев и недель показал, что конфронтационными методами, силовым давлением, ультиматумами проблем не решить. Они лишь усугубляют обстановку, увеличивают опасность распада страны, погружения ее в пучину междоусобной борьбы. На заседании Совета Федераций 8—9 апреля я подчеркнул, что сейчас нет ничего более важного, чем задача приостановить процесс распада. Тем самым подчеркивалась особая значимость антикризисной программы. Работа

над ней ускорила, особенно с началом Новоогаревского процесса^{*}. К ней активно подключились республики, и, несмотря на немалые трудности, работа была успешно завершена. 5 июля я, как Президент Союза ССР, ее утвердил, и она вышла в свет под названием «Программа совместных действий Кабинета министров СССР и правительств суверенных республик по выводу экономики страны из кризиса в условиях перехода к рынку».

Июньский «демарш»

На заключительном этапе работы над антикризисной программой разыгрался большой скандал в Верховном Совете СССР, спровоцированный безответственными действиями Павлова и «силовых» министров.

Павлов заявил, что у Кабинета министров нет прав безотлагательно и оперативно решать различные вопросы. Это относится к таким насущным проблемам, как уборка урожая. Это относится к формированию программы на 1992 год.

Премьер попросил предоставить правительству на 1991 год право законодательной инициативы и широкие полномочия. Оговорился, что предоставление таких полномочий не означает выхода Кабинета министров из-под контроля органов законодательной и президентской власти. Кабинет будет безотлагательно уведомлять о принятых решениях Верховный Совет СССР или Президента СССР.

Из зала посыпались вопросы. Депутаты стали допытываться: «Зачем вам такие полномочия, если ими располагает президент, под непосредственным руководством которого вы работаете?», «Выходите вы с этим предложением от Кабинета министров или это согласовано с президентом?», «Как относится президент к тому, что вы требуете эти полномочия, не продиктовано ли это вашими расхождениями с президентом?». Единственное, что можно было уловить, — это то, что вопрос о полномочиях Кабинета не новый, он раньше ставился премьер-министром, но на этот раз с президентом не обсуждался.

Страсти еще более накалились после выступления председателя планово-бюджетной комиссии Кучеренко, выдержанного в драматических, на грани паники, тонах. Этого как будто и ждали ястребы из группы «Союз». На трибуну один за другим стали подниматься Алкснис, Блохин, Коган, Чехоев, Сухов. Они почувствовали, что появилась воз-

^{*} 23 апреля 1991 года в Подмосковье, в Ново-Огарево, состоялась встреча Президента СССР и руководителей 9 республик (9+1), на которой была обсуждена сложившаяся к тому времени ситуация в стране. Участники встречи выступили с Заявлением, в котором изложили свои позиции по актуальным вопросам развития и высказались за немедленную разработку нового Союзного договора. Так было положено начало Новоогаревскому процессу.

возможность продолжить разыгрывание старой пластинки, которую недоиграли на осенней сессии Верховного Совета и Третьем съезде народных депутатов. Что можно поспекулировать на противопоставлении премьер-министра и президента, поддержать премьера, настроенного действовать самостоятельно и в более жестком ключе.

Подлило масла в огонь сомнительное замечание Лукьянова, что «надо отделить оперативно-распорядительную деятельность Кабинета министров от деятельности самого президента, его указов. В этом мы заинтересованы прежде всего, и это можно сделать в рамках тех полномочий, которые мы дали Президенту СССР». Тут был уже не намек, а прямое согласие с тем, что Верховный Совет вправе и уже вроде должен, откликаясь на обращение премьера, отобрать часть полномочий у президента.

Обсуждение не ограничилось экономическими проблемами, перекинулось в политическую плоскость. Блохин выступил с требованием заслушать руководителей министерств обороны, внутренних дел и КГБ, сославшись на то, что об этом была предварительная договоренность. Лукьянов поспешил заявить, что таких предложений не поступало, но, если есть вопросы, министры здесь и могут ответить. Договорились сделать это во второй половине дня на закрытом заседании Верховного Совета.

Но когда в 16 часов началось заседание, упомянутые министры стали выступать с развернутыми, хорошо подготовленными выступлениями, особенно Крючков. Именно тогда он запустил в оборот термин о так называемых «агентах влияния», навязчиво пугая депутатов массированным давлением со стороны западных спецслужб. Впрочем, без этой темы не обходилось ни одно выступление председателя КГБ.

А как чувствовало себя и действовало демократическое крыло? Радикалы в определенной мере испытывали наслаждение от того, что президента вновь прижимают и хлещут. Большинство из них предпочли отмолчаться. Все же некоторые, хоть и робко, выступили против предоставления дополнительных полномочий премьеру. Более четкую позицию заняли Рябченко, Лубенченко, Юдин.

Демократы зашевелились, а их лидеры пришли в движение лишь после того, как на заседании выступили силовые министры.

Только два года спустя после этих событий из статьи, опубликованной Гавриилом Поповым, стало известно о его срочной встрече с американским послом Мэтлоком и передаче через него (вроде бы для Ельцина, находившегося в то время в США) информации о начавшемся заговоре реакционных сил в Москве. Причем с явным намеком, что эти события происходят с ведома и, больше того, чуть ли не по сценарию и под руководством самого Горбачева. Конечно же, эта информация предназначена была прежде всего для Буша, который, по мнению Попова, и предотвратил тогда этот заговор.

На том злополучном заседании Верховного Совета 17 июня меня не было. Я не придавал особого значения докладу премьера и не был информирован о его намерении поставить вопрос о дополнительных полномочиях для Кабинета. С утра я участвовал в работе Учредительного съезда Крестьянского союза, во второй половине дня проводил заседание Подготовительного комитета, на котором предполагалось подписание проекта Союзного договора для передачи его в Верховный Совет СССР и Верховные Советы республик. Об этом у меня был накануне разговор с Лукьяновым, и он передал его содержание депутатам, сказав, что в ближайшие дни Горбачев найдет время побывать на сессии Верховного Совета.

Вечером у меня состоялся крутой разговор с Янаевым, Павловым и Лукьяновым по поводу каши, которую они заварили. Павлов признал ошибку, объясняя свое поведение тем, что, дескать, вопросы эти не новые, он не раз их поднимал в разговоре со мной. Объяснял это и тем, что взвинчен развалом экономики, бюджета, налоговой системы, что все ускользает из рук. Хотя сам в докладе уверял, что правительство контролирует положение и в экономике, и в обществе.

Обратил я внимание и Янаева на его пассивность на Верховном Совете. К сожалению, не смог тогда что-то конкретно сказать Лукьянову, поскольку не был знаком с нюансами его замечаний и высказываний. Только последующее внимательное ознакомление со стенограммой сделало для меня ясным, что он вел двойную игру. В общем, надо было как-то погасить разгоревшийся скандал.

21 июня, когда Верховный Совет собрался на очередное заседание, я выступил с разъяснением. Премьер выглядел не лучшим образом, но я не хотел обострять ситуацию. Не оправдывал его демарша, но и не ставил вопрос о каких-то санкциях.

Как же все-таки оценить то, что произошло в Верховном Совете СССР между 11 и 21 июня? Это, конечно же, была новая атака на президента и его политику со стороны реваншистских сил. Ясно и то, что Лукьянов сочувствовал «союзникам», по сути дела, поощрял их нападки на президентскую политику. По всему чувствовалось, что выступления и тактика действий последних были скоординированы и продуманы.

Атака реваншистов была отбита. Но вся эта история обострила ситуацию в стране.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия (5)

К читателю (9)

Часть I

КТО Я И ОТКУДА (13)

Глава 1. Избрание секретарем ЦК (15)

1978 год, 27 ноября (15). Трапеза с неожиданным концом (15). Многозначительное напутствие (16). Почему выбор пал на меня? (17). Андроповский «фактор» (22). Разговор с Брежневым (27). Правила игры (29).

Глава 2. Ставрополь — Москва — Ставрополь (31)

Истоки (32). Прошлое во мне (33). Родина (34). Семейные корни (37). Большие чистки 1937—1938 гг. (38). Война (42). Возвращение в школу (51). Рядом с отцом (53).

Глава 3. Московский университет (59)

Зачислен с общежитием (59). Любопытство и самолюбие (61). Смерть Сталина (65). «Оттепель» (66). Встреча (67). Студенческая свадьба (71). Что впереди? (73).

Глава 4. Проба сил (77)

Провинциальный город (77). Разрыв с прокуратурой (79). В комсомоле (80). XX съезд КПСС (83). Тяжесть ответственности возрастает (86). Ирина (88). Новое назначение (89). Соприкосновение с «верхами» (90). На XXII съезде КПСС (93). Драма Хрущева (94).

Глава 5. Начало партийной карьеры (99)

Кулаков в Ставрополе (99). Моя «сверхзадача» (101). Очередной опальный (106). Секретарь Ставропольского горкома (109). Аппаратные игры (112). Второй секретарь (114). Поражение реформаторов (117).

Глава 6. Испытание властью (121)

Феномен особого рода (121). Планы развития края (124). Дать шанс (135). В секретарском корпусе (138). В условиях командной экономики (142). Поездки по стране (145). Андропов, Косыгин, Кулаков (147). Острая схватка (153). Как живут в других странах (155). Переживания, раздумья (168). Прощай, Ставрополье (170).

Глава 7. На Старой площади (176)

Новый, непривычный мир (176). Политбюро и Генеральный секретарь (177). Брежневские времена (181). Вопросы, вопросы...(183) Стычки с Косыгиным (186). Жизнь в столице (188). Афганская война и Продовольственная программа (191). Дворцовые игры (201). Андропов — Черненко: перетягивание каната (213). Смерть Брежнева (218).

Глава 8. Андропов: новый Генеральный секретарь действует (223)

«Поживешь с мое, поймешь»(234). Доклад о Ленине (235). Поездка в Канаду (237). Рождение внучки (239). Расставание с Андроповым (241). Черненко: больной человек во главе державы (248). Эффект Горбачева (252). Смерть Черненко (262). Так дальше жить нельзя (265).

Часть II

В КРЕМЛЕ (273)

Глава 9. Генеральный секретарь (275)

«Рукописи не горят»(275). Вне рамок аппарата (277). Апрельский Пленум (279). По городам и весям (281). «Кадры решают все» (286). XXVII съезд КПСС (292). Чернобыль (299). «Решения съезда — в жизнь» (304). Январский Пленум 1987 года (310). Иссык-Кульский форум (312).

Глава 10. Больше света: гласность (314)

Сложное наследие (314). Первые шаги (315). Закрытые зоны (318). Гласность и экология (320). «Дети Арбата» и другие прорывы (322). Факторы торможения (323). Пресса выходит из-под контроля (324). Поляризация общественного мнения (326). Гласность и интеллигенция (328).

Глава 11. Хозяйственная реформа: первая попытка (334)

Прелюдия реформы (334). Выбор направления (336). Антиалкогольная кампания: благородный замысел, плачевный итог (338). На подступах к реформе (342). Муки рождения (346). Противоречия нарастают (351). Дискуссия на Пленуме (355). Позиционная борьба вокруг реформы (359). Дискуссия о ценах (361).

Глава 12. Решающий шаг (364)

Кредо перестройки (364). Неюбилейный доклад к юбилею (365). Дело Ельцина (369). Февральский Пленум (376). Кредо антиперестроечных

сил (381). На пути к партийной конференции (387). XIX партийная конференция (391). «И пусть нам общим памятником будет...» (396).

Глава 13. Дела и раздумья (400)

Что такое отпуск Генерального секретаря (400). Красноярские впечатления (404). Реорганизация аппарата ЦК (407). Работа все лечит (410). Начало положено (411). Думы мои, думы... (413) Семья (415). Жена генсека (418).

Глава 14. Политическая реформа (423)

Выборы (423). Авангард откатывается в арьергард (430). Рождение парламента (435). Новшества (441). Два классика: Леонов и Сахаров (444). Партия в раздумьях (450). Первые баталии в Верховном Совете (454). Шахтеры и большая политика (460). Советы (463).

Глава 15. Власть перемещается со Старой площади в Кремль (468)

Законодательные будни (468). О представительстве общественных организаций (473). «Сахаров и ему подобные» (474). Эта пресловутая 6-я статья (478). Первый Президент СССР (483). Огрехи новой структуры (490).

Глава 16. Национальная политика: трудный поиск (492)

Глубокие корни (492). Национальное брожение (496). Карабахский взрыв (502). Прибалтика... и другие (510). Запоздавший Пленум (517). Россия открывает «парад суверенитетов» (520).

Глава 17. Партия и перестройка (526)

КПСС начала реформы (526). Второе пришествие РКП (530). Разногласия нарастают (539). Обновленному обществу — обновленная партия (544). С открытым забралом (548). Политическая драма в трех актах (557).

Глава 18. Как войти в рынок (564)

Что было до «500 дней» (565). «Явление Явлинского народу...» (571). Попытка синтеза (578). Экономика — заложница политики? (583) Кабинет Павлова (588). Июньский «демарш»... (592).

Горбачев М.С.

Г 67 Жизнь и реформы. — В двух книгах. — Кн. 1. — М.:
АО „Издательство «Новости»“, 1995. — 600 с.

ISBN 5-7020-0953-3

В первой книге своих мемуаров последний Президент СССР рисует эмоциональную, насыщенную уникальными фактами и откровениями, яркими эпизодами и диалогами картину своего пути к вершине власти. Становятся понятными истоки политического выбора «архитектора перестройки», критически анализируется ход реформ и их влияние на развитие ситуации в стране, постперестроечные реалии которой автор оценивает как драму.

Впервые в таком объеме и с такой степенью доверительности Михаил Горбачев рассказывает о своей частной жизни, о своих родных и близких ему людях.

Г 0803010000 Без объявл.
067 (02)-95

ББК 66.3

Михаил ГОРБАЧЕВ
ЖИЗНЬ И РЕФОРМЫ

Книга I

Заведующий редакцией *С. А. Максимов*
Художественный редактор *В. В. Анохин*
Технический редактор *Н. А. Федорова*
Корректор *Н. П. Сидорина*
Технологи *В. И. Руденко, В. Ф. Егорова*

ИБ №11027

ЛР № 040676 от 28 февраля 1994 г.

Сдано в набор 31.03.95 г. Подписано в печать 9.08.95 г.
Формат издания 70x100/16. Гарнитура Латинская.
Усл. печ. л. 52,65. Уч.-изд. л. 49,64.
Тираж 30000 экз. Заказ № 403. Изд. № 9379.

АО „Издательство «Новости»“
107082, Москва, ул. Б. Почтовая, 7.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5

